

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1868

№ 5 М А Й

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Браверскаго (Литейная, № 38)

I. — ПѢСНЯ О ГАЙАВАТѢ. Поэма Лонгфелло. (Примѣчаніе переводчика. Прологъ.—I. Трубка мира.—II. Дѣтство Гайаваты). Д. Л. Михаловскаго	1
II. — ОЧЕРКЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. (<i>Статья первая</i>). С. В. Ешевскаго	17
III — ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ МОЛОДОЙ ФРАНЦУЖЕНКИ. (<i>Gustave Droz. Le cahier bleu de m-lle Cibot. 1868</i>). I — V	59
IV. — ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО. (По Миллю). (<i>Окончаніе</i>). В. Покровскаго	105
V. — ЖИВАЯ ДУША. Романъ. Часть четвертая и послѣдняя. Марка Вовчка	147
VI — РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ. (Періодъ первый. 1816 — 1830. I. Германія, Австрія и Пруссія.—II. Италія. Волненія въ Неаполѣ и Пьемонтѣ. Конгрессъ въ Троппау и Лайбахѣ). В. П.	231
VII. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Романъ Джемса Гринвуда (продолженіе).	161—208

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

VIII. — ОЧЕРКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ. I. Женева. Е. Д.	1
IX. — КРИТИКА. — ОБЗОРЪ РУКОВОДСТВЪ И КНИГЪ ДЛЯ ОБЩАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Вступленіе. I. Сочиненія по естественной исторіи. — а. Учебныя руководства. а) для младшаго возраста. б) для средняго и старшаго возраста. (Руководства по зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, минералогіи и физиологіи). — в. Пособія для изученія естествознанія. В. Водовозова	14
X. — НОВЫЯ КНИГИ. Въ Сумерахъ. Д. Д. Минаева. — Лекціи о душевныхъ болѣзняхъ, д-ра У. Сенкея. — Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями. Соч. Артура Манжеса — Земледѣльческая химія Роберта Гофманна, съ дополн.	

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЪХХVІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Крайноваго (Литойная № 98).

1868.

C-111222-173

ПѢСНЯ О ГАЙАВАТѢ.

ПОЭМА ЛОНГФЕЛЛО.

ПРИМѢЧАНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Генри Лонгфелло, родившійся въ 1807 г., принадлежитъ къ числу первора-
рядныхъ американскихъ поэтовъ нашего времени и пользуется большою въ-
вѣстностью какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Онъ писалъ въ драматиче-
скомъ, лирическомъ и эпическомъ родахъ. Драматическіе опыты его слабы,
но многія лирическія его стихотворенія превосходны. Нѣкоторые изъ нихъ
переведены на русскій языкъ и печатались въ нашихъ журналахъ, наприм.
«Пѣсни о невольничествѣ» Excelsior и др. Изъ эпическихъ его произведеній
самый громаднѣйшій успѣхъ имѣла изданная въ 1855 г. «Пѣсня о Гайаватѣ»: въ
теченіе полугода разошлось въ Америкѣ 80 изданій этой поэмы, которую
можно назвать индѣйскою эдой. Она основана на существующемъ между сѣ-
веро-американскими индѣйцами преданіи о человѣкѣ чудеснаго происхожденія,
который былъ посланъ къ нимъ съ неба, чтобы воздѣлать пустыни и научить
дикарей мирнымъ искусствамъ. У разныхъ индѣйскихъ племенъ онъ извѣстенъ
подъ различными именами: Мичабу, Чайабо, Манабозо, Терніаважъ и Гай-
авата. Гайавата значитъ пророкъ, учитель. Легенда о немъ въ томъ видѣ,
какъ она существуетъ у ирокезовъ, изложена у Скьюлкрѣфта въ его книгѣ
подъ названіемъ: «Прошедшее, настоящее и будущее индѣйскихъ племенъ въ
Соединенныхъ Штатахъ» (History, Condition and Prospects of the Indian
Tribes of the United States) и записана съ устныхъ рассказовъ одного индѣй-
скаго вождя. Къ этому старому преданію Лонгфелло присоединилъ и другія
индѣйскія легенды, заимствованныя большею частію изъ сочиненія Скьюлкрѣфта,
неумолимымъ трудомъ котораго литературный міръ обязанъ многими языка-
ными о легендарномъ эпосѣ индѣйцевъ. Мѣсто дѣйствія — страна, населенная
племенемъ оджибузевъ, на южномъ берегу Верхняго овера (Гурона) между
живописными скалами и большою песчанною пустыней.

Я задумалъ перевести на русскій языкъ, размѣромъ подлинника, нѣсколько
главъ этой поэмы, наиболѣе характерныхъ или же необходимыхъ для дѣльнаго
представленія объ идеѣ этой поэмы, общая связь которой прерывается иногда
различными эпизодами. Прологъ и 1-я глава поэмы были уже помѣщены въ
1866 году въ журналѣ, нынѣ несуществующемъ, но я считъ нелишнимъ на-
печатать ихъ вновь, какъ для большей дѣльности впечатлѣнія, такъ и потому
что если не всѣ, то многіе изъ читателей «Отечественныхъ Записокъ» вѣ-
роятно не помнятъ этихъ главъ или вовсе не читали ихъ. Независимо отъ
интереса, возбуждаемаго смутными преданіями первобытнаго народа, тѣсни-
маго со всѣхъ сторонъ нашимъ предприимчивой цивилизаціи, я соблазнился

свѣжестью этой дѣственной поэзіи, прелестью стиха и вмѣстѣ простотою разсказа, которымъ такъ удачно воспроизводится —

Этотъ лепетъ, говорящій
Такъ наввно, такъ подѣтски,
Что едва мы различаемъ —
Пѣсня это или говоръ.

И это побудило меня къ переводу.

Въ своемъ разсказѣ Лонгфелло не гонится за красивой фразой; онъ часто дѣлаетъ однообразныя повторенія, и это даетъ его повѣствованію тонъ простодушія и безыскусственности; желая сохранить мѣстный колоритъ, онъ всѣ сравненія свои беретъ изъ окружающей дикаго индіеца природы и изъ его жизни и вставляетъ въ свои стихи индіискія названія звѣрей, рыбъ, птицъ, время года, вѣтровъ и проч., тутъ же переводя ихъ. Послѣ этой оговорки, надѣюсь, мнѣ не будетъ надобности пестрить страницы моего перевода безпрестанными примѣчаніями; читатель, встрѣтивъ русское названіе какого-либо предмета рядомъ съ индіискимъ, легко пойметъ, что одно слово есть переводъ другаго. Тѣмъ не менѣе по мѣстамъ примѣчанія будутъ необходимы, и нѣкоторыя изъ нихъ мы считаемъ необходимыми сдѣлать теперь же; остальные будемъ помѣщать предъ каждою главою по мѣрѣ надобности.

Гитчи-Манито — Великій Духъ (Гитчи — Великій или Вольшой, Манито — Духъ), Владыка Жизни.

Ижуда, комета, огонь.

Трубка Мира. Между индіецами существуетъ преданіе о чудесномъ происхожденіи красной трубки, дымъ которой подавалъ сигналъ къ войнѣ и миру, распространяясь до самыхъ крайнихъ предѣловъ материка, возбуждая каждаго вонна къ подвигамъ и неся съ собою ненарушимую клятву войны и разрушенія. Мѣсто ея происхожденія — горы большой Равнины (Côteau des Prairies). Сюда, какъ говоритъ преданіе, Великій Духъ созвалъ вѣкогда индіискіе народы, и ставъ на глыбѣ утеса изъ краснаго камня надъ пропастью, оторвалъ отъ него кусокъ, сдѣлавъ изъ этого куска огромную трубку, дымъ отъ которой распространился на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Онъ сказалъ имъ, что это ихъ плоть, что изъ этого камня они должны сдѣлать себѣ трубки мира, и что съ этихъ поръ палицы и ножи для скальпированія должны исчезнуть съ ихъ земли. Съ послѣднимъ глубомъ дыма изъ трубки Великій Духъ исчезъ въ облакъ.

Нокомисъ — бабка, мать Веноны.

Венона — старшая, первородная изъ дочерей.

Мѣджикомисъ — западный вѣтеръ, отецъ всѣхъ вѣтровъ. Востокъ, сѣверъ и югъ онъ отдалъ во владѣніе своимъ сыновьямъ, западъ же оставилъ себѣ. Онъ же и отецъ Гайаваты. Легенда о четырехъ вѣтрахъ составляетъ въ поэмі Лонгфелло особую главу, нами пропущенную.

Ваноминъ, ватоминъ! Увы! крикъ горя и жалобы.

Гитчи-юми — Большое море (Верхнее озеро).

Эта — ия! колыбельный припѣвъ — тоже, что наше баюшки-баю.

Минни-узуэ — шумъ вѣтра между деревьями.

Мед-уэй-ошка, звукоподражательное названіе плеска волнъ о берегъ.

Опечи — реполовъ — птица съ красными перьями на груди, изъ породы дровозовъ.

Овейса — синія птичка изъ рода motacilla.

Ачу — большой хвостунъ и разсказчикъ.

Мъслизъ мистегъ — май.

Мондаминъ — мансъ, кукуруза.

Прологъ.

Вы хотите знать — откуда
 Эти пѣсни и преданья,
 Отъ которыхъ вѣсть лѣсомъ
 И луговъ росистыхъ влагой?
 Вы хотите знать — откуда
 Эти странныя легенды,
 Гдѣ вамъ чудится порою
 Дымъ синѣющій вигвамовъ
 И стремленье рѣкъ великихъ,
 Съ ихъ немолчнымъ, дикимъ плескомъ,
 Раздающимся въ пустынѣ
 Точно громъ въ ущельяхъ горныхъ?
 Я отвѣчу, я скажу вамъ:
 «Отъ лѣсовъ, озеръ великихъ,
 Отъ степей страны полночной,
 Отъ земли оджибуэевъ,
 Отъ пустынныхъ странъ дакотовъ,
 Съ горъ и тундръ, съ низинъ болотныхъ,
 Гдѣ шух-шух-га съ длиннымъ носомъ
 Въ тростникахъ находятъ пищу.
 Эти дикія легенды
 И преданья повторяю
 Точно такъ, какъ самъ ихъ слышалъ
 Съ устъ индѣйца Навадага —
 И пѣвца и музыканта».

Если спросите — откуда
 Почерпнулъ ихъ Навадага, —
 Я отвѣчу, я скажу вамъ:
 «Онъ нашелъ ихъ въ птичьихъ гнѣздахъ,
 Надъ водой въ бобровыхъ норкахъ,
 Тамъ, гдѣ ходитъ дикій буйволъ,
 Гдѣ орелъ въ скалахъ гнѣздится!
 Птицы дикія ихъ пѣли
 На низинахъ и болотахъ,
 Читовѣкъ-зубѣкъ тамъ пѣлъ ихъ,
 Мангъ Ныровъ, гусь дикій вава,
 Цапля синяя шух-шух-га
 И тетерка мушкодава!»

Если больше знать хотите:
 Кто такой былъ Навадага, —

Я сейчас же вамъ отвѣчу
 На вопросъ таимъ разговоромъ:
 «Средь равнины Тавазента
 Въ глубинѣ долины тихой
 Близъ смѣющихся каналовъ
 Жилъ индеецъ Навадага.
 Вкругъ индійской деревушки
 Шли поля, луга и нивы,
 Дальше — лѣсъ стоялъ сосновый
 Лѣтомъ весь въ зеленыхъ пглахъ,
 А зимой — подъ бѣлымъ снѣгомъ.
 Эти сосны вѣковны
 Вѣчно пѣли и вздыхали.
 Тѣ каналы можно было
 Видѣть издали въ долинѣ
 По стремительному бѣгу —
 Въ дни весенняго разлива;
 По ольхамъ вѣтвистымъ — лѣтомъ;
 И по бѣлому туману.
 Надъ водой — порой осенней,
 А зимой — по черной лентѣ,
 Уходящей въ глубь долины.
 Тамъ онъ пѣлъ о Гайаватѣ,
 Объ его рожденнѣ чудномъ
 И о томъ — какъ онъ работалъ,
 Жилъ, страдалъ, терпѣлъ, трудился,
 Чтобы въ мирѣ и весельи
 Благоденствовали люди,
 Чтобы народъ его былъ счастливъ!»

Вы, кто любите природу,
 Мураву при блескѣ солнца,
 Тѣнь лѣсовъ и шоноть вѣтра
 Межъ зелеными вѣтвями,
 И мятель, и шумный ливень,
 И стремленье рѣкъ великихъ
 Въ берегахъ, покрытыхъ лѣсомъ,
 По горамъ раскаты грома
 Въ безконечныхъ отголоскахъ, —
 Васъ прошу теперь послушать
 Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, кто любите баллады
 И народныя преданья,

Чтò звучать намъ издалёка,
 Насъ маня внимать и слушать, —
 Этотъ лепеть, говорящій
 Такъ наивно, такъ по дѣтски,
 Что едва мы различаемъ
 Пѣсна это, или говоръ, —
 Васъ прошу теперь послушать
 Я индійскую легенду,
 Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, въ чьемъ сердцѣ сохранилась
 Вѣра въ Бога и въ Природу,
 Сохранилось убѣжденье,
 Что во всѣ вѣка, повсюду
 Человѣкъ былъ человѣкомъ,
 Что и въ самой дикой груди
 Есть желанья и стремленья
 И тоскливые порывы
 Къ непостигнутому благу,
 Что безпомощныя руки
 Шаря ощупью, во мракѣ,
 Руку Божию находятъ,
 Выводящую ихъ къ свѣту, —
 Васъ прошу теперь послушать
 Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, которые порою,
 По околицамъ блуждая, —
 Тамъ, гдѣ кисти барбариса
 Перегнулись красиво
 Черезъ каменную стѣну,
 Посѣдѣвшую отъ моха, —
 На запущенномъ кладбищѣ
 Разбираете въ раздумьи
 Полустершуюся надпись,
 Сочиненную нескладно,
 Но въ которой, въ каждомъ словѣ,
 Дышетъ свѣтлая надежда,
 Виѣсть съ жгучей болью сердца, —
 Прочитайте эту надпись, —
 Надпись грубую, простую,
 Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

I. ТРУБКА МИРА.

Гитчи Мѣнито могучій,
 Съ облаковъ сойда на землю,
 По горамъ Большой Разнины, —
 Сталь на глыбѣ красныхъ камней,
 Оторвавшейся отъ кража,
 И сзывалъ онъ всѣ народы,
 Племена людей на сходку.
 Отъ слѣдовъ его бѣжала
 Рѣчка, въ яркомъ блескѣ утра,
 И сіяла, какъ Ишеуда
 Съ высоты, срываясь въ бездну.
 И Великій Духъ, склонившись
 Ей перстомъ своимъ назначилъ
 Путь излучистый въ долину,
 Говоря: «вотъ здѣсь бѣги ты!»
 И отъ краснаго утеса
 Оторвавъ одинъ обломокъ,
 Изъ него слѣпилъ онъ трубку
 И фигурами украсилъ.
 Съ камышей тростину выбралъ,
 Къ трубкѣ онъ ее приладилъ,
 И наполнилъ эту трубку
 Онъ корою красной ивы;
 И дохнулъ на лѣсъ сосѣдній:
 Деревя столкнулись вмѣстѣ
 И отъ тренья загорѣлись.
 На огнѣ томъ закурилъ онъ,
 Гитче Мѣнито могучій,
 Эту трубку, Трубку Мира,
 Знакъ народамъ подавая.

Дымъ взвивался тихо, тихо,
 Прежде — тонкой темной струйкой,
 Послѣ — шире, синимъ паромъ,
 Дальше — тучей бѣлоснѣжной,
 Поднимаясь выше, выше;
 Наконецъ — уперся въ небо,
 Въ ширь, влубь, распространился,
 И объялъ весь сводъ небесный.
 Отъ равнины Тавазента,
 Отъ долины Вайоминга

И отъ рощей Тускулузы
 Отъ Свалистыхъ горъ даленихъ
 Всѣ народы увидали
 Тотъ сигналъ Владыки Жизни,
 Этотъ дымъ, всходившій къ небу,
 Дымъ Покваны, Трубки Мира.
 И народныя пророки
 Говорили: «вонъ Поквана!
 Этимъ дымомъ отдаленнымъ,
 Что колеблется какъ ива,
 Гитче Маниито могучій
 Созываетъ всѣ народы,
 Всѣхъ бойцовъ на совѣщанье!»

Вдоль потоковъ, по долинамъ,
 Шли бойцы отъ всѣхъ народовъ:
 Делаверы и могоки,
 И чоктосы и каманчи,
 Черноногіе и поны,
 И шоншоны и омоги,
 И манданы и даготы,
 Оджибвеи и гуроны, —
 И сошлись отовсюду
 По сигналу Трубки Мира
 Къ цѣпи горъ Большой Равнины,
 Къ глыбѣ Краснаго Утеса.
 На дугу они стояли,
 Въ боевомъ своемъ нарядѣ,
 Всѣ раскрашенные, точно
 Листья осенью багряной,
 Всѣ росписанные, точно
 Небо утренней зарею,
 Дико глядя другъ на друга.
 Въ ихъ очахъ былъ дерзкій вызовъ,
 Въ сердцѣ — распря вѣковая
 И наследственная злоба
 Съ ненасытной жаждой мести.

Гитчи Маниито могучій,
 Сотворившій всѣ народы,
 Посмотрѣлъ на нихъ съ участиемъ
 И съ отеческой любовью.
 Онъ взглянулъ на ихъ раздоры,
 Несогласія и злобу,

Какъ на распри, гнѣвъ и ссоры
 Неразумныхъ ребятишекъ.
 Онъ простеръ надъ ними руку,
 Чтобъ смягчить ихъ нравъ упрямый,
 Утушить ихъ жаръ и жажду
 Тѣнью собственной десницы.
 И величественнымъ гласомъ,
 Раздававшимся въ пустынѣ
 Точно грохотъ водопадовъ,
 Низвергающихся въ бездну,
 Говорить онъ съ ними началъ,
 Ихъ браня, остерегая:

«Дѣти, бѣдныя вы дѣти!
 Слову мудрости внемлите,
 Слову предостереженья
 Отъ меня, Большаго Духа,
 Отъ меня, Владыки Жизни,
 Отъ меня, кто всѣхъ васъ создалъ!
 Все я далъ вамъ, что вамъ нужно:
 Далъ вамъ земли, для охоты,
 Рѣки далъ, для рыбной ловли,
 Далъ вамъ буйвола, медвѣдя,
 Далъ бобра, оленя, гуся,
 Камыши наполнилъ дичью,
 Воды — рыбой въ изобильи, —
 Такъ чего жъ еще вамъ надо?
 И зачѣмъ, въ жестокихъ распряхъ,
 Злобно травите другъ друга?
 Я усталъ отъ вашихъ споровъ,
 Вашихъ войнъ кровопролитныхъ,
 И молитвъ докучныхъ вашихъ
 Все о мести, да о мести.
 Ваша сила вся въ союзѣ,
 Ваша гибель — вся въ раздорѣ:
 Бросьте жъ распри и живите
 Вы по братски межъ собою!
 И пошлю я вамъ пророка,
 Избавителя народовъ.
 Онъ наставитъ васъ, научитъ,
 Будетъ онъ страдать, работать
 И трудиться вмѣстѣ съ вами.
 Если вы его совѣтовъ

Слушать станете, то родъ вашъ
 Будеть цвѣсть и размножаться,
 Если жь нѣтъ — то вашъ упадокъ,
 Ваша гибель неизбѣжны!
 Окунитесь въ эту рѣку,
 Смойте съ лицъ вы краски брани,
 Съ вашихъ пальцевъ — пятна крови,
 Закопайте тутъ же въ землю
 Ваши палицы и луки,
 И изъ этихъ красныхъ камней
 Сдѣлайте себѣ вы трубки;
 Изъ тростинъ, близъ васъ растущихъ,
 Чубуки, убравъ ихъ въ перья;
 Закурите дружно вмѣстѣ
 Эти трубки, трубки мира
 И отнынѣ точно братья
 Вы живите межъ собою!»

Сбросивъ всѣ свои одежды
 И военные доспѣхи,
 Всѣ бойцы тогда прыгнули
 Въ волны шумнаго потока.
 Выше ихъ вода бѣжала
 Свѣтлой, чистою струею,
 Отъ слѣдовъ Владыки Жизни,
 Ниже — воды были мутны,
 Въ полосахъ и пятнахъ красныхъ,
 Точно смѣшанныя съ кровью.
 Вышли воины изъ рѣчки,
 Чисты, смывши краски брани,
 И у берега рѣчнаго
 Закопали тотчасъ въ землю
 Всѣ доспѣхи боевые.
 И дѣтей своихъ увидѣвъ
 Безоружными, Создатель,
 Гитчи-Манито могучій
 Улыбнулся имъ съ любовью.
 И всѣ воины въ молчаньи
 Сдѣлавъ трубки, выбравъ трости,
 И убравъ ихъ ярко въ перья,
 Воротились восвояси.
 А Владыка Жизни началъ
 Подниматься снова къ небу,

Съвозъ раздавшіяся тучи,
И исчезъ предъ ихъ глазами,
Окруженъ волнами дыма
Отъ Повваны, Трубки Мира.

II. Дѣтство Гайаваты.

Ужъ давно-давно случилось,
Въ незапамятные вѣки,
Что прекрасная Нокомисъ,
Въ сумракъ вечера, упала
Прямо съ мѣсяца на землю.
Тамъ она, толпой прислужницъ
Окруженная, рѣзвилась,
И качалася на гибкихъ
Тонкихъ вѣтвяхъ виноградныхъ.
А соперница Нокомисъ,
Злобной ревностью пылая,
Подрубила эти вѣтки —
И Нокомисъ вдругъ, въ испугъ,
Полетѣла внизъ на землю,
И упала на Мускодэ,
На цвѣтущій лугъ изъ лилій.
«Посмотрите, посмотрите:
Вонъ звѣзда валится съ неба!
Посмотрите, посмотрите:
Съ неба звѣздочка упала!»
Говорилъ народъ, дивуясь.

Тамъ межъ травъ и мховъ душистыхъ,
Среди цвѣтущихъ лилій,
На лугу, при свѣтѣ лунномъ,
При мерцаньи звѣздъ небесныхъ,
У Нокомисъ дочь родилась.
И она ея Веною
Назвала, — перворожденной.
Дочь Нокомисъ выросла,
И была она подобна
Нѣжнымъ лиліямъ Мускодэ,
Высока, стройна, прекрасна,
И глаза ея сіяли
Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ.

Часто мать ей говорила,
 Безпрестанно повторяла:
 «Берегись, остерегайся
 Вѣтра западнаго, дочка!
 Мѣджеквивиса не слушай,
 Не ложись на дернѣ луга,
 Не склоняйся надъ цвѣтами,
 Чтобъ вреда тебѣ и горя
 Не надѣлалъ Мѣджеквивисъ!»
 Но она остереженьямъ
 Не внимала, не хотѣла
 Слушать словъ благоразумныхъ,
 И однажды Мѣджеквивисъ,
 Вѣтеръ западный, порхая
 Въ сумракъ вечера надъ лугомъ,
 Шевеля цвѣты и листья,
 Наклоня стебли лилій,
 Тамъ лежавшую Венону
 Увидаль, — и началъ къ ней онъ
 Съ нѣжнымъ шопотомъ ласкаться.
 Онъ ласкалъ ее, и нѣжилъ,
 И слова любви шепталъ ей,
 И отъ ласкъ его родился
 У Веноны Гайавата.

Такъ родился Гайавата,
 Этотъ сынъ чудесъ и горя;
 А прекрасная Венона
 Отъ отчаянья и скорби
 Умерла: ее оставилъ
 Этотъ хитрый и коварный,
 Безсердечный Мѣджеквивисъ.
 Долго, громко, неутѣшно
 Мать оплакивала дочку,
 И вопила съ причитаньемъ:
 «О, зачѣмъ не умерла я,
 Такъ какъ ты, моя Венона!
 О, когда бы умереть мнѣ!
 Не томилась бы я больше,
 Не рыдала бы отъ горя,
 Вагономинъ, вагономинъ!»

На побережьѣ Гитчи-Гюми,
 При водахъ большаго моря,

Тамъ стоялъ вигвамъ Нокомисъ,
 Дочери луны Нокомисъ.
 Позади былъ лѣсъ дремучій,
 Лѣсъ изъ темныхъ, мрачныхъ сосенъ
 И изъ елей, впереди же
 Необъятною равниной
 Разстиралось и сіяло
 Въ блескѣ солнца Гитчи Гюми.

Тамъ морщинистая бабка
 Воспитала Гайавату,
 Въ люлькѣ липовой качая
 Своего малютку-внука,
 Въ люлькѣ, жилами оменя
 Перевязанной и мягко
 Устланной травой и мохомъ;
 И тоскливый плачь ребенка
 Унимала, угрожалъ:
 «Тише, тише, Гайавата!
 Вотъ медвѣдь тебя утащить!»
 Убаюкивала крошку,
 Напѣвая потихоньку:
 «Эу-йя, мой совѣнокъ!
 Кто тамъ свѣтитъ надъ вигвамомъ?
 Чьи это глаза большіе
 Что вигвамъ нашъ освѣщаютъ?
 Эу-йя, мой совѣнокъ!»

Многому его Нокомисъ
 Научила: рассказала
 О звѣздахъ, сіявшихъ въ небѣ,
 И Ишкуду показала, —
 Эту яркую комету
 Съ искромѣтными косами, —
 Показала пляску дѣховъ,
 Воиновъ въ свѣтащихъ перьяхъ
 Съ палицами боевыми
 Въ небѣ сѣвера далекомъ
 Въ ночи зимнія блиставшихъ;
 И—широкую дорогу —
 Бѣлый путь на звѣздномъ небѣ,
 Черезъ все идущій небо,
 Путь тѣней и привидѣній,
 Ихъ безчисленной толпою

Отъ конца въ конецъ покрытый.
 Вечерами у порога
 Часто сиживаль малютка,
 Слушалъ шопоть темныхъ сосенъ,
 Слушалъ плескъ воды о берегъ—
 Звуки музыки чудесной
 И таинственныя рѣчи—
 «Минни-уэ-уэ!» пѣли сосны
 «Мэд-уэй-ошеа!» пѣли волны.

Видѣлъ огненную мушву
 Ва-ва-тэйзи, что поркала
 Въ тѣмѣ вечерней и меркала
 Точно свѣчка надъ густами;
 И ребенокъ пѣлъ ей пѣсню,
 Что онъ переналь у бабки:
 «Ва-ва-тэйзи, крошка-мушка,
 Бѣлый, свѣтлый огонечекъ,
 Ты порхунья-попрыгунья!
 Посвѣти мнѣ, свѣтиль-душка
 Ты своей малюткой свѣчкой,
 Прежде, чѣмъ въ постель я лягу,
 Прежде, чѣмъ засну я на ночь!»

Видѣлъ мѣсяцъ, выходившій
 Изъ воды свѣтящимъ шаромъ,
 И на немъ замѣтивъ пятна,
 Тѣни странныя, тихонько
 Онъ шепталъ: «что тамъ, Нокомись?»
 А Нокомись отвѣчала:
 «Разъ одинъ суровый воинъ,
 На свою родную бабу
 Разсердась, схватилъ старуху—
 И швырнулъ ее на мѣсяцъ,
 Прямо такъ-таки на мѣсяцъ:
 Тамъ ее ты тѣло видишь».
 Видѣлъ радугу на небѣ
 И шепталъ: «что тамъ, Нокомись?»
 А Нокомись отвѣчала:
 «Это—небо для цвѣточковъ:
 Всѣ цвѣты лѣсовъ тѣнистыхъ,
 Всѣ цвѣты луговъ душистыхъ,
 На землѣ когда увянуть,
 Вновь цвѣтутъ на этомъ небѣ».

И когда онъ слышалъ въ полночь
 Крики совъ въ лѣсу дремучемъ,
 Раздававшіеся въ чащѣ
 Дивимъ гуканьемъ и смѣхомъ, —
 «Ай! что тамъ, что тамъ, Нокomisъ?»
 Онъ кричалъ, дрожа отъ страха;
 А Нокomisъ отвѣчала:
 «О, не бойся; это—совы
 На своемъ родномъ нарѣчьи
 Говорятъ между собою
 И ругаются другъ съ другомъ».

И малютка научился
 Языку всѣхъ птицъ; узналъ онъ
 Имена ихъ, всѣ ихъ тайны, —
 Какъ онѣ вьютъ гнѣзда лѣтомъ,
 Гдѣ скрываются зимою,
 Съ ними вель онъ разговоры
 И ихъ звалъ — «мои цыплята».
 Всѣхъ звѣрей языкъ узналъ онъ,
 Имена ихъ, всѣ ихъ тайны, —
 Какъ бобры жилища строятъ,
 Гдѣ свой кормъ скрываютъ бѣлки,
 Почему олень такъ притокъ,
 Отчего такъ кроликъ робокъ;
 Разговаривалъ со всѣми
 Звалъ ихъ — «братья Гайаваты».

И Ягу, болтунъ великій,
 Удивительный рассказчикъ,
 Путешественникъ бывалый
 И старинный другъ Нокomisъ,
 Сдѣлалъ лукъ для Гайаваты;
 Лукъ — изъ вѣтви ясеневой,
 Стрѣлы — изъ вѣтвей дубовыхъ,
 Тетива — съ оленьей кожи.
 И сказалъ онъ Гайаватѣ:
 «Ну, мой сынъ, возьми-ка лукъ свой
 Со стрѣлами — и отправься
 Въ лѣсъ, подальше, на охоту,
 И убей ты намъ оленя,
 Да хорошаго, съ рогами!»

И тотчасъ же Гайавата
 Въ лѣсъ пошолъ, одинъ, и гордо
 Несъ онъ лукъ свой со стрѣлами.
 Вдругъ него, надъ нимъ порхали
 Птицы съ громкимъ щебетаньемъ:
 «Не стрѣлай въ насъ Гайавата!»
 Пѣлъ опечи красногрудый,
 «Не стрѣлай въ насъ, Гайавата!»
 Пѣлъ овѣйса синебѣрный.

Близко возлѣ Гайаваты
 На дубу рѣзвилась бѣлка,
 Быстро прыгая по сучьямъ
 Съ стрекотаньемъ, кашлемъ, смѣхомъ,
 И сквозь смѣхъ она сказала:
 «Не убей меня, охотникъ!»
 Кроликъ бросился съ тропинки,
 И вдали остановившись
 Онъ присѣлъ на заднихъ лапкахъ
 И промолвилъ Гайаватѣ,
 Частью въ страхѣ, частью въ шутку:
 «Не убей меня, охотникъ!»

Но на нихъ не обращалъ онъ
 Ни малѣйшаго вниманья:
 Всѣми мыслями своими
 Онъ стремился за оленемъ;
 Онъ напалъ на слѣдъ желанный —
 И впился въ него глазами.
 Слѣдъ тотъ велъ къ рѣчному броду,
 Пропадая возлѣ рѣчки,
 И задумчиво охотникъ
 Шолъ по слѣду точно сонный.

Притаившись за кустами,
 Гайавата ждалъ оленя.
 Вотъ увидѣлъ онъ два рога
 И два глаза изъ-за чащи,
 И олень, въ подвижныхъ пятнахъ
 Отъ игры лучей и тѣни,
 Ноздри къ вѣтру направляя,
 Тихо вышелъ на тропинку.
 И въ груди у Гайаваты
 Сердце сильно застучало,

Задрожало точно листья,
 Трепетавшіе на вѣткахъ.
 Приподнявъ одно колѣно,
 Гайавата лукъ направилъ;
 Чуть-чуть вѣтвь шелохнулась,
 Чуть-чуть хрустнулъ листь засохшій
 Отъ движенія Гайаваты; —
 Но олень врага почувалъ,
 Вздогнулъ весь, остановился,
 И, съ приподнятой ногою,
 Сталъ прислушиваться къ шуму.
 Вдругъ впередъ онъ быстро прынулъ,
 Точно шоль стрѣлѣ на встрѣчу;
 Въ тотъ же мигъ стрѣла рванулась,
 Какъ оса жужжа, рванулась
 И ужалила оленя.

И въ лѣсу лежалъ онъ мертвый,
 И въ груди его ужъ больше
 Сердце робкое не билось;
 Только сердце Гайаваты
 Отъ восторга трепетало,
 Какъ онъ шоль домой съ добычей
 И когда Ягу съ Нокомисъ
 Тамъ охотника встрѣчали
 Похвалами и привѣтомъ.

И Нокомисъ Гайаватѣ
 Сшила плащъ изъ кожи звѣря,
 А изъ мяса — пиръ великій
 Задала на всю деревню.
 Вся деревня пировала,
 Всѣ хвалили Гайавату,
 Величали храбрымъ, мощнымъ —
 Сон-джи-тэ-гэ, ман-го-тэйзи!

Д. Мижаловскій.

О Ч Е Р К Ъ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ *.

Статья первая.

Не прошло еще полныхъ 17 лѣтъ съ кончины Петра Великаго, а между тѣмъ, вступленіемъ на престолъ его дочери уже шестой разъ измѣнилось правленіе. За исключеніемъ развѣ вступленія на престолъ Петра II, каждая перемѣна носила на себѣ характеръ случайности и произвола, предшествовалась или сопровождалась обстоятельствами, лучше всего доказывавшими, казалось, что только желѣзная рука преобразователя могла вести Россію по назначенному имъ пути. Лучшія его начинанія оставались безъ исполненія; его планы подвергались измѣненіямъ иногда въ смыслѣ совершенно противномъ. Произволь и случайность были не только въ престолонаслѣдіи; еще съ большею ясностію они отражались въ политикѣ внѣшней и дѣлахъ внутреннихъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ 3,830 указовъ въ періодъ времени отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, 800-ми больше нежели во все царствованіе великаго преобразователя, и напрасно, однако, мы будемъ искать въ этой огромной массѣ правительственныхъ распоряженій какого-нибудь общаго плана, какого-нибудь господствующаго направленія.

* Предлагаемая статья есть трудъ покойнаго профессора московскаго университета С. В. Ешевскаго. Хотя трудъ этотъ не былъ авторомъ окончательно обработанъ для печати, оставшись отъ него въ видѣ читанныхъ въ университетѣ лекцій, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ собою въ нашей литературѣ лучшую и, можно сказать, даже единственную попытку дѣльной и самой тщательной разработки исторіи елизаветинскаго времени.

Не только съ переменою лица царствующаго мѣнялась и система управленія; она мѣнялась нѣсколько разъ въ одно и то же правленіе или, лучше сказать, ея вовсе не было. И при Петрѣ Великомъ былъ широкій просторъ личности, но тогда надъ этими личными стремленіями царили желѣзная воля и свѣтлый умъ, направлявшіе ихъ къ одной высшей цѣли, сдерживавшіе ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Со смертію Петра спали эти узы, и частнымъ интересамъ, личной отвагѣ и замысламъ открылось полное раздолье. Знаменитое постановленіе Петра, уничтожавшее въ видахъ государственнаго блага обычный порядокъ престолонаслѣдія, уничтожило и послѣднія преграды для произвола. Съ тѣхъ поръ до самой Екатерины Великой русская исторія сводится къ исторіи частныхъ лицъ, отважныхъ или хитрыхъ временниковъ, къ исторіи борьбы извѣстныхъ партій, придворныхъ интригъ и трагическихъ катастрофъ. Намъ не нужно, впрочемъ, обращаться къ византійской исторіи, чтобы искать тамъ аналогическихъ явленій. Западная Европа XVIII столѣтія переживала, подобно Россіи, тяжелый періодъ господства частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи Россія составляетъ исключеніе развѣ въ томъ только, что ей посчастливилось уйти отъ страшнаго переворота, который разразился надъ Западною Европою въ концѣ XVIII вѣка и котораго отзвѣны дошли, впрочемъ, и до нашего отечества. Только съ Екатериной Великой мы встрѣчаемъ опять одно господствующее направленіе, одну руководящую волю, которой не видно было съ самой кончины Петра Великаго. За то Россія была сборнымъ мѣстомъ для талантливыхъ или просто ловкихъ иностранцевъ, которымъ на ихъ родинѣ не давали ходу общественныя условія, политическія обстоятельства, которые здѣсь, какъ англо-саксонскіе поселенцы на дѣвственной почвѣ Америки, находили и выпучую дѣятельность и почести и богатство въ случаѣ удачи. За то надъ уровнемъ, подъ которымъ лежала инертная масса русскаго народа, со времени Петровой реформы привыкшаго видѣть быстрыя превращенія и потому равнодушно и безучастно на нихъ смотрѣвшаго, надъ этимъ уровнемъ разыгрывались самыя разнообразныя сцены. Невольно приходятъ на память слова Кирила Разумовскаго, когда Платонъ, въ послѣдствіи славный митрополитъ московскій, во время проповѣди сошелъ съ амвона, и подойдя къ гробницѣ Петра Великаго, вынуждалъ его встать и взглянуть на его Россію. «Чого винъ его виче, сказаль Разумовскій окружающимъ: — якъ встане, такъ всѣмъ доставется». А между тѣмъ тогда праздновалась побѣда русскаго флота въ Архипелагѣ и Россіей правила Екатерина Великая. Ни одно столѣтіе не представляетъ такихъ быстрыхъ переходовъ.

такихъ поразительныхъ контрастовъ, какъ XVIII вѣкъ, и это характеръ не одной первой его половины, но всего столѣтія. Реформы Петра вдвинули Россію въ кругъ европейскихъ державъ и настѣжь отворили дверь чужеземному вліянію. Новые обычаи, нравы, привычки, языкъ европейскихъ народовъ втѣснились въ высшее сословіе, проникали и глубже. Новые потребности были возбуждены, а между тѣмъ старый бытъ со своими условіями еще глубоко коренился въ обществѣ. Вся масса низшихъ слоевъ народонаселенія, покорившаяся, послѣ нѣсколькихъ попытокъ отстоять старину, волѣ преобразователя, тѣмъ не менѣе осталась при своемъ. Не принимая участія въ политической жизни, смотря равнодушно на перемѣны властителей, она представляла страдательное, но тѣмъ не менѣе упорное сопротивленіе новому духу, внесенному Петромъ. Формы древняго быта исключительно господствовали не только въ земледѣльческомъ населеніи, какъ онѣ господствуютъ и теперь даже: онѣ сохранили свою власть и надъ значительною, чтобы не сказать больше, частію городского сословія и низшаго и даже высшаго дворянства. Нравы и обычаи Домостроя сталкивались и не мѣшали европейской внѣшности. Разсказъ леди Рондо о поступкѣ русскихъ знатныхъ дамъ съ французскимъ любезникомъ хорошо характеризуетъ нравы высшаго общества *. Борьба новаго начала съ до-петровской стариной была упорна и продолжительна. Отъ того при блестящемъ дворѣ императрицы Анны, поразившемъ французскихъ плѣнныхъ офицеровъ своимъ великолѣпіемъ, европейскими манерами и вѣжливостію, мы находимъ въ числѣ шутовъ князя Голицына, записаннаго въ эту должность за принятіе католицизма.

* «Здѣсь есть молодой человѣкъ, модникъ, путешествовавшій во Францію и проч. Возвратившись домой, онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ красавицъ въ домѣ своего знакомаго, гдѣ онъ танцевалъ, пѣлъ, смѣялся, былъ свободенъ съ дамами à la mode de Paris. Показавъ опыты своей ловкости, онъ началъ хвастать, что успѣлъ возбудить къ себѣ любовь въ каждой изъ красавицъ и это дошло до ушей de Mess. leurs maris (ибо онѣ были замужнія); мужья долго смотрѣли, не зная на что рѣшиться; наконецъ, высказали прямо своимъ женамъ, что они ими очень недовольны. Дамы пожелали, чтобъ имъ позволено было привести съ собою этого господина къ своимъ мужьямъ. Всѣ эти четы условились, чтобъ одна изъ нимфъ пригласила его на ужинъ къ себѣ въ домъ, не объявляя, что съ нимъ еще будетъ. Онъ полетѣлъ на крыльяхъ любви на свиданіе и его привали какъ нельзя лучше; но въ минуту его высочайшихъ надеждъ хозяйка начинаетъ его упрекать за рѣчи, которыя онъ говорилъ. Онъ заперся; но къ нимъ входятъ другія дамы съ своими мужьями, свидѣтелями его вѣны, и обличаютъ его совершенно. Мужья произнесли приговоръ, чтобы жены его высѣли. Одни говорятъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, это сдѣлалъ, другіе, что они препоручили экзекуцію своимъ дѣвкамъ». *Письма леди Рондо.* (Петр. М. К. ст. 38—39).

Почти въ то же время, когда въ тайной канцеляріи истязали архіепископа Теофилакта Лопатинскаго за сочиненіе книги въ защиту «Камня Вѣры» Яворскаго, въ Петербургѣ публично жгли на площади флота капитанъ-лейтенанта Возницына за отступничество отъ христіанской вѣры (П. С. З. 7,612). Вельможа Еватерини * падалъ въ обморокъ, когда читалъ слѣдственное дѣло Волинскаго. Основана академія и вызваны знаменитые европейскіе ученые,—а профессоръ считался поставщикомъ одъ на случаи, обязанъ былъ устраивать фейерверки и маскарады и подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ. Въ царствованіе Елизаветы, отмѣнившей смертную казнь и давшей обѣтъ не проливать крови подданныхъ, на площади, рукой палача были биты кнутомъ двѣ знатнѣйшія придворныя дамы и вырѣзаны языки имъ, а третью высѣли плетью тотчасъ, какъ она оправилась отъ беременности. Царственная рука пишетъ наказъ, гдѣ высказаны начала, достойныя общества на самой высшей степени гражданскаго развитія, идеи передовыхъ людей Западной Европы, еще и тамъ не признанныхъ большинствомъ и правительствами, а въ то же время закрѣпляется Малороссія. Чтò сказать о быстрыхъ возвышеніяхъ изъ ничтожества на самую вершину почестей и значенія, о столь же быстрыхъ паденіяхъ? Достаточно нѣсколько формулярныхъ списковъ, сухихъ перечней производства, чтобъ убѣдиться, что это эпоха съ своимъ характеромъ, не походить на характеръ другихъ эпохъ,—эпоха перехода, броженія, гдѣ на каждомъ шагѣ сталкиваются и переврещиваются самыя противоположныя явленія, — эпоха, въ которую, если одна большая часть народонаселенія осталась въ своемъ кѣсномъ покоѣ, въ своей неподвижности, за то другіе высшіе слои взволнованы, такъ-сказать, до самаго основанія, и событія то выносятъ на верхъ, то также быстро погружаютъ въ ничтожество людей, имѣвшихъ счастье или несчастье попасть въ водоворотъ ихъ. Время внѣшняго блеска и славы Россіи, славы, купленной настоящею цѣною; время тяжелой, грустной борьбы съ внутренними злоупотребленіями, съ закосяблымъ невѣжествомъ, азіатскими правами.

Люди этого времени носятъ на себѣ особый характеръ. Не смотря на безконечное разнообразіе характеровъ, нравственныхъ качествъ, направленій и образованности, на всѣхъ ихъ лежатъ одинаковая печать. Событія воспитывали ихъ всѣхъ въ одной школѣ.

* Н. И. Панинъ.

Старинныя формы быта, гдѣ каждому происхожденіемъ указывалось его мѣсто въ обществѣ, гдѣ извѣстные роды назначались къ боярству, а другіе къ околыничеству и т. д.¹, рухнули безъ возврата. Безродный казакъ становился на ступеняхъ трона²; сынъ пастора³, бѣглый студентъ клалъ по своему произволу тяжесть Россіи въ ту или другую чашу европейскаго равновѣсія; презрѣнный разночинецъ⁴, котораго курляндское дворянство отказалось занести въ свои списки, сдѣлался герцогомъ и почти самовластнымъ повелителемъ огромной имперіи. На добро или зло передъ каждымъ распрывался безграничный просторъ, полный разгулъ страстямъ и надеждамъ. Но человѣкъ безъ крѣпкаго завала воли, безъ мужества и рѣшимости въ сердцѣ остановился бы на первыхъ шагахъ этого поприща. Слабымъ не было тутъ мѣста. Каждая сторона, добрая или злая, выказывалась со всею энергіею. Въ дѣйствіи были титаническія силы. Такое явленіе какъ Бецкій — явленіе исключительное и возможное только при Екаторинѣ. Нѣжныхъ, деликатныхъ организацій не найдете вы въ это время. Бѣлая часть историческихъ лицъ отличаются какою-то удалью, жаждою наслажденій, незнаніемъ мѣры ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Въ самыхъ развитыхъ натурахъ, въ лучшихъ людяхъ этого времени замѣтна грубость. Какъ языкъ еще не выдѣлался, не освободился отъ своей церковно-славянской основы, съ трудомъ прилаживался къ чуждымъ для него формамъ европейской поэзіи и еще болѣе чуждому содержанію, какъ въ эротическихъ пѣсняхъ Анакреона, переведенныхъ Ломоносовымъ и даже Державинымъ, отражалась еще жесткость и грубость, точно также характеры дѣйствующихъ лицъ еще хранили на себѣ рѣзкіе слѣды стараго быта. Даже тѣ изъ дѣятелей, которые, повидимому, безъ раздѣла предались новому европейскому направленію, для которыхъ Петръ и его реформа были предметомъ восторженнаго поклоненія, и на тѣхъ борьба съ отжившимъ, отвергаемымъ или былымъ положила неизгладимую печать. Взгляните на Ломоносова, лучшаго, благороднѣйшаго бойца новаго направленія, достойнаго продолжателя Петровыхъ начинаній. Какая могучая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая жесткость характера, мало еще смягченнаго образованіемъ. Странно звучитъ въ его устахъ нѣжная пѣсня греческаго лирика. Онъ въ своей сферѣ только за химическими опытами, за изслѣдованіями законовъ

¹ Котошилинъ: «О Россіи», гл. II, стр. 1, 2, 8.

² Разумовскій.

³ Остерманъ.

⁴ Биронъ.

природы и математическими выкладками; туда обращены всё его симпатіи, гдѣ нуженъ одинъ умъ; поэтъ же онъ по обязанности и только на имя Петра отелкивается онъ поэтическимъ восторгомъ, да негодование на поборниковъ безсмысленной обрядности вырветъ у него нѣсколько ѣдкихъ стиховъ. Всѣ знаютъ изъ разсказовъ Штелина его страшную физическую силу, его недостойную слабость къ вину, его грубыя, иногда циническія перебранки съ литературными врагами. Ломоносовъ—лучшій представитель тѣхъ суровыхъ поколѣній, которыя воспитывались среди шумной работы Петрова преобразования, которыя выдвинуты были впередъ этимъ хаотическимъ броженіемъ, изъ котораго должна была возникнуть новая Россія. Лучшимъ представителемъ XVIII в. является Потемкинъ, натура гениальная, но загадочная, окруженная какимъ-то ореоломъ чудесности, какъ загадочно и исполнено чудесъ было и самое время, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ любимецъ Екатерины. Лицо Потемкина до сихъ поръ еще не ясно обозначилось предъ глазами историка; его многосторонняя дѣятельность до сихъ поръ еще вполнѣ не приведена въ извѣстность, не оцѣнена надлежащимъ образомъ. Позднѣйшаго историка точно такъ же, какъ и современниковъ, прежде всего поражаетъ соединеніе самыхъ противоположныхъ свойствъ, такъ хорошо схваченныхъ и изображенныхъ Сегюромъ, амальгама азіатскаго съ европейскимъ, грубости нравовъ и изысканности версальскаго придворнаго, небывалаго великолѣпія съ крайнею простотою жизни, волосальныхъ замысловъ, которые также скоро начинались приводиться въ исполненіе, какъ и бросались. Мѣтко замѣчавіе Сегюра, что только въ Россіи и въ это время возможно подобное явленіе. Но для насъ имѣетъ глубокой смыслъ та внезапно приходившая, повидимому безотчетная и безпричинная тоска, которая иногда надолго овладѣвала Потемкинымъ, заставляла его по цѣлымъ недѣлямъ сидѣть молча не выходя изъ комнаты, или равнодушно стоять подъ свистомъ ядеръ и мечтать о монастырской кельѣ среди самыхъ блестящихъ успѣховъ. Однимъ пресыщеніемъ, дешево достававшимися наслажденіями объяснить этого нельзя. Это была скорѣе та тоска, которую долженъ былъ чувствовать дѣятель, у котораго не было твердой почвы подъ ногами, для котораго разорваны были всѣ связи съ прошедшимъ, который оставался одинъ, безъ историческихъ преданій, безъ вѣры въ будущее, потому что на его же глазахъ совершилось столько измѣненій, а главное, безъ яснаго сознанія потребностей настоящаго, безъ прочныхъ, окончательно выработавшихся убѣжденій, на которыхъ онъ могъ бы основать свою дѣятельность, которыя могли дать цѣль для всей

жизни. Оттого-то эти быстрые переходы от лихорадочной дѣятельности, от колоссальныхъ замисловъ въ апатіи и безотрадному упадку нравственныхъ силъ. Онъ дѣйствовалъ, руководясь благородными инстинктами, угадывая иногда тонкимъ чутьемъ потребности времени и народа. Ему не доставало яснаго сознанія, безъ котораго остается безпомощнымъ и внутренне несостоятельнымъ историческій дѣятель: и мучился, и тосковалъ Потемкинъ этою внутреннею несостоятельностью, этою пустотою, которую не могло наполнить его необыкновенное счастье. У дѣятелей XVIII вѣка не было твердой почвы подъ ногами, не было историческихъ преданій. Нравы мѣнялись едва ли не съ каждымъ царствованіемъ. Вельможа Елизаветы уже отличался отъ придворнаго Анны Ивановны. Поколѣнія, выросшія или возмужавшія при Екатеринѣ, не имѣли ничего общаго съ поколѣніями первой четверти, или даже первой половины XVIII столѣтія. На что могли сознательно опереться государственные дѣятели? На реформу Петра Великаго. Но смыслъ этой реформы былъ унесенъ въ могилу ея виновникомъ. Къ какой конечной цѣли хотѣлъ онъ вести народъ свой, какую форму общественнаго строя хотѣлъ дать онъ ему, было непонятно даже для близкихъ исполнителей его воли. Оттого такое поразительное явленіе, какъ предложеніе ввести шведскій образъ правленія тотчасъ послѣ того, какъ закрылъ глаза государь до того самодержавный, что не задумался нанести руку на самую почти основу самодержавія, на порядокъ престолонаслѣдія. Оттого такое броженіе оцущью и на удачу въ дѣлахъ внутренняго устройства, несмотря на то, что вся власть находилась еще въ рукахъ людей, Петромъ воспитанныхъ и близко къ нему стоявшихъ. Одно было ясно въ реформѣ Петра—это отношеніе Россіи къ другимъ европейскимъ державамъ, и потому-то въ дѣлахъ внѣшней политики, несмотря на частыя перемены правленія, на внутренніе перевороты, мы всего болѣе видимъ и единства и вѣрности первоначальнымъ планамъ Петра-Великаго. Что бы ни происходило внутри государства, а Россія все тѣснѣе связывала судьбу свою съ судьбою Европы, постоянно увеличивала свое участіе въ дѣлахъ ея и усиливала свое европейское значеніе. Смыслъ реформы начинаеть снова отрываться только при Екатеринѣ II, и можно смѣло сказать, что прямой законной наслѣдницею великаго преобразователя, наслѣдницею по духу, если не по плоти, была Еватерина Великая. Промежуточный періодъ былъ какимъ-то междуцарствіемъ. Но Еватерина начала дѣло совѣмъ инымъ путемъ: вмѣсто практической, прямо приложимой пользы, вмѣсто непосредственно получаемыхъ, осязательныхъ результатовъ, она

искала идеаловъ. Доказательствомъ этому можетъ служить знаменитый Наказъ. Можно ли было приложить его къ дѣйствительности? Прилагали ли его? Нѣтъ! да иначе и не могло быть. Нѣкоторыя положенія Наказа неприменимы даже къ настоящему нашему общественному устройству. Многія формы до сихъ поръ еще ждутъ своего содержанія. Вотъ отчего для тѣхъ, кто искалъ не только удовлетворенія личнымъ своимъ интересамъ, или кто, подобно Потемкину, не могъ уже ничего желать для себя лично, кто, слѣдовательно, если хотѣлъ дѣйствовать, долженъ былъ дѣйствовать для общества, были естественны и неминуемы минуты нравственнаго ослабленія, минуты душевной тоски. Исторія XVIII столѣтія въ Россіи — славная и печальная исторія.

XVIII вѣкъ небезполезно прошелъ для насъ. Дѣти XIX столѣтія, мы напрасно съ дѣтскимъ пренебреженіемъ, легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды нашихъ предшественниковъ. Исторія прошлаго вѣка еще ждетъ своихъ дѣятелей. Другія эпохи уже разработаны съ большею добросовѣстностію, между тѣмъ, какъ ближайшая къ намъ по времени представляетъ еще массу сырыхъ матеріаловъ, не разработанныхъ критически, не сведенныхъ, не провѣренныхъ одинъ другимъ. Большая часть изъ нихъ еще не собраны и не изданы, и не изданные остаются забытыми. Современность слишкомъ увлекла насъ, заставила закрыть глаза на предшествующую эпоху. За незаслуженными, преувеличенными похвалами, которыми чтились имена писателей прошлаго вѣка, послѣдовало не менѣе незаслуженное презрѣніе, и дѣтское преклоненіе передъ авторитетами замѣнилось столь же дѣтскимъ смѣхомъ надъ ними. Съ одной стороны это понятно. Людямъ, выросшимъ на стилѣ Карамзина, Пушкина, Гоголя, тяжело перечитывать тяжелые стихи Сумарокова или труды еще менѣе даровитыхъ писателей, оцѣнить великую заслугу Татищева или признать нѣкоторое достоинство въ исторіи князя Щербатова. Съ другой стороны, послѣ царствованія Александра тяжело переноситься мыслью, на примѣръ, въ царствованіе Анны Иоанновны. Намъ какъ-то тяжело признать въ себѣ кровное родство съ людьми XVIII вѣка, сознаться, что нашею современностію мы одолжены имъ. Только очень недавно начали заниматься исторіей внутренняго развитія общества въ прошломъ столѣтіи, безъ предубѣжденій отдавать справедливость тогдашнимъ дѣятелямъ; но до сихъ поръ большинство ихъ еще ждетъ своихъ біографовъ и, хотя строгой, но правдивой оцѣнки ихъ трудовъ. Приведемъ доказательство. По преданію, еще оставшемуся отъ XVIII столѣтія, мы съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ Наказомъ императрицы Екатерины. И что же? только въ самое по-

слѣднее время начальство публичной бібліотеки привело въ извѣстность его изданія и переводы. Настоящаго ученаго изданія «Наказа» у насъ еще нѣтъ. Отношеніе его въ современнымъ ему философскимъ и социальнымъ теоріямъ, преимущественно французской школы не показано. Вліяніе его на послѣдующее законодательство, на внутреннее устройство еще не обозначено даже въ самыхъ главныхъ общихъ чертахъ. Всѣ мы знаемъ «Наказъ» по слуху; многіе ли читали его? Возьмемъ другой примѣръ. Чтѣсть у насъ о переводной литературѣ XVIII вѣка; а между тѣмъ это литература огромная и имѣвшая сильное вліяніе, какова она, напротивъ, теперь уже не имѣетъ. По ней образовались и выросли цѣлыя поколѣнія, которыхъ дѣятельность принадлежитъ уже нашему столѣтію. Не было почти ни одного замѣчательнаго произведенія современной европейской литературы, въ какомъ бы родѣ оно ни было, которое бы тотчасъ не переводилось и не читалось съ жадностію. Почти всѣ древніе писатели были распространены въ нашей публикѣ въ русскихъ переводахъ, чѣмъ не можетъ похвалиться наше время, несмотря на то, что изученіе древнихъ языковъ было тогда, быть можетъ, болѣе распространено. Старой журналистикой стали заниматься только въ недавнее время, когда уже даже среди сокровищъ публ. бібл. нельзя отыскать нѣкоторыхъ журналовъ. Когда хватятся за мистическое направленіе, занимавшее такое важное мѣсто въ литературѣ и жизни XVIII вѣка, большая часть памятниковъ этого направленія будетъ, можетъ быть, уже затеряна безъ возврата. Самое Полное Собраніе Законовъ похоже на хорошо устроенный архивъ, въ который заглядываютъ не очень многіе. Правда, есть причины, до нѣкоторой степени объясняющія отсутствіе научной разработки этого времени. Оно слишкомъ близко къ намъ и не всѣхъ явленій позволено касаться историчу; но многія могли бы быть свободно объяснены и между тѣмъ остаются въ полусвѣтѣ. Притомъ то, чтѣ въ настоящемъ положеніи не можетъ еще быть вполне раскрыто передъ свѣтомъ, могло бы быть собираемо какъ матеріалъ для будущихъ, болѣе насъ счастливыхъ историковъ.

Исторія XVIII столѣтія не заслуживаетъ такого умышленнаго или неумышленнаго пренебреженія. Не говоря уже о блестящей, вполне извѣстной сторонѣ этого столѣтія, объ европейскомъ значеніи Россіи, о блестящей, вполне заслуженной славѣ русскаго оружія, объ огромныхъ примыслахъ, добытыхъ честно мечемъ или взятыхъ хитрой политикой, темными сдѣлками съ сосѣдями—одна внутренняя сторона этой исторіи, исторія общественнаго развитія заключаетъ въ себѣ много такого, чтѣ съ неодолимою

силою приковываетъ къ себѣ вниманіе каждого мыслящаго чело-
вѣка. Дѣйствія правительства, несмотря на частыя колебанія, на
отсутствіе опредѣленнаго плана, слѣдствіе отсутствія совнанія
настоящихъ потребностей общества и трудностей, представляемыхъ
громадною и разноплеменною имперіею, не остались, однако-
же, безъ благотворнаго вліанія. При Екатеринѣ Великой правитель-
ство заняло подобающее ему мѣсто на челѣ народа, вошло
въ свою законную роль быть вождемъ народа къ просвѣщенію,
проводникомъ свѣта. Среди своекорыстныхъ политическихъ дѣя-
телей являются натуры благородныя въ полномъ смыслѣ этого
слова, съ самоотверженіемъ трудившіяся на пользу своей родины.
Достаточно указать на Ив. Ив. Шувалова въ царствованіе
Елизаветы, на Бецкаго при Екатеринѣ. Память ихъ, чистая отъ
всѣхъ нареканій, должна быть священна для каждого русскаго.
Забудемъ ли труды частныхъ лицъ, иногда безвѣстно, дѣятель-
но помогавшихъ правительству въ дѣлѣ народнаго воспитанія,
въ борьбѣ съ внутреннимъ беспорядкомъ и темнымъ невѣже-
ствомъ, въ защиту реформы, караея съ одной стороны тупоум-
ное, слѣпое пристрастіе къ старинѣ и невѣжественной патріар-
хальности, съ другой безсмысленное, поверхностное подража-
ніе всему чужеземному? Съ Кантемира не умолкалъ на Руси
этотъ голосъ честнаго негодованія противъ аномалій современ-
ности. Въ сатирическихъ журналахъ, въ комедіи и баснѣ,
въ самой лиричѣ безпощадно выводилъ онъ наружу темныя
стороны общественной жизни. Въ сатирѣ XVIII вѣка не слыш-
но еще того задушевнаго, добродушнаго смѣха, съ которымъ
выступилъ великій сатирикъ нашего времени. Сатира прош-
лаго вѣка груба и ядовита. Суровы и порой цинически грязны
ея даже легкія произведенія, но не забудемъ, что тогда шла
ожесточенная борьба, рѣшался вопросъ: быть или не быть, и
намъ понятно станетъ это ожесточеніе. Другіе дѣятели шли
другимъ путемъ: они облегчали болѣе основательное знаком-
ство съ западною цивилизаціей. Переводами на языкъ, чтеніе ко-
торого невольно вызываетъ теперь улыбку, передавали они все,
что было лучшаго у другихъ народовъ, часто безъ выбора, безъ
исканія извѣстности, дѣйствуя по внутреннему побужденію, для
удовлетворенія внутренней потребности. Болотовъ, переводящій
нѣмецкое сочиненіе въ лагерьѣ наканунѣ битвы, безъ мысли объ
изданіи—лучшій представитель этихъ благородныхъ труженниковъ,
которыхъ имена остаются по большей части неизвѣстными, а
труды, если и продаются, такъ на вѣсъ. Совокупнымъ вліаніемъ
правительства и частныхъ лицъ образовалась та новая порода
отцовъ и матерей, необходимость которой доказывалъ Бецкій въ

своемъ знаменитомъ докладѣ императрицѣ Екатерины, которая внесла въ общественную и частную дѣятельность новое направленіе. Среди грома русскаго оружія воспиталось гордое сознаніе своего народнаго достоинства, своего права на вступленіе въ семью европейскихъ народовъ, лицомъ полноправнымъ и равнымъ; и если только въ XIX столѣтіи раздалась впервые лира народнаго русскаго поэта, не забудемъ, что для того и другаго почва была приготовлена въ XVIII вѣкѣ и сохранимъ благодарную память о тѣхъ, кто тяжелымъ, иногда неблаголарнымъ трудомъ доставилъ намъ возможность, не отказываясь отъ почетнаго имени европейца, съ гордостью называть себя русскимъ.

Въ запискахъ кн. Яв. П. Шаховскаго (I, 70) находимъ въ высшей степени любопытныя подробности о первыхъ дняхъ, слѣдовавшихъ за вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Еще наканунѣ (24 ноября) пробылъ онъ весь день на иманинахъ супруги кабинетъ-министра гр. Мих. Гавр. Головкина, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ правительницы. Всѣ комнаты, за исключеніемъ только той, гдѣ лежалъ страдавшій подагрой хозяинъ, съ утра до ночи были наполнены знатными посѣтителями и иностранными министрами. Только въ 1-мъ часу ночи разѣхались гости, и Шаховской, домашній человекъ въ домѣ министра, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ попавшій по его милости въ сенатъ, воротился домой «во всякомъ удовольствіи и пріятномъ размысленіи о своихъ поведеніяхъ, что я уже господинъ сенаторъ, между стариками въ первѣйшихъ чинахъ находящимися обращаюсь, и будучи такою многомогущаго министра любимецъ, день отъ дня лучшія приемности себѣ ожидать и притомъ ласкать себя могу надолго счастливымъ». Едва только заснулъ Шаховской, какъ стукъ въ ставни и голосъ сенатскаго эскутера разбудили его. Ему кричали, чтобъ онъ ѣхалъ въ дессаревнинъ дворецъ, потому что она изволила принять престолъ русскаго правленія. Улицы были полны народомъ, несмотря на темную и морозную ночь. Полки гвардіи, рассказываетъ Шаховской, стояли подъ ружьемъ на ближайшихъ къ дворцу улицахъ. Разложены были огни; солдаты пили вино. Въ воздухѣ раздавались восклицанія: «Здравствуй наша матушка императрица Елизавета Петровна». Карета Шаховскаго не могла проѣхать за тѣсною. Цѣшкомъ дошелъ онъ до дворца и протѣснился въ комнаты. Встрѣтивъ сенатора кн. Алек. Дмит. Голицына, онъ хотѣлъ-было знать, какъ это сдѣлалось, но тотъ зналъ не больше его. Только въ третьей комнатѣ, камергеръ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, одинъ изъ участниковъ, рассказывалъ имъ на скоро главныя обстоятельства. Среди рас-

теринныхъ, ошеломленныхъ нечаяннымъ переворотомъ придворныхъ и сановниковъ гордо и весело рассказывали его участники. Генераль-аншефъ Вас. Фед. Салтыковъ, много послужившій дѣлу съ своей супругой Марьей Алексѣвной, подошелъ къ Шаховскому и Голицыну, и ухватя перваго за руку, со смѣхомъ сказалъ: «Вотъ сенаторы стоятъ, и на отвѣтъ Шаховскаго: «сенаторы, сударь», съ хохотомъ закричалъ: «что теперь скажете, сенаторы?» Скоро вышла изъ внутреннихъ покоевъ Елизавета и приняла отъ собравшихся поздравленіе. Всѣмъ велѣно было отправиться въ Зимній Дворецъ. Пришлось пробираться пѣшкомъ сквозь толпы солдатъ и народа. Новая императрица ѣхала въ открытой линейкѣ, окруженная гренадерами, возведшими ее на престолъ. Въ придворной церкви Зимняго Дворца началась присяга. Утромъ въ тотъ же день вышелъ первый манифестъ о вступленіи, и разслана изъ сената форма присяги. Въ манифестѣ (№ 8,473 П. С. З.) сказано было: «Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году въ окт. мѣсяцъ 5-го числа манифестъ извѣстно есть, что блаженныя памяти отъ великой государыни императрицы Анны Іоанновны, при кончинѣ ея, наслѣдникомъ Всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило, отъ чего уже, какъ вышніе такъ и внутрь государства безпокойства и неурядки, и слѣдовательно, не малое же разорѣніе всему государству послѣдовало бѣ; *того ради, всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные*, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки, всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческой нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили» и т. д. Ни слова о незаконности назначенія Іоанна императоромъ, о старомъ правѣ Елизаветы на престолъ. Очевидно, составители манифеста еще не были увѣрены въ окончательномъ торжествѣ, не знали, какой оборотъ примутъ дѣла, и не смѣли высказаться вполнѣ. Мы знаемъ, что воротившись изъ ночнаго предпріятія въ свой дворецъ, Елизавета повазалась войскамъ съ младенцемъ Іоанномъ на рукахъ, покрывая его поцалуями; знаемъ также, что два дни возведшіе Елизавету на престолъ гренадеры, безвыходно находились въ дворцовыхъ залахъ съ заряженными ружьями; второй манифестъ, вышедшій 28-го ноября (№ 8,476), написанъ уже въ другомъ духѣ. Здѣсь права Елизаветы на престолъ основываются на духовной императрицы Еватерины I, первымъ пунктомъ которой назначенъ былъ наслѣдникомъ престола Петръ II, а въ 8-мъ

пунктъ было сказано: «Ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣть по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдствуютъ; однакоже мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ» и т. д. «И такъ, слѣдовательно — продолжаетъ манифестъ—по тому же императорскаго величества матери нашей государыни тестаменту, какъ то выше изображено, мы еще тогда жь, какъ скоро по волѣ Всемогущаго Бога, императоръ Петръ II, сію временную на вѣчную жизнь прамѣнилъ, уже законною наслѣдницею нашего отеческаго Всероссійскаго престола безъ изытія были». Составители, приводя 8-й пунктъ духовной Екатерины, въ доказательство правъ Елизаветы, забыли, что по ней все право принадлежитъ сыну цесаревны Анны и герцога Голштинскаго, именно впоследствии царствовавшему Петру III, родившемуся въ 1728 г., слѣдовательно, еще при жизни Петра II. Далѣе сказано въ манифестѣ, что по кончинѣ Петра II, духовная Екатерины была скрыта гр. Остерманомъ, что его же происками избрана помимо Елизаветы Анна Іоанновна что онъ же, Остерманъ, во время болѣзни императрицы, сочинилъ опредѣленіе о назначеніи наслѣдникомъ малолѣтнаго Іоанна («никакой уже ко Всероссійскому престолу принадлежащей претензіи, диніи и права не имѣющаго»), что потомъ Остерманъ, Минихъ и гр. Головкинъ взяли правительство имперіи въ свои руки подъ именемъ принцессы Анны, которая не устыдилась принять титулъ (ни мало ей подлежащій) великой княгини Всероссійской, что, наконецъ, Остерманъ и Головкинъ, съ согласія принцессы и ея супруга, составили опредѣленіе о конечномъ отрѣшеніи Елизаветы отъ наслѣдія и о провозглашеніи принцессы Анны Леопольдовны императрицей; что, наконецъ, по всеподданнѣйшемъ всѣхъ вѣрноподанныхъ, а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи полковъ прошеніи — Елизавета воспріять изволила престоль. Въ концѣ манифеста объявлено, что принцесса Анна съ супругомъ и семействомъ, «съ надлежащею имъ честию и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ ихъ вышенъзъясненные разные предосудительныя поступки крайнему забвенію», будутъ всемилостивѣйше отправлены въ ихъ отечество.

Награды участникамъ въ переворотѣ и судъ надъ арестованными саповниками заняли первое время царствованія Елизаветы. Нѣсколько дней происходили совѣщанія, и слѣдствіемъ ихъ былъ именной указъ декабря 12, которымъ возстановлено было значеніе сената и уничтоженъ былъ кабинетъ министровъ. Число сенаторовъ было 14. Пять пожалованныхъ въ правленіе при-

цессы Анны сенаторовъ были исключены. *Лестоку*, знавшій по опыту, какъ непрочно были до сихъ поръ правительства въ Россіи, просилъ Елизавету наградить его деньгами и отпустить за границу. Онъ предчувствовалъ, что его возвышеніе надѣляетъ ему много сильныхъ враговъ, но долженъ былъ уступить желанію императрицы и остался въ Россіи.

Онъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, первымъ медикомъ и директоромъ медицинской коллегіи. Последнее мѣсто соединено было съ 7,000 р. жалованья въ годъ, и кромѣ того приносило большіе доходы отъ медицинскихъ свидѣтельствъ, безъ которыхъ никто не могъ лечить въ Россіи, и отъ содержателей аптекъ. Какъ директоръ медицинской коллегіи, *Лестоку* не былъ подчиненъ сенату. Кромѣ того *Лестоку* получилъ денежные подарки и портретъ императрицы, осыпанный брилліантами. Графъ *Воронцовъ*, братья *Шуваловы* и *Балкъ*, служившіе камеръ-юнкерами при Елизаветѣ, произведены камергерами. *Бестужевъ-Рюминъ*, удаленный отъ службы и двора послѣ паденія *Бирона*, былъ призванъ вновь на службу, по просьбѣ *Лестока*; получилъ орденъ *Андрея Первозваннаго* (30 ноября), назначенъ генераль-почтъ-директоромъ, сенаторомъ, а 12-го декабря вице-канцлеромъ на мѣсто *Головина*. *Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій*, любимецъ Елизаветы, не имѣвшій никакого служебнаго мѣста, кромѣ личныхъ занятій при особѣ Елизаветы, былъ сдѣланъ въ самый день вступленія на престолъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а 5-го февраля 1742 г. получилъ орденъ св. *Анны*. Это было впрочемъ начало милостей. Долгорузіе, оставшіеся въ живыхъ, были возвращены изъ ссылки, и князь *Вас. Владим.* возвращенъ прежній чинъ генераль-фельдмаршала. Герцогъ *Биронъ* переведенъ изъ *Перми* въ *Ярославль*, а братья его получили свободу. Большія награды были гвардіи и полкамъ, находившимся въ *Петербургѣ*. Именнымъ указомъ 31-го декабря 1741 г. опредѣлено было выдать штабъ и оберъ-офицерамъ лейбъ-гвардіи полковъ и полковъ *Ингерманландскаго* и *Астраханскаго* не въ зачетъ третьяго годоваго жалованья; солдатамъ этихъ 4-хъ полковъ роздано было 42,000 р. Деньги приказано было выдать изъ соляной конторы. *Гренадерская рота Преображенскаго полка*, возведенная Елизавету на престолъ, названа лейбъ-компанією. Капитаномъ въ ней была сама императрица. Принцъ *Гессенъ-гомбургскій* назначенъ былъ капитаномъ-поручикомъ лейбъ-компаніи съ чиномъ полнаго генерала, *Разумовскій* и *Воронцовъ*—поручиками съ чинами генераль-лейтенанта, *Шуваловы*—подпоручиками съ чиномъ генераль-майоровъ; *Григустепля*—адъютантомъ съ чиномъ бригадира. Сержанты были въ

чинѣ полковниковъ, капралы—капитанами. Всѣ рядовые объявлены потомственными дворянами, а герольдіи приказано было вписать имена ихъ въ дворянскую книгу и сочинить гербы; а уже имѣющимъ оныя прибавить въ старыя гербы ковы. Лейбъ-компанія должна была содержаться на счетъ соляной конторы. Сентября 15-го 1742 г., утвержденъ былъ гербъ для лейбъ-компаніи съ надписью: за *отрѣзность* и *ревность*. Именнымъ указомъ сенату, даннымъ въ день годовщины восшествія на престолъ (25-го ноября 1742 г.), пожаловано Грюнштейну изъ имѣнія графа Головкина 927 душъ крестьянъ и 3,591 четвертей земли. Все имѣніе гр. Головкина 5,158 душъ и 7,358 четвертей земли, за вычетомъ части Грюнштейна, было раздѣлено между прапорщикомъ и 7 сержантами. Отпущенныя земли князя Меншикова раздѣлили между капралами и рядовыми лейбъ-компаніи (6 вице-сержантамъ по 50 д., 1 подпрапорщику и 1 квартирмейстеру по 45 д., 12 капраламъ по 40 д., 12 вице-капраламъ по 35 д. и 258 рядовымъ по 29 д.). Переворотъ 24-го ноября 1741 г. былъ дѣломъ солдатъ, даже безъ участія почти офицеровъ; этимъ онъ отличался отъ подобнаго же переворота, произведеннаго Минихомъ при арестованіи Бирона. Солдаты чувствовали свою силу, понимали, что въ ихъ рукахъ корона Россійской имперіи. Упоенные успѣхомъ, они позволяли себѣ все. Гренадеры въ самомъ дворцѣ просили у государственнаго канцлера денегъ. Подошедшій офицеръ замѣтилъ имъ, что вѣроятно они не знаютъ, съ какомъ знатымъ лицомъ они говорятъ. Отвѣтомъ было: теперь нѣтъ лицъ знатнѣе насъ, а другіе знатны до тѣхъ поръ, пока мы этого хотимъ. Гвардейцы и въ особенности гренадеры — пишутъ секретарь посольства Пецольдъ къ саксонскому министру Брюлю, отъ 23-го декабря н. с. — доходить до крайностей. Подъ предлогомъ поздравленія съ вступленіемъ на престолъ новой императрицы, они ходятъ по домамъ и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ. Особенно отличались лейбъ-компанцы. Грюнштейнъ, по словамъ Манштейна (II, 179), привыкнувъ быть рядовымъ, не могъ снести толь великаго чина, дѣлалъ всякія безчинства, пренебрегъ должное почтеніе даже къ самой императрицѣ, и кончилъ тѣмъ, что по названіи вкутомъ, сосланъ былъ въ пожалованныя ему деревни. 25-го ноября 1746 г. пожалованъ былъ адъютантъ л.-в. Данило Журавлевъ (№ 9,690) слѣд. ссылку Грюнштейна должно отнести къ этому времени. Пецольдъ, отъ 16-го марта 1744 г., доноситъ объ угрозахъ Грюнштейна, говорившаго Разумовскому, что готовъ пожертвовать жизнію, чтобы только избавить государыню и государство отъ такого вреднаго человѣка, каковъ генераль-

прокуроръ князь Трубецкой. «Рота сія—продолжаетъ Манштейнъ— въ первые мѣсяцы пребыванія двора въ Петербургѣ дѣлала всякіе безпорядки, а повопроизведенные чиновники таскались по питейнымъ домамъ, каждый день допивались до пьяна и валялись въ грязь; входили въ дома самыхъ знатныхъ господъ, требовали денегъ съ угрозами, и брали самовольно все, что имъ казалось по праву и пріятнымъ. Не было средствъ къ усмиренію такихъ людей, которые во всю свою жизнь угрожаемы будучи только палками, не могли скоро привыкнуть къ снисходительному съ собой обращенію». Такъ-какъ возведеніе Елизаветы казалось торжествомъ русскихъ надъ иноземцами, то въ первое время между солдатами ходили толки о томъ, чтобы перебить всѣхъ нѣмцевъ. «Мы иностранцы — пишетъ Пецольтъ вскорѣ послѣ переворота (донес. отъ 9-го дек. н. с.) — находимся здѣсь постоянно между страхомъ и надеждой. Со стороны солдатъ, съ каждымъ днемъ становящихся своевольнѣе, слышны только угрозы, и мы обязаны одному Провидѣнію, что до сихъ поръ ихъ злая намѣренія еще не приведены въ исполненіе». Тѣ же самыя опасенія повторяетъ онъ въ другомъ донесеніи, писанномъ черезъ три дня—опасенія, усиленные еще тѣмъ, что Долгорукій и другіе, возвращенные изъ ссылки, принадлежали къ партіи, давно враждебной иностранцамъ (дон. 12-го декабря). Нѣсколько разъ ненависть къ нѣмцамъ и буйство солдатъ доходило до кровавыхъ сценъ, грозившихъ принять большіе размѣры. Двѣ изъ нихъ рассказываетъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ. На пасхѣ 1742 г. гвардеецъ подрался на улицѣ съ гренадеромъ изъ полевыхъ полковъ, стоявшихъ тогда въ Петербургѣ. Проходившій офицеръ-нѣмецъ оттолкнулъ гвардейца. Тотъ кивнулъ товарищей, и офицеръ едва могъ спастись отъ нихъ въ домъ, гдѣ находились иностранные офицеры. Гвардейцы выломали ворота и двери, и вломались въ домъ. Неуспѣвшіе спастись черезъ крышу, были избиты до полусмерти. Въ числѣ ихъ находились Саутронъ, адъютантъ фельдмаршала Ласси, и капитанъ Бровнъ. Безъ сильныхъ мѣръ Ласси, поставившаго по всѣмъ улицамъ караулы изъ армейскихъ полковъ и разсылавшаго дозоры днемъ и ночью, дѣло могло бы кончиться возмущеніемъ. Жители Петербурга находились въ сильномъ страхѣ, и боялись показываться на улицахъ. Ласси донесъ о безпорядкахъ во двору, но виновные были наказаны очень легко (II, 199). Другой разъ своеволие гвардейцевъ обнаружилось еще наглѣе. Это было въ станѣ подъ Выборгомъ, лѣтомъ того же 1742 г. Шведскій парламентѣрь съ барабанщиками прибылъ въ лагерь съ письмами къ фельдмаршалу Ласси. Фельдмаршалъ

былъ тогда въ городѣ, и дежурный генералъ Ливенъ провель шведовъ въ свою палатку, чтобы, взявъ отъ нихъ письма, отвести въ Выборгъ. Вдругъ 300 или 400 гвардейцевъ Семеновскаго и Преображенскаго полковъ съ крикомъ, что надо перебить иностранныхъ начальниковъ, которые измѣняютъ, бросились къ ставкѣ Ливена, не нашли его тамъ, пошли къ канцелярїи, перебили караулъ и избили шведовъ, генераль-адъютанта и служителей Ливена. На увѣщанія чиновниковъ, гвардейцы отвѣчали, что прежде всего надобно перебить иностранныхъ чиновниковъ, а тамъ они будутъ послушны своимъ, русскимъ. Къ счастью, подоспѣлъ генералъ Кейтъ, бросился въ средину толпы, схватилъ одного изъ бунтовщиковъ и приказалъ послать за священникомъ, чтобы его исповѣдывать. Эта смѣлость поразила бунтующихъ. Тотчасъ ударили сборъ, и полевые полки съ конной гвардіей, непринимавшіе участія въ возмущенїи, взяли за оружіе, чтобы усмирить гвардейцевъ. На этотъ разъ наряжена была комиссія подъ предсѣдательствомъ Алек. Ив. Румянцева, и главному зачинщику отрублена была правая рука, а остальные виновные биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь (II, 206). Несмотря, однако, на всѣ безчинства, гвардія, и въ особенности лейбъ-компанія, сохранила до конца особенную благосклонность императрицы Елизаветы. Такъ, на примѣръ, 31-го октября 1748 г. графъ П. И. Шуваловъ объявилъ волю императрицы, что онъ не будетъ подписывать никакихъ дипломовъ и патентовъ; прежде нежели будутъ готовы грамоты лейбъ-компанцевъ (№ 9,653). Лейбъ-компанія была уничтожена Петромъ III (№ 11,450), и большая часть служившихъ въ ней были отставлены отъ военной и статской службы съ награжденіемъ, впрочемъ, слѣдующимъ чиномъ.

Рядомъ съ милостями шли наказанія. Для суда надъ арестованными назначена была особая комиссія изъ генераль-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, графа Ушаова, генерала Левашева, оберъ-штабмейстера князя Куравина и тайнаго совѣтника Нарышкина. Она должна была придать наружную законность казни или ссылки этихъ преступниковъ, изъ которыхъ главные, то-есть Минихъ, Остерманъ и Головкинъ, были уже заранѣе осуждены, всенародно объявлены государственными преступниками въ манифестѣ о возшествїи. Главные пункты обвиненія Миниха были: 1) не защищалъ духовной Екатерины I, подъ которой онъ подписавшись, присягалъ; 2) былъ главнымъ виновникомъ регентства Вирона; 3) при арестованїи Вирона, чтобы склонить солдатъ къ этому, говорилъ имъ, что это дѣлалось для Елизаветы Петровны. По этому пункту свидѣтелями по-

Т. OLXXVIII. — Отд. I. 3

ставлены были не Манштейнъ, адъютантъ Миниха, главный помощникъ его въ арестѣ Бирона, не солдаты, участвовавшіе въ предпріятіи, а нѣсколько подговоренныхъ солдатъ, совершенно постороннихъ; 4) разные озлобленія, чинимыя имъ Елизаветѣ Петровнѣ, надсмотръ за ней и т. п.; 5) начальствуя арміей, не берегъ людей, дѣйствовалъ безъ военнаго совѣта, «не токмо съ меньшими російскими офицерами и многожды безъ суда, не по достоинству офицерскому въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатскій штрафъ налагалъ; и въ первомъ переконскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій полковниковъ, ругаясь подъ ружье ставилъ и такъ ихъ предъ всею арміей водилъ»; 6) адгерентовъ своихъ не по достоинству производилъ и выносилъ себѣ и имъ изъ казны большія суммы денегъ. Кромѣ этихъ было и нѣсколько меньшихъ обвиненій. Минихъ, по словамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, отвѣчалъ на всѣ обвиненія сильною рѣчью, послѣ которой, по приказу императрицы, тайно присутствовавшей при этомъ, прекращенъ былъ допросъ. По словамъ Манштейна, Минихъ, оскорбленный беззаконностію слѣдствія, сказалъ генералъ-прокурору, что онъ подлиннѣе тѣ отвѣты, которые слѣдователи сами составятъ, и такъ было и сдѣлано. Генералъ-адмиралу графу Остерману предложено было 80 обвиненій. Въ крѣпости онъ занемогъ горячкою и былъ близокъ къ смерти, такъ что уже причастился. По приказу Елизаветы онъ былъ переведенъ изъ крѣпости въ домъ. Его обвиняли: 1) не защищалъ духовной Екатерины I, напротивъ содѣйствовалъ избранію Анны Ивановны, самъ сочинялъ одинъ завѣщаніе Анны Ивановны, по которому назначенъ былъ наслѣдникомъ Іоаннъ Антоновичъ; 2) старался объ отлученіи отъ наслѣдія Елизаветы Петровны и ея племянника и писалъ поэтому разные проекты, изъ которыхъ въ одномъ совѣтовалъ видать Елизавету за какого нибудь чужестраннаго убогаго принца; 3) наче всего составилъ проектъ, чтобъ послѣ Іоанна Антоновича наслѣдовать и сестрамъ его; въ частныхъ разговорахъ съ Менгденомъ и Левенвольдомъ говорилъ о возможности быть императрицей самой Аннѣ Леопольдовнѣ; 4) въ многихъ озлобленіяхъ Елизаветѣ Петровнѣ; 5) дѣйствуя самовольно въ важныхъ дѣлахъ, откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, генералсъ-совѣтовъ не собиралъ, не старался, чтобъ сочтены были лица, тратившія казенныя деньги; 6) и къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которыя до цѣлости всего государства касались, *съ предосужденіемъ всею російскаю народа* употреблялъ чужихъ націй (и не довольно извѣстныхъ о ихъ состояніи) людей, а не російскихъ природныхъ, и тѣхъ во-первыхъ награждать старался, чрезъ что російскимъ интере-

самъ воспослѣдовалъ вредъ; 7) выдавалъ въ расходъ деньги безъ совѣта другихъ кабинетъ-министровъ, измѣнилъ свои мнѣнія въ удобность другимъ, а не въ видахъ государственной пользы, злоупотреблялъ по знанію генерала адмирала и т. п.; 8) «и будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, *многихъ славныхъ и древнихъ россійскихъ фамилій опровергать и искоренять*, у высочайшихъ монарховъ въ озлобленіе приводить и отъ двора многихъ отлучить, и жестокия и неслыханныя мученія и эзекуціи какъ надъ знатными, такъ и надъ незнатными, не щадя и духовныхъ персонъ въ дѣйство производить и между россійскими подданными несогласія всѣвать старался», и много другихъ обвиненій. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ склонить на свою сторону Лестова, Остерманъ подписалъ, не читая, обвинительныя статьи. Вице-канцлера Гр. Мих. Гавр. Головкина обвинили преимущественно въ томъ, что онъ по дѣлу съ перемѣнѣй successiоn былъ главнымъ зачинщикомъ, что онъ составилъ проектъ, чтобы представить въ кабинетъ на разсужденіе о бытіи рожденнымъ отъ принцессы Анны принцессамъ наследницами россійскаго престола и мнѣнія, чтобы въ случаѣ смерти Іоанна Антоновича принцессѣ самой быть императрицей. Не представлялъ о растратѣ казенныхъ денегъ.

Оберъ-гофмаршала Левенвольда обвиняли въ томъ же. Остерману во всемъ потакалъ и съ нимъ, Остерманомъ, въ разсужденіе вступалъ. Выпросилъ себѣ изъ соляныхъ суммъ немалыя деньги и право не давать отчета въ ревизіонъ-коллегіи по соляной суммѣ.

Президентъ коммерцъ-коллегіи Менгденъ признанъ виновнымъ: 1) въ крайнемъ стараніи доставить регентство Бирону, при чемъ онъ внушалъ другимъ, «что ежели Биронъ регентомъ не будетъ, то де они иноземцы всѣ пропадутъ»; 2) въ преступленіяхъ по управленію коммерцъ-коллегіею, а именно: мимо коллегіи съ согласія только Миниха и Остермана разрѣшалъ вывозъ за границу хлѣба изъ Архангельска, Петербурга и завоеванныхъ провинцій, вступалъ самъ въ торги, бралъ взятки. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Іванъ Тимирязевъ внушалъ принцессѣ Аннѣ о назначеніи дочерей ея наследницами и приказалъ секретарю Познякову сочинить по ея приказу два манифеста: одинъ объ этомъ, другой о провозглашеніи самой принцессы императрицей *на весьма худомъ и противномъ основаніи*.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ преступниковъ были еще и другіе: 1) *сынъ Миниха*, оберъ-гофмейстеръ, хотя по изслѣдованію самой комиссіи ни въ какія предосудительныя разсужденія ни съ дѣмъ

не вступалъ и совѣта и наставленій никому не давалъ, однакоже будучи у Анны и супруга ея въ великой милости и вида отъ того частое зло, пристойнымъ образомъ отвращать у нихъ не старался. 2) Тайный совѣтникъ *Стрѣшневъ*, былъ употребляемъ Остерманомъ на развѣдыванія при дворѣ. 3) Генераль-лейтенантъ *Хрущевъ*, находясь при красногорскомъ корпусѣ, тайно посылалъ Остерману рапорты, стараясь объ уничтоженіи прокуроровъ. 4) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей *Яковлевъ* подавалъ Остерману разные негодные проекты о рекрутахъ, лошадахъ, и т. п., составлялъ по входящимъ въ кабинетъ дѣламъ указы *зломъ темно и конфузю*. У Остермана компановалъ духовную императрицы Анны Иоанновны. 5) Директоръ канцеляріи принца Антона брауншвейгскаго Петръ *Грамотинъ* бралъ взятки. 6) Секретарь *Семеновъ* обрѣтался всегда при графѣ Остерманѣ въ партикулярной его услугѣ. 8) Подпоручикъ Нотгофъ, 9) Литавщикъ *Груберъ*, 10) Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка секунд-майоръ Чичеринъ, 11) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка аудиторъ Барановскій и 12) сержантъ Обручевъ присматривали за дѣйствіями Елизаветы Петровны по приказу принца Антона. Слѣдствіе производилось съ возмутительною несправедливостію; такъ что, говорятъ, Бестужевъ, участвовавшій въ комиссіи, сказавъ большымъ, чтобы не подписывать приговора. Судъ приговорилъ: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, Головкину, Менгдену, Левенвольду и Тимирязеву отсѣчь головы, а имѣнія ихъ конфисковать. Оберъ-гофмаршала Миниха * сослать въ деревню, лишивъ чина и снявъ кавалеріи; тайнаго совѣтника Стрѣшнева лиша чиновъ бить плетью, и сослать въ деревню; генераль-лейтенанта Хрущева записать въ дальнюю команду генераль-майоромъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева послать въ Астрахань писаремъ и т. д. Можно смѣло сказать, что еслибъ въ сентенціи вмѣсто именъ осужденныхъ были вставлены имена судей ихъ, она не показалась бы менѣе справедливою. Манифестомъ отъ 22-го января 1742 г. объявлено было всенародно о такихъ богомерзкихъ, злодѣйскихъ поступкахъ и вредительныхъ государству намѣреніяхъ для того, какъ сказано въ концѣ этого акта, «чтобы всѣ вѣрные наши подданные, смотря на то признавали, что Богъ клятвопреступниковъ не терпитъ, и что мудрымъ его промысломъ скртыя въ сердцахъ ихъ умышленія, въ временному и вѣчному ихъ осужденію, всегда откровенны бывають». Въ манифестѣ же объявлено было, что

* Въ П. С. З. есть два именные указа отъ 20 апрѣля и 11 іюня 1743 г. нами оберъ-гофмаршала барона Миниха.

императрица смягчила приговоръ осужденныхъ на смертную казнь и указала сослать ихъ въ заточеніе: Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Гершангъ, Менгдена въ Колымскій острогъ, Левенвольда въ Соликамскій, Тимирязева въ Сибирь и позволила женамъ слѣдовать за мужьями, если онѣ того захотятъ.

18-го января должна была происходить казнь преступниковъ. Императрица отправилась въ загородный дворецъ. На площади предъ военной коллегіей устроенъ былъ эшафотъ. Астраханскій полкъ поставленъ кругомъ. Въ 10 ч. утра началась печальная церемонія. Прежде всѣхъ везли Остермана на простыхъ саняхъ въ шафрокъ и колнакъ. 4 гренадера возвели его на эшафотъ, гдѣ съ открытой головою онъ выслушалъ длинный обвинительный актъ и приговоръ. Потомъ раздѣли и положили голову на плаху и тогда только объявили замѣненіе казни ссылкой. Остерманъ обнаружилъ невозмутимое спокойствіе. Черты лица его не обнаружили ни малѣйшаго волненія даже въ ту страшную минуту, когда прочтенъ былъ приговоръ о колесованіи. Съ тѣмъ же спокойствіемъ услышалъ онъ облегченіе своей участи. Съ геройскою твердостью прибылъ Минихъ, бодро взомель на эшафотъ, ласково привѣтствуя знакомыхъ солдатъ и равнодушно выслушалъ приговоръ и помилованіе. Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Тимирязева, по объявленіи имъ ссылки, отвели тѣмъ же порядкомъ въ крѣпость. Совѣтникъ саксонскаго посольства Пенцольдъ, смотрѣвшій изъ окна на эзекуцію, говорить въ своемъ донесеніи, что въ жизнь свою онъ не видалъ ничего столь поразительнаго. И не одни иностранцы, лучшіе изъ изъ русскихъ не могли безъ затаеннаго негодованія смотрѣть на этотъ судъ и приговоръ надъ знаменитѣйшими изъ сподвижниковъ Петра-Великаго, каковы были Минихъ и Остерманъ. Солдаты, провозжавшіе Миниха, не могли скрыть своего сочувствія къ славному полководцу. Любимцу вице-канцлера Головкина, князю Я. П. Шаховскому, бывшему тогда оберъ-прокуроромъ синода, велѣно было распорядиться отправленіемъ осужденныхъ въ мѣста ихъ заключенія. Въ своихъ запискахъ оставилъ потомству этотъ очевидный свидѣтель любопытныя подробности (I, 103). Остерманъ встрѣтилъ Шаховскаго краснорѣчивымъ изъясненіемъ своего раскаянія и просьбою передать императрицѣ о великодушномъ покровительствѣ дѣтей его. Солдаты перенесли его бережно съ постелью въ сани; съ нимъ отправилась и жена его. Въ Березовѣ умеръ 25-го мая 1747 г. этотъ знаменитѣйшій государственный человѣкъ Россіи, о которомъ Фридрихъ Великій, умѣвшій цѣнить и узнавать людей, оставилъ въ сво-

ихъ посмертныхъ сочиненіяхъ слѣдующій отзывъ: «Царствованіе Петра I образовало такого мужа, который по дарованіямъ своимъ одинъ могъ нести тяжесть государственныхъ дѣлъ и при его наслѣдникахъ, — это былъ Остерманъ. Онъ зналъ Россію, какъ Верней человеческое тѣло».

Въ 1827 г. Бантышъ-Каменскій, проѣзжая черезъ Березовъ, напрасно спрашивалъ старожилонъ о могилѣ знаменитаго дипломата. Никто не зналъ о ней! — Минихъ встрѣтилъ есмлю такъ же, какъ готовился встрѣтить четвертованіе. «Какъ только въ оную казарму, рассказываетъ Шаховской, двери передъ мною отворены были, то онъ стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ повернулся въ смѣломъ видѣ съ танны быстро растворенными глазами, съ каменн и имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріателемъ сраженіяхъ порокомъ окуриваемаго видѣть, шель ко мнѣ на встрѣчу и, приближась, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что я начну... По окончаніи моихъ словъ, поднявъ руки и возведя взоръ свой въ небу, громко сказалъ: «Воже, благослови ея величество и государствованіе ея». Потомъ, нѣсколько потупя глаза и помолчавъ, говорилъ: «Когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, такъ я только принимаю смѣлость про- сить, дабы для сохраненія отъ вѣчной погребели души моея, отправленъ былъ со мною пасторъ». Жена его провожала въ Сибирь, по словамъ Шаховскаго, какъ бы въ какой желаемый путь. Русскій принцъ Евгений, какъ называлъ Миниха Фридрихъ Великій, былъ возвращенъ по смерти Елизаветы, и получивъ прежнее значеніе, былъ свидѣтелемъ новаго переворота, которому въ смѣлости далеко уступалъ переворотъ, возведшій на престоль Елизавету. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о судьбѣ Миниха. Вице-канцлеръ Головкинъ, мучимый подагрой и не владѣя правою рукою, горько жаловался на судьбу, которая избаловала его богатствомъ и почестями и не дала ему силы для перенесенія несчастья. Супруга его, урожденная кн. Ромодановская, послѣдовала за нимъ въ заточеніе и по смерти мужа въ 1755 г. перевезла его тѣло въ Москву. Малодушнѣе всѣхъ оказался красавецъ Левенвольдъ, любимецъ Елизаветы I, блестящій вельможа, мотъ и игрокъ, составившій свое счастье черезъ женщинъ. Онъ не могъ найти того утѣшенія, которое другіе находили въ религіи, потому что, по словамъ герцога Липри, «онъ едва ли вѣрилъ и самому бытію Бога». Лишь только вступалъ въ оную казарму, говоритъ Шаховской, «какъ увидѣлъ человека обнимающаго мои колѣни весьма въ робкомъ видѣ, который притомъ въ смѣтенномъ духѣ такъ тихо говорилъ,

что я и рѣчи ея разслушать не могъ, паче же, что видѣ на головѣ его склоченныхъ волосовъ и неперядочно обросшая сѣдая борода, блѣдное лице, обвалившіяся щеки, худая и замаранная одежда, не мало не вообразили мнѣ того, для кого я туда шелъ, то подумалъ, что то былъ какой нибудь по нимѣ дѣламъ изъ мастеровыхъ арестантовъ. И такъ, оборотясь говорить офицеру, чтобы его отъ меня отвели, и показали бы въ которомъ углу въ той казармѣ бывший гр. Левенвольдъ находится». По извѣстію Пецольда, участь Левенвольда, благодаря благородной фамиліи Строгоновыхъ, была лучше, нежели судьба другихъ ссыльныхъ. Левенвольдъ умеръ въ Соликамскѣ въ 1758 году. Не такъ скоро была рѣшена участь несчастной Брауншвейгъ-Люнебургской фамиліи. Хотя манифестомъ 28-го ноября 1741 года и было всенародно объявлено, что принцесса Анна и ея семейство, «съ надлежащемъ имъ честию и достойнымъ удовольствіемъ» будутъ отправлены за границу, и уже сдѣланы были нѣкоторые приготовления къ отправленію, однако полтора года все семейство содержалось въ Ригѣ подъ самымъ строгимъ карауломъ и терпя недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Здѣсь Анна Леопольдовна опасно занемогла послѣ преждевременныхъ несчастныхъ родовъ. При дворѣ мнѣнія были различны. Въ совѣтѣ, собранномъ по этому случаю, Вестужевъ и большинство настаивали на исполненіи обѣщанія; но мнѣніе Лестока, Шетарди и самой императрицы, было противное. Къ чести Вестужева служить, что онъ отклонилъ по крайней мѣрѣ одну жестокою и бесполезною мѣрою, предлагаемую нѣкоторыми императрицѣ, чтобы перевести въ Москву и попытать Юлію Менгденъ, любимую фрейлину правительницы, повѣренную всѣхъ ея тайнъ. — Отказъ Анны Леопольдовны отречься отъ всѣхъ притязаній на русскій престолъ, и открытіе такъ-называемаго, лопухинскаго заговора, дало окончательный перевѣсъ партіи, требовавшей строгихъ мѣръ относительно сверженнаго императора и его семейства.

Ихъ перевезли изъ Риги въ Динамидъ, оттуда въ Раниенбургъ. Новое правительство хотѣло истребить въ народѣ самую память о прежнемъ правленіи. Рядомъ указовъ, старалось оно достигнуть этой цѣли. Такъ указами 31-го декабря 1741 г., 14-го декабря 1742 и 27-го февраля 1743, строго приказано было промѣнять на новую монету рубли, на которыхъ былъ портретъ несчастнаго младенца. Указами 18-го октября 1742 г. и 27-го июля 1744 г. приказано было публично сжечь всѣ присяжные листы на вѣрность подданства Іоанну Антоновичу. Въ Москвѣ съ барабаннымъ боемъ произведена была эта церемонія

на Ивановской площади; въ Петербургѣ, на площади передъ коллегіями. Указомъ 27-го октября 1742 г. приказано было въ теченіе полугода, подъ опасеніемъ штрафа, представить всѣ церковныя книги, печатанныя во время регентства Бирона и правленія Анны Леопольдовны, для переправленія въ нѣхъ императорскаго титула. Указомъ ноября 1743 г., не только подтвержденъ предыдущій, но сверхъ того, приказано было представить въ академію наукъ проповѣдь, говоренную Амвросіемъ, бывшимъ вологодскимъ епископомъ, а нынѣ новгородскимъ архіереемъ, 3-го іюля 1739 г., при вѣнчаніи Анны Леопольдовны съ принцемъ Брауншвейгъ-люнебургскимъ, а также и всѣ печатныя и писанныя проповѣди, говоренныя во время регентства и правительницы. Указъ декабря 7-го 1743 г. о перемѣнѣ паспортовъ и абшидовъ при реген. и прав. Указомъ 13-го февраля 1745 г. приказано оставить безъ исполненія указы и резолюціи регента и правительницы (подтверждено указомъ 6-го сентября 1748 г.). Сенат. указомъ 19-го августа 1748 г. приказано было всѣ гражданскія книги, какаго бы онѣ званія ни были, печатанныя въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, если въ нихъ упоминаются въ бывшія два правленія извѣстныя персоны, представить въ назначенныя мѣста. А указомъ 25-го августа 1750 г., отобрать и запретить ввозъ иностранныхъ книгъ, печатанныхъ за границей, въ которыхъ упоминаются тѣ извѣстныя имена, и этотъ указъ публиковать во всемъ государствѣ, и выставить во всѣхъ церквахъ и киркахъ, чтобы никто не могъ отговориться невѣдѣніемъ. Вслѣдствіе этого указа, въ Россіи сдѣлался строго-запрещенной книгой Губиеровъ лексиконъ. При такихъ мѣрахъ, брауншвейгской фамилии, очевидно, нельзя было надѣяться на улучшеніе своей участи. Въ 1743 г., принцессу Анну и ея мужа разлучили съ ея мужемъ, разлучили съ ея сыномъ, и перевезли въ Холмогоры. Тамъ, въ архіерейскомъ домѣ, подъ двойною стражею, не имѣвшее между собою сообщенія, въ печальномъ заточеніи, содержалось несчастное семейство. Герцогъ Антонъ-Ульрихъ оказался малодушнѣе своей супруги. Онъ упрекалъ ее въ своей участи и входилъ въ связи съ ея горничными. Принцесса Анна прибыла въ Холмогоры съ двумя дочерьми: Екатериной и Елизаветой, тамъ она родила двухъ сыновей, Петра и Алексѣя, и умерла въ 1746 г. Ульрихъ-Антонъ пережилъ Елизавету, но умеръ также въ заточеніи. Мы скажемъ влослѣдствіи объ участи его и его семейства. Іоаннъ Антоновичъ оставленъ былъ сначала въ Равенбургѣ, но послѣ попытки, сдѣланной однимъ монахомъ увезти его, заключенный въ Смоленскъ, онъ былъ перевезенъ въ шлессбургскую крѣпость.

Его помѣстили въ темной комнатѣ, гдѣ безъ часовъ онъ потерялъ возможность различать день отъ ночи. Офицеры, его стерегшіе, получили строгое приказаніе умертвить его, въ случаѣ сдѣланной попытки къ его освобожденію: имъ запрещено было не только разговаривать съ заключеннымъ, но и отвѣчать на его вопросы. Въ этой душной, мрачной темницѣ провелъ, въ отчужденіи отъ всего міра, безъ человѣческаго общества, безъ утѣшенія, доставляемаго книгами, потому что онъ не умѣлъ ни читать ни писать, признанный русскій императоръ, племянникъ В. Фридриха и датскаго короля въ царствованіе Елизаветы. Съ дѣтства взросшій въ заточеніи, онъ разстроилъ свои умственные способности и сохранилъ только ясное сознаніе, что онъ государь, и благодарную память о Корфѣ, который былъ приставленъ къ нему въ Раніенбургѣ и обходился съ нимъ челоуѣколюбиво. Только разъ во все время своего заключенія въ Шлиссельбургѣ при Елизаветѣ, онъ видѣлъ дневной свѣтъ. Императрица хотѣла его видѣть. Въ закрытой каретѣ привезли его въ Петербургъ въ домъ Воронцова, гдѣ видѣла его Елизавета, говорившая съ нимъ при второмъ свиданіи въ домѣ графа Петра Ивановича Шувалова. О трагической кончинѣ Іоанна Антоновича, заколотога своими собственными стражами, мы скажемъ при обзорѣ царствованія Екатерины II.

Мы упомянули о такъ-называемомъ Лопухинскомъ заговорѣ. Здѣсь всего умѣстнѣе разсказать о немъ, чтобы не прерывать потомъ изложеніе событій царствованія Елизаветы Петровны возвращеніемъ къ лицамъ, свергнутымъ переворотомъ 25-го ноября. Дѣло Лопухина чрезвычайно темно. Кромѣ высочайшаго манифеста, гдѣ просто обозначены вины преступниковъ и жестокое ихъ наказаніе, кромѣ нѣкоторыхъ донесеній иностранныхъ пословъ, мы не имѣемъ другихъ источниковъ. Слѣдственное дѣло не издано. Въ современныхъ русскихъ запискахъ нѣтъ подробностей. Трудно опредѣлить, какъ велика была, дѣйствительно, вина обвиненныхъ и на сколько дѣйствовала тутъ личная ненависть другъ къ другу Лестока и Бестужева и борьба французскаго съ австрійскимъ вліяніемъ. Ясно одно, что императрица была испугана грозившею ей мнимою и дѣйствительною опасностію. Впродолженіе нѣкотораго времени Елизавета не спала по ночамъ и до 5-ти часовъ утра не распускала вечернихъ собраній. Обыкновенный ходъ дѣлъ перепутался и затруднился потому, что днемъ, утомленная и разстроенная императрица должна была вознаграждать себя за ночную бессонницу. Усиленные патрули ходили ночью по городу. Ясно также, что если и было нѣкоторое основаніе во всемъ этомъ дѣлѣ, то неразборчивая на средства не-

ненависть партій воспользовалась этимъ, чтобы придать огромные размѣры и довести встревоженную императрицу до согласія на безчеловѣчный приговоръ, столь несогласный съ ея добротой. Дѣло было слѣдующимъ образомъ. Между Лестокомъ, приверженцемъ версальскаго кабинета, и Вестужевымъ, купленнымъ Австрією, шла скрытая, но ожесточенная борьба. Противъ Лестока было большинство русской партіи: Разумовскій, Воронцовъ, также членъ духовенства (Арх. Новг.). Лестоку искалъ случая погубить Вестужева въ мнѣніи императрицы. Этотъ случай, повидимому, представился: кирасирскій поручикъ Бергеръ, родомъ курляндецъ, былъ назначенъ въ Соликамскъ на мѣсто офицера, находившагося при графѣ Левенвольдѣ. Онъ искалъ случая избавиться отъ этого порученія и явился къ Лестоку съ извѣстіемъ, что штатсъ-дама Лопухина, чрезъ своего сына, просила его передать Левенвольду, чтобы тотъ не отчаявался и надѣялся на лучшія времена. Наталья Федоровна Лопухина, урожденная Балъ, жена генераль-поручика Ст. Вас. Лопухина, была знаменитой красавицей. Красотой, образованіемъ, любезностію и веселымъ характеромъ, она сдѣлалась царицею общества и на придворныхъ балахъ затмѣвала цесаревну Елизавету Петровну, также славившуюся красотой. Между ними поэтому было постоянное соперничество. Лопухина любила Левенвольда и связь ихъ не была тайною. Лопухина была дружна съ граф. Анной Гавриловной Вестужевой-Рюминой, вдовой Ягужинскаго, урожденной Головиной. Гр. Анна Гавриловна была замужемъ за роднымъ братомъ вице-канцлера, но всѣ знали ея горячую привязанность къ ея брату, гр. Головкину, сосланному тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Елизаветы. И Лопухина и Вестужева были кромѣ того хорошо знакомы съ австрійскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Вотта, переведеннымъ въ началѣ 1742 г. изъ Петербурга въ Берлинъ. Лестоку открывалась возможность нанести тройной ударъ вице-канцлеру Вестужеву: 1) въ особѣ его брата; 2) Вестужевъ настаивалъ на отправленіи за границу Брауншвейгской фамиліи; 3) въ лицѣ австрійскаго посланника, еслибы удалось запутать его въ дѣло. Бергеру дано было порученіе добыть подробности объясненія. Въмѣстѣ съ креатурой Лестока, капитаномъ Фалькенбергомъ, Бергеръ завелъ подполковника Лопухина въ трактиръ и тамъ послѣ пирушки вызвалъ его на выраженіе своего неудовольствія противъ правительства и на тостъ за здоровье Юяна Автомовича. Этого уже было достаточно, чтобы представить императрицѣ докладъ о заговорѣ въ пользу Брауншвейгской фамиліи. Въ ночь съ 4-го на 5-е августа свѣтали

Допухину и ея сына. На другой день подъ стражей привезли съ дачи гр. Вестужеву. Муж ея, оберъ-гофмаршалъ Вестужевъ просидѣлъ 2 мѣсяца подъ карауломъ. Затѣмъ слѣдовали новыя аресты. Взяты были фрейлины Лиліенфельдъ и кн. Гагарина. Камергеръ Лиліенфельдъ и братъ его, вице-ротмистръ, флота оберъ-штеръ-кригскомисаръ Зыбинъ, гвардіи поручикъ Мошковъ, отставной капитанъ кн. Путятинъ, подпоручикъ Акинфовъ, адъютантъ Колычевъ, дворянинъ Ржевскій. Ислѣдованіе поручено было комиссіи изъ генерала-аншефа Ушакова, тайн. сов. Лестока, ген.-прокурора кн. Трубецкаго, дѣлившаго съ Лестокомъ ненависть къ Вестужеву. Для веденія протоколовъ назначенъ былъ кабинетный секретарь Демидовъ. Нетрудно было получить признаніе обвиненныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ, которыми они часто выражали свое неудовольствіе противъ насилія правительства и сожалѣніе объ участи сосланныхъ послѣ переворота 25-го ноября, также въ рѣзкомъ осужденіи частной жизни императрицы и характеровъ ея любимцевъ. Главные обвиненные были жеманницы, никогда не скрывавшія своихъ симпатій къ сосланнымъ и нелюби къ Елизаветѣ Петровнѣ. Гораздо труднѣе было открыть существованіе политическаго заговора и запутать графовъ Вестужевыхъ. Было допрошено множество лицъ, тщательно пересмотрѣны всѣ бумаги оберъ-гофмаршала Вестужева, но самъ Лестокъ не могъ найти достаточныхъ поводовъ къ обвиненію. Хотѣли знать объ отношеніяхъ заговорщиковъ къ Боттѣ, австрійскому посланнику. Говорятъ, осужденнымъ внушили, что они могутъ облегчить свою участь, выставивъ главнымъ виновникомъ Ботту, уже не бывшаго въ это время въ Россіи. Французскій посланникъ *d'Aillon*, по сношеніи съ своимъ товарищемъ при берлинскомъ дворѣ, маркизомъ *de-Balores*, сообщилъ тайно, что Ботта отправился въ Берлинъ съ планомъ склонить Фридриха II къ участію въ возведеніи снова на русскій престолъ Брауншвейгскаго дома. Такимъ образомъ выведено было: что маркизъ де-Ботта хотѣлъ ниспровергнуть существующее правительство и доставить престолъ Іоанну Антоновичу, что онъ обѣщался помогать заговорщикамъ деньгами и хотѣлъ склонить на ихъ сторону короля прусскаго. Восемь человекъ, въ томъ числѣ три женщины, были признаны государственными преступниками. Въ засѣданіи совѣта при донесеніи слѣдственной комиссіи, первый подавшій голосъ сенаторъ предложилъ простую смертную казнь преступникамъ, основываясь на томъ, что они еще не привели въ исполненіе свой планъ и виновны только въ намѣреніи и что въ русскихъ зако-

нахъ нѣтъ точнаго опредѣленія относительно женщинъ. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, нарочно въ первый разъ явившійся въ совѣтъ, сильно возставалъ противъ этого и требовалъ болѣе жестокаго наказанія; его мнѣнiе поддерживали Лестоку и Трубенцкой. Слѣдствiемъ этого былъ слѣдующій приговоръ: Степана Лопухина съ женою и сыномъ и Анну Бестужеву вырѣзавъ языки колесовать и тѣла ихъ на колеса положить; Мошкова и кн. Путятина четвертовать; Зибину отсѣчь голову и тѣла ихъ на колеса положить; Софѣя Лиліенфельдъ отсѣчь голову. Долго спорили о томъ, должно ли въ манифестѣ назвать Ботту виновнымъ. Цѣлую недѣлю Елизавета не знала, на что рѣшиться, наконецъ положено было поставить его обвиненіе въ манифестѣ. Манифестъ вышелъ 29 августа 1743 г. Въ немъ снова говорилось о правахъ на престолъ Елизаветы Петровны; вычислены вины преступниковъ, обвиненъ Ботта, высказана увѣренность въ неучаствованіи короля прусскаго и смягчена казнь осужденныхъ. Ихъ велѣно было сослать съ слѣдующимъ наказаніемъ: Лопухина съ женою и сыномъ и гр. Бестужеву бить кнутомъ и вырѣзать языки; Мошкова и кн. Путятина бить кнутомъ; Зибина высѣчь плетьюми; то же сдѣлать и съ Софѣей Лиліенфельдъ, дожидая пока она разрѣшится отъ бремени. Французскій путешественникъ, проѣзжавшій въ Сибирь (аббатъ Шапъ), оставилъ намъ возмущающія душу подробности о наказаніи, произведенномъ надъ Лопухиной. Относительно Ботты рѣшено было требовать отъ Маріи-Терезіи сатисфакціи. Фридрихъ, II въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ сказавшій, что кнутъ доказалъ русскому правительству, что Ботта былъ виновникомъ заговора, спѣшилъ однако воспользоваться случаемъ, чтобы сблизиться съ Россіей и, если можно, возстановить ее противъ Австріи. Черезъ посланника онъ объявилъ петербургскому кабинету, что онъ не хочетъ имѣть Ботту въ Берлинѣ и приказалъ ему выѣхать, совѣтовавъ также перевести Брауншвейгскую фамилію изъ Динабурга во внутренность Россіи. Маріа-Терезіа, чтобы не разсориться съ Россіей, союзъ которой былъ для нея необходимъ, вызвала Ботту для суда надъ нимъ и для вида сослала его въ крѣпость Грецъ, о чемъ и дано было знать въ Петербургъ черезъ гр. Розенберга. Бестужевъ (вице-кэмпдиръ) сумѣлъ сохранить довѣренность императрицы и убѣдилъ ее предать дѣло забвенію и ходатайствовать передъ Маріей-Терезіей объ освобожденіи Ботты, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заключенія получилъ полную свободу.

Такиими варварскими казнями надъ преступниками, которые, по

словамъ самого манифеста, могли только не смотря на всѣ происки только 8 человекъ къ своему злему начинанію привести и были сверхъ того уличены только въ умыслѣ,—жестокостію, совершенно противною личному кроткому характеру Елисаветы, старалось заглушить новое правительство всякое выраженіе сожалѣнія о сверженномъ императорѣ и объ участи его семьи и приверженцевъ. Эти казни, слѣдствіе личной вражды сильныхъ временщиковъ, были, впрочемъ, послѣднія въ царствованіе Елизаветы, давшей обѣтъ, въ самую критическую минуту ея жизни, быть милосердой и не проливать крови своихъ подданныхъ. Эти казни еще были отзывомъ прежняго времени. Царствованіе Елизаветы значительно смягчило нравы. Дѣйствуя противъ прежняго правленія, новое правительство принимало мѣры къ своему упроченію. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Елизавета спѣшила вызвать въ Россію своего племянника, герцога Голштинскаго, чтобы объявить его своимъ наслѣдникомъ. Карлъ-Петръ-Ульрихъ, сынъ Анны Петровны, прибылъ въ Петербургъ 5 февраля 1742 г., будучи 14 лѣтъ отъ роду. Профессору Штелину поручено было заняться его воспитаніемъ вмѣстѣ съ Веселовскимъ и Симеономъ Тодорскимъ. Послѣднему, учившемуся нѣкогда въ Галле и сдѣланному впослѣдствіи епископомъ костромскимъ, поручено было наставить его въ догматахъ православной церкви. Между тѣмъ дѣланы были приготовленія къ коронаціи. 28 февраля императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву и 28 апрѣля съ небывалою въ Россіи пышностію совершенно было коронованіе. Праздники, маскарады въ продолженіе 8 вечеровъ. Присутствіе персидскаго посла увеличило блескъ праздниковъ. Морицъ Саксонскій прибылъ искать Курляндскаго герцогства. Милости и награды осыпали приближенныхъ къ императрицѣ. Юня 25 дня дана была жалованная грамота Лифляндіи съ подтвержденіемъ правъ и привилегій этой области. Того же дня жалованная грамота Эстляндіи. Сентября 17 жалованная грамоты Ригѣ и Ревелю, октября 27 городамъ: Дерпту, Нарвѣ, Пернову, Выборгу и Эзельской провинціи; ноября 3 Нѣжинскому греческому обществу и т. д. Спѣшили приготовленіемъ будущаго наслѣдника и 7 ноября совершилось его присоединеніе къ православію. Въ тотъ же день былъ изданъ манифестъ о признаніи Петра Θεодоровича наслѣдникомъ русскаго престола и форма присяги. Замѣчательно, что во всѣхъ церковныхъ возгласеніяхъ велѣно было при упоминаніи о наслѣдникѣ вставить слова: *внукъ Петра перваго*, напр.: и о наслѣдникѣ ея, *внукъ Петра перваго*, *благовѣрномъ государѣ* и т. д. (№ 8,671). Этимъ

хотѣли безпрестанно напоминать народу о правахъ его на русскій престолъ.

Такъ утвердилось новое правительство. Мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о характерѣ императрицы Елизаветы и людей, имѣвшихъ особое вліяніе на дѣла государственныхъ: о Разумовскихъ, Бестужевѣ, Шуваловыхъ, Лестокахъ, Воронцовѣ, Трубецкомъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Елизаветѣ было тридцать-два года, когда она вступила на престолъ. Герцогъ Лирія, испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ, такъ описываетъ Елизавету, когда ей было 22 года: «Принцесса Елизавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видалъ. Цвѣтъ лица ея удивительный, глаза пламенны, ротъ совершенный, шея самая бѣлая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности». Что при описаніи наружности нѣтъ лести, доказываютъ всѣ сохранившіеся портреты. Даже на портретахъ послѣднихъ годовъ, когда полнота измѣнила во многомъ самыя черты лица и образъ жизни оставилъ на немъ свои слѣды, видно что въ молодости она была необыкновенно хороша. Елизавета гордилась этой красотой и жестокою казнь Лопухиной и Бестужевой многіе объясняли женскою местию. Воспитаніе Елизаветы было довольно пренебрежено. Одна французка занималась съ нею въ извѣстныя часы. Только поздно назначены были вдова Салтыкова, впоследствии супруга фельдмаршала Миниха, гувернанткой, а дочь ея и Мавра Егоровна Шепелева фрейлинами. Несмотря на малую заботливость объ образованіи, Елизавета хорошо узнала русскій, французскій, нѣмецкій и даже шведскій языкъ, отлично танцевала; на этомъ и окончилось ея воспитаніе. Живость характера и страстность рано увлекли ее. Предполагавшееся супружество съ Еписк. Любекскимъ, котораго она любила, не состоялось по причинѣ смерти жениха. Другихъ предложеній не было, а потомъ сама Елизавета старалась отклонить ихъ. Императрица Анна сослала въ Сибирь перваго любимца Елизаветы, сержанта Шубина. Въ правленіи императрицы Анны его хотѣли-было возвратить, но не могли отыскать мѣста его ссылки, и только послѣ вступленія Елизаветы на престолъ Шубинъ, послѣ долгихъ поисковъ, былъ найденъ въ Камчаткѣ, возвращенъ въ Петербургъ и пожалованъ генераль-майоромъ, но измученный долгимъ заключеніемъ и лишеніями всякаго рода, онъ просилъ отставки, и удалился въ пожалованную деревню. Мѣсто его занялъ малороссійскій пѣвчій Разумов-

скій, сохранившій привязанность Елизаветы Петровны на всѣ годы. Къ большой чести Елизаветы служить ей привязанность къ Разумовскому. Постоянная память о Шубинѣ также говорить нѣсколько въ ея пользу. Это увлеченіе чувства отвлекло Елизавету отъ честолюбивыхъ замысловъ. Послѣ смерти Петра II ей стояло только послѣдовать совѣту Лестока и показаться гвардіи, чтобы получить престолъ; но никакія убѣжденія не могли вызвать ее изъ внутреннихъ комнатъ. Привязанная къ веселости, къ танцамъ и всякаго рода увеселеніямъ, она не прельщалась властію, и даже люди, приверженные къ памяти Петра-Великаго, находили ее еще слишкомъ молодою для управленія государствомъ. Все время правленія императрицы Анны провела она въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, и провела бы такъ, быть можетъ, всю жизнь, еслибы ее оставили въ покоѣ; но для правительницы Анны Леопольдовны дочь Петра-Великаго казалась слишкомъ опасна. Ее хотѣли выдать почти насильно за Лудовика принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, брата Антона-Ульриха, которому хотѣли доставить герцогство Курляндское. Предполагаемый бракъ не нравился обѣимъ сторонамъ. Лудовикъ, зная разсѣянный образъ жизни Елизаветы, если рѣшился на него, то только изъ необходимости. Мы знаемъ, какъ много труда стоило Лестоку вывести Елизавету изъ ея нерѣшительности и уговорить сдѣлать шагъ къ трону. Сдѣлавшись императрицей, Елизавета мало занималась дѣлами. Еще въ первое время она иногда присутствовала въ сенатѣ или совѣтѣ, но скоро перестала. Дѣла надобдали ей, самое лучшее время для разговора о чемъ нибудь важномъ было во время туалета. Иногда трудно было уговорить ее сдѣлать пустую подпись. Такъ на письмо французскаго короля, извѣщавшаго о рожденіи внука, она подписала отвѣтъ только черезъ три года. Правленіе перешло въ руки лицъ, пользовавшихся ея довѣренностью. Безпрестанные праздники, маскарады во вторникамъ, гдѣ часто мужчины являлись въ женскихъ костюмахъ, а дамы въ кафтанахъ, загородныя поѣздки и балы поглощали все ея вниманіе. На престолъ принесла она только кротость и отвращеніе отъ кровавыхъ мѣръ. Казни и ссылки, ознаменовавшія начало ея царствованія, падаютъ на совѣтъ лицъ, близкихъ къ трону; онѣ были противны характеру государыни. Въ правленіе Елизаветы болѣе, чѣмъ когда нибудь должно объяснять событія придворными партіями и интригами. Когда прошла пора увлеченій молодости, время танцевъ и баловъ, Елизавета не сдѣлалась внимательнѣе къ завитіямъ. Гастрономическія наслаж-

денія сдѣлались ей необходимою. Пышныя ужины заняли мѣсто танцевъ, и жизнь такого рода, чисто чувственная, имѣла пагубное вліяніе на ея здоровье, была, быть можетъ, причиною ея ранней смерти. Первое мѣсто въ числѣ людей, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ императрицы, занималъ Алексѣй Григ. Разумовскій. Сынъ бѣднаго реэстроваго казака Григорья Разумовскаго, Алексѣй Разумовскій родился въ 1709 году, слѣдовательно въ одинъ годъ съ Елизаветой, въ деревнѣ Лемешахъ, Козелецкаго повѣта Черниговской Губерніи. Онъ былъ пастухомъ при деревенскомъ стадѣ и пѣлъ по праздникамъ на влоросѣ. Полковникъ Вишневскій проѣздомъ замѣтилъ его голосъ, и молодой Разумовскій былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ пѣвчіе. Елизавета выпросила его себѣ у обер-гофмаршала Левенвольда, и съ этого времени начинается тѣсная связь между нимъ и Елизаветою. Въ самый день государственнаго переворота, возведшаго на престолъ дочь Петра-Великаго, Разумовскій былъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. 5-го февраля ему былъ данъ орденъ св. Анны 1-й ст., потомъ онъ сдѣланъ оберъ-эгермейстеромъ и поручикомъ лейбъ-компаніи. 25-го апрѣля того же года кавалеромъ орд. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго. 16-го мая 1744 г. графомъ Римской имперіи. Въ 1746 году получилъ отъ польскаго короля орденъ Вѣлаго орла, наконецъ былъ возведенъ въ санъ русскаго генералъ-фельдмаршала. Его мать была привезена въ С.-Петербургъ съ величайшими почестями и помѣщена въ самомъ дворцѣ, но простой, хотя чрезвычайно умной казачкѣ, было тяжело жить при дворѣ и она выпросилась домой. Братъ его, Кирила, родившійся въ 1728 г., также былъ вызванъ въ 1743 г. ко двору, былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и въ томъ же 1743 г. отправленъ для воспитанія за границу подъ руководствомъ адъютанта академіи Гр. Н. Теллова. До насъ дошли любопытныя инструкціи, данныя Алексѣемъ Разумовскимъ. Молодой Разумовскій долженъ былъ учиться языкамъ нѣмецкому и французскому, ариметикѣ, географіи, универсальной исторіи — для лучшей стройности тѣла танцовать, фехтовать и ѣздить верхомъ. Замѣчателенъ 10-й пунктъ инструкціи, изъ котораго видно, что Кирила Разумовскій путешествовалъ подъ чужимъ именемъ для избѣжанія лишней пышности. Лемешевскій казакъ путешествовалъ виогнито!! 15-го іюня 1744 г. Кирила Разумовскій былъ сдѣланъ графомъ Россійской имперіи; 24-го мая 1745 г. камергеромъ и кавалеромъ орд. св. Анны; 21-го мая 1746 г. президентомъ академіи наукъ (ему было 18 лѣтъ); 28-го іюня того же года кавалеромъ орд. Алек-

сандра Невскаго; 5-го сентября 1748 г. получилъ орденъ Бѣлаго орла, званіе подполковника гвардіи Измайловскаго полка (подполковникомъ Преображенскаго былъ великій князь наслѣдникъ), сенатора и генераль-адъютанта, въ 1750 году былъ уже гетманомъ Малороссіи въ званіи генераль-фельдмаршала. Болѣе ему ничего уже нельзя было дать, а ему было всего 22 года отъ роду. Характеръ братьевъ Разумовскихъ отличался добродушіемъ. Алексѣй мало принималъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, а если и принималъ, то развѣ только относительно Малороссіи, для которой и онъ и братъ его сдѣлали много добра. Оба они не забыли своего низкаго происхожденія. Киевская академія думала угодить Алексѣю Григорьевичу, заказавъ Казачинскому составить генеалогію и доказать происхожденіе Разумовскихъ черезъ гетмана Рожинскаго отъ Гедемина. Доказательства были напечатаны на латинскомъ, польскомъ и украинскомъ языкахъ. Разумовскіе первые смѣялись надъ этою низкою лестью. Тотъ и другой одинаково знали мать свою и только собственное желаніе было причиною, что она не раздѣляла почестей и богатства своихъ сыновей. Во дворцѣ императрицы и въ гетманскомъ домѣ въ Башуринѣ, она ходила въ своей старой казачьей одеждѣ. Порошинъ въ своихъ запискахъ приводитъ характеристическій разговоръ Ник. Иван. Панина и Чернышова о старомъ Разумовскомъ. Мы приводимъ ихъ, потому что они дороги для исторіи нравовъ высшаго общества. «Ник. Ив. рассказывалъ о банкахъ, которые гр. Ал. Гр. Разумовскій дѣлывалъ и нарочно проигрывалъ; какъ у него Настасья Михайловна и другіе изъ банку вкрадывали деньги, и послѣ щедроты его въ надлежащемъ мѣстѣ выхвалявали, да не только такіа Настасья Михайловны, но и люди не совсѣмъ безважные при томъ пользовались. За кн. Ив. Васильевичемъ одинъ разъ подмѣтили, что тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ, и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему». Гр. Ив. Григ. рассказывалъ, въ какой чрезвычайной силѣ былъ тогда графъ Алексѣй Григор. Гр. Петръ Ив. Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москвѣ на охоту, и графиня Мавра Егоровна молебны пѣвала по возвращеніи ихъ, что Петръ Ив. батожьемъ отъ него не сѣченъ. Алексѣй Григ. всегда не слокоенъ бывалъ пьяный». Не забудемъ, что Петръ Ив. Шуваловъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ государствѣ, а его супруга—любимица Елизаветы. Мы будемъ имѣть еще случай говорить о Кирилѣ Григорьевичѣ; скажемъ только, что большинство рассказовъ явно въ его пользу, что много разъ онъ доказалъ свое доброе сердце, обнаружилъ прямой, честный характеръ. Вообще по нравствен-

нымъ качествамъ, изъ всѣхъ довѣренныхъ лицъ при дворѣ Елизаветы, за исключеніемъ Ив. Ив. Шувалова, Разумовскіе занимали первое мѣсто.

Графъ Арнольдъ Лестокъ, по происхожденію французъ, врачъ императрицы, имѣлъ на нее сильное вліяніе въ началѣ ея царствованія. Онъ прибылъ въ Россію въ 1713 г., опредѣленъ докторомъ Екатерины, и въ 1718 г. сосланъ Петромъ-Великимъ въ Казань за распутное поведеніе, какъ увѣряетъ Штелинь въ своихъ анекдотахъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины Лестокъ былъ возвращенъ, и занялъ мѣсто врача при великой княжнѣ Елизаветѣ. Онъ умѣлъ понравиться ей своимъ веселымъ характеромъ, французской любезностью и остроуміемъ, и скоро сдѣлался повѣреннымъ всѣхъ ея тайнъ. Послѣ смерти Петра II онъ внушилъ ей мысль предъявить свои права на престолъ, но не могъ побѣдить ея нерѣшимости, и привелъ въ исполненіе свой планъ только въ 1741 г. Неосторожность Лестока и его болтливость едва-было не погубили Елизавету, и только непонятное ослѣпленіе правительницы сдѣлало возможнымъ переворотъ 25-го ноября. Это же легкомысліе и неумѣніе владѣть собою и сдерживать языкъ, и было причиною паденія Лестока. Онъ самъ сознавалъ свою неспособность къ дѣламъ политическимъ, и хотѣлъ-было уѣхать за границу; оставшись по просьбѣ императрицы, рѣшился держаться въ сторонѣ отъ государственнаго управленія, но не могъ выдержать своей рѣшимости. Елизавета имѣла къ нему полную довѣренность, онъ видѣлъ ее каждый день, убѣжденіе французскаго посланника и другихъ друзей, желавшихъ пользоваться его вліяніемъ и близостью къ императрицѣ — все это заставило его поневолѣ вмѣшиваться въ политику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ придворныя интриги. По его настоянію, Ан. П. Вестужевъ вызванъ былъ къ двору, и получилъ званіе вице-канцлера, несмотря на то, что Елизавета, неохотно соглашавшаяся на это, предсказала Лестоку, что онъ самъ готовитъ на себя розги. И дѣйствительно, между Вестужевымъ и Лестокомъ тотчасъ завязалась тайная борьба, постепенно принявшая характеръ самой ожесточенной вражды. Лестокъ былъ купленъ Франціею. Онъ проводилъ большую часть времени у французскаго посланника де-Ла-Шетарди, съ которымъ былъ особенно друженъ, находилъ тамъ общество по своему вкусу, варточную игру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства платить проигрыши. Всѣми силами онъ старался склонить Елизавету къ тѣсному союзу съ Франціею, доставивъ Шетарди, въ бытность двора въ Москвѣ, тайную аудіенцію

во внутреннихъ комнатахъ императрицы и случай еще разъ видѣться у себя въ домѣ во время иллюминаціи, и, имѣя самъ возможность видѣть Елизавету каждый день и во всякое время, не пропускалъ ни одной благопріятной минуты для убѣжденія въ выгодахъ французскаго союза. Бестужевъ, проданный Австріи, точно также какъ Лестоку Франціи, долженъ былъ стараться подрывать вліяніе Лестока. По его внушенію канцлеръ Черкасскій, непріязненно смотрѣвшій на иностранцевъ, говорилъ Елизаветѣ о томъ, что Лестоку средства для своей огромной игры получаютъ отъ Франціи. Посланники потребовали, чтобы Лестоку или пересталъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя, или бы занялъ мѣсто въ совѣтѣ и раздѣлялъ съ другими отвѣтственность. Борьба съ Бестужевымъ была не по силамъ Лестоку, несмотря на огромное преимущество, которое имѣлъ онъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Елизаветой. Онъ слишкомъ презиралъ своихъ противниковъ, открыто являлъ Бестужева насмѣшками и былъ крайне неостороженъ. Мы не будемъ входить въ подробности. Образчикъ средствъ, которыя употребляли другъ противъ друга противники, мы видимъ въ лопухинскомъ заговорѣ, которымъ Лестоку хотѣлъ погубить Бестужева. Долго нельзя было никакими средствами поколебать довѣренность Елизаветы къ главному виновнику ея вступленія на престолъ, повѣренному всѣхъ ея тайнъ и любимому доктору. Только въ 1748 г. успѣли вырвать у нея согласіе на его арестованіе. Личный врагъ Лестока С. Ѳ. Апраксинъ арестовалъ его 13-го ноября и отправилъ въ Петропавловскую крѣпость. Ему же было поручено и президенство въ слѣдственной комиссіи. Продажность Лестока была всѣмъ извѣстна. Онъ получалъ пенсію отъ дворовъ: шведскаго, прусскаго и французскаго, но это еще не составляло государственнаго преступленія, въ которомъ его хотѣли обвинить,—тѣмъ болѣе, что о французской пенсіи императрица знала еще и прежде. Опасныя для него бумаги, Лестоку, предупрежденный арестомъ своего секретаря за нѣсколько дней до собственнаго ареста, успѣлъ, вѣроятно, уничтожить, по крайней-мѣрѣ, въ найденныхъ у него бумагахъ комиссія, несмотря на все желаніе, не могла ничего найти. Дѣло тянулось долго. Только въ 1750 г. онъ былъ присужденъ къ ссылке, сначала въ Угличъ, потомъ въ Устюгъ. Имѣніе было конфисковано; великолѣпный домъ подаренъ Апраксину. Какъ справедливо производилось слѣдствіе, видно изъ того, что когда Петръ III приказалъ возвратить Лестоку взятое у него имѣніе, изъ 40,000 руб. наличными, взятыми при арестованіи, 29,000 показано было

истраченными на судебны издержки, въ томъ числѣ 800 руб. на перья, бумагу и чернила. Пецольдъ, совѣтникъ саксонскаго посольства, говоритъ о характерѣ Лестока, что онъ былъ безпокойный, безразсудный, безсовѣстный, мстительный и своекорыстный человекъ. При этомъ, несмотря на несчастіе и болѣзни, Лестоко умѣлъ сохранить до конца жизни веселость и любовь. † 1767 г.

Вліяніе Бестужева на государственную политику было такъ велико, что мы должны будемъ безпрестанно возвращаться къ нему, при изложеніи отношеній Россіи къ европейскимъ державамъ. Здѣсь ограничимся нѣкоторыми біографическими замѣтками и общей характеристикой Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Родившись 22-го мая 1692 г., 15 лѣтъ онъ былъ отправленъ Петромъ-Великимъ (1708 г.) для образованія въ Копенгагенъ и Берлинъ, а потомъ путешествовать. Въ 1712 г. опредѣленъ чиновникомъ къ нашему министру вн. Куракину и былъ при утрехтскомъ конгрессѣ. Въ 1713 г., съ согласія Петра, поступилъ на службу къ Ганноверскому курфирсту, съ чиномъ старшаго подполковника, сдѣланъ былъ имъ камеръ-юнкеромъ и, послѣ возведенія курфирста на англійскій престолъ, былъ взятъ Георгомъ въ Англію и посланъ отъ него въ С.-Петербургъ, въ званіи уполномоченнаго посла, съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ. Только въ 1717 году онъ перешелъ изъ англійской службы въ русскую и состоялъ оберъ-камеръ-юнкеромъ при герцогинѣ Курляндской. Въ 1720 г. отправленъ посломъ въ Копенгагенъ и ѣздилъ оттуда для объясненія въ Лондонъ. При датскомъ дворѣ онъ оставался до 1724 г. и переведенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Голландію. Послѣ кончины Петра онъ, по мести Меншикова, попалъ въ немилость. Въ 1723 г., по ходатайству Бирона, переведенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Гамбургъ и Нижній Саксонскій Округъ. Ему удалось похитить изъ голстинскаго архива духовное завѣщаніе императрицы Еватерины I и другія важныя бумаги. Въ 1734 г. снова отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Копенгагенъ и оставался тамъ до 1740 г., когда, наконецъ, окончательно вызванъ въ Россію и, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, опредѣленъ кабинетъ-министромъ, на мѣсто казеннаго Волынскаго. Такимъ образомъ въ ранней молодости, въ теченіе почти 32-лѣтъ (за исключеніемъ 3-хъ, проведенныхъ при дворѣ курляндскаго герцога), онъ оставался за границей, участвуя во всѣхъ тайнахъ европейской дипломатіи. Въ новомъ званіи онъ постоянно держался стороны Бирона, и послѣ его паденія былъ отставленъ. При Елизаветѣ, по просьбѣ Лестока,

онъ былъ вызванъ ко двору и скоро назначенъ вице-канцлеромъ и получилъ полную довѣренность императрицы.

Бестужевъ получилъ превосходное и многостороннее образование. Составленныя имъ капли, до сихъ поръ сохранившія его имя въ медицинѣ, пользовавшіяся громкою славой въ прошломъ вѣкѣ, доказываютъ его знаніе въ химіи и медицинѣ. Онъ женатъ былъ на нѣмкѣ, дочеря резидента Беттингера, и постоянно покровительствовалъ нѣмцамъ. Лютеранская церковь обязана ему многими приношеніями и тѣмъ, что осталась на прежнемъ мѣстѣ, несмотря на требованіе нашего духовенства. Манштейнъ въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующее описаніе характера Бестужева: «Онъ человѣкъ довольнаго ума и по долговременной опытности видно хорошо зналъ дѣла, а сверхъ того и трудолюбивъ. Но съ другой стороны былъ нравомъ высокомеренъ, скупъ, развратенъ, криводушенъ и столько мстителенъ, что никогда не прощалъ тѣхъ, которые оскорбили его высокомеріе или коснулись его пользы. — По властолюбивому своему нраву возбудилъ противъ себя весьма много непріателей, которые ни одного случая не пропускали очернить его предъ государыней» (II, 182). Переписка дипломатовъ и отзывы Фридриха Великаго, могутъ служить доказательствомъ вѣрности этого изображенія. Бестужевъ получалъ большія суммы отъ разныхъ дворовъ, особливо отъ вѣнскаго и дрезденскаго, также лондонскаго въкоторое время. Бестужевъ умѣлъ мастерски вести интриги. Къ хитрости онъ умѣлъ присоединять и смѣлость. Никто, не исключая и Разумовскаго, не владѣлъ такъ волей Елизаветы, и многочисленныя враги Бестужева, только особенному случаю одолжены возможностью свергнуть Бестужева. Манифестъ объ его осужденіи лучше всего доказываетъ, до какой степени казался онъ страшенъ и въ паденіи. Мы, впрочемъ, подробно будемъ говорить о дѣятельности Бестужева.

Братья Шуваловы, Александръ и Петръ Ивановичи, пользовались огромнымъ вліаніемъ въпродолженіе всего царствованія Елизаветы Петровны. Оба они, происходя изъ небогатой дворянской фамиліи, успѣли попасть ко двору, и своимъ возвышеніемъ обязаны были перевороту 24-го ноября, въ которомъ принимали дѣятельное участіе, служа камеръ-юнкерами при Елизаветѣ Петровнѣ. Старшій, Александръ Ивановичъ, пользовавшійся, по преданію, особенной благосклонностью императрицы, лицо безпѣвное, и не отличавшееся ни чѣмъ особенно. Съ 1741 по 1753 г. онъ съ необыкновенною быстротою прошелъ служебное поприще съ камеръ-юнкеровъ до званія генералъ-аншефа, графа.

Россійск. импер. и кавалера ордена св. Андрея. Онъ находился, по словамъ Шаховскаго, въ знатнѣйшихъ и большихъ довѣренностихъ и имѣлъ подъ своей дирекціею, тогда страшную, тайную канцелярію. Онъ начальствовалъ армейской дивизіей, и произвелъ Петромъ III въ генераль-фельдмаршалы, но уволенъ былъ при службѣ Екаториной. Онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ братьевъ. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ—лицо замѣчательное. Его возвышеніе было такъ же быстро, какъ и возвышеніе его брата; но по личному характеру онъ имѣлъ несравненно болѣе значенія въ дѣлахъ внутренняго управленія. Онъ былъ женатъ на знаменитой, въ лѣтописяхъ придворныхъ интригъ и скандальной хроникѣ, Маврѣ Егор. Шепелевой, бывшей фрейлинѣ Елизаветы и ея повѣренной во всѣхъ дѣлахъ. Мавра Егоровна жила во дворцѣ и служила усердной помощницей своему мужу. Какъ ревниво остерегали Шуваловы Елизавету отъ всякаго имъ чуждаго вліянія, какія средства употребляли для этого, можно видѣть изъ приключенія съ Бестужевымъ и изъ записокъ Шаховскаго. Жадность къ приобрѣтенію и властолюбію была отличительнымъ свойствомъ характера Шувалова, хотя первое преобладало надъ вторымъ. Петръ Ивановичъ былъ сдѣланъ конференцъ-министромъ, директоромъ комиссіи для перекладки мѣдной монеты, управлялъ по званію генераль-фельдцейхмейстера артиллерійскою и оружейною канцеляріями, и бесовѣстно пользовался, какъ этими, такъ и другими средствами, для увеличенія своего огромнаго состоянія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этой сторонѣ характера Шувалова, приводимъ нѣкоторые факты. Користолюбіе Шувалова тяжело отозвалось на нашей промышленности, оно грозило подорвать въ конецъ благосостояніе промышленнаго населенія Бѣломорскаго и Каспійскаго побережья. Онъ выхлопоталъ себѣ исключительную монополію на торговлю саломъ въ Архангельскѣ и Колѣ, на добываніе тюленьяго сала, на промыслы трески, наконецъ на всѣ рыбныя промыслы на берегахъ Бѣлаго и Каспійскаго Моря. Всякая частная торговля была запрещена въ выгодахъ бѣломорской компаніи Шувалова. Въ 1751 г. онъ получилъ монополію на рыбныя промыслы въ Астрахани и во всемъ Каспійскомъ Морѣ. Такимъ образомъ интересы огромнаго населенія, самаго предприимчиваго, были пожертвованы мужу любимицы Елизаветы. Но Шувалову было мало этого. Графскій домъ наполненъ былъ тогда весь писцами, которые описывали разные отъ графа прожекты. Нѣкоторые изъ нихъ были, къ приумноженію казны государственной, которой на бумагахъ милліоны поставлено было цифрами, а другіе прожекты были

для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ-то сало ворвань, мячтовнй лёсъ и проч., которые были на откупъ во всей Архангелогородской губерніи, всего умножило его доходъ до 400,000 рублей (кромѣ жалованья) въ годъ». Шуваловы взяли также на откупъ знаменитые Гороблагодатскіе заводы и наглымъ образомъ выпросили себѣ, не только всѣ находящіяся при нихъ, еще неразработанные матеріалы, но и 100,000 п. уже привезеннаго въ Петербургъ желѣза. Чтобы заставить рабочее населеніе Пермской губерніи обратиться отъ соляныхъ промысловъ къ работамъ на его заводахъ, онъ убѣдилъ правительство пустить въ продажу экономическую соль. Виннымъ откупщикамъ онъ выхлопталъ многія льготы и самъ вступилъ въ подрядъ, совершивъ съ ними выгодную сдѣлку. Онъ былъ виновникомъ отмѣны внутреннихъ пошлинъ, стѣснявшихъ нашу торговлю, но сдѣлавъ это не изъ видовъ государственной пользы, а вопервыхъ, потому, что сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ рыбные промыслы и желѣзные заводы, онъ самъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ торговцевъ и, слѣдовательно, платился наряду съ другими, особенно въ торговлѣ желѣзомъ; воторныхъ, по его внушеніямъ купцы въ благодарность поднесли ему за это брилліантовую звѣзду и крестъ ордена св. Андрея. Сверхъ того по комиссіи о передѣлѣ мѣдной монеты онъ дѣйствовалъ самостоятельно и не отдавалъ отчета даже сенату, раздавая частнымъ образомъ деньги подъ проценты дворянамъ, и извлекая изъ этого огромные барыши. Въ сенатѣ и конференціи министровъ онъ не встрѣчалъ противорѣчій. Онъ ѣздилъ туда только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, отзываясь занятіями по должности генералъ-адъютанта и своими болѣзнями. Мстительность его была всѣмъ извѣстна и дѣлала его еще болѣе страшнымъ. Онъ неумолимо гналъ всякаго, кто осмѣливался противорѣчить ему даже въ мелочахъ. «Графъ и графиня — говоритъ Дашковъ — тогда были люди знатные и сильные, отъ коихъ и не въ нашу пору трепетали, равные имъ сказывались больными и жили въ приморскихъ своихъ домахъ отъ одного ихъ непріятнаго взгляда». По должности генералъ-фельдцейхмейстера онъ оказалъ довольно важныя услуги русской артиллеріи разными усовершенствованіями и изобрѣтеніями. Онъ придумалъ гаубицы особаго рода, называвшіяся секретными, потому что дула ихъ закрывались особыми крышками, и приставленные офицеры и рядовые давали особую присягу, что никому не откроютъ тайны ихъ устройства. Эти гаубицы были, впрочемъ, отмѣнены при Ебатеринѣ, признанныя бесполезными. При неоспоримомъ умѣ и дарѣ изложенія

П. И. Шуваловъ могъ бы быть полезнымъ для Россіи, если бы не устремилъ всю способность къ своему обогащенію и выгодѣ. Братьямъ Шуваловымъ мы обязаны за одно только, что они приблизили къ трону своего родственника И. И. Шувалова, о которомъ впоследствии придется говорить намъ такъ много. Петръ Иванов. Шуваловъ умеръ въ царствованіе Петра III, 4 января 1762 г.

Князь Черкасскій и графъ Воронцовъ, бывшіе государственными канцлерами, первый прежде, а второй послѣ канцлерства Бестужева, по своимъ характерамъ не могли имѣть большаго вліянія на дѣла государственныхныя. Кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (р. 1680 г.) отличался крайней нерѣшительностью, мнительностью и медленностью ума. Еще въ бытность его Сибирскимъ губернаторомъ въ началѣ XVIII вѣка, Генингъ такъ писалъ объ немъ Петру Великому. «Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій человекъ добрый, да не смѣлъ, а особливо въ судебныхныхъ и земскихъ дѣлахъ, отъ чего дѣла его не споры, а частію болѣе народу отяготительны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшочекъ смѣлости и судей добрыхъ, людей надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ; да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта и такого же секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно». Когда за содѣйствіе при возстановленіи самодержанія Анны Иоанновны, Черкасскій сдѣлался членомъ кабинета, то говорилъ, что онъ представляетъ тѣло, а Остерманъ душу кабинета. До какой степени онъ былъ мнителенъ въ самыхъ пустыхъ вещахъ, доказываетъ слѣдующій анекдотъ о немъ. Разъ ночью онъ велѣлъ разбудить Бреверна, чиновника иностранной коллегіи, чтобы спросить: большими или маленькими буквами подписывать ему свое имя въ отвѣтномъ письмѣ герцогу Мекленбургскому. Вслѣдствіе этой медленности въ соображеніи онъ отличался крайней молчаливостью. Былъ, впрочемъ, честенъ, что было тогда рѣдкостью. Черкасскій умеръ почти черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ Елизаветы (4-го ноября 1742 г.).

Графъ Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ, камеръ-юнкеръ Елизаветы, вмѣстѣ съ Лестокомъ, всего болѣе содѣйствовавшій ея вступленію на престолъ, быстро дошелъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, получилъ много иностранныхъ орденовъ, орд. Александра Невскаго, графское достоинство Римской имперіи и въ 1744 г. сдѣланъ вице-канцлеромъ. Онъ былъ человекъ очень честный и трудолюбивый, но недостатокъ образованія и опытности въ дипломатическихъ дѣлахъ дѣлали его мало способнымъ къ исполненію этой важной должности. Къ интригѣ онъ мало

былъ способенъ и потому, несмотря на то, что пользовался полною довѣренностью императрицы и былъ женатъ на ея родственницѣ, гр. Савронской, онъ не могъ бороться съ Бестужевымъ и отпирсился за границу, гдѣ провель 2 года (46—48). Послѣ сверженія Бестужева онъ занялъ его мѣсто. При Екатеринѣ онъ не могъ удержаться, вслѣдствіе происковъ Панина и Орлова, и удалился отъ дѣлъ. Объ его характерѣ мы имѣемъ единогласные хорошіе отзывы современниковъ. Много дѣлаеть ему чести дружба съ Ломоносовымъ.

Первое время въ большой милости былъ принцъ Людвигъ Гомбургскій, участвовавшій въ замыслахъ приверженцевъ Елизаветы. Онъ поступилъ въ русскую службу еще въ 1724 году полковникомъ, достигъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II до чина генераль-поручика, и при Аннѣ Иоанновнѣ сдѣланъ былъ генераль-фельдцейхмейстеромъ. Манштейнъ, знавшій его хорошо, говоритъ, что онъ былъ безъ приличнаго образованія, безъ хорошихъ правилъ, суетливъ, слабодушенъ и способенъ на всякія низости. Его неспособность къ военной службѣ была такъ извѣстна, что уже въ 1737 г. его не употребляли въ войнѣ противъ Турціи. Съ начала шведской войны ему поручили начальство надъ войсками, расположенными у Красной горки, въ увѣренности, что тамъ никогда не дойдетъ до дѣла. За участіе въ возведеніи Елизаветы онъ получилъ званіе генераль-фельдмаршала и былъ сначала въ большой довѣренности; но скоро его кредитъ совершенно палъ. Онъ былъ презираемъ войскомъ, при дворѣ носилъ прозвище «фельдмаршала комедіантовъ», и видя общее къ себѣ, наконецъ, нерасположеніе, онъ рѣшился возвратиться въ свои владѣнія; но въ 1745 г. умеръ въ Берлинѣ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ, особливо въ отправленіяхъ суда большое вліяніе въ продолженіе царствованія Елизаветы имѣлъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой (съ 1700 года). Онъ началъ свою дѣятельность въ военной службѣ; онъ былъ во время войны съ Польшей и Турціей при Аннѣ Иоанновнѣ кригсъ-комиссаромъ; но со вступленіемъ на престолъ Елизаветы былъ почти все время генераль-прокуроромъ. Трубецкой въ этомъ званіи былъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи и обнаружилъ жестокость своего характера; особливо во время суда надъ участниками Лопухинскаго заговора, когда онъ позволилъ себѣ непонятную дерзость и произволь. Онъ былъ представителемъ, такъ называемой, старой русской партіи. Непонятенъ отзывъ о немъ старика Кантемира, что онъ съ нравомъ *честнымъ*, *тихимъ* соединялъ *совѣсть чистую*. Въ современныхъ разсказахъ

находимъ у него совершенно противоположныя качества. Петръ III сдѣлалъ-было его генералъ-фельдмаршаломъ и даже полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, но Екатерина II, по вступленіи на престолъ, приказала сказать ему, что желаетъ служить въ одномъ полку съ нимъ и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство. Въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей (+ 16 октября 1767).

Таковы были главные дѣтели, ближе другихъ стоявшіе къ трону Елизаветы. О многихъ другихъ мы будемъ говорить при изложеніи внѣшней и внутренней исторіи ея царствованія.

Обратимся теперь къ дѣламъ внѣшней политики.

С. ЕШЕВСКІЙ.

ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ МОЛОДОЙ ФРАНЦУЖЕНКИ*.

(LE CAHIER BLEU DE M-LE CIBOT, PAR GUSTAVE DROZ).

I.

Въ одномъ маленькомъ французскомъ городѣ царилъ, въ качествѣ супрефекта, маленький, невзрачный, неумѣльный и застѣнчивый человекъ, господинъ Сибо. Городокъ былъ бѣдный, величиною съ ладоны, стиснутый между двумя горами, но господину Сибо, все-таки, часто случалось чувствовать, что онъ немогаетъ подъ бременемъ своего административнаго величія.

Въ нашемъ супрефектѣ поражало прежде всего совершенное неумѣвие распоряжаться руками и ногами. Эти четыре части тѣла, повидимому, никогда не признавали власти своего хозяина и заявляли свою независимость самымъ непопозволительнымъ образомъ. Г. Сибо, зная возмутительную непокорность своихъ рукъ и ногъ, и не имѣя силъ держать ихъ въ повиновеніи, чувствовалъ къ нимъ сильнѣйшее недоуверіе, когда находился въ обществѣ, и нельзя сказать, чтобы онъ былъ не правъ.

* Г. Дрозъ, авторъ той книги, которой содержаніе мы здѣсь сообщаемъ читателямъ, извѣстенъ какъ талантливый и блестящій фельетонистъ. Его фельетоны собраны въ двухъ томахъ, изъ которыхъ одинъ называется: *Monsieur, madame et Bébé*, а другой: *Entre nous*. Третья книга г. Дроза *Le cahier bleu de M-llc Cibot* составляетъ его первую попытку на поприщѣ романиста. Эта книга, какъ не идеѣ, такъ и по исполненію, стоитъ гораздо выше его легкихъ, отлично отдѣланныхъ и лакированныхъ, но очень фривольныхъ фельетонныхъ бездѣлушекъ. При всей своей фривольности, эти фельетоны не лишены интереса, и мы въ скоромъ времени воспользуемся ими, какъ матеріалами для характеристики умственной и нравственной жизни въ тѣхъ слояхъ французскаго общества, въ которыхъ они произвели сильное впечатлѣніе, и приобрѣли себѣ обширные круги друзей и враговъ.

Это недоуѣріе, непонятное для людей, привыкших повелѣвать, расплылось по жизни этого достойнаго человѣка, какъ расплывается масляное пятно по листу бумаги, и совершенно охватило все его существо. Чуть только онъ встрѣчался съ гѣмъ-нибудъ, неразвязность его движеній возставала передъ нимъ, какъ призракъ, и совершенно особенное выраженіе робости, и часто даже томленія появлялось на его лицѣ. Онъ думалъ про себя: постараемся придать естественность и смѣлость тѣмъ движеніямъ, которыя я буду дѣлать; не будемъ натянuty. Помогите мнѣ Господи не быть натянутымъ!

И именно, вслѣдствіе своихъ усилій казаться развязнымъ, онъ становился самымъ безпомощнымъ человѣкомъ. Вы чувствовали со стороны его труды, вы слышали, такъ-сказать, скрипѣніе блоковъ и бичевогъ, за которые онъ отчаянно цѣплялся, чтобы облегчить маневры; васъ разбирала охота помочь ему, протянуть ему спасительную жердь, какъ пловцу, начавшему захлебываться. Но я полагаю, что состраданіе, которое онъ читалъ въ глазахъ окружающихъ его людей, еще увеличивало его смущеніе и усложняло его тревогу. Застѣнчивость на столько щекотлива, что ласка раздражаетъ ее не хуже пощечины.

Чтобы понять, какъ велика была застѣнчивость нашего супрефекта, надо было видѣть его, когда онъ, послѣ завтрака, разговаривалъ съ депутатомъ округа, или съ епископомъ города А. Когда г. Сибо чувствовалъ на себѣ взглядъ своего гостя, онъ терялся на второмъ словѣ, и по одной изъ тѣхъ странностей, съ которыми онъ не могъ справиться, онъ начиналъ водить рукою по лбу, или тереть себѣ колѣно, и при томъ такъ неестественно и упорно, что монсиньоръ, при всей своей добротѣ, не могъ воздержаться отъ легкой улыбки.

— У васъ болитъ колѣно, господинъ супрефектъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, монсиньоръ, нѣтъ, нѣтъ, нисколько... я... просто...

— А я думалъ...

— Ахъ, да... нѣтъ... просто я...

Разговоръ продолжался, но несчастный человѣкъ былъ уже совсѣмъ красный; его глаза были широко раскрыты, блистали и не двигались, онъ старался слушать, и ничего не слышалъ, губы его дрожали чуть замѣтно, всѣ силы его ума сосредоточивались на его злополучной рукѣ, которая все продолжала тереть. Онъ думалъ: что дѣлать? Какимъ жестомъ замѣнить это движеніе, которое не можетъ долго продолжаться? Надо поспѣшить, надо рѣшиться; чѣмъ дольше я буду мѣшкать, тѣмъ труднѣе будетъ становиться мое положеніе. Мнѣ нуженъ переходъ, а я такой

неуклюжий! Монсеньоръ на меня смотритъ, онъ еще разъ улыбнется... я просто смѣшонъ...

Онъ желалъ бы быть безрукимъ! И онъ отвѣчалъ: «да, да, конечно», на слова епископа, который старался сташить его съ мели и нечаянно усугублялъ его мученія, обращаясь къ нему съ доброжелательными вопросами: неправда ли, господинъ супрефектъ? Вы какъ полагаете, господинъ супрефектъ?

У застѣчиваго супрефекта была жена, которая могла только увеличивать его застѣчивость. Она его не ставила ни въ грошъ, и не жила съ нимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей вреденъ воздухъ маленькаго городка, и что ея слабое здоровье требуетъ постоянного леченія, то въ Парижѣ, то на водахъ. Лечилась г-жа Сибо преимущественно нарадами, гуляньями и танцами. Это леченіе стоило ея скромному мужу очень дорого и приносило мало пользы; по крайней-мѣрѣ, та болѣзнь, противъ которой оно было направлено, нисколько не ослабѣвала и воздухъ маленькаго городка продолжалъ попрежнему быть невыносимымъ для слабой комплекціи блестящей свѣтской дамы.

Въ самый день вѣнчанія, при выходѣ изъ церкви, г-жа Сибо, молодая, красивая и страстная женщина, уронила свой носовой платокъ; г. Сибо не сумѣлъ поднять во время; его супруга взглянула на него съ презрительной улыбкой, и сказала:

— Вы, стало быть, ни на что не годны, мой милый!

Несчастный человекъ подумалъ про себя:

— Боже мой? Она меня разгадала!

Кровь бросилась ему въ голову, онъ не попалъ ногою на проножку, и повалился въ свадебную карету, рядомъ съ своею молодою женою, которая разразилась смѣхомъ.

Этому дебюту соотвѣтствовала вся дальнѣйшая жизнь. На другой день послѣ свадьбы, очутившись мужемъ женщины, которой онъ не могъ внушить ни любви, ни уваженія, и не умѣя даже ясно сообразить, какъ это съ нимъ случилось, г. Сибо почувствовалъ себя виноватымъ, какъ будто бы онъ совершилъ что-то въ родѣ воровства. Подъ вліяніемъ этого чувства, стараясь искупить свою невольную и непоправимую вину, желая добыть себѣ домашній миръ, какою бы то ни было цѣною, г. Сибо на всю жизнь согнулся въ дугу передъ своею женою, сдѣлался ея безответнымъ рабомъ и покорнѣйшимъ, хотя и неуклюжимъ слугою, а въ награду за это, она стала давить его самымъ глубокимъ и отвратительнымъ презрѣніемъ, которое, конечно, только усугубляло въ г. Сибо чувство его совершенной негодности и виновности.

У господъ Сибо была одна дочь, Адель, жившая съ отцомъ

въ маленькомъ городкѣ. Дѣвочка росла одиноко, безъ сверстницъ, приглядывалась и прислушивалась ко всему, что ее окружало, замѣчала болѣзненную застѣнчивость своего отца, страдала за него и, вмѣстѣ съ нимъ, и съ раннихъ лѣтъ привыкла любить его какою-то жалостливою любовью, почти такъ, какъ матери любятъ своихъ дѣтей, которыхъ немощность, уродливость и бездарность онѣ сами видятъ и признаютъ. Когда г. Сибо сидѣлъ у камина вечеромъ, послѣ обѣда, держа на колѣняхъ свою дѣвочку, которая развязывала и завязывала ему галстухъ, или путала пряди его волосъ, тогда онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ: привраки исчезали; онъ становился сильнымъ и смѣлымъ; онъ начиналъ болтать и дѣлалъ самыя естественныя и свободныя движенія, и веселость его, разъ вырвавшись на волю, и наслаждаясь этою волею, дѣлалась шумною, какъ распалившійся шкельникъ.

Адель обожала эти вечернія изліянія, когда отецъ являлся ей такимъ, какимъ она желала бы видѣть его всегда; она была счастлива тѣмъ, что владѣетъ имъ вполнѣ, и они болтали, какъ двое дѣтей. Потомъ вдругъ самый простой вопросъ приводилъ г. Сибо въ смущеніе; онъ кашлялъ, вставалъ и прикидывался, какъ будто чего-то ищетъ.

— Господи, куда это я дѣвалъ табакерку? Ты не видала табакерку, малятка?... А, ужъ девять часовъ! Не пора ли тебѣ спать ложиться, дитя мое?

Она взглядывала на отца съ любопытствомъ, прощалась съ нимъ и шла къ себѣ въ комнату, раздумывая: «что-жъ я такое сказала? Чѣмъ это я такъ сконфузила папашу?»

Мать Адели пріѣзжала въ городокъ, наполненный вреднымъ воздухомъ, раза два или три въ годъ, и оставалась обыкновенно на недѣлю, или дней на десять. Въ это время весь домъ супрефекта перевертывался вверхъ дномъ; всѣ колокольчики звонили разомъ; всѣ комнаты наполнялись шуршаніемъ шелкового платья и звуками рѣзкаго, металлическаго голоса; начинались визиты, обѣды, вечера; г. Сибо проводилъ цѣлыя дни въ совѣщаніяхъ съ кухаркою, придумывая кушанья, которыя его супруга кушала и хулила, и устроивая сюрпризы, которые та же супруга находила мизерными и смѣшными; Адель, боясь попасться на глаза матери или ея горничной, просиживала цѣлыя дни въ своей комнаткѣ, куда ей носили обѣды. Когда она случайно встрѣчалась съ отцомъ въ корридорѣ, г. Сибо опускалъ глаза, какъ человѣкъ, завидѣвшій кредитора, и поспѣшно, почти украдкой цаловалъ свою дѣвочку въ лобъ, говоря ей:

— Я тороплюсь, моя крошка.

Отношенія г-жи Сибо къ дочери ограничивались тѣмъ, что послѣ прїѣзда и передъ отъѣздомъ первая брала послѣднюю лѣвою рукою за подбородокъ, и взглядывала на нее, прищуривая глаза. При этомъ Адель не чувствовала ничего кромѣ страха и непріятнаго смущенія, и въ душѣ желала куда-нибудь подальше убраться какъ можно скорѣе.

Адель имѣла достаточныя причины бояться встрѣчь съ горничною своей матери, большою, курносою, бойкою дѣвушкою, постоянно напѣвавшею веселыя парижскія пѣсни. «Я помню, рассказываетъ Адель въ своихъ запискахъ, разъ вечеромъ, послѣ обѣда, Султанъ, мой любимецъ, большая собака, играя гонялся за мною, и я нечаянно набѣжала на юбку этой горничной, Клемансъ, переходившей черезъ дворъ, и сдѣлала ей огромную прорѣху, длиною въ руку. Я сдѣлала это нечаянно. Но горничная, услышавъ шумъ разрывавшейся матеріи, обернулась съ яростью, схватила меня за руку, и со всего размаху отпустила мнѣ пощечину. Отецъ мой былъ недалеко, я его видѣла, онъ отвернулся, стараясь показать, что смотритъ въ сторону.

— Чтò тамъ надѣлала эта глупая дѣвчонка? крикнула моя мать, стоявшая у окна.—Идите причесывать меня, Клемансъ, идите сюда, моя милая.

Глупою дѣвчонкою назвали меня. Я осталась одна, подозвала Султана, обняла его толстую морду и облила слезами его пушистую шерсть. О, какъ я была несчастна въ этотъ вечеръ!»

Когда Адели минуло одиннадцать лѣтъ, ее мать, прїѣхавъ въ супрефектуру, потребовала ее къ себѣ, и сказала ей:

— Малютка, ты теперь большая, я повезу тебя въ пансіонъ. Ты завтра со мной ѣдешь. У нея вѣдь есть все, чтò ей нужно, закончила она, обращаясь къ г. Сибо.

Г. Сибо, весь красный, усердно занимался складываніемъ газетъ. Онъ отвѣчалъ предположеніемъ, что все есть, и, стараясь улыбаться, не глядя на дочь, продолжая ревностно трудиться надъ газетами, посоветовалъ Адели понять, что ей надо начать свое образованіе и сдѣлаться большою дѣвушкою.

Адель уложила въ уголокъ своего чемодана свою вузлу, двѣ раковины, поднятыя въ послѣднее утро на дорожкѣ сада, и клокъ шерсти, сръзанной съ шеи Султана. Отецъ на прощанье, тайкомъ отъ жены, сунулъ ей въ руку двѣ пятифранковыя монеты, завернутыя въ бумажку.

Увидѣвъ квартиру матери въ Парижѣ, Адель тотчасъ подумала, что мамаша гораздо богаче папаша. Укладывая свой чемоданъ, Адель наклеила на него ярлычекъ, на которомъ было написано ее крупнымъ и четкимъ дѣтскимъ почеркомъ: «Mademoi-

selle Adèle Cibot». Въ Парижѣ, она увидала на своемъ чемоданѣ другую надпись: «Mademoiselle Adèle C. de Larive». Эта другая надпись объясняется тѣмъ, что мать г-жи Сибо была урожденная Деларивъ. Г-жа Сибо превратила это буржуазное *Деларивъ* въ аристократическое *де-Ларивъ*, и не только присвоила себѣ это видоизмѣненное имя, но и навазала его своему мужу. Скромный супрефектъ принужденъ былъ, повинаясь своей супругѣ, подписывать подъ своими письмами крошечное *Сибо* и затѣмъ громадное *де-Ларивъ*.

На другой же день послѣ приѣзда своего въ Парижъ, г-жа Сибо отвезла Адель въ пансіонъ г-жи Рамбуръ.

Въ пансіонѣ Адель постоянно чувствовала себя оставленною и заброшенною. Мать бывала у нея по два раза въ годъ, всякій разъ дѣлала самымъ презрительнымъ тономъ критическія замѣчанія на счетъ ея уродливаго костюма, всякій разъ узнавала отъ содержательницы пансіона, что она, содержательница, неоднократно имѣла бесплодную честь писать къ г-жѣ де-Ларивъ о необходимости прислать Адели новое платье, всякій разъ заносила по этому поводу замѣтки въ свою записную книжку, и потомъ дней черезъ десять, доставляла Адели невозможное платье, которое по своему покрою и украшеніямъ было прилично только для шестилѣтней малютки.

Отецъ изрѣдка писалъ къ Адели, но боясь, что письма его будутъ попадаться на глаза его супругѣ, онъ былъ въ нихъ такъ робокъ, официаленъ и изысканъ, что дочери пріятнѣе было бы не получать отъ него совсѣмъ ничего.

«Мать одной изъ моихъ подругъ, говоритъ Адель въ своихъ запискахъ, сказала мнѣ разъ:

— Милая моя Адель, приходите съ моею Мари въ пріемную; мнѣ это будетъ очень пріятно; я буду привозить два пирожка, вмѣсто одного.

Это было очень любезно, и я вышла въ пріемную вмѣстѣ съ Мари. Но жалкій поцалуи, данный мнѣ тамъ, показался мнѣ похожимъ на копейчку, которую бросаютъ нищему. Въ одиначествѣ люди становятся обидчивы и раздражительны; иные дѣлаются даже злыми.

Потомъ, при второмъ посѣщеніи, мать Мари мнѣ сказала:

— Вы, стало-быть, однѣ въ Парижѣ, моя маленькая Адель? Ваши родители, видно, за границей живутъ?

— Нѣтъ, сударыня. Мама въ Парижѣ.

— А!... Я думала...

Она больше не сказала ни слова, и я перестала ходить въ пріемную; не любила я такихъ вопросовъ».

Первое причащеніе Адели пришлось отложить на годъ, по случаю серьезной болѣзни, продолжавшейся около трехъ мѣсяцевъ. Узнавъ о болѣзни своей дочери, г-жа де-Ларивъ письменно выразила содержательницѣ пансіона свое огорченіе, заявила, что важныя дѣла не позволяютъ ей навѣщать больную, и уѣхала куда-то за городъ, потому что боялась заразительныхъ болѣзней, и считала всякую болѣзнь болѣе или менѣе заразительною.

Г. Сибо отвѣчалъ немедленно на письмо содержательницы пансіона, извѣщавшей его о болѣзни Адели.

«Милостивая государыня, писалъ онъ, я узнаю изъ вашего письма, отъ 7-го числа текущаго мѣсяца, на которое я отвѣчаю немедленно, думая успокоить васъ, а равно и маленькую больную, желая въ особенности благодарить васъ за ту заботливость, которую вы ей оказываете, и за которую г-жа де-Ларивъ будетъ вамъ чрезвычайно признательна, могу васъ въ томъ увѣрить;—я узнаю, говорю я, что моя маленькая Адель находится подъ вліяніемъ болѣзненнаго разстройства, объясняющагося, безъ сомнѣнія, рѣзкими измѣненіями въ температурѣ, которая роковымъ образомъ приводитъ за собою быстрая смѣна временъ года; вы увѣдомляете меня въ то же время о томъ, что обнаружилось нѣкоторое улучшеніе. Г-жа де-Ларивъ, которой слабое здоровье требуетъ величайшихъ предосторожностей, приметъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ извѣстіе объ этомъ улучшеніи, которое положить конецъ тѣмъ тревогамъ, которыя въ подобномъ случаѣ всегда обуреваютъ материнское сердце, и которыя смѣю васъ увѣрить...»

И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же трусливо-витіеватомъ вкусѣ, и съ тою же убогою роскошью совершенно ненужныхъ вводныхъ и придаточныхъ предложеній.

Когда Адель стала выздоравливать, она замѣтила съ изумленіемъ, что на ней надѣты очень длинныя и широкія рубашки; она стала спрашивать о томъ, почему рубашки такъ выросли, и узнала, что мамаша забыла позаботиться о ея бѣльѣ, и что содержательница, г-жа Рамбуръ, принуждена была снабжать больную своими собственными рубашками.

Г-жу де-Ларивъ особенно глубоко огорчило то обстоятельство, что, по случаю болѣзни Адели, пришлось отложить на годъ ея первое причащеніе. На слѣдующій годъ г-жа де-Ларивъ объявила г-жѣ Рамбуръ свое непремѣнное желаніе, чтобы Адель готовилась въ причастію въ женскомъ монастырѣ св. Іосифа. Это былъ очень модный монастырь, принимавшій воспитанницъ съ самымъ строгимъ выборомъ.

Г-жа Рамбуръ замѣтила, что этотъ планъ можетъ встрѣтить нѣкоторыя препятствія.

— Это уж я все на себя беру, сказала г-жа де-Ларивъ:—въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ останавливаться ни на какихъ препятствiяхъ; я все сдѣлаю, чтобы добиться этой милости; въ случаѣ надобности, я поѣду къ его высокопреподобiю — мнѣ у него ни въ чемъ нѣтъ отказа.

За три недѣли до перваго причащенiя, горничная г-жи де-Ларивъ прiѣхала за Аделью въ каретѣ, и отвезла ее въ монастырь дамъ св. Иосифа.

II.

— По совершенно особенной милости, любезное дитя мое, сказала настоятельница, взявъ Адель за обѣ руки:—по особенному уваженiю къ трогательнымъ добродѣтелямъ вашей достойной и превосходной матери, мы принимаемъ васъ къ себѣ на нѣсколько недѣль. Я надѣюсь, мой милый другъ, что вы покажете себя достойною такого отличiя. Неправда ли, дитя мое? Вы будете благодарны?

— Да, сударыня, сказала Адель, краснѣя.

— Называйте меня матерью.

— Да, мать моя.

— Хорошо. Идите съ миромъ, дитя мое, идите.

Адель почувствовала, что къ щекамъ ея тихо и ласково прикоснулась атласистая рука.

Время, проведенное Аделью въ этомъ монастырѣ, оставило въ умѣ ея неизгладимое воспоминанiе. Первые впечатлѣнiя были оборотительны. Начинаясь весна, деревья покрывались нѣжными, свѣжими листочками, все было тихо и спокойно, даже воздухъ былъ пропитанъ какою-то святою безмятежностью. Добрая сестры окружили дѣвочку нѣжными заботами и ласками, и ихъ лица, подъ широкими оборками ихъ бѣлыхъ чепцовъ, отличались такимъ ангельскимъ выраженiемъ, ихъ взоры блистали такою кротостью, что, по одному ихъ знаку, имъ можно было отдать сердце. Адель завидовала тѣмъ воспитанницамъ, которыя изъ года въ годъ жили въ этомъ раю, и задавала себѣ вопросъ, почему ея мать не помѣстила ее съ самаго начала въ этия дамамъ св. Иосифа.

Проповѣдникъ, приготовлявшiй причастицъ, былъ, по признанiю всѣхъ этихъ барышень, первоклассный ораторъ. Адель была потрясена его жгучимъ краснорѣчiемъ. Особенно сильно на нее подѣйствовала, вскорѣ послѣ ея прiѣзда, одна проповѣдь объ адѣ. Ораторъ говорилъ съ такимъ жаромъ и увлеченiемъ,

что его раздувшіяся жилы выступили у него на лбу синеватыми узорами. Вдоль по его разгорѣвшимся щекамъ текли крупныя капли пота, оставлявшія на тѣлѣ, въ особенности возлѣ бороды, длинный слѣдъ, сырой и блестящій. Сначала ораторъ часто отиралъ себѣ лицо, но потомъ онъ отказался отъ употребленія платка, и весь отдался своему дѣлу; зрѣлище это было тягостно и въ то же время увлекательно. Хотѣлось его остановить, хотѣлось, чтобъ онъ отдохнулъ и освѣжился, но энтузіазмъ былъ неотразимъ, и среди этой бури жестовъ и словъ, въ виду этого человѣка, у котораго бѣгли глаза были налиты кровью, лицо — фіолетовое, углы рта покрыты бѣлою пѣною, невольно можно было подумать: самыя истерзанныя грѣшники врядъ-ли находятся въ болѣе плачевномъ состояніи.

Въ городѣ, однако, этотъ проповѣдникъ былъ очень спокойнымъ человѣкомъ, и послѣ окончанія работы, когда ему удавалось просохнуть, онъ оказывался воплощеною кротостью. Во время рекреации, онъ любилъ сидѣть на маленькой каменной скамейкѣ, стоявшей подъ липами. Когда онъ приближался тихими шагами, съ своимъ кроткимъ и нѣсколько туманнымъ взоромъ, съ привѣтливими жестами, тогда слышался шопотъ: «вотъ добрый отецъ, вотъ добрый отецъ!» Двѣ-три изъ большихъ приглаживали себѣ руками волосы — надо быть вѣжливыми — всѣ почтительно шли къ нему на встрѣчу, подходили, опустивъ глаза, и сопровождали его до скамейки, позади которой стояла гипсовая статуя Мадонны, вся обвѣшанная чотками.

Добрый аббатъ, подходя къ скамейкѣ, принималъ серьезный видъ, почтительно кланялся статуѣ, осторожно повертывался, какъ-бы сожалѣя о томъ, что принужденъ повернуться спиною къ святниѣ, потомъ садился, и еще на нѣсколько секундъ сохранялъ на лицѣ такое строгое выраженіе, какъ будто какія-то важныя мысли не давали ему покоя; наконецъ, онъ проводилъ рукою по лицу, и говорилъ съ улыбкой:

— Приблизьтесь, дѣти мои; какое прекрасное утро, неправда ли?

Эти слова были незначительны, скажете вы. Да! однако, отъ нихъ пробѣгала какая-то электрическая дрожь, потому что вы невольно противопоставляли этому спокойному и улыбающемуся лицу, этимъ миротворящимъ и елейнымъ словамъ ту свирѣпую, пылающую, ужасную фізіономію, которая наканунѣ вечеромъ приводила васъ въ трепетъ; подъ этимъ простымъ и благосклоннымъ говоромъ вы угадывали потоки бурнаго и громоноснаго краснорѣчія. И всѣ эти маленькіе херувимчики стояли крутомъ не шевелясь, съ разинутыми ртами, какъ передъ заряженнымъ ружьемъ.

Я полагаю, что добрый аббат сознавал то впечатлѣніе, которое онъ производилъ на свою юную аудиторію. Это видно было по той немного искусственной простотѣ, по той чересчуръ ангельской кротости, которая округляла его жесты и выстилала бархатомъ его голосъ. Всѣ глаза были устремлены на него, и часто, во время этихъ благочестивыхъ бесѣдъ, ораторъ доходилъ въ своемъ благодушіи до того, что клалъ руку на голову ближайшей дѣвочки, принимая ту позу, которая придается на барельефахъ Иисусу среди младенцевъ.

Какъ ни было сильно впечатлѣніе, произведенное священникомъ на Адель, она всегда самымъ тщательнымъ образомъ держалась отъ него на такомъ разстояніи, чтобы онъ не могъ достать до нея рукою.

Дѣлалось это вотъ почему.

Рука добраго отца была жирная и мягкая, спокойная и откормленная, подернутая тѣмъ мутнымъ лоскомъ, который у южныхъ уроженцевъ можетъ происходить отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, но у жителей сѣвера порождается всего чаще недостаточною правильностью омовеній и недосмотрами слишкомъ опущеннаго туалета. Ногти этой руки, выпуклые и хорошо вправленные въ тѣло, не были чисты, и сѣрые вѣнчики, которыми она заканчивались, будили въ душѣ невольныя сомнѣнія.

Адель видѣла, какъ эта рука постоянно рылась въ обширномъ платкѣ, которымъ ораторъ порывисто отиралъ потъ съ чела своего, и въ который онъ шумно сморкался передъ тѣмъ, какъ искусно и незамѣтно проносилъ себѣ въ носъ маленькую понюшку. Милая дѣвочка къ этой рукѣ и къ этимъ ногтямъ чувствовала нѣкоторое отвращеніе. Нравственное существо ея было бы польщено ихъ прикосновеніемъ, но физическая природа ея сильно опасалась ихъ близости. Нѣкоторые читатели увидятъ, быть можетъ, въ этомъ фактѣ зародышъ нечестія; но я думаю, что Адель тутъ надо оказать тѣмъ болѣе милосердія, что это отвращеніе причиняло ей сильныя тревоги. Она себя спрашивала, нѣтъ ли тутъ маленькаго грѣха, и такъ-какъ, при ея стараніяхъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ, ея глаза съ возрастающимъ и непобѣдимымъ упорствомъ приковывались къ этой запущенной рукѣ, то ея сомнѣнія росли, и вмѣстѣ съ ними росла ея тревога.

Безпокойство, порожденное всѣми этими маленькими наблюденіями, до такой степени озаботило ее, что, въ простотѣ своего сердца, она рѣшилась комунибудь открыться.

Всѣ жившія въ монастырѣ были для нея окружены сіяніемъ; одна дѣвочка въ особенности своимъ необыкновеннымъ усер-

дѣмъ обратила на себя вниманіе Адели. То была прелестная маленькая блондинка, простодушная до невѣроятности. Увидѣвъ разъ, что вновь посаженное дерево вдругъ засохло, она задумала оживить его своими молитвами. Утромъ ее застали на колѣняхъ возлѣ этого бѣднаго дерева; поливъ его святою водою, она молилась отъ всей души. Это маленькое событіе породило нѣкоторый говоръ въ монастырѣ, и хотя дѣвочки сдѣлали строгое замѣчаніе за святую воду, взятую изъ капеллы, однако, въ ея поступкѣ все-таки было усмотрѣно доказательство великой вѣры въ Бога и трогательнаго усердія.

Этой благочестивой дѣвушкѣ Адель довѣрила свои тревоги, разумѣется осторожно, со множествомъ оговорокъ, потому что она чувствовала, что тутъ кроется нѣчто очень предосудительное. Ее окончательно убѣдила въ этомъ чопорная осанка, которую немедленно приняла на себя ея подруга.

— Мнѣ васъ жаль, милостивая государыня, сказала она поджимая губы: — жаль видѣть, что вамъ приходится въ голову такія мысли, когда такъ близко время вашей общей исповѣди.

Адель тотчасъ поняла, что она очень виновата.

— Но, милостивая государыня, мнѣ самой очень тяжело эти мысли; потому я вамъ и говорю; вы, кажется, такая благочестивая, такая...

— Я забочусь о своемъ спасеніи по мѣрѣ силъ, милостивая государыня, и другихъ спасать не берусь; могу васъ увѣрить только, что искренно сожалею о васъ. Я прочитаю за васъ «Pater» и «Ave».

— Я не прошу у васъ милостыни, отвѣтила Адель, чувствуя себя оскорбленною.

— Я въ первый разъ слышу, что молитву можно сравнивать съ грошикомъ.

— Но, милостивая государыня...

— Я не понимаю, сударыня, зачѣмъ, питая такія суетныя помышленія, вы пріѣхали въ этотъ монастырь. Въ первомъ попавшемся приходѣ, вы могли найти приготовленіе, совершенно достаточное для васъ.

— Мнѣ, сударыня, остается только васъ поблагодарить.

— Не стоитъ благодарности, милостивая государыня. Всегда къ вашимъ услугамъ.

Въ тотъ же вечеръ, войдя въ залу, куда собирались для размышленій о вѣчности, Адель съ изумленіемъ замѣтила, что на нее обратились глаза всѣхъ присутствующихъ. Она поняла, что ея исторія, увъ! успѣла обойти весь монастырь. Это нарушило

ея размышленія, и помѣшало ей войти въ самую сущность предмета.

Однако, великій день приближался. Начались приготовительныя упражненія, предшествующія генеральной исповѣди. Всѣ эти двѣнадцати и тринадцатилѣтнія дѣвочки должны были обвинить внимательнымъ взоромъ всю свою жизнь, и собрать въ одинъ пучекъ всѣ сорныя травы своего прошедшаго безъ исключенія. Задача была трудная и работа хитрая. Весь монастырь находился въ непомирномъ волненіи. Обручи были оставлены, куклы и веревочки отдыхали по угламъ; вездѣ появлялись задумчивыя позы и глубокомысленныя лица. Во время рекреаций та или другая изъ барышень порою вдругъ отходила отъ своихъ подругъ, садилась на скамью, вынимала изъ кармана карандашигъ и бумажку, и наскоро набрасывала какія-то замѣтки, которыя поспѣшно прятались, чуть кто нибудь подходилъ къ ней близко. Иныя гуляли по двѣ, по три вмѣстѣ, и по ихъ сдержанной походкѣ, по оживленному выраженію ихъ лицъ легко было угадать, что онѣ обсуживаютъ какой нибудь деликатный вопросъ.

Среди этой общей озабоченности, Адель дѣлала какъ другія, но это выходило у нея наивнѣе, потому что меньше было навыка; она искала, она рылась во всѣхъ тайникахъ своего существа, и вездѣ она находила у себя всѣ двери настезь, и всѣ комнаты стояли пустыя.—Ни добра, ни зла; до смерти обидно, такъ что подъ вечеръ она была нѣсколько печальна, какъ охотникъ, которому приходится возвращаться домой съ пустымъ ягдташемъ. Она прибавила къ своей вседневной молитвѣ нѣсколько словъ, въ которыхъ хорошо обрисовалось состояніе ея души.

— Господи, говорила она:—молю тебя, сдѣлай такъ, чтобъ завтрашній день былъ удачнѣе.

И она засыпала, думая о своихъ сосѣдкахъ, которыя, во все время вечернихъ занятій, писали, писали. Чтò онѣ могли писать? Ангельчикъ, радѣвшій о засохшихъ деревьяхъ, два дня тому назадъ устроилъ себѣ красивую тетрадку изъ гласированной бумаги и строчилъ усерднѣйшимъ образомъ. Листки этой тетрадки были перевязаны очень изящною черною ленточкою. Порою ангельчикъ бралъ линейку и проводилъ черты, и простыя и двойныя, и длинныя и короткія, какъ того требовали обстоятельства. Иногда она брала другое перо, и записывала замѣтку красными чернилами.

Адель приглядывалась ко всему этому, хотя сидѣла поодаль, и когда потомъ ея глаза останавливались на одинокомъ листѣ бумаги, лежавшемъ передъ нею, она приходила въ унывіе и задавала себѣ вопросъ, не оставлена ли она Господомъ Богомъ.

Она ужасно много работала, чтобы наполнить эту страницу, да и то въ ней было много пустословія, особенно подъ конецъ. Она чувствовала себя униженною, ей было немного завидно; однако она ни на кого не сердилась и обвиняла только себя, свою безпамятность и свое ослѣпленіе. Ей сказали быть смиренной, и она смирялась отъ души; но она чувствовала въ себѣ порывы жадности, когда вечеромъ, идя въ столовую, она слышала вокругъ себя шопотъ:

— Ты, Эмма, кончила?

— Кончила! Ахъ, другъ мой! Кончила! Вѣдь я не святая!... Гдѣ жъ тутъ кончать! А ты?

— У меня готово, только надо переправить.

Адель думала не безъ основанія, что эти тревоги — вѣрное предзнаменованіе катастрофы; она не ошиблась: катастрофа дѣйствительно произошла.

Дверь камеры отворилась, и голосъ позвалъ Адель де-Ларивъ въ капеллу. Производилась *большая приготовительная*. У бѣдной дѣвочки замерло сердце. Ей показалось, когда она проходила мимо, что обладательница атласистой тетрадки бросила на нее сострадательный взглядъ. Всѣ на нее смотрѣли. Она сложила вчетверо свою бумажку, все свое имущество, и отправилась въ исповѣдальню. Когда она все прочитала, а времени на это чтеніе ушло немного, добрый священникъ посмотрѣлъ на нее, и сказалъ броткимъ голосомъ:

— А потомъ, дитя мое, а потомъ?

— Но, отецъ мой...

— Успокойтесь, ободритесь, подумайте, что милосердіе Божіе безпредѣльно, а въ то же время муки ада вѣчны и ужасны... Соберитесь съ духомъ, не робѣйте, не робѣйте... Что же дальше?

— Да я, отецъ мой...

Она бы отдала палецъ руки своей за полдюжины хорошо подобранныхъ грѣховъ.

— Я не хочу предполагать съ вашей стороны небрежность, легкомысліе, которыя въ столь важномъ дѣлѣ служили бы признакомъ преждевременнаго и... необъяснимаго нечестія.

— Я жадничала, пробормотала дѣвочка, начиная теряться.

— Вы ужъ это говорили; ну, опредѣлите точнѣе. Часто ли вы впадали въ этотъ порокъ?

— Часто, отецъ мой.

Голосъ ея замиралъ.

— Опредѣлите отчетливо. Сколько разъ въ годъ, въ мѣсяцъ, въ недѣлю вы изнемогали?

— Съ самаго рожденія, отецъ мой... Я не знаю... Каждый день... можетъ быть... понемногу...

— О, несчастное дитя! вдругъ сказалъ священникъ, взглянувъ на часы.—Какъ это, послѣ полученныхъ вами спасительныхъ наставленій, вы оказываетесь столь дурно приготовленною, столь недостойною разрѣшенія? Вы подумайте! Еще есть время, возьмите примѣръ съ вашихъ подругъ, посмотрите, какъ онѣ внимательно и серьезно обозрѣваютъ свою жизнь. Войдите въ себя...

— Боже мой, боже мой! подумала она, спрятавъ бумажку въ карманъ: — у меня, конечно, лежатъ на совѣсти смертныя грѣхи, потому что и новорожденный младенецъ ими запятнанъ, а я все не могу отъисвать своихъ преступленій! Ясное доказательство, что у меня дрянная натура!

Подъ впечатлѣніемъ этой сцены, она вздумала искать себѣ помощи въ маленькой желтенькой книжкѣ, которую она видѣла въ рукахъ своей сосѣдки по классу; судя по заглавію, эта книга была написана специально для дѣтей, приготовляющихся къ первому причащенію.

Заглавіе было слѣдующее: *Письмотыя св. Сумниція съ новыми мотивами для обучающихся закону Божию и для учебныхъ заведеній.*

Она попросила себѣ эту книгу и, раскрывъ ее, прочитала на одной страницѣ: изслѣдованіе совѣсти.

Ей показалось, что Богъ ей улыбается. Она бросилась на этотъ отдѣлъ съ жадностью несчастнаго, не ѣвшаго цѣлую недѣлю.

Это изслѣдованіе совѣсти, напечатанное мелкимъ прифтомъ, занимало отъ двѣнадцати до пятнадцати страницъ. Какое сокровище! Наконецъ, она выучится познавать себя. При этомъ, ее волновало также тайное любопытство; ее тревожило благочестивое желаніе поднять завѣсу, скрывавшую столько гнусностей. Эти двѣнадцать страницъ казались ей книгою дьявола, которымъ заняты были ея мысли. Ей бы хотѣлось, чтобы эти особенныя страницы были напечатаны на красной бумагѣ, обведены черною кавказкою, исчерчены огненными, непонятными буквами. Ей бы хотѣлось, однимъ словомъ, чтобы всѣ декорации были поразительны и находились въ бѣльшемъ соотвѣтствіи съ торжественностью дѣла.

Это было ужасно! Она вошла въ эту главу, какъ входятъ въ дантисту. Какъ бы то ни было, она начала съ жадностью:

«Чтобы возбудить въ себѣ сокрушеніе, читайте съ осмотрительностью нижеслѣдующіе мотивы и чувства, усиливаясь хорошо проинянуть ими ваше сердце.

«Грѣхами своими я заслужила, чтобы меня низривнули въ адъ.

«Возможно ли мнѣ было бы жить среди этихъ пожирающихъ костровъ... несчастныхъ жертвъ, подобныхъ расплавленной мѣди, пылающихъ со всѣхъ сторонъ и не сгарающихъ!... Я слышу скрежетъ зубовъ, крики ярости и отчаянія, проклятія, богохульства».

Быть можетъ, наше милое дитя напрасно принимало всѣ эти слова буквально; быть можетъ, она слишкомъ довѣрчиво и простодушнo отпечатывала ихъ смыслъ въ своемъ умѣ. Достоувѣрно то, что она дѣйствительно была проницата.

У нея духъ захватывало, какъ это случается вечеромъ, когда вы одни въ корридорѣ и вѣтеръ вдругъ задуваетъ у васъ свѣчу.

— Ахъ! Боже мой! Боже мой, восклицала она про себя: — смилуйся надо мной, спаси меня отъ этихъ ужасовъ.

Ея умъ, вызывая тысячи впечатлѣній, добытыхъ въ разныхъ мѣстахъ, строилъ изъ нихъ яркую картину ада. Тутъ были лѣса совсѣмъ красныхъ вилъ, колеса, котлы и мириады змѣй, такихъ, какихъ она видала въ «Jardin des Plantes», во время своихъ печальныхъ пансіонскихъ прогулокъ, только гораздо больше и живѣе.

«Тамъ есть, продолжала внижка, дѣти моихъ лѣтъ, осужденные на всю вѣчность».

Адель остановилась на послѣднемъ словѣ. Вообразите себѣ, говорили ей, что каждая песчинка на берегу моря есть годъ; попробуйте сосчитать эти песчинки, на это не хватитъ всей нашей жизни; теперь предположите вы, что у васъ столько жизней, сколько тамъ песчинокъ, и что, во все это время, вы постоянно считаете: число лѣтъ или песчинокъ, которыя вы такимъ образомъ соберете, не составятъ даже какой-нибудь части вѣчности. Вотъ что такое вѣчность. Адель слушала всѣ эти объясненія, но, либо по несостоятельности своей природы, либо по неспособности сосредоточить свои мысли, она, какъ ни зарывалась въ горы песку, все чувствовала совершенное недоумѣніе по дѣлу о вѣчности, и потихоньку просила прощенія у Господа Бога. Дѣйствительно, часто встрѣчаются поверхностные умы, неспособные схватить великія понятія безконечности и вѣчности, между тѣмъ, какъ другіе, напротивъ того, перевариваютъ ихъ чрезвычайно легко.

«Дѣти моихъ лѣтъ, осужденные на всю вѣчность за то, что искали тѣхъ удовольствій, которыхъ я ищу, и предавались тѣмъ беспорядочнымъ привычкамъ, которыя меня гнетутъ».

Какія это такія удовольствія и беспорядочныя привычки, подъ господствомъ которыхъ она находится, сама того не подозре-

вая? Мало по малу, она стала принимать свое невѣдѣніе, во всѣхъ этихъ дѣлахъ, за грѣховное ослѣпленіе; но въ это же самое время, она чувствовала сострадательное влеченіе къ этимъ несчастнымъ жертвамъ, подобнымъ расплавленной мѣди; при этомъ, ея разгоряченное воображеніе искало въ этихъ новыхъ для нея ужасахъ особаго наслажденія, отъ котораго она какъ будто росла въ своихъ собственныхъ глазахъ. Ея кровь обращалась быстрѣе и она чувствовала себя болѣе женщиною, по мѣрѣ того, какъ горизонтъ становился обширнѣе и ужаснѣе.

«Я ненавижу мои грѣхи, Господи, во имя твоего могущества и величія, противъ котораго я дерзновеннымъ образомъ возмутилась».

Если бы съ недѣлю тому назадъ ей сказали, что эти слова могутъ къ ней примѣниться, она не повѣрила бы. Ей и теперь казалось, что она не бросала провидѣнію вызова на бой, но она не была въ томъ увѣрена.

«Я, червь земли, я, низкое ничтожество, осмѣлилась оскорблять тебя въ твоемъ присутствіи, когда ты держалъ меня на тонкой нити надъ бездною, и ты не низвергнулъ меня въ адъ!

«Моими грѣхами я еще разъ распинала Іисуса Христа».

Это предисловіе къ изслѣдованію совѣсти произвело на Адель тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что она никогда не имѣла случая ни съ кѣмъ говорить объ этихъ предметахъ, и что ея мать не приняла никакихъ мѣръ для смягченія перваго испуга.

Понятно, что при такомъ настроеніи, изслѣдованіе грѣховъ должно было оказаться добросовѣстнымъ до излишества. Но тутъ ее ожидали новыя затрудненія и новыя ужасы.

Грѣхи были описаны въ этой книгѣ такимъ страннымъ языкомъ, такъ мало знакомымъ Адели, что она часто не могла понять смыслъ, и умъ ея вертѣлся вокругъ каждой фразы, чтобы найти выходъ, а потомъ у нея шла голова кругомъ, когда она припоминала грозныя слова предисловія, и она быстро переписывала... Такъ было всего безопаснѣе. Такъ она, ради безопасности, обвинила себя въ томъ, что разсматривала нескромные предметы, картины, статуи, гравюры; что нарушала законы стыдливости, и, *снимая свои одежды, возбуждала любопытство другихъ*. Книга была очень уважаемая и предназначенная специально для дѣтей.

Она взглянула на заголовокъ страницы, желая узнать, какую заповѣдь нарушаютъ эти не совсѣмъ понятныя грѣхи, и увидала седьмую заповѣдь: *не прелюбодѣйствуй*. Загадочныя грѣхи остались по прежнему загадочными.

Не прелюбодѣйствовала ли она, точно ли она увѣрена, что

не возбуждала любопытства другихъ, снимая свои одежды? Она тѣмъ менѣе могла поручиться за это, что совсѣмъ не понимала, какаго рода любопытство можетъ тутъ возбуждаться. Она, конечно, подозрѣвала тутъ что-то мрачное и таинственное, но боясь вѣчныхъ мученій, которыя она понимала буквально, чувствуя, какъ сомнѣнія въ ней растутъ и плодятся, она стала усматривать въ самой себѣ неясныя гадости, перечисляемая благочестивою книгою, и добросовѣстно списывала съ лихорадочнымъ жаромъ, повторяя во всей невинности своего добраго маленькаго сердца, слишкомъ чистаго для заданной ей работы:

— Господи, пусть я лучше обвиню себя въ грѣхахъ, въ которыхъ я неповинна, чѣмъ утаю хоть одинъ изъ моихъ настоящихъ грѣховъ. Не отвергай меня, Господи, не отвергай меня!

Доидя до челоуѣкоубійства, она вздохнула свободно. Тутъ ужъ она была твердо увѣрена въ томъ, что никого не убивала; эту статью она захотѣла пробѣжать изъ чистаго любопытства. Но она пришла въ ужасъ, когда стала ее читать.

«Я, говорилось въ главѣ объ убійствѣ, виню себя въ томъ, что убивала душу ближняго моего, вводя его въ грѣхъ».

Точно ли она была увѣрена въ томъ, что съ самой волибели ни для кого не была причиною грѣха?

«Я безпорядками моей жизни наносила смертельные удары моему Спасителю».

Это ее доканало. Она залилась слезами, когда, въ самомъ концѣ изслѣдованія совѣсти, она прочтала слѣдующія строки, составлявшія нѣкоторымъ образомъ вѣнецъ заданія:

«Сынъ божій, сама невинность, истерзанный, окровавленный, пригвожденный ко кресту, испускаетъ духъ на семъ позорномъ деревѣ... Приблизься, виновное дитя, сосчитай всѣ его раны, подойди еще ближе, положи руку на это окровавленное тѣло, и дерзни поклясться, что не ты его убійца... А что, какая тревога поднимается въ глубинѣ твоего сердца! ты трепещешь... Да, я точно убійца... и т. д.»

О нѣтъ! Она конечно не осмѣлилась бы побояться, что она ни причемъ въ казни Іисуса. Очень простое хронологическое изслѣдованіе могло бы удостовѣрить ее въ ея невинности, но мысль объ этомъ изслѣдованіи не пришла ей въ голову, такъ что она почувствовала, какъ будто кровь Спасителя, капля за каплей, сочится ей на лобъ.

На другой день утромъ, когда она явилась къ судилищу покаянія, она уже не простой листъ бумаги, сложенный вчетверо, держала въ рукѣ, а несла подъ мышкой цѣлую тетрадь. Она стала на колѣни, слегка откашлялась, чтобы ободриться, и на-

чала читать. По мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ въ своихъ признаніяхъ, лицо добраго священника становилось все строже. Наконецъ, духовникъ рѣшительно перебилъ ее строгимъ замѣчаніемъ:

— Ахъ, дитя мое, заговорилъ онъ:—какимъ образомъ, имѣя такую добродѣтельную мать, какимъ образомъ вы могли жить до сего дня въ такомъ плачевномъ нравственномъ состояніи? Какимъ образомъ, при такой нечистой совѣсти, могли вы найти хоть минуту спокойствія!... Несчастное дитя! Какъ могли вы до сего дня утаивать ту преждевременную испорченность, о которой свидѣтельствуетъ ваша исповѣдь? Какъ сильно должны вы были страдать среди вашихъ подругъ, зная, что вы ихъ обманываете!

Выслушивая эти мудрыя усовѣщеванія, бѣдная дѣвочка чувствовала, что слезы подступаютъ ей къ горлу. Ей хотѣлось защищаться, потому что все-таки въ ея замѣткахъ было много такихъ преступленій, которыхъ подлинность казалась ей сомнительною. Она чувствовала, что, конечно, зашла слишкомъ далеко, но она не была въ томъ достаточно увѣрена, чтобъ отважиться на протестъ; и кромѣ того, она боялась также признаться въ своемъ невѣжествѣ. Ни за что въ свѣтѣ она не рѣшилась бы сказать:

— Отецъ мой, я списала желтую книжку всю цѣликомъ. Тамъ такія есть слова, что я ихъ даже и не понимаю.

Ей пришлось бы повторять эти слова; она ихъ написала, потому что они были напечатаны; но теперь она ихъ такъ боялась, что не могла произнести ихъ во второй разъ.

Какъ бы то ни было, ей дали отпущеніе, и по правдѣ сказать, оно ей не даромъ досталось.

III.

Послѣ причастія, Адель почувствовала себя въ совершенно особенномъ и чрезвычайно обаятельномъ настроеніи святаго спокойствія. Она не смѣла пошевелиться, боясь запятнать свою, вновь приобретенную чистоту. Она была похожа на человѣка, который несетъ въ рукахъ чашу, налитую до краевъ какою-нибудь драгоценною жидкостью. Если я теперь умру, думала она ежеминутно, я отправлюсь прямо на небо. Будь она увѣрена, что смерть придетъ безъ большихъ страданій, она стала бы желать смерти всѣми силами своей души.

На другой день послѣ генеральной исповѣди, г-жа де-Ларивъ пріѣхала въ монастырь къ обѣдни, въ бѣлой шляпкѣ съ жел-

тими перьями. Она съ криками и со слезами радостнаго умиленія бросилась обнимать дочь, называя ее своимъ ангеломъ. Настоятельница принуждена была ее успокоивать и даже предложить ей стаканъ воды. Оставшись наединѣ съ матерью, Адель разрыдалась, припала къ ней и стала говорить ей о своей любви къ ней. Г-жа де-Ларивъ отвѣтила, что она тоже любитъ ее, потомъ попросила не мать ей платье, и тутъ же вспомнила, что ей надо спѣшить на желѣзную дорогу, и ѣхать куда-то обѣдать.

Послѣ причастія Адель пробыла въ монастырѣ еще недѣлю, и эта недѣля осталась въ ея жизни неизгладимо-свѣтлымъ воспоминаніемъ.

Воротившись въ пансіонъ г-жи Рамбургъ, Адель продолжала жить монастырскими впечатлѣніями, и невольно старалась сгласить сѣрую и скучную дѣйствительность то воспоминаніями о раннемъ дѣтствѣ, то неясными мечтами о земномъ будущемъ, то размышленіями о Богѣ и о небесной отчизнѣ. Самую видную роль въ воспоминаніяхъ Адели играла личность ея отца, на которомъ сосредоточивалась вся ея нѣжность.

Однажды Адель позвали въ пріемную. Она вышла и увидала тамъ маленькаго, сморщеннаго, жалкаго старичка въ потертомъ, уродливомъ сюртукѣ и въ сѣроватомъ, выцвѣтшемъ парикѣ. Она съ большимъ трудомъ узнала въ немъ своего отца. Онъ съ своей стороны совсѣмъ сконфузился и растерялся, увидѣвъ въ своей дочери большую и красивую молодую дѣвушку. Его смущеніе сдѣлало его еще болѣе жалкимъ, и еще менѣе привлекательнымъ.

Адель узнала отъ отца, что онъ въ отставкѣ, и теперь, поселившись въ Парижѣ, будетъ часто навѣщать свою милую дочь. Она убѣдилась, при первомъ же свиданіи, что ея отецъ—человѣкъ безцвѣтный, безхарактерный и ничтожный, и что ей невозможно будетъ его уважать.

Послѣ свиданія, проходя черезъ дворъ въ классы, Адель прислонилась къ дереву и зарыдала; ей казалось, что все ея прошедшее разбивается, и что она выслушала самый суровый приговоръ надъ настоящимъ и будущимъ.

Г. Сябо еженедѣльно сталъ заходить за своею дочерью въ пансіонъ и гулять съ нею по городу. Адель сначала очень любила эти прогулки. Но одинъ разъ на улицѣ ей случилось остановиться передъ зеркаломъ одного косметическаго магазина, и увидеть себя вмѣстѣ съ отцомъ. Обѣ фигуры, появившіяся передъ нею въ зеркалѣ, показались ей смѣшными и странными; она оцѣнила всѣ особенности потертыхъ и уродливыхъ востюмовъ, рассмотрѣла ясно свои безобразныя стоптанныя ботинки,

и начала чувствовать отвращеніе къ прогулкамъ, доставлявшимъ ей сначала много удовольствія.

Денежныя дѣла господъ Сибо шли плохо. Они занимали маленькую квартиру въ четвертомъ этажѣ, въ малолюдной улицѣ. Мебель г-жи де-Ларивъ и кое-какія вещи изъ префектуры были нагромождены послѣшно и беспорядочно въ тѣсныхъ, темныхъ и пыльныхъ комнатахъ. Было замѣтно, что никто не заботился объ устройствѣ жилья, что тутъ жили поневолѣ; въ этомъ безпорядкѣ было что-то печальное и непривѣтливое. По кресламъ были разбросаны шляпки, перчатки, разныя туалетныя принадлежности; на окнахъ висѣли слишкомъ узкія занавѣски, и среди всего этого разгуливала г-жа де-Ларивъ, съ утра причесанная парикмахеромъ, шума своими полинялыми затѣйливыми юбками, и ежеминутно задѣвая за мебель; она была скорѣе похожа на угрюмую купчиху, безцѣльно бродящую по своей лавкѣ, чѣмъ на хозяйку дома, проходящую черезъ свою гостиную.

Квартира бывшего супрефекта была на видъ какая-то смущенная, бѣдная и кислая. Стѣны, обои, ковры и мебель имѣютъ также свою физиономію, на которой какъ будто отражаются лица обитателей. Г-жа де-Ларивъ все старалась считать это помѣщеніе временнымъ и упорно воздерживалась отъ всякаго дѣйствія, способнаго придать ему характеръ постоянного жилища. Она всѣми средствами выражала свое презрѣніе къ той заброшенной части города, гдѣ они жили; она осыпала сарказмами четыре этажа своей лѣстницы; входя на верхъ она останавливалась запыхавшись, и бормотала: это чистилище!

— Ваша квартира уморить меня, мой милый. Эта голубятня по вашему квартира? Покорно васъ благодарю... Чтѣ вы говорите?

Г. Сибо, къ которому обращались эти рѣчи, не говорилъ ни слова; но видя, что его жена желала услышать его голосъ, онъ лепеталъ съ заискивающей улыбкою:

— Я, дружокъ мой, ничего не говорю. Я тросточку ищу, мнѣ тутъ пойдти надо по одному дѣльцу... Ужь двѣнадцать часовъ! Гдѣ жъ бы это моя тросточка?

— Тросточку ищите! замѣчала раздражительная супруга, судорожно постукивая ногой.—Ну, ищите, ищите вашу тросточку, милостивый государь. Что за наказаніе... что за наказаніе!

Рѣдко случается, чтобы кухарка, словивъ шею кролику, не пробормотала съ досадой:

— Долго ты ногами драть будешь, ваторжный?

— Ну-съ! Чего же вы на меня изволите смотрѣть? Берите вашу тросточку и ступайте себѣ по вашему... одному дѣльцу.

Бѣднякъ не находилъ отвѣта. Онъ протягивалъ свою улыбочку до двери и ступевывался.

Когда Адель вышла изъ пансіона, ее помѣстили въ маленькую желтенькую комнатку, заваленную разными сундуками, и безъ камина. Ей давали свѣчу только въ извѣстные часы. Ея удовольствіи состояли въ томъ, что она ходила гулять вмѣстѣ съ матерью, и должна была присутствовать при томъ, какъ ея мать поворачивала вверхъ дномъ магазины, утруждала повелительными требованіями прикащиковъ, и потомъ, заявивъ свое превосходство надъ всѣмъ окружающимъ, уходила съ надменнымъ видомъ, ничего не купивши. Перешивая кое-какъ свои старыя платья, г-жа де-Ларивъ продолжала выѣзжать въ свѣтъ, старалась по-прежнему играть роль блестящей молодой женщины, всюду возила съ собою дочь, чтобы посредствомъ разныхъ туалетныхъ хитростей одерживать надъ нею побѣды, и при этомъ въ обществѣ постоянно нѣжничала съ дочерью, устраивая себѣ изъ своей поддѣльной материнской любви новое украшеніе.

Адель чувствовала себя одинокою и несчастною; часто въ зимніе вечера, въ темной и холодной комнатѣ, она ложилась на постель, закрываясь въ старое одѣяло, и то мечтала о лучшемъ будущемъ, которое казалось недостижимымъ, то рыдала до изнеможенія.

Когда отецъ, мать и дочь сходились за столомъ, имъ нечего было сказать другъ другу; они обѣдали молча, и старались покончить какъ можно скорѣе. Изрѣдка г-жа де-Ларивъ говорила: «Адель, хлѣба», и потомъ снова воцарялось гробовое молчаніе.

Часто г-жа де-Ларивъ приказывала подать себѣ кушанья къ себѣ въ спальню; тогда г. Сибо и Адель обѣдали съ глазу на глазъ; они оба были расположены поболтать довѣрчиво и весело; но г-жа де-Ларивъ была за перегородкой; г. Сибо чувствовалъ ея близость, и языкъ его оставался скованнымъ; кромѣ того, онъ еще имѣлъ претензію соблюдать въ глазахъ дочери достоинство мужа и отца, и боялся съ одной стороны показаться ей школьникомъ, расшалившимся въ отсутствіи учителя, а съ другой стороны представить ей г-жу де-Ларивъ въ видѣ домашняго тирана, подавляющаго своимъ присутствіемъ всякую веселость. «Его слабость, замѣчаетъ Адель, всегда огорчала меня, но въ нынѣ минуты она приводила меня въ негодованіе».

Лучъ свѣта въ темную жизнь Адели вносила швея Луиза, часто приходившая передѣлывать парады г-жи де-Ларивъ, и работавшая всегда въ комнатѣ молодой дѣвушки. Луиза была добрая, веселая, смѣшная и работающая женщина. Она жила дружно съ мужемъ; они кормили своихъ дѣтей трудами своихъ

рукъ, и любили ихъ страстно. Луиза съ удовольствіемъ распространялась о своей семейной жизни, о проказахъ и затѣяхъ, о болѣзняхъ и успѣхахъ своихъ ребятишекъ, и на ея внимательную и впечатлительную слушательницу, Адель, вѣяло отъ ея простыхъ разсказовъ теплою и обаятельною атмосферою здороваго и святаго счастья, которое каждый день завоевывается скромными подвигами упорнаго и неустрашимаго труда.

«Разказы Луизы, говорить Адель, указывали мнѣ на другую жизнь, полную горячихъ ласокъ, тревожныхъ опасеній и нѣжныхъ заботъ; на здоровую семейную жизнь, которая вполнѣ, быть можетъ, достанется мнѣ на долю. И бѣдное мое воображеніе, такое неугомонное въ эту пору моей жизни, выдалось въ мѣрѣ мечты, блуждало цѣлыми часами, и, въ концѣ концовъ, всегда разбивало себѣ носъ объ толстую стѣну, черезъ которую, какъ я думала, невозможно будетъ перескочить.

«Я воображала себѣ, что мать моя никогда не согласится на мой бракъ. Кромѣ того, я была очень застѣнчива; правда, немного кокетлива, но мое кокетство было запрятано во мнѣ такъ глубоко, и завалено такими горами горечи, что я не была увѣрена, найду ли я его въ сохранности въ тотъ день, когда представится возможность пустить его въ дѣло. Я, признаюсь, знала, что я недурна, но у меня не было состоянія, и я была одѣта, какъ Сандрильона... Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ жалко было на себя смотрѣть. Ктожъ меня захочетъ взять?

Разъ Адели, съ отцомъ и съ матерью, случилось быть на балѣ у г-жи Д'Авеннь. Хозяйка подбѣжала къ нашей героинѣ, скромно усѣвшейся у окна, въ дальнемъ углу зала, и обратила ея вниманіе на одного молодого человѣка, только что освѣдомившагося о томъ, что это за красавица прячется въ дальній уголокъ. Адель взглянула на этого молодого человѣка и съѣдущимъ образомъ передаетъ свое первое впечатлѣніе:

«Г. Ломель былъ маленькій тощій человѣкъ, съ отвислыми плечами, и съ грудью, ушедшею въ спину, впрочемъ нисколько не горбатый. Его волосы и борода, густые и черные, были бы великолѣпны на плечахъ рослаго бразильца, но этотъ лѣсъ, разросшійся на головѣ этого маленькаго господина, производилъ тяжелое впечатлѣніе. Вы невольно думали: вотъ ненормальное явленіе! или лѣсъ засохнетъ, по недостатку пищи—это не пустое дѣло снабжать питательными соками такіа дремучія дебри,—или человѣкъ изнеможетъ, поглощенный, изнуренный, съѣденный лѣсомъ. И вы угадывали, какъ всѣ эти жадные корни длинныхъ волосъ рылись глубоко въ этой маленькой головѣ, которой худощавое, блѣдное лицо подергивалось болѣзненными гримасами.

Я часто видала огромныя растенія, посаженныя въ цвѣточныхъ горшкахъ величиною въ кулакъ. На растеніе весело смотрѣть, такъ точно и волосы этого молодого человѣка сами по себѣ не были непріятны на видъ; но у кого доброе сердце, тотъ пожалѣетъ комокъ земли, положенный въ маленькій горшокъ. Г. Ломель былъ впрочемъ подвиженъ, и дѣлалъ много жестовъ невѣрныхъ и угловатыхъ. Онъ разговаривалъ съ нѣкоторою живостью, поднимаясь по временамъ на цпочки, и при этомъ быстрымъ движеніемъ обдергивая свой жилетъ. Онъ надувалъ свою узкую грудь и бросалъ быстрые взоры по сторонамъ. Я увидѣла ясно, что онъ разговариваетъ только ради развязности, и что онъ чувствуетъ себя подъ чужими взглядами.

«Мнѣ стало смѣшно. И теперь, когда мнѣ припоминаются эти приливы безтолковой веселости, я понимаю ясно, что въ эту минуту Провидѣніе толкало меня подъ локоть и давало мнѣ дружеское предостереженіе.

«Мую улыбку вызывала не столько самая личность г. Ломеля, сколько протривоположность, существовавшая между этимъ маленькимъ, смуглымъ, заросшимъ и пожираемымъ господиномъ и тѣмъ бѣлокурнымъ рослымъ, молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ разговаривалъ: на сколько первый былъ тревоженъ и суетливъ, на столько манеры втораго были спокойны, просты и естественны. Онъ слушалъ съ легкою небрежностью, въ которой пріятно было замѣтить тонкій ароматъ аристократизма; его тонкіе, заостренные усы возбуждали охоту запустить ножницы въ громадные бакенбарды его собесѣдника, а бѣлокурые, короткіе, слегка вьющіеся волосы располагали васъ смотрѣть строго на длинную черную гриву, всю лоснившуюся помадою и старательно завитую.

«Быть можетъ я, сама того не зная, была слишкомъ благосклонна къ этому большому бѣлокурному юношѣ, котораго я уже не разъ встрѣчала въ свѣтѣ.

«Я такъ часто слыхала, какъ шептали возлѣ меня:

— Кто этотъ красивый молодой человѣкъ, — вотъ что входитъ въ залъ въ эту минуту?

— Какі! Вы его не знаете? Это извѣстный красавецъ — г. де-Марсиль.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это графъ Пьеръ де-Марсиль? Ахъ, онъ очень милъ!

— Не правда-ли, моя милая? Его простота очаровательна... и т. д., и т. д.

Г. Ломель подошелъ къ Адели и сталъ съ нею вальсировать.

«На другой день послѣ бала, рассказываетъ Адель, мама сказала мнѣ весело:

— Какъ тебѣ показался твой вчерашній кавалеръ, Адель?

— Такъ-себѣ, ни хорошъ, ни дурень, отвѣтила я.

— Онъ чрезвычайно хорошъ. Это для тебя очень приличная партія. Этотъ молодой человекъ не совсѣмъ похожъ на Апеллона, но вѣдь и ты не богиня, тебѣ это должно быть извѣстно. У него есть состояніе, и ты ему, кажется, приходишься по вкусу... Пользуйся случаемъ. Въ твоёмъ положеніи и при твоихъ средствахъ мужа не на каждомъ шагу встрѣчаютъ.

«Мнѣ показалось, что я вижу сонъ. Мнѣ, правда, случилось думать о бракѣ, но только какъ о чѣмъ-то далекомъ и покрытомъ завѣсой. Мать мнѣ такъ часто твердила: «а знаешь, тебѣ съ твоими затѣями не легко будетъ пристроить». Кромѣ того, я была убѣждена, что мама всѣми возможными средствами будетъ препятствовать моему браку.

«Прежде всего я почувствовала какую-то признательность въ отношеніи къ этому доброму маленькому господину, который, — будь онъ щедущень или полонъ сядъ, красивъ или дурень, — все-таки замѣтилъ меня и думаетъ обо мнѣ. Затѣмъ, я постаралась его припомнить, возсоздать его въ моемъ умѣ, но, удивительное дѣло, это оказалось невозможнымъ. Онъ вдругъ превратился въ генія, и звали его уже не г. Демель, а господинъ Бракъ (*monsieur Mariage*).

«Я напрасно твердила себѣ: онъ малъ ростомъ, у него странная манера говорить, — напрасно я пересчитывала одинъ за другимъ всѣ замѣченныя въ немъ недостатки, — все это не имѣло больше смысла, и вчерашнія мои улыбки тяготили меня, какъ угрызеніе совѣсти; передо мною носилось только облако, за которымъ я видѣла самое себя въ бѣломъ платьѣ, съ флёр-д'оранжемъ въ волосахъ; или въ уголкѣ, у каминна, у моего каминна, у нашего каминна. Только тотъ, кто никогда не грѣлся, способенъ понять прелесть этой мысли. — Бракъ для меня былъ болѣе, чѣмъ освобожденіе; онъ былъ сама жизнь. Бросаясь къ нему, я не хотѣла, я не могла размышлять; я бы упала на колѣни передъ моею матерью, я бы расцаловала у ней руки, еслибы смѣла, за тѣ слова, которыя она вымолвила. Объявленная мыслью о новой жизни, я забывала все, даже того человека, съ которымъ я должна была раздѣлять эту жизнь.

«Это, конечно, было безуміе, но безуміе очень извинительное. Когда же птицы находили безобразною или уродливою ту руку, которая открываетъ имъ клѣтку?

«Было рѣшено, что мы завтра же поѣдемъ пить чай къ го-

«спожь д'Авеннь, и что если т. Ломель мнѣ рѣшительно повра-
нится, то дѣла дойдутъ на насъ».

«Когда я припоминаю послѣдварніе затѣмъ два мѣсяца, мнѣ
кажется, что я вижу сонъ. Я не смѣла больше на дело смотрѣть,
боюсь найдти его непривлекательнымъ, и если случайно моя
глаза попадали на одно изъ его несовершенствъ, отъ которыхъ
онъ, къ сожалѣнію, не былъ свободенъ, я пугалась и упрекала
себя въ томъ, что ошиблась. Для меня существовало двое Ломелей:
одинъ воображаемый, котораго я создала сама, закрывая
глаза; другой, дѣйствительный, озабоченный, котораго я старалась
отъ себя скрыть. Только эти двое Ломелей мало по малу сли-
лись въ одного человѣка, и я оставалась въ нерѣшимости и
безъ опредѣленнаго мнѣнія между тою мечтою, которой я желала,
и тою дѣйствительностью, которой я не хотѣла видѣть».

«И однако же, бывали минуты, когда, наперекоръ всему, онъ
казался мнѣ очень милымъ. Это продолжалось не долго, по-
тому что я всѣми силами старалась прогнать это видѣніе, но
я дрожала, какъ листъ».

«Эти оторочительныя видѣнія стали повторяться чаще, когда,
познакомившись съ нами повороже, онъ почувствовалъ себя
свободнѣе. Онъ умѣлъ запутываться и становиться въ тундукъ
въ самомъ ничтожномъ разсказѣ; это было для меня пыткой,
и, удивительное дѣло, у него была страсть пускаться въ разгово-
ры. Въ иные минуты онъ напоминалъ мнѣ моего бѣднаго
пая, и я чувствовала дрожь. Онъ напоминалъ мнѣ моего отца,
но безъ его добродушія, слабости и вѣротства. Всѣ эти мысли
я, разумѣется, прогоняла».

«Наконецъ, Ломель, перевязавъ ярке-голубой палстухъ повязавъ
съ собою своего дядю, поехажго на пошпеннаго челоуѣка,
только что снагаго съ вистѣлицы, прѣхалъ въ родителиамъ Адели,
сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе».

IV.

«Пришлося заниматься придашмъ. — рассказываетъ Адель —
думать о множествѣ вещей. Сегодня мнѣ говорили о двардрѣ,
завтра — о свадебной вортнѣ, потомъ... женщины имѣють
слабость объяснять себя этими вещами. Кромѣ того, я поприимла
къ нему, и стала принимать за чистую монету тотъ серьданный
видъ, который онъ напускалъ на себя въ иные минуты. Я думала,
онъ не блистателенъ, но у него есть солидная достоинства; онъ
натуутъ, но еслибъ у него не было сердца, развѣ онъ онъ»

рѣшился бы на мнѣ жениться? Я воображала себѣ, что онъ читаетъ въ моей душѣ, и что я правлюсь ему тѣмъ громаднымъ запасомъ нѣжности, который хранился у меня нетронутый въ глубинѣ сердца для того, кто сумѣетъ ее угадать.

«И такимъ образомъ, облекая моего будущаго мужа въ мечту, которую я любила, я сумѣла понемногу найти его достойнымъ любви. И, кромѣ того, когда человѣкъ остается слишкомъ долго въ тяжеломъ положеніи, всѣ выходы начинаютъ казаться ему удобными; онъ смѣшиваетъ дверь съ окномъ, и выскакиваетъ изъ третьяго этажа, думая сойти съ лѣстницы. Тутъ друзья должны предостерегать; родители обязаны давать совѣты; но когда нѣтъ ни друзей, ни родителей?»

«Порою та завѣса, которую неизвѣстный дьяволенокъ растягивалъ передо мною, разрывалась, и я видѣла маленькаго блѣднаго господина, съ сгорбленною спиною, съ чудовищными волосами, того самаго, который явился мнѣ на балѣ у г-жи д'Авеннь. Но это явленіе каждый разъ становилось менѣе продолжительнымъ, мечта возвращалась во весь духъ, какъ облако, гонимое вѣтромъ, и мой мужъ снова улаживался въ блестящій футляръ. Такъ что, въ одно прекрасное утро, не сказавъ ни да, ни нѣтъ, я оказалась въ бѣломъ муаровомъ платьѣ, подъ большимъ покрываломъ, рука объ руку съ знаменитымъ дядею, въ которомъ я мало-по-малу сумѣла увидеть благородство манеръ и наружности.

Церковь была полна; органъ гремѣлъ надъ моей головою, всѣ глаза были устремлены на меня... Мнѣ показалось, что Богъ, наконецъ, растворяетъ передо мною двери жизни.

Въ ту минуту, когда я хотѣла опуститься на колѣни, я услышала за собою рѣзкій голосъ мамѣ:

— Ну, поворачивайся, ты мнѣ на платье наступила.

Я обернулась. Я увидѣла ея гадкій, зловѣщій взглядъ, который, не знаю почему, преслѣдовалъ меня съ колыбели.

И пока священники становились передъ алтаремъ, я почувствовала, что у меня къ глазамъ приступаютъ крупныя слезы. Этотъ взглядъ моей матери будилъ во мнѣ столько воспоминаній.

Мнѣ пришла въ голову такая мысль: «это видитъ моя слезы, тотъ долженъ думать:

— Бѣдное дитя, это очень естественно, ей больно покидать свою семью. Это трогательныя слезы! Я чувствовала, что такъ должны были думать, и мнѣ становилось страшно, потому что въ сердцахъ моихъ не было никакихъ слѣдовъ сожалѣнія, и мои дѣвическія воспоминанія вызывали во мнѣ только чувство горькаго озлобленія, которое меня пугало. Я помнила, правда, попе-

ченія доброй г-жи Рамбургъ, робкія ласки моего бѣднаго отца, и я задавала себѣ вопросъ, не принадлежу ли я къ тѣмъ дурнымъ натурамъ, въ которыхъ доброе сѣмя не пускаетъ корня. Мнѣ хотѣлось бы разрывать болѣе крѣпкія семейныя узы. Въ тѣ дни, когда жизнь измѣняется, мы чувствуемъ себя очень несчастными, если въ нашемъ прошедшемъ намъ некого или нечего помянуть улыбкою или слезою.

— Боже мой, смилуйся надо мною! говорила я во всей чистотѣ моего сердца: — допусти, чтобы меня хоть немного любили, такъ, чтобы и я могла любить въ свою очередь; дозвожь мнѣ впоследствии сдѣлаться матерью, и окружить моего ребенка тою нѣжностью, которой отсутствіе я такъ глубоко и болѣзненно чувствую.

Тогда я какъ будто почувствовала у себя на плечѣ маленькую, доврѣчиво приклонившуюся головку, и почти въ то же самое время, такъ-какъ эти впечатлѣнія быстро бѣжали одно за другимъ, я видѣла, какъ это маленькое существо, уже подростшее, читало по складамъ у меня на волѣнкахъ, или останавливая на моемъ лицѣ свой глубокой взглядъ, говорило мнѣ:

— Что, твоя мамаша любила тебя, какъ ты меня любишь скажи?

— Адель-Сибо-де-Ларивъ, произнесъ священникъ быстро и торжественно: — принимаете ли вы своимъ супругомъ... и т. д.

— Да, отвѣтила я съ убѣжденіемъ — въ эту минуту я чувствовала себя счастливою: — да, я принимаю обязанности и радости супруги и матери; я хочу жить! Да, я принимаю, Господи, и благодарю тебя!

Сердце мое билось очень сильно. Я сняла перчатку и протянула руку къ кольцу, которое подавалъ мнѣ мой мужъ. Наши глаза встрѣтились. Онъ смотрѣлъ на меня взглядомъ вутили, который всходитъ по лѣстницѣ ресторана, гдѣ его ожидаетъ тонкій ужинъ.

О! конечно, онъ въ эту минуту думалъ не о томъ, о чемъ думала я.

Я вытянула палецъ, и съ содроганіемъ почувствовала, что онъ весь безъ сопротивленія входитъ въ это странное кольцо, которое какъ будто идетъ ко мнѣ на встрѣчу.

Всѣ эти впечатлѣнія скоро изгладились; рязница была набита биткомъ. Среди шуршанія платевъ и возгласовъ, выдавались жесты и восклицанія моей матери, увѣчанной шляпкою жонкилеваго цвѣта.

Г. де-Марсиль подошелъ ко мнѣ и поклонился съ такою почтительною простотою, что я слегка покраснѣла. Эполеты до нѣ-

которой степенно ступаешь впередъ, когда въ нѣмъ носить всею тяжестью минуты.

— Я молчала въ васъ, министровъ государственныхъ, сказала, отъ наклонившись. При этомъ въ улыбнутой таинственной улыбкой, которая заставила меня опустить глаза. Впрочемъ, а въ этой улыбкѣ не видѣла ничего, кромѣ добродѣтели и чувства.

Потомъ онъ отправился показать руку моему мужу, который возмущался и черезчуръ много со мной разговаривать, какъ дворецкій передъ самимъ обѣдомъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы графиня отошла отъ г. Ломеля: мнѣ не пріятно было видѣть ихъ рядомъ. Мы должны были уѣхать въ тотъ же вечеръ, на нѣсколько дней, какъ это дѣлается обыкновенно. Я съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидала минуты отъѣзда. Мой мужъ казался мнѣ тогда однимъ изъ тѣхъ превосходныхъ плодовъ, которые обманываютъ людей своею некрасивою вышнестью. Мнѣ хотѣлось поскорѣе приподнять эту шероховатую и гадкую кожу, чтобы найдти подъ нею того человѣка, о которомъ я думала. Я была увѣрена, что у него есть сердце, а хотѣла, чтобы оно у него было, и наконецъ, я чувствовала себя въ силахъ надѣяться его этимъ богатствомъ отъ себя. Онъ пожалъ мнѣ руку при выходѣ изъ церкви, я хотѣла отвѣтить ему тѣмъ же; я ожидала съ нетерпѣніемъ того добраго, ласковаго и воздушнаго слова, которое онъ мнѣ скажетъ, какъ только мы останемся съ нимъ наединѣ, и отъ котораго мнѣ будетъ такъ отрадно.

Часъ насталъ. Намъ доложили, что карета готова... Мы стали прощаться.

Въ то время, когда насъ провожали въ переднюю — тутъ была только своя семья — мама сказала дядѣ, находившемуся вондѣ нея:

— Вотъ она ужасная минута!... Ахъ! вотъ она минута!... Никогда, милостивый государь, я не думала, что дойду до такой слабости.

И она нѣсколько разъ приложила къ глазамъ свой маленький носовой платокъ.

Мой мужъ очень торопился, былъ очень взволнованъ, смотрѣлъ на часы и засовывалъ себѣ подъ руку трость и дождевой зонтикъ.

— Пошлака спесена, говорилъ онъ: — ну, прекрасна!... Прощайте, дядя!... А мой почной мѣшокъ?... А, прекрасна!... Прощайте, дядя! Прощайте, маменька!...

При этомъ словѣ, мама сдѣлала гримасу; я забыла попросить г. Ломеля, чтобы онъ просто говорилъ ей: «милостивый государь».

Когда мы остались одни въ каретѣ, онъ взялъ у меня изъ рукъ маленькую сумку, и прицѣпилъ ее къ костяной пуговкѣ въ верхней части окна.

— Эта сумка мнѣ не мѣшала, благодарю васъ, замѣтила я.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вижу ясно, что она вамъ мѣшала, а я до страсти люблю комфортъ и для другихъ, и для себя... Трость моя вамъ не мѣшаетъ?

Чтобы выговорить со мною отъ души, онъ ожидалъ, конечно, пока карета трепещетъ съ мѣста, и вся эта суетня была только приличною маскою; все это я угадывала. При этомъ я и сама чувствовала себя неловко.

Тутъ онъ перегнулся черезъ меня, стараясь поднять стекло, которое съ моей стороны было опущено.

— Я не хочу, чтобы вы простуду схватили, говорилъ онъ.

Онъ надъ всѣхъ силъ таянулъ тесьму дверцы, перегнувшись черезъ меня такъ, что его острый локоть дотрогивался до моего лица.

— Благодарю васъ, я не боюсь воздуха, нынче тепло, благодарю.

— Вы не знаете, что такое сквозной вѣтеръ. Онъ иногда смертеленъ.

И онъ все таянулъ и дергалъ, прикусывая себѣ нижнюю губу, какъ человѣкъ, дѣлающій ужасныя усилія.

— Чортъ васъ деря съ вашимъ стекломъ! сказалъ онъ, наконецъ, извощику, собиравшемуся взлѣзть на козлы.

— Да вы, сударь, только взяться не умѣете, отвѣтилъ тотъ довольно рѣзко.

И безъ малѣйшаго труда, двумя пальцами, онъ поднялъ стекло.

Г. Ломель, ворча, усѣлся на мѣсто.

— Нахалы! Всѣ эти люди! Кабы я не удерживался, задалъ бы я ему урокъ.

А извощикъ былъ дужій дѣтина.

— Пять часовъ безъ пяти минутъ! продолжалъ мой мужъ. — Поѣздъ отходить шестого четверть!... Извошки, любезный! Скорѣй, скорѣй!... Вы ничего не забыли, ваши ящики хорошо закрыты? прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Все въ порядкѣ, благодарю!

Сердце у меня было такъ полно въ эту минуту. Я бы годъ жизни отдала за пожатіе руки... и ну-да!... и за поцалуй.

— Охъ! молодыя дѣвушки! молодыя дѣвушки! онъ въ этихъ дѣлахъ черезчуръ полагаются на своихъ горничныхъ; это я гово-

рю вообще, разумеется... Шестой час! Эта карета полветь, какъ улитка.

Онъ высморкался, тщательно свернулъ платокъ въ видѣ булочки, и продолжалъ:

— Я вамъ скажу: когда надо укладываться, я только на самага себя полагаюсь.

— А, въ самомъ дѣлѣ?

— Истинно вамъ говорю: будь у меня пятьсотъ тысячъ ливровъ годоваго дохода, я бы сталъ дѣлать точно то же. Видите, вотъ вамъ, значить, одною заботою меньше, милая моя супруженька. Шестаго пять минутъ! У меня свои привычки; рубашки я кладу налѣво, внизъ; туалетныя принадлежности всегда наверху. Я тамъ все у себя найду съ закрытыми глазами. Вы увидите, какъ мы отлично поладимъ, милая моя Адель. Я — человекъ чрезвычайно уживчивый, особенно для тѣхъ, кого люблю.

Я вздрогнула; онъ подходилъ къ тому предмету, котораго я желала, и все это предисловіе не было неуклюже.

— Я пенявижу, продолжалъ онъ: — всагіа затѣйливыя вещи: соусы, сахарныя печенія; неправда ли, жареная говядина гораздо лучше? На мой вкусъ, это единственное серьезное блюдо; такъ, напримѣръ, нынѣшній завтракъ былъ отвратителенъ; вы, можете бытъ, не видали, что я ѣлъ?

— Нѣтъ, сказала я:—я не замѣтила.

— Вы-таки немного вѣтренны! Вы не огорчайтесь; это пройдетъ при хорошемъ руководствѣ. Ну, а я очень хорошо видѣлъ, что вы оставили на тарелкѣ два-три кусочка утки съ оливками. Я терпѣть не могу, чтобъ оставляли куски на тарелкѣ; въ этомъ всегда есть какая-то аффектація... Я, однако, какъ будто васъ браню... Шестаго восемь минутъ! Наконецъ, мы пріѣхали! не беспокойтесь ни о чемъ, идите дожидаетесь меня въ багажномъ залѣ; я все устрою... Два ящика, хорошо, одинъ ночной мѣшокъ, три... Адель, вы забыли дождевыя зонтики; ахъ, нѣтъ, виноватъ! Торопитесь, любезный, я пойду брать билеты: очень хорошо; па водку! Я не обязанъ, вы понимаете? Адель, ваша маленькая сумка? вотъ двадцать сантимовъ на водку, и оставьте меня въ покоѣ.

Когда мы усѣлись въ вагонъ, онъ снялъ шляпу, вынулъ изъ своего мѣшка маленькую шелковую фуражку, и тщательно, методично нахлобучилъ ее на голову.

Я на него смотрѣла; мы были одни въ нашемъ отдѣленіи, и я чувствовала себя взволнованною. Я снимала и надѣвала перчатки, я хотѣла что-нибудь сказать и не находила словъ, и однако, несмотря на это смущеніе, я не была несчастлива; серд-

це у меня билось очень сильно. Чтб онъ мнѣ скажетъ? вотъ мы одни. Мнѣ казалось, что при первомъ ласковомъ словѣ я зальюсь слезами и упаду въ его объятія.

— Два франка десять сантимовъ за лишній багажъ! сказалъ онъ, глядя мнѣ въ лицо съ кисловатою улыбкой: — какъ вамъ это покажется.

— Это ужасно!

— Еще бы? Поэтому я ночной мѣшокъ оставилъ при себѣ; хотъ на этомъ выгадалъ. Въ Германіи, этого бы не позволили; они въ Германіи ужасно строги на счетъ багажа. Графъ, вы знаете, де-Марсиль?...

— Да, да знаю... такъ вы говорили?

— Это милѣйшій милый, отличнѣйшій товарищъ!

— Онъ, кажется, очень прривлекателенъ.

— О, да! но вы не можете его одѣнить, вы его видѣли въ свѣтѣ, и онъ долженъ былъ вамъ показаться немного чопорнымъ, холоднымъ. Еслибъ вы его знали, какъ я его знаю! Это молодецъ на всѣ руки!

— Вы говорите, что въ Германіи...

— Мы съ нимъ очень хороши... такъ онъ мнѣ говорилъ, что путешествуя по Германіи... ему надоѣло возиться постоянно съ багажемъ... такъ онъ все отослалъ въ Парижъ, и поѣхалъ дальше, и сталъ покупать по дорогѣ бѣлье и платье, какое понадобится. Я нахожу, что эта выходка его характеризуетъ. Правда, что при своемъ громадномъ состояніи онъ можетъ позволить себѣ такого рода шутки... Вамъ не холодно? Онъ артистъ! Господи, какъ я надъ нимъ смѣялся... отъ меня онъ все принимаетъ!... Да я боюсь, какъ бы вы не озябли.

— Вы очень добры, благодарю васъ.

Такъ мы доѣхали до Орлеана; была уже темная ночь. Онъ помогъ мнѣ выдти; станція была пуста. Холодный вѣтеръ, отзывавшійся еще зимою, и служившій предвѣстникомъ дожда, вривался въ подворотни. Онъ на минуту оставилъ меня въ углу съ ночнымъ мѣшкомъ, зонтикомъ и тростью, чтобы вытребовать багажъ, и, не знаю почему, я вдругъ почувствовала себя такою одинокою, что у меня слезы навернулись на глазахъ. Омнибусъ перевезъ насъ со станціи въ гостинницу; въ омнибусѣ мы опять были одни. Теперь я бы желала, чтобы съ нами былъ еще кто-нибудь. Мой мужъ становился все веселѣе, разговорчивѣе, казался, съ возрастающимъ одушевленіемъ, тысячи разныхъ предметовъ, а я пзъ десяти его словъ успѣвала разслышать одно, благодаря оглушительному шуму и звону колесъ и стеколъ та-

желой кареты, вжавшей крупной рысью по избитой московой большнхъ пустынныхъ улицъ.

Лакей, котораго разбудилъ нашъ прїзздъ, ваздухъ свѣчу, и пошелъ впередъ насъ по лѣстницѣ, другой служитель несъ нашу поклажу. Я поднималась медленно, я чувствовала одишну, и сердце мое билось быстрѣе; впрочемъ, я не была утомлена; я была встревожена, и потому все это казалось мнѣ похожимъ на какое-то бѣгство. Я задавала себѣ вопросъ: куда мы спѣшимъ?

Мы остановились въ первомъ этажѣ, въ длинномъ корридорѣ. Свѣча освѣтила длинный рядъ занумерованныхъ дверей, передъ которыми стояли запыленные и смятые сапоги. Одна изъ этихъ дверей отворилась, и мы вошли въ большую комнату, облепленную красными обоями съ разводами. Въ этой комнатѣ былъ очень неприятный запахъ закупореннаго воздуха. Въ глубинѣ комнаты, въ углу, подъ катафалкомъ изъ полныхъ занавѣсокъ, ждала постель... чего она ждала? Мнѣ было грустно до слезъ. На каминѣ стояла маленькая чашечка изъ золоченаго фарфора; въ ней лежали спички; а рядомъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, красовались остановившіеся часы съ бронзовою статуэtkою Іоанны д'Аркъ. На полу лежалъ пестрый коверъ, вытертый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ногами постояльцевъ.

Нумеръ гостинницы никогда не бываетъ особенно веселымъ, но въ ннны минуты онъ просто наводитъ уныніе; вамъ неприятно оставить въ немъ свою мысль; вамъ кажется, что каждый изъ побывавшихъ тутъ людей забылъ тутъ чтонибудь свое, слезу или улыбку, зѣвокъ или пѣсню; эта комната полна чужими вещами, и всѣ эти нескромные свидѣтели висятъ, ездятъ лохмотья, по всѣмъ четыремъ стѣнамъ. Вы чувствуете себя неловко и не рѣшаетесь заговорить, какъ не рѣшаетесь пить изъ немитаго стакана.

Чемоданы сложили въ уголь; на особую подставку; мужъ мой сказалъ, что все хорошо, и мы остались одни. Онъ потерялъ себѣ руки, и снявъ шляпу, сказалъ:

— Ну, намъ здѣсь не слишкомъ будетъ дурно.

И онъ посмотрѣлъ на постель съ благосклоннымъ самодовольствомъ человѣка, сказавшаго такую тонкую шутку, которую другіе неспособны оцѣнить.

Я сѣла на маленькое вресло, и осталась такъ, не думая снять ни шляпки, ни перчатокъ; мнѣ казалось, что мы сейчасъ поѣдемъ дальше. Дрожа всѣмъ тѣломъ, я смотрѣла на господина Ломеля, которнй, со свѣчей въ рукѣ, осматривалъ комнату во всѣхъ ея подробностяхъ.

— Эге? сказалъ онъ:—занавѣски слишкомъ коротки и слыш-

комъ узки, а видѣ не трудно было бы ихъ одѣлать кобальше, тутъ пушенъ огромный запасъ; посмотрите, милый другъ.

Эти бѣдныя занавѣски, изъ шерстянаго дамъ, такъ успѣли прикрыть пробѣжки, что теперь отказываются исполнять свой долгъ, какъ опояная лошадь отказывается бѣжать. Тщотко подергавъ: слурать, мужъ мой очень тщательно стадулъ обѣ занавѣски; закололъ ихъ булавкою, припасенною на всякій случай, въ подкладкѣ его бумажника, и приставилъ къ постелѣ стулъ, чтобы занавѣски не распались.

— Въ постыдникѣ надо умѣть изворачиваться своими средствами, сказала онъ смѣясь: — не правда ли, добрая моя маленькая жена? Вы ничего не забыли въ омнибусѣ, Адела, зонтикъ, маленькую сумку, то...

Проходя мимо двери, онъ очень естественнымъ движениемъ руки задвинулъ щеколду; потомъ онъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ со мною рядомъ, и наклонилъ свою голову въ мою, сказалъ очень весело:

— А что кабы мы потеряли ея? какъ ты думаешь, моя вълюбленная?

Я отшатнулась назадъ; теперь онъ навелъ на меня страхъ. Человѣкъ, смотрѣвшій на меня блестящими глазами, съ улыбкой на губахъ, былъ не тотъ, за кого я выходила замужъ. Я замѣчала въ немъ теперь такия черты, которыхъ я прежде не видѣла; онъ былъ слишкомъ близокъ ко мнѣ. Я испытывала то ощущение, которое переживается въ горячемъ видѣнн, когда предметъ, сначала далекий и неопытный, становится вдругъ, и безъ переходовъ, реальнымъ, ужаснымъ, отвратительнымъ, и какъ будто схватываетъ васъ за горло. Одинъ за другимъ, всѣ дымчатые покровы, въ которые я бессознательно облекала его, развѣртывались и исчезали. Онъ какъ будто выступилъ изъ своей рамки. То не былъ уже мой мужъ, мой супругъ; то былъ мужчина; то не было будущее, которое мы ласкаемъ и лелѣемъ нашимъ воображеніемъ; то было настоящее, которое являть и душитъ насъ своимъ прикосновеніемъ.

Это было невозможно... Я неясно вижу, онъ взволнованъ, смущенъ... Я увѣрена, что неясно вижу, твердила я себѣ. И въ то же время передо мною поднималась та мысль, что я была одна и принадлежала этому существу, не имѣя понятія ни о его намереніяхъ, ни о его власти. Меня была лихорадка, и легкій, сухой стукъ задвижки все еще раздавался у меня въ ушахъ.

Бываютъ нелѣпости, приводящія въ ужасъ. Бываютъ кошмары, возбуждающія трепетъ отвращенія.

— Что ты такая блѣдная, моя дорогая? Ты меня развѣ боишься?

Я еще слышу это слово *дорогая*, на которомъ путался его языкъ.

О великій Боже! Прогонимъ всё эти воспоминанія! стыдъ, какъ грязь: не слѣдуетъ взвораживать ее со дна стакана. На другой день утромъ, я увидѣла блѣдный лучъ свѣта, проскользнувшій между двумя пластинками ставни. Я поблагодарила Бога, послывшаго ко мнѣ друга. Я во всю ночь не смыкала глазъ; я была уничтожена; одна изъ свѣчей еще горѣла, и я подумала о тѣхъ свѣчахъ, которыя днемъ горятъ въ комнатѣ покойника. Онъ спалъ, лежа на спинѣ; его полураскрытыя губы улыбались; черезъ его голову проходили, очевидно, золотыя грезы; его шумное и порывистое дыханіе по временамъ останавливалось; обѣ руки его, протянутыя надъ одѣяломъ, чуть замѣтно сжимались; потомъ онъ снова успокоивался, и однообразный шумъ продолжался по прежнему.

— Это низко, думала я, это низко! А! ты хотѣла быть женщиной; ну, вотъ! теперь ты женщина.

Я думала также о моей матери, о тѣхъ ласкахъ и совѣтахъ, которыхъ мнѣ не доставало. Она-то вѣдь знала жизнь!... Вдругъ мнѣ представлялась мысль, что она, быть можетъ, знала ее черезчуръ хорошо, и у меня замирало сердце.

Въ моемъ умѣ царилъ безобразный хаосъ ужаса, стыда и глѣва. Быть можетъ, я произнесла вслухъ какое-нибудь слово, не знаю — только мужъ мой открылъ глаза, оглядѣлся кругомъ, какъ человѣкъ, проснувшійся въ незнакомой комнатѣ, и, увидѣвъ меня, — лицо у него было зеленое, глаза заплывшіе, лобъ совсѣмъ исчезъ подъ растрепавшимися волосами, — онъ улыбнулся съ выраженіемъ глубокаго счастья, и сказалъ, наклонившись ко мнѣ:

— Я тебя люблю, моя дорогая, о! Я тебя люблю! А ты, ты меня тоже любишь, неправда ли?

— Да, промолвила я, да.

У меня горѣли глаза; въ горлѣ у меня пересохло. Мужчина, которому публично надавали пощечинъ, долженъ испытывать то, что я чувствовала.

V.

Въ жизни молодыхъ супруговъ продолженіе соотвѣтствовало началу. Ломель любилъ свою жену на столько, на сколько способенъ и умѣетъ любить ограниченный, мелкій, тщеславный и при этомъ еще болѣзненно капризный и раздражительный человѣкъ. Онъ весь состоялъ изъ смѣшныхъ и ничѣмъ не оправдан-

ных претензій. Онъ хотѣлъ, чтобы его считали сильнымъ, умнымъ человѣкомъ, искуснымъ спекуляторомъ, страстнымъ мужчиной, неотразимымъ сокрушителемъ женскихъ сердецъ, безкорыстнымъ мудрецомъ, преданнымъ и добродѣтельнымъ мужемъ. Его большое ничтожество не умѣло даже надѣть и носить приличнымъ образомъ маску которагонибудь изъ вышеупомянутыхъ достоинствъ, но Домель хотѣлъ и считалъ естественнымъ, чтобы его жена, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и сомнѣній, признавала въ немъ существованіе всѣхъ совершенствъ, какія ему угодно будетъ себѣ приписывать. Онъ женился на дѣвушкѣ безъ состоянія, и одинъ этотъ поступокъ самъ по себѣ былъ въ его глазахъ такимъ античнымъ подвигомъ безкорыстія и благородства, за который ошастливленная дѣвушка никогда во всю жизнь не могла съ нимъ расплатиться, и за который она во всякомъ случаѣ, ежедневно и ежечасно, должна была платить ему съ наслажденіемъ самую страстную любовь и самымъ восторженнымъ уваженіемъ. Онъ придирался къ своей женѣ, мудрилъ надъ нею, мучилъ ее мелочными и безтолковыми требованіями, надѣдалъ ей глупыми разсужденіями, въ которыхъ постоянно проглядывало раздражительное самолюбіе бездарности, старающейся быть и казаться самодовольною; онъ, какъ назойливая муха, жужжалъ надъ нею, отравляя ей жизнь то ласками, то правоученіями, и все это ставилъ себѣ въ заслугу, во всемъ этомъ видѣлъ новыя проявленія своей любви и заботливости, за все это требовалъ себѣ новыхъ потоковъ признательности, уваженія и преданности. Получился, разумеется, тотъ результатъ, что Адель стала презирать и стыдиться его, и очень скоро усвоила себѣ взглядъ на своего мужа, какъ на тяжелый и унижительный крестъ, который она должна покорно и терпѣливо нести до могилы. Въ своемъ отчаяніи она хватывалась то за восторженную любовь къ верховному существу, то за надежду сдѣлаться матерью и посвятить всю жизнь своему ребенку, несмотря даже на то, что отцомъ этого ребенка будетъ человѣкъ дряблый и ничтожный, неспособный внушить къ себѣ ни любви, ни уваженія.

— «Не хватаетъ силъ моихъ, боже мой, не хватаетъ силъ — пишеть Адель въ своихъ замѣткахъ — бываютъ проклятыя минуты, когда я возмущаюсь и негодую. Смогу ли я переносить постоянно эти лохмотья, которыя меня душатъ. Я не святая; не всѣ могутъ быть святыми. Господи! за что ты наложилъ на меня слишкомъ тяжелое бремя, подъ которымъ я упаду безполезная, задавленная? И скоро я сдѣлаюсь пристыженной старухой, и не будетъ у меня ни одного воспоминанія, ни одного сожалѣнія; и напрасно я буду рыться въ своей жизни; а не

найдѣ въ ней ничего, кромѣ отвратительныхъ косячъ, изъ которыхъ я не осмѣюсь прикоснуться пальцемъ.

«Ни дочь, ни супруга, ни мать! Для чего же ты меня созидалъ, Боже мой! Для чего ли, чтобы я вѣсело на плечахъ глупаго, который нарочно старается придавить меня своею тяжестью? Для кого же будетъ рай? Для тѣхъ ли приниженныхъ калѣвъ, для тѣхъ ли озлобленныхъ вражескихъ, которые, по гордости или по безсилію, бранятъ витающую надъ землею? Или же, напротивъ, онъ достанется здоровымъ существамъ, которые идутъ прямо по вѣрному человѣческому пути, въ потѣ своего лица, съ провѣю на потертыхъ ногахъ, но другъ возлѣ друга, и рука съ рукою.

«И зачѣмъ все вѣдѣтъ противится моему спасенію? Зачѣмъ онъ всегда стоитъ у меня на дорогѣ, онъ, кого я никогда не хотѣла бы видѣть, кого я всѣми силами тою изъ своихъ воспоминаній? зачѣмъ онъ всегда является передо мною въ минуты тревоги и смущенія? зачѣмъ онъ всегда заставляетъ меня думать о такой жизни, которая никогда мнѣ не достанется, и которая меня привлекаетъ и пугаетъ? Какое мнѣ было бы дѣло до всего этого, еслибъ я была матерью... да и почему я знаю, что я не сдѣлаюсь матерью? Приходи, мой ангелъ; приходи, мое дитя; истерзай меня, пусть все мое существо разобьется, произведя тебя на свѣтъ, но приходи! Я хочу быть матерью... Ты мнѣ необходимъ; ты долженъ наполнить мой умъ и мое сердце, гдѣ стелется и вьются слишкомъ много идей и желаній».

Ломели собрались въ одинъ прекрасный лѣтній день обѣдать къ одной богатой дамѣ, жившей въ Сень-Клу.

«Я знала — пишетъ Адель — что на этомъ обѣдѣ будетъ много гостей, и мнѣ хотѣлось быть не очень смѣшною. Я подозрѣвала, что г. де-Марсиль, дружески знакомый съ этимъ семействомъ, тоже будетъ тамъ... наконецъ, я не хотѣла никого пугать своею наружностью.

«Я въ теченіе двухъ дней устроивала себѣ сносный туалетъ, и это было дѣло не легкое.

«Я не хотѣла просить денегъ у мужа, который, правда, очень обязательно даетъ мнѣ по сту франковъ, но при этомъ находитъ тысячи предлоговъ, чтобы разсматривать мою расходную книжку. Надо, чтобы тамъ оказался весь его стефранковый билетъ до послѣдней копейки. Онъ меня воржить... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ одѣвалъ меня, какъ можно меньше, и я готова обойти весь Парижъ, чтобы на какой-нибудь лентѣ выгадать пятьдесятъ сантимовъ. Когда онъ говоритъ мнѣ съ физиономіею, которую невозможно описать:

— Знаешь, дитя мое, когда у тебя не будет больше денег, ты мнѣ скажи —

Тогда онъ до такой степени счастливъ, гордъ, надутъ, что я бы стала улыбаться, еслибы, помимо воли, у меня не навертывались слезы на глаза. Наконецъ, слава-Богу, уроки моей бѣдной Лупзы пошли мнѣ въ прокъ, и въ самомъ дѣлѣ, я болѣе искусна, чѣмъ сама думала.

Мое платье для свадебныхъ визитовъ, слегка подпоясненное, было не дурно. Надо было видѣть г. Ломеля въ бѣломъ галстукѣ и лакированныхъ сапогахъ, какъ онъ бралъ наши билеты на станціи желѣзной дороги. Онъ десять разъ требуетъ одного и того же указанія, которое ему ни на что не нужно. Онъ волнуется, бурлитъ, заговариваетъ, толкаетъ локтежь, и заглядываетъ людямъ прямо въ лицо. Онъ чувствуетъ потребность наполнять собою комнаты, въ которыхъ онъ находится, и слышать звукъ собственнаго голоса. Въ палатѣ депутатовъ этотъ человекъ былъ бы ужасенъ... сохрани его Богъ! Эта операція съ билетами напоминала мнѣ нашъ отъѣздъ въ Орлеанъ.

— Вы мнѣ не вѣрно даете сдачу, сказалъ онъ, прикладывая лицо къ форточкѣ, какъ будто бы онъ хотѣлъ прогрызть зубами рѣшотку.

— Извините, милостивый государь, счетъ вѣренъ; два первыхъ мѣста въ Сень-Клу, туда и обратно: я сдаю вамъ семь франковъ семьдесятъ.

— Проходите скорѣе, пробормоталъ кто-то изъ дожидавшихся позади.

— Мнѣ не къ спѣху, огрызнулся мой мужъ, бросая орлиный взглядъ. — Ошибки случаются достаточно часто, такъ что невозможно обойтись безъ провѣрки, чортъ возьми!

Онъ чувствовалъ у себя на шеѣ бѣлый галстукъ, а на ногахъ лакированные сапоги, и находился въ возбужденномъ состояніи. Я начинаю его понимать.

Къ счастью, смотритель, стоявшій внѣ кассы, взялъ деньги съ конторки, положилъ ихъ въ руку г. Ломелю, и слегка пожавъ ему локоть, продвинулъ его дальше.

— Вы видите, сказалъ онъ:— что счетъ вѣренъ, милостивый государь.

— Кто жь противъ этого спорить?

И мужъ мой воротился ко мнѣ, скрививъ сапогами.

Когда мы усѣлись въ вагонъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Я удивляюсь, что вы не встрѣтили де-Марсиля; онъ, конечно, былъ тамъ, верхомъ или въ фаэтонѣ.

Это замѣчаніе такъ сильно совпадало съ моею мыслью, что я невольно покраснѣла.

— Ну, что жъ намъ до этого за дѣло? Графъ свободенъ ѣхать по какой ему угодно дорогѣ.

— А, такъ ты его ненавидишь? Что онъ тебѣ сдѣлалъ? При тебѣ невозможно произнести его имя. Эти вещи только со мною случаются, честное слово. У меня одинъ другъ, всего только одинъ другъ дѣтства.

Онъ любитъ напирать на эту дружбу, которая какъ будто на цѣлый вершокъ увеличиваетъ каблуки его обуви.

— У меня одинъ другъ, и естественнымъ образомъ жена моя его не терпитъ. За что? Неизвѣстно. Вы ей не говорите, что этотъ другъ честнѣйшій изъ людей, самый утонченный, самый изящный; не говорите ей, что онъ отлично образованъ, что онъ артистъ, что онъ прелестенъ, что онъ одинъ изъ послѣднихъ отпрысковъ стараго французскаго дворянства. Она возненавидитъ его еще сильнѣе. Ахъ, Богъ мой!

Я ничего не отвѣтила; я шептала про себя:

— Да замолчите же, да замолчите же, дуракъ вы набитый!

Первое лицо, которое я увидала въ гостиной г-жи Лендеръ, былъ именно графъ де-Марсиль. Онъ стоялъ къ намъ спиною, и разсматривалъ прелестные часы временъ Лудовика XVI, которые г. Лендеръ наканунѣ купилъ. Наши глаза встрѣтились въ зеркалѣ, и я закусила губы. Ничто не могло быть мнѣ болѣе неприятнымъ.

Когда мы со всѣми раскланялись, г. Ломель пошелъ жать руку графу.

— Какъ живется, милый? сказалъ онъ очень громко, и съ совершенно неумѣстною развязностью.

— Живется недурно, любезный мой Ломель, отвѣтилъ г. де-Марсиль, подчеркивая свою фразу одною изъ тѣхъ улыбокъ, тонкихъ, какъ волосъ, и острыхъ, какъ иглолка, которыми онъ умѣетъ угощать собесѣдниковъ: — не дурно живется.

— Вы не подозрѣваете, что я за васъ сейчасъ переломилъ копые, милый? продолжалъ мой мужъ.

— Ахъ, Боже мой! Благодарю васъ, во всякомъ случаѣ, любезный мой Ломель. А съ кѣмъ же вы ломали это копые, если мой вопросъ не будетъ нескромнымъ?

— Съ моею женой, вообразите.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, это очень дурно!

Онъ улыбнулся еще разъ, подошелъ ко мнѣ, и съ тѣмъ тактомъ, который, безъ сомнѣнія, вставлялъ его угадывать мое неловкое положеніе:

— Можно ли найти часы прелестнѣе этихъ, заговорилъ онъ: — не правда-ли, сударыня? Посмотрите, какъ превосходно отчеканены эти мѣдныя украшенія. Боже! какъ мило, какъ мило! Я не особенно пристрастенъ къ искусству этой эпохи, но надо признаться, это очаровательная вещь.

Я только въ половину поняла эту маленькую тираду, такъ-какъ никто никогда не объяснялъ мнѣ художественныхъ различій между эпохами; но мнѣ бросалось въ глаза то, что онъ добръ и деликатенъ, что звукъ его голоса, но обыкновенію, обаятеленъ, и что его рука, которою онъ слегка прикасался къ различнымъ частямъ часовъ, бѣла, изящна и выхолена, какъ рука свѣтской женщины.

Доложили, что обѣдъ готовъ, онъ подаль мнѣ руку, и окинувъ взглядомъ билеты, лежавшіе на приборахъ:

— Теперь, сударыня, сказалъ онъ: — вы должны забыть на часъ или на два ваши антипатіи, потому что провидѣніе, какъ видите, налагаетъ на васъ мое сосѣдство.

— Покоримся его велѣніямъ, милостивый государь.

— Значить правда, что вы на меня очень сердитесь?

— Да за что же, Боже мой? Вы, я надѣюсь, не приняли же серьезно того, что говорилъ г. Ломель?

— Такъ это, стало быть, шутка?

— Я полагаю.

— Ломель всегда былъ очень веселъ. Онъ себя теперь, кажется, лучше чувствуетъ? Онъ болѣе...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, онъ не такъ...

У насъ не было злаго умысла, но, не находя того выраженія, котораго мы оба искали, мы въ одно время закончили нашу мысль легкой улыбною, которую мы немедленно подавили. Я уже давно могу выразить, какъ меня смущало сосѣдство графа. Я уже давно заставляла между имъ и мною невольную симпатію, которая заставляла меня, въ его присутствіи, быть болѣе неловкою и раздражительною, чѣмъ обыкновенно. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось, чтобы онъ не судилъ обо мнѣ дурно; съ другой стороны, я боялась дать ему замѣтить ту важность, которую я придавала его сужденію. Борьба этихъ двухъ чувствъ мучительно коробила и подергивала меня.

Я находила, что онъ очень хорошъ, онъ мнѣ очень нравился, и во всемъ этомъ я не видѣла еще ничего особенно дурнаго; но раздражало меня то, что я уже не въ силахъ была находить его привлекательнымъ только въ извѣстныя часы, и въ тѣхъ границахъ, изъ которыхъ я не желала выходить; его личность, надо признаться, производила на меня обаятельное дѣйствіе, и

всѣ мои старанія выбиться изъ-подъ этого вліянія, только увеличивали его силу и глубину. Поэтому я боялась г. де-Марсилья, и избѣгала его, на сколько это было возможно. Почему я была такъ взволнована, когда онъ сидѣлъ рядомъ со мной? Не знаю, но то былъ фактъ, котораго очевидность я принуждена была признать сегодня вечеромъ, въ первый разъ.

За обѣдомъ, Адель совсѣмъ опьянѣла отъ теплой атмосферы изящной роскоши, и отъ тонкой лести, которую умно, почтительно и осторожно подносилъ ей блестящій графъ.

Де-Марсилья разсказалъ, между прочимъ, своей сосѣдкѣ, что онъ художникъ, работаетъ съ страстнымъ одушевленіемъ, по одиннадцати часовъ въ сутки надъ картиною для выставки, и просить ее, своего прелестнаго врага, придти когда нибудь, вмѣстѣ съ мужемъ, къ нему въ мастерскую, посмотреть на его работу.

«Встали изъ-за стола, говоритъ Адель, и черезъ отворенную дверь вышли на террасу, гдѣ насъ ожидалъ кофе, подѣ гириандами венеціанскихъ фонарей.

«Воздухъ былъ теплый, кофе благоухалъ, луна бросала мягкіе лучи свозъ густую листву старыхъ каштановъ. Кое гдѣ проглядывала безбрежная равнина, терявшаяся вдали въ лучезарномъ туманѣ, среди котораго появлялся неопредѣленный очеркъ Париза, окруженный красноватымъ заревомъ. Тамъ и самъ видѣлась кучка деревьевъ, или группа домиковъ съ блестящими кровлями, и среди всего этого, въ полусвѣтѣ извивалась Сена, какъ длинная серебряная лента.

«Вокругъ меня говорили и смѣялись, а я слушала и ничего не слыхала, спокойно раскинувшись въ большомъ американскомъ креслѣ, и пристально глядя куда-то въ пространство: я дала себѣ волю жить. По временамъ меня вдругъ пробуждалъ голосъ графа, заставлявшій меня вздрагивать, и пока другія лица продолжали разговоръ, звукъ этого голоса оставался во мнѣ, какъ остается во рту вкусъ любимаго напитка. Я бы всю жизнь провела въ этомъ положеніи.

«Въ половинѣ одиннадцатаго, когда одна изъ дамъ садилась въ салонѣ за рояль, г. Ломель подошелъ ко мнѣ.

— Знаешь, который часъ, дитя мое? Послѣдній поѣздъ отходить въ одиннадцать, а у насъ билеты въ оба конца.

— Какъ, сейчасъ? Тутъ на террасѣ было такъ хорошо.

— Да, да, сейчасъ. Идемъ, дитя мое.

— Что вы тамъ говорите вашей супругѣ, мой любезный Ломель? сказалъ г. де-Марсилья.

— Я напоминаю часъ отъѣзда. Поѣздъ...

Голосъ его вдругъ принялъ то выраженіе вкрадчивой сладости, которое было ему свойственно, когда онъ говорилъ съ графомъ.

Онъ чувствовалъ себя ниже его. Человѣкъ не властенъ надъ такими ощущеніями, но некрасиво то, когда онъ ихъ обнаруживаетъ.

— Милѣйшій мой Ломель, это преступленіе — уѣхать такъ, въ такую минуту, не правда ли, сударыня? Вы посмотрите, какое чудное небо!

— А поѣздъ?

— Что жъ! Поѣздъ уѣдетъ самъ по себѣ. Я черезъ часъ прикажу закладывать, и если г-жѣ Ломель угодно будетъ принять мѣсто въ фэзтонѣ, мы возвратимся всѣ вмѣстѣ черезъ Булонскій лѣсъ. Вы согласны, сударыня, неправда ли? Ломель очень радъ.

И такимъ образомъ мы черезъ часъ усѣлись въ фэзтонъ.

Женщинѣ очень неудобно взбираться на скамью этихъ высокихъ экипажей. Мужъ мой сдѣлалъ два или три тщетныя усилія, чтобы облегчить мнѣ восхожденіе; видя это, г. де-Марсиль подошелъ и поддержалъ меня съ такою силою и ловкостью, что я усѣлась въ одно мгновеніе.

Мой мужъ помѣстился на задней лавочкѣ, возлѣ лакея, а г. де-Марсиль, чтобы править лошадьми, сѣлъ впереди, рядомъ со мною.

Лошади были такъ веселы, что не могли стоять спокойно. При движеніяхъ этихъ двухъ красивыхъ животныхъ — нѣтъ ничего красивѣе лошади! — лакированные и блестящіе хомуты скрипѣли, какъ подошва новой обуви. Лошади нетерпѣливо опускали головы, и, наострив уши, грызли стальные удила. Застегивая перчатку, графъ, безъ видимаго усилія, натягивалъ возжи, и я дивилась, глядя на эту маленькую бѣлую руку, какъ она сдерживала двухъ сильныхъ коней, готовыхъ броситься впередъ.

— Вы не боитесь, *chère madame*? сказалъ онъ, наклоняясь ко мнѣ.

— Нельзя сказать, чтобы боялась, только не пускайте слишкомъ скоро, а то мы ужасно высоко вмостились.

Мы поѣхали. Я не была спокойна, и съ трудомъ побѣждала желаніе ухватиться и держаться за руку сосѣда. Когда мы выѣхали на дорогу возлѣ террасы, мы услышали голоса, и увидѣли надъ собою головы семейства Лендеръ, послывшаго намъ прощальныя привѣтствія. Это — ребячество, однако, мнѣ было пріятно, что меня видятъ въ этой блестящей каретѣ, и рядомъ съ графомъ.

Первое чувство изумленія прошло, и мнѣ было, въ самомъ

дѣлъ, очень хорошо. Мы ѣхали скоро; вѣтеръ дулъ мнѣ прямо въ лицо, у меня захватывало духъ, и это ощущение было восхитительно. Мнѣ бы хотѣлось всю ночь проѣздить скорой рысью на этихъ прекрасныхъ лошадяхъ, которыхъ шелковистая шерсть блистала при свѣтѣ фонарей. Меня живила вечерняя свѣжесть. Я вдыхала полной грудью воздухъ и благоуханіе ночи, и по временамъ, при движеніи экипажа, я чувствовала, что локоть графа слегка прикасается къ моему локтю.

Обаятельно летѣть впередъ съ такою быстротою, что юбка, свѣсившись на сторону, развѣвается, какъ знамя. Вы сидите высоко, вы господствуете, вы видите, какъ проходятъ передъ вами деревья, какъ убѣгаютъ изъ-подъ васъ поля. И мысли тоже пускаются бѣжать, вы какъ будто отрѣшаетесь отъ собственного существа, и начинаете смотрѣть на себя со стороны; вы мечтаете, что вся жизнь должна бы идти такъ быстро, уповательно, что всѣ мелкія препятствія должны теряться и тонуть въ томъ движеніи, которое васъ увоситъ.

Вы убавлены, вы восхищены, вы закрываете глаза, вы складываете руки, и чувствуете себя счастливою, отдаваясь всецѣло обаянію минуты.

— Вамъ хорошо, *chère madame*? сказалъ графъ, наклоняясь ко мнѣ.

Я въ эту минуту не думала ни о немъ, ни о комъ либо другомъ; но его голосъ не вспугнулъ меня; онъ былъ такой тихій и мягкій голосъ.

— Очень хорошо, благодарю.

Мнѣ было слишкомъ хорошо!

— Въ такомъ случаѣ можно ускорить; хотите немного вскачь... скажите?

Я сдѣлала головою знакъ согласія. Кончикъ его длиннаго бича слегка прикоснулся къ лошадямъ, и мы понеслись. Сначала движеніе было такъ быстро, что я невольно вскрикнула, и инстинктивно ухватилась за его руку.

— Де-Марсилъ, кричалъ мой мужъ:—ради Бога не такъ скоро, вы насъ вывалите.

— Не бойтесь! отвѣтилъ графъ.

И въ то же время онъ взялъ меня за руку:

— Вы боитесь упасть, милая сосѣдка? спросилъ онъ тихо.

— Мнѣ все равно, отвѣтила я задыхаясь.

И въ самомъ дѣлѣ, я чувствовала себя такъ хорошо, что мнѣ и вывалиться было ни по чемъ.

Черезъ минуту, я приняла руку. Я замѣтила, что онъ сдѣ-

лалъ движеніе, и глаза наши встрѣтились. Не знаю почему, я тотчасъ потушилась. Его взглядъ пронизывалъ меня насквозь.

— Вы теперь, я думаю, успокоились, сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтила *да*, но больше ничего не осмѣлилась прибавить; мой голосъ дрожалъ болѣе обыкновеннаго, и я ни подъ какимъ видомъ не хотѣла допустить, чтобы онъ это замѣтилъ.

Нѣсколько минутъ спустя мы вѣхали въ лѣсъ, и лошади опять пошли рысью. Въ этомъ лѣсу хорошо пахло. Массы зелени рисовались на небѣ темными и причудливыми фигурами.

Кое-гдѣ, древесный стволъ, облитый луннымъ свѣтомъ, блисталъ среди чащи. Все кругомъ молчало и покоилось; слышался только мѣрный топотъ лошадиныхъ копытъ и легкій шумъ катившагося экипажа; по временамъ сухой и раздражающій кашель моего мужа напоминалъ мнѣ дѣйствительность. Мы ѣхали по узкой дорожкѣ, надъ которою деревья составляли настоящій сводъ. Иногда я принуждена была опускать голову, чтобы уклониться отъ вѣтки, которую г. де-Марсилъ не успѣвалъ устранить своимъ бичемъ.

Подъ одною вѣткою, нависшею ниже другихъ, мы наклонились вмѣстѣ въ одно время; онъ взялъ меня за руку, и я почувствовала на кисти, пониже браслета, прикосновеніе его губъ. Я сначала не поняла, что это значило, потому что усы его дотронулись до меня раньше его губъ.

Я невольно вскринула.

— Ахъ, проклятыя вѣтки! громко сказалъ графъ.

— Моя жена всего боится! отозвался мой мужъ.

Я хочу быть откровенною и во всемъ признаться. Не знаю, что подумала и сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ другая женщина. Я, должно быть, въ этотъ вечеръ была совсѣмъ особенно возбуждена, потому что я не почувствовала ни малѣйшаго негодованія, даже ни малѣйшаго. Я вскринула, но только отъ изумленія, и сильная тревога, охватившая меня, потомъ была только послѣдствіемъ того сладкаго ощущенія, отъ котораго меня бросило въ дрожь. Я не подумала ни о смыслѣ, ни о значеніи этого поцалуя; я не подумала о томъ, что мой мужъ тутъ, что я ему принадлежу, что мое молчаніе, быть можетъ, начало преступленія. Ни о чемъ этомъ я не подумала. Дѣйствительность легальной жизни была для меня такъ жестка, она дала мнѣ слышкомъ много горечи и отвращенія! Я бросилась головою впередъ, противъ моей собственной воли, въ мечту и въ безуміе! Я прижала рукою ту пылающую точку подъ браслетомъ, и прошептала про себя:

— Такъ онъ меня любитъ, онъ, стало быть, любитъ меня!

Скоро деревья остались позади, надъ нами появилось небо, все усѣянное звѣздами; вдали начали показываться большія крыши, освѣщенные синеватыми лучами мѣсяца. Это было великолѣпно, и въ хаосѣ упительныхъ впечатлѣній, кружившихся у меня въ головѣ, это зрѣлище казалось мнѣ обѣщаніемъ, задаткомъ... не знаю чѣмъ... какою-то улыбкою неба.

Потомъ экипажъ повалился по мостовой и наконецъ остановился. Мы пріѣхали. Мой мужъ вышелъ первый и протянулъ мнѣ руку; но опираясь на него, я почувствовала, что онъ слабѣетъ, и я невольно поколебалась.

— Смѣлый, вотъ я тутъ, говоритъ онъ, самонадѣянно улыбаясь.

По его искаженному лицу и неестественно растопыреннымъ ногамъ я видѣла однако, что усиліе для него слишкомъ велико, и что, если я, полагаясь на него, прыгну, то онъ повалится на землю вмѣстѣ со мною.

Скрѣпя сердце и уповая на Бога, я прыгнула. Дѣло обошлось неожиданно благополучно, безъ ушибовъ и поломовъ.

— Дурочка, сказалъ мужъ: — не будь меня, ты бы до смерти убилась.

Онъ подошелъ къ двери и позвонилъ три раза подъ рядъ, какъ человѣкъ, не любящій ждать. Покуда дворникъ медленно просыпался, я слѣдила глазами за блестящимъ экипажемъ, который быстро удался, нарушая ночную тишину стукомъ колесъ.

Я осталась въ оцѣпенѣніи, неподвижная, я смотрѣла и не сознавала того, что вижу.

Дверь наконецъ отворилась. Г. Ломель ошупью досталъ и зажегъ спичку, и мы стали всходить по лѣстницѣ. Ступеньки были высокія, лѣстница — крутая, воздухъ удушливый, пропитанный запахомъ газа и кухни, свойственнымъ тѣмъ парижскимъ домамъ, которые не могутъ называться дворцами.

Поднимаясь наверхъ, мужъ мой останавливался и переводилъ духъ. Дойдя до верху, онъ сказалъ мнѣ, владѣвая ключъ въ замокъ.

— У меня нынче вечеромъ желудокъ болитъ. Я себѣ чаю заварю.

Пока я машинально раздѣвалась и собиралась лечь, я слышала, какъ г. Ломель раздувалъ огонь въ кухнѣ и ворочалъ костры. Мысль помочь ему въ его работѣ не пришла мнѣ въ головѣ. Мнѣ казалось, что во всемъ этомъ шумѣ нѣтъ ничего реальнаго. Мнѣ все еще казалось, что я несусь въ экипажѣ, расдѣваю воздухъ и дрожу отъ прикосновенія ея губъ. Въ эту

минуту действительностью было для меня воспоминаніе, а стукъ кострюль и даже моя комната, бывшая у меня передъ глазами, казались мнѣ иллюзіей. Я сходила съума.

Черезъ нѣсколько времени мой мужъ воротился изъ кухни; я сейчас увидѣла, что чай ему помогъ. Онъ вошелъ въ мою комнату важно, поднявъ голову съ строгимъ лицомъ и засунувъ руки въ карманы, сталъ въ эффектную позу передъ моею постелью.

— Я долженъ съ вами говорить, началъ онъ.

И безо всякихъ переходовъ онъ прибавилъ:

— Вы меня, кажется, милая моя, принимаете за мужа изъ комедіи? Отвѣчайте, мнѣ это любопытно знать.

Онъ поднимался на ципочки, смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо и шумѣлъ ключами въ жилетномъ карманѣ. У меня на лбу выступилъ холодный потъ, и это карикатурное существо показалось мнѣ грознымъ судьей.

— Чтѣ вы хотите сказать? Я васъ не понимаю. Это вы, можетъ быть, за то, что я приняла мѣсто въ экипажѣ г. де-Марсиля?

— Э, кто вамъ говорить о де-Марсилѣ? Графъ — мой другъ. Вы шутите кажется.

Его достоинство было ему въ тягость. Онъ продолжалъ болѣе фамиллярнымъ тономъ:

— Ты думаешь, я ничего не замѣтилъ во время обѣда? твою развязность, твой неприлично открытый корсажъ, твою шумную веселость, твой продолжительный хохотъ всякій разъ, какъ этотъ морской офицеръ раздѣвалъ ротъ!

— Я не знаю, чтѣ вы хотите сказать, отвѣтила я и отвернулась.

— А! ты не знаешь, чтѣ я хочу сказать! Ну, такъ знай же ты разъ навсегда, что я не способенъ играть смѣшныя роли ни въ какомъ случаѣ... ни въ какомъ случаѣ! Тебѣ это доставляетъ большое удовольствіе выказывать въ свѣтѣ неумѣстную веселость... болѣе, чѣмъ неумѣстную... Я не нахожу подходящаго слова... Я не хочу его найти. Когда страданіе приковываетъ меня къ моему стулу, когда я нѣмѣю отъ боли. Я мучился, какъ осужденный грѣшникъ, во время ихъ проклятаго безконечнаго обѣда. Это по твоему оригинально и забавно... больной мужъ... со смѣху помереть можно... больной мужъ...

Воодушевленіе его росло по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ.

— Послушайте, чтѣ съ вами? Вы это нарочно говорите: развѣ жъ я была веселѣе обыкновеннаго? Я право не знаю. Чтѣ жъ мнѣ теперь считать свои слова и класть штемпель на жесты. Мнѣ кажется, вы ужъ черезчуръ много себѣ позволяете изъ-за вашей болѣзни. Пожалуй, шпионствуйте за мной, только не гово-

рите мнѣ этого; все, что въ этомъ шпионствѣ смѣшно и гадко, цѣликомъ падаетъ на васъ. Впрочемъ, если общество доводитъ васъ до припадковъ, не будемъ никуда ѣздить, я очень рада, не будемъ выѣзжать.

Онъ вдругъ утихъ.

— Милая моя, я видишь, сузу совсѣмъ не такъ, какъ ты. Ты наивное, чистое дитя. Ты жизни не знаешь, а я знаю. Я видалъ виды. Ге, ге, я отрываю опасности, гдѣ ты ихъ и не подозрѣваешь. Ну, будетъ объ этомъ говорить, дай я тебя поцалую, крошка моя любимая.

Онъ взялъ меня за голый локоть своею влажною, холодною рукою, и потянулся ко мнѣ своими толстыми губами. Онъ былъ мнѣ отвратителенъ въ эту минуту. Онъ продолжалъ:

— Говорять о женской добродѣтели... женская добродѣтель! Я въ нее вѣрю, чортъ возьми! я вѣрю въ добродѣтель, а все-таки и то правда, что тяжело вывозить жену въ свѣтъ... Когда она тамъ веселится, разумѣется. Ты видишь, я тебя посмѣшать хочу. Поцалуй меня.

Онъ приблизилъ свое лицо къ моему, но вдругъ мнѣ припомнились тонкія алія губы, опущенныя бѣлокурыми усами, и я почувствовала глубокое отвращеніе.

— Вы нелѣпы, пробормотала я, и повернулась къ нему спиною.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО.

(ПО МИЛЛЮ).

Окончаніе *.

IV.

Гдѣ же законныя предѣлы власти отдѣльной личности надъ собою?

Хотя общество основывается не на договорѣ и хотя нѣтъ обязанности изобрѣтать какой либо договоръ, чтобы изъ него вывести социальныя обязанности человѣка, тѣмъ не менѣе всѣ, пользующіеся покровительствомъ общества, должны отплатить ему за это благодареніе. Уже тотъ одинъ фактъ, что мы живемъ среди себѣ подобныхъ, налагаетъ на насъ извѣстный рядъ обязанностей: 1) не вредить тѣмъ интересамъ ближняго, которые по закону или по взаимному согласію всѣхъ, считаются его правами, 2) принимать слѣдующее на долю каждаго изъ насъ участіе въ трудахъ и жертвахъ, необходимыхъ для защиты общества или отдѣльныхъ членовъ его отъ несправедливости или насилія. Общество имѣетъ безусловное право принуждать къ исполненію этихъ обязанностей всякаго, кто желалъ бы уклониться отъ нихъ. Но этого мало. Личность своими дѣйствіями можетъ вредить другимъ не нарушая ни одного изъ правъ, установленныхъ закономъ, она погрѣшаетъ иногда *недостаточнымъ вниманіемъ* къ интересамъ ближнихъ. Въ такомъ случаѣ виновный, пощаженный закономъ, можетъ, по всей справедливости, быть наказанъ общественнымъ мнѣніемъ. Какъ скоро образъ дѣйствій

* См. «Отеч. Записки» 1869 г. № 3.

какойнибудь личности вредить интересамъ другихъ, то общество имѣетъ право судить ее, и вопросъ о томъ: полезно ли для общества такое вмѣшательство въ частные интересы, можетъ быть предметомъ спора.

Но не можетъ быть предметомъ спора вопросъ о вмѣшательствѣ, когда личность своимъ образомъ дѣйствій касается лишь собственныхъ интересовъ или даже интересовъ другихъ, но съ добровольнаго ихъ согласія (мы предполагаемъ, что заинтересованные достигли совершеннѣйшаго и не лишены обыкновеннаго здраваго смысла). Въ такомъ случаѣ личность должна имѣть полную законную свободу и право, на свой рискъ, дѣлать все, что ей угодно.

Весьма неправильно поняли бы мы это учение, еслибы видѣли въ немъ эгоистическій индифферентизмъ, утверждающій, что человѣкъ вовсе не обязанъ принимать участіе въ своихъ ближнихъ и только тогда долженъ заботиться о ихъ благосостояніи, когда затронуть этимъ его собственный интересъ. Не уменьшиться, а напротивъ значительно умножиться должны безкорыстныя заботы наши о благѣ ближнихъ. Но безкорыстное доброжелательство можетъ найти много средствъ къ обращенію заблуждающихся на истинный путь, не прибѣгая къ бичу, въ какой бы то ни было формѣ.

И несправедливо, и бесполезно было бы прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ для развитія какихъ либо добродѣтелей. Люди должны помогать другъ другу, отличать дурное отъ хорошаго, постоянно побуждать другъ друга къ развитію всѣхъ лучшихъ человѣческихъ силъ и способностей, къ направленію желаній на предметы возвышенныя, на дѣйствія благоразумныя. Но отдѣльная личность или цѣлый рядъ личностей не можетъ сказать взрослому человѣку: *«ты не имѣешь права устроить жизнь свою такъ, какъ тебѣ удобнѣе и пріятнѣе»*. Каждому дороже всего свое собственное благосостояніе; участіе въ немъ другихъ — ничто въ сравненіи съ его собственнымъ интересомъ (случаи особенной, личной привязанности составляютъ исключеніе). Общество интересуется личностью лишь косвенно и не вполне, и потому несравненно меньше ее знаетъ, какъ удобнѣе ей поступать въ собственномъ дѣлѣ.

Вмѣшательство общества въ дѣйствія личности, *касающіяся лишь ея одной*, основывается всегда на какихънибудь общепринятыхъ мнѣніяхъ, которыя могутъ быть и несправедливы. Вотъ почему эта сторона дѣятельности человѣка можетъ быть неприкосновенна. Въ сферѣ своихъ личныхъ интересовъ, каждый долженъ имѣть право на полную самостоятельность. Общество

можетъ предложить каждой личности извѣстные соображенія, сдѣлать ему увѣщанія, которыя могутъ вліять на его волю; но тѣмъ не менѣе индивидуумъ есть верховный судья въ своемъ собственномъ, лично до него касающемся дѣлѣ. Онъ можетъ погрѣшитель, несмотря на совѣты и предостереженія другихъ; но это зло не такъ велико, какъ бѣдствіе, которое произойдетъ, когда постороннимъ людямъ дано будетъ право принуждать ту или другую личность къ дѣйствіямъ, служащимъ только, *по ихъ мнѣнію*, къ ея благу.

Изъ этого не слѣдуетъ, что на мнѣніе, составленное обществомъ объ отдѣльной личности, не должны вліять ея достоинства и недостатки: это невозможно, да и не желательно. Если человѣкъ обладаетъ въ значительной степени качествами, могущими служить къ его выгодѣ и способствовать его нравственному усовершенствованію, то онъ заслуживаетъ нашей любви и удивленія. Если же этихъ качествъ въ немъ вовсе нѣтъ, то мы питаемъ къ нему чувства совсѣмъ иного рода. Есть люди до такой степени глупые и мелочные, имѣющіе до такой степени извращенный вкусъ, что невольно становятся предметомъ отвращенія и даже презрѣнія. Тому, кто обладаетъ противоположными качествами, и притомъ въ высокой степени, невозможно не испытывать этихъ чувствъ. Не вредя никому, человѣкъ можетъ дѣйствовать такъ, что мы поневолѣ должны принять его или за глупца, или за существо низшаго порядка, и такъ-какъ этотъ взглядъ никому не можетъ нравиться, то предупредить нашего ближняго заранѣе о томъ, какъ взглянуть на него общество, значить оказать ему великую услугу. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, величайшимъ удобствомъ, еслибы условія нынѣшней вѣжливости дозволяли человѣку оказывать другимъ почаще эту услугу, если-бы всякій, не рискуя прослыть неучемъ, могъ откровенно сказать своему сосѣду: «ты погрѣшаешь». Мы и теперь имѣемъ много средствъ выразить неблагоприятное наше мнѣніе о комъ либо, вѣсколько не оскорбляя его личности, но ограждая лишь свою. Такъ напримѣръ, мы не обязаны искать его общества, мы можемъ избѣгать встрѣчи съ нимъ (но не выказывая этого слишкомъ явно); ибо въ нашей власти выбирать себѣ общество по вкусу. Мы имѣемъ право (и это, можетъ быть, наша обязанность) предостеречь другихъ отъ неприятой личности, если думаемъ, что ея примѣръ можетъ повредить людямъ, съ нею знакомымъ.

Таковыми различными путями можетъ общество преслѣдовать неблагоразумнаго человѣка за погрѣшности, вредныя лишь для него самого. Но эти преслѣдованія могутъ быть оправданы только какъ естественныя слѣдствія самихъ погрѣшностей, а не какъ

наказанія. Человѣкъ опрометчивый, упрямый, тщеславный, не могущій отказать себѣ во вредныхъ и не въ мѣру убыточныхъ удовольствіяхъ, преданный животнымъ наслажденіямъ и жертвующій имъ своими умственными и нравственными силами, не долженъ ждать себѣ пощады отъ общественнаго мнѣнія. Но на это онъ и не имѣетъ права жаловаться, если только не заслужилъ снисхожденія своею честною дѣятельностью въ пользу общества.

Только неудобства, соединенныя съ неблагоприятнымъ мнѣніемъ другихъ людей, долженъ терпѣть человѣкъ за свои поступки и привычки, не касающіеся чужихъ интересовъ. Но иначе должно смотрѣть на дѣйствія, вредныя для другихъ. Если вы нарушаете ихъ права, если причиняете имъ вредъ или убытокъ, не оправдываемый вашими собственными правами, если поступаете съ ними какъ человѣкъ лживый и двуличный, если не предостерегаете ихъ отъ какого-нибудь бѣдствія, — то, по справедливости, заслуживаете порицанія или даже моральнаго наказанія. И не только дѣла, даже намѣренія, ведущія къ тому же, безнравственны и достойны порицанія. Природная жестокость сердца, коварство, зависть (эта самая ненавистная и противообщественная изъ всѣхъ страстей), лицемеріе, недостатокъ искренности, раздражительность, мстительность, страсть властвовать надъ другими, страсть приобрѣтать на свою долю болѣе выгодъ, чѣмъ слѣдуетъ по праву, гордость, удовлетворяющаяся униженіемъ другихъ, эгоизмъ, ставящій себя и свои интересы выше всего на свѣтѣ, рѣшающій въ свою пользу всякій сомнительный вопросъ — вотъ нравственные недостатки, которыми отличается дурной и ненавистный характеръ. Но ихъ слѣдуетъ отличать отъ вышеупомянутыхъ личныхъ недостатковъ: глупости, мелочности, тщесавія, страсти къ наслажденіямъ, испорченности вкуса. Эти послѣдніе не составляютъ того, что мы называемъ безнравственностію, злонравіемъ, до какой бы крайности ни доходили въ человѣкѣ. Они служатъ доказательствомъ, что личность, отличающаяся ими, не имѣетъ уваженія къ себѣ, но предметомъ моральнаго порицанія могутъ быть эти недостатки тогда лишь, когда влекутъ за собою забвеніе обязанностей относительно людей, о благосостояніи которыхъ личность должна заботиться. Слова: *обязанность человека относительно самаго себя* означаютъ лишь: благоразуміе, уваженіе къ себѣ, самоусовершенствованіе; но никто въ этомъ отношеніи не обязанъ давать отчета постороннимъ людямъ, ибо они въ этомъ не заинтересованы.

Между недовѣріемъ нашимъ къ неблагого разумному и неуважающему себя человѣку, и недовѣріемъ къ человѣку, вредному

для общества, большая разница. Если личность намъ не нравится, то мы можемъ отдѣлаться отъ нея; но въ одной альтернативѣ нашей нѣтъ достаточнаго основанія, чтобы ограждать жизнь этой личности. Она уже и безъ того страдаетъ, или будетъ страдать отъ своихъ погрѣшностей; не ставемъ же портить жизнь ея еще болѣе, постараемся лучше облегчить начавшесся для нея искупленіе погрѣшностей, укажемъ на средства уменьшить тѣ бѣдствія, которыя должно причинить ей собственное неблагоразуміе. Благоуразумный человѣкъ можетъ быть для насъ предметомъ сожалѣнія, пожалуи, иногда отвращенія, но не предметомъ гнѣва и вражды. Не будемъ считать его врагомъ общества, и если не можемъ выказать ему нашего доброжелательства, участія и заботливости о его исправленіи, то оставимъ его въ покоѣ.

Совершенно иначе общество имѣетъ право относиться къ этому человѣку, когда онъ нарушаетъ законы, установленные для огражденія правъ его ближнихъ, каждаго отдѣльно или всѣхъ вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ, губительныя послѣдствія его дѣйствій падаютъ не на него, а на другихъ, и общество, въ качествѣ покровителя всѣхъ своихъ членовъ, должно наказать виновнаго и наказать достаточно строго.

Многіе, конечно, откажутся допустить принятое нами различіе. Намъ, можетъ быть, скажутъ: «Кавимъ образомъ, какаа бы то ни было часть дѣятельности члена общества можетъ не касаться другихъ его членовъ? Нѣтъ человѣка, совершенно изолированнаго отъ остальнаго человѣчества; личность же можетъ причинять себѣ вредъ и въ то же время не вредить интересамъ ближнихъ въ себѣ людей, и даже нерѣдко—постороннихъ. Если я безразсудно растрачиваю свое состояніе, то врежу тѣмъ лицамъ, кои прямо или косвенно извлекали изъ моего состоянія свои средства къ жизни, врежу и всему обществу, ибо средства его уменьшаются отъ моего мотовства. Если я гублю свои физическія или нравственныя силы, то этимъ самымъ не только причиняю вредъ тѣмъ, чье счастье отъ меня зависитъ, но и дѣлаюсь несноснымъ исполнять свои обязанности относительно всѣхъ моихъ ближнихъ, становлюсь имъ въ тягость, и это за всю ихъ любовь ко мнѣ инисходительность. И чѣмъ больше въ обществѣ безразсудныхъ и вредныхъ для себя личностей, тѣмъ меньше въ немъ сумма добра и счастья. Наконецъ, скажутъ намъ, и не причиняя прямого вреда другимъ своими пороками и глупостями, личность можетъ вредать своимъ примѣромъ, и принудительныя мѣры должны быть приняты относи-

тельно ей, для блага всѣхъ тѣхъ, кому вредно видѣть ея дурной образъ жизни, или знать о немъ».

«Если, скажутъ намъ далѣе, слѣдствія «дурнаго поведенія» гибельны только для однихъ порочныхъ и неразумныхъ людей, то неужели общество должно дать этимъ людямъ полную свободу, которую они, очевидно, не умѣютъ пользоваться? Если всѣми принято, что общество обязано оказывать покровительство дѣтямъ и лицамъ несовершеннолѣтнимъ, то не обязано ли оно точно такъ же брать подъ свою опеку людей, хотя и совершеннолѣтнихъ, но неспособныхъ, подобно дѣтямъ, владѣть собою. Если страсть къ азартной игрѣ, пьянство, невоздержанность, цинизмъ суть такіа же великія препятствія счастью людей и ихъ усовершенствованію, какъ большая часть дѣйствій, запрещенныхъ закономъ, то почему бы законодателью не попытаться устранить и эти злоупотребленія свободой, на сколько возможно. И чтобы помочь закону, всегда несовершенному въ этомъ отношеніи, не должно ли общественное мнѣніе организовать самый дѣятельный прісмотръ за порочными и безразсудными личностями, и за предосудительный образъ дѣйствій карать ихъ со всею строгостію? Такимъ образомъ, говорить, мы не стѣснимъ личности и не воспрепятствуемъ ей быть оригинальной. Мы воспрепятствуемъ ей дѣлать лишь то, что уже давнымъ давно испытано и признано дурнымъ, что, какъ показала опытъ, не полезно и не пристойно ни для чьей индивидуальности. Все наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы поколѣнія людей, одно за другимъ, не впадали въ пропасть, которая была гибельна для отжившихъ поколѣній».

Допускаю, что вредъ, наносимый человѣкомъ самому себѣ, можетъ распространяться на его ближнихъ и, въ меньшей степени, на все общество. Когда неразумнымъ образомъ жизни человѣкъ довелъ себя до того, что нарушилъ свои прамыя и призванныя всѣми обязанности, относительно одного или многихъ своихъ ближнихъ, то дѣйствіе его становится уже проступкомъ и заслуживаетъ строгаго порицанія. Такъ, напримѣръ, если, вслѣдствіе своей невоздержности или сумасбродной расточительности, онъ теряетъ возможность уплатить свои долги или, будучи обремененъ семьей, по тѣмъ же причинамъ, не въ состояніи ее воспитывать, то, по справедливости, можетъ быть осужденъ и даже наказанъ, но не за сумасбродство, а за неисполненіе обязанностей относительно семейства и кредиторовъ. Если бы деньги, которыя принадлежать семьѣ, или должны быть уплачены кредиторамъ, были употреблены на самое полезное дѣло, то отвѣтственность была бы та же самая. Джоржъ Барнуэлль

убилъ дадо для того, чтобы имѣть деньги для своей возлюбленной и бѣгъ назначить; но если бы онъ убилъ его для устройства своихъ дѣлъ, то и въ такомъ случаѣ потерялъ бы ту же самую участь.

Если, предаваясь дурнымъ привычкамъ, я огорчаю свою семью, то можно упречь меня въ неблагодарность и безчувственность; но тотъ же упрекъ можно сдѣлать мнѣ и въ томъ случаѣ, когда я предаюсь привычкамъ, не заключающимъ въ себѣ ничего дурнаго, но неприятнымъ для тѣхъ людей, съ коими живу или чье счастье отъ меня зависитъ. Кто недостаточно обращаетъ вниманія на интересы и чувстваванія другихъ, не будучи вынужденъ къ тому какою-либо высшею обязанностію и не имѣя какой нибудь позволительной склонности, могущей служить оправданіемъ, тотъ заслуживаетъ порицанія, но именно за недостаточность вниманія къ интересамъ другихъ, а не за чисто личныя несовершенства своего характера. Точно такъ же, если личность, чрезмерно заботясь только о себѣ, лишаетъ себя возможности исполнить какую-либо обязанность относительно общества, то она виновна въ проступкѣ противъ общества. Никого не наказываютъ за излишнее употребленіе вина; но солдатъ или полицейскій стражъ, напившійся на своемъ посту, подвергается наказанію. Однимъ словомъ, всюду, гдѣ личность вредитъ другимъ, или подвергаетъ другихъ опасности пострадать, вопросъ, изъ сферы личной свободы, переходитъ въ область морали или законодательства.

Что же касается до случайнаго ущерба, который человекъ можетъ причинить обществу, не нарушая ни одной изъ своихъ прямыхъ социальныхъ обязанностей, и видимо не обижая никого, кромѣ себя, то общество можетъ и, изъ любви къ свободѣ, должно перенести это неудобство.

Неужели, кромѣ принудительныхъ мѣръ, общество не имѣетъ другихъ средствъ поднять всѣхъ, даже слабѣйшихъ своихъ членовъ до такого нравственнаго уровня, достигнувъ котораго они могли бы жить благоразумною жизнью? Конечно, имѣть. Въ рукахъ у общества полная власть надъ личностію въ первые годы ея жизни. Не будучи въ состояніи дать юному поколѣнію совершеннаго умственнаго и нравственнаго развитія, общество можетъ поднять его по крайней-мѣрѣ до того уровня, котораго достигло само.

Если большинство людей остается въ продолжительномъ дѣтствѣ и не способно пользоваться благоразумными совѣтами, то виновато само общество. Вооруженное всѣми средствами воспитанія, всею силою общественнаго мнѣнія, всѣмъ вліяніемъ этого

мнѣнія на людей, не способныхъ думать своей головою, общество не должно ваявлять еще своего права издавать законы относительно личныхъ интересовъ каждаго. По всѣмъ правящимъ обществѣмъ, и по всей справедливости, оцѣнка этихъ интересовъ принадлежитъ тѣмъ, кого они касаются. Начто такъ не подрывасть довѣрія къ хорошимъ средствамъ вліять на жизнь людей, какъ употребленіе дурныхъ. Если личность, которую принудительными мѣрами хотять заставить быть благоразумною и вездержною, имѣеть характеръ сильный и независимый, то она непремѣнно возмутится противъ насилія. Ни одинъ человекъ такого завала не повѣритъ, чтобы посторонніе люди имѣли право контролировать его дѣйствія, не касающіяся общества; на сопротивленіе власти, такъ несправедливо какъ бы то ни было присвоенной, смотреть какъ на признакъ личной силы и мужества. Такимъ образомъ, во времена Карла II, въ Англіи, за нравственною нетерпимостію, возникшею изъ пуританскаго фанатизма, послѣдовала сильнѣйшая нравственная распущенность.

Но необходимо же, слазуть, защитить общество отъ дурнаго примѣра, подаваемого людьми порочными и легкомысленными. Да; конечно, дурной примѣръ, особенно же подаваемый людьми, безнаказанно вредящими обществу, можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Мы же говоримъ теперь о дѣйствіяхъ, вредныхъ только тому, кто ихъ совершаетъ, и не видимъ, почему бы примѣръ подобныхъ дѣйствій нельзя было считать скорѣе спасительнымъ, чѣмъ вреднымъ. Когда обнаруживается безразсудство человека, то обнаруживаются вмѣстѣ съ тѣмъ и пагубныя послѣдствія этого безразсудства, служація достаточнымъ за него наказаніемъ и искупленіемъ.

Но самый сильный аргументъ противъ вмѣшательства общества въ частную жизнь людей тотъ, что это вмѣшательство почти всегда бываетъ самое неразумное. Объ обязанностяхъ человека относительно другихъ мнѣніе общества (то-есть господствующей его части) хотя часто и погрѣшаетъ, но имѣеть некоторую вѣроятность быть правильнымъ; ибо общество обсуживаетъ здѣсь только свои собственные интересы и тѣ дурныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ нарушенія ихъ людьми, имѣющими противообщественныя наклонности. Но мнѣніе господствующаго большинства въ вопросахъ, касающихся лишь отдѣльной личности, имѣеть столько же вѣроятности быть справедливымъ, сколько и ложнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ подобномъ случаѣ слова: «общественное мнѣніе» означаютъ лишь мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ объ удобствахъ или неудобствахъ другихъ лицъ. Но все это чаще публики совершенно равнодушна къ удоб-

ствамъ или неудобствамъ человѣка и предписываетъ ему тотъ или другой образъ жизни, соображаясь лишь съ своими наклонностями.

Есть люди — и такихъ не мало — которые считаютъ себя оскорбленными, если кто-нибудь живетъ не такъ, какъ они живутъ; ихъ нравственное чувство оскорбляется отступленіемъ отъ разумныхъ обычаевъ. Нѣкій фанатикъ, на обвиненіе въ крайней невнимательности къ религіознымъ мнѣніямъ другихъ, отвѣтилъ: «Напротивъ, они-то и не внимательны къ моимъ религіознымъ мнѣніямъ, иначе не держались бы такъ упорно своихъ гнусныхъ вѣрованій. Но нѣтъ ничего общаго между чувствованіями человѣка, который дорожитъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, и чувствованіями того, кто оскорбляется дерзостію людей, осмѣливающихся предпочитать его мнѣнію свое. Разница между обоими такъ же громадна, какъ между желаніемъ вора отнять у кого-нибудь кошелекъ и желаніемъ законнаго владѣльца хранить его себя».

Вкусъ и желанія человѣка такъ же принадлежатъ ему, какъ его мнѣнія и кошелекъ. Конечно, не трудно вообразить общество, предоставляющее личности свободу дѣлать все, о чемъ не составилось еще несомнѣнно-вѣрнаго мнѣнія, и требующее лишь воздержанія отъ такихъ дѣйствій, которыя не одобряются на основаніи опыта всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но, во первыхъ, видано ли гдѣ-нибудь общество, полагающее такіе предѣлы своей цензурѣ? восторжѣ, соображалось ли когда-нибудь какое-либо общество съ опытомъ вѣковъ и народовъ? Вмѣшиваясь въ дѣйствія частнаго лица, общество разсуждаетъ, большею частію, о томъ, какъ ужасно, какъ нелѣпо думать и дѣйствовать не такъ, какъ всѣ (то-есть господствующее большинство). И этотъ критеріумъ предлагается людямъ, какъ нравственный и философскій законъ девятию десятиями моралистовъ и умозрительныхъ философовъ. «Это мнѣніе справедливо, ибо оно справедливо, ибо мы чувствуемъ, что оно справедливо» — вотъ ихъ обычная аргументація. Они совѣтуютъ намъ въ собственномъ нашемъ умѣ и сердцѣ искать законовъ, которые обязывали бы насъ дѣйствовать въ отношеніи къ себѣ и другимъ такъ, а не иначе. Что же остается дѣлать обществу, если не примѣнять эти наставленія къ жизни и не дѣлать обязательными свои идеи (когда они признаны достаточнымъ большинствомъ) для всѣхъ.

Зло, о которомъ здѣсь говорится, существуетъ не въ теоріи только. Въ нашъ вѣкъ, какъ и во всѣ времена, общество свои желанія и вкусы выдаетъ за законы нравственности. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе всѣхъ уклоненій общества.

Всѣ южно-европейскіе народы считаютъ женатое духовенство не только нерелигіознымъ, но безстыднымъ, между тѣмъ, какъ протестанты держатся совершенно иного мнѣнія и считаютъ безумными попытки строгихъ и искреннихъ католиковъ распространить обычай безбрачія духовенства и на не католиковъ.

Если общество имѣетъ право стѣснять личность въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя касаются только ея интересовъ, то на какомъ основаніи мы осудимъ нетерпимость въ только что упомянутыхъ случаяхъ? кто можетъ тогда осудить людей за запрещеніе дѣйствій и обычаевъ, кажущихся имъ постыдными?

Говорить, что мы можемъ преслѣдовать другихъ, ибо наши мнѣнія справедливы, но что другіе не имѣютъ права преслѣдовать насъ, ибо мнѣнія ихъ ложны — значитъ держаться логики всѣхъ гонителей. Поостережемся принимать на вѣру этотъ принципъ, ибо примѣненіе его, если будетъ направлено противъ насъ, покажется намъ величайшею несправедливостію.

Но скажутъ: примѣры, только что приведенные, представляютъ собою дѣйствія, невозможныя ни въ какой цивилизованной странѣ; въ такой странѣ общественное мнѣніе не дойдетъ до запрещенія какихъ либо яствъ, не станетъ беспокоить людей за то, что они слѣдуютъ тому, а не другому вѣроисповѣданію, или за то, что они вступаютъ въ бракъ, сообразно своимъ вѣрованіямъ и наклонностямъ. Слѣдующій примѣръ покажетъ, что опасность серьезныхъ покушеній общества на свободу личности далеко еще не миновала.

Всюду, гдѣ пуритане имѣли достаточно силы, какъ напримѣръ въ Новой Англіи и даже въ Великобританіи во времена республики, они старались — и съ большимъ успѣхомъ — прекратить всякія увеселенія, особенно танцы, театры, игры и всякія собранія для развлеченія. Въ Англіи весьма много людей, которые по своимъ религіознымъ и нравственнымъ воззрѣніямъ, готовы осудить подобныя удовольствія. Эти люди принадлежатъ въ среднемъ классу общества, и весьма возможно, что они когда нибудь будутъ располагать большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Что скажутъ остальные члены общества, вида, что удовольствія, допускаемая ихъ моральными воззрѣніями, находятся подъ надзоромъ самыхъ строгихъ кальвинистовъ и методистовъ? Не попросятъ ли они людей, до такой степени усердно заботящихся о чужой нравственности, заняться своимъ дѣломъ? Всякое правительство и всякое общество, заявляющія притязанія лишить личность удовольствій, ими неодобряемыхъ, поступаютъ такъ же несправедливо, какъ пуритане въ эпоху своего политическаго преобладанія въ Англіи. И если притязаніе это не отвергнуто въ

само́мъ принципѣ, то личности всегда можетъ грозить опасность быть стѣсненною въ самыхъ существенныхъ своихъ правахъ.

Предположимъ теперь другую случайность, болѣе вѣроятную, чѣмъ та, о которой только что сказано. Всѣ сознають, что въ современномъ обществѣ есть сильное стремленіе организоваться демократически. Утверждаютъ, что въ странѣ, гдѣ эта тенденція всего сильнѣе, гдѣ правительство и общество демократичны въ высокой степени, всякій, кто ведетъ слишкомъ блестящій и роскошный образъ жизни, подвергается порицанію большинства, и общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ имѣетъ силу закона, ограничивающаго роскошь. Въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ есть много мѣстностей, гдѣ очень богатому человѣку трудно придумать, какъ бы издержать весь свой доходъ, не навлекая на себя народнаго неодобренія. Причина такого неодобренія народа къ людямъ, ведущимъ чрезмѣрно роскошную жизнь, понятна. Извѣстно, что *размѣры промышленности ограничиваются капиталомъ*, то-есть тою частію произведеній народнаго труда, которая предназначается и употребляется на производство «добра» или полезныхъ цѣнностей. Чѣмъ больше — при остальныхъ равныхъ условіяхъ — продуктовъ человѣческаго труда обращается на производство полезныхъ вещей, тѣмъ лучше удовлетворяются самыя насущныя потребности народа, какъ на примѣръ, потребность въ пищѣ, одеждѣ, помѣщеніи, умственномъ образованіи, въ отдыхѣ послѣ труда и развлеченіи. Чѣмъ больше, напротивъ, продуктовъ человѣческаго труда обращается на производство такихъ предметовъ, которые, по необыкновенной дороговизнѣ своей, могутъ быть потребляемы только самымъ ничтожнымъ меньшинствомъ, и въ которыхъ не чувствуется ни малѣйшей необходимости, тѣмъ хуже удовлетворяются самыя насущныя потребности огромнаго большинства. Меньше тогда народъ питается, хуже одѣвается, неудобнѣе помѣщается, меньше средствъ имѣетъ заводить школы, меньше досуга читать книги, меньше потребности заботиться о своемъ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ усовершенствованіи. Бѣдность и невѣжество всегда имѣютъ множество вѣрныхъ и неразлучныхъ спутниковъ: болѣзни, неумѣренную смертность, общественное нестремленіе, всевозможные пороки и преступленія. Все это сознавалось и чувствовалось давнымъ давно, и въ самой глубокой древности встрѣчаемъ мы громкіе протесты, болѣзненные вопли противъ роскоши, и никто не возставалъ противъ нея съ такою силой, какъ пророки народа еврейскаго и отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Во многихъ древне-греческихъ государствахъ, въ римской республикѣ и въ римской имперіи, въ средне-

вѣковой Европѣ, въ вѣнѣшней западной Европѣ и въ Россіи существовали и отчасти существуютъ законы, ограничивавшіе роскошь *. Но опытъ вѣковъ и народовъ показалъ, что законодательныя мѣры противъ нея весьма рѣдко достигаютъ своей цѣли. Для ограниченія ея, необходимо, чтобы каждый членъ общества сознавалъ свою тѣсную экономическую и нравственную связь съ цѣлымъ, чтобы онъ видѣлъ, на сколько полезно или вредно для общества каждое его дѣйствіе и на сколько благосостояніе общественное спасительно для него самого. Человѣкъ, по природѣ своей, такъ способенъ сочувствовать нуждамъ и интересамъ своихъ ближнихъ, что для него достаточно лишь пониманіе этихъ нуждъ и интересовъ, чтобы на дѣлѣ выказать имъ свое сочувствіе. Правильно понимая, въ чемъ заключается благо общества и чѣмъ каждый можетъ ему содѣйствовать, люди содѣйствуютъ ему если не по влеченію сердца, то по убѣжденію въ тѣсной связи общественнаго блага съ личнымъ благомъ каждаго. Самые мудрые люди всегда были самыми лучшими друзьями человѣчества.

Та очевидная истина, что неразумно и вредно удовлетворять прихотямъ и различнымъ неестественнымъ потребностямъ, въ то время какъ значительная часть общества лишена самаго необходимаго и голодаетъ, познается только во времена такихъ бѣдствій, каковъ напр. голодъ. Во время голода обнаруживается для всѣхъ та экономическая и нравственная связь, какая существуетъ между всѣми членами общества, и на дѣлѣ опровергается мнѣніе тѣхъ, которые въ обыкновенное время искренно убѣждены, что съѣдая роскошный обѣдъ или мѣняя каждый день роскошныя платья, они не только не способствуютъ обѣднѣнію страны, но даже поощряютъ въ ней промышленность. Начинаются пожертвованія, даются концерты, устраиваются танцевальныя вечера въ пользу голодающихъ, клубы, послѣ долгихъ впрочемъ преній, жертвуютъ нѣкоторый процентъ съ своихъ капиталовъ, дамы приглашаются къ упрощенію своего туалета, и проч. Ясно, что принципъ экономической и нравственной солидарности между всѣми членами общества понятъ, и примѣняется въ дѣлу, и конечно, отъ пониманія и примѣненія его всѣ выигрываютъ весьма много.

Видя безкорыстныя усилія лучшихъ людей нашего общества, направленныхъ на то, чтобы облегчить страданія голодающихъ въ настоящее время въ Россіи, вида, какъ много оказывается

* Тамъ, гдѣ не запрещаются прямо предметы роскоши, они облагаются иногда высокою пошлиной.

въ нихъ любви къ общественному дѣлу, нельзя не удивляться тому весьма печальному факту, что въ обыкновенное время на общественный интересъ въ затронутомъ нами вопросѣ о роскоши, обращается весьма мало вниманія.

Голодь — понятіе относительное. Всякое матеріальное и моральное лишеніе, есть своего рода голодь, и имъ томится всегда великое множество людей. Нѣтъ на свѣтѣ такого богатаго народа, въ которомъ бы всѣ насущныя потребности каждаго были удовлетворены до такой степени, что значительную часть *капитала* можно было бы тратить на предметы совершенно не нужной, никого не развивающей эстетически * и даже никого не удивляющей роскоши. Всякая копейка всегда можетъ найти себѣ полезное назначеніе, можетъ служить производству добра, полезныхъ цѣнностей.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ демократической нетерпимости сѣверо-американцевъ есть нѣкоторыя, и весьма серьезныя основанія; ясно, что даже въ такой богатой странѣ, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, можетъ чувствоваться опасность такого развитія роскоши, при которомъ могутъ страдать рабочіе классы. Глупому сыну не въ помощь богатство — истина, подтверждаемая исторією народовъ точно такъ же, какъ и отдѣльныхъ лицъ. Весьма часто бывало, и теперь случается видѣть, что народъ съ ничтожнымъ запасомъ естественныхъ богатствъ, при весьма слабомъ экономическомъ развитіи пользуется такимъ благосостояніемъ, что каждый въ немъ преспокойно живетъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, и въ то же время другой народъ, вооруженный всѣми усовершенствованными орудіями производства, обладаая обширными техническими познаніями, пользуется опытами своей славной прошедшей жизни, еще весьма далеко отъ истиннаго благосостоянія: ибо нельзя назвать истиннымъ народнымъ благосостояніемъ сосредоточенія богатствъ въ какой нибудь десятой или пятой части населенія при бѣдности большинства.

Но какъ ни много имѣетъ основаній взглядъ демократовъ на роскошь, эти основанія не могутъ служить оправданіемъ насильственныхъ мѣръ противъ нея. Разумная бережливость, вниманіе къ интересамъ общества, все это такія качества, которыхъ не вкоренишь никакими принудительными мѣрами, но которыя лучше всего развиваются въ обществѣ при разумной личной свободѣ. Для того, чтобы личность въ этомъ, какъ и во всѣхъ

* Эстетическое значеніе роскоши — одинъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу ея.

другихъ отношеній не вредила, а содѣйствовала благу общества, одно необходимо: пониманіе, въ чемъ состоитъ это благо, и какъ можно ему содѣйствовать. Итакъ, прежде всего необходимо приобрѣтеніе знаній, умственное развитіе, которое, какъ мы видѣли выше, всего легче достигается при господствѣ начала личной свободы.

Если справедливо, что общество, стараясь ограничить роскошь принудительными мѣрами, не можетъ достигнуть своей цѣли, то еще болѣе справедливо, что оно не имѣетъ права на нить. Если имѣя большое состояніе, личность тратитъ его на самые бесполезные предметы, то вредъ для общества, отъ этого исходящій, есть вредъ не прямой, а косвенный; роскошь принадлежитъ къ той категоріи дѣйствій, которыя, какъ чисто личныя, могутъ подвергаться неодобренію общества, но не должны навлекать на себя наказаніе на человѣка, ихъ совершающаго.

Не останавливаясь на всѣхъ только что приведенныхъ примѣрахъ, легко можно убѣдиться, что въ наши дни общество слишкомъ часто вторгается въ область личной свободы. Есть опасность еще болѣшихъ стѣсненій. Проповѣдуются мнѣнія, доказывающія необходимость стѣснять самыя безвредныя дѣйствія.

Въ видахъ искорененія пьянства, въ англійскихъ колоніяхъ и почти въ цѣлой половинѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, правительство закономъ запретило продажу, а слѣдовательно и употребленіе горячительныхъ напитковъ, иначе, какъ для медицинскихъ надобностей. Признавъ невозможность привести въ исполненіе этотъ законъ, многіе штаты отказались отъ него, въ томъ числѣ и штатъ Мэнъ, давшій закону свое имя; но тѣмъ не менѣе попытка была сдѣлана, и многіе изъ англійскихъ филантроповъ продолжаютъ стараться о проведеніи подобнаго же закона въ Англіи. Они имѣютъ на это нѣкоторыя основанія, ибо пьянство — одно изъ величайшихъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ рабочій классъ въ современномъ европейскомъ обществѣ, и всякое усиліе искоренить его заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но весьма часто люди, взявшіе на себя эту задачу, мало обращаютъ вниманія на свободу личности.

Общество, составившееся въ Англіи для искорененія пьянства, повидимому, положительно отвергаетъ всякій принципъ, на основаніи котораго можно оправдать фанатизмъ. «Все, относящееся къ мысли, личному мнѣнію и совѣсти (говоритъ органъ этого общества или «Союза»), не принадлежитъ къ области законодательства. Но все то, что относится къ социальнымъ нашимъ

обязанностямъ, къ обычаямъ, къ сношеніямъ между людьми, вполне подлежить вѣдѣнію закона».

«Какъ гражданинъ, я признаю свое право ограждать себя закономъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда чьи либо дѣйствія нарушаютъ мои права, какъ члена общества». И вотъ опредѣленіе этихъ *общественныхъ правъ*: «Если что либо нарушаетъ мои права, какъ члена общества, то это торговля крѣпкими напитками. Она подрываетъ мое основное право на безопасность, ибо непрерывно возбуждаетъ въ обществѣ безпорядки. Она нарушаетъ мое право на равенство съ другими, ибо обогащаетъ нѣкоторыхъ на счетъ большинства, разоряющагося все болѣе и болѣе, увеличиваетъ число бѣдныхъ, о которыхъ я же долженъ заботиться, для поддержки которыхъ я же долженъ платить налогъ. Эта торговля парализируетъ, наконецъ, мое право на свободное нравственное и умственное развитіе, ибо окружаетъ меня опасностями, ослабляетъ и деморализируетъ общество, отъ котораго я имѣю право требовать помощи и нравственной поддержки». Эта система общественныхъ правъ можетъ быть кратко выражена такъ: каждая личность, въ качествѣ члена общества, имѣетъ безусловное право требовать, чтобы всѣ остальные члены его дѣйствовали всегда и во всемъ такъ, какъ должны бы были дѣйствовать: всякій, кто сколько нибудь уклоняется отъ своего долга, нарушаетъ этимъ самымъ мои права, какъ члена общества, и я могу требовать, чтобы законъ наказалъ дерзкаго. Примѣненіе такого чудовищнаго принципа конечно опасно для всякаго частнаго случая стѣсненія свободы. Онъ не признаетъ за личностію никакой свободы, кромѣ свободы держаться *тайно* какихъ угодно мнѣній, отнюдь не обнаруживая ихъ; ибо какъ скоро она заявитъ свое на мой взглядъ вредное мнѣніе, то уже и нарушаетъ этимъ всѣ, приписываемыя мнѣ «Союзомъ», общественныя права. Это ученіе, конечно, заинтересовываетъ всѣхъ людей въ дѣлѣ умственнаго, нравственнаго и даже физическаго усовершенствованія каждой личности, но такого усовершенствованія, которое каждый долженъ опредѣлить по своему разумѣнію.

Другой подобный примѣръ стѣсненія свободы личности представляетъ намъ законодательство относительно субботнаго дня. Безъ всякаго сомнѣнія, прекращеніе на одинъ день въ теченіе цѣлой недѣли обыкновенныхъ работъ, на сколько это возможно въ обществѣ—обычай въ высокой степени спасительный. И такъ-какъ обычай этотъ не можетъ быть соблюдаемъ безъ общаго согласія всѣхъ рабочихъ людей, то, по всей вѣроятности, возможно и справедливо было бы, еслибъ законъ, прекращая на

одинъ день главныя промышленныя операціи, гарантировалъ каждому соблюденіе обычая. На этотъ разъ стѣсненіе свободы нѣкоторыхъ оправдывается примѣмъ интересомъ остальнаго общества въ томъ, чтобы каждый соблюдалъ обычай. Но этимъ интересомъ нельзя оправдать запрещеніе тѣхъ занятій, которыя личность избираетъ сама для себя и которымъ предаться находятъ она удобнымъ въ часы досуга. Нисколько не примѣнимо такое оправданіе и къ легальному запрещенію различныхъ размеченій въ праздничные дни. Правда, что для удовольствія нѣкоторыхъ можетъ въ праздникъ потребоваться работа другихъ; но потребность въ отдохновеніи, въ рекреаціи, въ нѣкоторыхъ забавахъ, чувствуемая большинствомъ работающихъ людей, такъ настоятельна и такъ законна, что для удовлетворенія ея стѣбитъ потрудиться немногимъ; нужно только, чтобы трудъ этотъ былъ свободно избранъ. Рабочіе имѣютъ основаніе думать, что если всѣ станутъ работать въ воскресенье, то за семь дней труда капиталисты-предприниматели станутъ давать столько же, сколько теперь платятъ за шесть дней; но какъ скоро прервана главная масса работъ, то не большое число людей, которые должны трудиться и въ праздники для удовольствія другихъ, приобретаетъ надбавку къ своей обыкновенной платѣ, и никто не обязанъ продолжать свои занятія, если предпочитаетъ отдыхъ матеріальной выгодѣ. Тотъ же особенный классъ людей, на долю котораго выпадаетъ трудиться въ субботній день, можетъ быть свободнымъ отъ работъ въ какой либо другой день недѣли.

И такъ, чтобы оправдать стѣсненія и ограниченія, которымъ въ нѣкоторыхъ странахъ * подвергаются въ воскресные дни различныя увеселенія, остается сказать, что эти увеселенія достойны порицанія съ религіозной точки зрѣнія, остается допустить, что общество или кто-нибудь изъ людей, облеченныхъ властію, имѣетъ назначеніе преслѣдовать всякаго за дѣйствіе, повидимому, не угодное Высшему Существому, но не причиняющее вреда людямъ. Убѣжденіе, что всякій человекъ обязанъ заботиться о религіозности другихъ, было причиной всѣхъ религіозныхъ гоненій, отъ которыхъ когда-либо страдали люди, и если мы примемъ это убѣжденіе, то должны будемъ вполне оправдать религіозныя гоненія. Хотя чувствованія, обнаруживаемыя часто повторяющимися попытками закрыть на воскресные дни публичные музеи, прекратить на эти дни движеніе поѣздокъ на желѣзныхъ дорогахъ и пр., не такъ свирѣпы, какъ чувствованія старинныхъ гонителей за вѣрованія, но степень умствен-

* Особенно въ Англій.

наго развитія и складъ ума у нынѣшнихъ и прежнихъ дѣателей этого рода совершенно одинаковы. Требуютъ они одного и того же: нетерпимости къ тому, что *преслѣдуемымъ* дозволяетъ ихъ религія, но что религія *юмителей* запрещаетъ. Убѣждены они въ одномъ и томъ же, именно, что Богъ нетолько гнушается дѣйствіями нечестиваго, но не оправдаетъ и насъ, если мы оставимъ этого нечестиваго въ покоѣ.

Еще одинъ весьма замѣчательный примѣръ нетерпимости. Нельзя не удивляться тому, какъ мало цѣнятъ человѣческую свободу многіе англійскіе публицисты всякій разъ, когда считаютъ нужнымъ сказать что-нибудь о замѣчательномъ явленіи новаго времени, мормонизмѣ. О религіи, основанной на вымышленномъ откровеніи, явномъ обманѣ, не искупаемомъ даже никакими необыкновенными качествами основателя, о религіи, неожиданно появившейся на свѣтъ и увлечшей дѣля массы народа*, въ вѣбъ журналовъ, электрическихъ телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ — можно было бы сказать весьма многое. Для насъ же важно теперь то обстоятельство, что эта религія, какъ и многія другія, имѣла своихъ мучениковъ, что пророкъ ея и основатель былъ умерщвленъ во время возстанія, имѣвшаго религіозный характеръ, что многіе изъ его приверженцевъ испытали ту же участь, что секта эта была изгнана изъ страны, гдѣ возникла, и теперь, когда ее изгнали въ пустыню, многіе изъ англичанъ открыто заявляютъ, что полезно было бы отправить противъ мормоновъ экспедицію и принудить ихъ сообразоваться съ мнѣніями благоразумныхъ людей. Главная причина, почему многіе такъ возмущены противъ мормоновъ, это существующій у нихъ обычай многоженства. Дозволенное магометанамъ, индусамъ, китайцамъ, многоженство возбуждаетъ наше непреодолимое негодованіе, когда встрѣчаемъ его у людей, говорящихъ поанглійски и выдающихъ себя за христіанъ. Безъ всякаго сомнѣнія, нельзя одобрить этого обычая, между прочимъ потому, что онъ противорѣчитъ принципу свободы, скрываетъ свободу дѣйствій одной части общества, избавляя отъ всякихъ обязанностей другую часть. Но не слѣдуетъ забывать, что женщины, казущіяся жертвами такого обычая, вступаютъ въ подобнаго рода брачныя отношенія добровольно, и какъ ни страненъ этотъ фактъ, но онъ можетъ быть объясненъ идеями и обычаями, распространенными всюду въ современномъ обществѣ: женщинамъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ внушаютъ, что бракъ для нихъ — единственно-

* Въ настоящее время въ Америкѣ и Европѣ насчитываютъ до 250,000 мормоновъ, даже до 300,000.

•необходимое дѣло, и понятно, что многія изъ нихъ предпочитаютъ безбрачію супружество съ человѣкомъ, имѣющимъ уже много женъ. Мормоны не требуютъ, чтобы супружества ихъ признали были другими обществами, или чтобы въ какой-либо странѣ часть населенія оставила національные обычаи и приняла мормонскіе. Но когда эти диссиденты уступили враждебнымъ чувствованіямъ остальнаго человѣчества, на сколько этого можно было отъ нихъ требовать, даже уступили гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало; когда они оставили тѣ страны, гдѣ ученіе ихъ не удостоилось терпимости, и поселились въ далекой странѣ, до того никѣмъ не населенной и не воздѣланной, то трудно понять, на какомъ основаніи можно препятствовать имъ жить такъ, какъ имъ нравится. Можно требовать отъ нихъ того лишь, чтобы не дѣлали нападеній на другія общества и предоставили недовольнымъ право удалиться изъ среды своей. Одинъ писатель новѣйшихъ временъ предлагаетъ предпринять противъ мормоновъ, во имя цивилизаціи, своего рода крестовый походъ, чтобы положить конецъ этому явленію, представляющему собой шагъ назадъ въ исторіи цивилизаціи. Соглашаясь съ тѣмъ, что община, проповѣдующая многоженство, явленіе не нормальное, нельзя признать за какую бы то ни было другою общиною или государствомъ право принуждать ее быть цивилизованною. Какъ скоро люди, сдѣлавшіеся жертвою дурнаго закона, не призываютъ чужеземцевъ на помощь, эти чужеземцы, эти постороннія личности и не имѣютъ права требовать превращенія такого порядка вещей, которымъ, повидимому, довольны всѣ, заинтересованныя имъ лица. Посылайте къ мормонамъ, если угодно, миссіонеровъ, проповѣдывать чистѣйшую нравственность, и употребляйте всѣ законныя средства, чтобы воспрепятствовать успѣху подобныхъ ученій въ вашемъ собственномъ отечествѣ (ограниченіе свободы слова не принадлежитъ къ законнымъ средствамъ). Если цивилизація восторжествовала надъ варварствомъ въ то время, когда весь міръ погруженъ былъ въ варварство, то было бы крайнею трусостью бояться, чтобы, разъ побѣжденное, оно снова ожило и восторжествовало надъ цивилизаціей. Цивилизація, которая можетъ такимъ образомъ уступить своему побѣжденному врагу, должно быть, выродилась, и уже никакіе официальные наставники человѣчества, никакіе проповѣдники не въ состояніи спасти ея. Если наша, европейская цивилизація до такой степени гнила, то чѣмъ скорѣе мы отъ нея избавимся, тѣмъ лучше. Ей суждено, въ такомъ случаѣ, лишь придти все въ болѣе и болѣе плачевное состояніе, пока энергичные варвары не одолѣютъ ея и не обновятъ.

V.

Изъ всего предъидущаго слѣдуетъ, что: 1) личность не должна отвѣчать передъ обществомъ за свои дѣйствія, когда они не затрагиваютъ ни чьихъ интересовъ, кромѣ ея собственныхъ. Совѣты, убѣжденія, наконецъ (и это крайняя мѣра) удаленіе отъ неблагоразумной, вредящей себѣ личности—вотъ всѣ способы, которыми мы имѣемъ право выразить наше неодобреніе чьему либо образу жизни; 2) за дѣйствія, считающіяся вредными для другихъ, личность должна отвѣчать, и можетъ подвергнуться преслѣдованію закона или общественнаго мнѣнія, если общество считаетъ это необходимымъ для огражденія собственной безопасности.

Таковы начала, которыя должны быть положены въ основу отношеній личности къ обществу. Но примѣнны ли они къ жизни и какъ слѣдуетъ примѣнять ихъ? Вотъ вопросы, отвѣтомъ на которые могутъ отчасти служить слѣдующіе примѣры и замѣчанія.

Прежде всего не слѣдуетъ думать, что вредъ, причиняемый личностію тѣмъ или другимъ людямъ, или опасность такого вреда всегда можетъ служить оправданіемъ чьего бы то ни было вмѣшательства въ ея дѣла. Весьма часто личность, преслѣдуя какую нибудь дозволенную закономъ цѣль, по необходимости вредитъ другимъ, причиняетъ имъ огорченія или лишаетъ выгоду, на которыя они могли разсчитывать. Такія столкновенія интересовъ весьма часто происходятъ отъ несовершенныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, нѣкоторыя же неизбежны и при самыхъ лучшихъ учрежденіяхъ. Успѣвая въ какой нибудь специальности восторжествовать надъ своими соперниками, получая призъ на конкурсѣ, или въ какомъ либо состязаньи, личность выигрываетъ потерянное другими. Но этотъ общезвѣстный фактъ никого не смущаетъ; принято, чтобы въ интересахъ всего человѣчества, люди продолжали соперничать другъ съ другомъ, не стѣсняясь подобными соображеніями. Другими словами: общество не признаетъ за конкурентами, обманувшимися въ своихъ надеждахъ, ни моральнаго, ни легальнаго права быть изъятными отъ неудачъ и страданій: оно вмѣшивается въ ихъ дѣло только въ томъ случаѣ, когда торжествующіе ихъ соперники для достиженія успѣха прибѣгаютъ къ средствамъ, вреднымъ для общества: къ обману, мошенничеству, насилію.

Торговля—дѣло общественное. Кто желаетъ продать какой либо товаръ, тотъ этимъ самымъ затрагиваетъ интересы дру-

гих лицъ и всего общества, слѣдовательно въ принципѣ его дѣйствія подлежатъ юрисдикціи общества. На этомъ основаніи нѣкогда правительства считали своею обязанностію во всѣхъ случаяхъ, имѣющихъ нѣкоторую важность, назначать цѣны товарамъ и подвергать законодательному контролю промышленныя операціи. Въ настоящее время, впрочемъ, послѣ долгой борьбы, убѣдились люди, что дешевизна товаровъ и хорошее ихъ качество обезпечиваются полной свободой производителя и продавца, что единственное средство ограничить произволь этихъ лицъ, заключается въ такой же свободѣ покупателя запасаться товарами въ томъ или другомъ мѣстѣ. Ограниченіе свободы торговли и промышленности есть зло, но не потому, что общество не имѣетъ права прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ противъ торговли, а потому, что мѣры эти не приносятъ ожидаемой пользы. Впрочемъ, люди, завѣдывающіе тѣмъ или другимъ промышленнымъ заведеніемъ, и при полной свободѣ промышленности и торговли, должны подчиняться нѣкоторому контролю правительства и общества; такъ, напримѣръ, можетъ быть требуемо отъ нихъ соблюденіе на фабрикѣ или заводѣ гигиеническихъ условій, принятіе предосторожностей съ цѣлью оградить жизнь и здоровье работниковъ, занятыхъ какими либо опасными работами; ибо въ этихъ и подобныхъ случаяхъ промышленникъ можетъ совершать дѣйствія, вредныя другимъ. Но есть случаи, когда общество, вмѣшиваясь въ дѣла торговли и промышленности, нарушаетъ самыя существенныя права личности: мы уже упомянули объ одномъ изъ нихъ, именно о законѣ, стѣсняющемъ торговлю крѣпкими папитвами. Къ этой же категоріи относятся запрещеніе ввоза опиума въ Китай, затрудненія, соединенныя съ продажей ядовъ, и всѣ тѣ случаи, когда вмѣшательство имѣетъ цѣлью затруднить покупку тѣхъ или другихъ товаровъ. Такое вмѣшательство несправедливо не потому, что стѣсняетъ свободу производителя и продавца, а потому, что стѣсняетъ свободу покупателя.

Одинъ изъ указанныхъ примѣровъ, именно продажа ядовъ, представляетъ собою новый вопросъ о законныхъ предѣлахъ дѣятельности полиціи, о томъ, до какой степени можно законнымъ образомъ стѣснять свободу личности, съ цѣлью предупредить преступленія и несчастные случаи. Принимать мѣры противъ преступленія прежде, чѣмъ оно совершилось, такая же неоспоримая обязанность правительства, какъ открывать это преступленіе и наказывать за него. Но гораздо легче злоупотребить, въ ущербъ личной свободѣ, правомъ предупрежденія преступленій, нежели правомъ преслѣдованія за нихъ: ибо едва-ли найдется

хотя какая нибудь отрасль дѣятельности человѣка, въ которой бы онъ, употребивъ во зло личную свободу, не могъ совершить преступленія или проступка. Тѣмъ не менѣе, когда власть общественная усматриваетъ, что какая нибудь личность очевидно готовится къ нарушенію закона, то не должна оставаться спокойною зрительницей, пока оно не совершится, но можетъ воспрепятствовать его совершенію.

Еслибы яды покупаемы были только для совершенія преступленій, то было бы справедливо запретить производство ихъ и продажу. Но можно имѣть нужду въ нихъ для цѣлей совершенно безвредныхъ и даже полезныхъ, и законъ, стѣсняя продажу ядовъ, стѣсняетъ и тѣхъ, которые желали бы сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе. Правда, что правительство должно предупредить несчастные случаи. Видя человѣка, готоваго взойти на мостъ, близкій къ разрушенію, и не имѣя времени предупредить его объ опасности, всякій (не говоря уже о лицахъ, облеченныхъ властью), нисколько не нарушая личной свободы, можетъ схватить его и силою отвлечь отъ опаснаго мѣста: свобода заключается въ возможности дѣлать то, чего желаешь, а никто не желаетъ упасть въ рѣку. Тѣмъ не менѣе, если опасность не несомнѣнна, а только вѣроятна, то всякій самъ можетъ обсудить, стоитъ ли ему подвергаться риску. Въ такомъ случаѣ данную личность слѣдуетъ только предупредить объ опасности, а не останавливать силою, если только она достигла совершенныхъ лѣтъ и не находится въ бреду или въ такомъ возбужденномъ состояніи, при которомъ не можетъ пользоваться всѣми своими способностями. Эти соображенія помогутъ намъ уяснить вопросъ о стѣсненіяхъ, которымъ необходимо подвергнуть продажу ядовъ и всякія подобныя дѣйствія.

По мнѣнію Милля, единственное средство, не нарушая свободы тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ ядовитыхъ веществахъ (для цѣлей дозволенныхъ), сдѣлать невозможными или весьма рѣдкими случаи отравленія, заключается въ томъ, что Бентамъ называетъ свидѣтельствомъ предварительнымъ (preappointed). Такое свидѣтельство необходимо въ контрактахъ. Весьма справедливо, чтобы законъ, наблюдающій за исполненіемъ контракта, потребовалъ отъ договаривающихся исполненія нѣкоторыхъ формальностей, какъ, на примѣръ, подписей, удостовѣренія свидѣтелей и проч., для того, чтобы впоследствии, въ случаѣ спора, можно было имѣть доказательства, что контрактъ былъ совершенъ законно. Такія предосторожности предупреждаютъ заключеніе договоровъ фидитивныхъ, или совершаемыхъ при обстоятельствахъ, могущихъ лишить эти договоры ихъ силы. Такихъ же предосторожностей

можно требовать при продажѣ предметовъ, могущихъ быть орудіями преступленій. Можно, напримѣръ, требовать отъ продавца, чтобы онъ въ своемъ реэстрѣ обозначилъ день и часть продажи, имя и мѣсто жительства покупателя, качество и количество товара, и надобность, для которой, по отзыву покупателя, опасный товаръ взятъ. Когда нѣтъ медицинскаго рецепта, можно требовать присутствія третьяго лица, чтобы засвидѣтельствовать личность покупателя, на всякій случай. Такія формальности не были бы материальнымъ препятствіемъ приобрѣтать продуктъ, но значительно затрудняли бы безнаказанное и преступное употребленіе его.

Несомнѣнное право общества предупреждать преступленія требуетъ нѣкоторыхъ исключеній изъ того правила, что общество не имѣетъ права предупреждать и наказывать дѣйствія личности, вредныя лишь для нея самой. Такъ, напримѣръ, пьянство въ обыкновенныхъ случаяхъ не подлежитъ вѣдѣнію законодательства; но если человѣкъ знаетъ, что въ пьяномъ видѣ онъ имѣетъ наклонность дѣлать насилія надъ другими, то не долженъ жаловаться, если общество въ этомъ отношеніи стѣснить его свободу, съ цѣлію оградить личную свободу другихъ. Точно такъ же праздность, сама по себѣ, не подлежитъ преслѣдованію закона; но если человѣкъ, предающійся праздности, живетъ на счетъ общества, или, вслѣдствіе этого порока, не исполняетъ своихъ прямыхъ обязанностей, нарушаетъ какой нибудь договоръ, то можетъ подвергнуться отвѣтственности. Такъ, напримѣръ, если отецъ семейства, вслѣдствіе праздности, не даетъ своимъ дѣтямъ средствъ къ существованію, то, за неизмѣнимъ другого способа вразумить этого отца, общество, въ интересахъ дѣтей, можетъ принудить его къ обязательному труду.

Есть, кромѣ того, много дѣйствій, которыя прямо вредны только лицамъ, ихъ совершающимъ, но оскорбляютъ нравственное чувство остальнаго общества, если совершаются публично. Какъ обидны для общества, такія дѣйствія должны быть запрещаемы. Таковы, напримѣръ, нарушенія приличій, о которыхъ здѣсь нѣтъ необходимости распространяться, ибо они не относятся прямо къ нашему предмету: есть много весьма позволительныхъ дѣйствій, для которыхъ *публичность* неумѣстна.

Но есть еще вопросъ, при рѣшеніи котораго труднѣе примѣнить высказанныя прежде начала личной свободы. Иногда дѣйствія человѣка ваются предосудительными, но, изъ уваженія къ личной свободѣ, общество не наказываетъ его и не принимаетъ противъ него мѣръ предосторожности, ибо всѣ дурныя послѣдствія такихъ дѣйствій падаютъ на того, кто совершаетъ ихъ.

Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: должно ли предоставлять человѣку свободу давать совѣты другимъ и увлекать ихъ къ такимъ же дѣйствіямъ, которыя совершаетъ онъ самъ? Вопросъ довольно трудный. Побуждать другаго къ извѣстнаго рода поступкамъ, далеко не то, что совершать ихъ самому. Давать совѣты, заманивать, все это не личныя, а общественныя дѣйствія и могутъ быть подвергнуты общественному контролю. Но, по размышленіи зрѣломъ, мы найдемъ, что если этотъ случай и не принадлежитъ, строго говоря, къ области личной свободы, тѣмъ не менѣе, и къ нему можно примѣнить основанія, на которыхъ зиждется принципъ личной свободы. Если въ сферѣ чисто личныхъ интересовъ, должно дозволить дѣлать людямъ все, что кажется имъ лучшимъ, то должно предоставить имъ такую же свободу совѣтоваться другъ съ другомъ, обмѣниваться своими мнѣніями, дѣлать и получать внушенія. Должно дать право человѣку совѣтовать другимъ все то, что дѣлать дозволено. Вопросъ затрудняется только тогда, когда личность, подстрекающая другихъ, извлекаетъ себѣ выгоду изъ своего совѣта, если поощреніе другихъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя государство считаетъ зломъ, для совершающаго ихъ, составляетъ для совѣтника ремесло. Тогда вопросъ осложняется новымъ обстоятельствомъ: есть цѣлый классъ людей, которыхъ выгоды противоположны тому, что называютъ общественнымъ благомъ и которыхъ образъ жизни доказываетъ, что они поставили себѣ за правило дѣйствовать во вредъ интересамъ общества. Слѣдуетъ ли вмѣшиваться въ дѣла ихъ? Испорченность нравовъ и игра должны быть терпимы, но слѣдуетъ ли давать личности полную свободу избрать развращеніе людей своимъ ремесломъ или содержать домъ игорный?

Государство не имѣетъ права наказывать личность за дѣйствія, касающіяся лишь ея самой, опираясь только на томъ основаніи, что эти дѣйствія кажутся ему дурными; но вопросъ о томъ, хороши или дурны эти дѣйствія, по меньшей мѣрѣ, вопросъ сомнительный. Если они дѣйствительно дурны и вредны для общества, то государство не дѣлаетъ зла, когда пытается парализовать вліяніе человѣка, подстрекающаго другихъ къ чему-либо, неодобряемому обществомъ, и дѣйствующаго, въ этомъ отношеніи, вовсе не безвременно. Ни общество, ни отдѣльная личность не будутъ въ проигрышѣ, если каждому будетъ предоставлена полная свобода избирать тотъ или другой образъ дѣйствій, не подвергаясь соблазну тѣхъ людей, которые извлекаютъ выгоду изъ подстрекательства на дурныя дѣйствія. Такимъ образомъ, скажутъ намъ, хотя уставы, запрещающіе азартныя игры,

въ теоріи и не выдерживаютъ критики, хотя всякій долженъ имѣть право играть у себя дома, или въ гостяхъ, или въ какомъ-либо сборномъ мѣстѣ, устроенномъ по подпискѣ и открытомъ лишь для подписавшихся членовъ и ихъ гостей, тѣмъ не менѣе, нельзя допускать открытія игорныхъ домовъ. Правда, что это запрещеніе никогда не достигаетъ своей цѣли, какъ бы ни сильна была полиція; правда, что игорные дома могутъ быть содержимы подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, но все же держатели ихъ должны вести дѣла свои до известной степени тайно, такъ что о домахъ этихъ знаютъ только тѣ лица, кои ихъ ищутъ; обществу довольно и этого.

Эти аргументы имѣютъ значительную силу; но достаточны ли они, чтобы оправдать нравственную аномалію, заключающуюся въ томъ, что общество преслѣдуетъ второстепеннаго дѣателя, въ то время, какъ главный свободенъ, заключаетъ въ тюрьму держателя игорнаго дома, а не самаго игрока?

Еще менѣе достаточны подобные аргументы для того, чтобы оправдать вмѣшательство общества или государства въ обыкновенныя торговыя операціи. Почти все, что продается или покупается, можетъ быть потребляемо въ излишествѣ, и денежный интересъ продавцовъ заключается въ поощреніи подобныхъ излишествъ; но на этомъ основаніи нельзя оправдать закона, запрещающаго продажу крѣпкихъ напитковъ; ибо продавцы этихъ напитковъ, хотя и заинтересованы въ злоупотребленіи ими, необходимы для тѣхъ, кто не лишенъ права быть потребителемъ этихъ напитковъ.

Тѣмъ не менѣе, интересъ торговцевъ, заключающійся въ поощреніи невоздержности, есть зло дѣйствительное, а не воображаемое и служить оправданіемъ государству, если оно полагаетъ предѣлы произволу этихъ торговцевъ и требуетъ отъ нихъ нѣкоторыхъ гарантій, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, были бы посягательствомъ на законную свободу.

Если государство относится съ терпимостію въ такимъ дѣйствіямъ, которыя считаетъ противными самымъ существеннымъ интересамъ того, кто ихъ совершаетъ, то не должно ли оно стараться отбивать отъ этихъ дѣйствій охоту косвеннымъ образомъ? Не должно ли оно, наприѣръ, принять нѣкоторыя мѣры, съ цѣлію сдѣлать излишество въ потребленіи вина или болѣе рѣдкимъ, или убыточнымъ, ограничивъ число заведеній, продающихъ вино? Вопросъ этотъ, какъ и большая часть практическихъ вопросовъ, можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, рѣшаемъ различно. Облагать крѣпкіе напитки высокою пошли-

ноу все равно *, что совершенно запрещать ихъ потребление. Всякое увеличеніе цѣны товара есть запрещеніе его для тѣхъ, кто не въ состояніи уплатить за него возвышенную цѣну; что же касается остальныхъ потребителей, то, при возвышеніи цѣны, они уплачиваютъ какъ-бы штрафъ за то, что чувствуютъ въ вѣнѣ потребность. Но мы видѣли, что личность, исполнивъ свои, требуемыя закономъ и нравственностію, обязанности относительно общества, имѣетъ полное право выбрать себѣ по вкусу и удовольствію, и способн тратитъ свой доходъ.

И такъ, на первый взглядъ, государства, облагающія крѣпкіе напитки особенно высокой пошлиной, поступаютъ несправедливо. Но не слѣдуетъ забывать, что во многихъ странахъ расходы государства могутъ быть покрыты не иначе, какъ налогомъ и притомъ, большою частію, косвеннымъ, такъ что нѣкоторые предметы потребления должны быть обложены пошлиной и нѣкоторыя личности должны лишиться возможности потреблять множество продуктовъ. И такъ государство, прежде чѣмъ облагать, въ интересахъ казны, пошлинами тѣ или другіе товары, должно исслѣдовать, безъ чего потребители легче всего могутъ обйтись, и нѣтъ ли такихъ продуктовъ, потребление которыхъ безвредно только въ очень умѣренномъ количествѣ. Вотъ почему самый высокій налогъ на крѣпкіе напитки можно допустить и даже одобрить, если только государство имѣетъ надобность во всей той суммѣ денегъ, которую приносятъ казнѣ этотъ налогъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли продажу крѣпкихъ напитковъ сдѣлать болѣе или менѣе исключительною привиллегіей, рѣшается различно, смотря по тому, въ силу какихъ побужденій желаютъ ограничить кругъ торгующихъ. Во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, особенно въ такихъ, гдѣ всего охотнѣе совершаются проступки противъ общества, необходимъ надъ личностію общественный надзоръ. Поэтому дозволеніе продавать крѣпкіе напитки (по крайней мѣрѣ распивочно) должно быть даваемо только тѣмъ лицамъ, которыхъ честность извѣстна или гарантирована, кромѣ того должны быть строго опредѣлены часы открытія и закрытія этихъ заведеній, для удобства общественнаго контроля надъ ними. Дозволеніе продавать эти напитки должно быть отнято у того, кто нѣсколько разъ допустилъ въ своемъ заведеніи нарушеніе общественнаго спокойствія или сдѣлалъ это заведеніе мѣстомъ сборища людей, возмущившихся противъ закона. Вотъ и всѣ ограниченія, которыя, въ принципѣ, можно считать справедливыми; никакія другія нельзя оправдать. Такъ напримѣръ,

* По крайней-мѣрѣ, въ принципѣ.

ограниченіе числа кабаковъ съ цѣлю сдѣлать доступъ къ нимъ затруднительнѣе и соблазнъ меньше, стѣсняетъ всѣхъ потребителей лишь для того, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не употребили во зло удобства добывать заманчивыи товаръ. Эта стѣснительная мѣра прилична развѣ такому обществу, въ которомъ рабочіе люди явно считаются дѣтьми по разуму или дикарями, которыхъ въ обладаніи привиллегіями свободы слѣдуетъ готовить мѣрами принужденія. Но не такъ смотрятъ на рабочіе классы въ свободныхъ странахъ, и не на такихъ началахъ основано тамъ управленіе ими; всякій, кто умѣетъ цѣнить свободу, скажетъ, что подобная опека надъ рабочими классами неразумна.

Выше доказано было, что свобода человѣка въ дѣйствіяхъ, касающихся только его, заключаетъ въ себѣ и право многихъ личностей, сколько бы ихъ ни было, устраивать, по взаимному согласію, дѣла, касающіеся всѣхъ ихъ вмѣстѣ, но не касающіеся остальнаго человѣчества. Вопросъ этотъ не представляетъ никакихъ трудностей до тѣхъ поръ, пока воля заинтересованныхъ лицъ не измѣнилась; но такъ-какъ эти лица сегодня могутъ хотѣть одного, а завтра другаго, то въ виду возможности такой перемѣны, они принимаютъ нерѣдко, другъ относительно друга, обязательства, и общее правило таково, что эти обязательства должны быть исполняемы.

Но законы каждой страны допускаютъ нѣкоторые исключенія изъ общаго правила. Люди могутъ не исполнять не только тѣхъ обязательствъ, которыми нарушаются права третьяго посторонняго лица, но даже иногда и тѣхъ, которыми они вредятъ только самимъ себѣ. Такъ напримѣръ, въ Англіи и въ большей части образованныхъ странъ, обязательство, данное какимъ либо лицомъ продать, или отдать себя въ рабство, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія: ни законъ, ни общественное мнѣніе не принуждаютъ никого къ его выполненію. Побужденіе, которымъ руководится законодатель, стѣсняя такимъ образомъ свободу личности распоряжаться собою, весьма понятно. Причина, почему въ добровольныхъ дѣйствіяхъ личности общество не вмѣшивается (пока ими не нарушаются права другихъ), есть уваженіе къ свободѣ этой личности. Добровольный выборъ человѣка служить доказательствомъ, что избираемое имъ для него желательнѣе или, по крайней мѣрѣ, сносно; во всякомъ случаѣ обезпечить человѣку полнѣйшее счастье можно всего скорѣе тогда, когда ему дозволено искать этого счастья самому, гдѣ угодно. Но продавая себя въ рабство, человѣкъ отказывается отъ своей свободы, и теряетъ (какъ скоро сдѣла, разъ на всегда, совершена) право сколько нибудь пользоваться ею на будущее время. Слѣ-

довательно, онъ самъ подрываетъ тѣ основанія, на которыхъ держалось право его распоряжаться самимъ собою. Онъ уже не свободенъ болѣе и перешелъ въ такое состояніе, въ которомъ нельзя оставаться добровольно и отъ котораго какъ можно скорѣе избавить его необходимо. Принципъ свободы не можетъ допустить, чтобы человѣкъ имѣлъ полное право лишить себя свободы.

Эти соображенія приложимы во многихъ другихъ случаяхъ, но тѣмъ не менѣе они всегда допускаютъ нѣкоторыя ограниченія, ибо практическая жизнь постоянно требуетъ если не полного отрѣшенія нашего отъ свободы, то стѣсненія ея тѣмъ или другимъ образомъ. Люди безпрестанно принимаютъ на себя, относительно другъ друга, болѣе или менѣе обременительныя обязанности, на болѣе или менѣе продолжительное время. Но можно ли принять на себя какое-нибудь обязательство на всю жизнь? По мнѣнію Вильгельма Гумбольдта, личныя услуги и личныя отношенія никогда не должны быть обязательными иначе, какъ на определенное время, и самыя важныя изъ нихъ, отношенія супружескія, не составляютъ исключенія изъ правила. Брачный союзъ, по словамъ Гумбольдта, имѣетъ ту особенность, что какъ скоро чувствованія и воззрѣнія обѣихъ сторонъ не согласуются съ цѣлю брака, то цѣль его и не можетъ быть достигнута; а потому, для уничтоженія брачнаго договора достаточно яснаго и рѣшительнаго заявленія воли обѣихъ, заинтересованныхъ въ немъ сторонъ.

Такое же мнѣніе высказываетъ Бентамъ: «Пожизненный бракъ—говоритъ онъ—есть самый естественный, наиболѣе соответствующій потребностямъ и условіямъ семейной жизни, наиболѣе благоприятный для отдѣльныхъ лицъ и вообще для всѣхъ. Еслибы законы не устанавливали пожизненнаго брака, то-есть, еслибы законы ограничивались только тѣмъ, что давали бы санкцію договору, то и въ такомъ случаѣ, пожизненные браки были бы всегда самыя обыкновенныя, потому что наиболѣе соответствуютъ интересамъ обѣихъ супруговъ. Любовь со стороны мужа, любовь и предусмотрительность со стороны жены, просвѣщенная мудрость родителей и заботливость ихъ о дѣтяхъ, все содѣйствуетъ тому, чтобы брачный договоръ былъ пожизненный.

«Но что должны мы были бы подумать, еслибы женщина ввѣстила въ договоръ такую статью: «Мнѣ не дозволено будетъ оставить тебя, если мы возненавидимъ другъ друга даже съ болѣею силой, чѣмъ теперь любимъ другъ друга». Такое условіе показалось бы просто безумнымъ, въ немъ есть нѣчто противоположное и нелѣпное, что поражаетъ съ перваго взгляда; не

готовъ ли былъ бы каждый признать, что подобный обѣтъ есть слѣдствіе необдуманности, и что человѣколюбіе требуетъ его уничтожить.

«Но это жестокое условіе не требуется женщинами, не составляетъ предмета желанія и для мужчины, а налагается на обоихъ брачующихся, какъ необходимость. Законъ неожиданно вмѣшивается между договаривающимися сторонами, застигаетъ ихъ въ минуту разгара страстей юности, когда въ будущемъ ничего не видно, кромѣ счастья, и держитъ къ нимъ такую рѣчь: «Вы вступаете въ бракъ, въ надеждѣ, что будете счастливы; а я объявляю вамъ, что вы вступаете въ тюрьму, и какъ только вступите въ нее, дверь за вами будетъ замуравлена. Я буду безчувственъ къ вашимъ воплямъ, и еслибы даже вы стали бить другъ друга вашими оковами, я не допущу вашего освобожденія».

«Если бы законъ не иначе дозволялъ брать себѣ опекуна, управляющаго, товарища, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ оставался таковымъ навѣки, то не сказалъ ли бы каждый, что это тиранія, безуміе. Мужъ есть вмѣстѣ и опекунъ, и управитель, и товарищъ и даже болѣе, а между тѣмъ, въ большей части цивилизованныхъ странахъ, неначе можно взять себѣ мужа, какъ на вѣки.

«Замѣтимъ наконецъ, что когда смерть становится единственнымъ средствомъ освобожденія, то столь странное положеніе не должно ли вводить въ страшныя искушенія и преступленія? Число печальныхъ примѣровъ (преступленій, вслѣдствіе несчастнаго супружества), оставшихся неизвѣстными, можетъ быть, еще гораздо значительнѣе, чѣмъ число извѣстныхъ» *.

На это можно возразить: христіанство поднимаетъ челоуѣка до такой высоты нравственнаго совершенства, что, при всякихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ можетъ относиться съ любовью ко всѣмъ ближнимъ, а особенно къ тѣмъ, счастье которыхъ обязался составить. Поэтому, хотя супруги-христіане и не увидятъ другъ въ другѣ того, что предполагали увидѣть, тѣмъ не менѣе они въ состояніи, во имя нравственнаго долга, прожить вмѣстѣ и притомъ мирно.

Да; безъ сомнѣнія, благо тѣмъ, которые могутъ достигнуть такой нравственной высоты и такого самоотверженія; но опытъ всѣхъ вѣковъ показываетъ, что 1) далеко не все общество проникается въ такой степени нравственными началами и что 2) самоотверженіе для блага ближнихъ, какъ и всякія добродѣтели, не можетъ

* «Вѣстникъ Европы», № 3, мартъ. 1868 г. Судебная хроника.

быть вкореняемо въ обществѣ посредствомъ принудительныхъ законодательныхъ мѣръ. Законъ можетъ требовать справедливости, но не можетъ создать любовь и самоотверженіе тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Чего же требуетъ справедливость въ данномъ случаѣ? Милль рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Если кто либо своими обѣщаніями или своимъ образомъ дѣйствій заставилъ другую личность рассчитывать на извѣстный рядъ услугъ съ его стороны, и эта послѣдняя, повѣривъ его обѣщаніямъ, устроила, на основаніи ихъ, извѣстнымъ образомъ свою жизнь, то не ясно ли, что отсюда возникъ дѣльный рядъ нравственныхъ обязательствъ, которыя, конечно, часто попираются, но которыхъ не слѣдуетъ упускать изъ виду. Если же, кромѣ того, отношенія между договаривающимися сторонами касаются еще чьихъ-нибудь интересовъ, или если (какъ это бываетъ въ супружествѣ), онѣ дали жизнь третьему лицу, то обѣ стороны должны сознавать относительно этого третьяго лица свои обязательства, исполненіе которыхъ значительно затруднится въ случаѣ разрыва между ними.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы эти послѣднія обязательства требовали исполненія брачнаго договора во что бы то ни стало, даже на счетъ счастья одной какой либо стороны; но тѣмъ не менѣе они необходимо должны быть приняты къ соображенію. Хотя В. Гумбольдтъ и доказываетъ, что обязанности относительно дѣтей не должны стѣснять легальную свободу супруговъ (и дѣйствительно не должны стѣснять ее въ значительной степени), но тѣмъ не менѣе эти обязанности ограничиваютъ моральную ихъ свободу. Личность должна взвѣсить всѣ эти соображенія, прежде чѣмъ рѣшиться на мѣру, которая до такой степени можетъ затрогивать интересы другихъ лицъ. Если она недостаточно обратитъ вниманія на эти интересы, то подлежитъ нравственной отвѣтственности за вредныя послѣдствія своего шага.

Впрочемъ, въ наше время нѣтъ надобности особенно распространяться на эту тему; ибо вопросъ о несчастныхъ супружествахъ и безъ того всегда рѣшается такъ, какъ будто интересы дѣтей составляютъ самую сущность его, интересы же взрослыхъ не имѣютъ никакого значенія.

Мы видѣли, что, при отсутствіи прочно установленныхъ и всѣми признанныхъ принциповъ, весьма часто свобода отнимается у личности тамъ, гдѣ она ей принадлежитъ по праву. Но весьма часто бываетъ и наоборотъ. Замѣчательный примѣръ этого рода представляютъ намъ семейныя отношенія, какъ сло-

жились они въ современной Европѣ. Государство, при всемъ уваженіи своемъ къ свободѣ личности, должно имѣть, до извѣстной степени, контроль надъ семейными отношеніями, но они почти свободны отъ этого контроля. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о деспотической власти мужей надъ женами, особенно въ низшихъ слояхъ населенія *. Нужно быть слишкомъ упрямымъ оптимистомъ, чтобы считать нормальными нынѣшнія отношенія супруговъ. Чтобы измѣнить ихъ къ лучшему, необходимо, по мнѣнію Милля, призвать за женщинами, по закону и на дѣлѣ, всѣ права политическія, гражданскія и общественныя наравнѣ съ мужскою частію гражданъ общества, и именно: 1) право воспитанія въ приготовительныхъ и высшихъ училищахъ, въ университетахъ, медицинскихъ, юридическихъ и богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2) право товарищества въ производительной промышленности, въ трудѣ и заработкахъ, въ рискахъ и вознагражденіяхъ, 3) право равнаго участія въ составленіи администраціи, законовъ муниципальных, государственныхъ и національных—въ законодательныхъ собраніяхъ, судахъ и исполнительныхъ бюро.

Когда эти совершенно справедливыя требованія женщинъ, высказанныя съ такою энергіей назадъ тому восемь лѣтъ и постепенно осуществляемыя въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, будутъ признаны и въ Европѣ, то вопросъ о нормальныхъ отношеніяхъ между супругами рѣшится самъ собою.

Гораздо важнѣе для разъясненія вопроса о свободѣ личности—отношенія родителей къ дѣтямъ. Неправильное примѣненіе принципа свободы къ этимъ отношеніямъ препятствуетъ, въ современномъ европейскомъ обществѣ, государству исполнить свои обязанности относительно дѣтей. Можно подумать, смотря на современное общество, что дѣти въ буквальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ составляютъ часть отца: такъ ревниво оберегаетъ общественное мнѣніе безусловную власть отца отъ всякаго вмѣшательства въ нее закона. На это вмѣшательство смотрятъ гораздо болѣе враждебно, чѣмъ на какое либо другое посягательство на личную свободу: до такой степени высоко цѣнятъ люди, говоря вообще, власть въ сравненіи съ свободой. Резуль-

* По истинѣ ужасное дѣйствіе существующаго законодательства посреди низшихъ и работающихъ массовъ населенія представляютъ случаи отвратительно жестокаго обращенія работниковъ съ женами, случаи, которыми наполненъ каждый листъ газеты, каждый отчетъ полиціи. Бездѣльники, негодные ни для какой, даже малѣйшей власти надъ чѣмъ либо живымъ, помыкаютъ беззащитною женщиной, какъ какой нибудь рабой. (Д.-С. Милль, объ эманципаціи женщинъ. «Современникъ» 1861, т. LXXXIV, отд. I, стр. 221).

таты такого положенія дѣлѣ самыя плачевныя. Никто не отрицаетъ, что одна изъ самыхъ священныя обязанностей, лежащихъ на родителяхъ (или, по нынѣшнему, на отцѣ) — дать жизнь человѣческому существу, воспитать это существо такъ, чтобы оно способно было исполнить всѣ обязанности свои относительно другихъ и самого себя. Но сознавая, что въ этомъ заключается обязанность отца, почти никто (по крайней-мѣрѣ въ Англіи) не согласится, что государство имѣетъ право принудить его къ исполненію этой обязанности. Въмѣсто того, чтобы требовать отъ него усилій и жертвъ съ цѣлю дать воспитаніе сыну или дочери, ему предоставляютъ свободу дать или не дать дѣтямъ даже то воспитаніе, которое предлагаетъ государство даромъ.

Еслибы признано было за государствомъ право требовать отъ всѣхъ родителей обязательнаго воспитанія дѣтей, то прекратились бы всѣ споры о томъ, чему и какъ государство должно обучать юношество. Споры эти въ наше время представляютъ настоящее поле битвы между различными сектами и партіями. Въ преніяхъ и распряхъ тратятся время и трудъ, которые слѣдовало бы употребить на самое воспитаніе. Еслибы правительство рѣшилось требовать для всѣхъ дѣтей хорошаго воспитанія, то избавились бы отъ большаго труда. Можно было бы предоставить родителямъ полную свободу воспитывать дѣтей гдѣ и какъ имъ угодно и, смотря по обстоятельствамъ, или участвовать въ школьныхъ издержкахъ, или принять ихъ на себя вполнѣ. Основательныя возраженія противъ вмѣшательства государства въ дѣло народнаго образованія относятся не къ тому, что государство требуетъ всеобщаго воспитанія, а къ тому, что оно само берется давать направленіе воспитанію всего народа. Еслибы умственное развитіе всего народа или большей части его приняло на себя государство, то это было бы дѣйствительно величайшимъ бѣдствіемъ. Все, что связано о значеніи индивидуальности характера, о различіи мнѣній и образа жизни людей, вполнѣ примѣнимо и къ разнообразію въ воспитаніи.

Государство, само дающее воспитаніе всѣмъ своимъ гражданамъ, можетъ только способствовать порабощенію человѣческаго духа. Такое воспитаніе есть не что иное, какъ средство отлить людей въ одну и ту же форму, и такъ-какъ эта форма должна нравиться господствующей въ государствѣ власти (все равно, будь это еократія, монархія, аристократія, или господствующее большинство), то чѣмъ сильнѣе и дѣятельнѣе эта власть, тѣмъ болѣе порабощаетъ она духъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо и тѣло. Государство не должно брать на себя воспитанія народ-

ного, ни контроля надъ нимъ, развѣ только въ видѣ опыта и притомъ съ допущеніемъ полнѣйшей конкуренціи со стороны частныхъ лицъ; при этомъ государство можетъ имѣть цѣлю возбуждать соревнованіе въ воспитателяхъ и удержать умственное развитіе страны на извѣстномъ уровнѣ. Только въ странахъ, гдѣ общество находится на такой низкой ступени развитія, что не желаетъ приобрести достаточно средствъ къ образованію юношества, только въ такихъ странахъ верховная власть, принужденная выбирать изъ двухъ золъ меньшее, можетъ сама исполнить недостающіе въ школахъ и университетахъ на томъ же основаніи, на какомъ она беретъ на себя обширныя промышленныя предпріятія тамъ, гдѣ частная предпримчивость не въ силахъ или не желаетъ взяться за нихъ. Но, вообще говоря, если въ странѣ есть достаточно людей, способныхъ быть воспитателями юношества подъ руководствомъ правительства, эти самые люди могли бы и пожелаали бы давать юношеству такое же хорошее воспитаніе и независимо отъ правительства, еслибы увѣрены были, что закономъ установлено будетъ вознагражденіе за ихъ трудъ, что воспитаніе будетъ обязательно для всѣхъ и что государство гарантируетъ вознагражденіе за тѣхъ родителей, которые не въ состояніи сами его уплачивать.

Единственнымъ способомъ исполнить этотъ законъ было бы публичное испытаніе дѣтей съ самаго ранняго возраста. Можно было бы опредѣлить возрастъ, достигнувъ котораго ребѣнокъ (мальчикъ или дѣвочка) долженъ умѣть читать. Если онъ не овладѣлъ этою мудростію, то отецъ (если только не представитъ достаточныхъ извиненій) долженъ подвергнуться умѣренному штрафу, а ребѣнокъ можетъ быть отданъ на его счетъ въ школу.

Подобное испытаніе могло бы быть дѣлаемо однажды каждый годъ, при чемъ программа требованій должна постепенно расширяться, съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать, по возможности, обязательными и поддержать во всѣхъ членахъ общества извѣстную степень умственнаго развитія и извѣстный *минимумъ* познаний. Кромѣ этого экзамена могутъ быть учреждаемы добровольныя испытанія во всякой спеціальности, и каждый, достигшій въ казихъ либо наукахъ серьезныхъ знаній, могъ бы имѣть право на удостовѣреніе въ этомъ. Чтобы воспрепятствовать государству такимъ путемъ приобрести вредное вліяніе на мнѣнія людей, отъ всѣхъ, подвергающихся испытанію, даже въ высшихъ и труднѣйшихъ наукахъ, должно требовать лишь изложенія фактовъ и положительныхъ знаній. На экзаменахъ по религіи, политикѣ и вообще всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые могутъ по-

длежать спору, не должно спрашиваться: справедливо или ложно то или другое мнѣніе, но: кто, какая школа, какая церковь проповѣдуетъ то или другое ученіе, и на какомъ основаніи. Держась такой системы, можно достигнуть, что будущее поколѣніе, по отношенію къ истинамъ, подлежащимъ спору, не уступитъ нынѣшнему поколѣнію. Дѣти наши, точно также какъ и мы, будутъ или приверженцами нынѣ господствующихъ нравственныхъ и политическихъ воззрѣній, или диссидентами; но какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ, правительство можетъ требовать отъ нихъ основательнаго образованія.

Мы привели случай, изъ котораго видно, что, вслѣдствіе неправильнаго пониманія свободы, нравственныя обязательства иногда не исполняются и даже не признаются, требованія, которыя могутъ быть заявляемы закономъ, не дѣлаются обязательными. Но это не единственный случай неправильнаго пониманія свободы.

Самое произведеніе на свѣтъ человѣческаго существа есть одно изъ дѣйствій, влекущихъ за собою величайшую отвѣтственность. Произвести на свѣтъ существо, жизнь котораго можетъ быть источникомъ мученій или счастья, значить, преступленіе противъ этого ребенка, въ томъ случаѣ, когда онъ не *имѣетъ обыкновенныхъ шансовъ прожить не бѣдствуя*. Въ странѣ же слишкомъ густо населенной, или близкой къ тому, произвести на свѣтъ болѣе чѣмъ самое незначительное число дѣтей и тѣмъ способствовать пониженію заработной платы, есть серьезное преступленіе противъ всѣхъ, живущихъ своимъ трудомъ. Законы, которые, въ большей части странъ материка Европы, затрудняютъ вступленіе въ бракъ людямъ, не имѣющимъ возможности прокормить свою семью, не обнаруживають превышенія власти со стороны государства. Законы эти могутъ приносить пользу, могутъ и не приносить ея (все зависитъ главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ), но не должны считаться нарушеніемъ личной свободы. Такими законами государство старается предупредить дѣйствія личности, вредныя, гибельныя для другихъ, такія дѣйствія, которыя должны быть предметомъ строгаго общественнаго порицанія, если считается неудобнымъ присоединить къ карѣ общественнаго мнѣнія еще и легальныя наказанія.

Таковъ приговоръ Милля надъ тѣми бѣдняками, которые, слѣдуя самому естественному влеченію, рѣшаются обзавестись семьей, не разсчитавъ матеріальныхъ и моральныхъ средствъ своихъ.

Какъ ни странно и какъ ни сурово, на первый взглядъ, это мнѣніе Милля, съ такою настойчивостію много разъ повторяемое

имъ въ различныхъ трактатахъ, въ этомъ мнѣніи есть нѣкоторая доля правды.

Если въ самомъ дѣлѣ страна переполнена народомъ, и каждый новый работникъ своимъ предложеніемъ рабочихъ рукъ болѣе или менѣе понижаетъ задѣльную плату всего рабочаго класса; если въ самомъ дѣлѣ вновь народавшемуся члену общества предстоить лишь нужда, невѣжество и всевозможныя страданія, то нравственное чувство бѣдняка должно сказать, чтобъ онъ воздержался, по крайней мѣрѣ, отъ ранняго вступленія въ бракъ, а если уже вступилъ, то отъ произведенія на свѣтъ большаго числа дѣтей. Конечно, здравый смыслъ въ то же время долженъ говорить ему, что есть что-нибудь въ высшей степени ненормальное въ томъ обществѣ, гдѣ вновь появившемуся работнику не только трудно приобрести всестороннее умственное развитіе, но и пропитаться, даже цѣною тяжкаго труда. Но пока это ненормальное положеніе дѣлѣ существуетъ, пока не только бѣдняки, но и порядочные люди не знаютъ, какъ выйти обществу изъ такого положенія, что остается бѣдному человѣку (не желающему просить у общества или правительства милостыни), какъ не послѣдовать совѣтамъ Мальтуса и Милля?

Въ приведенномъ нами сію минуту мнѣніи, Милль остается вѣрнымъ своему возвышенному взгляду на нравственную природу человѣка. Исторія цивилизаціи, по его воззрѣнію, есть постоянная борьба высокихъ, нравственныхъ стремленій человѣка съ его грубыми, чисто животными стремленіями, борьба духа съ матеріей, и чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ способнѣе онъ подавить въ себѣ даже самыя естественныя и законныя влеченія, если знаетъ, что этимъ онъ принесетъ существенную пользу обществу или избавитъ ближнихъ своихъ отъ какой-нибудь опасности. И вотъ Милль взываетъ въ нравственному чувству бѣднѣйшихъ людей и надѣется, что они способны понять общественныя интересы и воздержаться отъ дѣйствій, прямо вредныхъ для общества. Онъ надѣется, что принципъ воздержанія, имъ высказанный вслѣдъ за Мальтусомъ, войдетъ въ нравы европейскихъ народовъ, и тогда, при высокой заработной платѣ, при распространеніи хорошаго научнаго образованія на народныя массы, каждое новое поколѣніе можетъ пользоваться высшею степенью благосостоянія, матеріальнаго и нравственнаго, чѣмъ поколѣніе, ему предшествовавшее.

Но дѣйствительно ли нѣтъ лучшихъ средствъ отъ нищеты? Неужели одни бѣдняки виноваты въ томъ, что она существуетъ? Неужели необходимо, чтобы, испытывая всевозможныя лишенія; они еще отказались отъ семейной жизни? Если ужъ необходимы

жертвы, чтобы вывести народъ изъ бѣдности и невѣжества, то нѣтъ ли болѣе легкихъ жертвъ?

Отвѣтомъ на эти вопросы могъ бы послужить разборъ теоріи Милля о народонаселеніи, а онъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Но и не входя въ подробности этой теоріи, не трудно убѣдиться, что нѣтъ на свѣтѣ такой переполненной народомъ страны *, въ которой бы, при гуманнѣхъ нравахъ, при хорошихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, необходимо было бы прибѣгать къ тому крайнему средству противъ нищеты, которое предлагаетъ Милль. Если бы начала политической экономіи и истинной нравственности проникли въ жизнь человѣческихъ обществъ и отдѣльныхъ личностей, то наступилъ бы конецъ всѣмъ столь извѣстнымъ бѣдствіямъ народныхъ массъ. Если бы лучше люди понимали значеніе человѣческаго труда и важность капитала въ производствѣ, если бы лучше они уяснили себѣ связь каждаго отдѣльнаго члена общества съ цѣлымъ, то не могло бы быть такого разлада во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, какой почти всюду замѣчается теперь. Если бы бережливѣе обращались люди съ трудомъ и капиталомъ, если бы добровольно отказались отъ роскоши ** во всѣхъ ея видахъ, если бы въ основу общественного строя положили они не эгоизмъ, а справедливость и любовь, то не могло бы быть и рѣчи о тѣхъ жертвахъ, которыя предлагаетъ небогатымъ людямъ Милль.

Напрасно думаютъ, что современный человѣкъ слишкомъ себялюбивъ, чтобы думать столько же о благѣ ближнихъ, сколько о своемъ собственномъ, что время христіанскаго энтузіазма прошло. Напротивъ. Даже теперь, при весьма несовершенныхъ общественныхъ отношеніяхъ, мы видимъ весьма много усилій, дѣлаемыхъ человѣкомъ для блага ближнихъ совершенно безкорыстно. По крайней-мѣрѣ, девять десятыхъ труда совершается людьми не исключительно ради личнаго интереса. Ясно, что, какъ мы сказали выше, недостаетъ у людей одного лишь пониманія общественныхъ интересовъ. Свѣта, какъ можно больше свѣта нужно! Вотъ почему Милль съ такою настойчивостію требуетъ всеобщаго воспитанія, понимаемаго имъ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ о предѣлахъ правительствен-

* Мы не говоримъ уже о Россіи, гдѣ, напротивъ, такъ рѣдко населеніе и такъ должны были бы быть дороги рабочія руки и головы.

** Роскошь — понятіе относительное; но какое бы изъ существующихъ опредѣленій роскоши мы ни приняли, все же окажется, что всюду затрачивается непродизводительнымъ образомъ громадное количество труда и капитала, что всюду достаточно паразитовъ, живущихъ на счетъ общества и спекулирующихъ на его тщеславіи и легкомысліи.

наго вмѣшательства въ дѣла отдѣльныхъ личностей, въ томъ случаѣ, когда оно не дѣйствуетъ путемъ принужденія, а лишь оказываетъ людямъ помощь. Возраженія противъ такого вмѣшательства могутъ быть троякаго рода.

Можно прежде всего сказать, что дѣла, предпринимаемыя правительствомъ, гораздо лучше могутъ быть совершены частными людьми. Говоря вообще, всего лучше способны вести какія-либо дѣла тѣ лица, кои въ нихъ лично заинтересованы. На этомъ основаніи осуждается правительственное вмѣшательство въ обыкновенныя промышленныя операціи. Но если очевидно, что правительство можетъ принести людямъ существенную пользу своимъ вмѣшательствомъ, то имѣетъ на него полное право. Устройство почтъ, телеграфовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и желѣзныхъ дорогъ, чеканка монеты, устройство приставей и всякая подобная дѣятельность правительства законна, если только она очевидно выгодна. Если правительство во время голода или неурожая, съ цѣлію парализировать вредныя дѣйствія монополистовъ, берущихъ за хлѣбъ непомерно высокую цѣну, рѣшится сдѣлать большую закупку хлѣба и продавать его по умѣренной цѣнѣ, то и въ этомъ нѣтъ никакой несправедливости. Если правительство имѣетъ возможность найти хорошихъ техниковъ и честныхъ людей, чтобы устроить какое-нибудь промышленное предпріятіе, плохо успѣвающее въ частныхъ рукахъ, то и на это имѣетъ право. Но, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, личная инициатива, самостоятельная дѣятельность частныхъ лицъ должна быть предпочитаема правительственному вмѣшательству. Вопросъ этотъ весьма подробно разсматривается въ политической экономіи, и рѣшается, большею частію, въ смыслѣ теоріи Милля.

Второе возраженіе ближе къ нашему предмету. Оно заключается въ слѣдующемъ: если въ бѣльшей части случаевъ, люди обыкновенныхъ способностей и не могутъ исполнить ту или другую работу такъ же хорошо, какъ агенты правительства, то, тѣмъ не менѣе, желательно, чтобы работа исполнялась частными людьми, а не правительствомъ. Усиленіе частной дѣятельности есть средство вознѣснть умственное и нравственное развитіе личностей, укрѣпить ихъ силы и поднять энергію, дать имъ возможность ближе познакомиться съ предметами, представляющими для нихъ тѣ или другія трудности. Вотъ почему, судъ присяжныхъ, муниципальныя и мѣстныя административныя учрежденія, добровольно составившіяся промышленныя и благотворительныя товарищества, всѣ такія проявленія самостоятельности отдѣльныхъ лицъ должно предпочесть правительственной дѣятельности во всѣхъ этихъ сферахъ народной жизни. Принимая

на себя подобныя дѣйствія, правительство не нарушаетъ ничьей свободы, но можетъ затруднять своимъ вмѣшательствомъ развитіе индивидуальности. Починъ частныхъ лицъ во всякаго рода полезныхъ предпріятіяхъ и дѣятельное въ нихъ участіе необходимы, какъ средство для развитія каждаго гражданина, какъ практическая сторона политическаго воспитанія свободнаго народа. Самостоятельная дѣятельность человѣка извлекаетъ его изъ узкой рамки, въ которую его заключаетъ эгоизмъ, приучаетъ его понимать коллективные интересы, приучаетъ дѣйствовать, руководясь общественными интересами и такими побужденіями, которыя сближаютъ людей другъ съ другомъ, а не разъединяютъ ихъ. Тамъ, гдѣ въ нравы общества и въ характеръ отдѣльных личностей не вошло ни готовности, ни умѣнья посвящать себя общему дѣлу, не можетъ организоваться и прочно утвердиться никакая свободная конституція. Доказательствомъ этому служитъ тотъ замѣчательный фактъ, что въ странахъ, гдѣ для свободной государственной конституціи нѣтъ основанія въ мѣстномъ самоуправленіи — политическая свобода не упрочивается на долго.

Въ мѣстномъ самоуправленіи и въ веденіи значительныхъ промышленныхъ предпріятій союзомъ лицъ, добровольно внесшихъ потребный для успѣха дѣла капиталъ, есть еще одно важное преимущество предъ правительственною дѣятельностію. Эта послѣдняя всегда носитъ на себѣ характеръ однообразія, между тѣмъ, какъ благодаря добровольной ассоціаціи частныхъ лицъ, постоянно дѣлаются многоразличныя опыты во всѣхъ родахъ труда народнаго.

Государство, или лучше, органъ его, правительство, само по себѣ, можетъ быть полезно, какъ центральный хранитель и дѣятельный распространитель практическихъ знаній, приобретенныхъ рядомъ многочисленныхъ опытовъ. Дѣло государства — заботиться, чтобы каждый изъ насъ могъ воспользоваться опытами другихъ, а не ограничивался только своими.

Третій, послѣдній и самый сильный доводъ противъ правительственнаго вмѣшательства тотъ, что вредно безъ нужды увеличивать могущество правительства. Всякая новая дѣятельность, за которую оно берется, усиливаетъ правительственное вліяніе на надежды и опасенія людей, и дѣятельную часть общества ставитъ все въ большую и большую отъ себя зависимость. Еслибы всѣ обыкновенныя и желѣзныя дороги, банки, страховыя общества, компаніи на акціяхъ, университеты и благотворительныя учрежденія были только отраслями правительственной дѣятельности, еслибы муниципальныя корпораціи и земскія управы сдѣлались лишь развѣтвленіями центральной администраціи,

если бы агенты всевозможных предприятий были назначаемы правительствомъ, то вся свобода печати, вся конституціонная свобода Англии и всякой другой страны была бы лишь номинальною свободою. И чѣмъ лучше (въ предположенномъ случаѣ) былъ бы устроенъ административный механизмъ, чѣмъ болѣе было бы сдѣлано усилій, съ цѣлю привлечь въ составъ правительства самыя трудолюбивыя руки и самыя даровитыя головы, тѣмъ зло было бы серьезнѣе.

Въ Англии высказано было недавно мнѣніе, что на гражданскую службу слѣдуетъ избирать достойнѣйшихъ людей по конкурсу, чтобы на эту службу поступали лишь самые умные люди. Много было говорено противъ этого мнѣнія и за него. Въ числѣ аргументовъ, на которыхъ противники его всего больше настаивали, былъ тотъ, что правительство не въ состояніи платить за государственную службу достаточно щедро, чтобы привлечь къ себѣ самыхъ умныхъ людей; что эти послѣдніе найдутъ возможность употребить свои силы съ гораздо болѣею пользою въ такъ называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ, на службѣ частныхъ промышленнымъ компаніямъ и всякаго рода корпораціямъ. Но это казушеское возраженіе есть одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ въ пользу системы выбора административныхъ дѣятелей по конкурсу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы возможно было привлечь къ правительственной дѣятельности всѣхъ даровитѣйшихъ людей, то общество подверглося бы весьма серьезной опасности. Все умственное развитіе страны сосредоточилось бы въ рукахъ многочисленной бюрократіи, отъ которой остальное общество ожидало бы всего: толчка и направленія для дѣятельности массы, и личнаго возвышенія людей даровитыхъ и честолюбивыхъ. Быть принятымъ въ ряды этой бюрократіи и, будучи принятымъ, возвышаться среди ея «до степеней извѣстныхъ» — вотъ что стало бы тогда единственнымъ предметомъ честолюбія болѣею части людей. При такомъ порядкѣ вещей, общество, стоящее вѣдъ бюрократіи, не было бы въ состояніи ни подвергнуть критикѣ образъ ея дѣйствій, ни умѣрить ея неумѣстное усердіе.

Народъ, привыкшій ждать, чтобы правительство дѣлало все за него, ничего не предпринимающій безъ его дозволенія и указаній, во всѣхъ бѣдствіяхъ своихъ слагаетъ съ себя вину на правительство, и не чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ и умѣнья избавиться отъ нихъ безъ его помощи. Совершенно иное представляетъ намъ народъ, привыкшій самъ вести свои дѣла. Во Франціи ежегодно набирается для арміи болѣе ста тысячъ рекрутъ; значительная часть народа должна участвовать

въ военной службѣ; многіе изъ солдатъ дослушиваютъ до унтеръ-офицерскихъ и офицерскихъ чиновъ, а потому въ массѣ народа всегда много людей, способныхъ принять начальство въ томъ или другомъ сраженіи, даже недурно составить планъ какого-нибудь военного дѣла. Американцы такъ же способны къ гражданской, какъ французы къ военной дѣятельности. Отнимите у сѣверо-американцевъ ихъ правительство, и каждая община въ штатахъ, каждая конгрегация будетъ въ состояніи организовать новое правительство, и довольно разумно, съ соблюденіемъ порядка, съ твердою рѣшимостію распорядиться всякимъ общественнымъ дѣломъ. Народъ, способный на такое самоуправленіе, можетъ быть увѣренъ, что сохранить свои свободныя учрежденія. Но тамъ, гдѣ бюрократія беретъ за все, не можетъ быть совершенно ничего такого, чему она враждебна. Чѣмъ совершеннѣе бюрократія сама по себѣ, тѣмъ болѣе успѣваетъ она привлечь къ себѣ и сформировать по своему всѣ таланты, имѣющіеся въ обществѣ; тѣмъ болѣе поработается весь народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сама бюрократія. Правители дѣлаются такими же рабами своей административной системы, какъ управляемые рабами правителей. Китайскій мандаринъ — такой же рабъ и такое же орудіе деспотизма, какъ и самый послѣдній земледѣлецъ. Иезуитъ въ полномъ смыслѣ слова — рабъ своего ордена, хотя самъ орденъ существуетъ коллективнымъ значеніемъ и силою своихъ членовъ.

Не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ больше талантовъ поглощаетъ въ себѣ правительственная корпорація, тѣмъ болѣе затрудняетъ она для самой себя умственное усовершенствованіе и дѣятельное развитіе. Тѣсно сплоченная во всѣхъ своихъ частяхъ, держась одной системы и однихъ, разъ навсегда установленныхъ правилъ, официальная бюрократическая корпорація имѣетъ постоянную склонность заснуть въ своей лѣнливой рутинѣ. Чтобы поддерживалась въ ней жизнь и дѣятельность, необходимо, чтобы внѣ бюрократическаго кружка находились люди, способные и желающіе подвергать дѣйствія его строгой критикѣ.

Если общество желаетъ имѣть корпорацію чиновниковъ, способную идти впередъ и вести впередъ общество, то оно не пожелаетъ, чтобы всѣ административные таланты сосредоточились въ рукахъ чиновниковъ.

Гдѣ же начинается вредное вліяніе бюрократіи на прогрессъ и свободу? Какъ соединить выгоды политической и умственной централизаціи съ свободною дѣятельностію отдѣльныхъ лицъ? Вотъ труднѣйшіе вопросы правительственной науки.

Милль рѣшаетъ ихъ такъ: необходимо наибольшее распро-

страненіе или разсѣяніе власти (на сколько это совмѣстно съ полезною ея дѣятельностію) и наибольшее сосредоточеніе надзора, средствъ освѣдомляться о томъ, что дѣлается въ различныхъ отрасляхъ городского, общиннаго и всякаго другаго управленія. Другими словами: каждая отдѣльная мѣстность въ государствѣ должна пользоваться возможно большею самостоятельностью и самоуправленіемъ; дѣла каждой общины должны вестись излюбленными ею людьми; но правительство должно имѣть свѣдѣнія по всѣмъ частямъ мѣстнаго управленія и способствовать тому, чтобы опытъ, сдѣланный въ одной мѣстности, не оставался для другихъ безъ пользы. Органъ такого надзора долженъ собрать въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ многоразличныя свѣдѣнія, всю опытность, которую приобрѣли лица, заправляющія общественными дѣлами въ различныхъ частяхъ государства; онъ долженъ знать, что хорошаго сдѣлано по его специальности въ чужихъ краяхъ, и имѣть основательныя свѣдѣнія въ политической наукѣ.

Благодаря своему высокому и независимому положенію, благодаря обширности поприща для наблюденій, этотъ центральный органъ надзора долженъ быть совершенно свободенъ отъ предразсудковъ и одностороннихъ взглядовъ отдѣльных мѣстностей, а потому его мнѣніе должно имѣть авторитетъ. Но власть этого органа должна ограничиваться наблюденіемъ за тѣми, чтобы люди, заправляющіе тѣми или другими мѣстными дѣлами, исполняли обязанности, требуемыя общими законодательными правилами, и въ случаѣ нарушенія ихъ, отвѣчали передъ судебною властію. Въ дѣлахъ же, о которыхъ не постановлено общихъ правилъ, выборныя мѣстныя власти должны поступать совершенно свободно и давать отчетъ лишь своимъ избирателямъ.

Примѣръ такого центрального надзора представляетъ намъ «Бюро Закона о бѣдныхъ», учрежденное въ Англіи съ цѣлію искоренить злоупотребленія, дѣлавшіяся при раздачѣ пособій нуждающимся, и для завѣдыванія нѣкоторыми отраслями общественной благотворительности.

Правительство, говоритъ, въ заключеніе своего трактата, Милль, имѣетъ полное право на такую дѣятельность, которая не останавливаетъ индивидуальнаго развитія людей, но способствуетъ этому развитію и возбуждаетъ его; чѣмъ больше дѣйствуетъ правительство въ этомъ направленіи, тѣмъ лучше. Вредъ приноситъ оно въ томъ лишь случаѣ, когда, не стараясь пробуждать самостоятельную дѣятельность отдѣльныхъ и коллективныхъ лицъ, оно само работаетъ за нихъ. Вредъ приноситъ пра-

вительство и въ томъ случаѣ, когда, вмѣсто того чтобы поучать людей, давать имъ совѣты, или, въ случаѣ нужды, протестовать противъ нихъ предъ судебною властію, оно ихъ совершенно подчиняетъ себѣ и заставляетъ ихъ совершенно ступеваться.

Сила и значеніе государства, въ концѣ концовъ, есть сила и значеніе отдѣльныхъ личностей, его составляющихъ. Государство, которое предпочитаетъ нравственному и умственному возвышенію отдѣльныхъ личностей кажущееся административное искусство въ неважныхъ дѣлахъ, государство, которое старается объ измельченіи людей съ пѣлію сдѣлать изъ нихъ послушныя орудія своихъ предположеній, — такое государство увидитъ, что нельзя малыми людьми совершать великія дѣла, что усовершенствованіе правительственнаго механизма не послужитъ ни къ чему, если, чрезмѣрно стараясь объ облегченіи хода администраціи, правительство не побережетъ жизненныхъ силъ народа.

В. Покровский.

Ж И В А Я Д У Ш А.

Часть четвертая и послѣдняя.

ОБОЗНАЧИВШИЯСЯ ДОРОГИ.

I.

Распускающійся цвѣтовъ.

Во время самыхъ жаркихъ толковъ и сужденій о «поступкѣ» Маши случилось происшествіе, измѣнившее судьбу семейства Подколовныхъ: умерла Анна Петровна.

Быть можетъ, и даже очень вѣроятно, «поступокъ» Маши былъ нѣкоторымъ образомъ причиною ея смерти. Анна Петровна говорила, что она проводитъ въ жизнь любовь къ ближнему и служеніе добру. Само собою разумѣется, что проводящія въ жизнь любовь къ ближнему и служеніе добру, неминуемо должны чувствовать ненависть ко злу и карать его во всѣхъ его проявленіяхъ. У Анны Петровны до того было развито это чувство ненависти, что, она говорила, ей достаточно было взглянуть на ближняго, чтобы почувать, въ какой мѣрѣ и степени онъ достоинъ кары. Машу она поняла тотчасъ же, и Маша всегда была ей, по ея собственнымъ словамъ, очень не симпатична, но боясь быть несправедливою, она побѣждала это непріятное чувство; дѣло показало ясно, какъ тонко и вѣрно было ея чутье.

— Такая черствость, такая неблагодарность, такой цинизмъ внушаютъ мнѣ рѣшительное отвращеніе, возмущаютъ меня до глубины души! говорила Анна Петровна. До глубины души!

Возмущенную до глубины души всегда въ такихъ случаяхъ и отраднo, и надо открыть передъ знакомыми: отраднo потому, что это облегчить ее, надо потому, что служеніе добру требуетъ выставки зла у позорнаго столба.

— Я не могу объ этомъ умалчивать, говорила Анна Петров-

на.—Я не должна! Нравственный долгъ обязываетъ меня каждому показывать всю черноту этого поступка!

И Анна Петровна свой нравственный долгъ исполняла, не жалья ни труда, ни времени. Вслѣдствіе этого у нея явилась потребность чаще видаться съ знакомыми, она стала чаще принимать у себя гостей и чаще выѣзжала сама, вообще она сдѣлалась гораздо оживленнѣе и порывистѣе, какъ всегда бываетъ съ тѣми, кто поглощенъ желаніемъ столкнуть съ своей дороги раздражающаго его ближняго. Это оживленіе, эта порывистость, это поглощеніе однимъ желаніемъ бывають иногда пагубны для здоровья. Какая гостыя, воспламененная разговорами о поступкѣ своей ближней, можетъ спокойно провидѣть ватель за стаканомъ холодной воды, который пріятно охлаждаетъ пересохшее горло? Потрашенная успѣхомъ или неудачею своихъ доводовъ, она небрежно накинетъ шаль, не посмотритъ ни на какой сквозной вѣтеръ въ мѣрѣ, когда есть случай остановиться на порогѣ и сказать еще два-три убѣждающихъ слова; пріятно или горестно взволнованная, она не почувствуетъ сразу пахнувшей на нее сырости, не замѣтитъ охватившаго ее холода, однимъ словомъ она забываетъ о своемъ слабомъ брennemъ тѣлѣ. За подобное забвеніе Анна Петровна поплатилась жизнію.

Разъ она возвратилась съ вечера очень поздно домой. Въ этотъ вечеръ она съ наслажденіемъ почувствовала, что глубоко возмутившая ей душу дѣвушка закидана такъ ловко грязью, какъ только могъ того пожелать самый строгій блюститель чистоты и нравственности, и, сидя передъ зеркаломъ въ своей уборной, между тѣмъ, какъ искусная Аня снимала съ ея головы кружева, распускала ей волосы, Анна Петровна нѣсколько разъ улыбулась, полузакрывая глаза.

— У Ефима Юрьевича генераль Астафьевъ были, говорила Аня: — ужасно изволили они шумѣть въ кабинетѣ; все изволили смѣяться; за картами послали и закуску спрашивали. Полина Ефимовна желали послушать подъ дверями, о чемъ у нихъ крикъ и смѣхъ, да я, Анна Петровна, помня ваше приказаніе, не допустила ихъ. Любовь Ефимовна все запирались отъ всѣхъ, говорили, что учиться желаютъ, только я не смѣла ихъ одѣхъ такъ взаперти оставлять; онѣ очень разгнѣвались. Онѣ и сегодня съ Полиной Ефимовной все не ладили; Полина Ефимовна какъ ни заходятъ, Любовь Ефимовна все отъ нихъ отстраняются.

— Чтò нибудь вышло у нихъ? говорили онѣ о чемъ нибудь? спросила Анна Петровна.

— Нельзя этого сказать, чтобы вышло что, Анна Петровна, но только очень Любовь Ефимовна сторонятся отъ сестрицы,

совсѣмъ какъ чужія. Тѣ подходятъ, а онѣ такъ чудно на нихъ изволятъ глядѣть, что ужаси...

— Завтра, какъ только Любовь Ефимовна встанетъ, ты позовешь ее ко мнѣ, сказала Анна Петровна спокойно и безмятежно, какъ говорятъ о дѣлѣ, которое хотя и требуетъ нѣкоторыхъ хлопотъ и заботъ, но навѣрно будетъ-таки приведено къ желаемому окончанію.

Анюта, быстро и ловко убирая госпожѣ волосы, бросила на нее нѣсколько пытливыхъ, внимательныхъ взглядовъ.

Анна Петровна сидѣла съ улыбкою на лицѣ и держала въ рукахъ тоненькую шпильку, которую то медленно обвертывала кольцами вокругъ пальца, то изъ колець расправляла въ прямую спицу, то составляла изъ нея разныя фигурки, одна другой причудливѣе. Ея лицо, въ этотъ вечеръ особенно блѣдное, утомленное и нѣсколько осунувшееся, освѣщенное двумя ярво горящими свѣчами, съ этою самодовольною, какою-то холодною и вмѣстѣ страстно-злою улыбкою на тонкихъ губахъ, было очень характерно.

— Ужь какая слава теперь объ Рославлевской барышнѣ идетъ, такъ еще хуже прежняго! сказала Анюта.—Просто не знаешь, какъ ужъ и вѣрить; просто невѣроятности рассказываютъ!

Анюта остановилась, какъ-бы недоумѣвая, какъ же это въ самомъ дѣлѣ вѣрить такимъ ужасамъ?

Анна Петровна осталась блаженно-равнодушна къ ея недоумѣнію; съ прежнею улыбкою на губахъ, полузакрывъ глаза, она развалилась въ креслѣ, точно отдыхая послѣ побѣды.

— Просто уши вынуть, какъ послушать, сказала Анюта.

Анна Петровна не обратила ни малѣйшаго вниманія.

— Ну, вѣрно ее ужъ покончила! сообразила Анюта и, не распространяясь больше, стала на колѣни передъ Анной Петровной и принялась ее разувать.

— Кажется, въ комнатѣ холодновато? сказала Анна Петровна, вздрагивая.

— Сію минуточку я каминъ затоплю. Вотъ извольте надѣть туфельки. Сію минуточку затоплю!

Черезъ нѣсколько минутъ каминъ уже пылалъ, и Анюта съ трогательнѣйшею заботливостью и преданностью спрашивала:

— Извольте согрѣваться, Анна Петровна?

— Да, кажется, отвѣчала Анна Петровна, все-таки вздрагивая и начиная чувствовать жаръ, истому и безпокойство во всемъ тѣлѣ.

Но она объяснила все это усталостью; довольное расположение духа скрало отъ нея, такъ-сказать, физическое страданіе.

Она легла въ постель съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ самодовольства, успокоенія и торжества, какое бываетъ послѣ желаемого исхода сильно и непріятно заботившаго и волновавшаго насъ дѣла; Анюта, вынося на ципочкахъ свѣчу изъ спальни, видѣла, какъ барыня улыбалась, лежа съ закрытыми уже глазами.

Анна Петровна больше не встала съ постели. Проснувшись на слѣдующее утро, она почувствовала себя очень нехорошо; у ней былъ сильный жаръ, мучительная головная боль. Призванный докторъ сдѣлалъ мину вовсе не успокоительную. Къ вечеру Аннѣ Петровнѣ стало еще хуже; она впадала въ безпамятство, бредила, металась, и черезъ десять дней послѣ того, какъ она сидѣла съ самодовольною улыбкой въ уборной передъ зеркаломъ и гнула разныя фигурки изъ шнильки, она уже лежала на столѣ, одѣтая въ бѣлое атласное платье, въ великолѣпномъ малиновомъ бархатномъ гробѣ на золоченыхъ ножкахъ, кругомъ горѣло множество восковыхъ свѣчей, дѣячевъ неестественнымъ гортаннымъ басомъ читалъ псалтырь, Анюта то рыдала на колѣняхъ у гроба, то поддерживала и спрыскивала водою падающую въ обморокъ Поленьку; Любочка, вдругъ исхудавшая и странно постарѣвшая, стояла какъ каменная въ сторонѣ, гдѣ нибудь, и смотрѣла на все сухими блестящими глазами; Ефимъ Юрьевичъ, совершенно пришибенный этимъ неожиданнымъ происшествіемъ, глядѣлъ какъ-то отчаянно, испуганно, будто спрашивая: вѣдь я точно ни въ чемъ тутъ не виноватъ? пріѣзжали знакомые съ приличными случаямъ лицами, но всему дому пахло ладономъ, воскомъ, гаснущими и вновь зажигаемыми свѣчами.

— Мы взяты изъ праха и въ прахъ обратимся! съ глубокимъ и продолжительнымъ вздохомъ торжественно, но развязно проговорилъ, снимая послѣ панихиды черныя ризы и приглаживая мудравыя косы, большой, тучный священникъ:—но наши добрыя дѣла взываютъ ко Господу и...

Онъ вздохнулъ опять, спокойно, не слѣша поискалъ, не найдется ли у него какого особенно внушительнаго выраженія, не нашель, нисколько этимъ не смутился и закончилъ все повтореніемъ извѣстной истины, что чистая совѣсть величайшее благо въ мірѣ.

Смерть матери произвела ужасное впечатлѣніе на Поленьку. Ея отчаяніе трогало самыхъ хладнокровныхъ людей, и всякій старался ее утѣшить, какъ могъ и умѣлъ. Видѣ отца разстроивалъ ее до такой степени, что злополучный Ефимъ Юрьевичъ не осмѣливался показываться ей на глаза, а только на ципочкахъ подкрадывался къ дверямъ ея комнаты послушать, какъ она стонетъ, или старался черезъ замочную щелочку увидать ея изму-

ченное, заплаканное личико. Видъ Любочки тоже Поленьку до крайности разстроивалъ; Любочка не вторила жалобамъ, не умѣла отвѣтить сочувственнымъ объятіемъ на горестное объятіе, оставалась глядя на всѣ порывы отчаянія возмутительно сдержанна; она слишкомъ почтительно смотрѣла на Поленькино горе и, такъ-сказать, боялась къ нему прикоснуться, не рѣшалась его фамиллярно поглядить по головкѣ и сказать: полно! полно! Богъ милостивъ! А Поленькѣ именно хотѣлось, чтобы говорили «полно! полно!» и «Богъ милостивъ!»

— Счастливая Любочка! шептала она плача: — не понимаетъ еще всего ужаса смерти!

— Полина Ефимовна! сокровище вы наше! съ сокрушеніемъ говорила Анюта, проливая такъ же легко слезы изъ глазъ, какъ воду изъ стакана:—не убивайте вы себя! Богъ милостивъ, Его святая воля! Поглядите вы на себя: совсѣмъ вы измучились! Ахъ, Господи, боже мой! Ахъ Господи, боже мой! Позвольте, положу вамъ подушечку подъ голову! Вотъ сиропецъ — выкушайте хоть капельку! Ахъ, не губите вы себя, Полина Ефимовна! Знаете ли, что маменька, покойница, передъ самою своею кончиною мнѣ говорили? Утѣшай ее, Анюта, говорили, пусть она не отчаивается, пусть волѣ божьей покорится; а я, говорили, за ее терпѣніе и послушаніе теперь все ей разрѣшаю: пускай утѣшается, а я буду радоваться на нее съ небеси... я, говорили, все ей теперь разрѣшаю... Въ чемъ находить она свое счастье, на то я ее и благословляю, и теперь она во всемъ сама госпожа и все теперь въ ее волѣ...

Анюта умѣла успокоивать такъ удачно, что сдѣлалась необходима Поленькѣ, и она не отпускала Анюту отъ себя ни на шагъ.

Однако, время беретъ свое; оно приучаетъ безъ слезъ и криковъ жить и послѣ такихъ потерь, которыя никогда и ничѣмъ не могутъ быть замѣнены, а что до потерь замѣнимыхъ, то съ ними оно очень ловко и быстро справляется. И вотъ это все уносящее время унесло съ собою отчаяніе Поленьки и оставило ей до поры до времени только тихую покорную грусть, которая, вмѣстѣ съ прекраснымъ траурнымъ платьемъ, какъ нельзя болѣе шла къ ея свѣженькому, хорошенькому личику.

— Ахъ, какую пустоту оставляетъ смерть! говорила она еще съ содроганіемъ, но все пріятнѣй и пріятнѣй становилось ей съ каждымъ днемъ въ этой пустотѣ хозяйничать, самой звать и принимать гостей, самовольно распоряжаться Любочкою, разсуждать съ отцомъ о домашнихъ какихъ-нибудь преобразованіяхъ, слушать подобострастную лесть прежде страшной Анюты, видѣть какъ всѣ въ домѣ принимаютъ теперь въ соображеніе ея

удовольствіе или неудовольствіе, какъ отецъ старается ей уго- дить, вслушиваться въ звуки своего собственнаго, теперь без- боязненно раздающагося голоса, просыпаться безъ страха за наступающій день, ложиться безъ горечи послѣ рабски прове- деннаго дня, безъ слезъ и не признанныхъ начальствомъ са- мыхъ скромныхъ пожеланій или разрушенныхъ начальствомъ пріятныхъ плановъ, однимъ словомъ чувствовать себя выпущен- ною на волю.

Но рабы, выбившіеся на волю не сами, не своею силою и борьбою, а выпущенные по великодушію господина, или осво- божденные силою обстоятельствъ, всегда чувствуютъ особенное удовольствіе, когда могутъ наложить ярмо на другихъ; люди не способные во всякихъ плохихъ и хорошихъ, трудныхъ и сча- стливыхъ положеніяхъ стать какъ должно, не сильные предпо- четь страданье позорному существованію, любятъ вымещать на другихъ свою несостоятельность, сдѣланные ими промахи, по- лученныя ими обиды, претерпѣнныя мученія; чужа, что имъ самимъ не взобраться на высокую ступень, они, чтобъ не сидѣть оди- ноко и не глядѣть со стыдомъ, вверхъ, тѣшатся стащить всякаго въназъ; они жаждутъ найдти себѣ товарища, имѣть подчинен- наго, успокоиться на мысли: не мы вѣдь одни — много есть крошѣ насъ! По большей части это, конечно, не сознается ясно, не опредѣляется словами, и глубоко хоронится подъ сподручными теоріями, искусными выводами и благообразными заключеніями.

— Ахъ, Полина Ефимовна! каждое утро говорила съ востор- гомъ Анята, одѣвая Поленьку: — совершенный вы цвѣточекъ- бутончикъ! съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все лучше да лучше вы распускаетесь! Сердце радуется глядя на такую красоту!

Чѣмъ больше распускался цвѣточекъ-бутончикъ на привольѣ, тѣмъ тѣснѣе становилось всѣмъ въ домѣ. Никто еше не могъ ни на что пожаловаться, но всякому уже становилось не по себѣ, какъ передъ началомъ какой-нибудь болѣзни.

Съ того самаго утра, когда Любочка оттолкнула отъ себя По- леньку и не хотѣла ее поцаловать, онѣ не сходились ни разу дружно и ласково. Какихъ мѣръ и средствъ ни употребляла покойная Анна Петровна (а у покойницы дѣло не стояло ни за мѣрами, ни за средствами), какъ Поленька ни сердилась и ни ластилась, ничто не помогало, а, напротивъ, замѣтно все больше и больше разъ- единыло. Неожиданная смерть матери заставила-было забыть всѣ прочія непріятныя и тяжелыя чувства, но это забылось не на долго. Когда обстоятельства насильственно сблизять два непод- ходящія характера и соединять ихъ въ общемъ огорченіи или

общей радости, какъ только уляжется первый пылъ соединившаго чувства, ихъ растолкнетъ еще дальше прежняго другъ отъ друга.

— О чемъ ты думаешь, Любочка? спросила разъ Поленька.

Любочка всегда имѣла привычку задумываться въ одиночку гдѣ-нибудь въ уголѣ, и Поленька очень хорошо это знала, но въ послѣднее время Поленькѣ все больше и больше не нравилась эта наклонность раздумывать втихомолку: никто лучше бывшихъ въ рабствѣ не знаетъ, до чего самовольны и дерзки могутъ быть самыя трусливыя размышленія.

Нѣсколько уже разъ Любочка отвѣчала на подобный вопросъ: «ни о чемъ», и потому теперь Поленька спросила ее особенно настойчиво и раздражительно. Яркій румянецъ, разлившійся по лицу, и гнѣвные взгляды показывали, что на этотъ разъ она будетъ очень энергически добиваться опредѣленнаго отвѣта.

Къ ея удивленію, вмѣсто обычнаго упорнаго «такъ, ни о чемъ», Любочка посмотрѣла на нее какимъ-то тревожнымъ, нерѣшительнымъ взглядомъ, встала и подошла къ ней близко.

— Поленька, проговорила она очень быстро и порывисто, чего съ ней никогда не бывало: — что, еслибы прежде воротилось? Еслибы татап ожила?

— Это невозможно, ты знаешь, отвѣчала Поленька съ грустію и со вздохомъ.

Успокоенная на счетъ теченія мыслей Любочки, она съ нѣжною добротою погладила Любочку по щекѣ, сказала ей, что любить ее очень, и что возьметъ ее завтра послѣ обѣда съ собою на катанье.

— Но *еслибы?* повторила Любочка, вся поглощенная своею мыслию и не спуская съ сестры глазъ. — *Еслибы* опять стало, какъ было, ты рада бы была?

Она колебалась нѣсколько секундъ, но рѣшилась наконецъ, и добавила:

— *Рада, или нѣтъ?*

— Боже мой! вскрикнула Поленька въ ужасѣ: — Боже мой! какъ ты можешь говорить подобныя вещи! Какъ у тебя языкъ повернулся! О, это ужасно! Это ужасно!

Голосъ у Поленьки дрожалъ и прерывался, слезы катились по щекамъ, и во всей фигурѣ выражался великій ужасъ и негодованіе.

Очутившись вдругъ на волѣ, Поленька не могла не чувствовать, что оплакиваемая ею смерть сдѣлала ей жизнь враше и привольнѣй, не могла этому не радоваться, не могла, представя себѣ прежнее житье, не вздохнуть съ отрадою, что слава-Богу оно прошло! Она чувствовала, какъ и всякій другой освободив-

шійся рабъ, всю прелесть свободы, но гораздо сильнѣе всякаго другаго она въ глубинѣ души почувствовала бы себя несчастною, еслибы могло возвратиться прошлое, потому что у ней не было никакого выхода. Она до того была порабощена и обезличена матерью, что не строила никакихъ плановъ освобожденія, и не имѣлась у ней ни одной мысли, дающей опору, или рѣшимость, кромѣ какихъ-то неясныхъ мечтаній о томъ, что вотъ вдругъ придетъ счастье, будетъ ей позволено и станетъ она имъ наслаждаться. Она ни за что на свѣтѣ не призналась бы ни другимъ, ни даже самой себѣ, но на днѣ всего у нея лежала робкая, трусливая радость. Она тщательно, съ робкимъ ужасомъ старалась завернуть эту радость въ неопредѣленно-великодушныя чувства всепрощенія и забвенія, упаковать въ неопредѣленно-успокоительныя примиренія, скоронить подъ обними казенными сожалѣніями, но радость эта была. И вдругъ Любочва дерзкой и жесткой рукой срываетъ всякіе покровы, и прямо заглядываетъ въ сокровенную глубину!

— Я давно объ этомъ думаю, начала-было Любочва.

— Ты вѣрно сама радуешься... О, это страшно сказать! вскрикнула Поленька. — О, это... И тебѣ не жалко? О, бѣдная моя, несчастная маман! еслибы ты могла все это предвидѣть!

— Мнѣ жалко ее, я не могу забыть, какъ она лежала на столѣ мертвая; я все бы сдѣлала, чтобы оживить ее, но я не хотѣла бы съ ней жить, я бы ушла куда-нибудь, какъ Маша, что-нибудь бы сдѣлала, но жить съ ней не хотѣла бы.

Любочва говорила быстро и шепотомъ, какъ признаются въ таготяющей на душѣ винѣ, не потому, что ожидаютъ облегченія отъ этого признанія или утѣшенія, а потому что невыносимо оставаться все наединѣ съ этою виною, какъ иногда невыносимо оставаться наединѣ съ постылымъ, неотвзвнымъ человѣкомъ, и приходъ перваго встрѣчнаго принимается съ отрадою.

— Это ужасъ! вскрикнула Поленька: — не говори этого, замолчи! Бога ради замолчи!

Любочва очень пристально на нее поглядѣла.

— Чтѣ ты глядишь на меня? вскрикнула Поленька, — ей ненавистно было это безжалостно-честное дѣтское лицо и невыносимы пытливые безстрашные взгляды: — чтѣ ты глядишь на меня?

— Я хочу знать, чтѣ ты бы сдѣлала, еслибы...

— Да ты съ ума сходишь! вскрикнула Поленька, вскакивая съ мѣста: — я не знаю, чтѣ дѣлать съ тобой! О, еслибы я могла воскресить маман! простонала она, падая снова въ гресла и заливаясь слезами.

— Ты бы съ ней жпть осталась, какъ прежде? спросила Любочка.

— Да ты съ ума сошла! вскрикнула Поленька: — кто тебѣ ввухаетъ такія страшныя мысли? Господи!

— Какъ же тогда радоваться, когда такъ тяжело? проговорила Любочка.

— О, я съ тобой говорить не могу! Иди ради-бога съ глазъ моихъ! Я тебя видѣть не могу! Иди! Иди!

Поленька истерически зарыдала.

— Полина Ефимовна! вамъ дурно! Ахъ, боже мой! ахъ, создатель мой! начала восклицать вбѣжавшая Анюта, суетясь около Поленьки.

Любочка поглядѣла на обѣихъ и вышла.

Она пошла въ кабинетъ къ отцу съ какой-то неясной надеждой найти тутъ побольше правды и силы; ей захотѣлось приласкаться къ нему и доверить ему свои тяжелыя и гнетущія мысли и чувства.

При ея входѣ, Ефимъ Юрьевичъ пугливо вскочилъ съ дивана; онъ до сихъ поръ еще не былъ свободенъ отъ испуга при звукѣ отворявшейся двери. Когда онъ увидѣлъ дочь, лицо его прояснилось.

— Ахъ, Любочка! потихоньку воскликнулъ онъ съ удовольствіемъ.

По старой привычкѣ, онъ и теперь сдерживалъ голосъ, какъ будто и теперь могло чуткое ухо уловить его восклицаніе и помѣшать удовольствію.

Любочка подошла къ нему и крѣпко обняла его. Онъ въ отвѣтъ порывисто и страстно началъ ее ласкать: цаловалъ ее, ея ручки, бормоталъ: «Моя милая! моя дорогая! Любишь папу, а? Сижу здѣсь одинъ, тоска, тошно, а она явилась! Солнышко мое! милая! что для тебя сдѣлать? Чего ты желаешь? А? Скажи, я все для тебя сдѣлаю, все!»

Любочкѣ вдругъ разхотѣлось повѣрять ему свои мысли и чувства. Ей были очень пріятны его ласки, она слушала его горячія увѣренія «все для тебя сдѣлаю, все», но она вдругъ почувствовала, что онъ никогда ничего не можетъ сдѣлать важнаго для нея, что на этихъ ласковыхъ, слегка дрожащихъ рукахъ, которыя ее теперь такъ пылко прижимали къ груди, она никогда не можетъ успокоиться. Она почувствовала это не ясно, не отчетливо, но очень сильно и глубоко.

Она до сихъ поръ не знала отца; при жизни матери онъ боялся дѣтямъ слово сказать, боялся ихъ приласкать; дѣти никогда не смѣли ни подойти къ нему, ни сдѣлать ему какой-либо вопросъ; но она

улавливала его тревожные тоскливые взгляды, перебѣгающіе туда и сюда и не находящіе на чемъ остановиться, она замѣчала его робость, грусть, отчаянныя выходы и послѣ нихъ пущую покорность, она понимала, что онъ тоже угнетенъ и очень несчастенъ, и издали питала къ нему состраданіе. Послѣ смерти матери онъ первое время былъ совсѣмъ потерянь, потомъ сталъ очень часто выходить изъ дому, а оставаясь дома порывисто ласкалъ ее и Поленку, заваливалъ обѣихъ ихъ всевозможными подарками, растрогивался отъ малѣйшей ихъ ласки, суетился, метался и безпрестанно приходилъ въ смущеніе и въ недоумѣніе. Теперь все это представилось очень живо Любочкѣ, она пріостановилась и точно заглянула въ него, — заглянула и не оперлась на шаткую опору. Что опора шаткая къ этому ее привело не соображеніе, не размышленіе, а она это почувствовала, какъ могла бы почувствовать холодъ или жаръ, и съ этой минуты у нея къ нему родилось особенное чувство привязанности, чувство нѣжное, бережное, сострадательное и совершенно безотрадное, какое бываетъ къ тѣмъ, кто, мы чувствуемъ, никогда ничѣмъ насъ не удивить, не потрясетъ, кромѣ своей немощью, никогда ничѣмъ не порадуетъ сильнѣмъ, на кого глядя мы весь вѣкъ будемъ думать: бѣдный! бѣдный! что бы тебѣ иному уродиться!

— Ты чего хочешь? Чего желаешь? добивался онъ.—Ты мнѣ только скажи!

— Я хочу только посидѣть съ тобою, отвѣчала она.

— О, моя милочка! моя милочка! прошепталъ онъ съ горячею признательностію прижимая къ себѣ дѣвочку.

Онъ умѣстился въ уголку дивана—какъ забитый и застрашенный издавна звѣръ, онъ все по старой привычкѣ искалъ какъ бы забиться куда-нибудь въ уголокъ—посадила ее къ себѣ на колѣни и пустился въ самыя безсвязныя, восторженныя, самонадѣянныя разговоры. Онъ началъ ей рассказывать, каково будетъ лѣто—всякій день все погода и всякій день все веселье—потомъ перескочилъ въ далекое будущее, въ то будущее, когда она станетъ большою, и посулилъ ей несравненную красоту, голубое бархатное платье, много брильянтовъ и всевозможное торжество и счастье. Она съ улыбкою слушала расточаемыя посулы, на его безпрестанныя восклицанія «какъ чудесно будетъ! какъ отлично выдетъ!» она говорила «да» и на все отвѣчала ему очень ласково, но очень односложно; глядя на нихъ, внимательный наблюдатель ясно бы увидалъ, что хотя онъ тѣится занять и забавить ребенка, въ сущности-то ребенокъ его занимаетъ и забавляетъ.

Они сидѣли такимъ образомъ довольно уже долго, когда по-

слышалась легкая походка, шелестъ шелкового платья, дверь въ кабинетъ отворилась и свѣженный Поленькинъ голосъ прозвенѣлъ:

— Папа, ты дома? Можно къ тебѣ?

— Ахъ, моя милочка! воскликнулъ Ефимъ Юрьевичъ, вскакивая и порываясь ей на встрѣчу съ Любочкой на рукахъ, но Любочка выскользнула у него изъ рукъ такъ быстро и неожиданно, что онъ ахнулъ и приостановился въ недоумѣнн и испугѣ, не уронилъ ли онъ ее.

— Да гдѣ жъ ты, папа? Тебя совсѣмъ не видно, звенѣлъ Поленькинъ голосокъ.—Ты совсѣмъ въ потьмахъ сидишь,—я тебѣ свѣчу зажгу.

— Ахъ, моя дорогая! воскликнуть Ефимъ Юрьевичъ, подбѣгая къ ней и обнимая ее.

— Милый папа! милый! нѣжно прозвучалъ Поленькинъ голосокъ.—Если тебѣ грустно, отчего не позвалъ меня? Я бы тебя такъ хотѣла развеселить, успокоить...

Частые и громкіе поцалуи прервали на нѣсколько секундъ рѣчи.

— Гдѣ же у тебя спички, папа?

— Ахъ, не знаю! Да ты не безпокойся, мой ангелъ, я самъ найду! Погоди...

— Нашла! Ахъ нѣтъ, это сигарочница. Я къ тебѣ, папа, еще и за дѣломъ пришла. Я все забываю тебѣ сказать, что завтра ввечеру хотѣла у насъ быть Надежда Сергѣевна и мы уговорились, что будемъ вмѣстѣ читать... такъ надо пригласить Романа Аркадьевича и Павла Ивановича,—пригласи ихъ пожалуйста. Я съѣзжу къ Агнесѣ и позову ее тоже. А больше никого звать не надо—не до общества мнѣ теперь, добавила она со вздохомъ, какъ бы про себя.—Такъ ты пригласишь ихъ, папа?

— Конечно, конечно, моя милочка! Съ радостью!

— А! вотъ онѣ, спички! Вотъ тебѣ и свѣтъ! сказала Поленька весело, и вспыхнувшая спичка освѣтила свѣженькое, благодушное, улыбающееся личико, которое казалось чистымъ зеркальцемъ самой ясной души.

— Папа, какой ты милый, какой ты добрый! О, какъ я тебя люблю! проговорила она, протянула къ отцу руки и сдѣлалась до чрезвычайности трогательна.

Признательность мѣшала говорить Ефиму Юрьевичу; онъ безмолвно привялъ Поленьку въ объятія и прижалъ ее крѣпко къ своей груди.

Вдругъ Поленька быстро, какъ ужаленная, отинула назадъ

головку, опущенную такъ беззавѣтно на отцовское плечо, и вся вспыхнула.

— Что съ тобой, мой ангелъ? спросилъ вздрогнувшій Ефимъ Юрьевичъ.— Не угололась ли ты?

Онъ выдернулъ булаву изъ шейнаго платка и бросилъ ее на столъ.

— Ничего, отвѣчала Поленька, замѣтно омрачившись. — Я удивилась, увидавши здѣсь Любочку.

— Ахъ, вотъ что! сказалъ успокоиваясь Ефимъ Юрьевичъ.— Она тамъ въ уголкѣ сидитъ, совсѣмъ ее не видно. Сядемъ всѣ вмѣстѣ и потолкуемъ! предложилъ онъ съ восторгомъ.

— Нѣтъ, папа, я сяду вотъ здѣсь, у стола, сказала Поленька.

И сѣла у стола.

Онъ съ безпокойствомъ глядѣлъ на нее, но она не обращала на него глазъ, взяла со стола книгу и стала ее перелистывать. Онъ замѣтилъ, что рука у нея слегка дрожала и что на лицѣ выступили алма пята.

— Что съ тобою, Поленька? Что съ тобою? проговорилъ Ефимъ Юрьевичъ.

Она вдругъ отбросила книгу и залилась слезами.

— Господи! воскликнулъ Ефимъ Юрьевичъ, всплескивая руками.— Что съ тобой? Что мнѣ дала? Скажи! Чѣмъ ты огорчена, скажи?

— Ты, папа, знаешь! прошептала Поленька съ рыданьемъ.

— Я знаю! Клянусь тебѣ, я ничего не знаю, ничего не понимаю! Клянусь! клялся Ефимъ Юрьевичъ съ отчаяніемъ.— Что такое случилось? Любочка! Скажи, что такое?

— Я думаю, что Любочкѣ еще рано мѣшаться въ наши разговоры, папа, вскрикнула Поленька.— Ей надо еще учиться; всѣ учителя ея недовольны...

— О, нѣтъ, нѣтъ! Учителя очень довольны, мой другъ! перебилъ Ефимъ Юрьевичъ.— Вчера еще я встрѣтилъ почти ихъ всѣхъ, и они не нахвалятся...

— А! ты мнѣ не вѣришь, папа! вскрикнула Поленька жалобно и отчаянно.— А! ты мнѣ не вѣришь!

— Поличка! Поличка, ангелъ мой! Я вѣрю — вѣрю! Это я ошибся, я! Успокойся — Любочка будетъ хорошо учиться — ты увидишь! Все пойдетъ отлично — посмотришь!

Онъ суетился около нея, заглядывалъ ей въ лицо, цаловалъ ей руки; она рыдала; Любочка оставалась неподвижна въ уголку дивана.

— Папа, проговорила Поленька: — я должна съ тобою говорить о дѣлахъ — я не могу при Любочкѣ.

— Говори, мой ангелъ, ничего! отвѣтилъ растерянный Ефимъ Юрьевичъ: — вѣдь Любочка своя — не мѣшаетъ.

— О, папа! вскрикнула Поленька, какъ будто ее жестоко ранили. — О, папа!

Она закрыла лицо руками и зарыдала на всю комнату.

— Впрочемъ, Любочка уйдетъ! Любочка уйдетъ! вскрикнулъ Ефимъ Юрьевичъ. — Ей вовсе незанимательно слушать о дѣлахъ... Поди, милочка, поди учись... поди играй... поди, милочка! твердилъ онъ, подбѣгая къ Любочкѣ, схватывая ея ручки и осыпая ихъ трепетными поцалуями. — Поди, поди!

Не переставая осыпать ее поцалуями и спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ проводилъ ее до дверей и съ поцалуями подбѣжалъ къ плачущей Поленькѣ.

— Успокойся! Мой ангелъ, успокойся! умолялъ онъ Поленьку, — онъ даже сталъ подлѣ нея на колѣни. — Что тебѣ угодно? Что мнѣ дѣлать — прикажи!

— Ахъ, папа милый! Какъ мнѣ это больно, тяжело!

— Что, Поленька? Что?

— Ахъ, развѣ ты не видишь, какъ ведетъ себя Любочка?

— Любочка? Любочка?

— Ахъ, я не думала, что ты до того ослѣпленъ, папа!

— Я ослѣпленъ? Ослѣпленъ?

— Ахъ, папа! я тебя прошу, пожалѣй Любочку! Я тутъ не о себѣ забочусь — я могу терпѣть, что хочешь (при выраженіи готовности все терпѣть слезы усилились), но что же изъ нея выйдетъ? Она такъ груба, такъ холодна, — мнѣ просто иногда страшно становится на нее глядѣть!

Ефимъ Юрьевичъ всталъ съ колѣней, стоялъ около нея и слушалъ ее съ величайшимъ смущеніемъ и недоумѣніемъ.

— Ты знаешь ли, какія она ужасныя иногда вещи говоритъ? Знаешь ли, что она сегодня мнѣ сказала? «Еслибы татапа воскресла, такъ я бы убѣжала изъ дому». Ужасъ что такое!

Ефима Юрьевича всего какъ-то изъ стороны въ сторону передернуло.

— Ребѣнокъ! пробормоталъ онъ. — Ребѣнокъ! не понимаетъ сама, что говоритъ!

— Ахъ, папа! какъ легко ты это принимаешь! Я вижу, что мнѣ лучше замолчать!

Она принялась за слезы и плакала съ какимъ-то особымъ слабымъ, трогательнымъ пискомъ.

— Чтѣ же мнѣ дѣлать? спросилъ съ тоскою Ефимъ Юрьевичъ.— Ты говоришь, она учится...

— О, что ученіе! Даже ученіе не главное — главное это нравственное невѣжество, папа! Для ея блага надо этому положить конецъ. Чтѣ же изъ нея выйдетъ современемъ, самъ посуди! Чтѣ изъ нея выйдетъ? Ты знаешь, назначеніе женщины...

При знакомыхъ словахъ «назначеніе женщины», которыми столько лѣтъ его бичевали, у Ефима Юрьевича пробѣжалъ морозъ по кожѣ и онъ съ ужасомъ отшатнулся.

— О, сядь, папа! будемъ говорить — назначеніе женщины...

Ефимъ Юрьевичъ сѣлъ около нея и сталъ слушать. Онъ былъ очень блѣденъ и глядѣлъ въ земаю. Очень долго его душила ловкая, холодная, безжалостная рука; только что отпустила она его, только что онъ началъ приходить въ себя на свободѣ, только что собирался свободой наслаждаться, онъ вдругъ чувствуетъ, что за горло опять берется другая рука, еще слабая, неопытная, робкая, но слабо, неопытно, робко она начинаетъ придушать его.

Поленька долго говорила; онъ все слушалъ, не поднимая глазъ и не возражая, и съ каждымъ мгновеніемъ живѣе чувствовалъ, что вотъ-вотъ — къ горлу, къ горлу!

— Что жъ ты молчишь, папа? спросила горестно Поленька.— О, папа!

Вступительное жалобное рыданье заставило Ефима Юрьевича вскочить съ мѣста.

— Чтѣ жъ мнѣ дѣлать? Чтѣ мнѣ дѣлать? спросилъ онъ съ отчаяніемъ.— Вѣдь я не знаю, чтѣ мнѣ дѣлать!

— О, папа, еслибы ты мнѣ предоставилъ Любочку, я бы съумѣла ее воспитывать и развивать! Предоставь ее мнѣ, не вмѣшивайся, — не балуй ее. О, сдѣлай это, папа, для нея, для ея блага!

— Хорошо, хорошо, пробормоталъ Ефимъ Юрьевичъ.

— Какъ она современемъ будетъ благодарить тебя, папа! Любовь къ дѣтямъ не въ томъ, папа, чтобы ихъ баловать; посмотри, вездѣ чувствуется потребность инаго, болѣе разумнаго воспитанія...

— Конечно, конечно, бормоталъ Ефимъ Юрьевичъ.

— Такъ это рѣшено, папа? Я внушу ей ея обязанности, объясню ей свои права, желанія — она скоро сама пойметъ, что я для ея блага... Такъ рѣшено? О, милый папа! Какой ты справедливый, какъ ты все хорошо понимаешь и какъ я люблю тебя!

Она закинула ему руки на шею и съ нѣжностію посмотрѣла ему въ глаза.

— А надо ѣхать къ Роману Аркадьевичу, а то я его не застану — сегодня вечеръ у губернатора, проговорилъ Ефимъ Юрьевичъ, чувствуя себя какъ-то очень неловко въ дочернемъ объятіи.

Поленька поцаловала его еще съ большею нѣжностію.

— Какой ты добрый, папа! прошептала она. — Какой ты добрый! И она обняла его крѣпче.

— Романъ Аркадьевичъ прекраснѣйшій человекъ! прекраснѣйшій человекъ! проговорилъ Ефимъ Юрьевичъ.

— А! папа, ты умѣешь цѣнить людей! Ты...

— Говорятъ, Романъ Аркадьевичъ скоро получить очень важное мѣсто, успѣшно перебилъ онъ, не зная чѣмъ отвлечь отъ себя вниманіе и хватаясь за слышанную новость. — Мѣсто Говорова...

— О, папа! Что ты говоришь! Это невозможно! вослигнула Поленька.

— Говорятъ, навѣрное...

— О, папа! Какъ ты можешь повторять эти слухи!

— Но о немъ никто не говоритъ дурно, успѣшили оправдываться Ефимъ Юрьевичъ. — Говорятъ только, что его повысятъ...

— Папа, онъ служить не изъ повышеній! Я никогда не забуду, какъ онъ страдальчески, какъ онъ горько улыбнулся, когда прошлымъ лѣтомъ его поздравила губернаторша съ чиномъ!

У Ефима Юрьевича промелькнуло въ памяти, какъ при немъ губернаторъ поздравлялъ Романа Аркадьевича съ чиномъ, и какъ тогда на лицѣ Романа Аркадьевича выражалось не страданіе и не горечь, а скорѣе что-то трогательное, умиленное, и какъ губернаторъ остался имъ чрезвычайно доволенъ и обратился къ одному важному N-свому лицу, сказалъ: «онъ далеко пойдетъ!» Все это промелькнуло въ памяти Ефима Юрьевича, но онъ проговорилъ только:

— Быть можетъ, это и клевета, быть можетъ. Я слышалъ отъ одного стараго, простаго чиновника... быть можетъ, все это выдумки. Я даже самъ такъ начинаю думать... Конечно, ему чины не нужны... неприятны даже... На что ему почести? Я сейчасъ къ нему ѣду — прощай.

— И къ Павлу Ивановичу заѣдешь, папа?

— Заѣду, мой ангелъ.

— Папа, ты какъ-то холодно о немъ говоришь — неужели ты прикинешь къ толпѣ его враговъ? Неужели ты не видишь, какъ этотъ человекъ...

— Ангель мой, увѣрю тебя, я къ нему всей душой расположенъ! Я цѣню его чрезвычайно, и дорожу имъ... Я ему сегодня денегъ предложу,—онъ очень нуждается теперь и...

— Папа! ради-бога не дѣлай этого! Онъ оскорбится! Ради-бога...

— Онъ у меня, въ послѣднее время нѣсколько разъ брать и ничего, пробормоталъ Ефимъ Юрьевичъ. — Впрочемъ, если ты думаешь...

— О, какъ онъ долженъ страдать!

— Да, онъ очень нуждается; всѣмъ кругомъ долженъ...

— Папа, такъ предложи ему!

— Очень радъ, очень радъ — непремѣнно, непремѣнно! Прощай, мой ангель.

— Милый, милый папа! Какъ я тебя люблю! Она опять стала его целовать. Наконецъ Ефимъ Юрьевичъ, выпущенный изъ объятий, схватилъ шляпу и быстро вышмыгнулъ за дверь.

Поленька тотчасъ же отправилась въ классную. Любочки тамъ не было; на учебномъ столѣ ярко горѣла лампа и лежалъ развернутый учебникъ русской исторіи.

Поленька повзвонила. Вбѣжала Анята.

— Чтѣ вамъ угодно, Полина Ефимовна? проговорила Анята, задыхаясь отъ скорого бѣга и глядя такими глазами, какъ-будто она сію минуту готова прыгнуть для Полины Ефимовны въ огонь или въ воду—во что Полинѣ Ефимовнѣ угодно.

— Гдѣ Любочка? спросила Полина Ефимовна.

— Въ своей комнатѣ сидятъ въ темнотѣ. Я подавала имъ туда свѣчу, — онѣ изволили затушить и хотѣли запереться на ключъ,—да я ключъ еще прежде вынула и куда-то заложила — не могу съискать...

— Несите за мной свѣчу, сказала Поленька, и быстрыми шагами вошла къ Любочкѣ въ комнату.

— Зачѣмъ ты сидишь въ темнотѣ? чтѣ это значитъ? рѣзко и крикливо спросила она.

Анята поставила свѣчу на столикъ и выскользнула какъ ящерица изъ комнаты.

Свѣтъ упалъ прямо на фигуру Любочки. Она сидѣла, положивъ руки на столъ и опустивъ на нихъ голову. Она тихо встала и отвѣчала:

— Мнѣ не хотѣлось глядѣть на свѣтъ!

— Это не отвѣтъ! строго и рѣзко сказала Поленька:—зачѣмъ ты хотѣла запереться на ключъ?

— Чтѣбы никто не вошелъ, чтѣбы одной быть.

— А я тебѣ говорю: больше не сидѣть никогда въ темнотѣ и не запираяться!

— Не буду.

Любочка отвѣчала безъ запинки; казалось, она обдумала, какъ вести себя, къ чему идти, и не намѣрена была ни въ чемъ отступать отъ положеннаго плана.

Однако ея краткіе и покорные отвѣты какъ-то совсѣмъ не успокаивали Поленьку. Она подозрительно поглядѣла на блѣдное, будто замершее, застывшее личико, и еще съ большею раздражительностію сказала:

— Я слишкомъ долго терпѣла отъ тебя все,—я больше терпѣть не буду! Я говорила съ папа и онъ мнѣ поручилъ тебя. Онъ не будетъ больше вмѣшиваться ни во что,—онъ все мнѣ предоставилъ... Чтожъ, ты кажется не вѣришь?

— Нѣтъ, я вѣрю.

— Какіе у тебя уроки на завтра? Вѣрно не готовы! Иди, учи въ классной. Зачѣмъ у тебя вездѣ книги разбросаны?

Она взяла одну книгу съ окна, другую съ коммоды и сложила обѣ вмѣстѣ на столѣ; окунула инспекторскимъ взглядомъ всю комнату, но не нашла нигдѣ безпорядка.

Любочкина комната производила самое подавляющее впечатлѣніе, несмотря на хорошенькую мѣбель и на богатую постельку подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ, и множество разнаго рода дорогихъ книгъ и игрушекъ, разложенныхъ и разставленныхъ на этажеркѣ и на комодѣ. Особенно непріятно поражали эта игрушки и книги, игрушки всѣ до одной новыя, точно только что принесенныя изъ лавки. Видно было, что къ этимъ игрушкамъ никогда ни притрогивалась рука ребенка, съ тѣхъ поръ какъ онѣ здѣсь разставлены. Золотообрѣзныя книги въ яркихъ переплеткахъ тоже блестѣли свѣжестью, и когда Поленька попробовала открыть одну, она открылась со скрипомъ — такъ смежались листы. Въ этой комнатѣ видно ребенка ничто не занимало, ничто не радовало, а жилъ онъ тутъ какъ въ тюрьмѣ, томился и думалъ о волѣ.

— Ты не забудешь, что я тебѣ сказала? спросила Поленька повелительно, послѣ того какъ привела Любочку въ классную и посадила за учебный столъ.

— Не забуду.

— Въ десять часовъ ты ляжешь спать. Ровно въ десять,—слышишь?

— Слышу, отвѣтила Любочка.

— Ровно въ десять!

— Да, ровно въ десять.

Поленька опять подозрительно на нее поглядѣла и опять увидала блѣдное, будто застывшее личико. Она была очень

довольна этою покорностию, но она на эту покорность не полагалась.

— Помни, что я сказала тебѣ, иначе ты покажѣшь! проговорила она, находя не лишнимъ пригрозить.— Слышишь—покажѣшь!

И мелкими, но трагическими шагами вышла изъ классной.

II.

Прирученные Титаны.

На другой день Полина Ефимовна Подколотная сѣла въ открытую коляску и приказала вести себя къ Агнесѣ Алексѣевнѣ Амосовой.

Быль мягкій, теплый, свѣреный апрѣльскій поддень, и по улицамъ города N пестрѣли цѣлыя толпы гуляющихъ господъ. Полинѣ Ефимовнѣ безпрестанно встрѣчались знакомые, и она мило съ ними раскланивалась. Она была весело озабочена предстоящимъ вечеромъ, очень оживлена, улыбалась, и лично ея болѣе чѣмъ когда нибудь представлялось зеркальцемъ чистой и ясной души.

— А какъ Подколотная похорошѣла! говорили нѣкоторыя дамы, но безъ заботы и тревоги, скорѣе доброжелательно, чѣмъ враждебно, какъ говорятъ о томъ, что въ сущности нисколько не можетъ повредить личнымъ интересамъ.

— Милая она дѣвушка вообще! отвѣчали другія съ такою же беззаботностию и добротою.

Уже было говорено объ изумительной чуткости N—скихъ жителей вообще, но чуткость N—скихъ дамъ была, конечно, еще изумительнѣе: онѣ такъ чуяли, гдѣ можетъ предстоять опасность, и гдѣ не можетъ, какъ отличная лягавая собака чуетъ, не вида дичи, гдѣ дичь есть и гдѣ дичи нѣтъ.

— Что это нието изъ насъ въ Подколотную не влюбится! сказалъ одинъ молодой, кудравый, русобородый дворянинъ укорительно другому дворянину, чернобородому и на видъ очель бывалому.

— Вовсе не занимательна, процѣдилъ тотъ свозъ зубъ, не выпуская изо рта сигары.

Это были тѣ молодые дворяне, которые громко славятъ науку, говорятъ: «уфъ! я таки это время поработалъ надъ химією», или «надъ законами», собираются не нынче-завтра сдѣлать «разумное, честное» употребленіе изъ своихъ капиталовъ, сваливаютъ на коварство портныхъ и на собственную благоденную

небрежность модной покроя своихъ изящныхъ одеждъ, презрительно изумляются пристрастію губернатора къ карточнымъ вечерамъ и баламъ, сѣтуютъ на женскую суетность, жалуются на застой въ обществѣ, общаются двигать развитіе впередъ, но въ тиши своихъ кабинетовъ съ любовью изобрѣтають новыя способы повязывать галстуки, пробирать волосы, мечтають о влюбленныхъ женщинахъ; за дурной обѣдъ питають къ нанятому повару непримиримый гнѣвъ, и смотрятъ на него съ худо-сдерживаемою яростью, на балу у губернатора чувствуютъ себя привольно, какъ рыба въ водѣ, и при видѣ развернутой книги (если это не романъ и не запрещенная брошюрка) у нихъ начинаютъ ныть и руки, и ноги, и черепъ, и глаза. Надо признаться, что такіе дворяне въ одеждѣ волчей встрѣчаются иногда въ городѣ N.

— Она такъ поумнѣла, что ты не можешь себѣ представить, продолжалъ первый дворянинъ. — Я какъ-то заѣхалъ къ ея отцу, и она меня приняла — такихъ удивительныхъ вещей наговорила мнѣ, что я только слушалъ, да думалъ: откуда она столько ума набралась! Знаешь, и «развитіе», и «назначеніе», и «борьба», и «прогрессъ» — все!

— Богъ съ нею! опять процѣдилъ сквозь зубы второй дворянинъ. — Я, другъ мой, влюбленъ. Влюбленъ въ Амосову.

— Ахъ, прелесть эта Амосова! съ восхищеніемъ даже вскрикнулъ первый дворянинъ. — Охъ! одинъ взглядъ ея, одинъ поворотъ головки... Божественна! И за что этому Амосову такое счастье? прибавилъ онъ съ тѣмъ горькимъ и ироническимъ изумленіемъ передъ несправедливостями судьбы, съ какимъ говорятъ люди, чувствующіе себя достойными всѣхъ лучшихъ благъ жизни, когда этими лучшими благами жизни ихъ обходятъ.

— А ты еще требуешь у судьбы справедливости? насмѣшливо возразилъ чернобородый товарищъ. — Мнѣ жаль разрушать твои иллюзіи, любезный другъ, но справедливости на свѣтѣ никогда не бываетъ!

И передъ его духовными очами пронеслись измѣнившіася, точно поздоровѣвшія лица мужиковъ, спорящихъ о наемной платѣ, ливрейные, но своенравные лакеи, распавшаяся дворня, притихшія господскія усадьбы и другія подобныя, ничѣмъ для встало дворянина русскаго незамѣнимыя лишенія.

Между тѣмъ коляска Полины Ефимовны подкатилась къ подъѣзду небольшого, одноэтажнаго красиваго дома; прелестная головка Агнесы Алексѣевны выглянула въ окно этого дома изъ-за цѣльнаго стекла и изъ-за шитой тюлевой занавѣски, и ласково ей кивнула.

Полина Ефимовна отвѣтила радостнымъ, многократнымъ киваньемъ, легко выпрыгнула изъ коляски и быстро взбѣжала на крыльцо.

Агнеса Алексѣевна вышла замужъ и, какъ говорили въ городѣ N, «блаженствовала» на Мѣщанской улицѣ, въ собственномъ, изящно-убранномъ домѣ. Она вышла замужъ противъ воли Настасьи Львовны, и свадьба ея возбудила въ городѣ N живѣйшее участіе; распространилось чрезвычайное множество вариантовъ о ея самоотверженной любви, о ея страданияхъ, о звѣрствѣхъ Настасьи Львовны, о страсти Амосова; вездѣ известны были ея энергическіе отвѣты на оскорбленія Настасьи Львовны, ея протесты противъ домашняго тиранства, всюду знали подробности ея тяжелой борьбы съ сумасбродной старухой: и какъ она падала въ обморокъ отъ силы разнородныхъ чувствъ, и какъ она великодушно простила всѣ претерпѣнныя ею мученія, и какъ, примиряясь съ Настасьей Львовною, тихо и благородно сказала: «я ничего не хочу помнить, кромѣ того, что вы замѣняли мнѣ мать». Блаженная жизнь молодыхъ супруговъ всѣхъ занимала; многіе нарочно проходили мимо Амосовскаго дома, чтобы заглянуть въ окна земнаго рая; завидя гдѣ нибудь на прогулкѣ блаженную пару, всякій старался обогнать ее и заглянуть ей въ лицо; жены и мужья, ссорясь, ставили амосовское счастье другъ другу въ примѣръ, дѣвицы и молодые люди мечтали о подобной, несравненной участи — однимъ словомъ, всѣхъ занимало и привлекало это показное, торжествующее счастье.

— Агнеса, милая! Какъ давно мы не видались! воскликнула Полевъка, бросаясь обнимать вышедшую ей на встрѣчу Агнесу Алексѣевну.

— Ты забыла меня! отвѣчала съ милымъ укоромъ Агнеса Алексѣевна, позволяя оснать себя поцалуйми, подаривъ своихъ два-три легкихъ поцалуя и ласково улыбаясь.— Впрочемъ, я женщина добрая — прощаю.

— О, вѣдь ты знаешь, что я не забыла тебя! Это ты, говорить, забыла все и всѣхъ — блаженствуешь. Вѣдь ты блаженствуешь?

— Блаженствую! Ну, а у тебя что новаго?

— Ахъ, Агнеса! Я къ тебѣ съ просьбой. Не откажи, милая! Ты такъ меня одолжишь, такъ утѣшишь!

— Рада тебя утѣшить, но чѣмъ же — говори!

— Пріѣзжай ко мнѣ сегодня ввечеру. Будетъ Рославлева, Романъ Аркадьевичъ... Онъ будетъ... Пріѣзжай и ты съ мужемъ, милая!

— Приѣду, приѣду, это твой первый званый вечеръ, да?

— Да, но не называй, прошу тебя, *званымъ вечеромъ*, — не профанируй! Просто сберутся близкіе развитые люди вмѣстѣ почитать, обсудить... Теперь столько новыхъ живыхъ вопросовъ поднято! вдругъ добавила она восторженно, крикливо, трудно и нѣсколько нагло, какъ пѣвцы безъ голоса выкрикиваютъ иногда высокую итальянскую арію. — Мы женщины...

— Садись же, пожалуйста, женщина! сказала Агнеса Алексѣевна, подводя Поленьку къ креслу: — я тоже сяду, и будемъ «поднимать вопросы». Вопросъ первый: какъ идутъ твои сердечныя дѣла? Что онъ? Часто вы теперь выдаетесь? Ну, повѣствуй!

Агнеса Алексѣевна отбросилась на спинку кресла и съ улыбкою обратила на Поленьку прелестные, блестящіе весельемъ и довольствомъ глаза.

Красота Агнесы Алексѣевны развернулась теперь самымъ роскошнымъ образомъ, и она замѣтно во многомъ измѣнилась. Манеры ея сдѣлались небрежнѣе и развязнѣе — въ нихъ уже не было прежней вкрадчивости, и вмѣстѣ сдержанности; картинно-вдохновенный видъ уступилъ мѣсто смѣлой, торжествующей, нахваляющейся веселости. Въ былые дни, у нея появлялось похожее выраженіе на балахъ, когда она затѣвала всѣхъ собою, уставала послѣ побѣдъ и, отдыхая отъ побѣдной усталости, поглядывала на все окружающее. Но тогда это была бѣдная дѣвушка въ дареномъ платьицѣ, затянута въ корсетъ, зорко наблюдающая, какъ цѣнится ея красота и умъ, и тысячью милныхъ и трогательныхъ улыбокъ, покрывающая одну ироническую, вызывающую усмѣшку; теперь это была женщина съ положеніемъ въ обществѣ, въ дорогомъ утреннемъ капотѣ, съ разсыпавшимся прядями волосъ, досыта наслаждающаяся избраннымъ ею счастіемъ, и безъ всякихъ опасеній, самонадѣнно глядящая впередъ, не боясь ни за свой насмѣшливый взглядъ, ни за вызывающую улыбку.

— Ну, повѣствуй, повѣствуй! повторила она улыбаясь. — Когда вы съ нимъ въ послѣдній разъ видѣлись? Къ чему пришли?

— Ахъ, Агнеса! какъ онъ говорить! какъ онъ понимаетъ назначеніе женщины!

— Какъ же онъ понимаетъ? спросила Агнеса Алексѣевна.

Глаза ея глядѣли только весело, но по губамъ скользнула лукавая усмѣшка.

— Онъ говорить, что женщина должна отстаивать свои права! На той недѣлѣ, мы вмѣстѣ гуляли въ саду у Рославлевой, и Ольга Порфировна вдругъ говорить, что она ни за что въ мірѣ

первая не сказала бы любимому человѣку о своей любви, — онъ съ такимъ негодованіемъ отвѣчалъ ей, что, значитъ, она не умѣетъ любить, и не достойна пользоваться правами женщины. Она? чуть не расплакалась, ушла... Я не достигаю этой тупости! Я совершенно съ *нимъ* согласна, совершенно! Что за малодушіе! Отчего женщина не можетъ сказать первая, что любить — докажите мнѣ это! Докажите! закричала она, вдругъ ударила барскою ручкою по столу, и округляя свои свѣтлые глазки, очень хорошенькіе, но напоминающіе очень живо кролика. — Отчего женщина не можетъ сказать любимому человѣку...

— По какой причинѣ любимый-то человѣкъ нѣмѣетъ? спросила Агнеса Алексѣевна, слегка прищуривая черезчуръ выразительно-смѣющіеся глаза.

— Ахъ, это понятно! вскрикнула Поленъка: — онъ не хочетъ идти избитою стезею... онъ таетъ свое чувство во имя... во имя своихъ убѣжденій! Что до меня, то совершенно, совершенно понимаю это, и этому сочувствую: я рѣшила первая сказать *ему*, что люблю его! Покуда жъ мы, женщины, будемъ пеленать себя этими пошлыми приличіями? Покуда, скажи! закончила она такъ же восторженно, криливо, неестественно и непріятно, и опять ударила по столу.

— Ахъ, бѣдня твоя лапки! сказала Агнеса Алексѣевна съ тою нѣжностью, съ которою обращаются къ миленькимъ, маленькимъ собачкамъ, и которая не помѣшала ей весело разсмѣяться.

— Чему жъ ты смѣешься, Агнеса?

— Да ты такая стала храбрая!

— За кого жъ ты меня до сихъ поръ считала, Агнеса? спросила Поленъка, хмурия свои тоненькія бровки, и закидывая назадъ свою крошечную, точно булавочную, головку.

— Ахъ, пожалуйста, не гляди такъ на меня! сказала Агнеса Алексѣевна, граціозно вздрагивая. — Мнѣ страшно...

— Агнеса! ты можешь шутить, когда...

— Да я вѣдь радуюсь и сочувствую, перебила Агнеса Алексѣевна, принимая на себя поразительно-эффектный видъ мрачнаго достоинства. — Развѣ ты можешь въ этомъ сомнѣваться, Поленъка?

— Не сомнѣваюсь, Агнеса, но ты вѣдь шутила, возразила Поленъка. — Да, Агнеса, я разорвала всякую связь съ прошедшимъ, я хочу жить новою жизнію! У меня хватить силъ на борьбу, хватить энергіи, твердости...

Веселый смѣхъ вырвался у Агнесы Алексѣевны.

— Агнеса, ты слушаешь меня? спросила Поленъка, снова

омрачааясь и желая глядѣть внушительно и строго своими непокорными кроличьими глазами.

— Ахъ, мнѣ такъ весело тебя слушать, милая! проговорила Агнеса Алексѣевна, поднимая къ потолку искрящися лукавствомъ глаза, но не давая себѣ труда сдерживать веселый смѣхъ. — Я радуюсь... Но увѣрена ли ты въ своихъ силахъ? вдругъ спросила она, понижая голосъ и дѣлая тревожно-пытливые глаза.

— И ты можешь спрашивать, Агнеса! вскрикнула Поленька. — О, я на все готова! Я тверда, я сильна...

— Ну, я благословляю тебя!

Вслѣдъ за благословеніемъ опять выпрвался веселый смѣхъ, но прежде, чѣмъ Поленька успѣла округлить свои глаза, она увидала передъ собою трогательно-сочувственное лицо, и опять услышала торжественныя слова: «я тебя благословляю», и успокоилась.

— Я въ тебѣ не ошиблась, Агнеса! Ты меня понимаешь! Еще съ часъ разъигрывалась въ лицахъ извѣстная сказка о «Зайчикѣ Безпомощной Башкѣ» и о «Лисинькѣ Умной Головкѣ».

— Лисинька-кумонька? Ты, кажется, надъ моимъ горемъ потѣшаешься?

— Ахъ, Зайчикъ, неблагодарный товарищъ! У меня изныло сердце отъ заботы; рученьки и ноженьки отъ работы, а это я на твою пушистую шерстку радуюсь...

— Ну, спасибо, Лисинька! вѣкъ твоей дружбы и службы не забуду!

Только здѣсь была Лисинька богатая, всѣмъ довольная; безъ всякихъ расчетовъ на Зайчика, она просто потѣшалась безкорыстно и забавлялась, глядя до чего можетъ доходить убожество зайчиковой безпомощной головки.

— Такъ ты скажешь ему первая? проговорила Агнеса Алексѣевна съ такою торжественностію, какъ будто у нея «изныло сердце отъ заботы и рученьки и ноженьки отъ работы».

— Скажу! отвѣчала гордо и отважно Поленька. — Развѣ ты не сказала бы, Агнеса?

— О, какой вопросъ! Конечно, сказала бы! Я глубоко сожалѣю, что мнѣ никогда не удалось этого сдѣлать. Меня всегда предупреждали! пояснила она со вздохомъ и коварными искорками въ глазахъ.

— Я не дамъ себя предупредить!

— О, это будетъ достойный и высочій подвигъ!

Обрадованная похвалою своей пушистой шерстки, Поленька отвѣтила съ восторгомъ:

— Ахъ, Агнеса! Я не могу остановиться на фразѣ; я дѣлаю дѣло!

— Смотри, чтобы онъ не предупредилъ тебя! По какому поводу начался у васъ этотъ разговоръ о признаніяхъ въ любви?

— Начался по поводу этой Маши...

— По поводу Маши?

— Да. Знаешь, по поводу всей этой безобразной исторіи съ Загайнымъ. Конечно, онъ не чувствуетъ, не можетъ чувствовать теперь въ Машѣ ничего, кромѣ самаго полнаго презрѣнія, но онъ взялъ ее какъ тѣму.

— А! И что жъ онъ, защищалъ тѣму?

— Да, съ неудовольствіемъ отвѣчала Поленька. То-есть не то, что защищалъ онъ Машу—нѣтъ! нѣтъ! а только, понимаешь, взялъ ея исторію предлогомъ разговора...

— А! Только предлогомъ разговора! А ты знаешь, что можетъ быть ты сегодня встрѣтишь у меня Машу.

Поленька вспыхнула до самыхъ волосъ.

— У тебя встрѣчу? пролетѣла она. — Да развѣ она у тебѣ бываетъ?

— Да. Мы недавно съ нею встрѣтились на улицѣ, и я не могла ее не пригласить зайти, это было бы жестоко — я ее пригласила и она зашла.

— Что жъ она?

— Ничего, была очень мила и вотъ обѣщала придти сегодня.

— Спрашивала она обо мнѣ? О немъ спрашивала?

— И о тебѣ, и о немъ, и о всѣхъ знакомыхъ.

— Чтó спрашивала?

— Какъ поживаютъ, чтó дѣлаютъ.

— Очень она измѣнилась?

— Нѣтъ. Вовсе даже не измѣнилась. Глаза такіе блестящія, губы такія свѣжія. Вовсе не измѣнилась. Скорѣй похорошѣла.

— Чтó жъ она думаетъ дѣлать? Неужели она надѣется возвратиться къ Надеждѣ Сергѣевнѣ? Надежда Сергѣевна ее не приметъ!

— Стоитъ Машѣ одно слово произнести, и Надежда Сергѣевна приметъ ее съ величайшею радостьюю.

— Ты думаешь?

— Я увѣрена.

— Но вѣдь Маша писала къ ней во время Катиной болѣзни, просила свиданія, и Надежда Сергѣевна не согласилась. Не согласилась, несмотря на слезы дочери, которую обожаетъ!

— Да, ее кто-то тогда научилъ крѣпиться и выжидать, пока Маша явится съ повинною головою, она все и крѣпилась, но ей

теперь становится это не въ моготу и она рада будетъ первому случаю простить. Въ послѣднее наше свиданіе она уже только толковала, какъ ея сердце приросло къ Машѣ и какъ любовь все прощаетъ.

Поленьку видимо взволновали сильно эти новости. Она сдѣла вся малиновая и даже набѣжавшія слезки заставляли ее помаргивать.

— Но ты, ты какъ обо всемъ этомъ думаешь, Агнеса? проговорила она.

— О чемъ обо всемъ? спросила Агнеса Алексѣевна коварно, не замѣчая ея жалкаго вида.

— Ну, о Машѣ!

— Ахъ, о Машѣ! Да что жъ о ней думать?

— Ну, о ея странномъ поведеніи!

— Что жъ ея поведеніе? Если правда, что она ушла къ Загайному, то вѣдь мы съ тобой ее за это осуждать не станемъ: ты сама хочешь сказать любимому человѣку...

— Ахъ, Агнеса! это совсѣмъ другое! Совсѣмъ другое! И я не понимаю, какъ ты...

— Развѣ преступленіе отдаться любимому человѣку на всю жизнь?

— Кто жъ говоритъ преступленіе! Не это... Не это возмущаетъ...

— А чтѣ же?

— Да вотъ все ея поведеніе...

— Не она ли это? перебила Агнеса Алексѣевна:—кто-то звонить.

Поленька вскочила съ мѣста и остановилась недоумѣвая чтѣ лучше сдѣлать и какъ быть.

— Ахъ, это она! Я очень рада! пробормотала она, стараясь оправиться и глядѣть побойчѣе.

— Нѣтъ, это не она, сказала Агнеса Алексѣевна. — Это André.

И Агнеса Алексѣевна бросилась на встрѣчу мужу.

Въ передней поднялись такіе поцалуи, что эхо пошло по всѣмъ комнатамъ, послышался счастливый смѣхъ Агнесы Алексѣевны, долетѣлъ ея невнятный шопотъ, и вдругъ наступила мертвая тишина; потомъ опять раздался счастливый смѣхъ и въ гостиную вошелъ Амосовъ, привѣтствуя Поленьку съ видомъ самаго любезнаго хозяина.

Онъ смотрѣлъ счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, и счастье это было, такъ-сказать, совершенно ему въ пору: лучше онъ нетолько теперь не желалъ, но и никогда пожелать не могъ. Онъ

нѣсколько, очень не много, пораздобрѣлъ, сдѣлался спокойнѣе, разговорчивѣе, но глаза у него такъ же ярко горѣли и сверкали, какъ и прежде, только теперь они горѣли и сверкали не тревожнымъ и мрачнымъ огнемъ, а гораздо болѣе мирнымъ и веселымъ пламенемъ.

— André! сказала Агнеса Алексѣевна, обращая на мужа свои прелестные ласкающіе и ярче заблестѣвшіе глаза:—сегодня вечеромъ у Поленьки собираются близкіе люди и она приглашаетъ насъ тоже...

Онъ глядѣлъ на нее съ радостнымъ довольствомъ и, слушая, думалъ: какая она у меня красавица! Слава-богу, что я нашелъ и захватилъ ее себѣ! Моя она теперь! Моя!

— Я общалась, André, за себя и за тебя.

— Пожалуйста, пріѣзжайте! подхватила Поленька.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, Полина Ефимовна, отвѣчалъ Амосовъ, съ усиліемъ отрывая глаза отъ своей красавицы-жены и переводя ихъ на Поленьку.

— Благодарю и буду ждать. Ну, теперь я съ тобой прощусь, Агнеса; мнѣ надо еще...

Въ это самое время позвонили.

— Вѣрно, Алеша, сказалъ Амосовъ:—онъ хотѣлъ сегодня захватить.

— Нѣтъ, это, кажется, не онъ, сказала Агнеса Алексѣевна прислушиваясь.

Поленьку бросило въ малиновую краску.

Дверь открылась и вошла Маша.

— Ахъ, Маша, это ты? Здравствуй, милая! Садись вотъ тутъ, тутъ! Поближе! Какъ я тебѣ рада! заговорила Агнеса Алексѣевна, обнимая Машу, въ объятіи подводя ее къ креслу, усаживая ее, мягко улыбаясь и смотря на нее совсѣмъ бархатными глазами и всѣмъ этимъ какъ бы успокоивая Машу и, такъ-сказать, наидывая великодушно богатый покровъ на ея рубища и сострадательно прикрывая имъ ее отъ всякаго больнаго холода; и покровъ, прикрывая рубища бѣдняка, наглядно выказывалъ богатство и щедрость дателя.

— Здравствуйте, Марья Григорьевна, подтягивалъ здоровый басъ Амосова бархатному голосу жены. Онъ тоже старался накинуть покровъ на рубища бѣдняка, но не умѣлъ этого дѣлать такъ граціозно и ловко какъ жена.

— Какъ мы давно съ тобой не видались, Маша! сказала Поленька нѣсколько запинаясь, но отважно глядя въ глаза Машѣ.

Она потянулась къ Машѣ, крѣпко поцаловала ее, крѣпко сказала

ей руку и вдругъ начала ее успокаивать на счетъ своего добраго о ней мнѣнія.

— Маша, я все умѣю понять, я все та же, — что мнѣ глупая толпа? На меня ты всегда можешь положиться, заговорила она, беспомощно и напрасно силясь вспрыгнуть на какую-нибудь высоту. — Ты, конечно, могла подумать, что я... Вообразить... Ты вѣроятно подумала... особенное...

— Я ничего особеннаго не думала, отвѣтила Маша.

Ея звучный, спокойный голосъ прозвучалъ особенно полно и хорошо послѣ гибкаго, ласкающаго голоса Агнесы Алексѣевны, нѣсколько деревяннаго баса Амосова и Поленькиной пискотни.

— Но ты, быть можетъ, удивлялась, что я...

— Нѣтъ, я не удивлялась.

— Ну, я очень-очень рада, что ты поняла... Какъ же тебѣ живется теперь? Довольна ты?

— Довольна.

— А у насъ сколько перемѣнъ! Я много пережила съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой расстались, очень много! Всѣ говорятъ, что я перемѣнилась, — вѣдь перемѣнилась я?

— Да, ты на видъ перемѣнилась, сказала Маша.

— Я разорвала всякую связь съ прошедшимъ — я хочу жить новою жизнью и живу ею! Пускай меня преслѣдуетъ общество, пускай гонять, пускай распинаетъ — я свое дѣло дѣлаю! Понимаешь?

— Чѣмъ же ты занимаешься теперь? спросила Маша. — Чтѣ дѣлаешь?

— Читаю... Читаю...

— А главное она живетъ новою жизнью, Маша! сказала Агнеса Алексѣевна невиннымъ голосомъ.

Она сидѣла въ прелестнѣйшей позѣ, слегка склонясь къ креслу Маши, точно желая прикрыть ее невидимымъ ласковымъ мягкимъ крыломъ, какъ на одной картинѣ ангелъ прикрываетъ бѣднаго грѣшника, посматривала на Машу благими глазами, и время отъ времени, отрѣшаясь отъ ангельской должности, посылала огненные взгляды и веселыя улыбки блаженно созерцавшему ее мужу.

— Новою жизнью, понимаешь? повторила она еще разъ и сдѣлала такое невинное лицо, что Маша слегка улыбнулась.

Но когда Поленька принялась опять съ новымъ жаромъ лепетать о правахъ женщины, о свободѣ мысли, о необходимости борьбы, а Агнеса Алексѣевна съ граціознѣйшимъ лукавствомъ снова начала издѣваться надъ нею, а Амосовъ, покуривая папиросы, любовался женою и улыбался счастливою, какою-то сентю улыбкою, Машѣ сдѣлалось очень тяжело и неприятно. Она не

вмѣшивалась въ разговоръ и, когда къ ней обращались, отвѣчала очень односложно.

Раздался звонокъ, произошла краткая суета въ передней, и въ гостиную вбѣжалъ Алексѣй Алексѣевичъ Каминшевъ, быстро поводя глазами и, завидѣвъ Машу, громко вскрикнулъ:

— Марья Григорьевна! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Здравствуйте, Алексѣй Алексѣевичъ, отвѣчала ему Маша.

— Здравствуй, Агнеса! здравствуй, André! Полина Ефимовна, очень радъ васъ встрѣтить!

Все это Алексѣй Алексѣевичъ промолочилъ скороговоркою, и опять обратился къ Машѣ.

— Марья Григорьевна! Сколько лѣтъ, сколько зимъ, а? Позвольте мнѣ ручку вашу поцаловать! Вѣдь я по старому вамъ пріятель — я теперь даже больше прежняго преданъ вамъ, увѣряю васъ! Если я измѣнился къ вамъ, такъ измѣнился къ лучшему — ну, дайте руку! Отвинемъ прежнія церемоніи!

— Если вы измѣнились ко мнѣ, то я къ вамъ не измѣнилась, Алексѣй Алексѣевичъ, отвѣчала Маша съ покойною улыбкою:— такъ я не имѣю основанія не попрежнему съ вами обращаться.

Вся удаля Алексѣя Алексѣевича слетѣла, какъ спугнутая птица, онъ пробормоталъ что-то въ родѣ: «вы не вѣрите, Марья Григорьевна?», и до смерти обрадовался, увидя входящаго Павла Ивановича.

— Вотъ и Павелъ Ивановичъ тоже желалъ васъ видѣть, Марья Григорьевна, вскрикнулъ онъ, начиная опять, хотя гораздо умѣреннѣй, храбриться. — Я, какъ услышалъ отъ André, что вы общались бытъ, сейчасъ же передалъ это всѣмъ нашимъ... Мы всѣ васъ чрезвычайно цѣнимъ, Марья Григорьевна, высоко цѣнимъ и уважаемъ! Еслибы вы знали, какое сочувствіе...

— Полно, Алеша, сказала Агнеса Алексѣевна: — развѣ Маша можетъ сомнѣваться... А, Павелъ Ивановичъ! добро пожаловать! Что это вы входите, какъ тѣнь отца Гамлета?

— Мы съ нимъ устали страшно, сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ, стараясь снова напустить на себя удаливость.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Павелъ Ивановичъ, привѣтствовалъ его Амосовъ, кивая ему головою, протягивая руку и пуская въ лицо сигарочный дымъ. — Садитесь. Не хотите ли сигару?

Поленька глядѣла на него, округливъ глаза и вся раскраснѣвшись.

Павелъ Ивановичъ вопсель медленно, съ нѣскольکو мрачнымъ видомъ, и поклонился всѣмъ молча. Онъ былъ взволнованъ и разстроенъ, и, по своему обыкновенію, старался утаить волне-

ніе и разстройство подь нахмуренными бровями и подь строгимъ видомъ, и еще больше выдавалъ себя этими минами. Когда онъ подавъ Машѣ руку, она замѣтила, что рука у него совсѣмъ холодная и нѣсколько дрожить.

Маша замѣтила тоже, что онъ какъ-то неприятно пополнилъ и обрызгъ, и манеры его сдѣлались еще театральнѣе. Она замѣтила и то, что теперь обращались съ нимъ небрежнѣе; не только Агнеса Алексѣевна, не только Амосовъ, но даже рожица Алексѣя Алексѣевича принимала какое-то особенное выраженіе господскаго удовольствія и расположенія, когда онъ обращался къ прежнему «пророку»

— Ну, рассказывайте же намъ новости! сказала Агнеса Алексѣевна, откидываясь на спинку кресла. — Мы слушаемъ.

— Вы знаете, я веселыхъ новостей не разношу, отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ.

Онъ видимо все болѣе и болѣе волновался и раздражался, и никакъ не могъ раскурить сигару.

— Рассказывайте невеселыя!

— Это онъ не въ духѣ, сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ: — а рассказать есть что! Мы рѣшили повернуть дѣла иначе... Да! Надо дѣйствовать не такъ... иначе... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безумствовать, какъ Загайный! вдругъ выговорилъ онъ съ тою поспѣшностью, съ какою разозлившійся школьникъ говоритъ дерзость, и въ то же время ищетъ, куда бы бѣжать отъ товарищескаго наказанія.

Амосовъ бросилъ бѣглый, беспокойный взглядъ на Машу, Поленька бросила взглядъ робкій и вмѣстѣ злорадостный, Павелъ Ивановичъ горько усмѣхнулся; одна Агнеса Алексѣевна возразила какъ ни въ чемъ не бывало:

— Чѣмъ же Загайный безумиѣ васъ? Ему не повезло, правда, но вѣдь это можетъ случиться со всякимъ, самымъ даже благо-разумнымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, Загайный виноватъ, проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ, съ неистовствомъ затагиваясь сигарою и прячась за дымнымъ облакомъ. — Такъ нельзя... Нельзя! Это значитъ, подрывать труды вѣковъ... труды великихъ людей... да! Его вина непростительна!

— Въ чемъ вы обвиняете Загайнаго? спросила Маша.

Звукъ ея свѣжаго, спокойнаго голоса подѣйствовалъ какъ ударъ молотомъ по головѣ: никто отъ нея не ожидалъ этого вопроса.

— Въ чемъ мы винимъ? переспросилъ Алексѣй Алексѣевичъ, еще неистовѣе затагиваясь сигарою, такъ что искры полетѣли изъ нея во всѣ стороны. — Мы винимъ...

— Да это вы все по поводу его неудачныхъ попытокъ, да? Зачтожь его винить, вѣдь онъ желалъ сдѣлать лучше! успокоительно вмѣшался Амосовъ.

— Никто тутъ ничего точнаго не знаетъ, сказала Агнеса Алексѣевна.

— О, нѣтъ, точно знаютъ, проговорила Поленъка.

— Мы винимъ его за то, съ раздраженіемъ и горечью вдругъ заговорилъ Павелъ Ивановичъ: — что онъ легкомысленно губить цѣлые годы тяжелой работы, купленной цѣною страданій нашихъ! Мы винимъ его за то, что онъ безсовѣстно разрушилъ самыя дорогіе наши планы, наши упованія самыя святыя! Мы...

— Павелъ Ивановичъ, вы произнесли слово «безсовѣстно» вѣроятно ошибкою? спросила Маша.

— Нѣтъ-съ, я произнесъ не ошибкою, я повторяю...

Онъ сдѣлался блѣденъ какъ платокъ и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Я не думала, что вы такъ легкомысленно можете говорить о честныхъ людяхъ, сказала Маша: — и очень жалѣю, что вы можете.

Онъ, кажется, просто хотѣлъ крикнуть отъ бѣшенства, но у него не хватило голоса; онъ нѣсколько минутъ задыхался.

— Ахъ, Маша, помилуй! какъ ты можешь его оправдывать! вскрикнула Поленъка, сверкая своими кроличьими глазками.

Но на нее никто не обратилъ вниманія.

— Вы слишкомъ увлекаетесь въ спорѣ, Павелъ Ивановичъ, сказала Агнеса Алексѣевна.

— Всѣ его неудавшіяся школы, артели и тому подобное не могли особенно повредить, мнѣ кажется, сказалъ Амосовъ.

— Да вѣдь онъ до уголовного суда себя довелъ! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ, набравшись снова удали. — Вѣдь по милости его теперь у всякаго общественнаго дѣятеля руки связаны! Въмѣсто животворной пропаганды развитія онъ затѣвалъ какія-то несообразности... какія-то дикости...

— Ну, онъ ошибся, кто жъ въ жизни не ошибается? сказала примирительно Агнеса Алексѣевна, посылая огненный взглядъ мужу, который наклонился будто роняя носовой платокъ, и украдкою отъ гостей со страстью прижалъ къ губамъ ея пальчики.

— Есть вещи, въ которыхъ мы не имѣемъ права ошибаться, Агнеса Алексѣевна! проговорилъ Павелъ Ивановичъ дрожащимъ голосомъ. — Есть случаи, гдѣ эта ошибка бываетъ преступленіемъ! Г. Загайный могъ подвести другихъ, положившихъ всю жизнь на служеніе правдѣ и добру...

— Онъ подвелъ кого-нибудь? спросила Маша.

— Нѣтъ-съ, онъ не подвелъ, но онъ *могъ* подвести! отвѣтилъ онъ ей уже почти шопотомъ. — Онъ *могъ* подвести!

— Помните, Павелъ Ивановичъ, какъ вы прошлаго года совершенно неожиданно было-ввели въ затрудненіе близкихъ вамъ людей?

Онъ горько засмѣялся.

— Вы хотите оскорблять меня, Марья Григорьевна, прошепталъ онъ. — Оскорбляйте, — я возражать вамъ не буду!

— Павелъ Ивановичъ, я не хочу васъ оскорблять, сказала Маша:—я хочу только всѣмъ чѣмъ могу доказать вамъ, что...

— Мнѣ доказательства не надобны, — у меня ихъ довольно. Вы, Марья Григорьевна, бросили мнѣ въ лицо упрекъ въ томъ, чѣмъ я горжусь... Я готовъ съ кровель домовъ пропсвѣдывать мои убѣжденія, и мнѣ ли думать о какихъ нибудь затрудненіяхъ?

— Вы пренебрегаете затрудненіями, когда вы говорите; другіе могутъ пренебречь затрудненіями, когда они возьмутся за какое нибудь дѣло...

— Ахъ, Маша, говорятъ все это было въ самомъ дѣлѣ несбыточно, сказала Агнеса Алексѣевна. — Судя по слухамъ, это милая, восторженная ребяческая затѣя, больше ничего.

— Я не знаю этого и судить по слухамъ не могу, отвѣчала Маша:—но я знаю Александра Максимовича и уважаю его. — Я больше ни доказывать, ни спорить не буду.

Она говорила все время спокойно и тихо, только губы у нея слегка поблѣднѣли да глаза какъ-то особенно лучисто сіяли.

— Марья Григорьевна больше не удостоиваетъ меня разговоромъ! съ горечью проговорилъ Павелъ Ивановичъ. — Еслибы вы, Марья Григорьевна, позволили мнѣ сказать...

— Однако свобода мнѣній, вскрикнула Поленька.

На нее опять никто не обратилъ вниманія.

Алексѣй Алексѣевичъ желалъ вмѣшаться въ разговоръ, но все никакъ не умѣлъ пристроиться.

— Полноте вы съ нами ссориться, милый нашъ Павелъ Ивановичъ! сказала Агнеса Алексѣевна. — Какъ это вамъ не стыдно такъ горячиться!

Агнеса Алексѣевна сказала это шутивнымъ тономъ, но въголосѣ ея чуть слышна была та неприятная хозяйская нотка, которую хозяйка дають почувствовать своимъ неважнымъ гостямъ, что вы у насъ не зазнавайтесь, и коли васъ мы у себя принимаемъ, то вы нашихъ забавъ не портите!

Какъ ни много утѣшенія всякому пророку представляетъ то, что и прочіе пророки не имѣютъ большаго почета въ отечествѣ своемъ, однако все-таки не обходится безъ нервнаго содроганія

при заушеніи личнаго пророческаго достоинства; Павелъ Ивановичъ покраснѣлъ какъ маленький мальчикъ и, стараясь улыбнуться дрожащими губами, проговорилъ:

— Извините, Агнеса Алексѣевна.

— Вы хотѣли что-то еще мнѣ сказать, Павелъ Ивановичъ? обратилась къ нему Маша. — Прощу васъ, говорите.

— Ахъ, будетъ! произнесла Агнеса Алексѣевна съ утомленіемъ.

— Павелъ Ивановичъ, вѣдь у меня къ вамъ дѣло есть, пойдете-ка въ кабинетъ потолкуемъ, сказалъ Амосовъ безцеремонно, уводя Павла Ивановича изъ гостиной.

Амосову и самому начинать надоѣдать слишкомъ жаркій разговоръ, а главное онъ видѣлъ, что женѣ это не нравится и, какъ исполнительный и преданный тѣлохранитель, сейчасъ же распорядился и все устроилъ въ угоду своей царицѣ, ни о чемъ и ни о комъ больше не думая и не заботясь.

Алексѣй Алексѣевичъ счелъ за лучшее послѣдовать за ними въ кабинетъ.

— Ты кажется недовольна, Маша, что я прервала вашъ разговоръ? сказала Агнеса Алексѣевна. — Но, милая, вѣдь это ни къ чему...

Вскликиванье Поленьки прервало ее рѣчь.

— Поленька, чтò съ тобою? спросила она.

И взглянувъ на Машу, она пожала слегка плечами немного насмѣшливо, немного сострадательно, вообще больше всего презрительно.

— Какъ ты могла!... Какъ ты мо-о-гла! вскрикнула Поленька, съ рыданьемъ и плачемъ обращаясь къ Машѣ. — Какъ ты могла его такъ оскорбить! И изъ-за кого же? Изъ-за...

Она хотѣла побраниться, но не посмѣла, и зарыдавъ съ новою силою, опять вскрикнула:

— Какъ ты могла! Какъ ты могла!

— Я не оскорбляла его вовсе, отвѣчала Маша:—я только возражала ему и не соглашалась съ нимъ.

— Ты оскорбила его! вскрикнула Поленька.

— Полно пожалуйста, Поленька! Какъ тебѣ не стыдно такъ огорчаться изъ-за ничего! сказала Агнеса Алексѣевна безъ особой мягкости. — Перестань — вонъ они сюда идутъ...

— Не могу! Не могу! прорыдала Поленька.

Мужчины воротились изъ кабинета въ гостиную и Павелъ Ивановичъ, все еще замѣтно раздраженный и огорченный, но лучше владѣющій своими чувствами, поспѣшно простился, говоря что ему надо торопиться по дѣлу и ушелъ. Уходя онъ

подалъ руку Агнесѣ Алексѣевнѣ, а Машѣ только низко поклонился. Что до Поленьки и до ея слезъ, онъ совсѣмъ какъ-то упустилъ ихъ изъ виду.

— Я тоже тороплюсь по дѣлу, сказала Алексѣй Алексѣевичъ, считая тоже нужнымъ объяснить благовидно свое удаленіе, и вмѣстѣ давая чувствовать, что еслибы стоило оставаться, то, конечно, онъ могъ бы отложить это дѣло.

— Что съ Полиной Ефимовной? спросилъ съ изумленіемъ и даже съ нѣкоторымъ испугомъ Амосовъ. — Она нездорова? За докторомъ...

— Ничего, ничего, это наши женскія дѣла, не бойся! сказала Агнеса Алексѣевна. — Иди къ себѣ въ кабинетъ! Ну, иди же, иди! прибавила она, легонько толкая его изъ дверей гостиной и такъ глядя на него, что онъ чуть не кинулся въ восторгѣ и уносѣнн къ ея ногамъ.

— Боже мой! вскрикнула Поленька: — теперь все пропало! Она такъ разстроена, что не придетъ ввечеру!

— Помилуй, Поленька, какъ не придетъ! Да куда жъ онъ дѣнется? Выпей воды и успокойся; Маша, ты подлей въ стаканъ капель изъ розоваго флакончика. — Ну, успокойся; все будетъ какъ нельзя лучше: чѣмъ теперь онъ больше раздраженъ, тѣмъ больше его разстрогаетъ твое признанье...

— Я поѣду домой, проговорила Поленька умирающимъ голосомъ.

— Поѣзжай, милая. Ты вѣдь сегодня вѣрно въ большихъ хлопотахъ.

— Я жду васъ, не опаздывайте, проговорила Поленька, отирая покраснѣвшіе отъ слезъ глаза.

Она простилась съ Агнесой Алексѣевной, едва подала Машѣ, не глядя на нее и не говоря ей ни слова, руку, и уѣхала.

— Безтолковая дѣвчонка! сказала Агнеса Алексѣевна. — Вздумала свои драмы тоже разыгрывать!

— Она его очень, кажется, любитъ, отвѣтила Маша.

— Такъ ты полагаешь, эти слезы льются изъ одной чистой, самоотверженной любви? засмѣялась Агнеса Алексѣевна. — Она плакала отъ ревности и зависти гораздо больше, чѣмъ отъ любви! Развѣ это не обидно, что твое одно слово заставляетъ его блѣднѣть и выходить изъ себя, а она, горемычная, хотъ цѣлое озеро наплачь и сама потони въ немъ, такъ онъ бровью не шевельнетъ — не замѣтитъ. Какъ это ты, Маша, такихъ простыхъ вещей не видишь! Стоять только взглянуть...

— Я когда взгляну, такъ я тоже вижу, отвѣтила съ улыбкою Маша: — но иногда не придетъ въ голову взглянуть.

— Все мечтами занята, милая!

— Ты не замѣчаешь, Агнеса, какъ Павелъ Ивановичъ измѣнился?

— Измѣнился? То-есть ты хочешь сказать, что онъ какъ-то весь поизносился за послѣднее время? Да, кажется. Я, по правдѣ сказать, мало на него обращаю вниманія. Онъ мнѣ, признаться, наскучилъ съ своимъ ораторствомъ.

— Ты часто его видишь?

— Да, онъ часто ходитъ. Онъ вѣдь все попрежнему бѣдствуетъ, даже теперь, говорятъ, ему еще круче приходится. Онъ уже очень много долженъ André. Даже Алешѣ долженъ. Я не знаю, что онъ дальше съ собою сдѣлаетъ.

— Что же его задуманныя работы, положенные планы?

— Какія тамъ работы, какіе планы! Я не знаю, вѣрилъ ли прежде кто-нибудь всѣмъ этимъ сборамъ, а теперь такъ навѣрное никто не вѣрять. Ему бы лучше всего пристроиться, жениться бы на Поленкѣ Подколотной...

Машѣ вспомнилось первое появленіе Павла Ивановича въ городѣ N, какъ тогда, удерживая дыханіе, ловили каждое его слово, какъ, точно молитву, затверживали наизусть его выраженія, какъ онъ великъ и силенъ казался, и какъ быстро, казалось, двинется онъ впередъ — онъ, этотъ самый Павелъ Ивановичъ, которому теперь самое лучшее что остается дѣлать, это пристроиться, и этимъ «пристройствомъ» какънибудь прожить на свѣтѣ.

Онъ такъ полегоньку, потихоньку, незамѣтно скатился съ своей высоты, что никто изъ окружающихъ не замѣчалъ постепеннаго пониженія, и не удивился, увидя его внизу, да онъ и самъ не переломалъ костей и не вричалъ отъ боли.

— Агнеса, помнишь ты его прежняго? сказала Маша.

— То-есть ты хочешь сказать, что онъ мнѣ прежде самой нравился? Я не отрицаю этого, но мало ли что можетъ нравиться, когда мы еще людей не видали!

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать — я просто его вспомнила, какой онъ тогда былъ, и какой онъ теперь сталъ.

— Да онъ всегда былъ такой, какъ теперь, только мы его выше небесъ превознесли.

— Нѣтъ, онъ былъ иной, сказала Маша.

Она вспомнила его тогдашнее лицо и то, которое она видѣла полчаса тому назадъ, и сравнила ихъ. Не то, чтобы черты особенно огрубѣли, не то чтобы прежнее выраженіе замѣнилось совершенно другимъ, но теперешнее лицо было лицо иное. Что-то исчезло съ этого лица, хотя нельзя было точно опредѣлить,

что именно; что-то такое, что въ былыя времена побуждало протянуть ему руку и надѣяться на добрую ему будущность.

— Богъ съ нами! Расскажи мнѣ лучше о себѣ, Маша, сказала Агнеса Алексѣевна.— Вѣдь я о тебѣ ничего не знаю. Какіе же твои настоящіе планы? Какія у тебя извѣстія отъ Александра Максимовича? Что онъ тебѣ пишетъ?

— Онъ мнѣ не пишетъ.

— Какъ! развѣ вы не въ перепискѣ? Я понимаю, когда онъ попался въ эту несчастную исторію, то не могъ писать, но теперь?

— Мы никогда не переписывались.

Агнеса Алексѣевна съ изумленіемъ и недовѣріемъ поглядѣла на Машу.

— Вѣдь вы любили другъ друга, проговорила она:— ты не станешь этого отрицать... Ну, если хочешь, это простая дружба, но чувство было...

— Мы объ этомъ никогда другъ другу не сказывали, отвѣчала Маша.

— Да вѣдь и безъ словъ понятно. Маша, какъ же вы разстались? Что у васъ вышло?

— Онъ уѣхалъ вдругъ, мы даже не простились.

— Но какъ же ты это объясняешь? Или вы поссорились?

— Мы не ссорились; я думаю, ему встрѣтилось дѣло, надо было ѣхать и онъ не успѣлъ проститься.

— И ты хладнокровно объ этомъ говоришь! И тебя это ничуть не возмущаетъ! Я удивляюсь твоему самоотверженію, терпѣнію, смиренію...

— Ты все это напрасно высчитываешь — ничего этого тутъ нѣтъ, сказала Маша съ спокойною своею улыбкою.

— Что же тутъ такое?

— Довѣріе и уваженіе.

— И довѣріе и уваженіе, все это прекрасно и каждая изъ насъ уважаетъ любимаго человѣка, и довѣряетъ ему; однако, еслибы со мной такъ вздумали поступить... признаюсь тебѣ, Маша, я этого такъ внятно не перенесла бы! Что такое могло ему помѣшать съ тобой проститься? Подъищи мнѣ такую вещь на бѣломъ свѣтѣ, которая была бы важнѣе свиданія или прощанья съ любимымъ существомъ! Горитъ тамъ все кругомъ? Да? Ну, и гори себѣ! А я пойду туда, гдѣ моя любовь! А все гори!

— Что все? Если какіе нибудь овины, сказала Маша:— то я съ тобой согласна — пусть горять.

— И овины, и палаты!

— Все въ этомъ родѣ — да, но есть вещи, при которыхъ

честный человекъ умреть, а ихъ не оставить, и имъ ничѣмъ не измѣнить.

— Ну, да, да! всякія такія *высокія возмещенности!*

— Я въ первый разъ слышу, какъ ты смѣешься надъ...

— Прости, милая! сказала Агнеса Алексѣевна, обнимая Машу. — Не сердись же!

Она сдѣлалась вся бархатная и, улыбаясь, заглядывала Машѣ въ глаза самымъ ласкающимъ образомъ.

Но есть неосторожныя вещи, которыхъ не въ силахъ поправить никакая, самая оборотительная кошачья грація, никакая, самая тонкая лисья вкрадчивость. Агнеса Алексѣевна почувствовала, что сдѣлала ошибку и положила ее загладить, если не поправить.

— Шутка была глупая, я совершенно это сознаю, сказала она: — сознаю и смиренно прошу прощенія. Ну, миръ — не сердись!

— Я не сержусь, но я вижу, что ты можешь смѣяться надъ тѣмъ, что...

— Ахъ, Маша милая! Ну, какъ же это все такъ принимать! вскрикнула Агнеса Алексѣевна очень ласково, но съ легонькимъ отѣтникомъ раздраженія. — Повѣрь, я тоже умѣю и *цѣнить*, и *читать*... Но я боюсь, Маша, что ты тутъ обманываешь себя, прибавила она, обращая на нее милый милосердый взглядъ, тихо и медленно выговаривая каждое слово, и мѣтко направляя и тщательно впуская булабочку въ сердце незговорчивой и неподатливой подруги: — что ты, желая оправдать его, желая объяснить все въ хорошую сторону, приписываешь ему то, чего нѣтъ; ни одна женщина не успокоилась бы на томъ, на чемъ ты успокоилась, ни одна женщина не повѣрила бы, — наконецъ, ни одна не допустила бы этого!

— Я этимъ женщинамъ не завидую, сказала Маша, — и не было сомнѣнія, глядя на нее, что она точно имъ не завидовала.

— Мнѣ трудно вести этотъ разговоръ, Маша, потому что виноватый тебѣ слишкомъ близокъ, а между тѣмъ не сказать тебѣ... Вѣдь ты всю свою жизнь для него изломала!

— Не изломала, а перестроила, поправила Маша, улыбаясь какою-то особенною счастливою улыбкою, какъ при воспоминаніи о чемъ-то благодатномъ и свѣтломъ. — И не для него, а для себя.

— Ну, а дальше что? Вѣдь горизонтъ не широкъ — конечные уроки, грошевыя работы, — вотъ одно, что можно предвидѣть. Это-то жизнь?

— Всего я не могу имѣть, — я выбрала то, что встрѣтилось мнѣ по моему лучшаго.

— Ты это называешь *лучшимъ*?

— Да. Лучшимъ изъ того, что было для выбора подъ руками. Я знаю, есть еще лучшее.

— Надѣюсь! Расскажи, Маша, что ты видишь отраднаго въ своей теперешней жизни,—откровенно, положи руку на сердце, расскажи!

— Прежде я была на чужихъ рукахъ, — тутъ меня могли зашибить, тамъ уронить, здѣсь бросить, съ чужихъ этихъ рукъ сама могла скатиться — ничего надежнаго, ничего *своею*. Когда я еще маленькая была, такъ мнѣ страшнѣй всего были слѣпые и немощные калеки; я бывало увижу ихъ, и долго потомъ думаю, какъ это ихъ ведутъ, а они покорно идутъ куда угодно? Вотъ моя прежняя жизнь была похожа на это калечество и немощь, — а теперь я хожу сама, я гляжу кругомъ... И это очень хорошо! прибавила она съ такою глубокою, спокойною радостью, что утопающая въ своемъ счастьи, всѣмъ довольная, торжествующая Агнеса Алексѣевна изумилась и почувствовала, къ собственному своему удивленію, что-то похожее на зависть.

— Теперь тебя не переспоришь, Маша, сказала она:—но ты скоро сама увидишь, что безъ счастья...

— Ты въ чемъ полагаешь счастье?

— Въ счастья! Ты, пожалуйста, не прими за шутку мой отвѣтъ: я не умѣю лучше тебѣ отвѣтить. Какъ это объяснить ясно, въ чемъ именно счастье? Въ разумной, осмысленной жизни, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, рисуя общими благородными чертами.

— Помнишь, что ты сама говорила прежде, годъ тому назадъ, что лучше въ воду броситься, чѣмъ жить сложа руки. Что работа...

— Да я и теперь то же самое скажу! Я и теперь то же самое скажу! возразила поспѣшно Агнеса Алексѣевна, представляя какъ можно скорѣе вексель на частичку той суммы, на которую когда-то подрадилась, и не желая разбирать и повѣрять старыхъ невеселыхъ счетовъ. — Но развѣ о *такой* работѣ, о *такомъ* трудѣ мы мечтали?

— Знаешь, это мечтанье похоже на то, какъ дѣти, сидя на рукахъ у кормилицы, собираются завтра до неба дорости. И показываютъ: вотъ какой буду! До самаго, до самаго неба! а самихъ ихъ съ ложечки кашной кормятъ. Я теперь при землѣ, не показываю себѣ, какъ завтра до неба доросту, но я чувствую, что я живу, мнѣ жить хорошо, я ищу и жду еще лучшаго, и кто знаетъ? я быть можетъ найду, дождусь.

— Но въ этой рамкѣ, Маша!

— Ты говоришь: въ этой рамкѣ! и прежде ты сказала: горизонтъ не широкъ. Все это правда, но чѣмъ же свободнѣе твоя

рамка и чѣмъ шире твой горизонтъ? У тебя только это иное, покрасивѣе, побогаче на видѣ...

— Это можетъ показать только время! перебила Агнеса Алексѣевна, слегка краснѣя.—Погодимъ мѣрить и судить! Я теперь могу только одно сказать... Ахъ, кого это Богъ еще принесетъ!

Явился Романъ Аркадьевичъ съ своими тихими движеніями и поворотами и миганіями рѣчами.

— Идя къ вамъ, я встрѣтилъ Алексѣя Алексѣевича съ Протасовымъ, сказалъ онъ:—и мы рѣшили всѣ вмѣстѣ отправиться къ Подколотной: — вы тоже будете, Агнеса Алексѣевна?

(Онъ вовсе не шелъ къ нимъ, но когда столкнулся на улицѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и услышалъ его восклицанія: «Марья Григорьевна у сестры! Мы сейчасъ ее видѣли! Какъ она сдѣлалась странна!» его потянуло взглянуть на нее, услышать ея голосъ. Романъ Аркадьевичъ тогда только боролся съ искушеніемъ, когда уступка могла ему въ чемъ нибудь помѣшать или повредить; въ противномъ случаѣ онъ съ наслажденіемъ позволялъ искушенію овладѣвать собою; теперь тутъ не могло быть ни помѣхи, ни вреда и онъ искусился).

— Да, мы тоже обѣщали ей приѣхать, отвѣчала Агнеса Алексѣевна.

Онъ спросилъ Машу, какъ ея здоровье, что она читаетъ, по своему обыкновенію очень мягко, и тѣмъ же тономъ хотѣлъ поддерживать разговоръ съ Агнесой Алексѣевной, но у него не пошло на ладъ. Пословица говорить, что ни на комъ такъ чортъ не любитъ кататься, какъ на самыхъ премудрыхъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ затягиваетъ имъ поводья какъ можно туже: напрасно Романъ Аркадьевичъ силился побѣдить себя и раздѣлить свое вниманіе между прелестною хозяйкою и ея гостью. Всегда обворожавшая его красота Агнесы Алексѣевны теперь для него вдругъ перестала существовать, ея привлекательная пріятливость только тяготила его и ни на что ему не хотѣлось смотрѣть кромѣ спокойной дѣвушки, столько уже разъ заставлявшей и теперь заставляющей замирать его сердце какимъ-то особымъ мучительнымъ и пріятнымъ, сладкимъ и злымъ замираніемъ. Много, очень много бы онъ далъ, чтобы это, всегда возмущающее его своимъ снокойствіемъ лицо вдругъ поблѣднѣло отъ испуга и недоумѣнія, облилось бы слезами, обратилось бы къ нему съ неувѣренностію и съ мольбою, очень много онъ далъ бы за одну минуту такого торжества, а между тѣмъ, онъ, противъ своей воли, искалъ, чѣмъ бы, какъ бы угодить ей, поминутно ловилъ себя на всевозможномъ подобострастіи; онъ хорошо владѣлъ собою и вся эта внутренняя неурядица не была за-

жѣтна для постороннихъ глазъ, но онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ ее и постоянно находился въ сматенномъ состояніи.

— А, Романъ Аркадьевичъ! сказалъ Амосовъ, выхода изъ кабинета. — Ну, что же, рѣшились вы?

— Кажется, придется рѣшиться! отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ задумчиво, какъ будто напоминаніе о рѣшеніи въ ту же минуту навело его на тысячу важныхъ и невеселыхъ мыслей.

— Рѣшайтесь, Романъ Аркадьевичъ! Другаго исхода нѣтъ! Какой же другой исходъ? Другаго никакого нѣтъ исхода!

У Амосова былъ сильный, мужественный, но нѣсколько деревянный голосъ, и эта деревянность особенно поражала слухъ теперь, когда онъ говорилъ очень громко и когда его красивое, краснотубое, черноглазое лицо показывало одно выраженіе какого-то, такъ-сказать, сытаго счастья и довольства. Онъ напоминалъ нѣсколько здороваго ретиваго коня, совершенно довольнаго погодою, свѣжимъ сѣномъ и обществомъ.

«Этотъ-то тѣсную рамбу раздвинуть? Этотъ-то расширить горизонтъ?» подумала Маша, глядя на него и слушая его незатѣйливую рѣчь.

Агнеса Алексѣевна поймала ее взглядъ и слегка покраснѣла.

— André, сказала она:—передай мнѣ, пожалуйста, флакончикъ.

Онъ бросился со всѣхъ ногъ и подалъ ей флакончикъ съ блаженною улыбкою.

Но она не улыбнулась въ отвѣтъ, не взглянула на него и сухо проговорила:

— Благодарю тебя.

— Ты какъ себя чувствуешь? спросилъ онъ съ безпокойствомъ, замѣчая облако.

— Хорошо, отвѣчала она нѣсколько нетерпѣливо. — Очень хорошо! Не безпокойся.

Но онъ все-таки безпокоился, поминутно началъ на нее взглядывать и разговоръ у него пошелъ очень несладко.

Агнесѣ Алексѣевнѣ стало еще досаднѣе.

Она перекидывалась словами съ Машей, мило глядѣла, мило улыбалась, но отъ вѣждаго его любящаго, заботливаго взгляда ее все больше и больше коробило, каждое его громкое безцвѣтное слово рѣзало ей слухъ. Наконецъ онъ ей сдѣлался до того невыносимъ, что она готова была просто его выгнать изъ комнаты. Конечно, она сдержала этотъ неумѣстный порывъ и не взмѣнила себѣ ни однимъ рѣзкимъ движеніемъ.

Но лица не менѣе жестоко терзала внутренности спартамца потому, что онъ ее скрылъ отъ всѣхъ подъ своей одеждой, и

Агнесѣ Алексѣевнѣ не легко было улыбаться, когда на сердцѣ у нея кнѣло.

И самое горькое было то, что нельзя было собственно ни въ чемъ его обвинить! Онъ ни въ чемъ не обманулъ, онъ сдержалъ все, что сулилъ—вотъ онъ, тотъ самый красивый, черноглазый, влюбленный молодецъ, который такъ плѣнилъ и очаровалъ ее; онъ ни крошки не измѣнился, и понапрасну терпитъ мученіе, и, несладно веда рѣчь о томъ, что теперь для развитія человѣчества остается единственный путь, именно тотъ, который предстоитъ избрать Роману Аркадьевичу, съ огорченіемъ и недоумѣніемъ задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ я могъ ей не угодить? за что она мной недовольна?

И какъ нарочно Романъ Аркадьевичъ погружается все въ задумчивость, отвѣчаетъ односложно и подводитъ его подъ попоръ!

— Ахъ, André! Я совсѣмъ забыла о пледѣ шамап; отвези его ей пожалуйста. Я обѣщала, что ты ее сегодня привѣдаешь.

— Да, да! отвѣтилъ обрадованный Амосовъ: — извините, Романъ Аркадьевичъ! Да, я сейчасъ ѣду! Что еще прикажешь? спросилъ онъ, обращая на жену страстные взгляды.

— Скажи, я завтра у нея буду—до свиданія.

— До свиданія!

Онъ въ одну минуту собрался и исчезъ.

Агнеса Алексѣевна почувствовала значительное облегченіе.

— Романъ Аркадьевичъ, полноте задумываться! Все такъ устроивается хорошо, я не постигаю, что же васъ смущаетъ?

— Разныя сомнѣнія являются, Агнеса Алексѣевна, все-таки задумчиво и грустно отвѣтилъ ей Романъ Аркадьевичъ.

— Какія же могутъ являться сомнѣнія?

— На каждомъ пути свои тернія, мягко проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, съ грустною и доброю улыбкою, точно онъ былъ уже достаточно израненъ, и не жалуясь, а такъ благодушно, потому что къ слову пришлось, поминвалъ о повесенныхъ ранахъ, и указывалъ на предстоящія ему въ будущемъ.

— Вы знаете, во имя чего вы идете на бой! сказала Агнеса Алексѣевна, свергнувъ своими прелестными глазами. — Вѣдь вы знаете? Вы повимааете?

— Да, я знаю, я понимаю. Но я лучшіе свои годы провелъ совершенно въ иномъ мірѣ... Миѣ предстоитъ вступить въ міръ, миѣ чуждый, антипатичный; я невольно все ишу, нѣтъ ли другаго выхода... Не будьте слишкомъ строги ко миѣ, вообразите, что я

вольная, дикая птица, любящая лѣса и поля и которой приходится самое себя захлопнуть въ золотой клѣткѣ! прибавилъ онъ грустно-шутливо, очень мягко и нѣсколько горестно.

— Даромъ ничего не дается! сказала Агнеса Алексѣевна съ тою благородною увѣренностью, съ какою можетъ говорить человѣкъ, самъ заплатившій немалыя суммы и готовый заплатить еще бѣльшія.

— Даромъ ничего не дается, знаю, Агнеса Алексѣевна, и уже рѣшилъ отдать себя въ уплату долга.

— Маша, ты слушаешь насъ и не понимаешь? сказала Агнеса Алексѣевна. — Видишь, въ чемъ дѣло: Романъ Аркадьевичъ рѣшился принять мѣсто Говорова...

Алая яркая краска покрывла Машино лицо, и глаза ея обратились на Романа Аркадьевича.

— Вы будете занимать мѣсто Говорова? спросила она.

— Да, я рѣшился! отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ, открыто и ясно встрѣчая ея глаза. — Теперь, кто хочетъ вести общество впередъ, тотъ долженъ добиваться власти: безъ власти ничего!

Онъ остановился и помолчалъ нѣсколько минутъ. Быть можетъ, онъ ждалъ, что она скажетъ. Но она или не нашла, или не хотѣла ничего сказать.

— Возьмемъ власть! засмѣялась Агнеса Алексѣевна. — Маша, куда же ты спѣшишь?

— Мнѣ пора домой, отвѣчала Маша.

— Ну, посиди еще, милая!

— Нѣтъ, мнѣ пора.

— Какая она странная сдѣлалась, вы замѣчаете? сказала Агнеса Алексѣевна.

— Да, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ, улыбаясь нѣсколько проницая, и пожимая слегка плечами, между тѣмъ, какъ сердце у него быстро и больно билось, и сильная дразнящая горечь подступала къ горлу.

— Она вѣдь не одобряетъ вашего плана? а?

— Конечно, нѣтъ. Имена и названія пугаютъ!

— У насъ герой Загайный!

— Ошибки героевъ Загайныхъ и приходится теперь поправлять, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ — онъ проговорилъ это даже нѣсколько упрямо. — Борьба будетъ трудная, а сочувствіе гдѣ? прибавилъ онъ тихо и печально.

— О, сочувствіе будетъ! промолвила Агнеса Алексѣевна, протягивая ему руку: — сочувствіе будетъ!

III.

Благородный элементъ.

Помѣстье Бурнашовка, кромѣ всѣхъ своихъ прочихъ удобствъ и великолѣпій, славилось въ цѣлой губерніи своимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Еслибы случилось сюда попасть художнику, любителю красивыхъ видовъ, онъ схватился бы за кисти и нарисовалъ бы обворожительные ландшафты. Михаилъ Яковлевичъ, тихо бродящій по берегу синяго озера, или появляющійся въ глубинѣ густолиственныхъ столѣтнихъ аллей, своею стройною и прекрасною фигурою тоже не испортилъ бы картины.

Михаилъ Яковлевичъ прибылъ въ Бурнашовку годъ тому назадъ, чрезвычайно разстроенный и глубоко огорченный разрывомъ съ Машею. Когда, въ первомъ пылу гора, онъ бросился въ экипажъ и поскакалъ изъ города N. въ деревню, онъ считалъ свое положеніе самымъ тяжелымъ и мучительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ; но когда онъ очутился въ деревнѣ, отдохнулъ и нѣсколько успокоился, онъ почувствовалъ, что ему стало несравненно лучше. Конечно, сразу ударъ поразилъ его, какъ ножомъ въ сердце, но первое жгучее острое страданіе было сноситѣ томительной ноющей раны, прикинувшейся болѣть. Однако, скрѣпя сердце, онъ написалъ Машѣ, что поселяется въ деревнѣ, станетъ работать и будетъ ждать ея послѣдняго слова: все счастье и все горе его цѣлой жизни, онъ полагалъ, безвозвратно находились въ ея рукахъ. Онъ просилъ ее не спѣшить отвѣтомъ, давалъ ей мѣсяцъ сроку, чтобы обдумать — онъ назначилъ-было годъ сроку, потомъ смиловался надъ собою, сократилъ на полгода, потомъ смиловался еще, и свелъ на мѣсяцъ — и обѣщалъ покориться ея рѣшенію, какое бы оно ни было.

Мѣсяцъ этотъ прошелъ для него очень грустно и тревожно. Онъ было-разложилъ передъ собою бумаги и книги, но только много вздыхалъ надъ ними, уносился то и дѣло думами по своимъ дѣламъ; правда, онъ набросалъ-было нѣсколько мыслей о неотложной необходимости какихъ-то учрежденій; но ему самому это показалось неубѣдительнымъ, и онъ въ минуту унынія перечеркнулъ краснымъ карандашомъ все написанное.

Онъ познакомился со всѣми окружными сосѣдами, богатыми, бѣдными и средними, пробовалъ ихъ соединить въ «стройное» общество, направить на общій прогрессивный путь, ужасно утомился этими хлопотами, но въ результатѣ не получалъ пока ничего, кромѣ усталости.

Онъ не пропуская ни одного мужика, не задавъ ему того

или другаго «живаго» вопроса, входилъ во всѣ тѣ ихъ нужды, которыя ему были видны и понятны, много и щедро помогаль всякому, кто къ нему обращался, и не разъ, съ чувствомъ грустнаго довольства, говорилъ себѣ: «я не даромъ, однако, живу здѣсь!»

Ровно черезъ мѣсяцъ пришелъ отвѣтъ отъ Маши. Она ласково и спокойно повторала свой отказъ. По ея письму видно было, что она точно и совѣстливо, какъ честный человѣкъ, исполняла его просьбу. Она очень подробно и ясно объяснила ему причины отказа, не скрывала своего огорченія, не отрекалась отъ той доли привязанности къ нему, какая у нея имѣлась, но ни на минуту онъ не понадѣялся, что это огорченіе послужить ему въ пользу, или что эта доля привязанности подкупить ее. Какъ только онъ прочелъ письмо, онъ понялъ, что это рѣшеніе непреложно, и что мѣста надеждамъ тутъ нѣтъ.

— Она современемъ увидитъ, какимъ я могу быть, и, быть можетъ, пожалѣетъ! сказалъ онъ себѣ съ отчаяніемъ и рѣшилъ тутъ же, окончательно и беззавѣтно, и всецѣло предаться работѣ, труду, живой наукѣ, дѣлу жизни, прогрессу.

Онъ увѣдомилъ объ этомъ Машу, и увѣдомляя объ этомъ, конечно, не преминулъ снова представить ей на видъ то, что любовь все такъ же составляетъ его мученіе, что счастье его жизни по прежнему въ ея рукахъ, и что если онъ сдѣлается когда-нибудь счастливѣе, то не будетъ отъ того хуже.

Онъ очень искренно намѣревался предаться самой усердной общественной дѣятельности. Онъ съ новымъ рвеніемъ, мужественно и терпѣливо принялся за сосѣдей-помѣщиковъ, цѣлый годъ жертвовалъ имъ всѣмъ, чѣмъ могъ: временемъ, сномъ, хлѣбнымъ зерномъ, деньгами, и добился только, что многихъ перессорилъ, нѣкоторыхъ явно, нѣкоторыхъ тайно вооружилъ противъ себя, кое-кого слегка тронулъ своимъ благородствомъ и великодушіемъ, кое-кого посмѣшилъ этими достоинствами, никому ничего новаго не внушилъ, никого нѣкуда не направилъ и нигдѣ ничего ни въ волосъ не измѣнилъ.

— Невѣжды, развращенные барствомъ, или холодные эгоисты! говорилъ онъ себѣ не то въ успокоеніе, не то въ утѣшеніе. — Безумно было бы ожидать отъ нихъ жертвъ и подвиговъ во имя человѣчества!

Разочарованный и приунывшій, онъ отодвинулъ на время помѣщиковъ въ сторону, и посвятилъ все свое время, всѣ свои мысли и заботы мужикамъ. Нетолько онъ ни въ чемъ имъ не отказывалъ, но самъ набивался со всякою всячиною, ухаживалъ за ними и льстилъ имъ, какъ придворные льстятъ королямъ.

Мужики кланялись ему насильно въ ноги, ловили его руки, называли его нараспѣвъ благодѣтелемъ и милостивцемъ, обѣщались за него по всякъ часъ житія Бога молить, и въ грошъ не ставили ни его мнѣній, ни его совѣтовъ, ни его наставленій, ни его самага. Съ глубокимъ недоумѣніемъ и возмущеніемъ Михаилъ Яковлевичъ видѣлъ, что мелкопомѣстный, безсовѣстный владѣтель Лапочкинъ имѣеть въ ихъ глазахъ несравненно больше значенія, чѣмъ онъ, Михаилъ Яковлевичъ, не жалѣвшій ни денегъ, ни труда для ихъ благоденствія, положившій на нихъ часть души своей.

Подобно Гарунъ-Аль-Рашиду, онъ любилъ пробираться неузнаннымъ между народомъ, и подслушивать мнѣнія и сужденія народныя. Онъ часто имѣлъ удовольствіе слышать — и всегда почти въ преувеличенныхъ размѣрахъ — объ оказанномъ имъ тому или другому пособіи; его только удивляло то, что никогда подобныя поступки не приписывались его личному желанію или его собственному побужденію, а всегда они приписывались ловкости того, кому было оказано пособіе, или его счастью.

Въ одинъ прекрасный день, — именно спустя годъ и полторы недѣли послѣ прибытія Михаила Яковлевича въ Бурнашовку — въ сумерки, Михаилъ Яковлевичъ, бродя по рощѣ, встрѣтилъ бородастаго, черноволосаго мужика. Мужикъ, повидимому, наслаждался прогулкою, и въ то же время не упустилъ того, что попадалось подъ руки: у него почти полна была шапка грибовъ; мужикъ былъ немного на веселѣ; онъ то напѣвалъ тонкимъ дьякантомъ: «ахъ, да ты о чемъ, ты о чемъ, о чемъ горько плачешь?», то принимался то же самое пронзительно высвистывать.

— Захожіе въ наши мѣста? спросилъ Михаилъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, здѣшніе бурнашовскіе, только въ отлучкѣ находились, отвѣчалъ мужикъ.

Однимъ взглядомъ своихъ черныхъ, бойкихъ глазъ онъ обхватилъ всего Михаила Яковлевича, и сдѣлалъ о немъ свое заключеніе.

— Въ извозъ ходили?

— Точно. А вы изъ господскихъ лакейскихъ?

Михаила Яковлевича сильно покорибило, однако, онъ отвѣтилъ съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Точно такъ.

— Чьихъ это?

Михаилъ Яковлевичъ назвалъ одного богатаго сосѣда-помѣщика.

— Знаю! сказалъ мужикъ: — звѣремъ лютымъ бывалъ! Теперь смиренъ сталъ — святой совѣтъ! прибавилъ мужикъ съ

такую довольною улыбкою, какъ будто онъ самъ своеручно умиривъ лютаго звѣря.

— Ну, а вашъ каковъ? спросилъ Михаилъ Яковлевичъ не безъ сердечнаго замиранья; онъ чувствовалъ легонькую дрожь удовольствія, готовясь услышать что-нибудь пріятное: онъ только-что наканунѣ вывелъ изъ бѣды нѣсколько человѣкъ въ деревнѣ.

— Ничего, отвѣтилъ мужикъ безъ всякаго увлеченія.

— Говорятъ, онъ вамъ помогаетъ много, сказалъ Михаилъ Яковлевичъ уже съ другимъ замираньемъ сердца, нѣсколько томительнымъ.

— Ничего, отвѣчалъ мужикъ такъ же равнодушно, какъ бы дѣло шло о погодѣ.

— Да что онъ за человѣкъ? спросилъ Михаилъ Яковлевичъ, сдерживая свои чувства.

— Какой тамъ человѣкъ! отвѣчалъ мужикъ свободно, какъ о вещи окончательно рѣшенной. — Не человѣкъ, а такъ, берема пустяковъ.

Михаила Яковлевича бросило въ потъ.

— Да тебѣ гдѣ знать! проговорилъ онъ: — ты былъ въ отлучкѣ...

— Глупостей говорить не стану! отвѣчалъ мужикъ такъ же увѣренно, какъ могъ бы отвѣтить, что онъ красть или убивать не станетъ.

— Послушай-ка хорошенько, что въ деревнѣ о немъ... какъ... любятъ... промолвилъ Михаилъ Яковлевичъ нѣсколько заикаясь.

— Это что мужики-то бородами передъ нимъ вертять? возразилъ безжалостный человѣкъ. — Ты на это не надѣйся, ни-ни. Онъ дуракъ, потому онъ на это надѣется. Они повертять передъ нимъ бородами-то, а чуть за уголь зашли — подъ бока себя подхватываютъ, просто со смѣху околѣваютъ! Хитрые они, черти! мотають имъ какъ имъ завгодно! прибавилъ мужикъ съ большимъ удовольствіемъ. — Вотъ это еще недавно, сказывали, пошли они ему жаловаться на Лапочкина, слыхалъ про Лапочкина?

— Слыхалъ, отвѣчалъ глубоко огорченный Михаилъ Яковлевичъ. — Я это дѣло знаю. Чтожъ, Лапочкинъ по ихнему хорошъ, что-ли? не вытерпѣвъ спросилъ онъ съ горечью.

— У! живодеръ! Съ нимъ держи ухо востро! съ одушевленіемъ сказалъ мужикъ. — Разбойникъ! разбойникъ, всякимъ дѣломъ ворочаетъ! повторилъ онъ нѣсколько разъ какъ бы съ невольной данью удивленья этой вредной, злой, но ворочающей силѣ. — Повѣсить бы его, такъ первое бы дѣло это было; такое дѣло, что Богу какъ ладонь! Обижаетъ...

— Кто жъ виновать, что обижаеть? Сами виноваты! Кто велитъ вамъ съ нимъ въ дѣла входить?

— Нельзя не входить, потому разбойникъ! Самъ отъ него разбойствомъ занимаешься, ей-богу! А ну, думаешь, если это на моей теперь улицѣ праздникъ придется?

Михаилу Яковлевичу стало не въ моготу тяжко слушать.

— А мнѣ пора, скавалъ онъ: — прощайте.

— Счастливо оставаться и всегда любезно повидаться, отвѣчалъ жестовой мужикъ, вѣроятно научившійся округлять фразы во время своихъ ходовъ въ извозы.

Михаилу Яковлевичу было до крайности горько. Вотъ результаты его трудовъ, волневій, пожертвованій! Ему предпочтень наглый негодяй Лапочкинъ, отъ роду ничего для нихъ не сдѣлавшій, кромѣ зла; онъ у нихъ разбойникъ, но молодець, а Михаилъ Яковлевичъ дуракъ, «беремя пустяковъ»!

Русскіе дворяне — здѣсь конечно рѣчь не идетъ о дворянахъ, исключительно преданныхъ псовой охотѣ и цыганскимъ пѣснямъ, здѣсь рѣчь идетъ о дворянахъ, любящихъ умственные занятія и умственные наслажденія—до сихъ поръ мало прославились какими-нибудь великими открытіями въ наукѣ, или какими-нибудь смѣлыми переворотами или перестройками въ обществѣ, несмотря на всю свою тонкую развитость, нравственные страданія, благія намѣренія и добрыя начинанія. Развитому дворянину русскому общественная дѣятельность, какъ говорится, не въ руку, и какъ онъ ни бьется, все онъ не попадетъ никакъ въ преобразователи.

Михаилу Яковлевичу суждено было испытать участь своихъ благородныхъ собратій. Сколько онъ за этотъ годъ книгъ перечиталъ, сколько онъ бумаги исписалъ, сколько онъ голову ломалъ, сколько онъ себя всячески истязалъ и волновалъ! Удивительно хорошо все задумывалось, прекрасно иногда начиналось, даже случалось шло не дурно, а существеннаго все ничего не получилось!

Отчего же это?

Такой вопросъ задавалъ себѣ Михаилъ Яковлевичъ послѣ разговора съ мужикомъ въ рощѣ, уныло усѣвшись на дерновой скамейкѣ въ саду, жуя сигару и устремивъ глаза вдаль, на разстилавшіяся поля и синѣющіе лѣса.

Чѣмъ роковымъ отмѣчена судьба русскаго дворянина? За что безплодно терпять и страдаетъ Михаилъ Яковлевичъ Бурнашовъ? Гдѣ, какая его вина? Въ чемъ ошибка или проступокъ?

Вся его жизнь проносилась передъ нимъ. Онъ вспоминалъ себя ребенкомъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ былъ добрымъ, великодушнымъ мальчикомъ, чуткимъ и понятливымъ. Родители

его тоже не отличались особенно замѣтными злодѣйствами, — напротивъ, слыли лучшими господами между тогдашними помѣщиками. Конечно, у нихъ были свои недостатки и слабости (тутъ память представила ему двѣ-три отрѣзанныхъ дѣвичьихъ косы, пять-шесть сосланныхъ дворовыхъ; передъ нимъ поднялась могучая, потрясающая вагайкою рука отца и прозвучала его мужественный, давно смолкнувшій голосъ: дать такому-то или такой-то столько-то розогъ! передъ нимъ промелькнула маленькая, нѣжная съ голубыми жилками ручка матери и у него въ ухахъ отдался тотъ особенный, полный, но нѣсколько глухой звукъ, который извлекала эта блѣдная ручка изъ свѣжихъ щекъ Феклуши, не смѣвшей отворотить залитаго слезами, бѣднаго лица), но Михаилъ Яковлевичъ не останавливался на этихъ «недостаткахъ», а развертывалъ далѣе картину прошлаго. — Отецъ его извѣстенъ былъ рыцарскою честностью, благородною щедростью, великодушіемъ; правда, онъ обманывалъ женщинъ — даже это было его любимымъ занятіемъ, но онъ платилъ дань своему времени и самъ не сознавалъ, какія страшныя терванія этимъ доставлялъ женѣ (тутъ передъ Михаиломъ Яковлевичемъ явился образъ матери, какъ она въ отчаяніи всплескивала своими деликатными ручками — Феклушины щеки скромно ступевались — и какія горькія, обильныя слезы лились изъ ея выразительныхъ глазъ. Сердце Михаила Яковлевича зашевелилось жалостію и сочувствіемъ). Мать, несмотря на недостатки и слабости, была самоотверженная страдалица. Оскорбленной въ чувствѣ любви, ей суждено было еще испытать и другія несчастія. Разъ отецъ, блѣдный какъ платокъ, вошелъ къ ней и сказалъ: «я все проигралъ — мы нищія!» Она упала въ обморокъ... Цѣлые годы потомъ она несла крестъ, искушая безуміе мужа. Она продала всѣ свои брилліанты, рассталась съ фамильнымъ серебромъ на долгое время, она почти перестала бывать въ обществѣ, почти перестала принимать у себя, отпустила гувернантку и учителей, стала сама учить сына, сократила вслѣдствіе, до той поры необходимыя, расходы, отказывала себѣ въ малѣйшемъ облегченіи, и долгимъ рядомъ постоянныхъ лишеній, мучительныхъ заботъ и соображеній, хозяйственныхъ трудовъ и оборотовъ, освободила помѣстья отъ долговъ и возвратила семьѣ прежнее богатство и великолѣпіе. Всѣ знакомые и незнакомые закричали тогда о ея высокіихъ добродѣтеляхъ, терпѣніи, самоотверженіи. Но можно себѣ вообразить, чего ей это стоило и какъ жизнь ея была этимъ сломана. Михаилъ Яковлевичъ былъ тогда очень малъ, и отчетливыхъ, послѣдовательныхъ воспоминаній объ этомъ періодѣ у него не сохранилось; онъ зналъ только, что то былъ

періодъ тяжкій и что съ него началось у него первое понятіе о добродѣтели матери и о добродѣтели вообще. Съ той поры онъ уже инстинктивно началъ стремиться къ идеалу... и всю жизнь онъ стремился, и нѣтъ ни одного, кажется, грѣха на немъ... онъ страдалъ, боролся. Отчего ничего онъ не могъ до сихъ поръ сдѣлать?...

Но низкому въ голову не пришло тогда, и даже теперь Михаилу Яковлевичу не пришло, что всѣ эти высокія добродѣтели подложены тамъ увеличеннымъ оброкомъ, тутъ усиленною работою, что питались онѣ на счетъ безгласныхъ и безпомощныхъ, что снимая съ своего стола дорогія вина и изысканныя блюда, самоотверженная жена и страстно любящая мать каждый день отрывала ото рта по кусочку у полуголодныхъ, подвластныхъ ей людей, которые тоже имѣли разныя живыя чувства человѣческаго, и что вовсе не будетъ преувеличенія, и возможно почти высчитать сколько убогихъ жизней незамѣтно сократилось въ работѣ и заботѣ для сообщенія блеску гербовымъ пуговицамъ дома Бурнашовыхъ.

Долгое время Михаилу Яковлевичу внушалось и окружающими людьми, и всѣмъ строемъ домашней жизни, что мать его добродѣтельная, высокая женщина, и онъ твердо заучилъ это, какъ заучилъ въ прописяхъ описаніе высокіхъ дѣяній и подвиговъ; то и другое одинаково мало трогало и заботило его до поры до времени. Но пришла пора, когда явилась и забота, и чувствительность и когда, вмѣстѣ съ понятіемъ о добродѣтели, у него незамѣтно соединилось ощущеніе безпокойства и неловкаго подобострастія. Добродѣтель явилась ему въ видѣ несчастной, жертвовавшей собою для общаго семейнаго блага, исключительно любившей его и любимой имъ исключительно матери, онъ чувствовалъ неудобство ставить ей каждое слово въ строку и постепенно вѣрнко свмыся съ этимъ. Онъ овладѣлъ искусствомъ гармонически примирять мелодіи серенады Шуберта съ звукомъ Феллушинныхъ щекъ, соединять высокія проявленія изысканнѣйшаго великодушія и безкорыстія съ свирѣпымъ взмысываніемъ недостающей тальки и съ ежедневнымъ фактомъ законнаго моренія подвластныхъ людей негодною пищею, возсылать молитвы о наступленіи небеснаго царства правды и добра и уживаться какъ нельзя лучше, среди лжи и зла.

Наше нравственное существо незамѣтно и нечувствительно образуется и складывается въ тѣхъ мѣркахъ, которыя насъ окружаютъ. Мрачныя, чудовищныя какія нибудь событія образуютъ страшныя характеры, а драматически-добродѣтельная обстановка, въ которой воспиталось дѣтство Михаила Яковлевича, сдѣлала то, что во всемъ его существѣ ничего не было цѣльнаго, вѣрнаго, а

весь онъ состоялъ изъ какой-то пестрой, непрочной мозаики. Напрасно онъ впоследствии, въ позднѣйшіе годы своей жизни, такъ сказать, привычивалъ къ себѣ самыя непогрѣшительно строгія послѣдовательныя убѣжденія, напрасно инспекторской метлой постоянно держалъ въ порядкѣ свой внутренній міръ — было поздно. Онъ могъ еще сдѣлать изъ себя человѣка честнаго и справедливаго, но о томъ, чтобы сдѣлаться человѣкомъ великимъ и сильнымъ, нечего было и думать. Онъ могъ приносить нѣкоторую пользу нѣкоторому числу лицъ, но не его рукѣ было провести какую нибудь огненную бессмертную черту въ народной жизни.

— А когда-то я думалъ! мысленно повторялъ онъ: — а когда-то я думалъ!

— Михаилъ Яковлевичъ, письма съ почты принесли, почти-тѣльнѣйше доложили камердинеръ, подавая два письма на серебряномъ подносі.

Михаилъ Яковлевичъ встрепенулся, и съ живостью взялъ письма. Одно было отъ Надежды Сергѣевны, другое — отъ Романа Аркадьевича.

Съ Надеждой Сергѣевной онъ постоянно переписывался—хотя онъ давно уже зналъ объ уходѣ Маши и о ея новомъ образѣ жизни, онъ очень дорожилъ всякими извѣстіями о ней, и самое безтолковое письмо спрашивалось для него разъ тамъ помнутымъ милымъ именемъ — но что могъ писать ему Романъ Аркадьевичъ? О чемъ? У него мелькнула мысль, что въ письмѣ этомъ заключается что-нибудь важное. Романъ Аркадьевичъ все не принадлежалъ къ охотникамъ входить въ переписку.

Однако, онъ распечаталъ прежде письмо Надежды Сергѣевны, прочелъ его, и ничего изъ него не понялъ. Надежда Сергѣевна заклинала его ускорить свой пріѣздъ въ городъ N, говорила о предстоящемъ «великомъ поворотѣ», выражала надежду утѣшиться въ своемъ горѣ «общимъ благомъ» и свиданіемъ съ нимъ, Михаиломъ Яковлевичемъ, другомъ, умѣющимъ понимать всѣ ея мысли, чувства и стремленія.

Съ нѣкоторою тревогою распечаталъ онъ письмо Романа Аркадьевича.

Это письмо объяснило ему, въ чемъ дѣло, и радостно его взволновало.

— Владимиръ! крикнулъ онъ своему камердинеру, поспѣшно входя въ кабинетъ, поспѣшно сядя за письменный столъ и быстро принимаясь писать записки. — Владимиръ!

— Что вамъ угодно, Михаилъ Яковлевичъ? отвѣтилъ Владимиръ, умный человѣкъ, умѣвшій достойно держать себя, и ни-

когда отроду не покровившей свободно-мыслящего, развитого барина какимъ нибудъ рабскимъ видомъ, словомъ, или движеніемъ, а напротивъ, всякимъ своимъ видомъ, словомъ и движеніемъ возвышавшей и барина въ его собственныхъ глазахъ, и себя самаго, и этимъ духовнымъ путемъ достигавшей очень успѣшно разныхъ земныхъ благъ.

— Я завтра ѣду въ N; пожалуйста, чтобы все было готово ко отъѣзду. Выѣдемъ тотчасъ послѣ завтрава.

— Все будетъ готово, отвѣчалъ Владиміръ.

— Да вотъ надо послать сейчасъ верховаго съ письмами... Чтобы поскорѣе: я увѣдомляю всѣхъ о своемъ отъѣздѣ... Зову на прощальный завтракъ... такъ чтобы Дорофей Ивановичъ позаботился о завтрагѣ... говорилъ Михаилъ Яковлевичъ съ изумительною быстротою, кончая записку за запискою.

— Я всѣмъ распорядусь, будьте покойны, Михаилъ Яковлевичъ, сказалъ Владиміръ, унося болѣе десятка записокъ, адресованныхъ къ сосѣдямъ.

Вотъ что заключало въ себѣ письмо, такъ живо и радостно взволновавшее Михаила Яковлевича:

«Вы, Михаилъ Яковлевичъ, быть можетъ, единственный человекъ, который пойметъ, что я долженъ былъ выстрадать прежде, чѣмъ пришелъ къ тому, что выскажу вамъ въ этомъ письмѣ, потому что вы сами перенли черезъ тѣ же страданія, сами ищете исхода изъ заколдованнаго круга, и, быть можетъ, наши глаза обращаются въ одну и ту же сторону.

«Помните ли вы нашъ послѣдній разговоръ, передъ вашимъ отъѣздомъ изъ N? Вы сначала мнѣ возражали очень горячо, но подъ конецъ вы задумались, и послѣднее ваше слово, закончившее этотъ разговоръ, было: «да, кто знаетъ!»

«Тогда я былъ глубоко потрясенъ и жестоко истерзанъ неудачами и говорилъ съ горечью. Какъ злополучный служитель истинныхъ боговъ, всю жизнь и душу положившій на служеніе имъ и оставленный ими, я тогда болѣе ропталъ и богохульствовалъ, чѣмъ рассуждалъ. Теперь я спокойно могу рассуждать о томъ, отъ чего прежде кружилась голова, и ясно видѣть то, что прежде слѣпило мнѣ глаза.

«Я пришелъ, я долженъ былъ придти къ сознанію, что прежде избранная мною дорога никуда меня не приведетъ — та дорога, Михаилъ Яковлевичъ, по которой я трудно и одиноко, избранный и осмѣянный, но съ неугасаемою вѣрою и съ неизсякаемою любовью не падая ни разу духомъ, прошелъ цѣлые годы, самые лучшіе годы моей жизни. Я попрощался со святымъ, но безплоднымъ для добра безуміемъ моей юности и храбро самъ по-

слѣшили разсѣять свои послѣднія иллюзіи. Я сокрушилъ всю поэзію въ моей жизни и оставилъ себѣ въ спутники только суровую правду и безотрадное благоразуміе.

«Не имѣя въ рукахъ административной власти, дѣйствовать нельзя. Въ чемъ успѣли вы со всѣми принесенными вами жертвами и положенными трудами?...

«Я съ холоднымъ вниманіемъ разсмотрѣлъ всѣ тернія, которыми усыпанъ этотъ путь, и увидалъ, что онъ еще несравненно томительнѣе и мучительнѣе моей прежней дороги, гдѣ рядомъ съ больными иглами безпрестанно выростали у меня роскошные цвѣты несбыточныхъ надеждъ и такъ тѣшили меня. Этотъ новый путь, несмотря на видимый блескъ и на кажущуюся легкость, будетъ путемъ страшныхъ испытаній, но онъ приведетъ къ желанной цѣли и я избираю его. Нашъ народъ въ своей изумительной чуткости и стойкости давно рѣшилъ, что «къ дорогому кладу всякая дорога скатертью», и я повторилъ себѣ эти слова и поставилъ ихъ закономъ.

«Я согласился принять мѣсто Говорова на первый случай и на этихъ дняхъ вступаю въ должность.

«Пріѣзжайте, Михаилъ Яковлевичъ. Вы здѣсь необходимы въ настоящую минуту, и съ каждымъ днемъ будете становиться необходимѣе. Много есть слабыхъ, которыхъ надо поддерживать намъ съ вами общими силами; много есть слѣпыхъ, которымъ надо открывать глаза; есть дорогіе больные, которыхъ вы можете исцѣлить...»

Письмо было очень длинно и какъ-то опутало Михаила Яковлевича точно сѣтью новыхъ надеждъ. Много разъ онъ прочиталъ его и каждый разъ съ новымъ волненіемъ. Мысли у него бродили, бѣжали, ронялись, путались; онъ не могъ почти цѣлую ночь сомкнуть глазъ и съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ лихорадки.

«Вотъ наконецъ дѣло!» думалъ онъ, а иногда и говорилъ вслухъ: «вотъ наконецъ дѣло! Наконецъ труды, страданія не останутся безплодными! Завтра я ѣду... увижу ее... Какъ-то мы встрѣтимся? Въ цѣлый годъ всего два раза я не выдержалъ и писалъ къ ней послѣ ея окончательнаго отказа... въ ея безжалостныхъ отвѣтахъ тѣни надежды нельзя было уловить! Она довольна своей новой жизнью... эта жизнь чиста и свята, и никакая пошлая клевета не можетъ очернить, не можетъ запятнать ее! Точно ли она любитъ Загайнаго? Что это за чловѣкъ? Будущности для него теперь нѣтъ, — онъ самъ погубилъ ее. Что за безуміе вся эта исторія! И какой непоправимый вредъ она принесла! Этотъ чловѣкъ шелъ на видимое, неизбѣж-

ное поражение... и все-таки шель! Конечно... Да — единственный возможный путь къ развитію, это сила, это власть! Я убилъ цѣлый годъ, и что жъ я выигралъ? Кого къ чему подвинулъ? Въ помѣщащемъ кругу я чудакъ, тронутый умомъ человѣкъ, а у народа...

(Въ его ухахъ обидно прозвучало: «не человѣкъ, а берема пустаковъ» и онъ съ горечью усмѣхнулся).

«...Тотчасъ по прїѣздѣ я примусь за дѣло. Будетъ много труда, много борьбы, страданій, но развѣ я не умѣю трудиться и не умѣю страдать?

(Передъ нимъ промелькнули многочисленныя обѣды, данныя во имя развитія и прогресса обжорливымъ сосѣдямъ, долгіе скорбныя часы, проведенныя во имя того же развитія и прогресса съ незанимательными сосѣдками, пироги съ лукомъ, которые онъ задыхаясь ѣлъ у попадьи, душная атмосфера куриныхъ избъ, куда онъ такъ часто заходилъ, и гдѣ ему ѣло глаза дымомъ, гдѣ ливнулъ его разъ теленокъ въ щеку, хотѣли щипать гуси, тревожили поросята и томило чувство собственнаго безсилія и неловкости).

«Еслибы необходимо было занять официальную должность, я бы занялъ ее, какъ это ни тяжело. Она увидитъ, что я умѣю тоже дѣйствовать, и бороться, и ломать, и создавать — да! И кто знаетъ? Быть можетъ, она, наконецъ, скалится, наконецъ полюбитъ... И тогда работа вмѣстѣ съ нею! Боже мой!»

У него сердце сладко замерло отъ одной этой мысли и слезы выступили на глазахъ. Передъ нимъ создались и заронились какіе-то радужныя образы. Эти образы не похожи были на тѣ прежніе, которые рисовались ему годъ тому назадъ, когда онъ собирался начать ту трудовую жизнь съ Машей, — сюда уже не входили строгія отреченія отъ всякихъ излишковъ и роскошей, сняты были убогія декорація прежняго рабочаго жилища, не угрожала вдали никакая темная стѣна, ни подземная пропасть. Теперь рисовались какія-то свѣтлыя палаты, гдѣ вѣялъ душистый воздухъ, она въ чемъ-то блестящемъ, точно сотканномъ изъ зари, а вдали толпы ошастливленныхъ «современемъ» людей).

«Вхаты! Вхаты! предаться этой новой работѣ, упиться свиданьемъ съ нею! какое счастье увидать снова это дорогое лицо, эти незабвенно-умные глаза! Какъ-то встрѣтитъ она? Какъ бывало прежде? Это соединеніе нѣжнаго сестринскаго участія и недоступнаго царственнаго величія, какъ оно было въ ней илѣнительно! Кто знаетъ, какъ пойдетъ новая работа и какъ быстро поведетъ къ... къ прогрессу... Какъ она улыбнется тогда? Быть

можетъ, уже и теперь она смотритъ иначе? Въ письмѣ есть какъ будто намеки на это...

(Онъ жадно схватывалъ письмо и жадно перечитывалъ манія надеждою фразы).

Романъ Архадьевичъ ясно не высказалъ ничего, да и какъ же онъ могъ ясно что-нибудь высказывать? но не на это ли намекаютъ слова: «есть дорогіе больные, которыхъ вы можете исцѣлить»... И потомъ это: «становитесь въ ряды, завоевывайте и благо другимъ, и свое личное счастье — все это передъ вами и доступно».

«О, Боже мой! какъ жизнь можетъ быть полна и хороша! Я никогда не чувствовалъ тѣхъ силъ, какія теперь во мнѣ сказываются: кто можетъ знать, не проведу ли я ту огненную черту въ жизни народа?...»

Съ трудомъ рощенные и трудно выхоженные посѣвы непоказнаго мученичества, незамѣтной, неизвѣстной гибели, суроваго и строгаго труда, при первомъ прикосновеніи вывалились съ корнемъ, а брошенные на ихъ мѣсто сѣмена барскаго великодушія, утонченныхъ щедротъ, благороднаго безкорыстія обезпеченнаго дворянина такъ быстро пустили ростки, принялись, зазеленѣли, зацвѣли, что въ нѣсколько часовъ Михаилъ Яковлевичъ словно переродился. У него даже видъ сдѣлался какъ-то гораздо вельможнѣе, и явилось что-то въ родѣ дворянскаго осанки, конечно, въ самомъ изящномъ и привлекательномъ образѣ.

Не смотря на то, что онъ провелъ дѣлую ночь въ постоянномъ волненіи, онъ всталъ поутру съ свѣжею головою, бодрый и довольный.

Онъ хотѣлъ сказать мужикамъ прощальное слово, и съ вечера отдалъ приказаніе повѣстить имъ, чтобы собрались. Сначала онъ собственно думалъ самъ обойти избы, въ одиночку переговорить со многими; у него вдругъ почему-то явилась-было надежда, что онъ можетъ внезапно и неожиданно ихъ «потрясти, пробудить» и повезти радостное извѣстіе объ этомъ «потрясеніи и пробужденіи» въ городъ N., но онъ самъ не зналъ, какъ у него сорвалось съ языка приказаніе повѣстить сборъ на господскомъ дворѣ, и почему онъ не отиѣнилъ его.

Мужики собрались чѣмъ свѣтъ и терпѣливо, неподвижнымъ полукругомъ встояли до пробужденія барина, потихоньку переговариваясь между собою. Прежде, сутки тому назадъ, это чрезвычайно бы смутило Михаила Яковлевича, но въ настоящемъ случаѣ онъ только очень равнодушно выразилъ Владиміру свое сожалѣніе о томъ, что люди долго ждали и что его не разбудили.

— Я был занят и не знал, что они ожидаютъ, отвѣчалъ умный Владиміръ, всегда умѣвшій примирить барскія потребности гуманной справедливости и привычнаго комфорта, а вѣдь другимъ до сихъ поръ не внушишь...

И у него даже вырвался тотъ нетерпѣливый и горестный вздохъ, какой вырывается у людей, когда ихъ полезнѣйшіе, благороднѣйшіе, лучшіе уроки пропадаютъ даромъ.

Михаилъ Яковлевичъ безъ обычнаго сердечнаго замиранья вышелъ къ «міру», по обыкновенію почувствовалъ себя неловко, сказалъ нѣсколько неправдоподобныхъ вещей, въ родѣ того, что «вы совершенно свободные люди, а я вамъ всегда принадлежу и прошу употреблять меня какъ угодно», но этимъ тоже не огорчился; ненатурально въ отвѣтъ ему зазвучавшій хвалебный хоръ тоже теперь не рѣзалъ ему такъ больно ушей, какъ прежде; онъ далъ на прощанье щедрую барскую «на-водуку» и воротился въ комнаты безъ всякой гнѣзущей заботы о томъ, что міръ по его милости пойдетъ предаваться «животнымъ, отупляющимъ наслажденіямъ».

А между тѣмъ къ крыльцу со львами и съ фигурными навѣсами то и дѣло начали подъѣзжать разныя кареты, боляски, фэтонны, пролетки, кабріолеты и даже бѣговныя дрожки, и высаживали разныхъ сосѣдей, молодыхъ и пожилыхъ, тощихъ и тучныхъ; парадныя комнаты наполнялись шумомъ и говоромъ.

Михаилъ Яковлевичъ собралъ помѣщиковъ тоже съ намѣреніемъ и надеждою ихъ потрясти и пробудить, но какъ только они начали сѣзжаться, онъ почувствовалъ, что ничего не выйдетъ. И тутъ вмѣсто прежней горькой, жгучей досады ему просто сдѣлалось только очень скучно.

Однако, надо же было говорить, что-нибудь сказать. Онъ началъ говорить и всего на всего сказалъ только то, что дружно идти къ благой дѣли очень отрадно и что онъ надѣется на общее сочувствіе къ великимъ идеямъ. Въ отвѣтъ на его рѣчь другіе принялись величать его, увѣрять въ общемъ расположеніи дворянства. Ему все становилось скучнѣе. Онъ выразительно взглянулъ на проходившаго съ ящикомъ сигаръ умнаго Владиміра и потомъ перевелъ глаза на видный вдали столъ, и черезъ четверть часа поданный завтракъ на время преградилъ словесныя изліянія.

Однако вскорѣ языки снова взяли за работу еще съ большею живостью, но Михаилъ Яковлевичъ все пропускалъ мимо ушей, угощалъ гостей очень любезно и съ тайною отрадою провожалъ взорами каждое уносимое со стола блюдо и собра-

жалъ, сколько еще часовъ надо убить, томясь нетерпѣніемъ и скукою.

Послѣ перваго бокала шампанскаго одинъ помѣщикъ съ черными на выкатѣ, точно накрытыми лакомъ глазами и съ красноватымъ носомъ, съ цыганскимъ лицомъ и даже нѣсколько цыганскими ухватками, пожелалъ говорить.

— Господа! Общество находится въ страшномъ броженіи. Общественныя волны выходятъ изъ береговъ и становятся темны и мутны, говорилъ онъ, а быстро перебѣгающіе туда и сюда глаза точно искали въ этихъ мутныхъ и темныхъ волнахъ какой-нибудь рыбки на поживу.—Необходима новая струя... Необходимы преобразованія радикальныя, необходимъ новый элементъ! Элементъ народный, проникающій теперь во всѣ поры общественнаго тѣла, не можетъ существовать одинъ — необходимъ элементъ благородный. Вы, Михаилъ Яковлевичъ, явились первымъ представителемъ этого благороднаго элемента и за вами двинутся ревностныя толпы послѣдователей! Да, благородный элементъ...

— Ура! благородный элементъ, ура! крикнулъ одинъ сѣденькій, давно учившійся немножко гдѣ-то въ университетѣ и пріѣхавшій на бѣговыхъ дрожжахъ помѣщикъ, которому хотѣлось выпить поскорѣе второй бокалъ.

Многіе голоса, высаженные изъ кабриолетовъ, пролетокъ и дрожекъ, подхватили «ура», а высаженные изъ каретъ и колясокъ держали себя сдержанно, и только нѣкоторые снисходительно, нѣкоторые сочувственно улыбнулись.

— Вы достойно воплотили въ себѣ благородный элементъ, Михаилъ Яковлевичъ, началъ другой бѣлокурый помѣщикъ въ голубомъ галстухѣ и золотыхъ очкахъ.—Ваше животворное вліяніе, ваша мужественная борьба...

Но тутъ сѣденькій помѣщикъ опять кричитъ «ура!» опять за нимъ подхватывается партія, высаженная изъ пролетокъ и дрожекъ, а партія, высаженная изъ каретъ и колясокъ, остается опять сравнительно безмятежна. Многіе изъ той и другой партіи жалаютъ, кажется, говорить въ свою очередь, но шампанское быстро наполняетъ бокалы за бокалами, по мановенію умнаго Владимира, и слыются только восклицанія, а рѣчи не завязываются. Шумъ все увеличивается, со всѣхъ сторонъ раздается «благородный элементъ!» «благородный элементъ!» Многіе уже не называютъ Михаила Яковлевича его собственнымъ именемъ, а влчутъ его «благородный элементъ» и онъ откликается на это имя. Еще черезъ нѣсколько минутъ начинаются увѣренія въ расположеніи, дружбѣ, умѣнны цѣнить. Партія изъ проле-

тожь и дрожекъ палуется и обнимается, даже утираеть слезы и общается прїѣхать повидаться съ Михаиломъ Яковлевичемъ въ городъ N; партія изъ каретъ и колясокъ сдержаннѣе и въ чувстввахъ, почти не обнимается, жметъ только руки, объясняетъ свое сочувствіе общими симпатіями. У подѣзда фыркають лошади, умный Владиміръ не перестаетъ всѣми средствами напоминать объ отѣздѣ, и наконецъ всѣ шумно валеть валѣдъ за «благороднымъ элементомъ» на крыльцо, тутъ опять прощанья, пожеланья, наконецъ его выпускають, онъ бросается въ дорожный экипажъ, Владиміръ кричитъ кучеру «пошелъ» и лошади скачутъ. Сѣдѣный помѣщикъ скачетъ провожать на бѣговыхъ дрожкахъ и увлекаетъ за собою нѣогорни пролетии и даже одинъ фазтонъ, но кареты и коляски бьются съ бурнашевскаго двора своими дорогами, скоро дворъ пустѣеть, и слышны только сужденія и смѣхъ двухъ молодыхъ лакеевъ, которые уже сбросили ливрейные фраки и критикуютъ, прибирая комнаты, только что тутъ пировавшихъ господъ, видѣнъ управляющій на садовой дорожкѣ; онъ съ удовольствіемъ гуляетъ и курить сигару, и старая ключница, замѣнивши парадный чепецъ съ малиновыми лентами филейною черною косыночкою, собирается наконецъ съ душевнымъ спокойствіемъ пить кофе.

Очутившись на большой дорогѣ, Михаилъ Яковлевичъ свободно вздохнулъ.

— Однако, какое безобразіе! подумалъ онъ съ нѣкоторымъ стыдомъ. И зачѣмъ я ихъ звалъ? Ну, миръ всѣмъ прошлымъ промахамъ и глупостямъ! Теперь предстоитъ настоящее дѣло... теперь предстоитъ свиданіе съ *ней*...

Сердце у него начало радостно и живо биться и онъ весь совершенно погрузился въ мечты и грезы о будущемъ.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ городъ N. Михаилъ Яковлевичъ написалъ Роману Арвадьевичу, что ожидаетъ его въ извѣстный часъ, и кинулся къ Надеждѣ Сергѣевнѣ.

Съ какимъ замирающимъ сердцемъ онъ снова увидалъ этотъ домъ и взбѣжалъ по ступенькамъ знакомой лѣстницы!

— Здравствуй, Еремѣй! Какъ поживаешь? Все ли благополучно? проговорилъ онъ радостно задыхаясь.

Но Еремѣй сдѣлался уже окончательно и совершенно недоступенъ никакимъ радостнымъ или жалостнымъ человѣческимъ чувствамъ; онъ отвѣчалъ Михаилу Яковлевичу однимъ мрачнымъ поклономъ; губы его только пошевелились, но не издали звука.

— Надежда Сергѣевна здорова? Всѣ здоровы?

— Здоровы-съ, отвѣчалъ Еремѣй такимъ тономъ, какъ будто

гораздо, гораздо лучше для всѣхъ было бы, если бы всѣ лежали при смерти больны.

— Господи! вотъ эта зала, гдѣ такъ часто... вотъ эта гостиная... вотъ тутъ послѣдній, ужасный разговоръ былъ...

Надежда Сергѣевна встрѣтила гостя съ истерическими воплями, обняла его и промочила ему слезами не только жилетъ насквозь, но и бѣлье. Онъ усадилъ ее на диванъ, и ему долго привелось, подавляя свое жгучее нетерпѣніе, ухаживать за нею со спиртами, ароматическими укусами и солями.

Наконецъ, испытаніе окончилось, и онъ могъ спросить о Машѣ и узнать подробно всю исторію. Надежда Сергѣевна, которой надоѣли постоянные, уже мало внимательные къ этой исторіи посѣтители, такъ обрадовалась новому, трепещущему вниманіемъ слушателю, что гораздо больше рассказала ему правды, чѣмъ собиралась и чѣмъ сама того желала.

— Вы знаете его исторію въ К.? спросила Надежда Сергѣевна о Загайномъ.

— Знаю, отвѣчалъ Михаилъ Яковлевичъ.

— Вѣдь это все превосходитъ! Еслибы не тамошній губернаторъ, человѣкъ голубиной кротости, то онъ бы на всю жизнь... впрочемъ, и теперь его будущность вся погублена, и онъ пропадетъ гдѣ-нибудь въ глуши, добавила она успокоительно.—И говорить, во всемъ его дѣлѣ ничего не было особенно полезнаго,—брѣдь какой-то горячечный и больше ничего...

Михаилъ Яковлевичъ слушалъ, и мучился и надѣялся, и глядя кругомъ дивился, какъ все теперь въ этомъ домѣ для него съ каждою минутою замѣтно блекло и теряло краски.

— Вы поѣдете къ ней? спросила Надежда Сергѣевна.

— Да, я сейчасъ поѣду.

— О, другъ мой! Я вѣрю, что вы мнѣ ее возвратите! воскликнула Надежда Сергѣевна.—Будьте только настойчивѣе... Отстаивайте свое счастье!

Однако, онъ еще довольно долго не могъ отъ нея высвободиться и томился, выслушивая обильные совѣты и дружескія изліянія.

Вдругъ въ гостиную вошла Катя.

Несмотря на свои собственные, всего его поглощающія дѣла, заботы и волненія, Михаилъ Яковлевичъ чуть не вскрикнулъ: такъ поразила его совершившаяся въ дѣвочки перемѣна. Она стала цѣлою головою выше, вдвое похудѣла и вмѣсто розоваго, пухленькаго дѣтскаго личика онъ теперь видѣлъ передъ собою матовую, нѣсколько болѣзненную блѣдность и съ странной рѣзкостью обозначившіяся черты. Гдѣ прежніе лугаво блистающіе

и смѣющіеся глаза, смѣлый хохотъ, живыя, юрвія движенія, шаловливныя ухватки? На него теперь глядѣли тоже блестящіе глаза, но какое было въ нихъ странное выраженіе тревоги, нетерпѣнія и подозрительности! Смѣлый хохотъ точно никогда не вылеталъ изъ этихъ вѣрливо сжатыхъ губокъ, и тоненькая фигурка, подошедшая къ нему съ протянутой ручкой и испытующимъ взглядомъ, казалась, никогда не прыгала, не шумѣла и не кружилась въ этой самой комнатѣ.

— А какъ поживаетъ Другъ? спросилъ Михаилъ Яковлевичъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Хорошо, отвѣчала Катя.

И голосъ у нея измѣнился: въ него вошли какія-то новыя нотки.

— Да ты его позови, Катя! сказала Надежда Сергѣевна.— Пусть Михаилъ Яковлевичъ поглядитъ, какимъ онъ сталъ чудовищемъ! Катя позвала изъ столовой Друга.

Другъ повиновался зову, но вошелъ медленно, то пожимаясь, то потягиваясь, позѣвывая и съ какимъ-то укорительнымъ мурлыканьемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, какое чудовище! проговорилъ Михаилъ Яковлевичъ, представляясь гораздо глубже пораженнымъ видомъ разжирѣвшаго Друга, чѣмъ то въ сущности было, и взглянулъ съ улыбкою на Катю.

Но ему вдругъ такъ ясно связалось, что ничто подобное теперь не можетъ ни занять, ни забавить ее, что онъ, только не находя лучшаго и обращаясь болѣе уже къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, добавилъ:

— И какіе усы у него! Точно лѣсъ!

Въ гостиную медленно вошла Ольга Порфировна и показала ему еще безцвѣтнѣе и безынтереснѣе прежняго. На его вопросъ о здоровьѣ она отвѣтила съ страдальческою улыбкою, что здорова, сѣла подальше отъ всѣхъ и принялась мутить свою душу тѣмъ, что вотъ она ничтожная гувернантка, съ которой ничего не находится для разговора, кромѣ вопроса о здоровьѣ, да и этотъ вопросъ сдѣлали изъ милости и т. д. Потомъ прибѣжала тета Фанни и пустилась лепетать объ удовольствіи видѣться съ добрыми знакомыми, о печальныхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ и испытаніяхъ, о милосердіи божьемъ; этотъ годъ подбавилъ еще больше дребезжанья въ ея голосокъ, и глазки стали еще легче слезить и моргать.

Катя теперь не вмѣшивалась ни въ чьи разговоры, не задавала дерзкихъ вопросовъ; бойкими и настоятельными «отчего», «зачѣмъ», «почему» никого теперь не смущала; она смиренно си-

дѣла, глядѣла и слушала и была очень похожа на раненаго, раздраженнаго звѣря, который съ тихою и глубокою ненавистью лежитъ пока въ своей клѣткѣ и постоянно, упорно придумываетъ, какимъ прыжкомъ онъ скорѣе можетъ очутиться на волѣ.

Когда, наконецъ, Михаилъ Яковлевичъ сталъ прощаться и подошелъ къ ней, она вдругъ встрепенулась и спросила:

— Куда вы теперь ѣдете?

— Къ Марьѣ Григорьевнѣ, отвѣчалъ Михаилъ Яковлевичъ.

Прежній яркій румянецъ вспыхнулъ на ея личикѣ и глаза вдругъ засіяли ласково и признательно.

— Скажите ей, что я... начала-было она съ бывалою живостью, но не договорила.

— Скажите, что мы всё ее любимъ, промолвила Надежда Сергѣевна, быстро растрогиваясь и начиная полегоньку всхлипывать.

— И давно прощаемъ, пролетела тета Фанни, которая ужасно любила прощать, хотя никто въ жизни отъ роду не заботился о ея прощениі.

«Чѣмъ она лучше меня? думала Ольга Порфировна съ грустію. За что о ней такъ думаютъ и заботятся? Ахъ, тѣ, на комъ нѣтъ пятенъ и упрековъ, за что онѣ терпятъ цѣлый вѣкъ только униженіе и горе!»

— Я скажу, отвѣчалъ Михаилъ Яковлевичъ, взявъ маленькую ручку и вѣрнее ее поцаловалъ.

Хотя онъ просто весь горѣлъ отъ нетерпѣнія скорѣе видѣть Машу, хотя ея образъ неотступно носился передъ нимъ, и хотя его поглощало предстоящее свиданіе и разговоръ съ Романомъ Аркадьевичемъ, но среди всѣхъ этихъ волненій и сильныхъ ощущеній ему не разъ вспомнилась видѣнная дѣвочка, такъ поразила она его какою-то своеобразностью, совершенно новою и невиданною.

Онъ хотѣлъ тотчасъ же летѣть къ Машѣ, но переломилъ себя и поѣхалъ къ Роману Аркадьевичу. Она всегда, бывало, какъ-то особенно улыбалась, когда онъ спѣшилъ за удовольствіемъ и заставлялъ ждать дѣло, и онъ вдругъ захотѣлъ показать ей, что даже счастье ея видѣть онъ сдумаетъ отложить для дѣла, и поспѣшилъ къ Роману Аркадьевичу, стараясь твердо и храбро переносить испытаніе, которое самъ добровольно на себя наложилъ.

Романъ Аркадьевичъ уже получилъ его записку и встрѣтилъ его вѣрными пожатіемъ руки, поглядѣлъ ему въ глаза, выпустилъ его руки и обнялъ его торжественно и безмолвно, какъ обнимаются люди передъ началомъ какого нибудь великаго и

необычайнаго дѣла. Казалось, Романъ Аркадьевичъ былъ глубоко взволнованъ и глубоко растроганъ. Онъ, казалось, не могъ говорить.

— Я пріѣхалъ, я посвящаю себя дѣлу, сказалъ Михаилъ Яковлевичъ.

— Я не ошибся въ васъ, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, и Михаилу Яковлевичу показалось, что даже слеза блеснула у него на рѣнищѣ.

— Я готовъ, сказалъ Михаилъ Яковлевичъ, чувствуя что у самого подступаетъ къ горлу. Я готовъ — дайте мнѣ дѣло, и никакія страданія...

— Что всѣ личныя страданія, когда въ нашихъ рукахъ судьба тысячи несчастныхъ слѣпыхъ, которымъ мы можемъ возвратитъ свѣтъ божій!

У Михаила Яковлевича пробѣжалъ какой-то священный морозъ по всему тѣлу, какъ предъ свершеніемъ великаго таинства или предъ появленіемъ божества.

— Какъ же вы думаете начать? Когда? спросилъ онъ: — что клевета, что такое вражда и гоненіе глупцовъ и негодаевъ, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ съ тихо разгорающимся одушевленіемъ:—когда мы сознаемъ, когда мы чувствуемъ, что идемъ къ великой цѣли, что каждый день, каждый часъ мы вносимъ въ горькую и отравленную жизнь бѣдняка и труженика успокоеніе и облегченіе, что мы постоянно и неуспяно врачуемъ общественныя раны...

Михаилъ Яковлевичъ слушалъ и задыхался; сердце у него стучало, виски бились и передъ глазами сверкали какіе-то золотисто-радужные круги.

Романъ Аркадьевичъ говорилъ долго и умѣлъ переливами своихъ рѣчей, то грустно-восторженными, то мученически-радостными, то мужественно-самонадѣянными довести своего слушателя до послѣднихъ предѣловъ энтузіазма: Михаилъ Яковлевичъ искренно готовъ былъ въ эти минуты на всякія личныя напасти и бѣды во имя великой цѣли.

Но Романъ Аркадьевичъ все-таки пока еще только показывалъ журавлей въ небѣ, но въ руки ничего не давалъ. Положительно Михаилъ Яковлевичъ узналъ только то, что Романъ Аркадьевичъ утверждаетъ въ должности, что теперь пока надо оглядѣться, во всему приноровиться, быть осмотрительнымъ и терпѣливымъ и сдѣлать вечеръ, и на этомъ вечерѣ окончательно рѣшить съ губернаторомъ и съ пріѣзжимъ сановникомъ вопросъ о мѣстѣ, которое прочилось Михаилу Яковлевичу.

Михаилъ Яковлевичъ со всѣмъ согласился, и простился съ

Романомъ Аркадьевичемъ, исполненный самыхъ ласкающихъ надеждъ и самыхъ свѣтлыхъ упований.

При прощаньи Романъ Аркадьевичъ, глядя на него, какъ онъ долженъ былъ гадать на того, кого только что назвалъ «по-братимомъ» въ предстоящей святой и великой дѣятельности, спросилъ:

— Куда же вы теперь?

Но онъ тотчасъ же самъ уклонился отъ отвѣта на сдѣланный имъ вопросъ, прибавивши:

— Завтра я у васъ буду и рѣшимъ, когда вечеръ, я не хочу терять ни минуты времени — сейчасъ ѣду къ Аполлону Петровичу...

«Какой онъ деликатный человекъ!» подумалъ съ благодарностью Михаилъ Яковлевичъ.

— Теперь къ ней!

Онъ кинулся въ экипажъ, и чуть смогъ выговорить адресъ Маши. Экипажъ покотился, и у него все въ глазахъ помутилось, все изъ памяти исчезло, какъ у смертельно жаждущаго человекѣа, который бѣжитъ къ свѣжему источнику.

Романъ Аркадьевичъ, невидимый за оконною занавѣскою, проводилъ глазами быстро укатывающійся экипажъ. Еслибы въ эту минуту могъ Михаилъ Яковлевичъ взглянуть на его лицо, онъ былъ бы пораженъ мгновенно свершившеюся переменою: это лицо точно преобразилось: никакого слѣда мягкости или грусти, или энтузіазма — оно все дышало завистью, ревностью, дивнымъ желаньемъ растоптать и уничтожить все, что затруднитъ или замедлитъ дорогу къ личному наслажденію.

А немного, какъ черезъ полчаса послѣ этого, молодая щеголиха-губернаторша, сидя съ своей кузиной за какими-то модными вышиваньями въ гостиной и бросая иногда взгляды черезъ анфиладу губернаторскихъ покоевъ, въ кабинетъ мужа, гдѣ мужъ конфиденціально разсуждалъ о чемъ-то съ Романомъ Аркадьевичемъ, говорила кузинѣ:

— Знаешь, на кого онъ похожъ, кузина? На Габріэля! Знаешь, изъ Вѣчнаго Жида... Иногда особенно il a quelque chose de céleste... n'est ce pas?

— Мнѣ кажется, онъ за тобою немножко ухаживаетъ, cet homme céleste, отвѣтила кузина, живая, бойкая и видимо очень бывалая женщина.

— Oh, quelle idée! воскликнула губернаторша, но покраснѣла отъ удовольствія. — Ты на все смотришь такъ странно, кузина... ты циникъ... Этотъ человекъ весь преданъ самымъ высокимъ,

неземнымъ идеямъ... Il me rappelle aussi Saint Jean de l'Évangile... cette expression de paix, ces cheveux négligemment bouclés...

— J'espère que vous appréciez Saint Jean de l'Évangile! сказала кузина. — Et ce pauvre Аполлонъ Петровичъ, qui lui présente ses meilleurs cigares!

— Кузина, перестань, пожалуйста! сказала губернаторша, хмура хорошенькія бровки. — Vous êtes absurde... Аполлонъ Петровичъ добрый, прекрасный человекъ, я его отъ души уважаю, но ты знаешь, il a l'esprit étroit... Чтѣ же мудренаго, что Романъ Аркадьевичъ не можетъ съ нимъ говорить ни о чемъ, и что онъ мнѣ высказываетъ свои стремленія, мечты и надежды. C'est très naturel...

— Tout ce qu'il y a de plus naturel, ma chère, отвѣчала кузина.

— Безъ шутокъ, кузина. Voyons, ma chère, я такъ сочувствую его высокимъ и святымъ стремленіямъ, что писала къ папа... Ему здѣсь не мѣсто — ему надо въ Петербургѣ... Видишь, что я безкорыстна — я сама хлопочу ему о мѣстѣ въ Петербургѣ...

Губернаторша съ томнымъ уворомъ поглядѣла на кузину.

— Въ Петербургъ всегда можно поѣхать; Аполлонъ Петровичъ въ послѣднее время все толкуетъ о твоей любви къ отцу и о твоёмъ разстроенномъ здоровьѣ — въ Петербургѣ это все находится: le cher papa et les médecins, отвѣчала кузина, видимо столько вещей устроившая на своемъ вѣку, что ей, какъ мастеру дѣла, стоило только показать какую-нибудь трудность, и въ то же мгновеніе у нея оказывалось подъ руками средство легко и стройно все примирить и сочетать.

— Кузина! ты циникъ! проговорила со вздохомъ губернаторша.

— Chère Sainte Nitouche! начала-было кузина.

— Taisez-vous! замолчи ради бога! онѣ сюда идутъ, прошептала губернаторша, приходя въ нѣкоторое волненіе и принимая на себя непринужденно-беззаботный видъ.

— Дома Марья Григорьевна? спросилъ Михаилъ Яковлевичъ: самый близкій ему человекъ не узналъ бы въ эту минуту его голоса.

— Дома, отвѣчала Ненила Самсоновна, мѣряя его зоркимъ и испытующимъ взглядомъ: — пожалуйста.

Она провела его черезъ тѣсный дворикъ, гдѣ изъ-подъ всякаго мелкаго и крупнаго сору энергически пробивалась мягкая зеленая травка, въ темныя сѣнчики, и отворяя незамѣтную въ полутемнотѣ дверь направо, сказала:

— Марья Григорьевна, къ вамъ вотъ гость.

Маша сидѣла у окна за работою; при шумѣ отворившейся

двери, при словах Ненны Самсоновны, незабвенные спокойные глаза обратились поглядѣть, какой гость пришелъ.

Михаилъ Яковлевичъ испытывалъ такое мучительно-сладкое ощущение радости и горя, обивнагося желанія въ настоящемъ и безнадежности бѣлаго счастья въ будущемъ, что ему хотѣлось вскрикнуть, чтобы какъ-нибудь облегчить стѣснившуюся грудь. Онъ долго ничего не говорилъ, а только глядѣлъ на нее и жадно твердилъ самъ себѣ: наслаждайся! вотъ она! Что бы тамъ послѣ ни было, но въ эту минуту она здѣсь — съ тобою — наслаждайся!

— Вы писали мнѣ, что мы можемъ дружески встрѣтиться, если намъ придется встрѣтиться, сказалъ онъ. — Я пріѣхалъ сюда не для личныхъ моихъ дѣлъ, а чтобы работать. Я вѣдь могъ придти къ вамъ?

— Я рада васъ видѣть, отвѣтила она.

Онъ готовъ былъ броситься впередъ ней на колѣни отъ благодарности, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что можетъ разрыдаться отъ охватившей его вдругъ глубокой грусти.

— Я пріѣхалъ сюда работать, снова началъ онъ. — Вы знаете, что теперь у насъ задумано...

Онъ подробно все рассказалъ ей. Она выслушала, не прерывая его ни разу ни вопросомъ, ни замѣчаніемъ.

— Неужели вы не знали этого? спросилъ онъ.

— Я знала, но я хотѣла слышать, какъ вы будете объ этомъ говорить, отвѣчала она.

— Вы вѣдь тоже находите, что теперь это единственный возможный путь и вы протягиваете намъ руку? спросилъ онъ съ нѣкоторою тревогою.

— Нѣтъ, отвѣтила она было спокойно, но вслѣдъ за этимъ словомъ она перемѣнилась въ лицѣ, губы ея слегка задрожали и глаза какъ-то совсѣмъ потемнѣли.

— Я не люблю мѣшать правду съ чинами и съ почестями, сказала она нѣсколько тише обыкновеннаго. — Имъ вмѣстѣ быть и ладить трудно.

— Но чины и почести вѣдь это принимается тутъ какъ крестъ, вскрикнулъ Михаилъ Яковлевичъ, испуганный и пораженный. — Вѣдь тутъ честолюбіе или тщеславіе немислимо, невозможно! О, развѣ можете вы думать! Развѣ вы можете заподозрить! Вѣдь это принимается какъ крестъ!

— Есть кресты не усипанные алмазами, такъ же тихо отвѣтила она.

Онъ началъ говорить, доказывать, вызывалъ ее на возраженія, на замѣчанія, но она уже ничего болѣе не сказала.

— А что въ деревнѣ? спросила она, когда онъ смогъ и ушло опустить голову.

— Я ничего тамъ не могъ сдѣлать! Ничего! Никакой возможности нѣтъ что нибудь сдѣлать.

Онъ разсказалъ ей всѣ свои горькія неудачи и разочарованія. Онъ надѣялся, что, можетъ, этотъ разсказъ сколько-нибудь поколеблетъ ее, но окончивши его, онъ даже и не спросилъ, убѣдительно ли онъ подѣйствовалъ—тамъ ясенъ ему былъ отвѣтъ, который она дастъ.

Онъ хотѣлъ съ отчаянія напомнить ей объ исторіи Загайнаго, но не собрался съ духомъ. Онъ разстался съ нею самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ, и прижавшись къ стѣнѣ окна, мучительно заплакалъ каими-то особенно жгучими и большими слезами.

— Зачѣмъ я еще не остался? думалъ онъ, зачѣмъ я не упалъ передъ ней на колѣна, не умеръ у ея ногъ? Не вернуться ли сказать ей, что я все это готовъ бросить, — но, что она на это отвѣтитъ? Отчего я никогда ни въ чемъ не могу убѣдить ее? Отчего я теперь чувствую себя растеряннымъ, ни во что уже сильно не вѣрю, и ни на что уже твердо не надѣюсь?

Выплакавшись до сита и нѣсколько успокоясь, онъ сталъ утѣшать себя тѣмъ, что современемъ онъ убѣдитъ ее фактами, и она тогда пойметъ, сколько мужества и твердости надо было ему имѣть, чтобы безъ ея одобренія и сочувствія идти труднымъ прозаическимъ путемъ и нести тяжелый крестъ.

— Современемъ она меня узнаетъ! твердилъ онъ мысленно съ грустною покорностью. — Современемъ она меня узнаетъ!

IV.

Кому жить, кому гнить.

Спусти три недѣли послѣ свиданія съ Михаиломъ Яковлеви-чемъ, Маша сидѣла, по обыкновенію, въ своей комнатѣ за работою, за какии-то шитьемъ. Было воскресенье и съ улицы слышался говоръ, шумъ и смѣхъ, изъ ближняго переулка долетали звуки гитары, а изъ церкви Василія Блаженнаго, гдѣ шла вечерня, доносились высшія ноты голосистаго дьячка, когда онъ вдругъ точно влеталъ на «Господи по» и скатывался на «милуй».

— Здравствуйте, Марья Григорьевна! сказала няня, показываясь въ дверяхъ: — насилу выбралась къ вамъ. Радн мнѣ, старухѣ?

— Рада, няня, отвѣчала Маша, и ея взглядъ еще лучше словъ сказавъ о ея удовольствіи и расположеніи.

— А у насъ вечера за вечерами, пиры за пирами, продолжала няня, усѣвшись противъ Маши: — мы всё ногъ подъ собою не слышимъ.

— Расскажите мнѣ обо всѣхъ, няня. Всѣ веселы и довольны?

— Видь всё стараются имѣть веселый и довольный, Марья Григорьевна, а, конечно, чужая душа — темный лѣсъ, только въ самую чащу войдешь такъ звѣра выпугнешь, а издали смотрѣть одну зеленъ кажется. Можетъ, у кого мыши на сердцѣ скребуть, а онъ въ честь себѣ поставляетъ бодриться да съ пріятностью усмѣхаться. Одно вамъ могу сказать: всё до невѣроятности ликуютъ, что Романъ Аргадьевичъ и Михаилъ Яковлевичъ теперь на важныхъ мѣстахъ въ службѣ. Это, говорятъ, все для русскаго народа. И ужъ такъ это къ русскому народу благосклонны и милостивы, что и сказать нельзя; только о немъ и рѣчь, только о немъ и забота. И повсюду это такъ теперь завелось; даже всѣ кучера и повара объ этомъ извѣстны, ну, и, конечно, сердиты, потому дѣла имъ прибавилось не въ примѣръ — все вѣдь обѣды да выѣзды, выѣзды да обѣды... Вчера Михаила Яковлевича кучерь спрашиваетъ у нашего Еремѣя: а что, спрашиваетъ, и у васъ теперь на этотъ проклятый русскій народъ пошло? Да, говоритъ Еремѣй, идетъ. Ну, и у насъ идетъ! Наказываетъ Господь за грѣхи... Да что и говорить, теперь даже Фанни Сергѣевна, чуть только имъ дадутъ словечко вымолвить, сейчасъ и кричатъ: пусть здравствуетъ русскій народъ! Пусть здравствуетъ русскій народъ!

— Вы все говорите о томъ, что на первый взглядъ кажется, няня, а вы заберитесь въ самую чащу и выпугните какого-нибудь звѣра, сказала Маша улыбаясь. — Что вы сами замѣчали?

— Да вѣдь я свою замѣтку не могу за настоящее дѣло выдать, Марья Григорьевна. Можетъ, все это только одна моя глупость.

— Все-таки расскажите, няня; пожалуйста, расскажите.

— Съ моею радостью, Марья Григорьевна. Извольте спрашивать.

— Все мнѣ расскажите обо всѣхъ, няня. Всѣ веселы, всѣ довольны?

— Да моя догадка такая, Марья Григорьевна, что только одна Надежда Сергѣевна истинно утѣшается, потому, вѣдь вы знаете ихъ характеръ: медомъ ихъ не корми, только одолжи какою-нибудь новинкою, да суеты, крику, шуму напусти, — тогда онѣ все на свѣтѣ забываютъ. Помните, какъ сказали му-

живымъ волю дадутъ, такъ какъ онѣ тогда надривались, Матерь Божія, владчица милосердная! Катерику Ивановну сейчасъ въ русскую рубашку захлѣчили, на фортепьянахъ мужицкія всякія пѣсни принялись разыгрывать, и всякія себѣ удовольствія дѣлали. Вѣдь таковъ былъ стихъ, что слезы проливали: счастье, говорили, чувствую, что мужику теперь и то, и другое, и воля, и сила, и совѣмъ не соображали, каково будетъ, какъ въ правду-то эта воля выйдетъ... Ну, потому и заливались горячими, какъ съ Тростниковки получили всего три тысячи, а все-таки тѣхъ мыслей остались, что за волю горой всегда стояли... Такъ и теперь затвердили себѣ: «русскій народъ отъ ихъ чиновъ счастливъ будетъ», ну и въ такомъ стихѣ все прочее забыли — даже теперь о васъ не заботятся — спать и видеть только одно. А другіе господа свои разныя заботы имѣютъ в нихъ не забываютъ. Михаилъ Яковлевичъ нѣтъ-нѣтъ, да гдѣ-нибудь въ тихомъ уголку и начнутъ вдыхать; и такъ вдыхаетъ онъ, Марья Григорьевна, что дубравы клонить. Павелъ Ивановичъ тоже, должно полагать, не безъ печали живутъ; вотъ это недавно послали къ нимъ Еремѣя за какою-то внижкой, такъ въ комнатѣ-то у нихъ словно Мамай воевалъ — одна пыль да прахъ, а тутъ еще козаяга грозится: выгоню изъ дому. И Романъ Аркадьевичъ, хоть они человѣкъ тонкій, а все случается выдаютъ свое безпокойство, особенно какъ наединѣ съ Надеждой Сергѣевной, ихъ-то они не остерегаются... о почестяхъ своихъ, можетъ, думаютъ... Какъ присмотрѣться-то хорошенько, Марья Григорьевна, такъ у всякаго свой варъ у сердца, ей-богу... По правдѣ живи, за правду глаза вытѣвуть, по кривдѣ живи, за кривду вытѣвуть... Такой Господь законъ положилъ! Всѣхъ Отецъ Небесный, Марья Григорьевна, равняетъ. Не всѣмъ грѣшникамъ рай, не всѣмъ праведникамъ адъ на землѣ, повѣрьте...

Няня какъ только вошла, то замѣтила въ ту же минуту, что Мама очень грустна, но она ни о чемъ не спрашивала ее, ничего не выпытывала у ней, а только издали, общими разсужденіями, прѣговала слегка убавлять ее, какъ убавляють больныя, не то что избавляя отъ страданія, а только лишая способности живо его чувствовать.

— Что Катя?

— Ничего, какъ и теперь поспокойнѣе стали. А ужъ какъ терпѣливы сдѣлались, такъ и не сказать словомъ. Что-то онѣ себѣ задумываютъ; а что, никому того не открываютъ. Совѣмъ онѣ какъ чужія въ домѣ, какъ учтивыя гости... Ничего о томъ не говорятъ, а ужъ какъ васъ помнятъ! Ваши книжки остались, тетрадки, — такъ надъ ними и дрожать! Одиноки они теперь

очень. Прежнія свои дерзости и буйности все это теперь въ себѣ хоронятъ, случается въ дѣлнй день слова ни съ кѣмъ не скажутъ. Только одна еще меньшая барышня Подколотная имъ въ отраду, такъ и тутъ помѣха.

— Какая же тутъ помѣха?

— Да Полина Ефимовна теперь очемъ меньшую сестрицу обижаетъ. Ихніе люди сказывали, что Анюта теперь еще въ пущей силѣ какъ при покойницѣ, и что баринъ тоже въ загонѣ. А вѣдь какая Полина Ефимовна кротость была, какая тихость—водой бывало не замутишь! Чуть слово суровое услышала, такъ сейчасъ слезы капъ-капъ, капъ-капъ... Скажу я вамъ, Марья Григорьевна, нельзя полагаться никакъ на нѣжныхъ и слезливыхъ барышень. Ужь на что Полина Ефимовна всѣмъ рай обѣщала, а теперь сестрицу просто со свѣту сживаетъ: и пей, и ѣшь, и глади, и думай, все по ея волѣ и ей въ угоду; изъ дому ее не выпускаютъ, а къ нимъ кто придетъ, такъ она такъ и стоитъ какъ стражъ. Вы, Марья Григорьевна, не изволите вѣрять? Я истинную правду говорю, какъ она есть. Хуже теперь, чѣмъ при покойницѣ Аннѣ Петровнѣ было. По мнѣ, Марья Григорьевна, это гораздо лучше какъ рветъ меня волкъ—зубы у него острее, сердце жестокое—ухватилъ, искусалъ, изранилъ и дѣло съ концомъ! а ужъ какъ почнетъ меня овца жевать, такъ жутче это самой смерти: и зубы тупые, и нравъ жалостливый, и вѣяться не умѣетъ, и жалкое блеянье и тупое кусанье—не приведи Богъ!

— Да, не приведи Богъ! сказала Маша.

— Въ настоящіе дни Полина Ефимовна очень огорчена и отъ своего огорченья пуще сестрицу гонять...

— Чѣмъ она огорчена?

— Да какъсь отъ Павла Ивановича имѣютъ неприятности; въ послѣдній разъ у насъ на вечерѣ такъ далекіе одни поклонъ съ нимъ, и все приступали къ пріѣзжему, къ губернаторскому роднѣ.

— Какой губернаторскій родня?

— Молодой человекъ фигурный и ловкій, тоже все объ народѣ говоритъ и видъ этакій на себя въ разговорѣ принимаетъ храбрый и жестокий. Только онъ тоже жару никакого не показываетъ къ Полинѣ Ефимовнѣ—все больше присосѣживался къ молодой Амосовой. Еще лучше она теперь стала—такъ и сияетъ какъ звѣзда! И такъ это къ лицу, какъ склонить голову, да глянетъ снизу, да скажетъ: «нездоровьемъ страдаю!» Глазь-то съ поволокою, голосъ съ жалостью и съ сладостью... Хороша!

— Она въ самомъ дѣлѣ нездорова?

— Я полагаю, что нездоровьемъ они не страдаютъ, а имѣютъ огорченье въ супружѣ.

— Какое огорченье въ супругѣ, няня?

— Тяготитъ онъ ихъ стать собою. Разлюбили, ну и не нравятся теперь, и непріятенъ сталъ.

— Почему вы такъ полагаете, няня?

— Э, Марья Григорьевна! Огня, кашлю, да любви не утаишь. Агнеса Алексѣевна очень искусны, а все-таки потаить совершенно того не могутъ, что онъ имъ въ тягость сталъ. Только это онъ къ нимъ подойдетъ, сейчасъ онѣ его вслепую резонами куда-нибудь отъ себя подальше, и чтобы у людей на глазахъ не былъ, куда-нибудь его опредѣляютъ въ уголокъ за книжку, или за фортепьяны въ залу, куда-нибудь гдѣ онъ не виденъ и не слышенъ. А онъ-то этого совсѣмъ еще не смыслить и все поближе къ супругѣ рвется, и глазами ей сверкаетъ, и зубы показывается, и любовныя слова ей шепчетъ... очень ее раздражаетъ: колибъ смѣла она, она бъ его теперь за тридцать земель отъ себя закинула. Ну, не смѣетъ, поэтому побѣждаетъ себя.

— Няня, она очень смѣла!

— Вы этого, Марья Григорьевна, не думайте. Разная, видите, смѣлость на свѣтѣ бываетъ: одинъ смѣлъ на слова, другой на дѣла. Она его пожалуй и избранить, и избидить больно, да въ мѣру, потому онъ хотъ и простъ, и головой слабъ, а баринъ кажись здоровый и дерзкій, какъ дикій конь: возить-возить, да вдругъ не понравится ему, онъ и сброситъ.

— Она такъ жить не станетъ, сказала Маша, и вслѣдъ за этими словами почувствовала, что она ни въ чемъ тутъ не увѣрена.

— Станетъ, Марья Григорьевна. Помните мое глупое слово, станеть. Она нѣтъ такъ, что съ прекраснаго дивана да отъ лакомаго стола не пойдетъ на голыя доски да на убогую пищу, каково бъ тамъ ея огорченье ни было. Обижать она его будетъ, сколько только сила ея, и держаться за него тоже будетъ, потому онъ каменная стѣна, отъ всякаго вѣтру сохраняетъ. И этимъ вы, Марья Григорьевна, опечалились?

— Совсѣмъ не то казалось будетъ, совсѣмъ не того я ожидала, проговорила Маша.

— Вы этому не извольте удивляться, Марья Григорьевна, сплошь да рядомъ это на свѣтѣ бываетъ: ладить мужичекъ на челночекъ, а сведеть на уховертку. Такъ и Агнеса Алексѣевна... Ну, прощайте, Марья Григорьевна! не печальтесь вы такъ, поберегите вы себя! Не все тучи на небѣ, не все бурьянъ на полѣ: посмотрите-ка еще, каково солнце засвѣтитъ, каковы цвѣты зацвѣтутъ!

— Прощайте, няня милая. Спасибо вамъ.

По уходѣ няни, Машѣ сдѣлалось еще грустнѣе. Она хотѣла-было продолжать работу, но передумала, встала, нагнула на голову свой бѣлый висейный платокъ и вышла изъ дому. Неня Самсоновна, сидѣвшая у воротъ съ любимой своей сосѣдкой и наперстницей, на сосѣдкинъ вопросъ: куда бы это она теперь пошла? отвѣтила отчасти съ досадою, отчасти съ удовольствіемъ:

— А куда желаетъ, туда и путь беретъ — ни насъ съ тобой, никого прочаго въ совѣтчики не просить.

Маша шла къ Агнесѣ Алексѣевнѣ. Ей хотѣлось еще разъ поглядѣть самой, своими глазами, послушать своими ушами. Кто знаетъ? Иногда, и даже очень часто, подъ оттаивающимъ наружнымъ видомъ столько таятся добраго. Вѣдь она такъ умна и смѣла всегда казалась! Какъ можетъ она помириться съ такою жизнью?

Маша не сиѣшила, какъ часто бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы предугадываемъ заранѣе невеселый исходъ, и шла дальнею дорогою, по берегу рѣки, черезъ огромный запущенный садъ какого-то разорившагося барина.

Грусть все сильнѣй и больнѣй подступала, и это вовсе не была грусть безотчетная, неопредѣленная, которую можно разсѣять тою или другою пріятною картиною если не въ настоящемъ, то въ будущемъ; она очень опредѣленно и точно знала, о чемъ и почему грустить: она чувствовала, что теряетъ навсегда людей, если не особенно ей близкихъ, то все-таки тѣхъ людей, которыхъ она считала лучшими изъ всѣхъ кого знала, а эти живны потери бываютъ иногда не менѣе мучительны чѣмъ тѣ, которыя зарываются въ землю, и на нихъ не больше (если не меньше) находятъ утѣшеній.

Садъ было давно совершенно заброшенъ, вычурныя куртины цвѣтовъ гнохли подъ крапивою и разнымъ бурьяномъ; огромныя деревья и гибкіе кустарники пустыли отпрыски и образовали цѣлыя чащи, переплетенныя повилкою и хмѣлемъ, широкія липовыя аллеи проросли травой и даже рововою кашкою и маленькими золотистыми цвѣточками; множество птицъ очень безпечно порхало и пѣло, пчелы жужжали, цѣлыя рои разноцвѣтныхъ бабочекъ вилась на открывавшихся кое-гдѣ полянкахъ и лужайкахъ, и то и дѣло слышно было, какъ въ зелени шуршали и шорошили разныя гадинки и звѣрки.

Вдругъ при поворотѣ въ одну аллею Маша увидела издалека смиренную, робкую, точно тайкомъ забравшуюся погулять въ чужой садъ, фигуру, сидящую на дерновой, обвалившейся скамейкѣ. Фигура эта курила сигару и безпокойно оглядывалась по

сторонамъ; она скоро замѣтила подходящую Машу, видимо заволновалась; вскочила, поспѣшила-было впередъ, вдругъ круто повернула назадъ и винулась на встрѣчу Машѣ, съ восклицаніемъ:

— Ахъ, Марья Григорьевна! Это вы!

Маша узнала Ефима Юрьевича Подкологнаго.

— Ахъ, Марья Григорьевна! началъ онъ смущенно, остановившись передъ нею весь красный:—какъ я радъ васъ встрѣтить! Какъ ваше здоровье? Какъ давно мы не видались! Вы вѣдь не забыли старыхъ знакомыхъ? Я очень, очень радъ, Марья Григорьевна...

И онъ протягивалъ ей руку и улыбался какою-то больною, тоскливою улыбкою.

— Маша! Маша! раздался знакомый, давно не слышанный крикъ, и Катя двумя прыжками какъ тигренокъ выскочила въ чащу и очутилась въ рукахъ у Маши, обливала ее горячими слезами и осыпала жаркими поцалуями и въ необузданной радости изво всѣхъ силъ прижималась къ ней, и совсѣмъ задыхалась, и вскрикивала отъ стѣсненія въ груди и отъ счастья свиданія.

— Охъ, Маша! Охъ, милая! говорила Катя.—Охъ, это ты! Охъ, не уходи!

— Успокойся, Катенька! Ахъ, Катенька, мой ангелъ, успокойся! Марья Григорьевна не уйдетъ, она съ тобой всегда останется, твердилъ Ефимъ Юрьевичъ, не зная что дѣлать и какъ быть и чувствуя, что ему придется за все отвѣчать.—Гдѣ бы это тутъ спирту достать, или хоть воды? Развѣ поближе къ рѣкѣ ее свести и тамъ на нее побрызгать? Любочка, гдѣ ты? иди, мой другъ, сюда... поскорѣе иди... Катенька, успокойся!

— Любочка! Любочка! закричала Катя:—это она, это Маша! Иди скорѣй! Скорѣй, скорѣй, скорѣй!

Зеленая чаща зашевелилась и Любочка, больше, чѣмъ когда-нибудь похожая на завороженнаго маленькаго духа, вышла на дорогу.

Она, конечно, не кричала, не задыхалась и не рыдала какъ Катя, но она очень рада была Машѣ: на худенькомъ личикѣ выступилъ блѣдно-алый румянецъ и въ долгомъ, хотя легкомъ поцалуѣ, не очень привычныхъ къ такимъ ласкамъ губокъ, сказалось много довѣрчивой нѣжности.

— Мы вовсе и не собирались съ Любочкой гулять сегодня, началъ Ефимъ Юрьевичъ, по обыкновенію загнанныхъ людей, забывая безъ всякой нужды впередъ съ объясненіями, которыхъ никто не спрашиваетъ и спѣша оправдываться, когда никто не

обвинить: — вдругъ приходитъ Катенька и требуетъ сидеть гулять! Ну, я думаю, отчего же не сдѣлать ей удовольствія — и пошла сюда... Здѣсь гораздо для дѣтей веселѣя, чѣмъ въ городскомъ саду: нѣтъ такого шума, воздухъ чище, множество птичекъ, бабочекъ, цвѣты можно рвать... Я сидѣла тутъ на скамейкѣ, куриль, а онѣ цвѣты рвали...

— Все мы не рвали цвѣтовъ, вскрикнула Катя. — Очень намъ нужны цвѣты! Мы разговаривали!

— Ну, разговаривали, ну, разговаривали, отвѣтилъ Ефимъ Юрьевичъ поспѣшно и покорно. — Что жъ такое? Въ этомъ ничего нѣтъ предосудительнаго... А я вотъ пойду цвѣты рвать, прибавилъ онъ съ своею больною и тоскливою улыбкою и невѣрною походкою, сбиваясь то совсѣмъ вправо, то совсѣмъ влѣво, онъ ушелъ въ глубину аллеи.

— О, Маша! О, Маша! говорила Катя, окончивши энергическое повѣствованіе о тяжкомъ времени, проведенномъ въ разлукѣ съ нею, и обо всемъ, что терпѣла Любочка дома: — я не знаю, какъ я теперь опять разстанусь съ тобою! О, милая, я всегда хочу тебя видѣть. всегда хочу быть съ тобою! О, какъ же я опять съ тобою разстанусь!

Она страстно и горестно впивалась губками въ Машино лицо или шею и опять начинала рыдать и роптать.

— Катя! тихо произносила Маша.

— Ну, хорошо, я не буду! вдругъ рѣшила Катя, отирая слезы и успокоиваясь. — Я буду ждать... Любочка, будемъ ждать? Я буду ждать, и какъ только я вырасту, такъ я сейчасъ все по своему... все по своему... И мы теперь съ Любочкой отлично учимся и гораздо больше знаемъ, чѣмъ Ольга Порфировна. Я помню все, что ты мнѣ говорила, что безъ ученья и безъ труда ничего нельзя сдѣлать, и я Любочкѣ все это пересказала... Помнишь, какъ я разъ разсердилась и говорю Загайному: «я уйду изъ дому!» а онъ мнѣ отвѣтилъ: «не можешь уйти, потому что ты ничего не умѣешь дѣлать. Гдѣ возьмешь себѣ башмаки? Гдѣ возьмешь хлѣбъ? Прежде ихъ выучись доставать...» Гдѣ онъ, милый Загайный? Съ нимъ случилось какое-то несчастье, и говорятъ онъ уже никогда сюда не пріѣдетъ. Ахъ, какъ бы я рада была ему! Любочка его тоже любитъ, правда, Любочка?

— Да, люблю, отвѣчала Любочка, какъ-то особенно выговаривая рѣдко произносимое ею слово.

— Пора намъ домой, робко сказалъ подошедшій къ нимъ Ефимъ Юрьевичъ, глядя безпокойными глазами и ожидая получить отказъ.

— Ужь пора! вскрикнула Катя, заливаясь слезами. — О, я не пойду!

— Марья Григорьевна, уговорите ее! проговорилъ испуганный Ефимъ Юрьевичъ. — Любочка! попроси ты ее... Какъ же это можно... Катенька, мой ангелъ, мы завтра опять сюда придемъ!

— Завтра не пустать! прорыдала Катя.

— Отчего же? Ничто не будетъ и знать, что мы сюда подемъ...

— Такъ лучше не ходить, сказала Любочка; она вся вспыхнула и вздрогнула.

— Иди, Катя, сказала Маша.

— Я пойду. Прощай! Прощай!

Онѣ обнялись. Катя уже не плакала, а только дрожала.

— Прощай, милая... милая! проговорила она, вся блѣдная, какъ полотно, но съ хорошею улыбкою на лицѣ. — Мы будемъ ждать!

— Прощайте, Марья Григорьевна! Очень радъ, что васъ встрѣтилъ, лепеталъ Ефимъ Юрьевичъ, мучительно желая какъ можно скорѣе покончить все и уйти отъ Маши. — Любочка, что жь ты, мой другъ, не прощаешься съ Марьей Григорьевной? Любочка подошла и обѣ дѣвочки вмѣстѣ вѣрно прильнули къ Машѣ.

— Пора, пора! право пора! твердилъ Ефимъ Юрьевичъ. — Пойдемте, милочки, пойдемте!

Онъ несмѣло ввѣлъ обѣихъ дѣвочекъ за руки и тиконько двинулся, робко пробуя, послѣдуютъ ли онѣ за нимъ. Онѣ за нимъ послѣдовали и онъ вдругъ прибавилъ шагу, чтобы обезпечить поскорѣе отступление.

Маша проводила ихъ глазами, и когда въ послѣдній разъ, исчезая за зелеными деревьями, къ ней обернулись эти дѣтскія честныя и умныя головки, ее всю какъ-то охватило такое отрадное чувство, что въ немъ почти утонула передъ тѣмъ давившая ее тоска и грусть по живымъ усопшимъ. Она вспомнила слова няни: «новая эта полоса», и ида по аллеѣ улыбалась и повторяла: «да, это *новая полоса!*»

У Агнесы Алексѣевны Маша застала Настасью Львовну Камнишову и Поленьку Подволодную. Настасью Львовну Маша встрѣчала въ первый разъ послѣ своего ухода отъ Надежды Сергѣевны, и ей понравилось неумѣнье и колебанье старухи какъ вести себя съ оскорбившей общество дѣвушкой, и была пріятна доброта и привѣтливость, одержавшія верхъ надъ всѣми прочими соображеніями, вкоренившимися привычками и установленными правилами.

— А у насъ идетъ разговоръ о любви, сказала Поленька, съ чрезвычайною развязностью и удалью; глазки ея смотрѣли какъ-то особенно нагло.

— Да, проговорила Агнеса Алексѣевна, граціозно зѣвая: — у насъ шелъ разговоръ о любви.

Она уже не сіяла теперь довольствомъ и счастьемъ, была какъ будто не въ духѣ и нѣсколько блѣдна. Ея блѣдность была не та, что остается на лицѣ послѣ пережитаго горя или волненія, не та, что покриваетъ лицо въ минуты глубокой печали или жгучаго огорченія, — все существо ея сказывало, что она поблѣднѣла просто отъ скуки: въ движеніяхъ ея была вялость, вѣки какъ-то отяжелѣли, глаза потускнѣли, углы рта опустались внизъ.

— Говорить о любви всегда можно, сколько угодно, а вотъ удержать-то ее нельзя! сказала Настасья Львовна съ злорадостною усмѣшкою.

Эта негодная любовь надѣлала ей въ послѣднее время много горя, и она теперь смотрѣла на нее какъ на личнаго непріятеля, и тѣмъ безжалостнѣе топтала при всякомъ удобномъ случаѣ этого непріятеля, что ее не смягчало чувство жалости къ побѣжденному и чувство вполне удовлетворенной мести: не она непріятеля побѣдила, а самъ онъ пропалъ по своей вѣтѣ и оплошности, не по ея стараньямъ и усильямъ.

— О, нѣтъ, Настасья Львовна, любовь можно удержать, сказала Поленька такимъ тономъ, какъ будто она только и дѣлала, что удерживала любовь. — Если человѣкъ вполне развитъ, если умъ его глубокъ, если у него есть энергія, то его...

— Вѣчно любить будутъ? подсказала и вмѣстѣ иронически спросила Настасья Львовна.

— Конечно. Когда чувство основано на прочныхъ началахъ...

— Маша, ты тоже вѣришь въ вѣчную любовь? спросила Агнеса Алексѣевна. «На прочныхъ началахъ?»...

— Вѣрю, отвѣчала Маша.

Лицо Настасьи Львовны выразило-было насмѣшливое состраданіе, и она хотѣла-было улыбнуться, но остановилась на полуулыбкѣ; насмѣшливое состраданье исчезло съ ея лица и она грустно и серьезно больше про себя проговорила:

— Кто въ это не вѣрилъ когда-нибудь!

— И кто не пересталъ вѣрить! сказала Агнеса Алексѣевна, устремляя задумчивый взглядъ въ пространство.

— Ахъ, тутъ надо различать и понимать... вскрикнула Поленька: — понимать всѣ мотивы... Напримѣръ, моя любовь не

могла вѣчно длиться, потому что человѣкъ не удовлетворялъ моему идеалу! онъ стоялъ неизмѣримо ниже меня!

Никто не ожидалъ этой вылазки съ собственными сердечными дѣлами, и всѣ молчали минуты двѣ. Потомъ Агнеса Алексѣевна улыбаясь сказала:

— О, какъ ты рѣшительна!

— Теперь всѣ отъ него отступили, проговорила Настасья Львовна.

— Невозможно было не отступить! вскрикнула Поленька: — невозможно! Возмутительно было на него смотрѣть послѣднее время! Мое чувство очень давно было подорвано и медленно умирало. Я давно страдала, давно чувствовала его ничтожество, но я все еще не хотѣла признаться себѣ, я все желала вѣрить въ невозможное. Процессъ разрушенія чувства совершался у меня медленно... «Я на столько развита»...

Машѣ сдѣлалось просто гадко присутствовать при этомъ бросаньѣ грязью во вчерашняго кумира, бросаньѣ грязью, узаконенномъ разными теоріями и сваливаньями на строгость убѣждений и непоколебимую преданность нравственному величію.

Настасья Львовна, не взирая на свою непримиримую вражду ко всякой любви, бросила на «развитую» два-три презрительныхъ взгляда и раза два у нея вырвался сухой, отрывистый смѣхъ, что всегда бывало однимъ изъ признаковъ начинавшагося, но сдерживаемаго и подавляемаго душевнаго урагана.

— И этотъ процессъ разрушенія чувства окончательно уже у тебя совершился? спросила Агнеса Алексѣевна.

— Окончательно совершился! отвѣчала Поленька съ тѣмъ видомъ, какъ будто бы это было величайшею заслугою передъ цѣлымъ міромъ, развитіемъ и прогрессомъ.

— Агнеса, сказала Маша, когда онѣ остались вдвоемъ: — что съ тобою случилось?

Маша вообще не имѣла обыкновенія дѣлать разпросы, но Агнеса Алексѣевна сама нѣсколько разъ намекнула на непрочность любви, на слабость и ничтожность человѣческую, а Маша знала, что не желая Агнеса Алексѣевна говорить объ этомъ, она конечно бы не намекнула. И вромѣ того, Маша сдѣлала этотъ вопросъ съ неясною надеждою, что, можетъ, отвѣты примирять ее со многимъ, что представлялось ей въ очень мрачномъ и темномъ цвѣтѣ.

— Ничего, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, но спохватившись прибавила:—впрочемъ, если хочешь, случилось: страсть прошла и я теперь нахожусь немного въ положеніи корабля на мели.

— Страсть прошла... повторила Маша.

— Да, пришла, а вѣдь ты не можешь же думать, что меня связываютъ съ нимъ какія-нибудь умственные наслажденія; ты вѣдь не можешь думать, что я не понимаю, какъ онъ недалеко... какъ онъ не смислять и сотой доли того, что меня занимаетъ... вѣдь ты не считаешь меня дурочкою! говорила Агнеса Алексѣевна, съ нѣкоторою тревожною торопливостью ограждая свои умственные способности отъ подозрѣнія въ несостоятельности. — Ты замѣтила, что мнѣ не весело—какое жъ можетъ быть веселье съ человѣкомъ, который на каждомъ шару показываетъ свою тупость и глупость... О, иногда это выводитъ меня изъ себя! иногда я готова Бога знать чего надѣяться!... Ты не можешь себѣ представить, какъ тяжела бываетъ иногда такая жизнь! У меня, ты знаешь, есть таки сила, имѣется энергія и я умѣю страдать безъ жалобъ и вриновъ, но иногда становится и мнѣ невмозможно все: и эта жизнь; и онъ самъ... иногда я жестоко страдаю и жажду иной жизни...

— Онъ ничего объ этомъ не знаетъ? спросила Маша.

— Знаетъ все: я не могу и не хочу притворяться и обманывать!

— Что жъ онъ?

— Что онъ? Продолжаетъ обожать меня! Иногда я просто видѣть его не хочу, не могу, гоню его отъ себя: ну, поди ты ради Бога куда-нибудь, оставь меня... даже просила его полюби кого-нибудь... нѣтъ! обожаетъ меня! Да, жизнь не веселая!

— Агнеса, какъ ты можешь вести такую жизнь и во имя чего ты ведешь ее? спросила Маша.

Очень умныхъ людей, спасовавшихъ передъ трудностями и неудобствами строгатаго служенія избранному божеству, самый ихъ умъ жестоко наказываетъ: не то, что онъ у нихъ пропадаетъ, а какъ-то затмѣвается и подводитъ ихъ подъ промахи и оплошности самыя изумительныя. Умная Агнеса Алексѣевна, начиная разговоръ съ Машею о потушенной своей страсти и о своихъ страданіяхъ по поводу разоблаченной ею мужьяной глупости, была совершенно почему-то увѣрена, что она тутъ явится въ высоко-мученическомъ видѣ, и что Маша въ этотъ разъ смиренно простится съ нею и унесетъ съ собою почтительное удивленіе къ ея сильной и выходящей изъ ряду вонъ натурѣ. Простой Машинъ вопросъ: «какъ ты можешь вести такую жизнь и во имя чего ты ведешь ее» смутилъ ее, сбилъ нѣсколько съ толку и вдругъ освѣтилъ ей все дѣло иначе.

— Я уже думала иначе устроить свою жизнь, но увидѣла, что тутъ облегченія мнѣ большаго не будетъ, а его приведетъ въ отчаянье, отвѣчала она, проворно отыскивая лазѣнку въ не-

приятномъ лабиринтѣ.—Я все-таки въ нему все-что чувствую... онъ безъ ума любить меня, онъ собственно хорошій человекъ... И я теперь такъ разбита душою и тѣломъ. Мнѣ наконецъ жалъ ему испортить жизнь!

— Тогда зачѣмъ же ты ее испортишь ему каждый день понемножку? спросила Маша.

— Ахъ, Боже ты мой! да вѣдь не могу жъ я радоваться на его глупость! Мнѣ онъ жалокъ, но глупость его все-таки невыносима! сказала Агнеса Александровна раздражительно, вида, что и тутъ ей высокая и сильная натура освѣщается новымъ, вовсе не желательнымъ свѣтомъ. — Я готова для него все сдѣлать, но я не могу для него оглушить и отупить! Какъ, напримѣръ, тебѣ покажется...

Она принялась рассказывать фактъ за фактомъ въ доказательство его глупости, и на этихъ рассказахъ засталъ ее явившійся подсудимый.

— Здравствуйте, Марья Григорьевна, привѣтливо и добродушно сказалъ Амосовъ, входя со сверткомъ въ рукавъ и отирая платкомъ лобъ.—Агнеса, какъ ты себя чувствуешь? Вотъ тебѣ кисея, которую ты желала (онъ подаль ей свертокъ). Я самъ искалъ немного потому, что встрѣтилъ Романа Архандьевича и потолковать съ нимъ.

Онъ видимо старался угодить ей и кисею, и тѣмъ, что «потолковалъ» съ Романомъ Архандьевичемъ, но особаго подобострастія въ немъ замѣтно не было. Онъ очень ласково и безъ малѣйшаго колебанія подошелъ къ ней и расплывалъ ее, признался, что онъ голоденъ, закурилъ сигару и спокойно усѣлся въ сосѣдней комнатѣ на кушеткѣ. Онъ не производилъ впечатлѣнія жалкаго существа въ домѣ, а производилъ впечатлѣніе самостоятельнаго хозяина, у котораго любимая жена капризна, и который, во имя того, что она—любимая, спускаетъ ей множество капризовъ, позволяетъ время отъ времени терзать себя, даже подчиняется иногда очень тяжелымъ и очень неприятнымъ вещамъ, но своей голосъ имѣетъ, и свою долю наслажденій требуетъ и беретъ.

А она, умная и энергичная, титаническая Агнеса, какъ она, желающая все искусно примирить и приладить, бьющаяся какъ бы и козъ накормить и сѣно сохранить, посылающая въ одну сторону одни многозначительные взгляды и улыбки, въ другую сторону другіе, какъ она показала жалка и мало значуща!

— Прощай, Агнеса, сказала Маша.

— Прощай, Маша. Скоро придешь? Я буду ждать...

— Нѣтъ, не жди меня. Прощай.

— Когда нибудь на вѣку, можетъ, еще встрѣтиса, сказала

Агнеса Алексѣевна съ принужденнымъ смѣхомъ: — такъ скажи лучше «до свиданія».

— Агнеса, чѣмъ ты недовольна? спросилъ Амосовъ по уходѣ Маши.

— Ахъ, эта Маша совсѣмъ помѣшалась, отвѣчала Агнеса Алексѣевна съ великимъ неудовольствіемъ.

— Она казалась мнѣ очень благоразумною дѣвушкою, сказалъ Амосовъ, не сумѣвшій бы, впрочемъ, объяснить, почему Маша казалась ему благоразумной и отъ реду не отдававшій себѣ отчета, почему то или другое ему «кажется».

— Ты мастеръ опредѣлять людей, я знаю!

— Да что тебя такъ сердить ея помѣшательство? сказалъ Амосовъ, пропуская замѣчаніе о «мастерствѣ», и даже не вздрагивая и не ветрихая ушами при этомъ легкомъ прикосновеніи хлыстка.—Побереги себя... Побереги себя! прибавилъ онъ съ заботою и страстью, обнимая и цалуя ее.—Ну, полно! Ну, забудь о нихъ всѣхъ, и о всѣхъ ихъ помѣшательствахъ и гениальностяхъ! Пойдемъ обѣдать, моя... моя несравненная!

Агнеса Алексѣевна согласилась забыть «о всѣхъ нихъ и о всѣхъ ихъ помѣшательствахъ и гениальностяхъ» и позволила мужу на рукахъ унести себя въ столовую.

Совсѣмъ уже свечерѣло и стемнѣло, когда Маша вернулась домой. Она не стала зажигать огня и сѣла у отвореннаго окна. На улицѣ и въ цѣлой слободѣ было уже такъ тихо и безмолвно, что до слуха Маши доносился ропотъ катящейся рѣки, не утихшее движеніе въ городѣ; откуда-то недалеко съ поля рѣзко долеталъ крикъ перепела, и съ дальней невидной дороги отчетливо и явственно слышался стукъ тряской телеги. Ночь была тепла и тиха, и какъ-то удивительно успокоивала усталого человѣка.

Маша долго сидѣла неподвижно, то возвращаясь къ прощанью съ утраченными, то призывая живыхъ. Ей было виѣсть и очень тяжело, и очень хорошо.

Она не обратила вниманья на стукъ калитки, на раздавшійся вопросъ Ненилы Самсоновны: «кого вамъ надо?», на приближающіеся шаги; она обернулась когда уже дверь ея отворилась и Загайный стоялъ на порогѣ, нѣсколько наклонившись вперед и вглядываясь въ темноту.

V.

Привидѣнія.

Былъ прелестнѣйшій іюньскій вечеръ, и Романъ Аркадьевичъ, какъ истинный цѣнитель и любитель всякой красоты въ приро-

дѣ, спѣшилъ за городъ подышать ароматнымъ воздухомъ холмовъ и лѣсовъ и полюбоваться на просторѣ слияніемъ свѣта и тѣней, лѣсами, вронзанными насквозь вечерними лучами и золотисто-окрашенными вершинами горъ.

У подъѣзда казенной квартиры съ бронзовыми бадконными рѣшетками и дорическими колоннами теремишаго жидца Романа Аркадьевича, пара рыннихъ воронихъ лошадей выбивала коннымъ искри изъ мостовой, безпрестанно подергивала легкую пзашную коляску на лежачихъ ресорахъ и беспокоила массивнаго, бородатаго кучера, напоминавшаго величіемъ и безмятежностью осанки древнихъ первосвященниковъ и патріарховъ.

Но Романъ Аркадьевичъ долго не выходилъ; его задержали какія-то непредвидѣнныя спѣшныя дѣла. Зара уже почти совершенно догорала, когда овъ, наконецъ, поназался на крыльцѣ съ ослабленнымъ видомъ дѣловаго человѣка. Овъ уже хотѣлъ завести коню въ коляску, какъ вдругъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ плечу и, еще не успѣвъ оглянуться, узналъ знакомый голосъ, сказавшій ему:

— Мнѣ надо съ тобой переговорить.

— Ахъ, Александръ! какъ ты удивилъ меня! Откуда ты? Давно ли? воскликнулъ овъ, бери за руку стариннаго друга и вѣрно пожимая ее.

— Мнѣ надо съ тобой переговорить, повторилъ Загаинный.

— Хочешь, ѣдемъ со мною за городъ. Дорогою потолкуемъ. Вечеръ восхитительный... говорилъ Романъ Аркадьевичъ, не совершенно увѣренный въ томъ, что было благоразумнѣе: «ѣхать выѣстѣ за городъ, или воротиться принять гостя у себя въ кабинетѣ», но весь погруженный въ торопливыя соображенія о болѣе важныхъ вещахъ, овъ махнулъ рукою на то, что было сравнительно мелочью.

Они оба сѣли въ коляску, Романъ Аркадьевичъ проговорилъ мягко: «къ Черноярскому лѣсу, Никита!» и экипажъ покатился.

— Я у тебя былъ уже нѣсколько разъ, но меня не пустили, сказала Загаинный. — Я нѣсколько разъ...

— Кто жь зналъ, что ты придешь! отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ. — Мое положеніе такое теперь, что я поневолѣ долженъ ограждать себя отъ посѣтителей, иначе цѣлыя праздныя толпы...

— Я нѣсколько разъ писалъ тебѣ, ты не получалъ моихъ писемъ?

— Нѣтъ, съ нѣкоторою тревогою проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, сжегшій всѣ помянутыя письма у себя въ кабинетѣ, въ каминѣ съ бронзовою рѣшеткой. — Ты что писалъ мнѣ, Александръ?

— Я писалъ то же, что теперь сказалъ тебѣ: что хочу съ тобой переговорить, отвѣчалъ Загайный. — Можемъ мы переговорить?

— Что за вопросъ, Александръ! съ грустнымъ удивленіемъ сказалъ Романъ Аркадьевичъ. — Ты развѣ не знаешь, что все можешь мнѣ повѣрить? Развѣ ты не чувствуешь, что никакія недоразумѣнія, никакія несогласія, не могутъ разъединить насъ, такъ неразрывно и тѣсно мы связаны святымъ и дорогимъ прошедшимъ? Походимъ по лѣсу (въ это время они ѣхали мимо лѣсной опушки)... Стой, Нивита! мы выйдемъ. Жди насъ здѣсь! приказалъ онъ кучеру, и направился вмѣстѣ съ Загайнымъ въ лѣсу; онъ сдѣлалъ-было попытку взять Загайнаго подъ руку, но движеніе вышло такое неопредѣленное, что когда Загайный ничѣмъ не помогъ этому съ своей стороны, то оно нисколько не поставило Романа Аркадьевича въ неловкое положеніе.

— Мы всегда шли и идемъ въ одной цѣли, хотя и разными путями... Ты не слыхалъ моего голоса въ твои недавнія трудныя времена, это правда, но я молчалъ во имя общаго дѣла, Александръ! Я знаю святость и чистоту твоихъ дѣйствій, но что же дѣлать, если общество видитъ въ этомъ другое? Кто хочетъ быть въсамомъ дѣлѣ истиннымъ дѣвателемъ, тотъ долженъ сдѣлаться рабомъ общества... Моему голосу неудобно было раздаваться въ твою защиту... Ты слишкомъ опрометчиво повелъ дѣла и напугалъ всѣхъ... Теперь неудобно тебѣ оправдываться, даже упомянуть твое имя значить вредить и тебѣ, и дѣлу... Тебѣ надо до времени оставаться въ сторонѣ...

Съ этими словами Романа Аркадьевича они оба скрылись въ лѣсу.

Мы тоже, читатель, оставимъ «въ сторонѣ» Загайнаго, какъ одного изъ тѣхъ людей, съ которыми трудно ладить благоразумному человѣку и котораго благоразумный человѣкъ поэтому, чрезвычайно цѣня въ прошедшемъ, вовсе не желаетъ встрѣтить на своей дорогѣ въ настоящемъ.

Когда Романъ Аркадьевичъ вышелъ опять на опушку лѣса, онъ вышелъ одинъ, былъ блѣденъ какъ мѣлъ и весь дрожалъ съ головы до ногъ.

Видя изъ лѣсу, онъ какъ будто хотѣлъ направиться къ экипажу, но вдругъ повернулъ въ другую сторону по зеленому полю.

Тутъ онъ могъ быть самъ собою, сбросить теперь душившую его маску и дать волю своему бѣшенству. Онъ быстро шелъ впередъ, иногда у него вырывались какіе-то стоны изъ груди, онъ бормоталъ: «о, ты заплатишь мнѣ за эти слова! Ты заплатишь

за нихъ!» скрежеталъ зубами и холодный потъ выступалъ у него на лбу.

Быстрая долгая ходьба утомила его наконецъ и вечерняя прохлада привела въ себя. Понемногу онъ успокоился, оглянулся кругомъ, увидалъ что зашелъ очень далеко и повернулъ назадъ.

Сначала онъ шелъ какъ-то прогнавши всѣ мысли, отрѣшившись отъ всѣхъ чувствъ, пользуясь одною своею способностью вдыхать свѣжій душистый воздухъ, потомъ внезапно, вдругъ онъ исполнился какою-то новою, никогда еще невѣданною пламенною, неукротимою и нестерпимою жаждою безмятежнаго спокойствія. Онъ вдругъ почувствовалъ ѣдкую жгучую зависть къ безумному, неразъ втайнѣ имъ осмѣянному человѣку, съ которымъ онъ только что разстался: у этого человѣка не было ни одного скрытаго пятна на совѣсти, ничего, что бы онъ долженъ былъ ежечасно утаивать, за что онъ могъ бы покраснѣть; вотъ теперь, очутившись на единѣ съ собою среди этого зеленого поля, этотъ безумецъ могъ бы сказать себѣ: я можетъ погубилъ себя, но я ничему своему не измѣнилъ, я ничего своего не предалъ...

И вѣдь было время, когда и онъ беззаботно говорилъ все, что было на душѣ, и весело встрѣчался со всѣми, и не опасался ничьего взгляда! Въ эту минуту онъ готовъ былъ отдать все, чтобы хоть на одинъ мигъ снова почувствовать себя прежнимъ человѣкомъ...

Онъ пробовалъ было улыбнуться, отогнать отъ себя эти привидѣнія, но губы его дрожали и улыбнуться не могли. Онъ пошелъ скорѣе, потомъ почти побѣжалъ и слышавъ фырканье лошадей, закричалъ: «Никита! Никита!»

VI.

Отрывочныя ноты изъ финала.

Къ губернаторскому подъѣзду, сіяющему огнями, подъѣзжали экипажи за экипажами и высаживали рой разряженныхъ и раздушенныхъ гостей, сіѣвшихъ вверхъ по уставленной цѣвѣтами и освѣщенной матовыми лампами лѣстницѣ. Въ первой загѣ губернаторъ, со звѣздою на груди, закинувъ круглую голову назадъ, но безъ гордости и чванства, а такъ, по генеральской привычкѣ, во второй загѣ хорошенъкая губернаторша въ какихъ-то блѣдно-розовыхъ облакахъ вмѣсто одежды, встрѣчали и привѣтствовали гостей.

— Ольга Порфировна, другъ мой, посмотрите! Посмотрите, моя куафюра... кажется совсѣмъ на боку? шептала тѣтя Фанни

умоляющимъ голосомъ. — Ахъ, боже мой! совсѣмъ на богъ, я чувствую...

— Перестань, Фанни! Это наконецъ невыносимо! негодующимъ шепотомъ отвѣчала Надежда Сергѣевна. — Вѣчно ты думаешь только о нустакахъ! прибавила она укорительно, заботливо оглядывая себя въ зеркало. — Ольга Порфировна, у васъ мой вѣеръ? Дайте пожалуйста.

— Вотъ онъ, отвѣчала Ольга Порфировна, терзавшая себя всю дорогу тѣмъ, что не будь она гувернантка, она поручала бы свои вѣера тоже кому нибудь, а не держала бы чужіе.

— Ахъ, Михаилъ Яковлевичъ, другъ мой, здравствуйте! вскринула Надежда Сергѣевна, кидаясь къ входящему въ переднюю Михаилу Яковлевичу. — Ну, что? Работаете? Работайте, работайте! проговорила она съ восторгомъ, вдругъ понижая голосъ до шопота.

Михаилъ Яковлевичъ пожалъ ей руку съ тою неопредѣленною улыбкою, которою улыбаются люди, когда ихъ напрасно за что нибудь хвалить, или напрасно съ чѣмъ нибудь поздравляютъ, а имъ еще неудобнѣе отказываться отъ похвалы или поздравленія, чѣмъ принимать ихъ, и они этою неопредѣленною улыбкою какъ будто и уклоняются отъ незаслуженнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ надежду, что то-ли еще будетъ!

— Знаете, я возрождаюсь! восторженно продолжала Надежда Сергѣевна, направляясь вмѣстѣ съ Михаиломъ Яковлевичемъ въ залу.

— Ольга Порфировна! прошептала тѣтя Фанни съ послѣднею мольбою.

Но Надежда Сергѣевна уже входила въ залу и Ольга Порфировна, хотя стоявшая въ душѣ несравненно выше свѣтскихъ приличій, но строго подчинявшаяся имъ на вечерѣ у губернатора, поспѣшила вслѣдъ за нею.

— Непремѣнно на бокъ, я это чувствую! мысленно говорила тѣтя Фанни, догоняя ихъ уже около самого губернатора и раскланиваясь съ нимъ съ смущенною и растерянною улыбкою.

— Павелъ Ивановичъ рѣшительно отказался быть здѣсь? спросила Агнеса Алексѣевна, успѣвшая уже однимъ своимъ появленіемъ сокрушить больше дюжины дворянскихъ сердецъ и своими оборотительными томными взглядами и улыбками окончательно погубить муза въ ихъ мнѣніи.

— Мученица! слышалось со всѣхъ сторонъ. — Съ ея-то умомъ и жить съ такимъ глупышомъ!

— Отказался, отвѣчала Поленька, презрительно пожимая плечиками. — Ты знаешь, онъ наговорилъ всѣмъ дерзостей, назвалъ...

— Знаю. Ему ничего не дали и онъ сердить, это понятно.

— Но какаа это новость, Агнеса! Что же послѣ этого для него истина, прогрессъ...

Вдали, въ волнующейся толпѣ, показался «фигурный» вѣйзкій губернаторскій родня и видимо стремился въ ихъ сторону.

— Какъ ты его находишь? спросила Агнеса Алексѣевна, указывая на него глазами. — Онъ не дурень...

— Ахъ, что красота! Для меня красота ничего не значить: я люблю въ немъ пафосъ мысли! отвѣчала Поленъка, расширяя носикъ; округляя глаза и визывая сколько коварную, столько же и очаровательную улыбку на прелестныя уста Агнесы Алексѣевны.

— André, да пойдемъ же туда! пристраивалъ Каминшевъ къ Амосову, сидѣвшему въ угловой комнатѣ. — Ну, что ты тутъ сидишь одинъ? тамъ можетъ рѣшаются судьбы... уже Михаилъ Яковлевичъ здѣсь, можетъ теперь и Романъ Аркадьевичъ пріѣхалъ... Ну, что тебѣ здѣсь сидѣть?

— Оставь меня, Алеша, я тутъ покурю, отвѣчалъ Амосовъ, уже научившійся, что въ обществѣ ему лучше держаться по-дальше отъ жены.

Михаилъ Яковлевичъ стоялъ въ диванной передъ морскимъ видомъ Айвазовскаго, но слезы застилали ему глаза и мѣшали видѣть картину заходящаго солнца на морѣ. Передъ нимъ носился незабвенный спокойный образъ. Гдѣ она? Что она? спрашивалъ онъ съ тоскою. И его таяло непобѣдимую силою въ ней, и шевелилась мысль все бросить по одному ея слову, даже по одному ея взгляду...

— Мечтаете? спросила съ улыбкою губернаторша, сама то и дѣло принимавшаяся мечтать то у того сына, то у другого, и какъ будто не удовлетворенная этими мечтаньями.

— Очень хороша эта картина, отвѣчалъ Михаилъ Яковлевичъ. — У художника огромный талантъ.

— Да, проговорила губернаторша, нетерпѣливо обращая глаза на двери. — Я его очень люблю.

— Графиня, забарабанилъ не подошедшій, а какъ-то подскользнувшій гость либеральнаго направленія; котѣль какъ можно лучше отличился: — какъ же вы переносите весь этотъ шумъ, толпу и суету?

— Съ мужествомъ, отвѣчала губернаторша, улыбаясь.

— Всѣ эти свѣтскія фразы, даже всѣ эти увраженія къ чему они? Только тяготят! продолжалъ онъ, однако, самоотверженно нарядившійся въ жемчужныя пуговицы съ алмазами и въ батистовое бѣлье съ колючей оборочкой на груди.

— Мы на это осуждены, промолвила со вздохомъ губернаторша, точно въ самомъ дѣлѣ, какая-то роковая сила осуждала давать вечера и наряжаться.

— Вы скучаете? вдругъ сказала она, какъ-то встрепенувшись и съ засіявшими глазами. — Пойдемте въ залу! Пойдемте!

Она повела либеральныхъ гости и на первыя же шаги съумѣла потерять его между другими либеральными и консервативными гостями.

Романъ Аркадьевичъ входилъ въ главную гостиную. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго и казался утомленнымъ. Всѣ глаза обратились на него сочувственно, губернаторъ встрѣтилъ его какъ роднаго брата, губернаторша привѣтливо подала ему ручку, затянутую въ бѣлую перчатку и, прикрывая кружевнымъ вѣеромъ хорошеенькій ротикъ, торопливо проговорила:

— Я получила отвѣтъ отъ папа; онъ надѣется въ зимѣ все устроить.

— Вы заботитесь объ этомъ? промолвилъ Романъ Аркадьевичъ съ видимымъ только для нея волненіемъ.

— Вы сомнѣваетесь? прошептала она съ укоромъ.

— Графиня, позвольте мнѣ выразить... началъ вновь прибывшій гость, почти разсѣставшись по паркету въ низкомъ поклонѣ и вдругъ вслѣдъ затѣмъ такъ быстро взмахнувъ головою, что длинные волосы разлетѣлись въ разныя стороны:—позвольте мнѣ выразить...

— Такъ завтра утромъ мы подробно переговоримъ о... о женскомъ комитетѣ, Романъ Аркадьевичъ, сказала губернаторша, неволью выказывая небрежнымъ поклономъ свою досаду длинноволосому гостю.

— Я буду у васъ, графиня, въ двѣнадцать часовъ, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ съ почтительнымъ поклономъ.

Въ очень отдаленной Н—ской улицѣ, на самомъ выѣздѣ изъ города, у окна низенькаго темнаго домика сидѣла Маша и ждала мужа. Онъ очень долго не шелъ и она все уже передумала, что можно только по этому поводу передумать въ благоустроенномъ государствѣ.

Но она не плакала, не ломала рукъ, не приходила въ отчаяніе. Она точно бросилась и огунулась въ дѣлую рѣку той сказочной волшебной «живой воды», одними легкими брызгами воскрешающей человѣка изъ мертвыхъ и придающей ему такую чудесную силу и крѣпость, такую живучесть, веселье и бодрость,

передъ которыми блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ житейскіе страхи и ужасы. Все могло быть, все могло случиться, и страшное горе было для нея возможно, но она чувствовала, что и оно, страшное горе, ее не убьетъ, а только предастъ ей и жизни, и силѣ.

Ночная темнота уже начинала рѣдѣть и, наконецъ, Маша издала, еще въ концѣ узкой улицы увидала фигуру мужа. Сердце ее встрепенулось и у нея захватило дыханіе.

— Я теперь опять одинъ, сказалъ онъ, сжимая ея руку.

Онъ былъ измученъ и разбитъ, и изнемогалъ отъ усталости и жажды отдыха.

Увѣреній въ вѣчной любви, обѣтовъ неизмѣнной вѣрности, обыкновенно такъ щедро расточаемыхъ, не было тутъ произнесено, но никогда, въ самыя блаженныя минуты своей прежней жизни, исполненной надеждъ и на себя и на другихъ, этотъ человекъ не чувствовалъ себя любимѣе и дороже.

— Вѣрная моя! проговорилъ онъ, приподнимая измученное, но уже воскресающее лицо: — я опять буду бодръ и силенъ.

— Я знаю, отвѣтили ему безъ словъ глубокіе, спокойные и нѣжные глаза.

МІАРКО ВОВЧОКЪ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866)*.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

1816—1830.

1. ГЕРМАНИЯ, АВСТРИЯ И ПРУССІЯ.

Состояніе Европы послѣ вѣнскаго конгресса. Ожиданіе реформъ. Учрежденіе Священнаго союза. Императоръ Александръ. Князь Меттернихъ и императоръ Францъ. Положеніе Австріи. Потребность реформъ въ Германіи. Веймарская конституція. — Сѣверная Германія. Гессенъ. Южная Германія. Пруссія. Открытіе союзнаго сейма во Франкфуртѣ. Вартбургскій праздникъ и его послѣдствія. Сочиненіе Стурдзы. Убіеніе Коцебу. Покушеніе на жизнь Ибелли. Карлсбадскія рѣшенія. Вѣнскій съѣздъ министровъ. Реакція въ Пруссіи. Король Вильгельмъ Вюртембергскій и его безуспѣшная борьба противъ Меттерниха. Майнцская слѣдственная коммиссія. Людвигъ, король баварскій. Романтизмъ и либерализмъ въ литературѣ.

Послѣ битвы при Ватерлоо, Европа могла рассчитывать на прочный миръ, котораго такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала. Дѣйствительно, государи, участвовавшіе въ вѣнскомъ конгрессѣ, осчастливили своихъ подданныхъ миромъ, но такимъ, который далеко не соотвѣтствовалъ громаднѣмъ потерямъ, понесеннымъ всѣми народами Европы въ борьбѣ съ могучимъ завоевателемъ.

Въ годину бѣдствій испытываются какъ личности, такъ и народы. Кровопролитныя войны и государственныя перевороты,

* Источниками и пособиями при составленіи этихъ разсказовъ служили: *Wilhelm Müller*: «Geschichte der Neuesten Zeit», Stuttgart, 1867. *Eduard Arnd*: «Geschichte der Neuesten Zeit», Berlin, 1868. *Gerwinus*: «Geschichte der neunzehnten Jahrhunderts», Leipzig 1855—66. *Розей*: «Исторія Франціи», переводъ Пышина. Спб. 1866.

продолжавшіея болѣе двадцати-пяти лѣтъ, должны были обнаружить все, что было хорошаго и дурнаго въ тогдашнихъ передовыхъ дѣятеляхъ и народныхъ массахъ. Въ эти годы бѣдствій и всевозможныхъ превратностей судьбы государи и министры имѣли случай сблизиться съ народными массами, лучше понять ихъ положеніе, узнать, до какаго самоотверженія могутъ дойти онѣ, съ какою готовностію онѣ проливаютъ свою кровь, когда знаютъ, что ихъ руководители призвали ихъ на честное, святое дѣло. Европа имѣла много случаевъ убѣдиться, какое неистощимое богатство живыхъ силъ кроется въ тѣхъ самыхъ «низшихъ» классахъ народа, которые не далѣе, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи всюду были такъ пренебрегаемы законодательствомъ, и почти на всемъ материкѣ Европы считались недостойными пользоваться политическими и гражданскими правами. Народныя массы, въ теченіе вѣковъ погруженныя въ невѣжество, обремененныя повинностями, всего менѣе пользовавшіяся выгодами государственнаго общежитія, обнаруживали подвиги рѣдкаго героизма, особенно же въ тѣхъ странахъ, гдѣ, силою обстоятельствъ, вполнѣ или отчасти, отмѣнены были тягостныя феодальныя повинности, и установлено, хотя въ нѣкоторой степени, равенство передъ закономъ. Самыми мрачными красками изображаютъ путешественники и статистики положеніе Франціи въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія. Но прошло двадцать-пять лѣтъ, весьма тяжелыхъ для этой страны, и, благодаря нѣкоторому вниманію законодательства къ простому народу, благосостояніе Франціи не только не уменьшилось, но, напротивъ, увеличилось: Пруссія, разоренная Наполеономъ, находилась послѣ тильзитскаго мира въ самомъ плачевномъ состояніи, но, благодаря отмѣнѣ нѣкоторыхъ феодальныхъ стѣсненій, подавлявшихъ крестьянскій и ремесленный трудъ, страна могла ожить и бороться съ Наполеономъ. Словомъ, всюду, гдѣ, по инициативѣ ли завоевателей, или по требованію истинныхъ патріотовъ, давались какія нибудь человѣческія права низшимъ классамъ народа, обновлялся и усиливался весь общественный организмъ. Трудно было не понять всего этого, и дѣйствительно, мы видимъ, что на вѣнскомъ конгрессѣ обращено было вниманіе на положеніе народовъ. Многіе государи отъ искренняго сердца обѣщали даровать своимъ подданнымъ правильное государственное устройство или конституцію, какъ-бы въ благодарность за ихъ услуги.

Мало того: изъ среды политическихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ вѣнскомъ конгрессѣ, выдѣлились три государя, которые, по инициативѣ русскаго императора, заключили между со-

бою особенный священный союзъ, актомъ котораго они возвѣщали міру новый золотой вѣкъ, истинное братство между людьми и народами. Государи, вступившіе между собою въ священный союзъ, «объявляли предъ лицомъ Вселеннаго свою непоколебимую рѣшимость какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ руководиться не иными какими либо правилами, какъ заповѣдами святыхъ вѣры, заповѣдами любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, должны служить, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водить за собой всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенства».

Вслѣдствіе того они обязывались: 1) «пробывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу пособіе и содѣйствіе; управлять подданными въ духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира; 2) почитать себя членами единого христіанскаго народа, поставленными провинціями для управленія тремя отраслями одного и того же семейства и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ священный союзъ». Вслѣдствіе всѣхъ государи и приступили къ нему, кромѣ Великобританіи, Папской Области и Турціи.

Обѣщанія со стороны императора Александра были искренни; но мы увидимъ, въ какое орудіе деспотизма, по вѣнчъ другихъ людей, особенно Меттерниха, обратился священный союзъ, весьма скоро послѣ своего установленія.

Гуманный по натурѣ и по воспитанію, Александръ I былъ, безспорно, наиболѣе замѣчательный изъ тогдашнихъ государей; но едва-ли силъ его было достаточно для избранной имъ роли—быть умиротворителемъ Европы. Натура впечатлительная и мягкая, Александръ легко поддавался доброму вліянію, готовъ былъ (какъ это доказываетъ начало его царствованія) на всякія политическія реформы, на всякія грандіозныя предпріятія. Но энергіи, настойчивости въ трудѣ у него не было; препятствія его пугали; новыя личности отвлекали его отъ задуманныхъ предпріятій, и нерѣдко заставляли измѣнять, принятымъ разъ, принципамъ. Блистательныя военныя успѣхи, обожаніе, которымъ онъ пользовался въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ — все это вліяло на государя. Прежде въ высшей степени скромный, онъ, послѣ борьбы съ Наполеономъ, необыкновенно возвысился въ собственномъ мнѣніи и любилъ слушать расточаемыя ему похвалы.

Общественное мнѣніе Европы, конечно, было бы гораздо благопріятнѣе для Александра, еслибы имя его не было, при рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ европейской политики, произносимо вмѣстѣ съ именемъ другаго человѣка, который вмѣстѣ съ нимъ, и гораздо болѣе, чѣмъ онъ, господствовалъ въ то время надъ Европой: мы говоримъ о князѣ Меттернихѣ. Съ 8-го октября 1809 по 13-е марта 1848, Меттернихъ управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и кромѣ того, съ 1821 года, былъ государственнымъ канцлеромъ Австріи. Веда жизнь весьма роскошную и обильную любовными приключеніями, этотъ государственный человѣкъ умѣлъ весьма долго сохранить свое вліяніе не только надъ Австріей, но и надъ цѣлою Германіей, надъ Италіей и Россіей. Не имѣя серьезнаго образованія, онъ прикрывалъ этотъ недостатокъ искусною діалектикой; обладая весьма незначительными дарованіями государственнаго человѣка (въ лучшемъ значеніи этого слова), онъ старался и успѣвалъ приобрести силу своею упрямою преданностію консервативнымъ началамъ. Въ теченіе тридцатилѣтней своей министерской дѣятельности, никогда и нигдѣ не высказалъ Меттернихъ какой-либо руководящей, творческой мысли; всегда и вездѣ закономъ для него были неподвижность и рутиня. До такой степени палъ наконецъ этотъ человѣкъ во мнѣніи всѣхъ, сколько-нибудь здравомыслящихъ людей, что въ 1848 году, одинъ изъ министровъ въ Южной Германіи, могъ, при общихъ рукоплесканіяхъ, воскликнуть: «въ имени Меттерниха заключается весь позоръ послѣднихъ десятилѣтій!» Раболѣпствуя предъ государями, щеголяя аристократическими манерами предъ дипломатами, посланниковъ мелкихъ государствъ ослѣпивъ своимъ княжескимъ блескомъ, и подкупая своею любезностію и снисходительностію, Меттернихъ сдѣлался какимъ-то оракуломъ, непогрѣшимостью котораго, впрочемъ, никто не могла быть доказана. Стремленіе, во что бы то ни стало, удержать существующій порядокъ вещей, устранить народъ отъ всякаго участія въ управленіи государствомъ и довести его до степени безправной массы, обреченной лишь на уплату податей, стремленіе удержать правительственную систему, въ силу которой государь владѣеть своею страной на правахъ частной собственности, — вотъ тѣ немногіе принципы, на которыхъ основывалась вся мудрость человѣка, сдѣлавшаго изъ витриги науку государственнаго управленія.

И такой человѣкъ сдѣлался душою священнаго союза. Въ императорѣ Францѣ Меттернихѣ нашли себѣ полное сочувствіе. Францъ пользовался въ Австріи, особенно же въ Вѣнѣ, большою популярностію. Его считали добродушнымъ моваркомъ; одобряли

за то, что онъ каждому изъ своихъ подданныхъ охотно давалъ аудіенцію, и охотно входилъ въ интересы просителей. Иное было дѣло, когда Францу казалось, что новыя идеи гремятъ проникнуть въ его имперію. «Теперь (сказалъ онъ однажды лайбахскимъ профессорамъ) въ ходу новыя идеи; я не могу ихъ признать, и никогда не признаю. Держитесь идей и преданій, которыхъ держались наши предки, и при которыхъ имъ такъ хорошо жилось. Миѣ вовсе не нужно ученыхъ; миѣ нужны храбрые граждане. Ваша обязанность образовывать такихъ гражданъ. Кто миѣ служить, долженъ знать, чего я требую. Кто не знаетъ этого, кто придетъ ко миѣ съ новыми идеями, того миѣ не нужно: пусть удалится, или я самъ удалю его».

До такой степени Францъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ своихъ безусловныхъ, самодержавныхъ правахъ, что не допускалъ ничего продолжительнаго надъ собою вліянія. Не довѣряя самому себѣ, онъ былъ еще недовѣрчивѣе къ другимъ, особенно ко всѣмъ педоужиннымъ, даровитымъ личностямъ: къ Шварценбергу, Радецкому, эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну. Даже духовенство должно было подчиниться ему и ограничаться исполненіемъ его воли. Впрочемъ, Францъ болѣе заботился о мелочахъ управленія, чѣмъ о серьезныхъ задачахъ его: Меттернихъ не вмѣшивался въ эти мелочи, и тѣмъ умѣлъ сохранить свой авторитетъ.

Послѣ вѣнскаго конгресса, Австрія приобрѣла значеніе въ Европѣ не вслѣдствіе своего военного могущества, а благодаря искусству своихъ дипломатовъ и вездѣ-присутствію своихъ шпионовъ и полиціи. Устройство полиціи и Меттернихъ и императоръ Францъ занимались съ величайшею любовью. Это вполнѣ соответствовало той патріархальной системѣ управленія, слѣдующей изъ которой, правительство не срывало своихъ восточныхъ взрѣвнѣй на государственное право, и не рѣдко давало своимъ подданнымъ понять, что жизнь ихъ и собственность вполнѣ принадлежатъ ихъ государю.

Не мало заботилось австрійское правительство о закрытіи своими подданнымъ путей за границу. Отъ вторженія въ страну продуктовъ заграничнаго труда, правительство предохраняло Австрію точно отъ какой-то моровой язвы. Запрещено было посѣщеніе заграничныхъ университетовъ, запрещено было принятіе въ австрійскія школы иностранныхъ учителей и учениковъ (даже десятилѣтнихъ мальчиковъ). На вступленіе въ школу мальчику-иностранцу, моложе 10 лѣтъ, нужно было испрашивать особое дозволеніе. Право открыть частную школу давалось послѣ многихъ хлопотъ и съ весьма многими ограниченіями. Строгою

цензурой и полицейскими запрещеніями изгонялась всякая политическая литература и литература новѣйшей исторіи. Движеніе въ области новѣйшей нѣмецкой философіи и богословія, въ сферѣ естествознанія и историческихъ наукъ было почти неизвѣстно въ Австріи. Правительство терпѣло и поощряло лишь изученіе восточныхъ языковъ и литературъ, въ нѣкоторой степени поэзію и особенно музыку, съ цѣлію успокоить возбужденные умы, и погрузить работающихъ умомъ людей исключительно въ чувственные наслажденія.

Положеніе школь было въ высшей степени неудовлетворительно. Едва три-пятихъ дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, посѣщали ихъ; да и эти немногіе, вмѣстѣ съ учителями, обречены были на механическую дрессировку, на такую науку, изъ которой совершенно изгнаны вопросы: какъ и почему? Къ дѣлу народнаго образованія, правительство старалось привлечь не серьезныхъ ученыхъ, а людей способныхъ на слѣпое повиновеніе. При такихъ условіяхъ, католическое духовенство чувствовало въ себѣ много силъ руководить дѣломъ народнаго образованія, и счумѣло подчинить себѣ школы вполнѣ. Въ гимназіяхъ и университетахъ переходъ съ курса на курсъ былъ поставленъ въ зависимость отъ отмѣтки за отвѣтъ по катехизису или богословію; ученики и наставники обязаны были исповѣдаться разъ по шести въ годъ. Что при такомъ положеніи дѣлъ всего болѣе страдали протестанты, что весьма часто они поставляемы были въ необходимость отречься отъ своего вѣроисповѣданія или скрывать его, понятно само собою.

Не лучше было матеріальное положеніе страны. Торговля и промышленность ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ не находились въ такомъ неразвитомъ состояніи, какъ въ Австріи. Для уничтоженія обязательныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами ничего не было сдѣлано, и богатая Австрія, которая могла бы высылать свои произведенія за границу, едва производила достаточно для своего собственнаго потребленія. Венеціанская и триестская гавани были заброшены; объ усовершенствованіи и усиленіи торговаго флота нечего было и думать.

Въ политической жизни страны обнаруживался политѣйшій застои. Чтобы сколько-нибудь удовлетворить требованіямъ «Лига Германскаго Союза» (Bundesact), въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи частію введены, частію возобновлены сословныя представительныя собранія; но такъ-какъ въ нихъ преобладали дворянство и духовенство, и такъ-какъ права этихъ сословій ограничивались.

заявленіемъ согласія на предположенныя правительствомъ налоги и рекрутскіе наборы, то эти собранія потеряли всякое значеніе и обратились въ пустую формальность.

Дворянство, лишенное образованія и патриотизма, «жившее жизнью полицювъ», не хотѣло и не могло приобрѣсти политическаго значенія, и населеніе имперіи, выросшее въ невѣжествѣ, частію погруженное въ сибаритскую жизнь, частію же томимое ежедневной борьбой за кусокъ насущнаго хлѣба, не имѣло охоты въ политической дѣятельности.

Но и въ Австріи было своего рода «*memento mori*», это Венгрія. Императоръ Францъ съ Меттернихомъ могли усмирить всѣ нѣмецкія провинціи, укротить германскій союзный сеймъ, но не Венгрію. Цѣльхъ четырнадцать лѣтъ не созывался венгерскій сеймъ, который, на основаніи конституціи, долженъ былъ собираться чрезъ каждые три года; назначеніе новыхъ налоговъ, рекрутскихъ наборовъ — все это дѣлалось правительствомъ по его собственному усмотрѣнію. Венгерцы, правда, уступали, повиновались, но оставались при своемъ протестѣ.

Недомки въ сборѣ податей увеличивались. Продолженіе дѣлъ было таково, что правительство должно было сдѣлать нѣкоторыя уступки. Самъ Меттернихъ готовъ былъ на эти уступки, и вотъ въ 1825 году, въ Пресбургѣ былъ открытъ сеймъ. На этомъ сеймѣ, тотчасъ же по открытіи его, стали раздаваться жалобы на политику Габсбурговъ, на ихъ стремленіе къ абсолютизму, на ихъ неуваженіе къ конституціи, и когда императоръ заневулся о безумныхъ стремленіяхъ нововводителей, о навазаніи непокорныхъ, то поднялась такая буря, такое волненіе въ собраніи, что для водворенія тишины, императоръ долженъ былъ своимъ «дурно понатымъ» словамъ вридать совершенно неожиданный смыслъ и увѣрить собраніе, что онъ вполне признаетъ конституціонныя права. Но этимъ дѣло и ограничилось. Политика застоя, бездѣйствія торжествовала по прежнему.

Другое поле дѣятельности Меттерниха представляетъ собою *Германія*. Здѣсь, слѣду событія начала XIX столѣтія, медиатизировано болѣе 100 государствъ и составленъ союзъ тридцати девяти большихъ и малыхъ державъ. Много надеждъ соединилось съ этимъ преобразованіемъ.

Продолжительный гнетъ, тяготѣвшій надъ Германіей, научилъ нѣмцевъ дѣвнить общее свое отечество; побѣда, одержанная соединенными силами нѣмцевъ надъ Наполеономъ, возвысила ихъ національное чувство. Единство Германіи, сильной извнѣ и свободной внутри, конституціонное устройство въ каждомъ отдѣль-

номъ государствѣ, обще-германскій парламентъ во Франкфуртѣ— вотъ все, къ чему стремились, во времена вѣнскаго конгресса, люди, принимавшіе горячо къ сердцу интересы Германіи.

Прежде всего слѣдовало позаботиться объ организаціи отдѣльных государствъ. Отъ береговъ Балтійскаго моря до Баденскаго озера германскій народъ вопіялъ о конституціи и ожидалъ ее. Уже на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшено было ввести представительное правленіе во всѣхъ государствахъ Германіи; тринадцатая статья «Союзаго Акта» ясно гласила, что конституція съ собраніемъ земскихъ чиновъ (landständliche Verfassung) будетъ введена во всѣхъ государствахъ Германскаго союза; но какъ и когда, этого опредѣлено не было.

Первый шагъ на пути политическихъ реформъ сдѣланъ былъ Карломъ-Августомъ, великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ, меценатомъ многихъ писателей Германіи. По свободномъ соглашеніи съ сословіями своей страны, онъ обнародовалъ въ 1816 году конституцію, заключающую въ себѣ всѣ существенныя основанія новейшей государственной жизни: право всѣхъ гражданъ страны избирать и быть избираемыми въ представители на сеймъ; право сейма давать свое согласіе на подати и налоги и не давать этого согласія; свободу печати. Но изъ сѣверныхъ государей Германіи никто не послѣдовалъ примѣру Карла-Августа. На сѣверѣ аристократія была слишкомъ могущественна, чтобы поступиться своими старинными правами и привилегіями. Если гдѣ и возникали сословныя собранія, то они разсуждали о государственныхъ дѣлахъ, притомъ каждое сословіе отдѣльно, и дворянство имѣло рѣшительный перевѣсъ. Такого представительнаго правленія, въ которомъ бы участвовалъ весь народъ, не организовалось ни въ одномъ изъ сѣверныхъ государствъ Германіи. Въ Саксоніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Ольденбургѣ господствовала, какъ и прежде, аристократія.

Въ высшей степени комическое явленіе представляетъ собой курфирсть гессенскій Вильгельмъ I, находившійся съ 1806 по 1813 годъ въ изгнаніи. Возвратившись въ свою страну, которая безъ него была превращена въ королевство Вестфальское, онъ рѣшился стереть изъ памяти людей самыя слѣды французскаго владычества. Тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ Гессенъ, курфирсть призвалъ на службу солдатъ, распущенныхъ еще въ 1806 году, и плацъ-майору Ганауской крѣпости сдѣланъ выговоръ за то, что во все это время онъ не представлялъ своему государю трехмѣсячныхъ отчетовъ. Солдаты вновь должны были надѣть парики и пудрить себѣ голову; чиновники, оставившие

съ пенсіей, вновь приставлены къ своимъ должностямъ; все новое законодательство отмѣнено, и лица, купившія у вестфальскаго правительства конфискованныя имущества, должны были возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ безъ вознагражденія.

Вильгельмъ далъ своей странѣ конституцію; но не хотѣлъ давать сейму права вотировать налоги, не допускалъ разницы между государственной и своей казной, хотѣлъ самъ произвольно распоряжаться финансами, а потому пренія на сеймѣ должны были прекратиться; уполномоченные должны были разойтись по домамъ, и Гессенъ остался безъ конституціи.

Иначе устроились дѣла въ Южной Германіи, гдѣ государи, желая слить старыя и новыя части своихъ государствъ и ослабить вліяніе медіатизированнаго дворянства, готовы были дать своимъ подданнымъ либеральное представительное правленіе. Кромѣ того, они хотѣли своимъ соперничествомъ ослабить вліяніе двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ, въ которыхъ господствовала реакція. Въ май 1818 года объявлена была королею Максимиліаномъ конституція въ Баваріи; въ августѣ того же года — еще болѣе либеральное государственное устройство введено великимъ герцогомъ Карломъ въ Ваденѣ; въ сентябрѣ 1819 окончились пренія о представительномъ правленіи въ Виртембергѣ; въ 1820 году, по настоятельному требованію народа, объявлена была конституція въ Гессенъ-Дармштадтѣ. Конституція, выработанная въ герцогствѣ Нассаускомъ еще въ 1814 году, подвергалась всевозможнымъ бюрократическимъ стѣсненіямъ. Только въ 1818 году былъ открытъ здѣсь въ первый разъ сеймъ; но дѣла были въ такомъ положеніи, что Штейнъ долженъ былъ выйти изъ этого сейма.

Въ великихъ государствахъ, какъ уже сказано выше, царствовала реакція. Правда, въ указѣ своемъ отъ 22 мая 1815 король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ народу представительное правленіе и уже назначилъ срокъ, къ которому долженъ былъ собраться комитетъ изъ королевскихъ чиновниковъ и выборныхъ отъ провинцій, для составленія конституціи. Срокъ прошелъ, а король и не думалъ исполнять свои обѣщанія: онъ былъ въ рукахъ уже не тѣхъ людей, которые помогли ему одержать надъ французами столько славныхъ побѣдъ. Слабый, нерѣшительный, Фридрихъ-Вильгельмъ выказалъ себя непослѣдовательнымъ и въ политикѣ. Идей новаго времени онъ не понималъ; во всякомъ, даже умственномъ движеніи своего народа онъ видѣлъ революцію и съ любовью занимался только богословскими разсужденіями.

Прусскій король обладаетъ всѣми добродѣтелями отца семей-

ства, но вовсе не былъ способенъ управлять обширнымъ государствомъ, а тѣмъ болѣе находится во главѣ Германіи въ дѣлѣ ея объединенія. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ духѣ Штейна и другихъ истинныхъ друзей Германіи, Фридрихъ-Вильгельмъ отдался реакціонной партіи, подчинился раболѣпнѣйшимъ изъ придворныхъ, въ родѣ князя Витгенштейна, въ канцлерѣ Гарденбергѣ король нашелъ только министра, но не человѣка съ характеромъ. Несмотря на свою преданность конституціонной системѣ, этотъ послѣдній, на ахенскомъ конгрессѣ, былъ привлеченъ Меттернихомъ на сторону австрійской политики и берлинской дворянской партіи.

При такихъ обстоятельствахъ должно было случиться, что король, при всемъ своемъ добромъ желаніи, при всей благодарности къ народу, такъ много пожертвовавшему для освобожденія отечества, во времена борьбы съ Наполеономъ,—не исполнилъ своего торжественнаго обѣщанія. Епископъ Эйлертъ такъ выразился о немъ: «Король поступилъ какъ мудрый отецъ: растроганный непритворною любовью дѣтей, въ день рожденія или выздоровленія отъ тяжелой болѣзни, мудрый отецъ ласкаетъ ихъ, выслушиваетъ ихъ желанія и дѣлаетъ для нихъ все, что можетъ; но потомъ спокойно ограничиваетъ ихъ желанія и снова сохраняетъ свой естественный авторитетъ».

Въ промежутокъ времени между указомъ 22 мая 1815 и первымъ сентябрю того же года (срокъ, назначенный для собранія комитета), появился докладъ тайнаго совѣтника Шмальца, который въ весьма плохо написанной брошюрѣ обвинилъ нѣмецкихъ патріотовъ въ революціонныхъ стремленіяхъ, въ желаніи насильственнымъ образомъ ниспровергнуть все существующее государственное устройство Германіи. Обвиненіе это касалось и «Союза доблести» (Tugendbund), къ которому принадлежали всѣ знаменитости Пруссіи. Отрицая всякое воодушевленіе и весь патріотизмъ въ народѣ во время борьбы за освобожденіе, авторъ брошюры приписывалъ успѣхъ Пруссіи строгой дисциплинѣ, безусловному повиновенію волѣ короля. Шмальцъ, своею выходкой приведшій въ восторгъ всю дворянскую партію, получилъ орденъ Краснаго орла. Этотъ орденъ пожалованъ былъ ему тѣмъ самымъ королемъ, который плакалъ отъ восторга и умиленія, когда, весной 1813 года, Шарнгорстъ подвелъ его къ огню бреславльскаго дворца, показалъ ему густыя толпы людей, добровольно шедшихъ на борьбу за отечество, и спросилъ: «убѣдились ли вы, государь, въ воодушевленіи и самоотверженіи народа?» Пожалованіе ордена Краснаго орла можно считать началомъ реакціи въ Пруссіи. Дѣло конституціи было отсрочено.

Можно представить себѣ, что чувствовали въ это время люди, которые вывели Пруссію изъ глубокаго униженія и обновили ее. Не только юноши, но даже посѣдѣлые мужи не могли скрыть своего изумленія и негодованія.

5-го ноября 1816 года во Франкфуртѣ открытъ былъ союзный сеймъ «прекрасною» рѣчью австрійскаго посланника, графа Буоль-Шауэнштейна. Въ рѣчи было много обѣщаній, за которыми, впрочемъ, не послѣдовало исполненія. Всѣ дѣйствія франкфуртскаго сейма были таковы, что навлекали собою самыя рѣзкія обвиненія противъ сейма, какъ учрежденія, весьма мало заботившагося о правахъ народа и его нуждахъ. Уже въ первый годъ дѣятельности франкфуртскаго сейма оказалось, что это собраніе, еще не установивъ хорошенько правъ своихъ и обязанностей, образовало свою плотину, задерживавшую всякую свободную мысль, всякую полезную реформу въ жизни, что оно ни въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, ни въ сферѣ политической и соціальной не пойдетъ рука объ руку съ общественнымъ мнѣніемъ. Безтолковщина при рѣшеніи вопросовъ, относительно которыхъ посланникамъ не дано было никакихъ инструкцій, напоминала стаопный регенсбургскій сеймъ. Такое печальное положеніе дѣлъ особенно живо чувствовалось въ кружкахъ учащейся молодежи, настроеніе которой весьма ясно обнаружилось на празднествѣ, устроенномъ 18-го октября 1817 г. нѣмецкими студентами въ Вартбургѣ, близъ Эйзенаха, по поводу трехсотлѣтня реформаціи. По приглашенію іенскихъ студентовъ, около 500 молодыхъ людей со всѣхъ концовъ Германіи собрались на зготъ празднествъ; даже профессора іенскаго университета: Кизеръ, Фрисъ и Окенъ приняли въ немъ участіе. Торжество имѣло сначала серьезный, религіозный характеръ: сначала до конца слышались на немъ духовныя пѣсни; въ рѣчахъ говорилось объ обманутыхъ надеждахъ нѣмцевъ, о Веймарѣ, какъ политическомъ оазисѣ Германіи, о настоячивости въ борьбѣ. Подъ вечеръ большая часть собранія разошлась; осталась небольшая кучка студентовъ, и они-то, по примѣру Лютера, сжегшаго папскую буллу, сожгли нѣкоторыхъ сочиненія, написанныя въ крайне реакціонномъ духѣ и направленные противъ либеральнаго движенія, напримѣръ, брошюру Шмальца, жандармскій кодексъ Кампца, исторію Коцебу и другія.

Уже Шмальцъ показалъ, какъ мало раздѣляютъ убѣжденія германскаго юпошества тайные совѣтники короля. Тайный совѣтникъ Кампцъ, огорченный сожженіемъ своего кодекса, написалъ цѣлое сочиненіе противъ упомянутой сейчасъ выходки студентовъ въ Вартбургѣ, и отправилъ великому герцогу веймарскому

дерзкое письмо, исполненное упрековъ за то, что этотъ государь не вводитъ въ странѣ своей лучшаго порядка. Со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія на этого просвѣщеннаго государя; не только Австрія и Пруссія, но даже Франція и нѣкоторые другія государства отправляли въ Іену ноту за нотой, посла за посломъ, чтобы побудить великаго герцога принять мѣры противъ свободы печати, а также противъ профессоровъ и студентовъ, и не напрасно: веймарское правительство вынуждено было принять нѣкоторыя репрессивныя мѣры противъ либерализма.

Новаго масла подлилъ въ огонь Стурдза, написавшій, по порученію императора Александра, записку о состояніи Германіи и предложившій ее собранію государей и дипломатовъ на Ахенскомъ конгрессѣ. Въ ней онъ устрасалъ государей призракомъ близкой нѣмецкой революціи и совѣтовалъ имъ принять самыя строгія мѣры противъ печати и университетовъ. Брошюра произвела сильное впечатлѣніе, и дипломаты рѣшились собраться на слѣдующій годъ въ Карлсбадъ для совѣщаній по затронутымъ въ ней вопросамъ. Въ это-то время случилось весьма печальное событіе, способствовавшее быстрому усиленію реакціи въ Германіи.

Сочиненіе Стурдзы вызвало негодованіе многихъ въ Германіи. Двое іенскихъ студентовъ вызвали сочинителя на дуэль, но Стурдза въ это время нашель, что веймарскій климатъ вреденъ для его здоровья, переселился въ Дрезденъ и оттуда заявилъ, будто бы сочиненіе его задумано, написано и издано не по собственной инициативѣ, а по повелѣнію императора Александра I.

Въ то же время въ Веймарѣ проживалъ еще одинъ человекъ, непопулярный въ Германіи, именно Коцебу, известный драматическій писатель и публицистъ. «Коцебу былъ ревностный консерваторъ, но не одно это возбуждало противъ него ненависть: никто такъ беспощадно не осмѣивалъ «странность» нѣмецкаго либеральнаго движенія, этого «разброда чувствъ и ума» въ новомъ дѣлѣ, къ которому было такъ мало приготовленія. Коцебу былъ въ русской службѣ, имѣлъ русскій чинъ, имѣлъ порученіе сообщать русскому правительству о всѣхъ политическихъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Германіи. Либералы догадывались, въ какомъ тонѣ Коцебу дѣлалъ свои сообщенія». Общественное мнѣніе называло Коцебу шпиономъ и измѣнникомъ всему святому. Іенскій профессоръ Люденъ захватилъ одинъ изъ секретныхъ отчетовъ Коцебу, отправленныхъ въ Россію, и напечаталъ его въ своемъ журналѣ «Немезида». Коцебу пожало-

* Эпоха конгрессовъ. «Вѣстникъ Европы» 1867, № 1, стр. 348.

нался веймарскому правительству, началъ судебный процессъ противъ Немезиды и выигралъ его, но скоро, именно въ мартѣ 1819 года, студентъ Карлъ Зандъ закололъ Коцебу кинжаломъ. Слѣдствіе, назначенное по этому поводу, не открыло ни одного соумышленника и ни одного соумышленника Занда; 20-го мая 1820 г. виновный былъ казненъ. Поступокъ Занда имѣлъ послѣдствіемъ совершенно противоположныя тѣмъ, которыхъ отъ него ожидали: реакція усилилась, тѣмъ болѣе, что почти въ одно и то же время аптекаръ Карлъ Лѳнингъ сдѣлалъ въ Швальбахѣ покушеніе на жизнь статскаго совѣтника Ибелля, бывшаго главнымъ орудіемъ реакціонной партіи въ Нассау.

Извѣстіе объ убіеніи Коцебу получено было въ Берлинѣ въ то время, когда Вильгельмъ Гумбольдтъ работалъ надъ составленіемъ конституціи для Пруссіи, и лично и письменно совѣщался по этому предмету съ Штейномъ. Первымъ словомъ Гарденберга было: «теперь конституція невозможна!» Король велѣлъ почитать Коцебу торжественными поминками. Тайные совѣтники торжествовали. Меттернихъ продолжалъ, и съ величайшимъ успѣхомъ, убѣждать прусскаго короля въ совершенной невозможности какого бы то ни было представительнаго правленія, въ необходимости общими силами ратовать противъ конституціонныхъ государствъ и сломить силу всѣхъ, выходящихъ изъ ряда, приверженцевъ національной партіи. Предоставляя Пруссіи первую роль въ преслѣдованіи демагоговъ (въ одряхлѣвшей Австріи некого было преслѣдовать), онъ надѣялся извлечь двойную выгоду: остановить либеральное движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать кредитъ, которымъ до того времени еще пользовалась Пруссія.

Ударъ послѣдовалъ за ударомъ. Въ іюлѣ 1819 года были закрыты гимнастическія школы; профессоръ Янгъ былъ заключенъ въ Шпандау, а потомъ въ Кюстрингъ; Аридтъ и братья Велькеры арестованы; многіе учителя и студенты подверглись той же участи. Въ Берлинѣ была учреждена слѣдственная коммиссія, въ которой засѣдали, между прочимъ, реакціонные министры, князь Витгенштейнъ и тайный совѣтникъ Кампль.

Затѣмъ послѣдовали карлсбадскія совѣщанія. 6-го августа 1819 года открытъ былъ въ Карлсбадѣ конгрессъ министровъ; на которомъ присутствовали представители Австріи, Пруссіи и восьми второстепенныхъ государствъ. Предсѣдательствовалъ Меттернихъ, велъ протоколы Генцъ; талантливый писатель, искусный въ словѣ и дѣлѣ, нѣкогда преданный либеральнымъ идеямъ, но измѣнившій имъ ради матеріальныхъ выгодъ и вступившій на службу къ Меттерниху.

Отъ такихъ руководителей нельзя было ждать пощады; и въ самомъ дѣлѣ: свобода печати была ограничена цензурой; въ Майнцѣ учреждена центральная коммиссія для разслѣдованія тенденцій демагоговъ; союзъ нѣмецкихъ студентовъ, именованійся обществомъ буршей (Burschenschaft), запрещенъ; гимнастическія школы закрыты, университеты подчинены надзору попечителей отъ правительства, и наконецъ объявлено, что рѣшеніямъ союзнаго сейма должны подчиняться всѣ нѣмецкія правительства.

Эти карлсбадскія рѣшенія могли войти въ силу только въ случаѣ согласія на нихъ франкфуртскаго собранія. Франкфуртскій сеймъ выказалъ совершенную готовность выдать карлсбадскія постановленія за свои собственныя и узаконить ихъ на нять лѣтъ (срокъ, который впоследствии былъ продолженъ). Но всего этого было недостаточно. Для того, чтобы разрушить послѣдній оплотъ свободы въ Германіи, чтобы превратить южнонѣмецкіе парламенты или сеймы въ старомодныя сословныя собранія, и сдѣлать засѣданія ихъ негласными, въ Вѣнѣ 25-го ноября открыта была конференція министровъ, рѣшенія которой, состоявшіяся 16-го мая 1820 года, были утверждены 8-го іюня того же года франкфуртскимъ союзнымъ сеймомъ и приняты въ число основныхъ законовъ Германскаго Союза. Правда, нѣкоторыя изъ мѣръ вѣнской конференціи не были приведены въ исполненіе, благодаря усиліямъ Баваріи и Виртемберга, но все же отношенія отдѣльныхъ правительствъ къ союзному сейму были измѣнены. При учрежденіи союзнаго сейма вѣнскій конгрессъ имѣлъ въ виду возможно меньше дать власти этому собранію и возможно больше отдѣльнымъ государствамъ Германіи; но благодаря священному союзу, конгрессамъ и вѣнской конференціи, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Союзный сеймъ во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ государствъ Германіи получилъ верховную власть: правительства Германіи должны были безусловно повиноваться голосу франкфуртскаго собранія, находившемуся подъ вліяніемъ Австріи и Пруссіи.

Впрочемъ, Пруссія скоро должна была уступить гегемонію въ Германіи австрійскому правительству, чѣмъ возмущены были весьма многіе. Въ министерствѣ были еще мужественные люди, несогласовавшіеся съ карлсбадскими рѣшеніями; они-то требовали отъ министра иностранныхъ дѣлъ отчета въ его дѣйствіяхъ и готовы были потягаться съ Австріей, но король не оказалъ имъ помощи, вслѣдствіе чего Вильгельмъ Гумбольдтъ, военный министръ Боленъ и великій канцлеръ Бейме должны были уступить Витгенштейну и Кампцу. Затѣмъ послѣдовали въ Пруссіи: строгія цензурныя мѣры, объявленіе карлсбадскихъ по-

становленій, отставка профессоровъ, имѣвшихъ независимыя убѣжденія. Де-Ветте, профессоръ богословія въ Берлинѣ, долженъ былъ оставить кафедру и удалиться въ Базель за то, что въ письмѣ своемъ къ матери студента Занда сказалъ нѣсколько словъ въ оправданіе его поступка съ точки зрѣнія побужденій, внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ этотъ поступокъ. Гёррессъ, избѣжавшій въ 1819 году ареста, былъ отставленъ отъ профессорской должности; Арндтъ также долженъ былъ оставить кафедру; только черезъ двадцать лѣтъ получилъ онъ свои бумаги письма, именно лѣтомъ 1840 года, когда новый прусскій король Вильгельмъ IV призвалъ его снова занять мѣсто профессора въ боннскомъ университетѣ. Профессоръ Янгъ цѣлый годъ пробывъ подъ слѣдствіемъ, оправданъ, но отданъ подъ надзоръ полиціи. Въ то же время министерство по цѣлымъ недѣлямъ занималось весьма серьезными дѣлами: преобразованиемъ формы студенческихъ вражекъ и платы, возложеніемъ на духовенство нѣкоторыхъ обязанностей полиціи, и издаю въ 1821 году указъ, которымъ запрещалось употребленіе многозначительныхъ и много напоминающихъ словъ: протестантъ и протестантизмъ. Цензоры должны были замѣнять эти слова терминомъ *evangelisch* (евангелическій).

Вопросъ о конституціи рѣшевъ былъ весьма круто. Въмѣсто представительства цѣлой страны, королевскимъ патентомъ 5-го іюля 1823 года введены были собранія провинціальныхъ чиновъ (*Provinzialstände*), которыя имѣли лишь совѣщательный голосъ и должны были совѣщаться лишь о томъ, что имъ предложено министрами, и притомъ касаться лишь интересовъ провинцій, а не цѣлаго государства. Но что всего въ нихъ было неудобнѣе, это рѣшительное преобладаніе аристократическаго элемента. Такимъ-то образомъ правительство сочло себя исполнившимъ обязательство, требуемое тринадцатымъ параграфомъ союзнаго акта. Если еще нужны были доказательства тому, что Германія вовсе не была объята революционнымъ духомъ, то этотъ одинъ фактъ могъ замѣнить всевозможныя доказательства: въ Пруссіи, какъ и въ другихъ государствахъ Германіи, въ наказаніе народу за поступокъ двухъ увлеченныхъ фанатиковъ, правительство нарушило свое обѣщаніе дать конституцію, и народъ не обнаружилъ ни малѣйшаго волненія.

Въ то время, какъ Пруссія безусловно покорилась Меттерниху, государства Южной Германіи выказали несравненно больше самостоятельности. Виртембергскій король Вильгельмъ былъ здѣсь душою оппозиціи. Въ цвѣтѣ силъ и здоровья, полный самоотверженія для блага народа, доступный вліянію духа новаго

времени, онъ не хотѣлъ допустить ничего вмѣшательства во внутреннія дѣла Виртемберга. Онъ хотѣлъ, чтобы небольшія государства Германіи соединились въ политическій и военный союзъ съ цѣлью противоудѣлять преобладанію великихъ державъ. Но благодаря особенному положенію Сѣверной Германіи и постоянному соперничеству нѣмецкихъ правительствъ, это было невозможно. Тѣмъ не менѣе Вильгельмъ продолжалъ вести неравную борьбу съ помощью Вангенгейма, виртембергскаго уполномоченнаго на союзномъ сеймѣ. И король и министръ были рѣшительными противниками вѣнской и карлсбадской системъ. Чтобы защитить себя отъ Меттерниха, король обратился къ родственнику своему, императору Александру, потромя къ Англіи, которая на европейскихъ конгрессахъ чаще другихъ державъ защищала дѣло свободы; но трудно было бороться съ этимъ сяднымъ человекомъ. Австрійскій государственный канцлеръ объявилъ Вангенгейма врагомъ австрійской политики въ Германскомъ Союзѣ, врагомъ священнаго союза и требовалъ его отставки; но требованіе не было исполнено. Тогда вѣнскій посланникъ отозванъ былъ изъ Штутгарта; а за нимъ послѣдовали послы берлинскій и петербургскій. Лишенный поддержки своихъ южно-нѣмецкихъ сосѣдей, виртембергскій король долженъ былъ уступить. Онъ написалъ покаянное письмо къ императору Александру, къ императору Францу и королю Фридриху-Вильгельму прусскому, отозвалъ Вангенгейма изъ Франкфурта, гдѣ, на союзномъ сеймѣ, этотъ министръ горячо защищалъ дѣло народнаго самоуправленія, и слѣдующимъ лѣтомъ (1824) послалъ министра своего Моклера въ Доганисбергъ; тамъ, вмѣстѣ съ государями и дипломатами, Меттернихъ разсуждалъ о томъ, какъ бы удалить съ союзнаго сейма всѣхъ либеральныхъ уполномоченныхъ и такимъ образомъ превратить это собраніе «въ постоянный дипломатическій союзъ государей и министровъ».

Все, что ни задумывалъ Меттернихъ совершить въ Германіи, удавалось ему. Предложеніе его (1824) продолжить срокъ, въ теченіе котораго имѣли силу карлсбадскія рѣшенія, было принято союзнымъ сеймомъ, и майнцкая слѣдственная коммиссія была такъ счастлива, что открыла революціонное общество, желавшее основать германскую республику или имперію, подъ управленіемъ Вильгельма Виртембергскаго, стремившееся къ единству Германіи, то-есть къ тому же, изъ-за чего съ такимъ успѣхомъ ратовала Пруссія въ 1866 году. Тѣ стремленія, которыя въ 1866 году оказались законными, въ то время считались революціонными и опасными. Ненавистная во всей Германіи, слѣдственная

комиссія дѣйствовала неутомимо и нашла такую поддержку въ Пруссіи, что лучшей не могъ желать даже Меттернихъ. Молодые фанатики были присуждаемы къ 13—15 лѣтнему заключенію въ крѣпости.

Въ южной Германіи замѣтны были также признаки реакціи. Въ Ваденѣ новый великій герцогъ Людвигъ, несмотря на существованіе палаты, часто нарушалъ конституцію; еще чаще нарушалъ права народныя Максимилианъ, король Баваріи. Со вступленіемъ на баварскій престолъ сына его Людвигъ, казалось, наступила новая эра для этой страны. Подобно своему вюртембергскому сосѣду, онъ былъ совершенною противоположностію отцу: во времена рейнскаго союза онъ выказалъ истинный патриотизмъ, побратски водился съ незнатными людьми, съ художниками, горячо сочувствовалъ грекамъ, ратовавшимъ за свое освобожденіе. Любя искусства, Людвигъ хотѣлъ сдѣлать Мюнхенъ метрополіей наукъ и художествъ, перенесъ (1826) университетъ изъ Ландсгута въ столицу и призвалъ къ преподаванію такихъ профессоровъ, какъ Шеллингъ, Шубертъ, Окенъ, Гёррессъ. Но скоро ослабла въ королѣ жажда реформъ. Поощряя высшія школы, высшія академіи, онъ недостаточно заботился объ образованіи простаго народа. Для устройства путей сообщенія оставалось въ казнѣ очень мало денегъ. Людвигъ былъ слишкомъ романтикъ, чтобы находить удовольствіе въ правительственномъ трудѣ, а потому предоставилъ государственное управленіе министрамъ, которые, находясь въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ духовенствомъ, охотно приняли на себя этотъ трудъ и постарались о томъ, чтобы государственная колесница пошла по старой колѣѣ.

Не только въ политикѣ, но и въ литературѣ Германіи замѣтна борьба старыхъ идей и системъ съ новыми. Съ одной стороны мы видимъ романтику, съ ея средневѣковыми формами и туманными образами; въ началѣ она была въ союзѣ съ борцами за освобожденіе Германіи, потомъ, послѣ побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, приближалась къ политической реакціи. Такъ, опальный прежде Гёррессъ сдѣлался ультрамонтаномъ и мистикомъ, между тѣмъ какъ Янгъ и Арндтъ, съ которыми Гёррессъ составлялъ триумвиратъ, сошли съ политическаго поприща. Самые крайніе люди этого направленія, къ которымъ принадлежали Генцъ и Фридрихъ Шлегель, стали защищать въ сферѣ политики аристократію и крайній абсолютизмъ, въ сферѣ религіи—піэтизмъ и ультрамонтанство, помогли прусскому королю осуществить соединеніе лютеранизма съ кальвинизмомъ и ввести со-

ставленную имъ съ епископомъ Элертомъ литургію. Напрасно сопротивлялся этому догматикъ Шлейермахеръ, колебавшійся между рационализмомъ и ортодоксіей.

Противоположность всѣмъ этимъ стремленіямъ составляетъ либерализмъ, проявившійся во всѣхъ формахъ умственной жизни: въ религіи выраженіемъ его былъ рационализмъ, въ поэзіи—идеалы юной Германіи. И въ той и другой сферѣ либерализмъ ратовалъ противъ старинныхъ, частію отжившихъ, возрѣвнѣи формъ, но въ то же время отличался терпимостію къ французскимъ идеямъ и учрежденіямъ, сдѣлавшимся ненавистными въ Германіи во времена Наполеонова владычества.

Какъ историкъ, дѣйствовалъ въ этомъ направленіи Карлъ Роттекъ, профессоръ политическихъ наукъ въ Фрейбургѣ, одинъ изъ наиболѣе выдававшихся членовъ баденской конституціонной палаты. Своею всемірною исторіей, разошедшеюся во многихъ тысячахъ экземплярахъ, и носящей на себѣ отпечатокъ свободного человѣка, Роттекъ, несмотря на свою односторонность, а можетъ быть, и благодаря ей, способствовалъ пробужденію политическаго сознанія въ обществѣ болѣе, чѣмъ всякій другой писатель, даже болѣе, чѣмъ превосходящій его по таланту Шюссеръ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ центрѣ нѣмецкаго романтизма, въ Берлинѣ, сильно распространилась, въ описываемое нами время, философія Гегеля. Высказавъ тотъ основной принципъ, что разумъ есть единственный источникъ познанія, что никакая наука не можетъ избѣжать критики разума, эта философія стала въ открытое сопротивленіе піэтизму, боющемуся свободного изслѣдованія. Какъ ни старался Гегель жить въ ладу съ преобладающими властями, все же система его должна была проложить путь развитію свободной политической жизни, какъ это и оказалось въ сороковыхъ годахъ, когда ученики Гегеля, сѣмѣвшіе ясно и общедоступно изложить его систему, приобрѣли сильное вліяніе на общество и изъ основныхъ положеній этой системы стали дѣлать заключенія, примѣнимыя къ политикѣ.

Меттернихъ нѣкоторое время наслаждался поэтическими произведеніями Гейне, читалъ ихъ съ жадностію и надѣялся, что нѣмцы такъ погрузятся въ поэзію и науку, что на долго прекратятъ всякія политическія безразсудства. Но онъ ошибся. Если Меттерниху и удалось изгнать либерализмъ изъ практической политики, изъ кабинетовъ и конгрессовъ, то этотъ либерализмъ развивался и дѣлалъ свое дѣло втиши, и въ рядахъ своихъ насчитывалъ лучшихъ людей Германіи.

2. ИТАЛІЯ. ВОЛНЕНІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ И ПЬЕМОНТѢ. КОНГРЕССЫ ВЪ ТРОИНАУ И ЛАЙБАХЪ.

Положеніе Италіи по низверженіи Наполеона. Карбонаріи. Папа Пій VII. Реакція въ мелкихъ государствахъ Италіи. Австрійское управленіе въ Миланѣ и Венеціи. Фердинандъ I, король обѣихъ Сицилій. Революція въ Неаполѣ. Король присягаетъ конституціи. Революція въ Палермо. Сицилія объявляетъ свою независимость отъ Неаполя. Неудача сакцильцевъ. Мѣры Меттерниха противъ революціи. Конгрессъ въ Троинау. Конгрессъ въ Лайбахѣ. Австрійцы въ Неаполѣ. Реакція. Реставрація въ Сардиніи. Патриоты и Карлъ-Альбертъ. Революція въ Алессандріи и Туринѣ. Викторъ-Эммануилъ отказывается отъ престола. Двуличность Карла-Альберта. Сардинская революція подавлена. Австрійское правительство мститъ миланцамъ. Состояніе Италіи въ третьемъ десятилѣтіи XIX вѣка. Пророчество кардинала Бернетти.

Меттерниху хотѣлось имѣть въ Италіи такое же вліяніе, какъ и въ Германіи. Политическія отношенія обѣихъ странъ были почти одни и тѣ же: какъ тамъ, такъ и здѣсь существовало нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, владыки которыхъ завидовали другъ другу, своею реакціонною политикою лишали себя любви народной и готовы были дѣйствовать за одно съ императоромъ Австріи. Возвративъ себѣ богатѣйшее и прекраснѣйшее изъ завоеваній Наполеона, Ломбардо-Венеціанскую область, австрійскій императоръ рѣшился замѣнить Наполеоново вліяніе въ Италіи своимъ собственнымъ и, утвердившись въ Миланѣ, господствовать надъ всѣмъ полуостровомъ. Чтобы достигъ этой цѣли, Австрія должна была распространить принципы священнаго союза и на Италію, и здѣсь, также какъ въ Германіи, предпринять борьбу противъ всѣхъ либеральныхъ стремленій, противъ печати и конституцій; должна была противодействовать усиліямъ патриотовъ къ объединенію Италіи, допуская въ ней лишь такое единство, при которомъ она могла бы находиться въ вассальной зависимости отъ Австріи. Но еще не было извѣстно, можетъ ли долготерпѣніе нѣмцевъ служить примѣромъ для заальпійскаго народа, могутъ ли обитатели склоновъ Везувія подчиниться феодальному порядку вещей, какъ населеніе Кѣнигштейна и Брокена. Много было обстоятельствъ, заставлявшихъ предполагать противное: не одинъ только горячій, легко увлекающійся темпераментъ южнаго челоуѣка. Преходъ отъ французскаго господства къ владычеству старинныхъ феодальныхъ династій былъ здѣсь гораздо круче и рѣзче, чѣмъ въ Германіи. Между тѣмъ, какъ въ этой послѣдней странѣ, подъ владычествомъ Наполеона, бѣльшая часть правителей удержали свой тронъ, въ Италіи всѣ государи были изгнаны Наполеономъ, и въ ихъ отсутствіе всюду введены были учрежденія и права,

выработанныя во Франціи переворотомъ 1789 года, а именно: равенство вѣсѣ сословій передъ закономъ, свобода богослуженій, свобода промышленности, право отчужденія и дѣлимость собственности и новое судопроизводство, основанное на Наполеоновомъ кодексѣ. Множество злоупотребленій, вся мелочность, свойственная администраціи миниатюрныхъ государствъ, весь неестественный гнетъ духовенства надъ народомъ были устранены французскимъ владѣтельствомъ. Возвратившимся государямъ было бы всего удобнѣе удержать все, что слѣдовало признать хорошимъ во французскомъ законодательствѣ, видимо облегчившемъ судьбу народа, и на этой основѣ утверждать новыя, національныя учрежденія. Но вмѣсто этого, почти всѣ государя Италіи вычеркнули изъ своей памяти дѣльнѣе два десятилѣтія, начали дѣйствовать въ духѣ прежняго порядка вещей и вызвали вновь къ существованію всѣ тѣ старинныя учрежденія, которыми могла поддерживаться ихъ собственная сила и блескъ. Благодаря такой политикѣ, государя Италіи весьма скоро навлекли на себя сильнѣйшее неудовольствіе своихъ подданныхъ.

Различныя элементы оппозиціи не замедлили получить правильную организацію. Давно уже по всему полуострову распространилось общество карбонаріевъ. Возникнувъ въ XVIII столѣтіи изъ ордена каменщиковъ, это общество заимствовало отъ него различныя церемоніи и всю таинственность, особенно сильно дѣйствующую на юношество. Первоначально, общество это ратовало, во имя просвѣщенія, противъ клерикальнаго гнета, впоследствии (послѣ французской революціи) приняло политическій характеръ. Всѣ карбонаріи желали единства и независимости Италіи; но относительно формы правленія въ этомъ единомъ государствѣ не всѣ они сходились между собою. Общество это было весьма многочисленно; въ 1819 году оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Неаполѣ и насчитывало до 60 тысячъ членовъ.

Всего болѣе благоприятныхъ условий для дѣятельности карбонаріевъ представляла Папская область, гдѣ, по возвращеніи Пія VII, все пошло по старому, и государственная власть неслыханнымъ образомъ притѣсняла народъ. Восстановлены были всѣ законодательныя мѣры, направленныя къ истребленію еретиковъ; снова введена инквизиція, снова собралась конгрегація, предохранявшая общество отъ распространенія запрещенныхъ книгъ, и немедленно запретила всѣ, появившіяся недавно, политическія сочиненія. За одинъ разъ открыто было 2,436 монастырей, содержаніе которыхъ было великимъ бременемъ для народа. Декретомъ 7-го августа 1815 года былъ восстановленъ орденъ

іезуитовъ, несмотря на противодействие народонаселенія. Эти ревнители о католичествѣ дошли до того, что равенскій инквизиторъ осудилъ на смерть крещенаго еврея за то, что тотъ отпалъ отъ истинной вѣры. Кардиналъ Павка такъ радикально дѣйствовалъ противъ французскихъ законовъ и учрежденій, что не пощадилъ даже введеннаго французами освѣщенія улицъ и оспопрививанія. Всѣ высшія должности по управленію и суду опять перешли въ руки прелатовъ, и управляли она государствомъ такъ, что нищенство и грабежъ достигли невообразимой степени. Цѣлыя деревни промышляли этими дѣлами, и однажды объявлены были въ общему свѣдѣнію имена 57 грабителей-душегубцевъ. Земледѣліе, промышленность и торговля были въ упадкѣ. Напрасно болѣе либеральный кардиналъ Ковзальви хотѣлъ улучшить нѣкоторыя части управленія; въ партіи Павки онъ нашелъ неодолимое сопротивленіе. Несмотря на неумѣнье управлять собственною страной, римская курія стремилась распространить свое вліяніе и господство на другія государства и съ этою цѣлью заключала конкордаты съ различными итальянскими правительствами. Въ Неаполѣ духовенству даны были такія привилегіи, что оно составляло какъ бы государство въ государствѣ. То же было въ Моденѣ, которая вмѣстѣ съ Пармой находилась подъ вліяніемъ Австріи.

Лучшамъ изъ итальянскихъ государей того времени былъ Фердинандъ III, великій герцогъ тосканскій, старавшійся сдѣлать столицу свою, Флоренцію, средоточіемъ умственной жизни и литературнаго движенія Италіи и стремившійся поставить себя въ возможно меньшую зависимость отъ Австріи. Правда, и здѣсь отмѣнены были почти всѣ законы и учрежденія временъ французскаго владычества, но все же было больше жизни, чѣмъ въ остальной Италіи.

Въ Ломбардо-венеціанской области австрійское правительство старалось задобрить народъ заботами о его матеріальныхъ интересахъ, ограниченіемъ привилегій дворянства и духовенства и правильною администраціей. Но центральныя конгрегація какъ въ Ломбардіи, такъ и въ Венеціи (двѣ эти области управлялись каждая особо) были весьма плохою замѣною народнаго представительства: выборъ членовъ этихъ собраній вполнѣ зависѣлъ отъ правительства, и дѣятельность ихъ ограничивалась составленіемъ петицій. По желанію народа, въ Ломбардо-венеціанскую область присланъ былъ вице-король; но завистливый императоръ позаботился о томъ, чтобы постъ этотъ занятъ былъ не самымъ даровитымъ изъ его братьевъ. И здѣсь, какъ во всей имперіи, вся дѣятельность народа, и матеріальная и духовная, находилась

подъ сильнымъ и ненавистнымъ полицейскимъ вліяніемъ, отдавшимъ отъ правительства всѣхъ лучшихъ и даровитѣйшихъ людей. Во всѣхъ вопросахъ мѣстнаго управленія австрійское правительство должно было пользоваться совѣтами и помощію самыхъ недостойныхъ личностей. Если крестьяне, довольные своимъ матеріальнымъ положеніемъ, не выказывали вражды къ Австріи, то все образованное населеніе чувствовало на себѣ гнѣтъ чужеземнаго ига и такъ же искренно ненавидѣло Австрію, какъ во время оного горожане ломбардскаго союза ненавидѣли владѣтельство Гибеллиновъ.

Ничего такъ не боялась Австрія, какъ распространенія либеральныхъ идей и введенія свободныхъ учрежденій въ государствахъ средней и южной Италіи; ибо оттуда эта зараза могла проникнуть въ Миланъ и Венецію. Чтобы предотвратить такую бѣду, Австрія заключила съ неаполитанскимъ королемъ договоръ, которымъ этотъ король обязывался не вводить въ своей странѣ никакой конституціи, никакихъ учрежденій, которыя могли бы казаться либеральнѣе ломбардскихъ, и даже, если возможно, держаться въ этомъ отношеніи градусами двумя ниже миланскаго термометра. Ничего не было легче для Фердинанда I, какъ исполнить это обязательство. Государь, лишенный образованія, слабодушный, зависѣвшій отъ своихъ приближенныхъ, онъ довѣрялся все болѣе и болѣе такимъ людямъ, которые ему льстили и поддерживали его абсолютизмъ. Когда, по паденіи короля Мюрата, Фердинандъ воротился въ Неаполь и принялъ титулъ короля обѣихъ Сицилій, то немедленно приступилъ къ отмѣнѣ всѣхъ учрежденій, оставшихся отъ временъ французскаго владѣтельства. Чтобы уравнять всѣхъ своихъ подданныхъ передъ закономъ, онъ отмѣнилъ конституцію, введенную въ Сициліи, при генералѣ Бентингѣ. Во всемъ королевствѣ провозглашено было неограниченное монархическое правленіе. Принятіемъ конкордата и предоставленіемъ школъ въ вѣдѣніе іезуитовъ, король подвинулъ народное образованіе назадъ на цѣлое столѣтіе. Но промыслы воровъ и бандитовъ достигъ въ короткое время такой степени процвѣтанія, что въ 1817 году насчитывалось около 30.000 человекъ, занимавшихся имъ. Чтобы сколько-нибудь помочь горю, правительство должно было заключать формальные договоры съ начальниками бандитовъ и такимъ образомъ подавлять грабителей съ помощію ихъ же вождей. Всего неразумнѣе было со стороны правительства усиленіе недовольства войска. Служившіе при Мюратѣ солдаты и офицеры были постоянно унижаемы, и преобразование всей арміи поручено было чужеземному генералу, австрійцу. Но, несмотря на всѣ усилія удалить изъ арміи всевозможные либеральные элемен-

ты, правительство не могло не прибѣгнуть къ нѣкоторымъ независимымъ личностямъ: калабриецъ Пепе, весь свой вѣкъ участвовавшій въ различныхъ заговорахъ, былъ отправленъ въ провинцію для составленія милиціи. Пепе, конечно, постарался о томъ, чтобы набранные имъ люди были отличными солдатами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усердными карбонаріями. Пепе сталъ во главѣ обширнаго заговора, распространеннаго по всей странѣ, и недоставало только повода, чтобы возстаніе вспыхнуло.

Поводъ наконецъ представился. Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій узналъ народъ, что въ Испаніи вспыхнуло возстаніе и что испанскій король согласился дать народу конституцію.

2-го іюля 1820 года, лейтенантъ Морелли, начальникъ отряда войскъ, стоявшихъ въ Нолѣ, обратился къ своимъ солдатамъ съ рѣчью, въ которой предложилъ имъ послѣдовать примѣру испанской арміи. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе: солдаты, а съ ними вмѣстѣ и часть городскаго населенія и даже многіе монахи двинулись изъ Нолы и отправились въ Авеллино. Тамошній начальникъ войска присоединился къ Морелли, и всѣ вмѣстѣ направились къ столицѣ. Въ Неаполѣ была страшная суматоха. Послѣ долгихъ колебаній, правительство ввѣрило начальство надъ милиціей популярнѣйшему изъ начальниковъ Пепе и поручило ему подавить возстаніе, но скоро отозвало его. Пепе, съ двумя полками конницы, перешелъ къ инсургентамъ въ Авеллино и сталъ во главѣ всего предпріятія. Въ тотъ же вечеръ, во дворецъ короля явились пятеро карбонаріевъ и, именемъ народа, требовали объявленія конституціи. Король Фердинандъ просилъ отсрочки, но хитрость не удалась, и онъ долженъ былъ на слѣдующій же день (7 іюля) согласиться на это требованіе. Пепе, кромѣ того, сдѣлалъ королю слѣдующія предложенія: дать формальную присягу конституціи, учредить юнту изъ 15 человекъ для примѣненія началъ испанской конституціи къ неаполитанской государственной жизни и назначить его, Пепе, генераллссимусомъ всѣхъ войскъ. Король на все согласился. 9-го іюля, Пепе, во главѣ возставшихъ войскъ, при стеченіи многочисленнаго народа, торжественно вошелъ въ Неаполь. Принцъ калабрійскій (сынъ короля) и весь дворъ, въ трехцѣтныхъ карбонарскихъ украшеніяхъ, были видимы въ это время на балконѣ дворца.

Король, подъ предлогомъ болѣзни, хотѣлъ уклониться отъ присяги, но 13 іюля долженъ былъ исполнить обѣщаніе и при многочисленномъ собраніи, предъ Евангелиемъ поклясться, что будетъ хранить конституцію. Окончивъ клятвенное обѣщаніе, Фердинандъ произнесъ слѣдующія слова: «Всемогущій Боже!

Ты, Который, Своимъ всепроницающимъ окомъ видишь душу человѣка, и читаешь грядущее: если я лгу или хочу нарушить клятву, то порази меня въ это же мгновеніе громомъ праведнаго Твоего гнѣва!» Слезы радости проливали въ это время многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ зрѣлищѣ; принцы обнимали другъ друга; народъ былъ внѣ себя отъ восторга, и день этотъ всѣ называли прекраснѣйшимъ днемъ. Но — все это была одна комедія.

Тотчасъ же назначено было новое министерство и созвана юнта: какъ тамъ, такъ и здѣсь призваны были къ дѣятельности сподвижники Мюрата. Открытый 1 октября національный парламентъ немедленно началъ совѣщанье объ измѣненіяхъ въ испанской конституціи, необходимыхъ въ примѣненіи къ Неаполю, ввелъ болѣе правильное распредѣленіе налоговъ и началъ улучшенія по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства. Уже 30 января 1821 года парламентъ окончилъ свои работы; принцъ-регентъ присягнулъ конституціи. По распушеніи палаты, остался постоянный комитетъ изъ семи членовъ, долженствовавшій дѣйствовать именовъ парламента.

Между тѣмъ, въ столицѣ и провинціяхъ происходили безпорядки, число карбонаріевъ увеличилось; даже женщины вступали въ это общество, число членовъ котораго достигло 300,000 человѣкъ. Но порядковъ скоро былъ восстановленъ, ибо вожди карбонаріевъ не хотѣли подавать австрійцамъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Неаполя, и успѣли успокоить своихъ приверженцевъ.

Но если въ Неаполѣ либералы поступали съ тактомъ, то въ Сициліи дѣйствовали неблагоразумно. 14-го іюля, въ праздникъ Св. Розаліи, пришла въ Палермо вѣсть о переворотѣ, совершившемся въ Неаполѣ. Народъ, толпившійся въ этотъ праздничный день на улицахъ, тутъ же рѣшилъ не принимать неаполитанскихъ учрежденій, но ввести снова конституцію 1812 года и добиваться независимости отъ Неаполя. «Да здравствуетъ конституція 1812 года! да здравствуетъ независимость!» вотъ что было лозунгомъ палермитянъ. Толпа осадила фортъ Моло, овладѣла находившимся тамъ запасомъ оружія и произвела много безпорядковъ. Тотчасъ же противъ инсургентовъ отправлено было неаполитанское войско; повстанцы же отперли тюрьмы, выпустили на свободу галерныхъ невольниковъ и другихъ арестантовъ, и съ помощію ихъ прогнали войско. Высшіе сановники острова удалились на материкъ, не успѣвшіе же бѣжать были умерщвлены. Вообще, убито было въ это время около 4,000 человѣкъ. Учреждена была временная юнта или правительственный комитетъ изъ 20 членовъ, большею частію дворянъ, которая разсыпала

своихъ уполномоченныхъ набирать во всему острову людей, способныхъ носить оружіе.

Въ Неаполь явились депутаты юнты требовать отдѣльнаго парламента, особой конституціи и союза обонхъ государствъ подъ властію одного короля. Отвѣтъ былъ давнѣ уклончивый, и тотчасъ же въ Сицилію отправленъ былъ съ 6,000 войска Флористанъ Пене, братъ главнокомандующаго. Этотъ генералъ осадилъ Палермо. Городъ сдался ему подъ условіемъ, чтобы вопросъ объ отдѣленіи Сициліи отъ Неаполя былъ рѣшенъ выборами отъ Сициліи. Но неаполитанскій парламентъ объявилъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ и отозвалъ Флористана Пене. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ Колетта, который привелъ палермитянъ въ повиновеніе, отиѣнилъ юнту, ввелъ на островѣ неаполитанскую конституцію и назначилъ выборы въ неаполитанскій парламентъ. Кромѣ чиновниковъ, никто не явился на эти выборы, и депутаты не получили отъ избирателей никакихъ инструкцій. Сицилія была усмирена, неаполитанцы подавили въ ней всякое свободное движеніе, но этимъ много повредили самимъ себѣ. Силы, растроченныя на усмиреніе Сициліи, могли бы пригодиться неаполитанцамъ для борьбы съ Меттернихомъ. Какая польза была имъ въ порабощеніи сицилійцевъ?

Для многихъ ясно было какъ день, что новый порядокъ вещей утвердился въ Неаполѣ не надолго. Меттернихъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому ненормальному явленію, какъ неаполитанская конституція, и, конечно, принялъ противъ нея свои мѣры. Карлсбадскіе лавры еще не увяли на челѣ Меттерниха, какъ онъ уже надѣялся стяжать новыя, еще болѣе свѣжія, въ Неаполѣ. Итальянскимъ государямъ возвѣстилъ онъ, что Австрія будетъ поддерживать въ Италиі прѣжній порядокъ вещей. Въ Ломбардіи онъ, подъ страхомъ смерти, запретилъ участіе въ обществѣ карбонаріевъ, предпринялъ жестокое гоненіе противъ юной литературы, стремившейся къ тому, что въ наши дни почти уже осуществилось, къ объединенію и возбужденію Италиі, запретилъ всѣ либеральныя журналы и газеты и заключилъ молодого и талантливаго Сильвіо Пеллико, соотрудника журнала «Сосплатог», въ тюрьму. Гарнизоны Феррари и Коммачіо были поставлены на военную ногу; революціонному движенію Нижней Италиі положены были преграды. Но принявъ мѣры противъ революціонныхъ идей, австрійскій министръ не рѣшался подавить революцію въ самомъ ея средоточіи, а обратился за совѣтомъ и полномочіемъ къ конгрессу монарховъ и министровъ въ Троппау.

Во второй половинѣ октября 1820 года, явились на этотъ

конгрессъ государи-основатели священнаго союза и послы отъ Англіи и Франціи. На этомъ съѣздѣ императоръ Александръ высказался сначала противъ Меттерниха и выразилъ мнѣніе, что неаполитанцевъ можно склонить къ перемѣнѣ государственнаго устройства мирнымъ путемъ, и что нѣтъ никакихъ основаній прибѣгать противъ нихъ къ насилію. Англія же и Франція слѣшкомъ завидовали австрійскому вліянію въ Италіи, чтобы посоветовать Меттерниху перевести войска австрійскія за предѣлы Ломбардіи. Министръ императора Франца находился въ затруднительномъ положеніи. Троппава не была похожа на Карлсбадъ.

Въ это, затруднительное для Меттерниха время, получено въ Троппау извѣстіе о безпорядкахъ въ гвардейскомъ семеновскомъ полку въ Петербургѣ. Получивъ это извѣстіе прежде, чѣмъ самъ Александръ, Меттернихъ, видѣ себя отъ радости, поспѣшилъ къ русскому императору, рассказалъ ему о случившемся, и изобразилъ всѣ ужасы распространеннаго будто бы по всей Европѣ военнаго заговора. Искусная рѣчь подѣйствовала на императора Александра, который, со времени послѣдняго посѣщенія Варшавы, и безъ того былъ мрачно настроенъ. Три великія державы — Россія, Австрія и Пруссія заключили наконецъ между собою коалицію противъ «тиранніи мятежа и порока». Послѣ того, какъ договоръ былъ уже подписанъ тремя государами, его предложили къ подписи посламъ Англіи и Франціи, которые почти ничего не знали о случившемся. Въ то же время назначенъ былъ новый съѣздъ въ Лайбахѣ, на который приглашенъ былъ и король неаполитанскій.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ въ Неаполѣ, было весьма сильно. Когда въ залѣ парламента прочтено было письмо короля, увѣдомлявшее о рѣшеніяхъ троппавскаго конгресса, то раздался крикъ: «конституція или смерть!» Тысячи разъ повторили этотъ крикъ на улицахъ другіе голоса. Въ парламентѣ зашла рѣчь о томъ, можно ли отпустить короля въ Лайбахъ и слѣдуетъ ли дѣлать въ конституціи тѣ измѣненія, которыя предложила Франція. Конституцію парламентъ оставилъ неизмѣненною, по королю далъ согласіе на поѣздку, даже отклонилъ предложеніе Фердинанда взять съ собою четырехъ членовъ палаты въ качествѣ свидѣтелей и совѣтниковъ. Рѣшеніе это основывалось на довѣрїи къ королю, такъ-какъ сердце сына Карла III должно быть «храмомъ вѣрности». И вотъ «вѣрный» король отправляется въ Лайбахъ. Въ первомъ письмѣ своемъ оттуда, Фердинандъ ни однимъ словомъ не промолвился о цѣли своего путешествія, но выразилъ свою радость о томъ, что охотничьи собаки у него лучше, чѣмъ у императора Александра.

Въ январѣ 1821 года открылся конгрессъ въ городѣ Лайбахѣ. Три великія восточныя державы еще до открытія засѣданій согласились, чтобы Австрія отправила войска въ Неаполь, и чтобы, въ случаѣ нужды, Россія прислала свои подкрѣпленія. Посланные Сардиніи, Рима, Тосканы и Модены выразили на это свое согласіе; на многократный протестъ Англіи и Франціи не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Король Фердинандъ, сердце котораго было храмомъ «вѣрности», былъ вполне готовъ нарушить свою присягу, и чтобы искупить свое клятвенное преступленіе, далъ обѣтъ принести богатые дары Св. Анунціатѣ. Немедленно отпрамень былъ Фердинандомъ въ Неаполь герцогъ Галло, объявить, что революціонныя начальства должны оставить свои мѣста и подчиниться королю, что 10,000 австрійцевъ вступать въ Неаполь для его окончательнаго умиротворенія, что, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія неаполитанцевъ, явятся 100,000 русскихъ и австрійцевъ и три года проживуть въ странѣ на ея счетъ. Черезъ шесть дней по отъѣздѣ герцога, 5-го февраля, австрійскій генераль Фримонъ вступилъ, во главѣ оккупационнаго корпуса, на правый берегъ рѣки По и въ концѣ февраля былъ уже на неаполитанской границѣ.

Когда получены были въ Неаполѣ лайбахскія вѣсти, волненіе въ народѣ было необыкновенное. Старъ и младъ, бѣднякъ и богачъ сифшились вступить въ военную службу. Парламентъ выразилъ необыкновенное довѣріе къ королю: объявилъ его неизмѣнникомъ конституціи, какъ хотѣлъ того Пене, а цѣлникомъ; письмо его призналъ вынужденнымъ; начальство же надъ войскомъ вѣрилъ слову его, герцогу Калабрійскому.

Въ воодушевленіи, въ пламенныхъ рѣчахъ и всевозможныхъ демонстраціяхъ не было недостатка у неаполитанцевъ; но для борьбы съ австрійцами нужно было многое другое: деньги, оружіе, хороніе солдаты. Всего этого было весьма недостаточно. Тутъ только обнаружилось, какъ невыгодно было для Неаполя поработать Сицилію.

Борьба австрійцевъ съ Неаполемъ была непродолжительна. 9-го мая 1821 года король Фердинандъ вошелъ въ Неаполь. Тотчасъ же назначилъ онъ князя Канозу министромъ полиціи, ввелъ строгую цензуру, велѣлъ публично сжечь сочиненія Руссо, Вольтера и многихъ другихъ; учредилъ комиссію для запрещенія либеральныхъ сочиненій, закрылъ университеты и многія школы, и все народное образованіе измѣнилъ въ клерикальномъ духѣ. Іезуиты снова призваны были въ страну; противъ варбонаріевъ же приняты самыя строгія мѣры: все ихъ общество подвергнуто оналъ; нѣкоторые же члены его были подвергнуты

самыя позорныя наказанія. Чтобы избежать послѣдствій многіе карбонари удалялись въ горы и вели тамъ разобщенческую жизнь. Офицеры, служившіе при Морава, были отстранены, даровитые генералы и члены парламента исключены въ крѣпости. Подобныя же мѣры были приняты для восстановления порядка въ Сициліи.

Послѣ всѣхъ восторженныхъ рѣчей неаполитанскіихъ либеральныхъ ораторовъ, Европа была изумлена глупымъ исходомъ.казалось, неаполитанцы могли бы долѣе бороться съ австріяцами, тѣмъ болѣе, что давно уже готовилось восстаніе въ Сардиніи.

Въ Сардинію, послѣ перваго изверженія Наполеона, въ мѣ 1814 г., возвратился король Викторъ-Эммануиль. Цѣлыхъ 8-мь лѣтъ провель онъ на островѣ Сардиніи, гдѣ господствовали еще феодальныя обычаи и учрежденія. Викторъ-Эммануиль, человѣкъ добраго сердца, но весьма слабого ума, подъ старость потерялъ послѣднюю свою энергію. Исполненіе религиозныхъ обѣтовъ, странствованіе къ святымъ мѣстамъ были теперь единственнымъ дѣломъ его жизни. Управленіе значительнымъ королевствомъ, къ которому вѣнскій конгрессъ, неимѣя иного, присоединилъ еще Генуэзскую республику, казалось Виктору-Эммануилу весьма труднымъ.

Только что прибылъ этотъ король въ Туринъ, какъ его обступила пьемонтская знать, скрывавшаяся въ своихъ замкахъ во время французскаго владычества. Самыми яркими красками изобразила она своему государю господство французовъ и не могла нахвалиться добрымъ старымъ временемъ. И вотъ, немедленно издается эдиктъ, отмѣняющій всѣ французскія учрежденія и возобновляющій конституцію 1770 года съ ея религиозною нетерпимостію, съ различіемъ кастъ, съ колесованіемъ и другими ужасными казнями. Судебные процессы, оконченные во французскихъ апелляціонныхъ судахъ, стали перерѣшиваться вновь; монастыри, превращенные въ фабрики, были отданы байуццианамъ; іезуиты опять завладѣли школами, профессора туринскаго университета должны были лишиться своихъ мѣстъ. Въ большую оперу супруга короля допускала только благородную публику, а мѣсто каждому изъ зрителей назначалось сообразно древности его рода. Какъ и въ Касселѣ, въ Туринѣ призваны были подъ ружье солдаты 1800 года, какъ будто и самбе время бесцельно предъ славными войнами. Правительство хотѣло даже разрушить великолѣпный мостъ чрезъ По, построенный Наполеономъ, и не выдавало дорожныхъ лицамъ, желавшимъ ѣхать по дорожѣ чрезъ Монъ-Сени; ибо хотѣло, чтобы это созданіе Наполеона пришло въ упадокъ. Придворный садовникъ не хотѣлъ чистить

отъ вѣды и оказался на столько хорошимъ родинистомъ, что въ ботаническомъ саду выкопалъ и предалъ уничтоженію всѣ насажденія французскія.

Благодаря такой реставраціи, нещадившей ничего живаго и ничего мертваго, содѣлана была глубокая пропасть между правительствомъ и народомъ. Сосѣдство Франціи и Швейцаріи дало Сардиніи возможность сократить въ себѣ много движеній и свѣжихъ силъ. Лучшіе люди въ средѣ «юной Италіи», каковы на примѣръ Альфредъ и Сильвіо Пеллико были уроженцы Пьемонта. Сардинцы обнаруживали больше любви къ труду, больше энергіи и смысла, чѣмъ прочіе итальянцы и считали себя въ правѣ называться первыми народомъ Италіи. Молодежь мечтала о свободной и единой Италіи, поддерживала сношенія съ независимыми людьми во Франціи, съ испанскими кортесами и жаждала войны съ Австріей. Съ недовольными австрійскимъ итогомъ въ Миланѣ велись тайные переговоры и составленъ былъ такой планъ дѣйствій: австрійцы должны быть выгнаны изъ Милана, вся Ломбардская область соединиться съ Сардиніей и такимъ образомъ должно остаться сильное сѣверно-итальянское государство, которому слѣдовало лечь въ основу совершеннаго объединенія и освобожденія Италіи. Революція, совершавшаяся въ Испаніи и южной Италіи, укрѣпляла надежды пьемонтцевъ на будущее: они ждали только удобнаго случая, чтобы начать свое дѣло, и этотъ случай представился въ февралѣ 1821 года, когда австрійцы шли на Неаполь. Стоило только напасть на австрійцевъ съ фланга, и Миланъ свободенъ, и могущественное сѣверно-итальянское государство организовано.

Была даже и личность, способная стать во главѣ предпріятія, это Карлъ-Альбертъ, 22-лѣтній савойскій принцъ, происшедшій не боковой линіи изъ королевскаго рода. Онъ былъ воспитанъ не какъ принцъ, а какъ обыкновенный гражданинъ, имѣлъ королю дарованія, велъ дружбу съ либералами, имѣлъ множество приверженцевъ въ войскѣ и никому не уступалъ въ независимости къ австрійцамъ. Не только въ Пьемонтѣ, но и въ цѣлой Италіи всѣмъ были обращены на молодого принца, особенно въ то время, когда представлялась возможность положить основаніе объединенію Италіи. Только немногіе считали Карла-Альберта человекомъ весьма ненадежнымъ, и подъ наружнымъ покровомъ либерализма угадывали въ немъ характеръ не искренній, не постоянный.

Что на Карла-Альберта нельзя было положиться, въ этомъ убѣдились руководители движенія въ самомъ его началѣ: Карлъ-Альбертъ сообщилъ о распоряженіяхъ либераловъ королю и сдѣ-

даль противъ нихъ нужны военныя приготовления. Они отчаялись въ успѣхѣ предпріятія, ибо измѣна принца должна была подѣйствовать на солдатъ весьма неблагопріятно, и хотѣли было остановить начатое движеніе, но это было уже невозможно. Въ Александріи, гдѣ собралось много карбонаріевъ, подданныхъ Ансальди и капитанъ графъ Пальма, въ ночь 10 марта, овладѣли цитаделюю, а на другое утро образовали временную юнту, провозгласили испанскую конституцію и, именемъ итальянской имперіи, звали народъ къ оружію. Но они не нашли себѣ большаго сочувствія ни въ своемъ полку, ни въ другихъ, преданныхъ королю, полкахъ. Король, видѣвъ вліяніемъ страха, хотѣлъ успокоить солдатъ амнистіей и увеличеніемъ жалованья. Но напрасно: восстаніе усилывалось. Король Викторъ-Эммануэль отрекся отъ престола въ пользу брата своего Карла-Феликса, за отсутствіемъ котораго вступилъ въ управленіе Карлъ-Альбертъ.

Теперь принцъ могъ стать во главѣ движенія и домогаться короны цѣлой Италіи; но онъ зналъ секретныя средства своей страны, и видѣлъ, какии опасности могла бы подвергнуться Сардинія, въ случаѣ неудачи. И что тогда было бы съ его правами на престолъ, на который онъ могъ рассчитывать, благодаря бездѣтности короля и его брата? Означенный союзъ конечно не поколебался бы навсегда лишить карбонаріи права на корону. Было о чемъ задуматься принцу-регенту. Вѣрный своему характеру, онъ думалъ выйти изъ затруднительнаго положенія хитростію, притворствомъ. Карлъ-Альбертъ созвалъ собраніе тридцати нотаблей, но требованію ихъ принять испанскую конституцію, учредилъ временную юнту и составилъ новое министерство. Но въ то же время объявилъ, что безъ согласія короля онъ не рѣшится принять эту конституцію дѣйствительною.

Король Карлъ-Феликсъ, находившійся въ это время въ Моденѣ, прислалъ въ Туринъ дворянина Косту съ требованіемъ, чтобы принцъ принялъ противъ революціи самыя строгія мѣры, чтобы съ вѣрными войсками онъ отправился въ Неаполь къ генералу Ла-Торре. Вѣрными образомъ выказывая сопротивленіе всѣмъ этимъ распоряженіямъ короля, принцъ тайнѣ дѣйствовалъ въ пользу его. Наконецъ Карлъ-Альбертъ тайно убѣжалъ изъ Турина, протесловалъ противъ вынужденныхъ у него распоряженій, сложилъ съ себя регентство и призывалъ все войско стать подъ королевскія знамена. Своимъ бѣгствомъ Карлъ-Альбертъ далъ либераламъ возможность захватить власть въ свои руки. Сантароза, котораго принцъ назначилъ военнымъ министромъ, принялъ диктаторскую власть, но не могъ ничего сдѣлать полезнаго для своей партіи. Надежды туринцевъ на рево-

люцію въ Миланѣ и Франціи не сбылись; генералы, узнавъ о неудачѣ неаполитанцевъ, оставили диктатора. Тогда съ 3,000 вѣрныхъ сподвижниковъ Сантарова двинулся въ Паваръ, въ надеждѣ, что въсела Ла-Торре присоединится къ нему. Но надежды его не сбылись. Съ помощью австрійскаго генерала Вубне, Ла-Торре прогнать отрядъ Сантарова и 10 апрѣля уже вступилъ въ Туринъ. На слѣдующій день должна была сдатьса и Александрия, гдѣ смѣлый Ассальди оставленъ былъ своими солдатами на произволъ судьбы. Нѣкоторые изъ инсургентовъ перешли французскую границу, другіе же отплыли въ Испанію, чтобы на другомъ поприщѣ ратовать за то же самое дѣло.

Подъ защитою австрійцевъ Карлъ-Феликсъ вступилъ въ Туринъ и немедленно отменилъ всѣ постановленія временнаго правительства. Назначены были особныя судныя и военносудныя комитетны; произнесено множество тяжкихъ судебныхъ приговоровъ къ смертной казни, впрочемъ присуждено только два офицера. Реакція имѣла здѣсь далеко не тотъ жестокий характеръ, какой имѣла она въ Неаполѣ; ибо сами революціонеры не доходили здѣсь до слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ. Принцъ Кариньянскій Карлъ-Альбертъ не много выигралъ своею двуличностію; желая угодить обѣимъ партиямъ, онъ сдѣлалса ненавистнымъ для той и другой. Видя неудачу, принцъ удалился во Францію и вскорѣ потомъ совершилъ, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, походъ въ Испанію, гдѣ въ числѣ своихъ новыхъ противниковъ могъ найти многихъ своихъ старыхъ цѣмонтовъ друзей.

Меттернихъ торжествовать. Такіе блестящіе успѣхи въ Италіи придали ему силъ для новыхъ предпріятій. Немедленно сталъ онъ доискиваться слѣдовъ тайнаго революціоннаго общества въ Миланѣ, немедленно арестовать многихъ подозрительныхъ людей. Черезъ два года, изъ числа арестованныхъ, сорокъ человекъ выведены на площадь, привязаны къ позорному столбу и за тѣмъ изъ Милана отправлены въ шпильбергскую и лайбахскую тюрьмы. Между арестованными были многіе дворяне: обстоательство, еще болѣе усиливавшее антипатію высшихъ сословій Ломбардіи къ австрійцамъ.

Многіе изъ арестованныхъ умерли въ тюрьмѣ; нѣкоторые получили свободу, но только одинъ изъ освобожденныхъ Феличе Форести вышелъ на свѣтъ божій съ свѣжими, нетронутыми силами, остальные же, благодаря убійственному тюремному заключенію, навсегда утратили свое здоровье или сошли съ ума. Сочиненіе, въ которомъ Сильвіо Пеллико говоритъ о своемъ заточеніи, раскрыло многія тайны относительно австрійскихъ

тюремъ. Конечно, эти тюрьмы достигали своей цѣли, если такого сильнаго духомъ человѣка, какъ Сильвіо Пеллико, могли превратить въ раба и всецѣло подчинить иезуитамъ.

И такъ въ Италіи священниій союзъ одержалъ побѣду, и австрійское вліяніе здѣсь оказалось столь сильнымъ, что весь полуостровъ принялъ видъ провинціи Габсбурговъ. Два обстоятельства способствовали такому исходу: недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ людей, желавшихъ единства и независимости Италіи, и недостатокъ сочувствія этому дѣлу въ народныхъ массахъ, находившихся на довольно низкой ступени развитія.

Все третье десятилѣтіе нынѣшняго вѣка продолжался такой анахроническій порядокъ вещей. Всего лучше шли дѣла въ Тосканѣ, гдѣ въ 1824 году вступилъ на престолъ Леопольдъ II, такъ много заботившійся объ осушеніи тосканскихъ мареммъ. Но и этотъ государь чувствовалъ себя въ высшей степени стѣсненнымъ вліяніемъ Австріи.

Въ Сардиніи государственная жизнь всецѣло подчинена была австрійскому правительству, которое предоставило большую власть дворянству и духовенству. Карлъ-Феликсъ убивалъ время въ чувственныхъ удовольствіяхъ. «Развѣ я за тѣмъ принялъ королевскую власть, чтобы безмозолить себя?» говорилъ онъ обыкновенно, когда напоминали ему о дѣлахъ.

Гораздо хуже шли дѣла въ Неаполѣ, гдѣ 4 января 1825 г. вступилъ на престолъ принцъ Калабрійскій, подъ именемъ Франциска I. Все вниманіе короля обращено было на роскошныя обѣды и неприличные балы, на продажу должностей и преслѣдованіе тайныхъ обществъ. Тронъ короля защищало не національное войско, а 6,000 человѣкъ швейцарской стражи, которая обходилась народу очень дорого.

Достойнымъ соперникомъ неаполитанскаго короля былъ папа Левъ XII (1823 — 1829). Исключеніе мірянъ отъ управленія, преобладаніе духовенства въ судебныхъ, административныхъ, ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, и вся эта теократическая система управленія могла только способствовать усиленію ненависти народа къ римскому двору. Уже тогда самъ кардиналъ Бернетти выразился: если поживу еще, то увижу, можетъ быть, паденіе свѣтской власти папы.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ.

I.

ЖЕНЕВА.

Женева называютъ «протестантскимъ Римомъ», желая обозначить этимъ ея значеніе для французскаго протестантизма: кальвинистскіе пасторы южной Франціи стремятся прослушать богословскій курсъ въ здѣшней академіи; здѣсь печатаются на всю протестантскую Францію богословскія брошюры и поученія. Но самъ кальвинизмъ представляетъ теперь явленіе не на столько значительное, чтобы мы, грѣшные, невѣрящіе въ ученіе о предопредѣленіи, переложенное Іоанномъ Кальвиномъ изъ Талмуда и Авгорана на французскіе нравы, занимались его оплотомъ и разсадникомъ — его Римомъ.

Но названіе «протестантскаго Рима», мнѣ кажется, подходитъ къ Женевѣ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Какъ Римъ католическій, Женева имѣетъ много своеобразнаго; ея значеніе не соотвѣтствуетъ ни эконоическому ея развитію, ни географическому ея положенію. Этотъ городокъ, соотвѣтствующій по величинѣ и населенности нашему губернскому городу средней руки, по развитію въ немъ собственно городской жизни далеко опережающій по крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ нашихъ губернскихъ городковъ, остается тѣмъ не менѣе первымъ швейцарскимъ городомъ, чѣмъ-то въ родѣ швейцарскаго Парижа, или швейцарскаго Рима. И Римъ этотъ, дѣйствительно, имѣетъ очень рѣшительный протестантскій характеръ не потому только, что половина его жителей завязаны кальвинисты. Здѣсь нѣтъ и слѣда обвѣтшалаго католическаго величія итальянскаго Рима; здѣсь все носитъ на себѣ отпечатокъ мрачнаго благочинія и недосказаннаго либерализма: характеристическій отпечатокъ вообще протестантизма. Какъ Римъ, Женева производитъ очень мало, мало обогащаетъ собою человѣчество; а между тѣмъ она пользуется какимъ-то уваженіемъ за свое историческое прошлое, за свою связь съ какою-то идеею. Сравнительно съ настоящимъ

Римомъ, это ея значеніе такъ же мелко и дробно, какъ мелокъ и дробенъ кальвинизмъ въ сравненіи съ классическимъ миромъ или съ католичествомъ, которыхъ археологическія заслуги представляеть намъ *la Roma dei Papi*.

У самихъ женецевъ составилось убѣжденіе, что городъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ уже служить убѣжищемъ преслѣдуемымъ за мысль, что Женева сослужила какую-то службу дѣлу общеевропейскаго либерализма. Въ этомъ отношеніи имъ, однакоже, исторически не посчастливилось: едва успѣли они дать у себя приютъ Кальвину, гонимому католическою нетерпимостью, какъ тотчасъ же городъ ихъ обратился въ рассадникъ протестантской нетерпимости, и представилъ, кажется, единственный примѣръ зажаренія одного еретика другимъ еретикомъ, только что бѣжавшимъ отъ кростровъ инквизиціи (Микеля Сервезы Кальвиномъ). Вольтеръ во дни гоненія нашелъ приютъ *подъ* Женевы, а женевецъ Руссо всю свою жизнь искалъ себѣ его подалше отъ нея, и остается постояннымъ жителемъ роднаго города только теперь, когда его отлили здѣсь изъ мѣди и (должно быть, изъ предосторожности) въ сидачемъ положеніи.

Общеевропейская репутація женеваго гостепрѣимства составила послѣ 1848 г., когда побитые революціонеры Франціи, Германіи, Италіи и Венгріи стеклись сюда, привлеченные только что совершившимся здѣсь демократическимъ переворотомъ. Радикальное правительство Фази обошлось съ нѣкоторыми изъ нихъ, дѣйствительно, очень дружелюбно: Кляпка, Фогтъ, нѣкоторые французскіе рефюжѣ получили даже нѣкоторое quasi-официальное здѣсь значеніе. Большинство изгнанниковъ здѣсь не заживаются, а смотрять на Женеву, какъ на этапъ, изъ котораго надо или убраться поскорѣе, или поскорѣе перестать быть изгнанникомъ. Замѣчу мимоходомъ, что женевае законодательство предоставляетъ начальнику жолціи право изгонять изъ кантона всякаго иностранца, подъ эластическимъ условіемъ «дурнаго поведенія». Однакоже, на практикѣ полиція очень рѣдко пользуется этимъ правомъ, и въ дѣла изгнанниковъ не мѣшается. Кромѣ того, федеральный совѣтъ имѣеть право требовать отъ кантональнаго правительства изгнанія лицъ, которыя «своимъ присутствіемъ мѣшаютъ дружелюбнымъ отношеніямъ союза къ другимъ державамъ». Такимъ образомъ въ 1850 г. федеральное правительство, по настоянію австрійскаго посла, требовало изгнанія изъ Женевы нѣмецкаго эмигранта К. Шурца. Фази, игравшій въ это время въ Женевѣ роль сиракузскаго тирана, выгналъ, однакоже, вмѣсто Шурца какого-то австрійскаго правительственнаго агента (высокопоставленную особу), и донесъ федеральному совѣту, что Шурць только потому можетъ мѣшать дружелюбнымъ отношеніямъ федераціи къ Австріи, что насчетъ его дѣятельности въ Женевѣ сообщаются въ Вѣну самыя невѣрные слухи и извѣстія; но что, съ удаленіемъ лица, занимающагося этими сообщеніями, присутствие помянутаго эмигранта никакаго государственнаго

значенія имѣть не можетъ. Этотъ случай показываетъ, что вышеуказанная кляуза законоположенія объ иностранцахъ можетъ быть обойдена, если кантональное правительство того пожелаетъ; однакоже, самое существованіе кляузы остается фактомъ столь же несомнѣннымъ, какъ и мало сообразнымъ съ духомъ self-government'a.

То, что мы обыкновенно подразумѣваемъ подъ политическими изгнанниками или эмигрантами, составляетъ здѣсь своего рода аристократію. Въ настоящее время ихъ немного. Несравненно болѣе здѣсь французскихъ дезертировъ, или бѣжавшихъ отъ рекрутства. Ихъ-то обыкновенно и имѣютъ въ виду женевацы, когда говорятъ о политическихъ эмигрантахъ. Что же касается другихъ, то ихъ охотно смѣшиваютъ съ туристами, тѣмъ болѣе, что официально признанное существованіе имѣетъ здѣсь въ настоящее время одна польская эмиграція.

У мирныхъ швейцарскихъ консерваторовъ, Женева слыветъ за какой-то адъ, гдѣ въ вѣчномъ огнѣ разнуданныхъ политическихъ страстей, сгораютъ грѣшники, осмѣлившіеся, въ 1847 г., круто разорвать связь съ преданіями старины. Эти преданія старины чрезвычайно различны въ разныхъ уголкахъ швейцарской территоріи; такъ напримѣръ, они аристократичны въ Бернѣ, олигархичны въ Базелѣ, демократичны въ коренныхъ кантонахъ, клерикальны во Фрибургѣ, фанатично-реформаціонны въ Вд (Vaud); но вездѣ и повсюду они равно священные. Одна Женева осмѣлилась, подъ несомнѣннымъ вліаніемъ французскихъ революціонныхъ идей, сбросить завѣщанное ей вѣками аристократическое государственное устройство.

Случилось это въ 1847 году. Женевецъ, Джемсъ Фази, проведшій большую часть своей жизни въ Парижѣ, въ связи съ революціонерами 1830 года, а потомъ съ либеральной и демократической оппозиціей, вернулся около этого времени на родину и скоро успѣлъ сгруппировать вокругъ себя всѣ элементы, недовольные управленіемъ кальвинистской аристократіи. Элементы эти были многочисленны и сильны, но слишкомъ разнохарактерны. Ихъ представители, во первыхъ, католики, преимущественно рабочее населеніе подгородной общины Карумъ, на лѣвомъ берегу Роны; вторыхъ, протестанты работники и мелкіе буржуа. Элементамъ этимъ не доставало единства. Фази, сильный всѣми ресурсами французскаго агитатора, одаренный при томъ замѣчательною способностью организациі, легко далъ имъ его. Немало ему помогла при этомъ скупость олигарховъ и ихъ тупая увѣренность въ необходимости своей власти.

Радикальный переворотъ былъ сдѣланъ въ нѣсколько часовъ. Фази, съ горстью работниковъ, мирно разогналъ отцовъ отечества, засѣдавшихъ въ Hôtel de Ville въ государственномъ совѣтѣ. Будучи тутъ же облеченъ диктаторскою властью, онъ соблазнилъ женевацкую демократію напередъ заготовленнымъ проектомъ конституціи, дарованіемъ равныхъ правъ всѣмъ церк-

вамъ и вѣронсповѣданіямъ, и обѣщаніемъ радикальнаго улучшенія быта рабочихъ, которыхъ положеніе въ тогдашней Женевѣ—маленькомъ городѣ, скученномъ на небольшомъ пространствѣ, стиснутомъ всюду ненужными земляными укрѣпленіями, занатомъ исключительно ручнымъ производствомъ часовъ и ювелирскихъ издѣлій—было дѣйствительно незавидно. Однимъ словомъ, даже противники Фази отдають полную справедливость тому артистическому совершенству, съ которымъ онъ устроилъ свой *coup d'état*. Ниввергнутые олигархи и аристократы не пробовали ни сопротивляться, ни отплатить противнику тою же монетою. Партія Фази, подъ именемъ радикаловъ, мирно владѣла Женевою до начала шестидесятыхъ годовъ.

Чтобы утвердиться и удержаться, Фази долженъ былъ потратить больше ума и энергіи, нежели для того чтобы завладѣть властію. Данная имъ Женевѣ конституція есть не что иное, какъ примѣненіе Наполеонова кодекса съ незначительными поправками въ пользу довольно обыденнаго французскаго либерализма и съ небольшими уклоненіями въ пользу швейцарской и женевской самобытности. Таланты Фази проявились главнымъ образомъ не въ ней.

Жизненнымъ вопросомъ для Фази было удовлетворить хоть отчасти тѣмъ надеждамъ, которыя онъ вызывалъ въ рабочемъ сословіи. Для этого онъ установилъ принципомъ своего управления *la commandité de l'Etat*, патронированіе работъ государствомъ.

Разыскать общественныя работы было нетрудно. Прежде всего надлежало разрушить укрѣпленія, которыя стѣсняли Женеву со всѣхъ сторонъ и мѣшали городу разрастаться. Разрушеніе укрѣпленій (и теперь еще неполнѣ оконченное) заняло тотчасъ же множество рабочихъ рукъ; но оно имѣло еще и другія послѣдствія: земля для построекъ естественно вздешевѣла; люди, обладавшіе мало-мальскими достатками, тѣснившіеся въ четвертыхъ и пятыхъ этажахъ мрачныхъ и грязныхъ домовъ стараго города, стали обстроиваться по мѣрѣ силъ. Фази совершенно справедливо долженъ бы носить прозвище «строителя». Его стараніями, въ нѣсколько лѣтъ выросъ вокругъ старой Женевы новый городъ, съ широкими свѣтлыми улицами, съ домами на парижскій образецъ; устроивались бульвары; большой каменный мостъ былъ построенъ между старою Женевою и новымъ городомъ на правомъ берегу Роны, гдѣ прежде былъ одинъ только грязный рабочничій кварталъ *St.-Gervais* съ грязною и старою католическою церквою, единственною тогда во всей Женевѣ.

Труднѣе чѣмъ придумывать новыя постройки было, конечно, добывать средства къ покрытію тѣхъ издержекъ. Но вопросъ о постройкахъ слишкомъ живо затрогивалъ сердце «сиракузскаго тирана». «Строить или не быть?» спрашивалъ себя этотъ длинный, худощавый Гамлетъ со щетилистыми усами, съ мрачною фізіономіею майора изъ бурбоновъ, нечуждой нѣкотораго лугав-

ства. При такой постановкѣ вопроса онъ задумывался недолго, и строня со всей энергіей своей агитаторской природы, строилъ, не щадя городскихъ финансовъ. Отставные отцы отечества все болѣе и болѣе должны были заператься въ своихъ ветхихъ, но благолѣпныхъ палацкахъ, все болѣе и болѣе съуживали круги своихъ прогулокъ, чтобы не встрѣчать на каждомъ шагѣ зачатки новыхъ домовъ и отелей—саркофаговъ утраченнаго ими владѣчества, монументовъ ихъ дряхлости и государственной негодности... А долги Женевы росли дѣйствительно съ баснословной быстротой.

Винить серьезно Фази за оставленный имъ государственный долгъ Женевы не можетъ: благодаря его постройкамъ, она стала безспорно красивѣйшимъ и удобнѣйшимъ для жизни швейцарскимъ городомъ; и то, и другое, и красота и удобство, составляетъ значительный источникъ дохода для нея, живущей отъ иностранцевъ. Фази дѣлалъ все, чтобы привлечь въ Женеву возможно большее количество туристовъ; какъ «мужъ власти», онъ отмѣнялъ стѣснительныя для иностранцевъ старыя женевова постановленія; какъ свѣтскій человѣкъ, онъ заботился объ учрежденіи театра (и русскій читатель, увы! не оцѣнитъ тѣхъ усилій, которыми онъ долженъ былъ побороть лицемѣрие и чопорность кальвинистской нравственности), патронировалъ клубы, серкль и пр. Объ успѣшности его усилій свидѣлствуютъ колоссальныя отели и пансіоны, возникшіе здѣсь за нѣсколько лѣтъ его управленія въ ужасающемъ количествѣ.

Съ наплывомъ иностранцевъ усиливалась торговля и промышленность, росли доходы частныхъ лицъ и города.

Но гдѣ бралъ Фази, если не деньги, то кредитъ? На это обстоятельно отвѣтить трудно. Пользуясь своими связями съ банкирами Парижа и Лондона, Фази каждый день являлся во главѣ новыхъ банкирскихъ операцій. Во многихъ изъ нихъ его участіе было открытое, въ другихъ подразумеваемое. Строгаго разграниченія въ кредитныхъ дѣлахъ самой Женевы и ея управителя не было: теперь, при общей ликвидаціи въ этомъ дѣлѣ оказывается такая путаница, что въ ней—какъ говорится—сломякъ бы ногу самъ чортъ, еслибы онъ, одолѣвъ въ себѣ отвращеніе, которое несомнѣнно должна ему внушать квакерская набожность этого города, снизошелъ до повѣрки ея отчетовъ...

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ Фази безъ соперниковъ управлялъ Женевой, держась принципа во что бы то ни стало привлечь на свою сторону рабочее сословіе. Нечего и говорить, что въ средствахъ онъ особенно разборчивъ не былъ. Преобладающимъ недостаткомъ его администраціи былъ его чисто французскій духъ централизаціи, бюрократизма, непотизма... Но, какъ водится, платился онъ вовсе не за эти свои недостатки.

Мелкая буржуазія, съ которой Фази сбросилъ гнетъ крупной, въ сущности, гораздо болѣе нежели работники расцвѣла и развернулась подъ его управленіемъ. Окрѣпнувъ, почувствовать свои

силы, она начала считаться съ рабочимъ, соображать, что послѣд-
нему можно бы было удѣлять и менѣе, чѣмъ дѣлала эта поне-
вольнѣ недрая десница Фази. Мелкая оппозиція не замедлила воз-
никнуть изъ самого лагеря бывшихъ радикаловъ. Скоро сформирова-
лся демократическій клубъ «Веровочки» (la Ficelle), вѣрный—
какъ утверждала его программа, либеральнымъ преобразованіямъ
47 г., но далеко недружелюбный къ *мицамъ*, т.-е. собственно
говоря самому Фази, такъ-какъ онъ, по системѣ сиракузскихъ
тирановъ, окружалъ себя людьми бездарными, въ которыхъ самое
пугливое самолюбіе отнюдь не могло бы усмотрѣть соперника...

Принципъ, тоже какъ всегда, оказался невѣрнымъ. Люди дѣя-
тельные и способные стали помышлять о томъ, чтобы устранить
неудобнаго для себя руководителя... Вожаки для партіи недо-
вольныхъ нашлись скоро. La *ficelle* стала центромъ оппозиціи,
гордо именовавшей себя «независимыми».

Долго подковы шли подъ землю. Недовольство проявлялось
мелочно, урывками. За Фази была сила. Онъ, упоенный успѣ-
хомъ власти, всего менѣе мечталъ объ опасности.

Партія индпендентовъ, очень скорѣ по своему возникнове-
ніи, стала богаче радикаловъ и денежными и интеллектуальными
средствами. Многіе изъ бывшихъ аристократовъ, если и не впи-
сались рѣшительно въ ея ряды, то дѣйствовали по крайней-мѣрѣ
за одно съ нею. На сторонѣ Фази оставалось только численное
большинство голосовъ, благодаря которому онъ еще одерживалъ
верхъ на выборахъ.

Католики, которыхъ Фази нетолько вывелъ изъ прежняго уни-
женнаго положенія, но которымъ онъ выдалъ и значительныя
денежныя субсидіи на постройку большой церкви Notre Dame,
сами по себѣ еще не составляютъ большинства въ Женевѣ;
однакоже ихъ вѣрность знамени радикализма могла бы на без-
конечное время продлить могущество Фази. Должно замѣтить,
что самъ онъ сильно на нихъ разсчитывалъ и заботился объ
увеличеніи ихъ числа; съ этою цѣлью имъ были выдаваемы па-
тенты на женевское гражданство многимъ савойскимъ и фран-
цузскимъ работникамъ (католикамъ) помимо всякихъ условій ле-
гальности. Но

Ходить птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предава отъ сего
Ниваихъ послѣдствій.

Принципъ религіозной терпимости, въ силу котораго женев-
скіе католики были поставлены въ совершенно равныя съ про-
тестантами условия, естественно, долженъ былъ примѣняться и
къ другимъ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ. Въ Женевѣ, какъ го-
родъ преимущественно протестантскомъ, такихъ сектъ тотчасъ
же развелось множество. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сюда

переселился пасторъ Вагнеръ, гонимый изъ нѣмецкой Швейцаріи за свои умѣренно-анабаптистскія стремленія; пользуясь религиозною свободою Женевы, онъ основалъ въ ней общину «раціоналистовъ», въ которой тотчасъ же пристали и нѣкоторые изъ второстепенныхъ руководителей партіи радикаловъ, и многіе радикальные протестанты, т.-е. преимущественно работники. Въ сущности все дѣло женевскихъ раціоналистовъ не имѣло никакого серьёзнаго значенія, но послѣдствія изъ него вышли серьёзныя, по крайней мѣрѣ, для самого Фази...

Здѣсь кстати замѣтить, что мѣстное правительство кантоновъ Швейцаріи состоитъ изъ двухъ совѣтовъ: *большаго* (законодательнаго) и *государственнаго* (административнаго). Оба выбираются на два года, но самые выборы производятся въ различные сроки.

На выборахъ большаго совѣта въ 1864 г. Фази и его креатуры въ первый разъ съ 1847 г. очутились въ ничтожномъ меньшинствѣ. Ударъ былъ чувствительный, но онъ еще не рѣшалъ побѣды индѣпентовъ: государственный совѣтъ, имѣющій гораздо болѣе дѣйствительнаго значенія, оставался въ рукахъ радикаловъ.

Однакоже, довольные на первый разъ и этою побѣдою, индѣпентны торжественными демонстраціями додразнили радикаловъ до драки (22-го августа 1864 г.), значеніе которой было преувеличено и повело сперва къ занятію Женевы союзными войсками, а потомъ къ скандальному процессу.

Прокуроръ Туреттини былъ однимъ изъ столповъ партіи индѣпентовъ. Несмотря однако же на это важное обстоятельство, процессъ грозилъ столь основательно оскандалить обѣ враждующія стороны, что его порѣшили поскорѣе окончить, предавъ, какъ говорится, все дѣло волѣ Божіей...

Однакоже, главная цѣль индѣпентовъ была достигнута. Фази, въ первый же день вооруженной схватки, бѣжалъ въ Парижъ, оставивъ какую-то прокламацію, возмущившую даже заклятыхъ его друзей и приверженцевъ. Потомъ онъ издалъ оправдательное письмо, въ которомъ старался всю вину взвалить на своихъ приверженцевъ... Однимъ словомъ, поведеніе его было таково, что онъ самъ счелъ за лучшее послѣ того показываться въ Женевѣ сколь возможно рѣже. Индѣпентны дѣйствительно оставались правы.

Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ,
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ,

и политической тактъ, и смыслъ.

Дѣло радикализма несомнѣнно было проиграно; или же надо было создать новый радикализмъ, независимый отъ личности Фази, имѣющій свою опредѣленную политическую программу. Не

излишне замѣтить, что принципъ патронирования работъ государствомъ едва ли могъ держаться долѣе, еслибы даже Фази и уцѣлѣлъ: финансы города были плохи (главнымъ образомъ вслѣдствіе дурнаго ихъ управленія и непоумѣрно развитаго чиновничества); личный кредитъ самого экс-агитатора, а также патронирuemыхъ имъ учреждений, былъ совершенно подорванъ банкирскою оппозиціею, неудачею нѣкоторыхъ спекуляцій, интригами и дурнымъ веденіемъ дѣлъ. — Безъ Фази нечего было и думать продолжать введенную имъ систему дѣйствій: партія радикаловъ всего болѣе недоставало денежныхъ средствъ и опытныхъ финансистовъ.

Однакоже были сдѣланы довольно геройскія попытки переорганизовать на новыхъ началахъ останки женевскаго радикализма, душа котораго, Фази, отлетѣла въ Парижъ. Но съ перваго же стремленія опредѣлить, какія будутъ эти новыя начала, пошла неурядица. — Такимъ образомъ дѣло дотянулось до новыхъ выборовъ государственнаго совѣта.

Индепенденты, вѣрные духу умѣренности, наканунѣ самыхъ выборовъ предложили радикаламъ сдѣлаться полюбовно: изъ шести кандидатовъ, они четырехъ уступали противникамъ, но требовали, чтобы два остальные по ихъ назначенію были приняты радикалами.

Предложеніе это въ сущности имѣло только внѣшній видъ умѣренности: финансы и полиція должны были перейти въ руки двухъ бесспорно талантливѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ индепендентовъ. Радикалы предпочли «умереть, но не сдаться», и дѣйствительно потерпѣли самое радикальное пораженіе.

Кандидаты индепендентовъ всѣ были выбраны весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. Государственный совѣтъ цѣлымъ своимъ составомъ перешелъ въ руки отщепенцевъ. Замѣчательно, что самый вліятельный изъ новыхъ совѣтниковъ (нынѣшній президентъ, Камнеріо) имѣлъ въ свою пользу множество радикальныхъ голосовъ. Объяснить это можно только сбивчивостью радикальной программы дѣйствій и отсутствіемъ какихъ бы то ни было существенныхъ, принципиальныхъ разногласій между ними и ихъ противниками.

При послѣднихъ выборахъ (1867 г.) государственный совѣтъ остался безо всякихъ измѣненій: индепенденты водворились въ Женевѣ точно также безъ соперниковъ, какъ въ 1847 г. господствовалъ въ ней Фази со своими приверженцами.

Побѣда ихъ всего гибельнѣе отозвалась на бывшемъ диктаторѣ. Хотя Фази политическій пропалъ еще послѣ своего бѣгства въ Германію, однакоже вскорѣ онъ очутился и сталъ по крайней-мѣрѣ помышлять о возрожденіи. Новое его сближеніе съ католиками далеко было бы не невозможнымъ; и онъ слишкомъ очевидно направляетъ теперь въ эту сторону свою дѣятельность. Къ сожалѣнію, переходъ правительства въ руки враждебной партіи имѣлъ ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ гибель «швейцарска-

го банка», то-есть главнаго изъ финансовыхъ учреждений Фази. За этой гибелью неминуемо послѣдовало банкротство самого патрона и учредителя. Въ настоящее время частное его имущество уже распродано съ молотка, долги же его остались далеко непокрытыми.

Впрочемъ, ему не въ первый разъ приходится начинать съ отрицательныхъ величинъ, и онъ не падаетъ духомъ, несмотря на очень уже преклонныя лѣта (ему должно быть за 80 лѣтъ). Увѣнчаются ли успѣхомъ его новыя попытки? рѣшать не берусь, но только старыя его комбинаціи несомнѣнно уже рушились навсегда. Самая постановка радикализма, какъ чисто политическаго вопроса, крайне неудачна; благодаря ей главнымъ образомъ Фази остался въ сторонѣ отъ рабочничяго движенія, которое возбудилось здѣсь весьма сильно два года тому назадъ, съ учрежденіемъ здѣсь международнаго братства работниковъ.

Тотчасъ послѣ побѣды, новыя «сиракузскіе тираны» попытались-было опозорить двухъ-трехъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ бывшаго радикальнаго правительства, и именно тѣхъ изъ нихъ, которые мечтали о созданіи или пересозданіи радикализма помимо Фази. Съ такою благонамѣренною цѣлью уже помянутый здѣсь прокуроръ Туреттини обвинилъ въ казноградствѣ бывшаго секретаря Bureau des Etrangers, г. Дюкомена. Судъ однакоже вынужденъ былъ признать обвиненіе ложнымъ. Тогда политика побѣдителей нѣсколько измѣнилась.

Борьба радикаловъ съ консерваторами (какъ называютъ индѣпендентовъ ихъ протѣвники) никогда не заходила глубоко въ самую суть женеvской жизни; но за то во внѣшнемъ ея строѣ она проявлялась очень многосторонне. Въ Женевѣ рѣшительно существовало два города: радикальный на правомъ берегу Роны, свидѣтельствующій своими новыми домами о «строительности» Фази, а правильностію своихъ улицъ о его французскихъ централизаціонныхъ замашкахъ; здѣсь толпятся иностранцы, имъ же привлеченные въ Женеву; здѣсь красуется Temple, то-есть католическая церковь Notre Dame, о происхожденіи которой было уже говорено выше. На лѣвомъ берегу, у подножія аристократической Cité, тѣснятся лавки и магазны, банкирскія и маллерскія конторы, студии нотаріусовъ и адвокатовъ (изъ нихъ одна поражаетъ остроумною вывѣскою: на ней масляными красками изображенъ по Лафонтену адвокатъ, раздѣляющій устрицу между двумя тяжущимися изъ-за нее мужиками; мудрый пономарь храма Сеимиды съѣдаетъ, какъ извѣстно, устрицу самъ, а раковину дѣлитъ поровну между кліентами), однимъ словомъ кипитъ дѣятельность консервативнаго города.

Есть здѣсь радикальный мостъ черезъ Рону и по немъ (хотя онъ лучшій) не ходятъ аристократы. Есть консервативный театръ (Grand Théâtre) и радикальный театръ (Variétés); нечего и говорить о томъ, что каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ свои кофейныя, brasseries и газеты. По одному виду этихъ внѣш-

нихъ проявленій, вы можете довольно вѣрно заключить и о самомъ настоящемъ положеніи представляемыхъ ими партій: мрачно и вѣчно запертый стоитъ радикальный театръ Variétés, а на стѣнѣ его, словно вастыль, влочки афиши съ надписью 1863 года, между тѣмъ, какъ окна Grand Théâtre по вечерамъ ярко пылаютъ огнями и раздаются оттуда веселые звуки оффенбаховской «Duchesse de Gerolstein», или другой не менѣе площадной фарсы, болѣе свѣжаго парижскаго издѣлія. Жалко выглядить радикальное Café de la poste, тогда какъ консервативные его соперники, если и не красны углами, то, по крайней-мѣрѣ, многочисленны и многолюдны. А о журналахъ лучше и не говорить вовсе... Со времени достопамятной драки (августа 1864 г.) и послѣдовавшаго за нею бѣгства Фази, радикальный органъ много разъ мѣнялъ названіе, дробился на два, на три не совсѣмъ согласныхъ между собою листка... Названія все были хорошія: «Avenir de Genève» напримѣръ, или коротко и ясно «Le Radical» или же «La Liberté» (на этомъ дѣло остановилось теперь); но всего этого нитя не замѣчалъ... Одинъ только «Carillon de St.-Gervais» съ плохими карриатурами, громко именующій себя «Le Charivari Suisse», умѣетъ порою за живо задѣть чувствительную струнку властительныхъ консерваторовъ; но онъ и радикаламъ спуска не даетъ. А между тѣмъ, консервативный «Journal de Genève» такъ и пышетъ сытою благонамѣренностью; все въ немъ, даже 4-я страница, даже шрифты, такъ и дышатъ самодовольнымъ торжествомъ добродѣтели, умѣренности и порядка.

Короче, отъ бывшихъ партій уцѣлѣли одни названія. Радикализмъ надо поскорѣ закупорить въ бутылку: онъ слишкомъ скоро выдохнется и Женевѣ предстоитъ печальная необходимость остаться безъ номинальной борьбы партій, что было бы вопиющимъ нарушеніемъ республиканскихъ формальностей. Индепенденты понимаютъ опасность и сами кокетничаютъ съ бранными останками скоропостижно умершаго въ битвѣ врага, гибель котораго они охотно приписали бы своимъ смертоноснымъ ударамъ.

Четвертый годъ уже консерваторы (индепенденты тожъ) мирно и полновластно распоряжаются Женевою, а между тѣмъ, сколько нибудь опасная для нихъ оппозиція не начинала еще слагаться. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что они сдумѣли удовлетворить сполна требованіямъ населенія, что благоденствіе, порядокъ и единодушіе воцарились здѣсь подъ ихъ управленіемъ?

Увы и ахъ! Въ сущности никогда еще въ Женевѣ такъ трудно не жилось всѣмъ и каждому, побѣдители не чувствовали себя такъ мало триумфаторами, какъ въ настоящее время. Въ сущности, въ нашемъ маленькомъ стаканѣ воды происходятъ всѣ тѣ же явленія, которыя въ крупныхъ размѣрахъ уже помѣчены современными исторіографами, какъ характеристическіе признаки нашего времени. Недовольные не идутъ на оппозиціонную почву, потому что серьезно принявшемуся за дѣло человѣку все

равно на какого цвѣта бумагѣ будутъ писаться прокламаціи: на бирпично ли красной (радикальной), или на болѣе умѣренно оранжевой (консервативной), все равно, кѣмъ будутъ подписываться выставленные на углахъ правительственные акты и распоряженія.

Въ ту самую минуту, какъ я пишу эти строки, сжишкомъ 1,500 человекъ рабочихъ (столяровъ, каменщиковъ и плотниковъ) находятся въ гревѣ. Мастерскія заперты уже болѣе двухъ недѣль, рабочіе-фабричныя не прекращали работъ, но уже пожертвовали 6,000 франковъ на греву, которая имѣетъ нѣсколько необычайный характеръ.

Вопросъ начался изъ-за уменьшенія числа рабочихъ часовъ (до 10-ти въ день) и повышенія заработной платы на 50 сант. Ходатайствовать объ этомъ у антрепренеровъ поручено было комитету того самаго международнаго общества работниковъ, которое недавно осуждено въ Парижѣ, котораго центромъ Лондонъ, и которое (къ великому неудовольствію «Journal de Genève») два года тому назадъ имѣло конгрессъ, а за тѣмъ особую свою секцію въ Женевѣ. Патроны прогнали депутатовъ и объявили особую прокламацію, что они готовы входить въ переговоры лично съ рабочими, но не признаютъ L'Internationale. Это отрицательное признаніе, однако же, само по себѣ заслуживаетъ вниманія. Работники отвѣчали, что они главнымъ образомъ устроили ассоціацію для избѣжанія розничныхъ отношеній къ хозяевамъ, и необходимымъ условіемъ возобновленія работъ постановили признаніе патронами «International'a».

Подрядчики упорствовали тѣмъ болѣе, что положеніе работниковъ въ Женевѣ весьма невыгодно, такъ-какъ новые работники, весьма удобно и за сходную цѣну, могутъ быть вызваны изъ южныхъ кантоновъ (Валлиса и Тичино) и изъ сѣверной Италіи. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно прибѣгли къ этой мѣрѣ. Съ тѣхъ поръ прибытіе въ Женеву пассажирскихъ пароходовъ итальянской линіи представляетъ очень интересное зрѣлище: работники собираются въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ къ дебаркадеру, вылавливаютъ вновь прибывающихъ собратьевъ, объясняютъ имъ настоящій ходъ дѣла и затѣмъ, угостивъ ихъ подружески, предлагаютъ либо поступить въ ихъ общество, либо же отправляться далѣе искать заработковъ. Большая часть вновь прибывающихъ выбираютъ второе. «International'e» снабжаетъ ихъ билетомъ на желѣзную дорогу, или деньгами. Все дѣлается чрезвычайно дружелюбно, самый строгій порядокъ ни разу не былъ нарушенъ.

Однако же, «Journal de Genève» со слѣпымъ рвеніемъ бросаетъ въ «международное общество» грязью, кричитъ о нарушеніи работниками индивидуальной свободы и т. п. Радикальная «Liberté» или молчитъ, или говоритъ ни кому ненужный вздоръ, котораго никто и не читаетъ. Буржуазія требуетъ правительственнаго вмѣшательства.

Правительство поставлено въ самое неловкое положеніе, но до сихъ поръ держитъ себя съ тактомъ. Президентъ совѣта объявилъ работникамъ, что полиція вмѣшается только въ томъ случаѣ, если произойдутъ сцены насилія. Вмѣшательство едва ли повело бы къ хорошему, такъ-какъ сама Женева можетъ противопоставить тысячамъ рабочихъ едва нѣсколько десятковъ дурно вооруженныхъ жандармовъ, мало выказывающихъ склонности усмирять кого бы то ни было. Требовать занятія Жене-вы союзными войсками было бы крайне смѣшно, потому что, даже при страстномъ желаніи, трудно принскать оправданіе для такой мѣры; она же и въ финансовомъ отношеніи обошлась бы дорого, и скомпрометировала бы Женеvu въ глазахъ другихъ кантоновъ. О военномъ занятіи впрочемъ и не говорятъ; но *Journal de Genève* подсказываетъ полицейское вмѣшательство, оно же было бы просто нелѣпою провокаціею. Очень вѣроятно, что, желая сорвать на комъ-нибудь свою пока еще безсильную злобу, буржуазія, при ближайшихъ выборахъ, обрушить ее на ея же установленныхъ отцовъ отечества. Впрочемъ, до новыхъ выборовъ еще далеко...

Вдобавокъ хочу нарисовать вамъ очеркъ женеvской жизни, элементы которой вамъ болѣе или менѣе уже извѣстны. Конечно, оставимъ въ сторонѣ красоты Женеvскаго озера, этой, по выраженію Байрона, «сминіатуры океана», благо оно только небольшоимъ уголкомъ своимъ касается Женеvы. Впрочемъ, въ жизни этого города, его красоты играютъ не послѣднюю роль: онѣ привлекаютъ сюда иностранцевъ, а ими, по преимуществу, держится женеvская промышленность. Холодное лѣто прошлаго года, заставившее туристовъ искать себѣ пріюта болѣе на югѣ, чуть было не вызвало здѣсь кризиса. Впрочемъ, собственно говоря, кризисъ здѣсь и есть, но только растянутый на нѣсколько лѣтъ, и вслѣдствіе этого утратившій нѣсколько своей интенсивности. Часовое и ювелирное дѣла давно уже идутъ неблестательно, вслѣдствіе сильной конкуренціи французской и англійской. Городская буржуазія живетъ преимущественно мелочною торговлею, питаемую иностраннымъ производствомъ; вслѣдствіе чего Женева едва-ли не самый дорогой для жизни городъ всей средней Европы.

Характеристическая черта Женеvы — такъ-называемое *моміерство*, родъ кальвинистскаго іезуитизма. По количеству здѣсь сектъ и религиозныхъ организацій, по важности, придаваемой здѣсь сектаторскимъ вопросамъ, Женева, и вообще французская Швейцарія, ближе подходятъ къ Англій или Америкѣ, нежели къ родственной имъ въ племенномъ отношеніи Франціи. Само собою разумѣется, что духъ *моміерства*, и вообще духъ женеvской своеобразности, значительно сглаженъ въ классахъ дѣятельныхъ; его вовсе нѣтъ въ низшихъ классахъ, очень мало въ лагерѣ чистыхъ индпендентовъ. Глядятся онѣ въ аристократической и олигархической старой *Cité*, расположенной въ

центрѣ, на довольно крутомъ холмѣ, вокругъ центрального древняго храма св. Петра, сохранившаго свое католическое прозваніе, несмотря на то, что онъ еще во времена Кальвина сталъ какъ бы протестантскимъ соборомъ этого города.

Выше, говоря о партіи, властвовавшей надъ Женевою до 1847 г., я безразлично называлъ ее то олигархами, то аристократами. Однако въ Женевѣ есть кровная аристократія, съ частичками «de», состоящая изъ небольшого числа французскихъ кальвинистскихъ семействъ, переселившихся сюда во времена революціи нантскаго эдикта. Но сама она численно слишкомъ ничтожна, и въ политическомъ отношеніи должна была смѣшаться съ денежною аристократіею, состоящею изъ разбогатѣвшихъ и удалившихся отъ дѣлъ буржуа. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти два элемента женеvской аристократіи чуждаются другъ друга, живутъ особнякомъ.

Теперь, когда политическое ихъ величіе окончилось, они имѣютъ все же общій исходъ для своей, рѣзко пропитанной духомъ моіерства, дѣятельности. Я говорю о частныхъ учрежденіяхъ съ благотворительными, правоулучшительными, учеными и художественными цѣлями, которыхъ въ Женевѣ очень много, которыхъ перечислять здѣсь не стоить, такъ-какъ общій духъ ихъ уже указанъ.

Благодаря этимъ учредительнымъ стремленіямъ частныхъ лицъ, Женева довольно бѣдна муниципальными учрежденіями. Изъ послѣднихъ мы остановились на одной только академіи, такъ-какъ она до сихъ поръ еще стоитъ выше другихъ академій французской Швейцаріи.

Академія эта соотвѣтствуетъ нашему университету, но имѣетъ только два полныхъ факультета: богословскій и юридическій. Первый пользуется во всемъ протестантскомъ мірѣ очень большою извѣстностью; и изъ французскихъ протестантскихъ факультетовъ онъ дѣйствительно лучший: ни тулузскій, ни монтобанскій (два единственные кальвинистскіе богословскіе факультеты Франціи) не могутъ съ нимъ соперничать, такъ-какъ оба они находятся среди гораздо болѣе невыгодныхъ политическихъ условій.

Есть въ женеvской академіи еще и третій факультетъ Sciences e Lettres, куда отнесено преподаваніе всего того, что не входитъ въ программу юриспруденціи и богословія. При такомъ его составѣ онъ не можетъ быть не плохъ, какъ факультетъ, взятый въ цѣлости. За то по отдѣльнымъ отраслямъ естествознанія онъ справедливо гордится нѣкоторыми профессорами, которыми могли бы позавидовать многіе изъ лучшихъ европейскихъ университетовъ. Достаточно назвать изъ нихъ Де-ля-Рива (теперь уже престарѣлаго), котораго имя достаточно извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ нынѣшнею физикою электричества, астронома Плянтамура, зоолога Клапорета, палеонтолога Пикте, К. Фогта... Въ Женевѣ есть семейства, которыя изъ поколѣнія въ поколѣ-

ніе производять талантливыхъ ученыхъ дѣятелей; таково было семейство Соссюрровъ, Бонне; таково теперь семейство де-Канделей...

Можетъ показаться страннымъ, но въ дѣйствительности оно такъ: ретроградный духъ здѣшной аристократіи много способствовалъ процвѣтанію здѣсь естествознанія. При отсутствіи высшихъ учебныхъ заведеній во французской Швейцаріи, здѣшнія достаточныя семейства бывають вынуждены воспитывать своихъ юношей за границею; ихъ политическія симпатіи заставляютъ ихъ выбирать преимущественно «юнгерскую» Пруссію, откуда они возвращаются очарованные прелестями централизаціи и Бисмарка, но съ запасомъ хорошихъ научныхъ свѣдѣній при маломальскихъ способностяхъ и охотѣ къ занятіямъ. Будучи вынуждены жить въ маленькомъ городѣ, подъ неусыпнымъ надзоромъ строгой моміерской нравственности, влеймащей какъ развратъ даже, напримѣръ, посѣщеніе театровъ, они должны жить отшельниками и искать въ наукѣ убѣжища протівъ всякаго рода увлеченій юности: кальвинистская мораль не прощаетъ... — Справедливо говорила Великая Екатерина: — нѣтъ худа безъ добра; даже въ худѣ безъ добра есть добро. Почему жь не быть ему и въ кальвинистской нравственности?...

Е. Д.

Женева, 27 марта (8 апр.) 1868.

ОБЗОРЪ РУКОВОДСТВЪ И КНИГЪ ДЛЯ ОБЩАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Цѣль труда, который мы предлагаемъ публикѣ, — познакомить съ вышедшими у насъ, годными къ употребленію, руководствами по всѣмъ главнымъ отраслямъ знанія, и съ лучшими книгами для дѣтскаго и юношескаго чтенія. Это будетъ своего рода критическій каталогъ, гдѣ читатель найдетъ краткій отзывъ о каждомъ изъ упомянутыхъ сочиненій. Какъ необходимъ подобный трудъ для родителей, наставниковъ, для всякаго, кто самъ заботится восполнить недостатки своего образованія, кажется, много объяснять нечего. Мы, конечно, пишемъ не для тѣхъ, кто въ выборѣ книгъ руководствуется одной красивой внѣшностью: пестрой виньеткой, цвѣтистыми картинками, часто представляющими даже не то, что заключается въ текстѣ, заманчивымъ заглавіемъ въ родѣ «краснаго яичка къ свѣтлому празднику». Но и болѣе разумные изъ воспитателей болѣею частію судятъ о достоинствѣ дѣтской книги по имени автора, не имѣя случая взглянуть въ ея содержаніе, и потому сильно удивляются, находя въ ней не то, чего ожидали. Сочиненія научнаго содержанія у насъ мало извѣстны даже по именамъ авторовъ, и тутъ чаще

всего довольствуются тѣмъ, что случайно попадетъ въ руки. Къ кому же обратиться за совѣтомъ? гдѣ искать помощи? Въ нашихъ педагогическихъ журналахъ тамъ и сямъ разбросаны критическіе отзывы объ учебныхъ книгахъ; довольно полные обзоры повѣстей, разнаго рода разсказовъ и изданій для дѣтскаго и юношескаго чтенія, составленные Толемъ, Кемницемъ помѣщались въ «Учителѣ» за 1861—1862-й годъ и позднѣе. Но не всякому доставеть времени и охоты разыскивать все необходимое по журналамъ; притомъ о многихъ сочиненіяхъ и даже о цѣлыхъ отдѣлахъ сочиненій вы тутъ не найдете нивакого отзыва. Очень дѣльные обзоры г-на Толя были изданы отдѣльною книгою; но эта книга мало удобна для практическаго употребленія, потому что авторъ, рассматривая всю нашу дѣтскую литературу, большею частію имѣлъ дѣло съ плохими произведеніями издательской спекуляціи: его цѣлю было не столько разборъ самихъ книгъ, сколько выясненіе разныхъ педагогическихъ вопросовъ. Трудъ г-на Толя у насъ единственный въ своемъ родѣ и вполне заслуживаетъ вниманія по трезвому, безпристрастному взгляду автора. Какъ руководство при выборѣ книгъ, онъ все-таки очень не полонъ, мало касается сочиненій научнаго содержанія, и читатель не найдетъ въ немъ отзыва о книгахъ, вышедшихъ за послѣдніе пять лѣтъ, а въ это время появились многія изъ лучшихъ сочиненій въ дѣтской и юношеской литературѣ. Въ нашемъ настоящемъ трудѣ мы избираемъ только книги, почему-либо заслуживающія вниманія и вромѣ того по формѣ доступныя тому возрасту, для котораго могутъ быть назначены; слѣдовательно, читатель не затруднится въ отыскиваніи того, что выбрать. При обширности нашей задачи, не легко выполнимой для одного человѣка, конечно, у насъ могутъ встрѣтиться пропуски, недосмотры, неточности, особенно въ сужденіяхъ о книгахъ, относящихся къ предметамъ, менѣе намъ знакомымъ; мы постараемся по возможности избѣгнуть ихъ, пользуясь совѣтами людей, специально знающихъ дѣло; но все-таки просимъ смотрѣть на нашъ трудъ не болѣе, какъ на опытъ, имѣющій свое значеніе для публики по совершенному недостатку въ обзорахъ подобнаго рода. Главною нашею цѣлю будетъ указать на достоинства той или другой книги въ ея практическомъ употребленіи, причемъ рождаются три вопроса: какія положительныя знанія она сообщаетъ? какъ и на сколько эти знанія могутъ быть усвоены дѣтми или юношами въ той формѣ, въ какой они предложены? по самому своему направленію, на сколько она можетъ служить развитію юныхъ читателей? Уже помимо этой чисто-практической цѣли, любопытно видѣть результаты нашихъ воспитательныхъ усилій за послѣднее время, къ чему послужить болѣе или менѣе полное вложеніе тѣхъ средствъ, какими обладаетъ наша педагогика. Мы всегда видѣли ея истинное значеніе не въ общихъ сужденіяхъ и взглядахъ, которые высказывались въ ней съ различнымъ глубокимъ мысліемъ, а въ томъ, что дѣй-

ствительно было ею выработано для школы или для домашнего образования. Въ большинствѣ случаевъ, какъ увидить читатель, намъ приходится пользоваться переводными сочиненіями, которыя отлично примѣнены къ потребностямъ нѣмецкой, англійской публики и не во всѣхъ частяхъ годны для насъ. Мы очень счастливы, что у насъ въ настоящее время много накопилось и такихъ сочиненій; тамъ, гдѣ уже необходима была самодѣятельность нашихъ педагоговъ, или гдѣ наши переводчики еще не успѣли сдѣлать удачнаго выбора, намъ поневолѣ приходилось быть болѣе снисходительными въ своихъ сужденіяхъ, и пусть читатель не удивляется, если рядомъ съ сочиненіями, прекрасными во всѣхъ отношеніяхъ, мы рекомендуемъ книги, о которыхъ можно только сказать, что онѣ хороши по неизбѣннѣ лучшихъ. Въ своихъ отчетахъ Любена (*Pädagogischer Jahresbericht*), и при каждомъ отдѣлѣ сначала дѣлаемъ общія критическія замѣчанія, потомъ излагаемъ книги для дѣтскаго чтенія въ младшемъ возрастѣ (отъ 8 до 12 лѣтъ), учебныя руководства для средняго и высшаго возраста (отъ 12 до 15 лѣтъ и старше) и, наконецъ, книги для чтенія въ среднемъ и старшемъ возрастѣ. Это дѣленіе на возрасты, конечно, не можетъ быть слишкомъ точно: въ младшій и средній возрастъ придется помѣстить многія книги, которыя болѣе полезны воспитателю для объясненій, дѣлаемыхъ наглядно на этой степени развитія. Однако, мы отдѣлемъ книги, исключительно назначенныя для преподавателей, какъ, на примѣръ, сочиненія по педагогикѣ. При каждомъ отдѣлѣ, гдѣ это нужно, мы касаемся также различнаго рода пособій, служащихъ къ изученію того или другаго предмета, какъ, на примѣръ, естественно-историческіе атласы, карты, глобусы и проч. Имѣя въ виду полноту обзора, мы должны бы начать съ книгъ по закону Божію; но, при условіяхъ, какими обставлена педагогика этого предмета, тѣсно связаннаго съ догматическимъ ученіемъ вѣры, мы предоставляемъ судить о немъ людямъ, специально посвятившимъ себя его преподаванію. Отклоняя отъ себя эту задачу, какъ чуждую нашей общей педагогической цѣли, мы касаемся слѣдующихъ отдѣловъ по разнымъ отраслямъ знанія: 1) Сочиненія по естественной исторіи: элементарныя и общедоступныя руководства по главнымъ отраслямъ естествознанія, естественно-историческія хрестоматіи и книги для чтенія, пособія при изученіи естествознанія, и проч. 2) Элементарныя и наиболѣе доступныя сочиненія по математикѣ, а именно: по ариметикѣ, начальной алгебрѣ и геометріи. 3) Географическія сочиненія: общедоступныя учебники, географическія хрестоматіи, связные рассказы о положеніи и бытѣ извѣстной мѣстности и путевныя записки. 4) Историческія сочиненія: учебники, историческіе рассказы, біографіи, и проч. 5) Произведенія фантазіи: повѣсти и сказки, передѣлки классическихъ авторовъ, переводы гласныхъ произведеній, и проч. 6) Сочиненія по теоріи и исторіи литера-

туры. 7) Руководства для занятій въ дѣтскихъ садахъ, и книги для нагляднаго обученія. 8) Пособія для обученія грамотѣ и литературѣ: азбуки, грамматики русскія и славянскія, книги для первоначальнаго чтенія и литературныя хрестоматіи для средняго и высшаго возраста. 9) Книги по предмету общей педагогикѣ. Что касается ежемѣсячныхъ изданій для дѣтскаго и юношескаго чтенія, то лишь немногія изъ нихъ имѣютъ предметомъ определенную отрасль знанія: такія мы и разсмотримъ при книгахъ соотвѣтственнаго имъ отдѣла; прочимъ же изданіямъ, имѣющимъ смѣшанное содержаніе, мы думаемъ посвятить особую статью. Вообще говоря, наше дѣленіе на отдѣлы не исчерпываетъ всего, что можетъ встрѣтиться пригоднаго для дѣтскаго и юношескаго чтенія: таковы, напримѣръ, книги, касающіяся общихъ началъ политической экономіи, исторіи изобрѣтеній, торговли и промышленности, и проч. Мы будемъ помѣщать ихъ въ тѣхъ отдѣлахъ, которыхъ онѣ ближе касаются. Мы не можемъ и въ другихъ отношеніяхъ избѣжать нѣкотораго смѣшенія отдѣловъ: такъ большая часть элементарныхъ сочиненій по естественнаго служать вмѣстѣ и книгами для нагляднаго обученія, однако, наглядное обученіе въ тѣсномъ смыслѣ составляетъ особый предметъ, по которому у насъ сдѣланы кое-какіе опыты; естественно-историческіе разказы Гартвига, Майрида, заключающія описанія быта разныхъ мѣстностей, въ то же время могутъ служить пособіемъ при изученіи географіи; нѣкоторыя повѣсти также могутъ заключать содержаніе, взятое то изъ области этнографіи, то изъ явленій природы, но ихъ неудобно отдѣлять отъ другихъ повѣстей того же автора съ болѣе широкимъ содержаніемъ. И такъ нѣкоторые отдѣлы, какъ, напримѣръ, естественно-историческій, явятся обширнѣе другихъ не только потому, что по нимъ представляется большее число порядочныхъ сочиненій, но и потому, что они больше входятъ въ область другихъ отдѣловъ. Имѣя дѣло лишь съ книгами, годными къ употребленію, мы тѣмъ самымъ значительно ограничиваемъ свою задачу; она также ограничивается общеобразовательною цѣлю, каковую мы имѣемъ въ виду при употребленіи книгъ. Мы не стѣсняемся содержаніемъ книги, къ какой бы области знанія она ни принадлежала, если по самой постановкѣ вопроса, въ ней развиваемаго, и по формѣ ея изложенія, она можетъ способствовать общему образованію; съ другой стороны и по принятымъ въ школахъ предметамъ общаго образованія мы опускаемъ книги, имѣющія учено-спеціальныи характеръ, для пониманія которыхъ нужно много подготовительныхъ знаній. Кто захочетъ подробнѣе и основательнѣе изучить какой-нибудь предметъ, тотъ, конечно, самъ ознакомится съ его литературою; между тѣмъ усвоить, какъ слѣдуетъ, первыя начала какой-нибудь науки, понять ея пользу и общественное значеніе, хоть сколько нибудь проникнуть въ тайны, которыя ревнивые жрецы такъ заботливо скрываютъ отъ непосвященныхъ — вотъ на что у насъ болѣею частію не

хватаетъ ни средствъ, ни умѣнья. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ въ виду не только потребности школы, но и потребности домашняго образованія, которое у насъ такъ необходимо и для взрослыхъ. Ограничивая нашу задачу предѣлами общеобразовательныхъ знаній, мы можемъ допустить въ свой обзоръ нѣкоторыя книги, которыя собственно не назначались для юношескаго чтенія, но, по своему популярному изложенію, могутъ быть доступны болѣе развитымъ юношамъ. Таковы, напримѣръ, сочиненія Тъери, Прескота, Исторія общей литературы Шерра, изъ русскихъ нѣкоторыя сочиненія Костомарова, и проч. Мы имѣемъ много основаній упомянуть о подобныхъ книгахъ: во первыхъ, онѣ болѣею частію приняты въ бібліотеки нашихъ учебныхъ заведеній и охотно читаются юношами, слѣдовательно, тутъ необходимо и нѣкоторый совѣтъ, какъ ими пользоваться; во вторыхъ, при крайнемъ недостаткѣ хорошихъ сочиненій, назначенныхъ собственно для юношей, безъ нихъ въ иномъ случаѣ пришлось бы ограничиться чуть ли не одними руководствами; третьихъ, причая къ серьезному чтенію, онѣ болѣе постепеннымъ и легкимъ способомъ вводятъ въ область высшей науки, тогда какъ ученныя изслѣдованія въ ихъ строго-научной формѣ могутъ быть еще вовсе недоступны юношеству. Впрочемъ, изъ подобныхъ сочиненій мы никакъ не упустимъ изъ виду нашей главной педагогической цѣли. Наконецъ, мы должны еще замѣтить, что, разсматривая лишь лучшія сочиненія, мы естественно занимались по преимуществу книгами, вышедшими за послѣдніе 10 лѣтъ, такъ-какъ въ это время наиболѣе обогатилась наша дѣтская литература; но, конечно, мы возьмемъ во вниманіе и прежде изданныя сочиненія, если они до сихъ поръ не потеряли цѣны своей.

В. Водовозовъ.

1. СОЧИНЕНІЯ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

Мы начинаемъ съ отдѣла, самаго богатаго у насъ книгами, заслуживающими вниманія. Не только по общимъ предметамъ естествознанія: зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, физикѣ и химіи, но и по болѣе важнымъ, частнымъ отраслямъ его, каковы: геологія, метеорологія, физиологія, гигиена—у насъ въ послѣднее время накопилось достаточно сочиненій, чтобы удовлетворить горячую любознательность. Сочиненія эти болѣею частію переводныя и знакомятъ насъ, какъ съ великими результатами, какихъ естествознаніе достигло въ послѣднее время, такъ и съ его превосходно выработаннымъ методомъ, о педагогическихъ неудобствахъ котораго любятъ такъ много толковать приверженцы старинны, ставя цѣлью школьной науки одну формальную дрессировку. Къ сожалѣнію, это сравнительное богатство естественно-историческихъ сочиненій у насъ до сихъ поръ остается болѣею частію бесполезнолежащимъ кладомъ. Реальныхъ школъ у насъ не существуетъ; въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ естество-

вѣдѣніе занимаетъ самое ничтожное мѣсто: остается разсчитывать на тѣсный кружокъ образованнаго общества, сохраняющаго интересъ къ дѣлу умственного развитія, да на юношество, въ которомъ мелкіе разсчеты жизни еще не заглушили безкорыстной любви къ знанію. Сочиненія разбираемаго нами отдѣла такимъ образомъ имѣютъ ходъ, исключая развѣ немногихъ официально одобренныхъ руководствъ, въ ограниченной сферѣ домашняго воспитанія, и тутъ ихъ успѣхъ много зависитъ отъ частныхъ, случайныхъ симпатій. Послѣдствія этого очевидны. Переводные образцы вызвали у насъ очень мало самостоятельности, чтобы тѣмъ же путемъ разработывать научныя данныя для русской публики. Авторы этихъ образцовыхъ сочиненій, въ Германіи, въ Англіи, во Франціи, конечно, имѣли въ виду не однѣ чисто-научныя цѣли, но и потребности общества, для котораго писали. Лучшее же изъ нашихъ переводчиковъ ограничивались скромною задачею переводить съ послѣдной точностію оригиналъ безъ всякихъ объясненій, или, если дѣлали въ немъ какія либо перемѣны, то съ той же научною цѣлію. Мы и за это имъ очень благодарны: для хорошихъ передѣлокъ, кромѣ знанія, нужно еще много таланта. Тѣмъ не менѣе большинство русской публики будетъ въ крайнемъ затрудненіи, какъ, напримѣръ, объяснить дѣтямъ по Вагнеру устройство разныхъ микроскопическихъ насѣкомыхъ, водящихся въ комнатахъ, или какъ понять въ курсѣ физики, назначенномъ для низшихъ классовъ, хоть бы слѣдующее выраженіе, вставленное безъ всякихъ предварительныхъ толкованій: «Всякое тѣло, состоящее изъ вещественнооднородныхъ молекулъ, представляетъ собою агрегатъ». Замѣтимъ еще, что лучшія книги, особенно содержащія занимательные разказы изъ жизни животныхъ, по своей дороговизнѣ доступны немногимъ: не было ни одной попытки составить изъ нихъ какое-нибудь сокращенное изданіе. При всемъ обиліи переводныхъ сочиненій, мы замѣчаемъ крайній недостатокъ въ книгахъ для перваго возраста. Кромѣ кое-какихъ передѣлокъ Любена, да порядочной книги Бекетова «О землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ», намъ и указать почти не на что. Тутъ особенно были бы важны живые разказы о нравахъ и жизни наиболѣе встрѣчающихся животныхъ, преимущественно домашнихъ, объ обыкновенныхъ растеніяхъ и другихъ близкихъ ребенку предметахъ: просмотрѣвъ болѣе ста книгъ, мы не нашли ни одной, удовлетворительной, съ подобнымъ содержаніемъ. Остается передѣлывать описанія, взятія изъ книгъ, годныхъ или даже высшаго возраста. Это обстоятельство лучше всего доказываетъ, какъ мало наши популяризаторы думали о какихъ бы то ни было педагогическихъ цѣляхъ. Впрочемъ, мы здѣсь обратили вниманіе на недостатокъ, который удобно исправить при значительномъ количествѣ разработаннаго научнаго матеріала, который представляютъ изданія у насъ книги по естествознанію. Болѣе полного примѣненія этого предмета къ нашей жизни, къ степени развитія и потреб-

постоямъ нашего общества можно ожидать все-таки тогда, когда образованная публика съ полнымъ жаромъ посвятитъ себя его изученію. Въ настоящемъ обзорѣ мы сначала рассмотримъ руководства и пособія по естествознанію, а потомъ и книги для чтенія.

а. УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА.

а) Для младшаго возраста.

1. Приготовительный курсъ зоологіи, составилъ по методу *Любена* и *Габріэля*, *Д. Михайловъ*. Изданіе второе, дополненное, съ рисунками. 1867 года. Ц. 85 к. (Изданіе М. О. Вольфа).

Этотъ курсъ недурно примѣненъ въ первоначальнымъ занятіямъ зоологіею. Книга, конечно, не дается въ руки учащимся, а родители или наставники могутъ очень удобно, руководствуясь ею, вести занятія по живымъ образцамъ, заставляя дѣтей наблюдать всѣ признаки животныхъ и задавая имъ приличные вопросы. Какъ это дѣлать, авторъ довольно обстоятельно объясняетъ въ введеніи, представляя въ образчикъ бесѣды о собакахъ, курицѣ, и проч. Курсъ расположенъ систематически по шести отдѣламъ (позвоночныя, суставчатныя, черви, мягкотѣлыя, лучистыя, наливочныя) и по 18-ти классамъ; въ концѣ приложена таблица для опредѣленія родовъ животныхъ, наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Что касается выбора, то онъ вообще сдѣланъ сообразно съ потребностями начинающихъ; выбраны главнѣйшіе представители видовъ, которыхъ всегда легко имѣть подъ рукою: изъ млекопитающихъ—собака, кошка, бѣлка, домовая мышь, лошадь, быкъ и овца, домашняя свинья, кроль и нетопырь (нѣтъ ни обезьянъ, ни львовъ, ни слоновъ); изъ птицъ — ворона, гусь, утка, ястребъ, сова лѣсная, воробей, и проч. На отдѣлы низшихъ животныхъ обращено особенное вниманіе. Авторъ начинаетъ съ раковъ, какъ съ болѣе крупной породы; изъ 76 видовъ, рассмотрѣнныхъ въ книгѣ, 42 принадлежатъ къ разрядамъ насѣкомыхъ, пауковъ, кольчатыхъ, и пр. Въ отношеніи насѣкомыхъ, пауковъ, нѣкоторыхъ червей такое предпочтеніе имѣетъ свой смыслъ: ребенокъ можетъ собирать ихъ, хранить у себя, наблюдать всѣ ихъ превращенія; что касается тѣхъ животныхъ, какъ галсты, иглокожія, и проч., то, конечно, придется ограничиться картинками. Низшія животныя важны для ознакомленія съ простѣйшими способами размноженія, но необходимы для этого микроскопическія наблюденія врядъ ли удобны на первой* степени.

Описанія животныхъ у автора довольно точны: онъ обращаетъ должное вниманіе на величину, покровы, характерныя части тѣла, и проч., и послѣ всякаго класса даетъ общій обзоръ его признаковъ. Въ самомъ началѣ, при описаніи собаки, мы уже

находимъ нѣсколько утомительныя подробности въ подраздѣленіи коренныхъ зубовъ на ложнокоренные, плотоядные, бугорчатые: усвоить все это ребенку можно не иначе, какъ имѣя подъ рукою необходимыя части скелета. Для большей наглядности полезны были бы сравненія съ частями человѣческаго тѣла, на сколько онѣ доступны наблюденію ребенка, полезны были бы болѣе подробныя указанія на значеніе каждой особенности формы въ самой жизни животнаго; но авторъ не заботится о томъ, чтобы придать особенную занимательность своему предмету: онъ вдругъ сухо, хотя и обстоятельно, перечисляетъ лишь внѣшніе признаки, излагая притомъ, сколько дѣтенышей рождаетъ въ годъ самка, какъ постепенно вырастаютъ у лошади зубы и проч. Объ образѣ жизни животнаго, о пользѣ, имъ приносимой, находимъ очень мало свѣдѣній: рассказано кое-что объ уходѣ за курами, о томъ, чѣмъ питается то или другое животное, какъ кролики и нетопыри истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ; но чаще мы узнаемъ только, что, на примѣръ, бѣлка дѣлаетъ на зиму запасы, что мышь необыкновенно бодрѣ, лова, можетъ хорошо прыгать, плавать, лазить и проч. Объ овцѣ авторъ говоритъ: «польза овцы всѣмъ извѣстна». И рядомъ съ подобными замѣчаніями мы неожиданно встрѣчаемъ такія подробности: «новорожденного теленка еладутъ передъ коровой, чтобы она его облизала, обсыпаютъ солью съ отрубями, чтобы была охота лизать», а зачѣмъ коровѣ это нужно дѣлать, и не объяснено. И такъ книга г. Михайлова очень полезна, какъ руководство для упражненія дѣтской наблюдательности; но одни эти чисто-внѣшнія наблюденія могутъ крайне утомить ребенка, и воспитателямъ придется обращаться въ другія источники, чтобы всякій разъ оживлять разсказъ. Къ книгѣ издателемъ приложены довольно отчетливые рисунки; только мѣстами при рисункахъ поставлены цифры, а въ текстѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ имъ указаній, или нѣтъ объяснительныхъ надписей, какъ, на примѣръ, при картинкѣ, изображающей разныя породы собакъ, при изображеніяхъ насѣкомыхъ.

2. Приготовительный курсъ ботаники, составленный по Любену *Н. Раевскимъ*. Второе изданіе, 1866 года. Ц. 50 к.

Этотъ курсъ, по своему назначенію и характеру, подобенъ предъидущему. Авторъ имѣлъ цѣлію упражнять вниманіе дѣтей чрезъ прилежное разсматриваніе всѣхъ внѣшнихъ признаковъ въ обыкновенныхъ, всюду встрѣчающихся, растеніяхъ (числомъ 46). При описаніи фіалки представлены и вопросы, по которымъ слѣдуетъ объяснять, гдѣ въ растеніи корень, корневище, стебель, листья, отрпыски, тычинки, плодъ и ихъ различныя формы. Послѣ точнаго описанія избранныхъ авторомъ растеній слѣдуетъ краткое изложеніе всѣхъ органовъ въ растеніяхъ и

вопросы изъ растительной органиграфіи, приведенъ примѣръ сравненія видовъ и, наконецъ, приложена таблица для опредѣленія родовъ по Линнеевой системѣ. Бѣльшаго и трудно требовать отъ маленькой книжки въ какихъ нибудь 100 страничекъ. Но и въ этомъ размѣрѣ, намъ вается, возможны были бы нѣкоторыя улучшения. Авторъ избираетъ самыя простыя полевныя растенія; изъ цвѣтовъ и травъ описаны: фіалка, первоцвѣтъ, курослѣпъ, крессъ, чистотѣль, ленникъ, крапива, незабудка, подсолнечникъ, хвощъ, вероника, звѣробой, трилистникъ, лютикъ, василекъ и другіе; изъ ягодныхъ — черемуха, земляника; изъ деревьевъ — береза, ива, сосна; изъ огородныхъ и садовыхъ оказано вниманіе одной моркови. Мы видимъ, что тутъ все вниманіе обращено на полевныя цвѣты или, иначе сказать, на сорныя травы. Авторъ имѣлъ въ виду, что учащіяся будутъ знакомиться съ ними во время прогуловъ — эта мысль очень хорошая. Но все-таки, безъ руководства наставника, они не найдутъ всѣхъ указанныхъ въ книгѣ растеній. По нашему мнѣнію, ихъ число можно бы ограничить самыми характерными видами, чтобы дать мѣсто другимъ, которые болѣе могутъ возбуждать дѣтскую любознательность. Не менѣе важно было бы приохотить дѣтей къ тому, чтобы они у себя дома, въ садикѣ или въ комнатѣ, разводили необходимые образцы: лишь при этомъ возможны тѣ отчетливыя наблюденія надъ растеніями отъ ихъ выхода изъ зерна до созрѣванія плода, какихъ требуетъ авторъ. Такимъ образомъ сюда могла бы войти маленькая статья объ уходѣ за цвѣтами и описаніе немногихъ, болѣе красивыхъ породъ, которыхъ сѣмена легко всюду достать, но которые сильнѣе подѣйствуютъ на дѣтское чувство. Далѣе крайне необходимо было бы привести описаніе такихъ растеній, какъ рожь, пшеница, ячмень, греча, ленъ, картофель, горохъ, макъ, салатъ и проч.; по поводу ихъ значенія въ жизни человѣка могли бы явиться нѣкоторые занимательные рассказы. Можно бы также поподробнѣе и позанимательнѣе рассказать о способахъ размноженія въ растеніяхъ. Впрочемъ, свѣдѣнія обо всемъ этомъ наставники найдутъ во многихъ популярныхъ сочиненіяхъ; книга же г. Раевского послужитъ руководствомъ для первыхъ наблюденій. Примѣняясь къ требованіямъ учебныхъ заведеній, авторъ дѣлитъ свой курсъ на два весеннихъ и на два осеннихъ курса; во второмъ весеннемъ и осеннемъ курсѣ помѣщены такія растенія, которыхъ части наблюдать нѣсколько труднѣе: береза, ива (съ ихъ цвѣточными сережками), хвощъ, сосна, тысячелистникъ, василекъ, мохъ и проч. Таблица родовъ по Линнею на первый разъ очень полезна при отыскиваніи растеній: чрезъ эту искусственную систему дѣти постепенно ознакомятся и съ естественною. Издатель (книгопродавецъ Битенажъ) украсилъ книгу нѣсколькими бесполезными рисунками, которые изображаютъ не растенія, менѣе извѣстныя (рисунки могли бы облегчить ихъ отыскиваніе), а иву, сосну, одуванчикъ и проч.

3. БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ, НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.
А. Бекетова. Въ 2-хъ книжкахъ. Изд. 2-ое, 1865. Ц. 50 к.

Эта книга составляетъ въ своемъ родѣ единственный у насъ опытъ дѣльнаго и совершенно популярнаго изложенія главнѣйшихъ вопросовъ изъ многихъ отраслей естествознанія (изъ астрономической географіи, геологии, физики, метеорологіи, физиологій), на сколько ихъ можно было коснуться въ тѣсномъ объемѣ 155 страницъ довольно убористой печати, и мы ее особенно рекомендуемъ родителямъ, которые затрудняются, о чемъ бесѣдовать съ дѣтьми. Бесѣды г. Бекетова собственно назначались для народа, и потому, будучи очень популярны по изложенію, не всегда заключаютъ однѣ элементарныя свѣдѣнія, соотвѣтственныя степени дѣтской наблюдательности; мѣстами, въ изложеніи подробностей, замѣтны даже приемы ученаго, мало знакомаго съ дѣломъ первоначальнаго обученія; но, съ другой стороны, эта самая привычка свободно обращаться съ научными вопросами спасла г. Бекетова отъ жалкой рутинѣ тѣхъ изъ нашихъ педагоговъ, которые на дѣтей и вообще на людей, непосвященныхъ въ науку, смотрятъ, какъ на нищихъ, сытыхъ уже кое-какими крохами отъ богатой трапезы. Авторъ не затрудняется даже разсказать, какъ «однѣ весьма ученый и умный человѣкъ», задумавъ, по движенію маятника, доказывать обращеніе земли около оси. Въ книжкѣ, конечно, есть предметы, которыхъ объясненіе удобнѣе перенести въ средній возрастъ; но очень многое въ ней, при полной наглядности толкованій, доступно будетъ и младшему возрасту. Авторъ начинается съ объясненія, что такое масштабъ, радіусы и градусы круга, какъ измѣрять, чрезъ построеніе треугольниковъ, широту и высоту предмета: все дѣло, конечно, представлено безъ всякихъ геометрическихъ тонкостей, просто и наглядно. При этомъ для незнающихъ не совсѣмъ будетъ ясно, какъ опредѣлить настоящую ширину и высоту по чертѣ, проведенной къ вымышленной сторонѣ изъ противоположнаго угла; авторъ только говоритъ неопредѣленно: «вымѣряйте ее хоть на плавѣ... проведите черту, и выйдетъ высота колокольни...» но этого мало. Указавъ на возможность измѣрять недоступные предметы, авторъ намекаетъ на то, что такъ же можно вымѣрять разстояніе луны и солнца отъ земли, говорить о шарообразности земли, о ея величинѣ, объясняя наглядно, что по желѣзной дорогѣ ее можно бы объѣхать въ 39 сутокъ, и переходить къ изложенію ея суточного движенія. Здѣсь онъ постоянно употребляетъ неточное сравненіе съ колесомъ, вращающимся около оси. Далѣе кстати разсказано о компасѣ и маятникѣ. Годовое движеніе земли хорошо представлено въ сравненіи съ человѣкомъ, который двигался бы около другаго, становясь къ нему то лицомъ, то бокомъ, то задомъ; но выраженія «земля отворочена, поворочена къ солнцу, отгибается, пригибается», намъ кажется, тутъ лишь запутываютъ

дѣло. Все нами изложенное служить содержаніемъ первой бесѣды; мы видимъ, что богатый матеріалъ ея можно объяснить дѣтямъ не вдругъ и только послѣ многихъ предварительныхъ толкованій: пусть родители сначала дѣлаютъ съ ними наблюденія надъ видимымъ движеніемъ солнца, надъ сторонами свѣта, надъ горизонтомъ и проч., пусть понемногу приучаютъ ихъ измѣрять предметы; происхожденіе же временъ дня и года всего удобнѣе объяснить на шарѣ, вращаемомъ около свѣчкн. Слѣдующія бесѣды первой книги несравненно легче и проще. Въ нихъ авторъ толкуетъ о пластахъ, осѣдающихъ изъ воды (при чемъ указываетъ на полосатые берега рѣкъ, на образованія горъ и овраговъ), о дѣйствіи подземнаго огня (тутъ очень живо описаны землетрясенія), объ образованіи камней и земныхъ пластовъ (гранитъ, глина, песчаникъ, известнякъ, мраморъ, каменная соль, черноземъ), о теплѣ и холодѣ (описанъ термометръ), о моряхъ, источникахъ, рѣкахъ и озерахъ, о тяжести воздуха (о барометрѣ), о туманахъ и облакахъ, о громѣ и молніи, о вѣтрахъ и о составѣ воздуха, о томъ, какъ высчитывать тепло, вѣтеръ, дождь и проч. Все это авторъ примѣняетъ къ Россіи и говоритъ подробно «о погодѣ на Руси», представляя таблицы средняго тепла, дождевыхъ и снѣжныхъ дней по мѣсяцамъ, количества падающей воды. Въ своихъ объясненіяхъ онъ всегда очень искусно обращается къ видимымъ всюду предметамъ. Приведемъ образчикъ: «Если зимою вдругъ отворимъ дверь со двора въ топленую избу, то изъ двери повалитъ паръ словно облако или туманъ. Туманъ или облако это скоро разсѣвается и проходитъ... куда?—не замѣтишь. Самоваръ ли кипитъ на крыльцѣ—особенно зимою, изъ него паръ такъ облакомъ и валитъ, а куда дѣвается этотъ паръ, опять не замѣчаемъ. Если же самоваръ кипитъ въ комнатѣ, то замѣтить не трудно, куда дѣвается паръ, особенно, если самоваръ стоитъ около окна зимою. Коли паръ этотъ бьетъ въ окно, то какъ разъ замѣтимъ, что онъ садится на оконныхъ стеклахъ водяными каплями. Въ банѣ это еще легче увидѣть: тамъ всегда окна потныя отъ пара. Вотъ этотъ-то паръ, что валитъ изъ избы на дворъ, и есть туманъ или облако—назови, какъ хочешь, ибо и туманъ или облако не что другое, какъ паръ. Это паръ *видимый*». Вообще вся первая книга можетъ служить хорошимъ подготовленіемъ къ курсу географіи. Вторая уже болѣе подходитъ къ понятіямъ средняго возраста; въ ней авторъ сначала объясняетъ, какія вещества растеніе заимствуетъ изъ почвы и изъ воздуха, и самый способъ его питанія, на что долженъ обращать вниманіе земледѣлецъ (основныя правила сельскаго хозяйства); потомъ слѣдуютъ бесѣды о сходствѣ всѣхъ тварей между собою, объ устройствѣ тѣла коровы (ея костяхъ, мясѣ и внутренностяхъ), о кровообращеніи и питаніи человѣческаго тѣла, о нервахъ и о томъ, какъ головной мозгъ управляетъ всякимъ движеніемъ. Послѣдняя статья, къ сожалѣнію, даетъ слишкомъ поверхностное понятіе о

самомъ важномъ изъ предметовъ. Мы могли бы и въ другихъ мѣстахъ книги указать неточность, происходящую отъ краткости, или педагогическую непослѣдовательность въ объясненіяхъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы оканчиваемъ только желаніемъ, чтобы г. Бекетовъ и подобные ему изъ нашихъ ученыхъ писали побольше такихъ книгъ: онѣ полезнѣе для общества, чѣмъ университетскіе курсы, которыхъ недостатокъ при обиліи иностранныхъ руководствъ не можетъ быть такъ чувствителенъ.

b) *Для средняго и старшаго возраста.*

(Руководства по зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, минералогіи и физиологіи).

4. Зоологія *В. В. Григорьева*, съ 206 политипажами, изданіе четвертое. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Руководство г. Григорьева писано по старому способу съ немногими новѣйшими улучшеніями, и мы объ немъ не упоминали бы, еслибы оно все-таки не было получше руководства Сн-машки: впрочемъ, четвертое изданіе указываетъ на большое его распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Авторъ сначала по обыкновенію различаетъ естественныя произведенія отъ искусственныхъ, природу органическую отъ неорганической; потомъ разсматриваетъ органы чувствъ въ человѣкѣ, органы питанія, кровообращеніе, пищевареніе, дыханіе и проч. Все это, однако, изложено кратко, чисто догматически, напримѣръ: «Дыханіе человѣка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ теплоты его тѣла: поглощенный изъ воздуха кислородъ соединяется въ тѣлѣ съ углеродомъ крови, и вслѣдствіе этого соединенія и развивается теплота въ тѣлѣ», а какъ происходитъ это чудесное явленіе и что такое кислородъ и углеродъ, и откуда взялся углеродъ въ крови — все предполагается совершенно извѣстнымъ ребенку. Общіе обзоры свойствъ животнаго царства и разныхъ его отдѣловъ, составленные по сравнительному методу (напримѣръ, способы передвиженія: ноги, руки, летательныя перепонки, крылья, хватательныя нити, рѣснички, щетинки, способы размноженія: яйца, дѣленія, почки), можно назвать лучшею частью книги; но и эти обзоры имѣютъ значеніе лишь тогда, когда учащіеся уже познакомились съ отдѣльными животными; иначе и здѣсь результатомъ будетъ одно долбленіе. Авторъ дѣлитъ животныхъ на четырнадцать классовъ: млекопитающія, птицы, земноводныя, рыбы, насѣкомыя, пауки, ракообразныя, кольчатые черви, внутренностные черви, моллюски, иглокожія, акалефы, полипы, инфузоріи. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ находимъ по обычаю подраздѣленія на роды, отдѣлы, семейства, виды. Возьмемъ хоть родъ насѣкомыхъ «жесткокрылыя». Тутъ три отдѣла: травоядныя, плотоядныя и гнилоѣды; въ отдѣлѣ травоядныхъ три семейства: дол-

говосики, листоѣды и древоѣды, и наконецъ въ каждомъ семействѣ десяти видовъ съ русскими и латинскими названіями: *Anthophilus pomorum*, *malii*, *rugii*, *dracorum* и проч. То же самое по каждому семейству, отдѣлу, классу. При этомъ, конечно, описанія видовъ должны быть особенно кратки. Напримѣръ, нетопырь длиною до 2", бурсыбраго цвѣта, распространенъ по всей Европѣ, и такъ сразу до 6, 10, 15 видовъ на одной страницѣ. Теперь вообразимъ себѣ, что учащіяся такимъ образомъ должны пройти всѣ 14 классовъ! Чтѣ съ ними произойдетъ? Можетъ ли быть хоть малѣйшее опасеніе, что съ естественнаніемъ они слишкомъ разовьются? И добро бы книга служила къ точному опредѣленію видовъ, а то размѣръ руководства все-таки не дозволилъ автору войти въ необходимыя для этого подробности при описаніи животныхъ. Мѣстами мелкимъ шрифтомъ припечатаны кое-какія свѣдѣнія о пользѣ, приносимой животными, о ловлѣ бабочекъ, объ аквариумахъ; но все это въ глазахъ автора бездѣлки, не стоящія большаго вниманія. Рисунки, приложенныя къ книгѣ, довольно топорны, московскаго издѣлія. Мы указали на руководство г. Григорьева, какъ на одно изъ лучшихъ въ своемъ родѣ; но совѣтуемъ наставникамъ пользоваться имъ съ большою осторожностію, если они желаютъ сохранить въ дѣтяхъ любовь къ своему предмету.

5. Краткій курсъ зоологіи, съ 365 рисунками, изданіе В. Ковалевскаго. 1866. Ц. 75 к.

Этотъ курсъ представляетъ совершенную противоположность съ книгою г. Григорьева. Авторъ отчасти передѣлалъ его съ нѣмецкаго, отчасти составилъ самостоятельно. Лучшая часть, конечно, введеніе. Тутъ авторъ задаетъ себѣ широкую задачу построить курсъ на новыхъ началахъ науки, гдѣ систематика занимаетъ второстепенное мѣсто, а на первомъ планѣ являются сравнительная анатомія, сравнительная физиологія, сравнительная исторія развитія. Все это прекрасно, но какъ, когда и на сколько можно дать усвоить подобные предметы учащимся? Обратимъ вниманіе на самое взложеніе автора. Сначала онъ дѣлитъ органическіе предметы, по способу питанія, на растенія и животныя. Растенія отличаются тѣмъ, что питаются только *эндосмотически* втягиваемою пищею. Вотъ ужъ ученое названіе, для котораго нужно много предварительныхъ объясненій. Далѣе авторъ очень просто объясняетъ необходимостью питаться и отыскивать пищу образованіе простѣйшихъ органовъ пищеваженія, движенія, ощущенія. «Болѣе выгодная комбинація органовъ движенія и питанія дали случай къ развитію новыхъ формъ»; въ водѣ еще могли существовать мягкотѣлыя: животнымъ, живущимъ на воздухѣ, уже стали необходимы болѣе твердая части тѣла. Такимъ образомъ дѣло сводится къ тому, чтобы разсмотрѣть, какъ, чрезъ разныя приспособленія къ добыванію пищи, постепенно развивались органы, и авторъ начинается

съ описанія вѣточка (при чемъ говорится и объ эпителиальномъ слоѣ, и объ электрическихъ токахъ), а потомъ сравнительнымъ путемъ описываетъ образованіе органовъ по всѣмъ ступенямъ развитія (корненожки, инфузоріи, иглокожія, моллюски и, наконецъ, высшія животныя). Отъ органовъ пищеваренія и кровообращенія онъ переходитъ къ органамъ чувствъ, и тутъ также сравнительно представлены у разныхъ животныхъ чувства осязанія, вкуса, обонанія, зрѣнія и слуха. Всѣ эти органы, конечно, подробнѣе описаны въ ихъ совершеннѣйшей формѣ у человѣка. Вслѣдъ за тѣмъ обращено вниманіе и на другой источникъ дѣятельности въ животныхъ—на способы размноженія (особенно въ разрядѣ низшихъ животныхъ). Авторъ далѣе дѣлитъ животныхъ на позвоночныхъ и кольчатыхъ, кольчатыхъ—на суставчатыхъ и червей; къ суставчатымъ принадлежатъ: насѣкомыя, пауки и ракообразныя, къ червямъ: кольчатые черви, струйчатые, внутренностные и коловратки. Наконецъ, особые отдѣлы составляютъ: мягкотѣла, лучистыя и простѣйшія. Надо замѣтить, что авторъ вообще умѣетъ избѣгнуть излишнихъ, утомительныхъ подробностей и излагаетъ свой предметъ довольно ясно, исключая нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ, которые требовали болѣе обстоятельнаго разъясненія. Но по самой важности и обилію предметовъ, излагаемыхъ въ введеніи, читатель легко пойметъ, что всего этого нельзя проходить подъ рядъ, безъ предварительнаго знакомства съ самими формами животныхъ, то-есть нельзя поставить напередъ результатовъ знанія. вмѣсто такого догматическаго способа изложенія, автору слѣдовало бы сначала провести свой взглядъ при описаніи главнѣйшихъ видовъ животныхъ, а потомъ, какъ выводъ изъ предъидущихъ объясненій, представить свои положенія. Ничего подобнаго не находимъ въ самомъ курсѣ г-на Ковалевскаго, который отъ другихъ курсовъ отличается лишь большею легкостью содержанія и живостью изложенія. Только при описаніи низшихъ животныхъ (съ 130 до 348 стр.) болѣе необходимой полноты и точности, болѣе обращено вниманія на внутреннее строеніе и назначеніе всѣхъ частей организма. Хотя въ цѣломъ разбираемый курсъ слѣшкомъ отрывоченъ и не довольно представляетъ подробностей о жизни животныхъ, о томъ, что авторъ называетъ приспособленіемъ органовъ, онъ, по умѣренному выбору фактовъ, можетъ служить для занятій (исключая немногихъ частей) даже въ низшемъ возрастѣ; что касается введенія, то оно послужитъ съ пользою развѣ наставникамъ, чтобы давать дѣтямъ объясненія по мѣрѣ того, какъ они научатся владѣть микроскопомъ. Рисунки, приложенные къ тексту, выбраны и исполнены удачно; они, болѣею частію, представляютъ какую-нибудь особенность во внѣшней формѣ тѣла: голова серны, нога носорога, рогъ альпійскаго козла, коренной зубъ индійскаго слона, когти птицы и проч. Вообще при нихъ не обозначена относительная величина предметовъ, о чемъ не всегда упоминаютъ и въ текстѣ.

6) Начальныя основанія физиологии *Д. Руссдорфа* и зоологии *Д. Мазіуса*, съ многими политипажами. 1860. Ц. 2 р. 50 к.

Не знаемъ, зачѣмъ издатели соединили вмѣстѣ двѣ книги, совершенно различныя и по своему характеру и по назначенію. Физиологію Руссдорфа мы рассмотримъ послѣ, а теперь упомянемъ лишь о зоологіи Мазіуса, которая также можетъ служить для занятій съ дѣтьми въ младшемъ и среднемъ возрастѣ. Она переведена и издана подъ редакцію г-на Сентъ-Илера и сначала заключаетъ описаніе растительныхъ (питаніе, дыханіе, кровообращеніе, размноженіе) и животныхъ системъ (движеніе, сила мускуловъ, голосъ, скелетъ, нервная система, органы чувствъ) въ животномъ царствѣ вообще и въ человѣкѣ въ особенности; авторъ кратко упоминаетъ и о животныхъ прежнихъ эпохъ. Эта часть, разумѣется, можетъ быть пройдена постепенно по мѣрѣ знакомства съ отдѣльными видами. Собственно описаніе животныхъ представляетъ очень легкій и довольно занимательный курсъ, гдѣ обращено вниманіе на образъ жизни и нравы наиболѣе замѣчательныхъ особей. Выборъ видовъ умѣренный (изъ кошекъ, на примѣръ: левъ, тигръ, пантера, ягуаръ, рысь, кошка); часто встрѣчаются довольно полныя характеристики, какъ, на примѣръ, въ разсказахъ о лошади, верблюдѣ, слонѣ, тюлени, китѣ, орлахъ, голубяхъ, страусѣ, журавлѣ, и проч. Общія характеристики низшихъ животныхъ очень подробныя, но видовъ описано мало. Авторъ мѣстами увлекается поэзіею, представляя и стихи Байрона, и скандинавскія легенды, и другія народныя преданія: это оживляетъ разсказъ, но иногда выходитъ нѣсколько вычурно и безсвязно.

7. Зоологія и зоологическая хрестоматія, въ объемѣ курса средне-учебныхъ заведеній. Томъ первый. Животныя безпозвоночныя. Съ атласомъ рисунковъ. Сост. *Анатолій Богдановъ*. 1862 — 1865. Ц. 4 р. 25 к.

Вотъ одно изъ лучшихъ самостоятельныхъ сочиненій, какое у насъ только появлялось по части естественной исторіи — и при всемъ томъ книга производитъ грустное впечатлѣніе. Въ ней вы находите разумный педагогическій методъ, основательныя свѣдѣнія, живой современный взглядъ на науку — и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно представить болѣе невниманіе къ нашимъ насущнымъ потребностямъ. Вы догадаетесь, что уже по цѣнѣ она доступна очень не многимъ; но огромный томъ въ 909 страницъ мелкой печати, съ атласомъ рисунковъ, пожалуй, и не могъ стоить дешевле, и этотъ томъ, составленный въ объемѣ курса средне-учебныхъ заведеній, заключаетъ описаніе однихъ низшихъ животныхъ! Авторъ очень разумно ставитъ въ основаніе своего курса сравнительно анатомическія и эмбриологическія свѣдѣнія, знаніе жизни и ея условій. Онъ избираетъ методъ монографическій, сначала по-

дробно описывая по одному представителю изъ каждаго отдѣла; потомъ уже слѣдуетъ классификація, какъ результатъ изученія, а не какъ заранѣе заданный планъ. Вы поэтому полагаете, что курсъ долженъ быть по возможности элементарнымъ, но крайней-мѣрѣ вполне доступнымъ для средняго возраста, и сильно ошибетесь. Уже въ первыхъ статьяхъ вы узнаете, что грегарины изучаются подъ микроскопомъ *въ кишечномъ каналѣ наско-мыжь*, что только отъ дѣйствія *соковъ, выделяемыхъ стѣнками кишечнаго канала*, коконъ ложноплодниковъ можетъ расцѣпиться, что соединеніе иглоочекъ въ бадагъ происходитъ посредствомъ *органическихъ веществъ*. Далѣе въ описаніи гидръ, актиній, медузъ, морскихъ лилій и звѣздъ, морскихъ ежей, голотурій, сальнь, цѣбеней, живущихъ въ тѣлѣ человѣка, трихинъ, и проч. мы находимъ такую же смѣсь самыхъ простыхъ, доступныхъ всякому, знаній съ самыми трудными, требующими огромнаго напряженія умственныхъ силъ. Чтобы показать сложность курса, приведемъ только выводы, сдѣланные послѣ изученія видовъ перваго отдѣла. Авторъ для начала выработываетъ съ учащимися такую систему:

Отдѣлъ.	Классъ.	Отрядъ.	Семейство.
Безформенныя.	1. Грегарины.		{ а) бадага
	2) Губки.	{ а) кремнистая	{ б) греческая губка.
		{ б) известковая	{ а) однокамерныя
		{ с) роговыя	{ б) многокамерныя
	3) Корненожки.	{ а) голыя	{ а) монады.
		{ б) раковинныя	{ б) евмены.
	4) Наливочныя.	{ а) жгутиковыя	{ а) сувойки.
		{ б) рѣсничкатыя	{ б) стилонихіи.

Здѣсь мы видимъ превосходный методъ автора, его умѣнье, съ ученой точки зрѣнія, избрать самое существенное; но спрашивается, многимъ ли изъ учащихся есть возможность наблюдать все, что здѣсь представлено? или они должны удовольствоваться рисунками? въ такомъ случаѣ, въ чемъ же будетъ состоять ихъ самостоятельность? и какія знанія авторъ предполагаетъ у тѣхъ, кто начинаетъ изучать его зоологію? Намъ кажется, что имъ не худо напередъ пройти зоологію по болѣе легкому учебнику, да многое изъ физики, физиологіи и химии. Начинать въ среднемъ возрастѣ вторичный курсъ зоологіи съ низшихъ животныхъ (въ первомъ возрастѣ это рѣшительно невозможно уже потому, что дѣти неспособны наблюдать слишкомъ мелкихъ частей организма), чтобы ознакомить съ внутреннимъ строеніемъ и процессами жизни въ животныхъ, — мысль, достойная всякаго вниманія; но и тутъ сначала необходимо сдѣлать выборъ самаго простаго и близкаго, а не заботиться о проведеніи всей научной системы до малѣйшихъ подробностей. Курсъ г. Богданова такъ богатъ содержаніемъ, что его можно бы раздѣлить на три постепенныхъ курса, но большинство нашихъ

педагоговъ врядъ ли съумѣютъ это сдѣлать. Въ тѣхъ частяхъ, которыя авторъ называетъ хрестоматіей, также встрѣчаются и общедоступныя и довольно мудренныя статьи. Впервыхъ, въ различныхъ мѣстахъ, послѣ описанія извѣстныхъ видовъ, авторъ разрѣшаетъ вопросы: о клѣточкѣ и ея превращеніяхъ, о воспроизведеніи новыхъ органовъ у животныхъ, чѣмъ отличается животное отъ растений, что такое особь у животныхъ, о зоологическомъ методѣ вообще и телеологическомъ методѣ объясняемыхъ явленій въ частности, что такое видъ, на какія вышнія части тѣла нужно обращать вниманіе при изученіи насѣкомыхъ, и проч. Повторныхъ, находимъ множество статей, относящихся къ жизни животныхъ, къ условіямъ ихъ существованія, къ пользѣ или вреду, ими приносимымъ: коралловые острова, кровавые дожди и дожди изъ животныхъ, отчего вымерли морскія лиліи, какъ распределяются животныя въ глубинѣ океана, число животныхъ на земномъ шарѣ, вліяніе теплоты на животныхъ, жемчугъ, пурпуръ, вліяніе паразитовъ на организмъ человѣка и животныхъ, существуетъ ли произвольное зарожденіе, размѣры животныхъ, языкъ животныхъ, нравы и нравственность животныхъ, вліяніе пищи на животныхъ, община муравьевъ, и проч. Тутъ опять трудныя статьи не слѣдуютъ послѣ болѣе легкихъ, а помѣщены въ отдѣлахъ, къ объясненію которыхъ онѣ, по мнѣнію автора, болѣе всего относились. Статьи эти отчасти составлены самими авторомъ, отчасти заимствованы у Щуровскаго, Борзенкова, Рулье, Усова, и проч. По нашему мнѣнію, всѣ такія отрывки въ хрестоматіи нужно передѣлывать, сообразуя ихъ съ понятіями читателей, для которыхъ назначаются. И такъ, книга г. Богданова можетъ служить съ пользою отчасти воспитанникамъ старшихъ классовъ гимназій, студентамъ университета и особенно наставникамъ. Въ этомъ смыслѣ мы ее горячо рекомендуемъ всѣмъ, серьезно занимающимся естествознаніемъ; богато ее содержаніе насъ все-таки заставляетъ жалѣть, что, по своему нѣсколько специально-ученому характеру и по самой цѣнѣ, она мало можетъ имѣть хода.

8. Руководство къ зоологіи съ таблицами для опредѣленія животныхъ. *Лейтиса*, перевелъ съ 5-го нѣмецкаго изданія и дополнилъ *Дм. Биковъ*. 1868. Ц. 3 р. 25 к. (Изданіе Товарищества Обществ. Пользы).

Это не есть какой-нибудь легонькій учебникъ, а подновѣсная система зоологіи для тѣхъ, кто уже довольно успѣлъ въ этомъ предметѣ. Книга можетъ быть очень полезна наставникамъ, какъ полный сборникъ зоологическихъ фактовъ, изложенныхъ кратко, но съ удивительной ясностью и послѣдовательностью, по всѣмъ требованіямъ строго-научнаго метода. Въ общемъ введеніи авторъ говоритъ о наукахъ, касающихся природы, о тѣлахъ и ихъ химическомъ разложеніи, представляетъ обзоръ осадочныхъ формаций и число нынѣ живущихъ и окаменѣлыхъ видовъ живот-

ныхъ по Агассису и Броуну. Рассмотрѣвъ естественную и искусственную систему дѣленія, онъ объясняетъ, что такое недѣлимое, видъ, родъ, семейство, отрядъ, подъ-видъ, равноднность, равность. Затѣмъ слѣдуетъ собственно введеніе, гдѣ подробно изложены всѣ животныя и растительныя отправления животнаго царства, его внѣшнія жизненныя условія (внутренняя температура, свѣтъ, атмосферный воздухъ, сила водянаго или воздушнаго давленія, жизнь растительная и животная) и общія жизненныя явленія (климатъ, испусканіе животными свѣта въ темнотѣ, животное или гальваническое электричество, голосъ животныхъ, сонъ и бдѣніе, инстинкты). Какъ, послѣ точнаго изложенія фактовъ, авторъ все сводитъ въ ясныя систематическіе обзоры, можно видѣть изъ слѣдующаго образца:

Животныя отправления:

Движеніе совершается при помощи.....	{	костей.....	1) Костная система.
		мускуловъ.....	2) Мускульная система.
Ощущенія при помощи нервовъ, которые главнымъ образомъ заключаются.....	{	въ черепѣ.....	3) Мозговая или животная нервная система.
		въ грудной и брюшной полостяхъ...	4) Узловая или растительная нервная система.

Растительныя отправления:

Питаніе при помощи.....	{	пищеварительнаго канала (желудокъ, печень).....	5) Пищеприёмный каналъ, или система органовъ пищеваренія.
		сосудовъ (сердце, вены).....	6) Сосудистая система.
Размноженіе при помощи...	{	легкихъ.....	7) Дыхательная система.
		органовъ размноженія.....	8) Система органовъ размноженія.

Книга наполнена подобными таблицами, которыя при каждомъ отдѣлѣ животныхъ обозначаютъ не только родъ со всѣми подраздѣленіями, но и отличительные признаки, послужившіе основаніемъ дѣленію (напр. въ обезьянахъ разныхъ породъ: устройство головы, хвоста, защечные мѣшки, руки, зубы). Описание видовъ кратко и точно, напримѣръ: 6. *Stentor Seniculus* L. Рыжій ревушъ или алуатъ; рыжаго цвѣта; конечности и хвостъ каштаново-бураго цвѣта; 1³/₄ фута; Гвиана; живетъ въ гѣсахъ; ревъ его усиливается особеннымъ пузырькомъ въ тѣлѣ язычной кости. Низшія животныя занимаютъ мѣсто съ 230 до 508 стран.; въ концѣ приложенъ алфавитный указатель съ русскими и латинскими названіями. Книга вообще издана очень старательно; различныя прифты для разныхъ частей текста придаютъ ему много наглядности. Множество отчетливо выполненныхъ рисунковъ изображаютъ какъ скелеты, такъ и характерныя части животныхъ (голова большаго подковоноса, передняя лапа крота, голова хо-

мяка съ набитыми защечными мѣшками, и т. п.). Здѣсь обратимъ вниманіе особенно на сравнительные рисунки: нервная система у человека и у низшихъ животныхъ, схема кровообращенія у млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, черепа и рога животныхъ, разные формы хвоста у птицъ, и проч. Повторяемъ еще: курсъ Лейнуса можетъ служить преподавателямъ въ пополненію своихъ свѣдѣній, къ приведенію ихъ въ болѣе правильный порядокъ, а ниваль не руководствомъ въ преподаваніи.

9. Письма о ботаникѣ д-ра *Линдлея*, профессора при лондонскомъ университетѣ, съ 50 рисунками въ текстѣ. Изд. редакціи журнала «Учитель». 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Эти письма — одно изъ лучшихъ переводныхъ руководствъ по ботаникѣ. Учебникомъ для младшаго возраста названная книга не можетъ быть уже потому, что въ ней не обращено главнаго вниманія на простѣйшія, ближайшія ребенку растенія, но наставники найдутъ въ ней много матеріала для объясненій и въ этомъ возрастѣ. Въ среднемъ возрастѣ ее уже смѣло можно давать въ руки учащимся. Въ предисловіи авторъ объясняетъ всѣ неудобства искусственной Линнеевой системы и доказываетъ, почему, при занятіяхъ съ дѣтьми, ей всегда нужно предпочитать естественную. Тутъ, конечно, дѣло идетъ лишь о томъ, какъ удобнѣе дѣтямъ дѣлать первоначальныя наблюденія надъ растеніями. По системѣ Линнея всегда нужно напередъ отыскать тычинки и пестикъ, а это одно уже значительно ограничиваетъ область наблюденія. Авторъ въ концѣ книги предлагаетъ таблицу такъ-называемаго дихотомическаго (парнаго, двурядѣльнаго) анализа, по которой такъ же легко наблюдать существенные признаки растенія, какъ и по системѣ Линнея; но по ней учащійся узнаетъ не названіе растенія, а лишь семейство, къ которому оно относится. Многие, конечно, будутъ доказывать педагогическое преимущество искусственной системы при первоначальныхъ наблюденіяхъ. Мы не беремся рѣшать этого вопроса; но замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ учащійся не слѣдуетъ долго задерживать на системѣ Линнея, а скорѣе переходить къ естественной. И такъ, рѣшительный приверженецъ естественной системы, авторъ во всей книгѣ рассматриваетъ семейства (до 70 семействъ), мѣстами группируетъ ихъ по разнымъ признакамъ и лишь въ заключеніе представляетъ связанную систему, дѣля всѣ растенія на пять классовъ: круглоростныя или двусѣмянодолныя, гомотѣмныя, средоростныя или односѣмянодолныя, корнеплодниковыя, тайнобрачныя. Для характеристики семейства авторъ беретъ не всегда болѣе извѣстныя растенія, а тѣ, которыя ему кажутся удобнѣе: такъ, при описаніи перваго отдѣленія семейства бобовыхъ, вмѣсто обыкновеннаго гороха, взята узколистная волча; въ семействѣ крапивныхъ, вмѣсто крапивы — постѣнница, и проч. Это постоянное желаніе описать побольше видовъ нѣсколько усложняетъ курсъ, и по всему видно, что авторъ назначалъ его

для дѣтей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ обыкновенными растеніями. Въ первомъ письмѣ, описывая семейства лютиковыхъ и маковыхъ, онъ даетъ понятіе о корнѣ, стеблѣ, листѣ, плодѣ, — о прицвѣтникахъ, чашечкѣ, вѣнчикѣ съ его лепестками, о тычинкахъ съ ихъ нитью и пыльниками; о плодовой ножкѣ и плодникахъ съ ихъ яичникомъ, столбикомъ и рыльцемъ, о зерновкахъ, коробочкахъ, сѣменодоляхъ, и проч. Тутъ же авторъ уже предполагаетъ нѣкоторыя микроскопическія наблюденія. Далѣе, по мѣрѣ описанія семействъ, мы знакомимся съ разными особенностями въ строеніи всѣхъ частей растенія, узнаемъ, что значить сродство, метаморфоза растеній, различіе двусѣмяночныхъ и односѣмяночныхъ и проч. Мѣстами авторъ говоритъ объ употребленіи растенія, но все вниманіе обращено на точное различеніе его свойствъ: авторъ вездѣ особенно заботится о томъ, чтобъ учащіяся умѣли различать ядовитыя растенія отъ безвредныхъ. Иногда онъ вноситъ кое-какіе разсказы для оживленія предмета, но преобладающій педагогическій примѣръ, какому онъ слѣдуетъ, есть совершенная ясность и простота изложенія. Курсъ Линдлея все-таки нужно бы во многомъ измѣнить въ примѣненіи къ нашимъ потребностямъ и вообще къ потребностямъ школы. Уже изъ нашего краткаго обзорѣнія читатель видитъ, что авторъ мало думалъ о строгой постепенности въ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Но во всякомъ случаѣ это самый легкій курсъ изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ, и мы желаемъ ему наибольшаго распространенія. Въ этомъ отношеніи мы желаемъ, чтобы, при большемъ расходѣ, издателямъ явилась возможность уменьшить его цѣну, или улучшить ви́шній видъ, избравъ побѣлѣе бумагу, на которой и печать и рисунки выйдутъ отчетливѣе. Наружность изданія, особенно у насъ, очень много значить.

10. Ботаническія Бесѣды *Б. Ауэрсвальда и Э. А. Россмелера*, переведены въ примѣненіи къ отечественной флорѣ Бекетовымъ. Второе исправленное изданіе, съ 30 раскрашенными рисунками и 399 полнотипажамъ. 1865 г. Ц. 3 р. 50 к. (Изданіе Товар. Общ. П.).

Вотъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное, но за то и очень дорогое изданіе; а именно въ такомъ руководствѣ, только написанномъ нѣсколько проще и элементарнѣе, мы болѣе всего нуждаемся. Нечего дѣлать, хорошія книги у насъ покамѣстъ назначены только для богатыхъ.

Возставая противъ заучиванія однихъ именъ по системѣ Линнея, г-въ Бекетовъ указываетъ болѣе разумное средство ознакомить учащіяся со всѣмъ, что есть самага существеннаго въ растительномъ царствѣ. Онъ, согласно съ нѣмецкими ботаниками, избираетъ небольшое число характерныхъ растеній (отъ 30 до 40) изъ видовъ, наиболѣе извѣстныхъ, каковы: яблоня, фиалка, ольха, вѣтренница, вурслѣпъ, яблоня, ландышъ, тюль-

панъ, одуванчикъ, сосна, греча, земляника, макъ, василекъ, грапива, горохъ, хмѣль, верескъ, и проч. Описывая подробно каждое растеніе, онъ, какъ и Линней, сначала знакомитъ съ общими частями растеній (органы осевые и периферическіе, тычинки, почки, и проч.); потомъ, сравнивая растеніе съ прежде описанными, онъ, по особенностямъ, какую въ немъ находитъ, постепенно объясняетъ какъ характерныя отличія, такъ и общія свойства растеній. Ольха даетъ случай рассказать о сережкахъ, о чешуйкахъ—прицвѣтникахъ, о томъ, что такое ложные и настоящіе плоды, что такое цвѣтки однополые, однодомныя растенія; при описаніи яблони объяснено, что такое цвѣтоложе, какъ растенія могутъ быть ложецвѣтныя, чашецвѣтныя, вѣнццвѣтныя. Такимъ образомъ мы постепенно узнаемъ, что нить въ тычинкахъ, столбикъ въ пестикѣ органы несущественныя, что пестики бываютъ матовые, осеволістовые и осевые, узнаемъ всѣ особенності въ устройствѣ почекъ плодовъ, въ формѣ листьевъ и ихъ математически-правильномъ расположеніи, и проч. Описавъ съ десятокъ видовъ, авторъ объясняетъ различіе споровыхъ и сѣмянныхъ растеній: однодольныхъ и двудольныхъ, а потомъ, при описаніи сосны, говорится и о голосѣмянныхъ. Подъ конецъ читатели знакомятъ п съ системою Линнея. Мы, кажется, достаточно указывали на этотъ прекрасный методъ, по которому учащіеся знакомятъ не съ большимъ числомъ растеній (въ этомъ такъ легко успѣть по любой ботаникѣ), а съ самою ихъ природою путемъ постоянного анализа. Чтобы сдѣлать общедоступнымъ курсъ г-на Бекетова, можно бы исключить раскрашенные рисунки, какъ излишнюю роскошь при описаніи общеизвѣстныхъ растеній (они все-таки не замѣняютъ живыхъ экземпляровъ), или издать ихъ отдѣльно для желающихъ. Потомъ необходимо упростить описанія, предоставивъ спеціальному курсу всѣ слишкомъ мелкія научныя подробности: Ауэрсвальдъ и Россмеслеръ, конечно, писали для болѣе подготовленной публики, чѣмъ наша. Наконецъ, послѣ каждаго рода объясненій необходимо помѣстить поболѣе систематическихъ обзорѣній въ видѣ повторенія предыдущаго, и свести наконецъ всѣ отдѣльные выводы въ общую систему; а то учащіеся слишкомъ теряется въ подробностяхъ.

11. Руководство къ ботаникѣ, сост. *В. В. Григорьевъ*. Изд. четвертое, съ 517 полит. въ текств. 1866. Ц. 3 руб.

Страсть къ толстымъ руководствамъ (какъ у нашихъ прежнихъ художниковъ къ трехсаженнымъ картинамъ) сильно обуяла нашихъ педагоговъ. Намъ столько упрекали въ неосновательности и вѣтренности, что мы поневолѣ жаждемъ вырастить на родной почвѣ самне крупныя плоды науки; но до сихъ поръ не догадались, чтобы выказать свою основательность и въ маломъ, какъ въ великомъ. Пусть очень дѣльный курсъ г. Григорьева и заключаетъ до 550 страницъ довольно мелкой печати; но все-таки его цѣна для

элементарнаго, класснаго руководства (какимъ называетъ его авторъ) непомѣрная. Г-нъ Григорьевъ, вѣроятно, и самъ сознавалъ это неудобство и издалъ еще другой курсъ, немного пократче и подешевле (элементарный курсъ естественной исторіи. Ботаника. Съ 492 политипаж. 1866. Ц. 2 руб.). Система автора однако все та же, и мы ее рассмотримъ по болѣе извѣстному, подробному курсу. Ботаническій курсъ г-на Григорьева не въ примѣръ лучше его зоологіи. Въ немъ, собственно говоря, три части: органографія съ морфологіей, систематика съ описаніемъ растений и анатомія съ физиологіей (въ послѣдней части прибавлены еще географія и палеонтологія растений). Уже то, что авторъ ограничиваетъ систематику, ставя ее наравнѣ съ другими важнѣйшими частями ботаники, заслуживаетъ полнаго одобренія; но и рѣзкое раздѣленіе всѣхъ этихъ частей имѣетъ свое педагогическое неудобство. Не описавъ ни одного растенія, авторъ подробно излагаетъ все ученіе объ органахъ и ихъ образованіи (ось, листья, почки, цвѣтокъ и его происхожденіе изъ листовыхъ и осевыхъ органовъ, чашечка, вѣнчикъ, тычинки, плодникъ, и проч.). Разнообразныя формы частей тутъ описаны очень обстоятельно и систематично; не стѣсняясь, авторъ прямо начинается съ разсмотрѣнія вѣточекъ и сѣменодолей и примѣры для объясненія формъ беретъ отовсюду, на первыхъ же страницахъ говоря о корняхъ пандана и листообразномъ стволѣ опунціи. Это имѣетъ такой видъ, какъ будто бы учащіеся понемногу, по отдѣльнымъ характернымъ формамъ, знакомились съ семействами и видами, но на дѣлѣ подобное знакомство оказывается очень затруднительнымъ. «Яицевидныя метелки съ многочисленными цвѣтками, говоритъ авторъ, называются пирамидкой, на примѣръ, у сирени, желудника, частухи. У амарантовыхъ удлиненная метелка состоитъ изъ многихъ скученныхъ мелкихъ цвѣтковъ, расположенныхъ на боковыхъ осяхъ въ видѣ колоса. У губоцвѣтныхъ и горечавковыхъ сжатые полузонтики сидятъ въ пазухахъ супротивныхъ листьевъ и расположены въ видѣ кольца вокругъ стебля». Мы выбрали примѣръ на удачу. Теперь представьте себѣ, что по поводу каждой формы листика, тычинки, цвѣтка, учащіеся должны запомнить съ десятокъ названій семействъ, видовъ, классовъ, отдѣловъ, еще совершенно съ ними не ознакомившись. Вообще г-нъ Григорьевъ мало придаетъ значенія наглядному знакомству съ видами, и въ своей подробной ботаникѣ вовсе не указываетъ, какъ отыскивать растенія. Онъ очень разумно держится естественной системы Вилькомма; но рассматриваетъ до 170 семействъ — число слишкомъ значительное даже и для подробнаго курса (въ сокращенномъ семействъ поменьше, но все еще много). Тутъ наибольшій классъ составляютъ, конечно, двусѣмянодолъныя: ихъ всего 135 семействъ. Они раздѣляются на двупокровныя и однопокровныя, двупокровныя опять на раздѣльнолепестныя и сростнолепестныя, и однихъ раздѣльнолепестныхъ 76 семействъ. Любопытно бы знать, какъ

учащіеся управятся съ этими 76 семействами, которыя они должны запомнить вмѣстѣ по одному только признаку. При описаніи семействъ авторъ избираетъ какое-нибудь одно болѣе известное растеніе, которое и описываетъ подробнѣе: о другихъ растеніяхъ того же семейства упоминается кратко. Это съ одной стороны очень похвальная уступка педагогическимъ требованіямъ, съ другой опять имѣетъ свое неудобство: ограничивъ число семействъ, авторъ могъ бы на важнѣйшія изъ нихъ обратить побольше вниманія. Итакъ, руководство г-на Григорьева имѣетъ много недостатковъ въ практическомъ отношеніи, но полезно тѣмъ, что знакомитъ съ самыми существенными вопросами ботаники. Рисунки характеристичны и выполнены отчетливо. Русскій и латинскій указатели, приложенные къ концу книги, также бесполезны.

12. Растительное царство или описаніе растеній, расположенныхъ по естественной системѣ Ф. Виммера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. Бекетова. 1864. Ц. 3 руб. (Изд. Тов. Общ. П.).

Хотя этотъ курсъ довольно дорогъ, какъ почти всѣ изданія Товар. Общ. Пользы, но, по своему специальному назначенію для высшаго возраста, онъ все равно не могъ бы имѣть большаго распространенія. Мы однако рекомендуемъ его всѣмъ, сколько нибудь успѣвшимъ въ ботаникѣ: онъ даетъ очень живое понятіе о современныхъ требованіяхъ этой науки. Введеніе и общая часть написаны самимъ г-мъ Бекетовымъ. Тутъ сначала говорится о свойствахъ животныхъ и растеній, о связи ботаники съ физиологіею и химіею, о важности и трудности опыта въ ботаникѣ. Затѣмъ авторъ объясняетъ, какіе инструменты необходимы для наблюденія (луны, микроскопъ, увеличивающій въ 100 — 250 разъ — Вассерлейна и Беннша, стоятъ отъ 20 до 25 руб.), какъ пользоваться микроскопомъ и дѣлать препараты. Далѣе описаны химическій составъ и внутреннее строеніе растеній. Авторъ съ точностью перечисляетъ газы, минералы и металлы, входящіе въ составъ растенія, и особенно останавливается на строеніи, содержаніи, размноженіи и формѣ клѣточекъ. Строеніе тканей, формы растеній, линейныя, плоскія и тѣлесныя, различіе споровыхъ и сѣмянныхъ растеній, морфологія сѣмянныхъ (почки, сѣменодоли, стебель, корень, и проч.), движеніе соковъ (всасываніе, проростаніе и оплодотвореніе) — все это объяснено очень толково, безъ излишнихъ подробностей, и по сравнительнымъ рисункамъ, прекрасно исполненнымъ. Въ систематикѣ изложены системы Турнефора, Линнея, Жюссье, Девандоля, Ришара, и проч. Виммеръ держится естественной системы, дѣля растенія на споровыя и сѣмянныя. Въ споровыхъ онъ различаетъ клѣтчатныя и сосудистыя; въ сѣмянныхъ — однодольныя и двудольныя. Двудольныя раздѣляются на голосѣмян-

ния, безлепестныя, сростнолепестныя и свободнолепестныя. Обзоръ семействъ много облегчается тѣмъ, что Виммеръ, прежде чѣмъ ихъ разсматривать, подраздѣляетъ еще каждый отдѣлъ. Такъ безлепестныя дѣлятся на перцовыя, водяныя, сережчатныя, шпинатовыя, лавры и змѣистыя; сростнолепестныя имѣютъ до 10 подраздѣлений, свободнолепестныя до 22. Поэтому мы советуемъ преподавателямъ предпочесть другимъ систему Виммера. Роды растений вездѣ описаны довольно подробно, виды кратко. Вездѣ обращено должное вниманіе на внутреннее строеніе, на пользу и употребленіе растений; между злаками описаніе хлѣбныхъ растений занимаетъ главное мѣсто. Книга заключаетъ 360 страницъ мелкой печати и дороговизна изданія нѣсколько оправдывается развѣ хорошо бумагою и многими рисунками, изъ которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія изображенія деревьевъ, приложенныя къ статьѣ: исторія и географія растительнаго царства.

13. Школа физики, или учебникъ къ первоначальному изученію этой науки при помощи простыхъ опытовъ и дешевыхъ снарядовъ, съ примѣненіемъ къ обыденной жизни. Соч. *Крюгера*, перев. подъ редак. *Полънова*, въ трехъ отдѣлахъ. 1861. Ц. 3 руб. (Изд. Тов. Общ. Пол.).

Этотъ огромный томъ, заключающій до 870 страницъ, съ множествомъ рисунковъ, назначается собственно для преподавателей, какъ руководство при первоначальномъ обученіи физикѣ; но можетъ быть полезенъ для всякаго, кто желалъ бы заниматься этимъ предметомъ безъ помощи учителя. Родители найдутъ въ ней богатый матеріалъ для занятій и даже для развлеченій съ дѣтьми въ первомъ возрастѣ. Жаль, что у насъ нѣтъ болѣе дешеваго, сокращеннаго изданія Крюгера, примѣннаго исключительно къ требованіямъ элементарной науки. Три отдѣла книги заключаютъ слѣдующее: отдѣлъ I: механическія явленія твердыхъ, капельножидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, простыя и болѣе сложныя машины и приводы; отдѣлъ II: магнитныя, электрическія и химическія явленія; отдѣлъ III: явленія звука, свѣта и теплоты. Впервыя, Крюгеръ начинаетъ объясненіе всякаго закона самими простыми опытами. Дѣйствіе тяжести объяснено отвѣсомъ — гирькой на бичевѣ; для показанія центра тяжести служитъ вазальная игла на остріѣ ножа, или бумажка, положенная на остріе иглы, воткнутой тупымъ концемъ въ пробку; устойчивость вѣсовъ объясняется очень просто съ помощью иголь и пробокъ, кривошипъ — толканіемъ палочки съ отверстіемъ, въ которое вдѣта игла съ изогнутыми концами, давленіе жидкости — горошинами, уложенными другъ на друга. Для первоначальнаго ознакомленія съ электричествомъ служатъ: кружокъ изъ тонкой почтовой бумаги на льняной ниточкѣ, притягиваемый натертымъ

сжоргучемъ,—четверка писчей бумаги, сильно нагрѣтая у печки или на самоварѣ и натертая жженою резиной; колебанія воздуха объяснены извилинами протянутого шнура, который встряхивается, и морскими волнами; многократное эхо уподобляется отраженію резинонаго мяча отъ близко поставленныхъ другъ противъ друга досокъ, и проч. При дальнѣйшемъ объясненіи законовъ, конечно, описаны уже обыкновенные физическіе приборы. Во вторыхъ, Крюгеръ вездѣ даетъ многочисленныя указанія на примѣненіе физическихъ законовъ въ обыденной жизни. Дѣйствіе тяжести указано въ томъ, какъ камень вдавливается въ почву, какъ строения опускаются на болотистой почвѣ, какъ купецъ взвѣшиваетъ на рукѣ товаръ; низкій центръ тяжести указанъ при качаніи колыбели, корыта, законъ устойчивости—въ поставленной на горлышкѣ бутылкѣ, въ балластѣ на судахъ, въ кладѣ, которую въ дорожныхъ экипажахъ слѣдуетъ помѣщать ниже, въ египетскихъ зданіяхъ и наклонныхъ башняхъ Пизы; приспособленіе разнаго рода рычаговъ — въ ломахъ, рукояткахъ лопаты, въ ключахъ, замочныхъ ручкахъ, веслахъ, ножницахъ, вѣщахъ, доскахъ для прыганья; значеніе тренія — въ сѣдлѣ, которое не съѣзжаетъ, въ лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, въ вѣдѣ по простымъ, шоссеинымъ и желѣзнымъ дорогамъ (при чемъ вычислено, сколько въ каждомъ случаѣ тратится силы), и проч. и проч. Втретьихъ, физика Крюгера представляетъ описанія множества общепотребительныхъ машинъ, занимательныхъ приборовъ и инструментовъ, каковы: вѣсы простые и десятичныя, разнаго рода блоки, стѣнные часы; гальваническія цѣпи Грове, Бунзена, Даниэля, Штургорна; электрическое солнце, приборы для гальванопластики (при чемъ рассказано, какъ съ помощью этого средства былъ Портсмутъ былъ покрытъ цѣлымъ корабль мѣдью), струнные и духовые музыкальные инструменты, калейдоскопъ, панорама и восморама; даггеротипъ, и проч. Въ главѣ о химическихъ явленіяхъ мы находимъ простое описаніе главнѣйшихъ газовъ со способами ихъ добыванія, кислотъ, солей, и проч. Тутъ объяснены свойства кислорода, водорода (при чемъ довольно подробно рассказано о воздушныхъ шарахъ), азота, углерода, свѣтильнаго газа (объясненіе пламени свѣчи), хлора (бѣленіе и куреніе хлоромъ), сѣрной, азотной кислоты, и т. д. Въ заключеніе представлено нѣсколько фактовъ изъ органической химіи: крахмалъ, превращеніе его въ сахаръ, спиртовое броженіе, образованіе уксуса, о дыханіи и пищѣ.

Изъ всего сказаннаго достаточно видно, какой полнотой и занимательностью отличается физика Крюгера. Заключая почти все то, что находимъ въ другихъ популярныхъ курсахъ этой науки, она особенно богата указаніями на примѣненіе ея къ жизни. Описанія мѣстами кратки и не довольно ясны для начинающихъ (какъ, напримѣръ, въ статьяхъ о неравноплечныхъ и одноплечныхъ рычагахъ, объ употребленіи кривошиповъ и проч.) но и тутъ рисунки большею частію помогутъ дѣлу.

14. Начальныя основанія физики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, Др. Ж. Криста, съ 291 рисункомъ въ текстѣ. Изд. В. Ковалевскаго. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Эту книгу можно назначить никакъ не для низшихъ классовъ учебныхъ заведеній, а развѣ для среднихъ, хотя нѣкоторыя ея части, подъ руководствомъ учителя, конечно, могутъ быть объяснены и въ низшемъ возрастѣ. Она заключаетъ слѣдующія статьи: 1) вступленіе, 2) о тяжести, 3) о теплотѣ, 4) химическія явленія, 5) магнетизмъ, 6) электричество, 7) равновѣсіе и движеніе, 8) дѣйствіе молекулярныхъ силъ, 9) капельно-жидкія тѣла, 10) воздухообразныя тѣла, 11) звукъ, 12) свѣтъ. Во вступленіи, послѣ общихъ объясненій о природѣ и о нашихъ чувствахъ, дается понятіе объ общихъ свойствахъ матеріи: объемѣ, непроницаемости, дѣлимости и проч. Тутъ ужъ мы встрѣчаемъ объясненія, требующія, въ свою очередь, множества объясненій. Такъ, между прочимъ, сказано: «На непроницаемости матеріи основывается осязаемость тѣлъ, уединеніе воздухообразныхъ веществъ водою и ртутью, примѣненіе воздухоотводныхъ отверстій въ формахъ при отливкѣ металловъ». Можно ли брать такіе примѣры, когда учащіеся еще ничего не знаютъ о свойствахъ воздухообразныхъ тѣлъ и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ отливкѣ металловъ? Авторъ и далѣе мѣстами забываетъ, что пишетъ для начинающихъ, и употребляетъ или ненужные ученые термины, или неясныя опредѣленія, недостаточно подтвержденные примѣрами, напримѣръ, «уголь, образуемый иглою вѣсовъ, называется *эманацией*». «Произведеніе силы плеча-рычага равно моменту движенія силы». А чтѣ такое «моментъ движенія», не объяснено, какъ слѣдуетъ. Но, помимо этой неясности, которая мѣстами происходитъ отъ излишней краткости, физика Криста хорошее руководство. Какъ и Крюгеръ, всякое толкованіе закона онъ начинаетъ съ опыта. Опытъ эти не всегда такъ элементарны, какъ у Крюгера; но приведено много и простыхъ опытовъ, удобоисполнимыхъ для каждаго. Такъ одинаковое дѣйствіе тяжести на легкія и тяжелыя тѣла сначала удачно объяснено паденіемъ бумажки, положенной сверху на широкую монету и искусно пущенной вмѣстѣ съ этою монетою, а потомъ и паденіемъ тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Но для объясненія тяжести воздуха уже прямо представленъ такой опытъ: изъ шара вытягивается воздухъ и шаръ взвѣшивается; опытъ на упругость: пузырь, наполненный воздухомъ, лопається подъ колоколомъ воздушнаго насоса. Все-таки этотъ методъ объясненій вполнѣ педагогическій. Авторъ касается и вопросовъ космической физики: о земномъ тяготѣнн, о различномъ состояніи теплоты въ различныхъ поясахъ, о средней температурѣ мѣста и проч. Въ статьѣ о химическихъ явленіяхъ говорится, хотъ и не такъ полно, какъ у Крюгера, сначала о растворимости и химическомъ

соединеніи (смѣсь мѣдныхъ опилокъ и толченой сѣры — колчеданъ), а потомъ о добываніи различныхъ газовъ, объ основаніяхъ, кислотахъ и проч. Статью о равновѣсїи и движеніи тѣлъ авторъ помѣщаетъ послѣ статьи объ электричествѣ, потому что тутъ онъ уже начинаетъ приводить нѣкоторыя ариметическія и геометрическія объясненія, задавая задачи въ родѣ слѣдующихъ: «Какъ глубока должна быть шахта, если брошенный въ нее камень долетаетъ до дна со скоростью 1,500'? Какаа сила уравновѣситъ на передвижномъ блокѣ тяжесть въ 150 ф., если бичевки параллельны? если средняя скорость земли составляетъ 96,576', сколько верстъ проходитъ земля: а) въ часъ — б) въ день — с) въ годъ?» Въ статьѣ о дѣйствіи молекулярныхъ силъ объяснены законы сѣвпленія и кристаллизаціи. Вообще курсъ Криста, не уступая въ обиліи содержанія другимъ обыкновеннымъ учебникамъ физики, имѣетъ то преимущество, что по цѣнѣ доступнѣе другимъ большинству. Онъ отпечатанъ хорошо двумя шрифтами: крупнымъ и мелкимъ; крупнымъ представлены главныя положенія, мелкимъ — второстепенныя подробности, напримѣръ о различныхъ мѣрахъ, о единицѣ вѣса, о происхожденіи облаговъ и проч.

15. ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИКИ *А. Гано*, съ 333 гравюрами и чертежами въ текстѣ, слѣванными въ Парижѣ, перевелъ и издалъ *Ник. Вльмй*. Изд. второе. Одесса, 1864. Ц. 2 р. 50 к.

Это, какъ извѣстно, одинъ изъ лучшихъ и самыхъ полныхъ курсовъ физики, въ которомъ съ особенной подробностью изложены всѣ новѣйшія примѣненія этой науки въ жизни рядомъ съ исторіею открытій и изобрѣтеній. Гано не начинаетъ, какъ Крюгеръ и Кристь, съ опытовъ, а съ общихъ положеній; но всѣ его объясненія необыкновенно просты, точны и подтверждены множествомъ разнообразныхъ указаній на жизнь и занимательныхъ опытовъ. Весь курсъ заключаетъ восемь книгъ. Въ первой рассказаны общія свойства тѣлъ, законы паденія и всемірнаго тяготѣнія, описаны дѣйствія маятника и явленія частичнаго притяженія. Предметомъ второй служатъ законы давленія и равновѣсія жидкостей (удѣльный вѣсъ, ареометры). Третья излагаетъ ученіе о газахъ (кислоты, основанія, соли, кислородъ, азотъ, водородъ, амміакъ, фосфоръ, сѣра, хлоръ, іодъ, и проч.), причеъ говорится и объ атмосферномъ давленіи, о снарядахъ, на немъ основанныхъ, о насосахъ, аэростатахъ. Въ четвертой объяснены законы акустики и описаны многіе музыкальные инструменты. Книга пятая объясняетъ всѣ явленія теплорода, измѣненіе въ состояніи тѣлъ отъ дѣйствія теплоты, обращеніе паровъ и газовъ въ жидкости (перегонка, паровыя машины; воздушныя явленія теплоты: облака, дождь, вѣтры). Въ книгѣ шестой изложены явленія свѣта и описаны плоскія и кривыя зеркала, призмы и сферическія стекла, опти-

ческіе инструменты и многіе оптическіе снаряды для пользы и забавы исторія даггеротипа, стереоскопъ, волшебный фонарь, фантазмагорія, полорама, фотоэлектрической микроскопъ, портативная камеробскура). Книги седьмая и осьмая заключаютъ объясненія магнетизма и электричества; тутъ описаны, между прочимъ, способы намагничиванія, фیزیологическія, свѣтоты, химическія дѣйствія электричества и съ особенной полнотою изложено устройство электромагнитовъ. Въ концѣ приложена таблица мѣръ французскихъ и русскихъ. Мы описали здѣсь курсъ физики Гано популярный, въ которомъ нѣтъ никакихъ трудныхъ математическихъ вычисленій; другой, болѣе полный, изданъ у насъ въ переводѣ Павленкова и стоитъ 4 руб. Дороговизна этихъ курсовъ, конечно, много зависитъ отъ рисунковъ, исполненныхъ не только отчетливо, но и съ особенной французской щеголеватостію, такъ что любители изящнаго всегда охотно будутъ имѣть подобную книгу на столѣ въ своемъ кабинетѣ. Тутъ вы видите, какъ милый мальчикъ катитъ милую дѣвочку (это означаетъ направление и напряженіе силы), какъ изящно одѣтая гувернантка показываетъ изящному мальчику дѣйствіе магнита на лебедей, плавающихъ по водѣ; даже столы, на которыхъ стоятъ приборы, какъ будто только что вынесены изъ моднаго будуара. Все это очень красиво, но бѣдный, занимающійся студентъ, пожалуй, сочтетъ это излишнею роскошью и предпочтетъ, чтобъ книга была подешевле.

16. Физика и метеорологія, общепонятно изложенныя *Коппе*, переведено съ нѣмец. подъ ред. *А. Л. Боровскаго*, съ многими полнотипажами. 1860. Ц. 1 р. 50 к. (Изд. Торг. дома *С. Струвицкова, Г. Похитонова, Н. Водова и К.*).

Въ введеніи этой книги много лишняго, что собственно и не относится къ физикѣ, но далѣе объясненіе физическихъ явленій идетъ (своимъ порядкомъ, описано достаточно машинъ и снарядовъ водолазный колоколъ, рессорные вѣсы, прессъ Реаля, пожарная труба, аэростатъ, и проч.) и особенное вниманіе обращено на космическія и воздушныя явленія, каковы: центробѣжная сила, всеобщее тяготѣніе, масса и плотность земли, утренняя и вечерняя заря, законы вѣтровъ, температура разныхъ странъ свѣта, облака, дождь, снѣгъ и градъ, глетчеры, изотермы. Поэтому, и названнѣмъ курсомъ можно при случаѣ воспользоваться, тѣмъ болѣе, что цѣна его довольно умѣренная.

17. Общій курсъ физики Шпиллера, переводъ съ нѣмецкаго, съ 112 рис. въ текстѣ. 1865. Ц. 1 руб. (Изд. *О. И. Бакста*).

Рекомендуемъ этотъ курсъ тѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ современною теоріей, по которой всѣ физическія явленія объясняются движеніемъ и колебаніемъ атомовъ. Авторъ сначала говоритъ о тѣлахъ и силахъ вообще (протяженіе, объемъ, покой,

движеніе, и проч.) и о собственно физических силахъ (сила инерціи, притяженія, сдѣвленія, тяжести), потомъ начинаетъ описывать особенныя явленія движенія и колебанія: явленія движенія въ движеніи земли вокругъ солнца и вокругъ оси, въ паденіи тѣлъ, и проч.; явленія колебанія въ звуковыхъ, тепловыхъ и свѣтовыхъ колебаніяхъ. Далѣе говорится о томъ, что есть общаго въ явленіи колебаній: отраженіе, отклоненіе и преломленіе волнъ, электрическія и магнитныя колебанія. Глава шестая знакомитъ съ явленіями теплоты, электричества и магнетизма въ атмосферѣ и на земной поверхности. Такимъ образомъ дѣйствіе физическихъ силъ, звукъ, теплота, свѣтъ — все объясняется движеніемъ атомовъ, частицъ или массъ. Когда мы тремъ тѣло, то слышится звукъ—является теплота и наконецъ свѣтъ, все это разныя явленія колебаній; но съ помощью тренія можно получить и магнетизмъ и электричество. Такимъ образомъ физическія явленія приводятся къ единству. Ударъ двигаетъ тѣло, но производитъ и множество другихъ состояній, объясняемыхъ въ разныхъ отдѣлахъ физики: измѣненія въ сдѣвленіи частицъ, искру, электрическіе токи, и проч. Естественно предполагать тутъ внутреннюю связь, хотя это принятіе болѣе общей причины пока мѣстъ только гипотеза. При такомъ взглядѣ Шпиллера, въ его физикѣ мы постоянно находимъ подобныя объясненія: если темныя шерохватые камни или желѣзо лѣтомъ освѣщаются вертикальными лучами солнца, то они сильно нагрѣваются, слѣдовательно получаютъ большой движущій моментъ. Наоборотъ, колебанія тепловыя преобразуются въ свѣтовые или эфирныя, когда они получаютъ мгновенное ускореніе, какъ это бываетъ при сжатии въ заключенномъ сосудѣ теплаго воздуха». «Атомы паровъ въ колебаніи производятъ давленіе, которое называется упругостью». «Всемирный эфиръ или служитъ только проводникомъ колебаній, исходящихъ изъ солнца, или самъ свѣтитъ». Все это, конечно, нѣсколько туманно и умозрительно, но полезно тѣмъ, что заставляетъ разсуждать и думать. Впрочемъ, если Шпиллеръ и преждевременно задумалъ составить цѣлый курсъ по новымъ теоріямъ, то описаніе самыхъ физическихъ явленій у него довольно ясно, и все остальное, кромѣ системы и общихъ объясненій, изложено такъ же, какъ и въ другихъ физикахъ. Рисунки сдѣланы очень отчетливо на черномъ полѣ бѣлыми чертами. Нельзя также не поблагодарить издателя за сравнительную дешевизну книги.

У насъ нѣтъ совершенно популярнаго и дешеваго руководства космической физики. Кое-какія хорошія переводныя книги по популярной астрономіи и метеорологіи мы укажемъ далѣе при обзорѣ книгъ для чтенія. Здѣсь не можемъ не указать на одну только отличную книгу, которая однако по своему нѣсколько ученому характеру доступна лишь учащимся въ высшемъ возрастѣ; въ ней очень подробно и основательно изложены начала астрономіи въ связи съ физической географіей и метеорологіей: «Учебникъ космической физики д-ра І. Мюллера, профессора физики и тех-

ноголіи во фрейбургскомъ университетѣ, въ Брейсгау, переведенъ и изданъ подъ ред. Ильина. Съ атласомъ и многими политипажами. 1860. Цѣна книги съ атласомъ 5 руб. Изд. Торг. дома С. Стр. Г. Пох. и проч.). Въ атласѣ 29 таблицъ, изображающихъ: созвѣздія, движеніе земли, пути планетъ, карту луны, изотермы, карту дождей и вѣтровъ на землѣ, магнитные меридіаны, и проч.

18. Химическая лабораторія. Руководство къ практическому изученію химіи безъ помощи учителя. Сочиненіе д-ра *Штаммера*, въ трехъ частяхъ, перевелъ съ нѣмецкаго *А. Вершо*. 1864. Ц. 1 р. 80 к. (Изд. редакціи журнала Учитель).

Кто хочетъ основательно, на досугѣ и не торопясь, заняться химіей, тому мы совѣтуемъ приобрѣсть это прекрасное руководство, тѣмъ болѣе, что цѣна его, при объемѣ книги (до 590 страницъ довольно мелкой печати, съ многими рисунками) очень умѣренная. Штаммеръ не только наглядно объясняетъ химическія явленія, но и подробно руководитъ начинающаго, какъ, когда, съ помощью какихъ средствъ производить каждый опытъ, и распространяется о всѣхъ условіяхъ, необходимыхъ для его успѣха. Съ истинно-нѣмецкой аккуратностью онъ толкуетъ о чашкахъ, стьянкахъ, ступкахъ, воронкахъ, описывая передъ каждымъ рядомъ опытовъ всѣ потребныя для нихъ аппараты. Какъ въ книгѣ опытной хозяйки-экономки (извините за сравненіе), вы читаете на каждой страницѣ: истолки, по возможности, мелко, налей воды столько-то, мѣшай палочкой, вскипяти, закрой отъ пыли (какъ закрывать бумажкой, и на это есть рисунки), слей осторожно и проч. Съ экономической разсчетливостью указано также, что можно достать или сдѣлать подешевле, а что обойдется дороже. Курсъ изложенъ въ формѣ писемъ: ихъ всего 89. Въ первомъ говорится о необходимости собственно-ручныхъ опытовъ при изученіи химіи и приведенъ счетъ издержкамъ на аппараты (для русскихъ указанъ москательный складъ Штоля и Шмита въ Спб., гдѣ ихъ можно достать). Во второмъ описаны: песчаная баня, чашки, ступки и проч., необходимыя для первыхъ опытовъ. Занятія начинаются упражненіями въ томъ, какъ растворять, процѣживать и выпаривать. Вся первая часть посвящена преимущественно упражненію въ разныхъ химическихъ манипуляціяхъ; но въ то же время, учащійся наглядно знакомится съ множествомъ химическихъ процессовъ, узнаетъ множество новыхъ веществъ, добываемыхъ съ ихъ помощью. Сюда относятся: кристаллизація повареной соли, квасцовъ, селитры и хромистовислаго кали, увеличеніе кристалловъ поваренной соли, приготовленіе азотновислаго стронціана, сѣрно-кислой магнезіи, добываніе мѣди изъ мѣднаго купороса, приготовленіе углекислой магнезіи, металла Розе, окиси хрома и сѣрнистаго желѣза, производство перегонковъ и проч. Передъ описаніемъ производствъ, гдѣ необходимо плавленіе, подробно разсказано, каковы должны быть тигли, щипцы, плавильныя печи; по поводу перегонковъ и

добыванія газовъ, дается много наставленій о колбахъ, ретортахъ, стеклянныхъ трубкахъ, объ обпиливаніи и просверливаніи пробокъ, о приготовленіи вакуумовъ трубокъ, и проч., и проч. Штаммеръ имѣеть цѣлю приготовить основательнаго химика, годнаго для работъ въ любой лабораторіи. Въ концѣ приготовительнаго курса онъ высчитываетъ до 70 веществъ, съ которыми учащійся знакомится при производствѣ этихъ приготовительныхъ опытовъ въ процѣживаніи, выпариваніи, плавленіи и перегонкахъ. Во второй части представлены опыты надъ всѣми газами, окислами и солями, и находимъ уже систематическое изложеніе ихъ свойствъ. Предметомъ третьей части служитъ добываніе металловъ и ихъ химическій анализъ. Методъ Штаммера чисто-практическій, и ведетъ къ точному, многостороннему знанію. Что касается нѣкоторой сложности его курса и несоблюденія въ немъ строгой педагогической послѣдовательности при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному, то онъ самъ говоритъ, что писалъ не для школы, а для взрослыхъ. Для нашей публики было бы, кажется, полезнѣе нѣсколько сократить этотъ курсъ, или, по крайней-мѣрѣ, помѣстить въ особую книгу для желающихъ всѣ болѣе трудныя задачи и манипуляціи, особенно съ опасными и вредными для здоровья матеріалами. У насъ еще такъ мало распространены химическія свѣдѣнія, что трудно рассчитывать на особенную настойчивость въ занятіяхъ этимъ предметомъ. Школѣ же, конечно, еще надолго останутся недоступны реальныя знанія, исключая развѣ какихъ-нибудь двухъ-трехъ спеціальныхъ заведеній. И такъ, имѣя въ виду большинство образованной публики, приходится сообразоваться съ ея умственными средствами. Впрочемъ, курсъ Штаммера съ другой стороны полезенъ тѣмъ, что, давая всѣ пособія къ занятію серьезною наукою, ясно показываетъ, какія въ этомъ дѣлѣ нужно побѣждать трудности. Въ этомъ отношеніи мы желаемъ ему наибольшаго распространенія.

19. Учебникъ химіи или первоначальное изученіе химіи при помощи самыхъ простыхъ опытовъ, безъ пособія наставника. Сочиненіе доктора *Ю. А. Штеккардта*, съ 11-го исправленнаго изданія, 2-е изданіе, переведенъ и изданъ подъ ред. *А. И. Ходнева*. Съ 286-ю рис. 1862. Ц. 1 р. 50 к. (Изд. Тов. Общ. П.).

Хотя въ этомъ руководствѣ и нѣтъ такихъ подробныхъ наставленій о производствѣ опытовъ, какъ въ химіи Штаммера, оно все-таки основано на практическомъ методѣ. Давъ общее понятіе о химическихъ процессахъ, о мѣрѣ и вѣсѣ, авторъ приступаетъ къ опытамъ. Напримѣръ, расширение жидкихъ тѣлъ: описанъ опытъ нагрѣванія воды въ колбѣ, а потомъ слѣдуютъ поясненія; растрескиваніе стекла и фарфора отъ быстро нагрѣванія или охлажденія: рассказано, какъ перерѣзать на двѣ половины бутылку, перетирая ее суркомъ и тотчасъ обливая

жолобъ холодною водою. Такъ вездѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ опытъ, описанный съ точностью и хорошо поясняемый приложеннымъ рисункомъ. Штекгардтъ очень послѣдовательно переходитъ отъ легкаго къ болѣе трудному, умѣя вмѣстѣ съ нагляднымъ объясненіемъ закона дать и свѣдѣнія, пригодныя для послѣдующихъ занятій, какъ въ приведенномъ примѣрѣ: о способѣ приготовленія изъ бутылкозъ стакановъ, или онъ обращаетъ вниманіе на практическое примѣненіе химическихъ свѣдѣній къ жизни. Эта практическая польза химіи занимаетъ въ его курсѣ самое-видное мѣсто. Такъ онъ объясняетъ, какъ фильтрованіемъ чрезъ уголь очищается грязная и вонючая вода, какъ хлорная вода, вылитая на гнѣющія вещества, уничтожаетъ неприятный запахъ, какъ сѣрная кислота служитъ къ удобренію почвы, какія составныя части пахатной земли, какъ получается красная хромовая краска, и проч. Приготовление поташа, соды, стеколь въ маломъ и въ большемъ количествѣ на фабрикахъ, польза извести, дѣланіе гипсовыхъ слѣпковъ — всѣ подобныя описанія придаютъ особую занимательность курсу. Курсъ Штекгардта обнимаетъ неорганическую и органическую химію. Въ первой авторъ разсматриваетъ газы, кислоты, легкіе и тяжелые металлы, дѣлитъ каждый отдѣлъ на группы, послѣ каждой группы даетъ общій обзоръ ея и часто приводитъ таблицы химическихъ соединений. По предмету органической химіи онъ избираетъ самое существенное, разсматривая сначала растительныя вещества, а потомъ и животныя. Изъ растительныхъ веществъ и явленій описаны: древесина, крахмалъ, камедь и растительная слизь, сахаръ, бѣлковыя вещества, спиртное броженіе, обращеніе спирта въ эфиръ, обращеніе виннаго спирта въ уксусъ, жиры, летучія масла, смолы, красильныя вещества и проч. Изъ явленій животной жизни авторъ описываетъ: яйцо, молоко, кровь, дыханіе и животную теплоту, мускульное мясо, желчь, кожу, кости, твердыя изверженія и мочу. Всѣ эти предметы объяснены просто, безъ тѣхъ утомительныхъ подробностей, которыя такъ затрудняютъ изученіе животной химіи.

20. Химическія свѣдѣнія о различныхъ предметахъ изъ вседневной жизни. Соч. *Джонсона*, пер. и изданъ подъ ред. *Ходнева*. 1858. Ц. 1. (Изд. Тор. д. Струг., Пох., Вод. и К°).

Эта книга, написанная живо и вполне популярно, можетъ послужить съ пользою тому, кто, не занимаясь химіею съ научной послѣдовательностью, захотѣлъ бы узнать о важномъ ея значеніи въ обыденной жизни. По простотѣ изложенія и занимательности содержанія, она доступна и мало посвященнымъ въ науку. Она собственно не составляетъ какого-либо курса, но въ ней есть извѣстная полнота и система, по которой мы ее и причисляемъ къ руководствамъ. Въ ней двѣ части. Въ первой говорится о газахъ, составляющихъ атмосферный воздухъ, о водѣ,

почвъ, растеніяхъ, хлѣбѣ, мясѣ, напиткахъ, приготовляемыхъ посредствомъ настоекъ (чай, кофе, шоколадъ), о сахаристыхъ веществахъ (виноградный, манный, молочный сахаръ); о напиткахъ, добываемыхъ броженіемъ (пиво, вино, водка), объ употребительныхъ наркотическихъ веществахъ (табакъ, хмѣль). Во второй продолжается описаніе наркотическихъ веществъ, каковы: макъ, конопля, бетелевый орѣхъ, перецъ, кока, дурманъ, мухоморъ и проч.; потомъ съ такой же подробностью изложены яды, благовонія, зловонія, и въ заключеніе находимъ статьи: объ органахъ и процессахъ дыханія, кровообращенія, о кругообращеніи матеріи.

Въ статьѣ о газахъ, чрезвычайно наглядно представлены самыя простыя способы ихъ добыванія, да и вообще Джонсонъ не затрудняетъ излишними научными подробностями, обращая все вниманіе, съ истинно-англійскимъ смысломъ, на практическую сторону дѣла; только во второй части статьи о наркотическихъ веществахъ, о благовоніяхъ и зловоніяхъ (всего 11 статей), слишкомъ многосложны и утомительны, и во всѣхъ подробностяхъ могутъ имѣть интересъ развѣ только для англійской публики, какъ создается и самъ переводчикъ; не знаемъ, почему бы не сократить ихъ, взявъ самое существенное, тѣмъ болѣе, что и въ научномъ отношеніи онѣ гораздо слабѣе. Преимущество Джонсона заключается въ томъ, что онъ внимательно изслѣдуетъ значеніе важдо химическаго процесса въ жизни природы, и особенно въ человѣческой жизни. Книга богата объясненіемъ такихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, о вліяніи углекислоты на растительную жизнь, о томъ, какое значеніе имѣетъ отсутствіе запаха и вкуса въ водородѣ (въ водѣ), о нечистотѣ воды въ большихъ городахъ, о вліяніи человѣка на природу, и проч. Рядомъ съ этимъ, вы найдете обстоятельныя свѣдѣнія о приготовленіи и поддѣлкѣ главнѣйшихъ изъ употребляемыхъ нами напитковъ; въ статьѣ о хлѣбѣ авторъ разсматриваетъ и другія хлѣбныя вещества: рисъ, бобы, горохъ, плоды банана, финиковой пальмы, хлѣбнаго дерева, картофель, листья, употребляемые въ пищу. Но главный вопросъ, занимающій автора, состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить фізіологическое дѣйствіе на человѣка разныхъ напитковъ и наркотическихъ веществъ. Авторъ разсматриваетъ дѣйствіе, производимое чаемъ, кофе, табакомъ, опиумомъ и проч. Онъ признаетъ полезнымъ умѣренное употребленіе водки для людей старыхъ и несущихъ тяжелую физическую работу, но говоритъ: «Водка не нужна для работы при хорошей пищѣ и одеждѣ; это веселье, данный подъ залогъ здоровья, который нужно постоянно отсрочивать». Съ другой стороны, онъ готовъ видѣть какую-то потребность для нервовъ въ наркотическихъ веществахъ, потому что каждый народъ страстно употребляетъ то или другое изъ этихъ веществъ и всегда съ пользою, если употребленіе умѣренно. Въ этомъ смыслѣ онъ даже совѣтуетъ распространить въ Европѣ американское

вока. Но мы далеко ушли бы за предѣлы нашего обзора, еслибы стали разсматривать все, что есть замѣчательнаго въ книгѣ Джонсона. Мы на ней и остановились потому, что чтеніе подобныхъ книгъ именно способно возбудить охоту къ серьезному занятію наукою.

21. Введеніе къ изученію современной химіи, экспериментальной и теоретической. Курсъ, читанный въ королевскомъ химическомъ институтѣ въ Лондонѣ *А. В. Гофманомъ*, профессоромъ химіи при берлинскомъ университетѣ. Пер. подъ ред. *Ө. Савченкова*. Съ 65 рис. въ текстѣ. 1866. Ц. 1 р. 25 к. (Изданіе *О. И. Бакста*).

Мы рекомендуемъ эту книгу лицамъ, которые уже нѣсколько ознакомились съ химіею по руководствамъ, подобнымъ руководству Штаммера или Штекгардта. Они могутъ изъ нея безъ особенныхъ усилій понять, въ чемъ состоятъ высшее изученіе химіи по такъ-называемой *унитарной* системѣ. Эту науку до сихъ поръ упрекали въ томъ, что она была чисто-экспериментальною; усилія новѣйшихъ ученыхъ и были направлены къ тому, чтобы придать ей единство, указать въ ней общія основанія, словомъ — создать *теорію* химіи. Такую теорію излагаетъ и Гофманъ въ своей книгѣ. Онъ также начинаетъ съ описанія опытовъ; но эти опыты отнюдь не элементарны и не дешевы. Онъ не стѣсняется выбирать и довольно затруднительныя и сложныя манипуляціи, если это пригодно для его цѣли. Впрочемъ, съ помощью рисунковъ учащійся, и не видя ихъ производства, по одному описанію пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло. Авторъ сначала разлагаетъ воду щелочными металлами, калиемъ и натріемъ; при этомъ получается водородъ. Онъ добываетъ водородъ еще разложеніемъ соляной кислоты и амміака. Калий и натрій дѣйствуютъ на воду, соляную кислоту и амміакъ, и во всѣхъ трехъ случаяхъ результатъ одинъ — выдѣленіе водорода. Того же можно достигнуть дѣйствіемъ электрическаго тока. Но вотъ при нагрѣваніи соляной кислоты съ толченою черною окисью марганца выдѣляется ужъ другой желтовато-зеленый газъ — хлоръ. Мы его замѣтили и прежде въ одномъ изъ колѣнъ трубки, гдѣ добывали водородъ и теперь получили совсѣмъ отдѣльно. Итакъ, путемъ анализа мы убѣдились, добывая отдѣльно изъ соляной кислоты сначала водородъ, потомъ хлоръ, что она состоитъ изъ этихъ двухъ газовъ. Слѣдовательно, заключаемъ мы, соединивъ ихъ, можно получить соляную кислоту, что и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Это синтезъ. Въ водѣ, какъ мы уже знаемъ, есть водородъ; но соляная кислота состоитъ изъ соединенія хлора и водорода; значитъ, хлоръ можетъ выдѣлиться изъ воды водородъ, съ которымъ имѣетъ средство. Это происходитъ при сильномъ жарѣ, при чемъ получается новый газъ-кислородъ. Разлагая воду натріемъ, мы получили отдѣльно водородъ; разлагая его хлоромъ — кислородъ. Такъ, путемъ

анализа, мы убѣдились, что вода состоитъ изъ этихъ двухъ газовъ; въ этомъ мы убѣждаемся и путемъ синтеза: соединяя водородъ съ кислородомъ, мы получаемъ воду. Точно также присутствіе водорода въ амміакѣ мы открыли дѣйствіемъ натрія, а присутствіе азота можно открыть дѣйствіемъ хлора на амміакъ; но до сихъ поръ не удалось синтетически связать водородъ съ азотомъ для произведенія амміака. Мы остановились на этихъ подробностяхъ, чтобы показать методъ Гофмана. Далѣе, перечисливъ простыя тѣла, онъ приступаетъ къ болѣе труднымъ опытамъ, какъ узнавать объемъ газа въ каждомъ соединеніи, и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1	объемъ	водорода	+ 1	объемъ	хлора	= 2	объемамъ	хлористоводородной	кислоты
2	>	>	+ 1	>	кислорода	= 2	>	водяного	пара
8	>	>	+ 1	>	азота	= 2	>	амміака.	

Эти объемныя вѣса онъ вписываетъ въ квадраты и составляетъ формулы химическихъ соединеній, показывающія: 1) количества и названія элементовъ, входящихъ въ составъ, 2) отношеніе элементовъ по объему, 3) отношеніе по вѣсу, 4) отношенія объемовъ тѣлъ къ объемамъ ихъ составныхъ частей до соединенія, 5) объемныя или удѣльныя вѣса тѣлъ въ состояніи газа или пара, принимая объемный вѣсъ водорода за единицу. Разсмотрѣнный прежде составъ соляной (хлористоводородной) кислоты, воды и амміака, даетъ ему случай указать типическія формулы, по сходству съ которыми онъ и группируетъ другія соединенія. При этомъ онъ объясняетъ всю важность химическихъ знаковъ. Перехода къ конкретнымъ вѣсамъ и объемамъ, онъ выражаетъ въ краткахъ и граммахъ вѣсъ элементовъ и ихъ соединеній (по отношенію къ водороду: метръ водорода равняется 0,0896 грамма). Остальная часть книги заключаетъ теорію атомистическаго строенія газовъ и постепенно ведетъ къ тому, чтобы опредѣлить атомныя, объемныя и частичныя вѣса элементовъ (авторъ различаетъ атомъ элемента, какъ наименьшій вѣсъ, въ вакуумѣ онъ вступаетъ въ химическое соединеніе, и частицу элемента — его наименьшій вѣсъ въ свободномъ состояніи).

Въ послѣднее время въ области химіи обращено было еще особенное вниманіе на животно-химическіе процессы. Еще немного лѣтъ тому назадъ господствовалъ общепринятый взглядъ, что химикъ не можетъ получить органическихъ веществъ изъ неорганическихъ; но въ настоящее время уже сотни органическихъ началъ получены чрезъ соединеніе элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Для желающихъ ознакомиться съ этимъ любопытными вопросами (которые однако уже составляютъ предметъ болѣе спеціальнаго изученія), мы на первый разъ укажемъ на книгу: «Животная химія Одлинга» (пер. съ англ. подъ ред. Н. В. Соколова, изд. Лукавина. 1867, ц. 75 к.).

22. Начальныя основанія минералогіи, д-ра *Фридриха-Авуста Квенштедта*, профессора минералогіи въ тюрингенскомъ университетѣ, изд. под. ред. *Пузырвскаго*. 1861. Ц. 1 р. 25 к. (Изд. Тов. Общ. П.).

У насъ, въ сожалѣнію, нѣтъ совершенно простаго и общедоступнаго курса минералогіи. Минералогія Александрова (1864. Ц. 1 р.) на первый разъ можетъ дать кое-какое понятіе о кристаллахъ, минералахъ и рудахъ, но изложеніе въ ней мѣстами не совсѣмъ точно, мѣстами поверхностно, или запутано излишними подробностями. Слишкомъ обширная по объему, но очень популярная книга Куторги: «Естественная исторія земной коры» (1858. Ц. 3 руб.) лучше всего послужила бы цѣли, еслибы въ ней не было такъ много лишняго: большую часть ея составляетъ собственно геогнозія — предметъ, по которому у насъ есть достаточно хорошихъ сочиненій. Мы все-таки рекомендуемъ ее читателямъ. Кто захочетъ ознакомиться съ минералогіей болѣе полно и научно, тому надо обратиться къ книгамъ, на которыя мы далѣе указываемъ; но предупреждаемъ читателя, что пониманіе этихъ книгъ требуетъ извѣстной подготовки и доступно только лицамъ, знакомымъ съ основаніями геометріи, физики и химіи. Квенштедтъ — плохой популяризаторъ. Уже въ предисловіи онъ ошеломляетъ читателя фразами, которыя переводчикъ, конечно, еще болѣе затемняетъ: «Матерія худой носильщикъ, изъ котораго, уже при самомъ началѣ, гораздо раньше существованія всего органическаго, рабасывалась искра высшей силы!» Но далѣе начинается ученіе о формахъ кристалловъ, изложенное по хорошей системѣ только слишкомъ кратко и трудноато для начинающихъ. Авторъ дѣлитъ всѣ кристаллическія тѣла на шесть классовъ: силикаты (кварцъ, полевой шпатъ, слюда, и проч.), солевидные камни и руды (разнаго рода соли), самородные металлы, кислородныя руды, сѣрнистые металлы, горючія вещества (угли, горныя смолы, и проч.). Описаніе камней и металловъ довольно просто, хотя и представляетъ болѣе общіе обзоры.

23. Основанія кристаллографіи *Лорана*. 1864. Ц. 80 к.

Сперва авторъ излагаетъ здѣсь свою гипотезу, какъ располагаются и осѣдаютъ частицы въ кристаллахъ, и разсматриваетъ ихъ первоначальную форму при симметрическомъ соединеніи частицъ; кристаллы вторичной, производной формы происходятъ уже отъ неравнаго притяженія между частицами. Потомъ авторъ представляетъ шесть кристаллическихъ системъ и указываетъ измѣненія кубической системы, измѣненія прямой призмы съ квадратнымъ основаніемъ, измѣненія прямой призмы съ прямоугольнымъ основаніемъ, измѣненія наклонной призмы съ прямоугольнымъ основаніемъ, измѣненія ромбоэдра. Далѣе слѣдуютъ статьи объ отношеніи между металлической формой тѣла и ихъ

T. CLXXVIII. — Отд. II. 4

химическимъ составомъ, объ изоморфизмѣ и диморфизмѣ, объ упругости кристалловъ, о дѣйствіи теплоты на кристаллы, и пр. Въ заключеніе изложено весь ходъ анализа при испытаніи разныхъ минераловъ паяльною трубкой и представлены таблицы для ихъ распознаванія. Все ученіе Лорана очень просто, но книга имѣетъ болѣе спеціальную цѣль объяснить строеніе кристалловъ и научить ихъ химическому анализу.

24. Минералогія, составленная *Михайломъ Медвѣдцевымъ*, съ 65 полнотипажамы. 1863. Ц. 3 р.

Въ введеніи представлена краткая исторія минералогіи и ея литература; потомъ до 70 стр. идетъ ученіе о кристаллахъ. Далѣе говорится о спайности, изломѣ, блескѣ, цвѣтѣ, фосфорности минераловъ, и авторъ переходитъ къ систематикѣ. Обзорѣніе системъ слѣдуетъ съ 128 до 147, характеръ и физіографія минераловъ съ 147 до 495, описаніе горныхъ породъ съ 495 до 526 стр. Въ заключеніе приложенъ алфавитный указатель. Книга Медвѣдова представляетъ, какъ уже видно изъ предисловія, очень полное изложеніе минералогіи; авторъ воспользовался въ ней лучшими иностранными сочиненіями по этому предмету. Но курсъ его можетъ послужить съ пользою развѣ только для преподавателей.

25. Истоія кусочка хлѣва. Соч. *Массе*. Перевед. съ франц., изд. *А. Головачова*. 1863. Ц. 1 р. 25 к.

26. Слуги желудка. Соч. *Массе*. Съ рисунками. Перевед. съ франц., изд. *Лихачевой и Сувориной*. Вып. I: описаніе костей; вып. II: мускулы, движенія, мозгъ (исторія пяти чувствъ). 1866. Оба выпуска вмѣстѣ ц. 1 р. 50 к.

Мы здѣсь выписали заглавія двухъ книгъ, которыя не составляютъ руководства въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а заключаютъ систематическіе разсказы по анатоміи и физиологіи. Обѣ книги назначены для перваго возраста, когда, собственно говоря, и нельзя предлагать дѣтямъ какой-либо научной системы, а нужно еще только постепенно ихъ въ ней готовить правильными бесѣдами и упражненіями. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, обѣ эти книги (если мы даже назначимъ ихъ для средняго возраста) могутъ служить руководствомъ только для наставниковъ и родителей, и давать дѣтямъ читать изъ нихъ отдѣльныя статьи можно лишь послѣ многихъ предварительныхъ объясненій. Что касается взрослыхъ, незнакомыхъ съ изложенными въ нихъ предметами, то они всегда прочтутъ ихъ съ пользою. Не читатель спроситъ: развѣ можно уже въ первомъ возрастѣ (положимъ, даже съ 9, 10 лѣтъ) занимать дѣтей такими предметами, какъ анатомія и физиологія? Отвѣтъ на это читатель отчасти найдетъ въ самыхъ предлагаемыхъ книгахъ, гдѣ многое по этимъ предметамъ изложено совершенно элементарно. Тутъ, конечно, все зависитъ отъ выбора тѣхъ или другихъ подробно-

стей и способа изложенія; многое, о чемъ трактуетъ Массе, конечно, придется перенести въ средній возрастъ. Замѣтимъ только, что раннее знаніе простѣйшихъ основаній анатоміи и физиологіи (элементарныя свѣдѣнія въ устройствѣ скелета, въ процессѣ пищеваренія, кровообращенія и дыханія, въ назначеніи и отравленіи разныхъ частей и органовъ тѣла), могло бы чрезвычайно оживить преподаваніе зоологіи и придать ей болѣе внутренняго значенія, чѣмъ при одномъ описаніи внѣшнихъ признаковъ въ животныхъ.

Первая изъ названныхъ книгъ Массе посвящена исключительно процессамъ пищеваренія, кровообращенія и дыханія. Кромѣ того въ ней есть классификація животнаго царства и общее описаніе главнѣйшихъ его классовъ. Во второй заключаются рассказы объ устройствѣ человѣческаго скелета, о мускулахъ и нервахъ. Здѣсь намъ нѣтъ возможности разбирать содержанія всѣхъ этихъ частей; уважемъ лишь общій характеръ книги. У Массе, дѣйствительно, обращено вниманіе на самое существенное въ предметахъ, которые онъ описываетъ, хотя и не всегда на то, что можно объяснить дѣтямъ въ первомъ возрастѣ. Онъ, напримѣръ, очень дѣльно избираетъ для объясненія: какое значеніе имѣетъ расположеніе пальцевъ въ рукѣ человѣка, какъ языкъ способствуетъ выбору и глотанію пищи, что въ зубахъ есть фосфоръ и известь и какъ цѣлесообразно ихъ устройство, почему опасно говорить или смѣяться во время ѣды, какъ желудокъ перетираетъ и перевариваетъ пищу, что значить тяжесть воздуха, какъ грудь, при дыханіи, дѣйствуетъ подобно мѣхамъ, что такое углеродъ, кислородъ и горѣніе, откуда происходитъ животная теплота, каковъ составъ принимаемой пищи и составъ крови. Въ классификаціи животныхъ обращено вниманіе на тѣ внутреннія, характерныя свойства, которыя должны бы составлять главное содержаніе зоологіи: клыки и устройство челюстей у плотоядныхъ, рѣзцы и кишечный каналъ у грызуновъ, коренные зубы и желудокъ у толстокожихъ; легкіе, воздушные каналы и устройство желудка у птицъ и т. д. Въ строеніи человѣческаго скелета также авторъ разсматриваетъ настоящее значеніе каждой части. Но важно знать, какимъ образомъ просто и элементарно онъ умѣетъ разъяснить всѣ эти явленія, изъ которыхъ многія довольно сложны. О книгѣ «Исторія кусочка хлѣба» справедливо было замѣчено, что въ ней много излишней болтовни; книга «Слуги желудка», передѣланная издательницами, уже не страдаетъ этимъ недостаткомъ. Мы не будемъ распространяться о праздно болтовнѣ Массе, о томъ, напримѣръ, какъ онъ сравниваетъ дыханіе съ блюдомъ шинкованной капусты, потому что при объясненіи дыханія придется говорить о многомъ (угадайте сами сходство); потому извиняется, что сдѣлалъ такое сравненіе и что предлагаетъ не дѣтскую порцію, но думаетъ, что не будетъ вредно для дѣвочки (онъ обращается къ маленькимъ дѣвочкамъ), если «по поводу этого, повидимому, ничтожнаго явленія,

которое совершается около губокъ (дыханія), на тарелкѣ явится цѣлая куча знаній», и желаетъ отъ души хорошаго аппетита. Обратимъ вниманіе на самый способъ объясненій у автора. Желудокъ онъ сравниваетъ съ каучуковымъ пузыремъ, который вытягиваетъ и расширяется по мѣрѣ надобности; проходъ изъ желудка въ кишки, закрывающійся при первомъ процессѣ пищева-ренія (pylogus) съ нижнимъ швейцаромъ (верхній швейцаръ — языкъ, вкусъ), который знаетъ и свободно пропускаютъ лишь одного друга — *желудочный растворъ*: «Въ него должна превратиться и пуларка вельможи и чернѣйшій угольщикъ». По поводу обращенія крови, рассказано объ устройствѣ насосовъ и трубъ для очищенія и проведенія воды во всѣ части дворца, которое придумали для одного богача; кислородъ названъ царемъ природы; говоря объ углеродѣ, авторъ для наглядности прямо выражается, что мы въ каждомъ кушаньѣ ѣдимъ уголь, что тѣло наше наполнено углемъ; обмѣвъ веществъ въ тѣлѣ сравнивается съ горѣніемъ и проч. Кромѣ этого способомъ объясненія служатъ и другіе приемы: авторъ велитъ прижать уши къ головѣ, чтобы узнать положеніе височныхъ костей, учить, какъ ощупать пальцами всѣ части черепа и другія кости тѣла, рассказываетъ, какъ аэрияне отрѣзывали большой палецъ у побѣжденныхъ эгинцевъ, чтобы они не могли грести и проч. Чаще всего у Массе употребляется методъ сравненія и методъ противоположности (что было бы, еслибы того и другаго не было). Всѣ эти приемы Массе иногда очень удачны, иногда довольно искусственны, такъ что прямое толковое объясненіе было бы понятнѣе безъ этихъ приспособокъ, которыя, помогая взмоститься на высоту зданія, значительно его загораживаютъ. Но, выбравъ наилучшія сравненія, противоположенія, примѣры изъ частныхъ случаевъ, служащіе въ подясненію общаго закона, достаточно ли всѣхъ этихъ средствъ, чтобы знаніе было усвоено, какъ слѣдуетъ? Нѣтъ, всякій опытный педагогъ скажетъ, что тутъ нужна еще постепенность въ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ простаго къ болѣе сложному, что нельзя объяснять все подрядъ, въ научномъ порядкѣ, а опустивъ сначала подробности, слѣдуетъ выбрать немногое, доступное прямому наблюденію. Массе, напротивъ, постоянно мѣшаетъ легкое съ труднымъ. Такъ въ самомъ началѣ книги «Слуги желудка», онъ дѣлаетъ различіе между органами питанія и движенія, между растительною и животною жизнью, объясняетъ, почему называютъ органы движенія (сношенія) слугами желудка, почему органы чувствъ, головной мозгъ и нервы также сюда относятся, рассматриваетъ подробно составъ костей и ихъ питаніе кровью, говоритъ о сращеніи костей и ихъ окрашиваніи, о надкостной плевѣ, о плотной и клеточной ткани и ихъ положеніи въ разныхъ костяхъ и проч. Мы видимъ, что тутъ, по выраженію Массе, «на тарелкѣ является цѣлая куча знаній», и притомъ самыхъ важныхъ, и если ребѣнку давать читать главы подрядъ, то, безъ сомнѣнія, въ его головѣ скоро

все спутается. Кромя этого, при первыхъ наглядныхъ толкованіяхъ, необходимо показывать самые предметы, а никакъ не довольствоваться рисунками; слѣдовательно, неудобно начинать объясненія прямо съ внутренняго строенія костей, еще нисколько не познакомивъ съ скелетомъ. И такъ мы не удивимся, если родители, не умѣвшіе воспользоваться книгою Массе, назовутъ ее не дѣтскою книгою. Мы указали на ея недостатки именно потому, что очень цѣнимъ ея хорошія стороны. Умѣя сдѣлать изъ нея выборъ, родители принесутъ дѣтямъ огромную пользу уже въ первомъ возрастѣ, приучивъ ихъ вникать въ смыслъ обружающихъ явленій. Предметы, о которыхъ тутъ говорится, такъ важны и поучительны, что усвоить ихъ слѣдуетъ какъ можно основательнѣе.

27. Уроки элементарной физиологии *Т. Г. Гексли*, переводъ съ англ. подъ ред. *И. А. Петрова*, съ 100 полит. 1868. Второе изд. Ц. 1 руб. (Изд. редак. журн. «Дѣло»).

Этотъ курсъ нельзя назвать строго элементарнымъ, но въ немъ искусно выбраны существенные вопросы физиологии и изложены съ простотою, научно основательностію и съ возможною наглядностію. Весь курсъ заключается 12 уроковъ: 1) общій обзоръ строенія и отправления человѣческаго тѣла, 2) сосудистая система и кровообращеніе, 3) кровь и лимфа, 4) дыханіе, 5) источники прибыли и убыли человѣческой крови, 6) процессъ питанія, 7) движеніе и перемѣщеніе, 8) ощущеніе и органы чувствъ, 9) органъ зрѣнія, 10) взаимное соединеніе ощущеній между собою (понятіе о круглой формѣ, обманъ чувствъ, чревоушщаніе, и проч.), 11) нервная система и ея вліяніе на сознательную жизнь организма, 12) гистология или ученіе о строеніи тканей (съ 245 до 403 стр.).

Мы замѣтили у Гексли большую точность изложенія. Приведемъ въ примѣръ только тѣ мѣста, гдѣ, говоря о дыханіи, онъ обстоятельно описываетъ дѣйствіе реберъ, грудобрюшной преграды и все положеніе тѣла, при выдыханіи и вдыханіи,—гдѣ, по поводу процесса питанія, онъ вычисляетъ количество веществъ, выдѣляемыхъ легкими, почками, кожею, количество ежедневной прибыли сухихъ твердыхъ и газовыхъ веществъ, и рассматриваетъ въ пищѣ вещества теплообразовательныя и тканеобразовательныя,—гдѣ, изображая аппаратъ голоса, онъ объясняетъ произношеніе разныхъ буквъ, и проч. Въ способѣ его объясненій мы вездѣ замѣчаемъ желаніе быть понятнымъ большинству. Онъ не приводитъ трудныхъ научныхъ опытовъ, а описываетъ болѣе простые наблюденія надъ лягушками, надъ кровью изъ кончика средняго пальца, перевязаннаго ниткой выше сустава, надъ кровью съ примѣсью соли, надъ артеріальною кровью, если ее взбалтывать въ угольной кислотѣ, и т. д. Подобно этому, онъ объясняетъ, что въ холодной комнатѣ часть льда растаетъ, если заставить въ ней ходить около часу здоро-

ваго человѣка, что известковый растворъ принимаетъ молочный оттънокъ отъ выходящаго изъ груди воздуха, что выдѣленія заключаютъ болѣе кислорода, чѣмъ принимаемая пища, что братье указываетъ на нечувствительность верхней кожицы; для нагляднаго представленія, какъ дѣйствуютъ междуреберные мускулы, онъ изображаетъ бруски съ эластическою тесьмою, въ движеніи скелета указываетъ дѣйствіе разнаго рода рычаговъ, и проч. На важный отдѣлъ гистологіи обращено особенное вниманіе.

28. Начальныя основанія физиологіи *Д. Руссдорфа* и зоологіи доктора *Мазіуса*. Ц. 2 р. 50 к.

Мы уже упоминали объ этой книгѣ при разборѣ руководствъ по зоологіи; здѣсь намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о физиологіи Руссдорфа. Мы замѣтили, что находимъ страннымъ соединеніе этихъ двухъ книгъ въ одну; чрезъ это лишь бесполезно увеличилась цѣна книги. Теперь вѣстятъ объяснить причину. Преподаваніе зоологіи на физиологическихъ основаніяхъ дѣло самое разумное, и объ науки близко сходятся вмѣстѣ; но физиологія Руссдорфа вовсе не такого рода, чтобы служить вступленіемъ довольно легкому курсу Мазіуса. На 134 страницахъ въ ней излагается слишкомъ много предметовъ и въ томъ числѣ гипотезы автора, очень туманно изложенныя. Онъ однако касается очень любопытныхъ предметовъ. Въ введеніи говорится о связи физиологіи съ физикой, о физиологіи космоса, и далѣе авторъ прямо начинаетъ излагать ученіе о первоначальномъ зарожденіи (безполое размноженіе и размноженіе яицами, ученіе Швинна о клѣточкахъ, сѣменные нити и граафовы пузырьки); глава вторая имѣетъ предметомъ исторію развитія (15 страницъ), гдѣ кратко изложено о зародышѣ, о питаніи плода и его дальнѣйшемъ развитіи. Въ главѣ третьей авторъ разсматриваетъ органическую жизнь и дѣлаетъ обзоръ всѣмъ питательнымъ веществамъ, причѣмъ упоминаетъ о наркотическихъ веществахъ и о лакомствахъ; тутъ же находимъ описаніе процессовъ дыканія, пищеваженія и кровообращенія. Въ дѣйстви желѣзъ авторъ различаетъ тѣсно связанныя вмѣстѣ: химическій, механическій и нервный моменты; о теплородѣ въ организмѣ, по его мнѣнію, не должно быть и рѣчи, какъ и о нервномъ эфирѣ, но когда нервъ питается, то непосредственно производитъ и отправленіе — другими словами, теплородъ есть одно изъ явленій нервнаго процесса. Глава четвертая излагаетъ устройство нервовъ по Беллю, теорію зрѣнія, основанную на космическомъ законѣ, и кое-что о нервномъ электричествѣ; въ главѣ пятой представлена физиологія души. Авторъ силится объяснить ощущенія и вообще духовныя отправленія человѣка въ связи съ общими законами природы, указываетъ на ихъ центральность, постепенность, превращенія, періодичность, и проч. Но его толкованія тутъ не совсѣмъ ясны, и, при краткости изложенія,

очень трудно переварить фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «Центральное сѣдалище чувства зрѣнія должно и матеріально, и динамически необходимо находиться въ статическомъ, въ соотвѣтственномъ отношеніи къ центральному сѣдалищу общаго чувства; внутреннее чувство свѣта должно въ своей сферѣ необходимо имѣть для дѣйствія свѣта мѣрило, соотвѣтственное землѣ». Слогъ автора и въ другихъ мѣстахъ звучитъ очень дико. По поводу употребленія лавомствъ и наркотическихъ веществъ (особенно алкоголя), онъ говоритъ съ истинно-наркотическимъ увлеченіемъ: «Человѣчскій родъ былъ бы не разумнымъ созданіемъ, а какимъ-то чудовищемъ, еслибы человѣкъ по временамъ не наслаждался вполне высшимъ чувствомъ самосознанія, которое называется радостью»; чай и кофе онъ называетъ «поэтическими мыслителями между другими веществами». Г-нъ Страховъ, подъ редакціей котораго вышла физиологія, не рѣшился коснуться своей рукой такихъ высокихъ истинъ. Все-таки книга Руссдорфа, при богатствѣ содержанія и важности предметовъ, о которыхъ трактуетъ, способна возбудить любознательность развитаго юноши; но ея возможнаго удовлетворенія слѣдуетъ искать уже въ слѣдующей книгѣ:

29. Физиологическія письма *Карла Фогта*, перевели съ 3-го нѣмец. изданія *И. Бабкинъ* и *С. Ламанскій*. Съ 160 рисун. въ текстѣ и портр. автора. 1864—1867. Ц. 3 р. 30 к.

Физиологія Фогта хорошо у насъ извѣстна, и объ ея достоинствахъ незначѣмъ много распространяться. Фогтъ принадлежитъ къ числу немногихъ писателей, которые вмѣстѣ съ ученою основательностью соединяютъ здравый взглядъ на предметъ, чуждый всякаго пристрастія къ какому-либо туманному гипотезамъ и теоріямъ, и способность быть понятными каждому, мало-мальски развитому человѣку. Онъ нигдѣ не переходитъ за предѣлы нашего знанія, предлагаетъ всякую научную истину на основаніи строго провѣренныхъ опытовъ, указываетъ, гдѣ опыты были недостаточны, или сомнительны, беретъ примѣры изъ самаго разнообразнаго круга наблюдений, и вездѣ искусно умѣетъ придать дѣлостъ и полноту своему предмету, связывая его съ важнѣйшими вопросами изъ другихъ отраслей естествознанія: зоологіи, физики, химіи, медицины. Методъ его по преимуществу аналитическій; особенною полнотою отличаются часть вторая и третья, заключающія письма о нервной системѣ и о размноженіи и исторіи развитія. Во второй части приведены любопытнѣйшіе случаи изъ опытовъ, дѣлаемыхъ надъ животными, изъ медицинской практики, и, конечно, читатель не поставитъ въ вину Фогту, что онъ такъ просто, даже для неприготовленнаго, разоблачаетъ тайны науки. Въ третьей части авторъ сначала говоритъ о размноженіи у животныхъ, а потомъ подробно излагаетъ развитіе человѣческаго зародыша. Въ заключеніе находимъ такіа любопытныя статьи, какъ: вліяніе родителей, уродства и

недоразвитія; общій ходъ жизни, общественная статистика. Еще долго ждать времени, когда въ воспитаніи смѣло будутъ касаться подобныхъ вопросовъ, ясное пониманіе которыхъ столь существенно необходимо въ жизни. Приведемъ хоть небольшой образчикъ объясненій, дѣлаемыхъ Фогтомъ, изъ статьи о животной теплотѣ: мы взяли это мѣсто наудачу. Говоря, что дыханіе есть одинъ изъ главныхъ источниковъ теплоты въ тѣлѣ человѣка, онъ приводитъ въ примѣръ женщинъ, падающихъ въ обморокъ, зимнюю спячку животныхъ, потомъ разсматриваетъ вопросъ о количествѣ углерода въ тѣлѣ. При этомъ онъ представляетъ факты, что заключенные въ смиренномъ домѣ, работая на чистомъ воздухѣ, потребляютъ 21 лоть углерода, а подверженные одиночному заключенію только 17 лотовъ, между тѣмъ какъ свободные солдаты, ведя тоже незавидную жизнь, потребляютъ 28 лотовъ. «И еще находятся люди, восхваляютъ Фогтъ, которые вопреки этимъ фактамъ стараются доказать, что одиночное заключеніе исправляетъ преступниковъ!» Мы видимъ, что ученая строгость естествоиспытателя не мѣшаетъ Фогту порою обращаться къ вопросамъ общественной жизни и тѣмъ возвышать еще болѣе значеніе своей науки. Его руководство физиологіи не носитъ характера обыкновенныхъ руководствъ съ ихъ систематически однообразнымъ распредѣленіемъ матеріала; авторъ принялъ форму свободной бесѣды и критически разбираетъ нѣкоторые научные факты; но послѣдовательность вездѣ ясна, и учащіяся старшаго возраста легко могутъ сдѣлать, по прочтеніи каждой статьи, необходимые выводы. Рисунки хороши и даютъ наглядное представленіе о предметѣ, исключая развѣ слишкомъ мелкаго изображенія головныхъ нервовъ. Разумѣется, тутъ еще необходимы хорошіе препараты, необходимы бы и опыты, которые въ большей части случаевъ производить довольно затруднительно. Все это слѣдовало бы повязывать всякому бесплатно въ какихъ-нибудь заведеніяхъ или музеяхъ; но такъ-какъ наши педагогическія средства слишкомъ ничтожны, то у насъ никакъ нельзя пренебрегать и рисунками. У насъ, къ сожалѣнію, на русскомъ нѣтъ хорошаго учебнаго атласа по анатоміи; отличный атласъ Бока слишкомъ сложенъ и стоитъ довольно дорого. (Атласъ анатоміи Бока, пер. съ 4-го нѣмец. изданія Н. И. Гейнаца, съ 36 гравир. раскраш. табл. Изд. М. О. Вольфа. 1864. Ц. 12 руб.).

30. Краткій учебникъ физиологіи *Л. Германа*, переведенъ съ нѣмец., пересмотрѣнъ и дополненъ *И. Сѣченовымъ*. Изд. В. Ковалевскаго. 1864. Ц. 2 р.

Этотъ курсъ уже болѣе научный, строгосистематическій, безъ всякихъ популярныхъ объясненій, и предполагаетъ значительное знаніе физики, химіи и математики; но, по ясному и точному изложенію предмета, онъ въ главныхъ частяхъ будетъ доступенъ тѣмъ, кто познакомился съ физиологіею хоть по книгѣ Гексли и

Фогта. Для желающихъ основательнѣе заняться физиологiей онъ полезенъ тѣмъ, что включаетъ сводъ важнѣйшихъ изслѣдованiй о предметѣ съ ссылками на ученыхъ. Въ немъ четыре отдѣла. Первые два заключаютъ изслѣдованiя о химическомъ составѣ всѣхъ частей человѣческаго тѣла, объ обмѣнѣ веществъ въ крови, о механической дѣятельности организма; въ третьемъ (съ 225 стр.) находимъ обстоятельное изложенiе нервной системы, въ четвертомъ (съ 365 до 400 стр.) ученiе о зачатiи, развитiи и концѣ организма. Какъ на особенность курса, укажемъ еще на то, что въ немъ дано значительное мѣсто объясненiю электрическихъ явленiй въ тѣлѣ человѣка; рисунковъ нѣтъ, приложены лишь немногiе объяснительные чертежи.

В. ПОСОБIЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНIЯ ЕСТЕСТВОЗНАНIЯ.

31. Значенiе естественныхъ наукъ въ образованiи и преподаванiе ихъ въ школахъ, Э. А. *Россмесслера*. Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ А. Пыпина. 1864. Ц. 65 к.

Рекомендуемъ эту прекрасную книгу всякому, кто, еще не твердый въ своемъ убѣжденiи, хотѣлъ бы слышать вполне авторитетный голосъ замѣчательнаго ученаго и педагога въ пользу естествознанiя, — всякому, кто, и убѣдившись въ этой пользѣ, хорошенъко не сознаетъ, какъ сдѣлать и изученiе и преподаванiе естественныхъ наукъ наиболѣе плодотворнымъ. Краткія замѣтки Россмесслера, конечно, не могутъ служить въ эгомъ дѣлѣ полнымъ руководствомъ, но наведутъ на многiя дѣльныя мысли и, что всего важнѣе, укажутъ разумный методъ, выработанный авторомъ въ продолженiе 30-лѣтней практики. Въ книгѣ три отдѣла. Въ первомъ авторъ преимущественно объясняетъ, какъ, въ большинствѣ случаевъ, шло до сихъ поръ неправильно преподаванiе естественныхъ наукъ въ школахъ. Говоритъ о ихъ противникахъ онъ считаетъ излишнимъ: «мнѣ казалось несогласнымъ, замѣчаетъ онъ, съ достоинствомъ естествознанiя защищать его отъ партiи, уже не имѣющей никакой силы въ глазахъ людей мыслящихъ». Однако онъ находитъ возможнымъ возражать узкимъ приверженцамъ такъ-называемаго гуманизма. По его мнѣнiю, образованiю въ нѣмецкихъ гимназiяхъ не достаетъ еще чисто-человѣческаго характера, который сообщаетъ ему не исторiя классической древности, а исторiя нашей природы» (стр. 35). «Сознанiе истиннаго человѣческаго достоинства дается тѣмъ мировоззрѣнiемъ, которое представляетъ человѣка членомъ природы, котораго права и обязанности основаны на природѣ» (стр. 19). Авторъ указываетъ еще на то радостное сознанiе своихъ познавательныхъ силъ, какое возникаетъ въ учащихся при знакомствѣ съ природою, важность естествознанiя для искорененiя предрасудковъ, для изученiя своей родины: «у насъ нѣтъ глазъ и сердца для своей родной природы», говоритъ онъ. Наконецъ, по его словамъ, просто непримично образованному че-

ловѣку не умѣть отличить даже породѣ окружающихъ деревьевъ, не знать, изъ чего сдѣланы предметы въ его комнатѣ, а за незнаніе вредныхъ растений и животныхъ онъ можетъ и дорого поплатиться. «Люди слишкомъ страдаютъ отсутствіемъ мысли» — вотъ причина, заставившая Россмесслера говорить съ такимъ жаромъ въ пользу естествознанія. Но чтобы этотъ предметъ достигъ своего настоящаго значенія, нужно, по мнѣнію автора, во многомъ измѣнить способъ его преподаванія въ школахъ (авторъ особенно разумѣетъ народную школу). До сихъ поръ обращали больше всего вниманія на описаніе видовъ, на то, чтобы учащійся запомнилъ наибольшее число названій, и притомъ проходили сначала зоологію, потомъ ботанику, потомъ минералогію, физику, и т. д. Связь между предметами была нарушена, природа раздѣлена на рубрики. Авторъ требуетъ, чтобы преподавали не естественныя науки, а естественную исторію, причемъ особенно налегаетъ на слово «исторія». Это должна быть истинная исторія природы, изображеніе ея явленій и объясненіе ихъ законовъ въ дѣлой гармонической связи. При такомъ направленіи геологія, физика и химія получаютъ свое мѣсто еще въ низшемъ возрастѣ наравнѣ съ ботаникой и зоологіей; авторъ даже совѣтуетъ начинать съ физическихъ явленій. Изученіе же отдѣльных отраслей науки во всей ихъ подробности принадлежатъ высшему возрасту. Во второмъ отдѣлѣ своей книги авторъ объясняетъ, какъ необходимо изученіе естественной исторіи. По этому поводу онъ перечисляетъ всѣ учебныя средства, необходимыя для успѣшнаго ея преподаванія: стѣнныя карты съ изображеніемъ почекъ, вѣточекъ, сосудовъ въ растеніяхъ, карты, представляющія разрѣзы земной поверхности, собранія минераловъ, растеній, яицъ и личинокъ насѣкомыхъ, образцы разныхъ породъ деревьевъ и проч. При этомъ авторъ требуетъ, чтобы, слишкомъ не утомляя учащихъ перечисленіемъ тычинокъ, зубчиковъ на листьяхъ и проч., скорѣе приступали къ изученію внутренняго строенія всѣхъ органовъ въ растеніяхъ и животныхъ, чтобы изучали ихъ сравнительно, по естественной системѣ, вездѣ указывая переходъ отъ низшихъ ступеней къ высшимъ. Онъ такимъ образомъ избираетъ немногіе виды, но такіе, въ которыхъ видна эта послѣдовательность. Требуя болѣе всего, чтобы учащійся усвоилъ самый смыслъ явленій, авторъ возстаетъ особенно противъ тѣхъ систематиковъ, которые только нагружаютъ память учащихъ или останавливаются на одной своей любимой спеціальности, не заботясь о томъ, чтобы дать понятъ природу во всей ея дѣлости. О средствахъ обученія онъ говоритъ: «Безъ средствъ для нагляднаго изученія преподаваніе естественной исторіи для народа — чистый вздоръ». Авторъ разумѣлъ нѣмецкую школу, гдѣ, дѣйствительно, существуетъ преподаваніе естественной исторіи, обращался къ нѣмецкимъ преподавателямъ, которые знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло. У насъ это рѣзкое положеніе можетъ быть истолковано должно. По нашей привычной аватки,

у насъ многіе успокоятся мыслию (и мы уже слышали тавія сужденія): «чтожъ? если нужно тавъ много дорогихъ средствъ для успѣшнаго преподаванія этой науки, то лучше покамѣсть я не вводить ее; вѣдь самъ Россмесслеръ говоритъ о стѣнныхъ картахъ, которыхъ еще не пытались приготовить и въ Германіи, требуютъ значительной помощи отъ правительства для школы». Все это такъ, и можно придумать еще много другаго, чего не требоваль Россмесслеръ; но самъ же онъ главнымъ источникомъ знанія ставить живую природу; почти весь матеріалъ для нагляднаго обученія уже находится въ лѣсу, въ полѣ: остается имѣть немногіе рисунки для указанія внутренняго (частію микроскопическаго) строенія органовъ, немногіе скелеты, и проч. Но тутъ необходимы знающіе преподаватели, которые умѣли бы объяснять живую природу. По методѣ Россмесслера, ихъ приготовить было бы очень нетрудно; ихъ приготовить могла бы даже хорошая популярная книга, гдѣ подробно излагалось бы все, необходимое для первоначальнаго изученія природы съ подробнымъ объясненіемъ самаго метода изученія. Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ предлагаетъ программу подобнаго цѣльнаго изложенія всѣхъ явленій природы въ ихъ внутренней связи; онъ не опредѣляетъ съ точностью, для какаго возраста назначается эта программа, замѣчая только, что съ 8 лѣтъ уже можно начать занятія физикой и химіей (разумеется, въ самыхъ легкихъ частяхъ). Здѣсь требованія Россмесслера опять могутъ ввести въ заблужденіе. Для незнающихъ дѣла замѣтимъ, что авторъ вовсе не требуетъ, чтобы все излагать въ томъ порядкѣ, какъ представлено въ программѣ,—что онъ опредѣлялъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ предметы объясненія, и пусть не смущаются такими названіями статей, помѣщенныхъ въ программѣ: отношеніе цѣльнаго объема планетъ къ объему солнца, вѣроятное происхожденіе земли и другихъ планетъ, простота и внутренняя связь физическихъ и химическихъ силъ и явленій, условія существованія органической жизни; вліяніе растительнаго царства на земную поверхность, на климатическія явленія, на царство животныхъ и на человѣка; начала физической и психической антропологии, и проч., и проч. Всѣ подобныя вопросы могутъ быть предметомъ высшей учености и могутъ служить матеріаломъ для самыхъ занимательныхъ бесѣдъ съ дѣтьми: нужно только умѣть взяться за дѣло. Первые объясненія изъ физики, зоологіи, и проч., конечно, найдутъ мѣсто и при занятіяхъ съ дѣтьми шестилѣтняго возраста, но чтобы выполнить во всемъ объемѣ и какъ слѣдуетъ программу Россмесслера, нужно продолжать обученіе, по крайней мѣрѣ, до четырнадцатилѣтняго возраста. Особенно нельзя торопиться съ нашими дѣтьми, которые въ массѣ, по самымъ условіямъ своего развитія (тутъ входятъ и физиологическія причины: наследственная тупость, дурной уходъ, дурная обстановка), не могутъ быть рано подготовлены къ серьезному обученію. Знакомство съ природой, по программѣ Россмесслера, конечно, не избавляетъ отъ

дальнѣйшихъ, болѣе научныхъ, занятій этимъ предметомъ въ школахъ, гдѣ есть высшіе классы.

32. Карлъ Глазль. Книга для экскурсій. Перевелъ и дополнилъ *Н. Сорокинъ*, съ 19 рис. въ текстѣ. 1866. Ц. 40 к.

Въ этой книгѣ авторъ сначала объясняетъ всѣ приемы, необходимые при набивкѣ чучель млекопитающихъ животныхъ и птицъ. Приемы эти довольно трудные, требуютъ большой сноровки, кропотливости и даже художественнаго знанія. Тутъ, намъ кажется, совѣты мало помогутъ: всю операцію нужно видѣть на дѣлѣ, и самому долго упражняться. Далѣе авторъ говоритъ о сохраненіи въ спирту и посредствомъ предохранительнаго лака земноводныхъ, объ отливкѣ рыбъ изъ гипсу. Эти работы уже нѣсколько легче, хотя экземпляры, такимъ образомъ приготовленные, далеко не замѣняютъ живой природы; набивка ящерицъ, лягушекъ, о которой говоритъ авторъ, не стоитъ труда, тѣмъ болѣе, что ихъ легко сохранять въ продолженіе всей зимы живыми, а лѣтомъ набирать вновь. Для занимающихся естественною исторіею гораздо важнѣе слѣдующія далѣе статьи о сбораніи и сохраненіи насѣкомыхъ и растеній. Эти статьи довольно полны, но мы желали бы, чтобъ авторъ подробнѣе коснулся того, гдѣ и какъ находить насѣкомыхъ съ ихъ яичками и личинками, на какихъ растеніяхъ водятся главнѣйшіе ихъ виды и также какъ и съ какою цѣлю сохранять ихъ живыми въ комнатѣ *). Въ статьѣ о растеніяхъ авторъ помѣщаетъ списокъ главнѣйшихъ растеній, находимыхъ въ Петербургской губерніи; овъ располагаетъ ихъ по времени ихъ цвѣтенія, по мѣсяцамъ. Способы просушки растеній изложены у автора, по нашему мнѣнію, слишкомъ кратко и недостаточно. О минералахъ находимъ лишь ничтожныя замѣтки на двухъ страницахъ. Все-таки книга г. Сорокина очень полезна для начинающихъ: она излагаетъ предметы, о которыхъ прежде всего необходимо имѣть понятіе преподавателямъ и родителямъ. Не слишкомъ поощряя часто безплодную страсть къ составленію коллекцій, они позаботятся, чтобъ дѣти имѣли у себя экземпляръ каждаго уже объясненнаго имъ растенія или животнаго (изъ насѣкомыхъ), приводила ихъ въ систематическій порядокъ и приготовляла небольшіе запасы для зимнихъ бесѣдъ. Что касается млекопитающихъ и птицъ, то довольно имѣть шкуры нѣкоторыхъ изъ дивихъ звѣрей (если достать ихъ есть случай) и хорошо приготовленные скелеты собаки, кошки, и проч.

33. Прѣсноводный акваріумъ, по *Россмесслеру, Грефе* и др. *Николай Сорокинъ*. 1866.

Эта книга, относительно своего предмета, составлена гораздо отчетливѣе предвѣдущей. Авторъ сначала очень обстоятельно

* Впрочемъ, этотъ недостатокъ отчасти восполняетъ книга г. Сорокина: «Способы размноженія насѣкомыхъ». Ц. 40 к.

налагаетъ, какъ устроить стеклянный ящикъ или сосудъ для аквариума; потомъ онъ описываетъ растенія и животныхъ, какія можно помѣщать въ аквариумъ и какъ все это исполнить съ успѣхомъ. Изъ растеній выбраны самыя простыя, встрѣчающіяся въ нашихъ болотахъ и канавахъ: стрѣлолистъ, шильникъ, осова киперовая, роголистникъ, перастолитникъ, лягушечникъ, водяная сосенка, рдестъ плавающий, водный лютикъ, тѣлорѣвъ, ряска, росянка круглолистная, денежникъ, осова желтая, бѣлокрыльникъ. Изъ животныхъ, водящихся въ стоячихъ водахъ, указаны нѣкоторые инфузоріи, сувойка, эвглена, гидра, волосатики, мелкая пиявка, перловица, озерникъ болотный, катушка роговая, лужанка, циклопъ, карпоѣдъ, водяная мокрица, водный клещъ, водолюбъ, и проч. Въ книгѣ описаны ихъ главные свойства и приложены рисунки, по которымъ легко ихъ распознать. Аквариумъ съ такими растеніями и животными можетъ быть предметомъ безконечныхъ наблюденій, и доставить дѣтямъ истинное наслажденіе, потому что тутъ передъ ихъ глазами совершается жизнь, какую они могутъ наблюдать въ природѣ лишь въ ясные дни нашего короткаго лѣта.

34. Учебный атласъ естественной исторіи, приспособленный къ методическому преподаванію, д-ра *Карла Арендса*; 667 рис. на 48 табл. съ приложеніемъ объясн. текста. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. д-ра *Конради*. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

35. Учебный зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ болѣе 530 отдѣльныхъ фигуръ съ названіями на русск., лат., фр., нѣм. и англ. языкахъ. Сост. и издалъ *Д. Михайловъ*. Изд. 2 ое. 1865. Ц. 1 р. 20 к.

36. Систематическій атласъ къ естественной исторіи, для употребленія въ школахъ и дома. *Бромме*. 35 раскр. и 1 черн. таблица, съ 70 рис. и объясн. текстомъ, сост. *Юл. Симашко*. 1863. Ц. 3 р. 50 к.

37. Атласъ естественной исторіи 3-хъ царствъ природы, для обученія дома и въ школахъ, съ 52 табл., рисов. съ натурн. Сост. д-ръ *Эдмундъ Вендтъ*. Изд. *М. О. Вольфа*. 1867. Ц. 4 р.

38. Естественная исторія животныхъ млекопитающихъ, птицъ, земноводныхъ, рыбъ, и проч. *Шуберта*. Перев. *Кори*. 2-ое изд., 1864. Ц. 9 р.

39. Естественная исторія растительнаго царства, преимущественно въ примѣненіи къ русской флорѣ среднихъ губерній. Составлена *Эдуардомъ Рего*. Съ рисунк. *Шуберта* и *Хохитеттера*. 2-ое изд. 1865. Ц. 6 р.

40. NATURHISTORISCHER ATLAS ZUM SCHULGEBRAUCH VON AUGUST LÜBEN. SÄUGTHIERE. 30 TAFELN (Естественнoисторическій атласъ Августа Любена. Млекопитающія, 30 таблицъ). Ц. 1 р.

Отъ хорошаго естественнoисторическаго атласа мы требуемъ:

1) чтобы онъ, по возможности, былъ пологъ; 2) чтобы рисунки

были сдѣланы вполнѣ отчетливо; 3) чтобы они расположены были по хорошей системѣ; 4) чтобы они указывали не только внѣшній видъ, но и внутреннее строеніе животныхъ и растеній; 5) чтобы при каждомъ изъ рисунковъ была означена сравнительная величина предметовъ. Изъ указанныхъ нами атласовъ, атласы Арендса и Михайлова заключаютъ нераскрашенные рисунки, прочіе раскрашены. Атласъ Арендса обнимаетъ всѣ три царства природы. При животныхъ, въ немъ представлены и характеристическія части тѣла: зубы, устройство челюстей, ногъ, когтей, клюва, пищевода и проч. При растеніяхъ приложено изображеніе клѣточекъ, сосудовъ, и проч. Представлены и разрѣзъ земной коры, и формы кристалловъ. Вообще это одинъ изъ лучшихъ систематическихъ атласовъ для домашняго обученія; рисунки довольно мелки и помѣщены тѣсно, но, при дешевизнѣ изданія, трудно было избѣгнуть этого недостатка. Атласъ Михайлова сходенъ съ атласомъ Арендса по систематическому расположенію. Онъ больше по объему, и рисунки въ немъ нѣсколько крупнѣе, но представляетъ одни предметы животнаго царства, служа пособіемъ къ курсу зоологіи того же автора. Атласы Бромме и Вендта принадлежатъ къ болѣе доступнымъ по цѣнѣ изъ раскрашенныхъ атласовъ. Бромме почти во всѣхъ подробностяхъ напоминаетъ Арендса; для знающихъ нѣмецкій языкъ мы совѣтовали бы купить подлинникъ, который во многихъ отношеніяхъ лучше русскаго изданія. Атласъ Вендта съ хорошо исполненными, но также довольно мелкими рисунками, которые частію расположены около текста, помѣщеннаго въ средину. На рисункахъ не означена относительная величина предметовъ (что не всегда указано и въ текстѣ) и нѣтъ анатомическихъ подробностей; за то въ началѣ помѣщено нѣсколько рисунковъ допотопныхъ животныхъ. Дорогой атласъ Шуберта представляетъ крупныя и порядочно раскрашенныя картины животнаго царства; но при большомъ объемѣ онъ совсѣмъ не удовлетворяетъ другимъ требованіямъ: въ немъ нѣтъ ни рисунковъ внутреннихъ частей, ни характеристическихъ подробностей. Наконецъ, въ ботаническомъ атласѣ Рего мы находимъ довольно полное изображеніе всѣхъ замѣчательныхъ видовъ растительнаго царства; въ текстѣ довольно обстоятельное описаніе растеній по системѣ Линнея; при рисункахъ отдѣльно приложены изображенія цвѣтовъ, плодовъ, и проч. Мы указали еще на одинъ изъ иностранныхъ атласовъ, хотя это и не входило въ нашу программу. Атласъ млекопитающихъ Любена можно получить у нашихъ книгопродавцевъ (напр. у М. О. Вольфа). Это одно изъ лучшихъ пособій по естественной исторіи даже между иностранными. Животныя представлены въ большомъ объемѣ по срединѣ листа, а кругомъ всѣ ихъ характеристическія части; рисунки превосходны. Упомянемъ еще о прекрасныхъ фотографическихъ, раскрашенныхъ картинкахъ растеній (за картинку 25 к.), которыя продаются въ книжныхъ магазинахъ Вольфа и Исакова.

НОВЫЯ КНИГИ:

Въ Сумеркахъ. Сатиры и пѣсни Д. Д. Минаева. Спб. 1868 г.

Сатирѣ, безспорно, посчастливилось на Руси. Если мы припомнимъ достопамятное изрѣченіе: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ», то ожидается, что родоначальникомъ русской сатиры былъ едва ли не Гостомисль. За нами слѣдовалъ цѣлый рядъ, болѣе или менѣе блестящихъ сатириковъ, которыхъ имена съ признательностью сохранила русская исторія на скаржахъ своихъ, и которыхъ сатира, не имѣя, конечно, привлекательныхъ литературныхъ формъ, которыми обладаетъ сатира г. Минаева, азвѣтливостью своею не только не уступала послѣдней, но даже превосходила ее.

То была сатира по преимуществу поучающая и вразумляющая. Измѣняя свои внѣшнія формы, смотря по тому, варяги, монголы или вѣмцы участвовали въ ея сочиненіи, она, относительно внутренняго содержанія, оставалась всегда неизмѣнною, всегда вѣрною своимъ дидактическимъ цѣлямъ. Исходя отъ идеаловъ весьма опредѣленныхъ, какъ напр. охраненіе княжескихъ и ханскихъ интересовъ, своевременная и бездоночная уплата налоговъ и дани, она тѣмъ съ большимъ уснѣхомъ могла дѣйствовать на искорененіе противныхъ имъ идеаламъ пороковъ, что къ услугамъ ея всегда былъ готовъ цѣлый арсеналъ вспомогательныхъ средствъ, также несомнѣнно-дидактическаго свойства. Это былъ золотой вѣкъ русской сатиры; ибо продолженіе его, сатира воздѣйствовала не только на порочную волю русскаго человѣка, но и на порочное его тѣло.

Но съ тѣхъ поръ, какъ по соображеніямъ высшей важности, попеченіе объ интересахъ русской сатиры признава возможнымъ предоставлять литераторамъ, дѣло пошло нѣсколько иначе. Новые дѣятели, не додумавъ въ свое распоряженіе никакихъ вспомогательныхъ средствъ, очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Попробовали поискать идеаловъ, съ намѣреніемъ сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ вѣрности, изъ которой можно было бы съ удобностью ступать по переходящимъ, но и въ томъ не успѣли, потому что какъ идеалы, такъ и прочія утрашенія остались, по прежнему, въ завѣдываніи надлежащихъ комендантовъ... Остались, правда, кой-какіе идеальчики, но очень маленькіе, такъ сказать, бросовые.— ими и удовольствовались.

Изъ этихъ бросовыхъ идеальчиковъ, каждый сатирикъ избралъ себѣ такой, какой приходился ему по комплекціи. Который сатирикъ—евнухъ, тотъ, увидя на Невскомъ камелію, непременно заскрежестъ зубами; который сатирикъ предпочитаетъ пѣнное—тотъ непременно обругаетъ всѣхъ пьющихъ дорогое виноградное вино; который сатирикъ возлюбилъ халатную простоту—тотъ съ негодованіемъ отнесется къ фракъ, шитому Шармеромъ. Далѣе камелій, фраковъ и шестирублевого лафита держаютъ очень немногіе, да и такое ли теперь, впрочемъ, время, чтобы держаты!

Время теперь стоитъ самое веселое; пороки истреблены, злоупотребленія уничтожены, гнусныя пополозновенія, какія были, посрамлены. Остались лишь пороки и злоупотребленія втораго сорта, а именно: камелія, шармеровскіе фракы и колоніальныя магазинны кунца Елисеѣва; правда, что истребить эти патна, затемняющія солнце русской добродѣтели, очевидно, не подъ силу нашимъ сатирикамъ, но зато они тѣмъ удобны, что стрѣлять въ нихъ представляется даже безъ пороку. Такимъ образомъ, утративъ свой величавый, равно для всѣхъ обязательно-дидаггическій характеръ, сатира приобрѣла значеніе камелійно-панталонно-колоніальное и, за немногими исключеніями, сосредоточилась преимущественно около Петербурга, да и въ самомъ Петербургѣ распалась еще на адмиралтейскую, коможенскую, васьлевскую, нарвскую и т. п.

Такое исключительное сосредоточеніе русской сатиры около Петербурга представляетъ большую ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Петербургъ? Съ точки зрѣнія общественной жизни,—уличной и салонной,—это городъ водевильныхъ нравовъ, водевильныхъ подвиготъ, водевильныхъ измышленій—и больше ничего. Изобразяте русскому человѣку самими подробными, самыми наглядными образомъ эту водевильно-безпутную жизнь—онъ останется совершенно безучастенъ къ ней. Одной половиной этихъ подробностей, какъ слишкомъ специальныхъ, онъ не пойметъ, другая представится ему тѣмъ-то въ родѣ сказочной пошлости. Конечно, Петербургъ для него не безъинтересенъ и даже не безъинтересенъ, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какія тамъ процвѣтаютъ камеліи и какого цвѣта несутъ панталоны, а исключительно какъ сладочный магазинъ тѣхъ нишешъ, отъ которыхъ, по пословицѣ, тошно приходится бѣдному Макарю. Все остальное, то-есть все то, въ чемъ слѣдовало бы искать матеріала для характеристики общества, представляетъ такую мелкую и притомъ нервную, несвоеобразную подробность, которая въ общемъ строѣ русской жизни остается совершенно внѣ всякаго вліянія.

Къ сожалѣнію, современная русская сатира, пригнѣвшись къ Петербургу, ищетъ въ немъ совсѣмъ не того, что и искать надлежитъ, а того, до чего никому нѣтъ никакого дѣла. Мишенью для своихъ сарказмовъ и стрѣлъ, она избрала не то мѣрнопредельное значеніе Петербурга, которое понятно для

каждаго русскаго человѣка, а такъ-называемые петербургскіе нравы. Но, какъ сказано выше, въ Петербургѣ нравовъ нѣтъ и никогда не было, а есть и было отсутствіе нравовъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ хоть цѣлое сонмище камелій, собранныхъ вкупѣ и осверняющихъ взоры проходящихъ своими оголтѣлыми прелестями — что можно сказать по поводу такого сюжета, кромѣ того, что вотъ женщины, которыя, не опасаясь простуды, обнажаютъ себя для удовольствія своихъ ближнихъ? Если вы, вмѣсто слова «женщины», поставите «безстыдницы», то это уже будетъ высшая мѣра того сатирическаго негодованія, котораго этотъ предметъ достоинъ. Представьте себѣ легионъ молодыхъ шалопаевъ, гранищихъ мостовую въ шикарныхъ пиджакахъ — что можетъ сказать объ нихъ сатира самая злая, кромѣ того, что это легионъ шалопаевъ, гранищихъ мостовую въ шикарныхъ пиджакахъ? Представьте себѣ цѣлый рой отупѣвшихъ отъ обжорства старцевъ, проводящихъ лучшіе часы жизни въ колоніальныхъ магазинахъ Елисеѣва—что можетъ Евменида самая разъяренная сказать объ нихъ, кромѣ того, что это старцы, отупѣвшіе отъ обжорства, проводящіе лучшіе часы и т. д.

Эти люди опредѣляютъ сами себя съ такою наглядностью, что не представляютъ даже предмета для наблюденія. Они мало кого могутъ интересовать уже по тому одному, что, въ сущности, и оголтѣніе женскихъ тѣлъ, и щеголяніе пиджаками, и смакованіе колоніальныхъ товаровъ — все это занятія свободныя, вмѣшиваться въ которыя никто не имѣетъ права до тѣхъ поръ, покуда не будетъ доказано, что отъ этого происходитъ ущербъ для государственной казны и общественнаго благоустройства. Говоря о людяхъ этого замкнутаго, ничтожнаго міра, признавая ихъ за людей, а не за простую слякоть, сатира не только искажаетъ свое значеніе, но даже перестаетъ быть чистоплотною. Возможны ли выводы въ виду этихъ общественныхъ курьёзовъ? Возможенъ ли судъ? Нѣтъ, ни для тѣхъ, ни для другаго не имѣется достаточныхъ основаній, ибо курьёзы тѣмъ именно и замѣчательны, что изъ нихъ ровно ничего не слѣдуетъ, и что относительно ихъ принципъ вмѣняемости становится совершенно излишнимъ. И вотъ почему, когда сатира, желая придать важность подобнымъ неважнымъ предметамъ, становится на ходули и принимаетъ ювеналовскіе тоны, то бичеванье ея кажется похожимъ на стрѣльбу изъ пушекъ по воробьямъ.

Однимъ словомъ, сатира, замыкающая себя въ кругу общественныхъ курьёзовъ и странностей (которыми такъ изобилуетъ петербургская общественная жизнь), едва-ли можетъ даже заслуживать названіе сатиры. Какъ въ натуживайскіе сатирикъ, какую ни давай форму своему произведенію, содержаніе его все-таки будетъ внѣшнее, водевильное.

Нѣсколько иной оборотъ приметъ дѣло, ежели мы представимъ себѣ, что эти курьёзы, по случайному насилию судьбы,

становятся въ ближайшее отношеніе къ тѣмъ шишкамъ, о которыхъ сказано выше. Тутъ ужъ дѣйствительно есть надъ чѣмъ призадуматься и найти возможность для цѣлаго ряда сопоставленій болѣе или менѣе поразительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны общественное мнѣніе, забитое и приниженное, съ другой стороны, не смѣлны порыванія къ чему-то лучшему, мучительныя сомнѣнія, прискорбная неувѣренность въ поступкахъ и дѣйствіяхъ и неудовлетворенная жажда свѣта, истины и добра—съ другой стороны, торжествующее сонмище грызуновъ—шалопаевъ, сонмище самодовольное, самоувѣренное, пользующееся отличнымъ пищевареніемъ, сонмище ни въ чемъ не сомнѣвающееся, недоступное ни для какихъ колебаній—трудно себѣ представить что-нибудь болѣе горькое, болѣе способное возмутить мысль самую незлобивую! Тутъ уже чувствуется *дѣло*, могущее возбудить не одинъ водевильный и скоро проходящій смѣхъ, тутъ уже имѣется исходная точка для выводовъ, разрабатываемые которые сатира можетъ достигнуть результатовъ довольно серьезныхъ и понятныхъ не для одного петербургскаго старожила.

Тѣмъ не менѣе, ежели мы всмотримся ближе, то увидимъ, что и этого рода сатира не только не исчерпываетъ всей жизни общества, но даже относится къ ней односторонне и поверхностно. Какъ ни прискорбна мысль о торжествѣ сонмища шалопаевъ, мы должны, однакожъ, сознаться, что вліяніе ихъ на судьбу массъ далеко не столь рѣшительно, какъ это кажется на первый взглядъ. Если мы думаемъ, что жизнь общества совершаетъ свой кругъ въ неразрывной и исключительной зависимости отъ этого вліянія, если въ ней ярче всего бросаются намъ въ глаза имена и событія ни о чемъ не говоряція, кромѣ насилія, и если повѣствованіе объ этихъ насиліяхъ мы принимаемъ за дѣйствительную исторію общественнаго развитія, то взглядъ такого рода положительно ошибоченъ. Дѣйствительная исторія человѣческихъ обществъ есть повѣсть неписанная и по преимуществу безыменная, которой нѣтъ дѣла до случайныхъ наипей, образующихся на поверхности общества. Она воспроизводитъ не ту кажущуюся, богатую лишь внѣшними признаками жизнь, которая мечется въ глаза поверхностному и легкомысленному наблюдателю, но ту безвѣстную жизнь массъ, гдѣ совершаются дѣла и событія, почти всегда находяціяся въ явномъ противорѣчій съ показаніями исторіи писанной и щеголяющей именами.

Вотъ ежели мы спустимся въ эти таинственныя, неизвѣстныя народныя глубины, и найдемъ тамъ лишь убожество, нищету да безсиліе,—ежели мы встрѣтимся тамъ лицомъ къ лицу съ жизнью, со всѣхъ сторонъ опутанною всякаго рода тенетами, съ жизнью, находящеюся въ постоянномъ и бесплодномъ бореніи съ матеріальною нуждой, съ жизнью, которая этою никогда не прерывающею борьбой какъ бы осуждена на вѣчный мракъ и застой—вотъ тогда-то передъ нами откроется зрѣлище дѣйстви-

тельно потрясающее, которое всецѣло и на всегда прикуетъ къ себѣ лучшія силы нашего существа, и въ то же время дастъ нашей дѣятельности и богатое неисчерпаемое содержаніе и дѣйствительную исходную точку.

Такимъ образомъ оказывается, что единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественною въ истинномъ и дѣйствительномъ значеніи этого слова. Чѣмъ далѣе проникаетъ сатирикъ въ глубины этой жизни, тѣмъ вѣсче становится его слово, тѣмъ яснѣе рисуется его задача, тѣмъ неоспоримѣе выступаетъ наружу значеніе его дѣятельности. Дѣло будетъ слышаться въ его рѣчи, то кровное человѣческое дѣло, которое, затрогивая самыя живыя струны человѣческаго существа, нерѣдко возвышаетъ до героизма даже весьма обыкновеннаго человѣка.

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ сатиру г. Минаева, мы должны сознаться, что эта послѣдняя, въ большинствѣ случаевъ, носитъ характеръ слишкомъ большой исключительности, чтобы имѣть дѣйствительное значеніе для русскаго общества. Произведенія его музы, за весьма малыми исключениями (переводами, или пьесами, навѣянными иностранными образцами), имѣютъ въ виду нѣкоторыя особенности общественной жизни столичнаго города Петербурга, а такъ-какъ особенности эти очень не важны, то изъ этого естественно вытекаетъ, что и воспроизведеніе ихъ можетъ интересовать только небольшой кругъ привосновенныхъ.

Но ежели принять въ соображеніе то общее правило, что всякій писатель даетъ только то, что можетъ дать, ежели отбросить въ сторону оцѣнку тѣхъ задачъ, которыя избралъ г. Минаевъ предметомъ своей литературной дѣятельности, то окажется, что это писатель остроумный, даровитый и притомъ обладающій прямыми и честными убѣжденіями. Это послѣднее качество сообщаетъ его «сатирамъ и пѣснямъ» извѣстный колоритъ искренности и неподдѣльности изливаемаго имъ негодованія, напримеръ, по поводу аристократки барыни, которая публично проповѣдуетъ строгую мораль, а въ тиши уединенія весьма не двусмысленно любезничаетъ съ лакеемъ-французомъ (см. поэму «Рауть»).

Чтобы познакомить читателя нѣсколько ближе съ приемами и предметами сатиры г. Минаева, выпишемъ первую и, по нашему мнѣнію, самую характерную пьесу его сборника.

Муза.

Муза, прочь отъ меня!
 Я съ тобой разрываю всѣ узмы...
 Право честнаго слова цѣня,
 Въ міръ хочу я явиться безъ музы.
 Прочь, развратница! Твой Геликонъ
 Шарлатанамъ сталъ мѣстомъ базара,

*

Лучезарный твой богъ Аполлонъ
 Нардился въ ливрею швейцара;
 Оповоренный, дряхлый старикъ
 Мелкой лестью смѣнилъ вдохновенье
 И въ прихожихъ, въ грязи униженъ,
 Отъ рѣчей неподуанныхъ отвыкъ.

Муза, прочь!... не нужна
 Мнѣ опора твоя ненавистная.
 Ты, порой, какъ весталка скромна,
 То нагла, какъ блудница корыстная.
 Передъ юнымъ и честнымъ пѣвцомъ
 Ты свой умыселъ гнусный скрывала,
 Подходила съ невиннымъ лицомъ,
 Какъ невѣста, предъ брачнымъ вѣнцомъ,
 Цѣломудренно взоръ опускала.
 Ты водила поэта въ поля,
 Въ наши грустныя, русскія степи;
 Ты рыдала, вляя
 Крѣпостничества жавыя цѣпи,
 Ты на волли народныя воплемъ своимъ отвѣчала,
 Какъ стонала родная земля.
 Время шло... На мотивы гражданскіе мода
 Обратилась въ плохое фиглярство;
 Спали цѣпи съ народа
 На глазахъ изумленного барства;
 На вчерашнія тѣмы шагъ
 Что ни шагъ представлялъ неудобства
 И свободная муза свой гнѣвъ
 Промѣняла на лиру холопства.
 А ты, поэтъ, спокойнѣй путь избравъ,
 Не постыдился жалкаго юродства:
 За чечевичную похлебку, какъ Исавъ,
 Ты продалъ на обѣдахъ первородство.
 Нѣтъ, муза, — прочь!...

Пьеса эта производитъ какое-то странное, смѣшанное впечатлѣніе. Начало ея хорошо безспорно; сатиричь негодуетъ на музу, и такъ-какъ причинъ (и притомъ весьма законныхъ) для такого негодованія весьма много, то читатель охотно ему въ этомъ сочувствуетъ, тѣмъ болѣе, что гнѣвъ сатирика нашель для своего выраженія и яркое, задушевное слово. Чѣмъ же, однакоже, раздражается это негодованіе? противъ чего оказывается оно направленнымъ? Противъ того, что

... поэтъ, спокойнѣй путь избравъ,
 Не постыдился жалкаго юродства:
 За чечевичную похлебку, какъ Исавъ,
 Ты продалъ на обѣдахъ первородство...

Уже не говоря о томъ, что вся эта строфа есть не что иное, какъ *lapsus linguae*, и что г. Минаевъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать,

что поэтъ продалъ, подобно Исаву, свое первородство, взамѣвъ чечевичной похлебки на обѣдахъ (такъ, по крайней-мѣрѣ, гласить смыслъ пьесы, но сатирика, очевидно, спуталъ Исавъ съ похлебкою), можно ли представить себѣ заключенія болѣе неожиданнаго, болѣе несоотвѣтственнаго общему тону пьесы и въ особенности начала ея?

Подобная невыдержанность мысли — явленіе весьма нерѣдкое въ стихотвореніяхъ г. Минаева. Въ особенности поражаетъ она въ пьесахъ: «Раутъ», «Обманутая муза», «Золотой телець», «Загадка», «Одна изъ многихъ», «На сонъ грядущій», «Прерванные куплеты». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній непонятенъ даже самый предметъ сатиры, какъ, на примѣръ, въ «Золотомъ телецѣ». Извѣстно, что страсть къ золоту издревле служитъ темою для всевозможныхъ сатирическихъ выходовъ, но странно, что до сихъ поръ ни одинъ сатирикъ не сообразилъ, что золото совсѣмъ не само по себѣ составляетъ предметъ человѣческихъ стремленій, а только въ качествѣ мѣноваго знака, съ помощью котораго приобрѣтаются различныя матеріальныя и духовныя удобства. Спрашивается, что же въ этихъ послѣднихъ заключается постыднаго, что заслуживало бы сатирическихъ стрѣлъ въ родѣ слѣдующихъ:

Пролетарій и жирный банкиръ —
 Всѣхъ равно увлекаетъ кумиръ,
 Предъ которымъ, съ пеленою растлѣнная,
 Пресмыгается въ прахъ вселенная...

Или:

Наконецъ, на вершинѣ избранники!
 И — ужасны бездушные странники:
 Въ нихъ, достигшихъ завѣтныхъ чудесъ,
 Человѣческій образъ исчезъ...

Почему банкиръ непременно «жирный»? Почему люди, стремящіеся къ золоту, то-есть опять-таки къ матеріальнымъ и духовнымъ удобствамъ, представляются «съ пеленою растлѣнными»? Почему, наконецъ, у человѣка, который достигъ этихъ удобствъ, непременно долженъ исчезнуть «человѣческій образъ»? Не потому ли, что все это рутинна, рутинна и рутинна.

Повторяемъ: г. Минаевъ сатирикъ мѣстный и петербургскій, и въ этомъ смыслѣ можемъ съ удовольствіемъ указать на двѣ пьесы: «Вампиръ», и «Пріапъ», какъ на особенно удачныя.

Не можемъ также не указать на прекрасную пьесу «Добрый совѣтъ», которая свидѣтельствуетъ, что муза г. Минаева можетъ современемъ выйти изъ тѣсной сферы исключительно-петербургскихъ интересовъ.

Лекціи о душевныхъ болѣзняхъ, д-ра У. Сенкея, члена королевскаго общества врачей, профессора душевныхъ болѣзней въ университетской коллегіи въ Лондонѣ, и бывшаго директора Галуельскаго заведенія для помѣшанныхъ. Переводъ съ англійскаго И. Исанна подъ редакціей В. Н. Чехова, врача, врача клиники душевныхъ болѣзней при петербургской медикохирургической академіи. Спб. 1868. Изданіе О. И. Бакста.

Хотя книга доктора Сенкея, какъ по предмету, которому она посвящена, такъ и по своему назначенію и принадлежить къ числу книгъ преимущественно *спеціальныхъ*, о которыхъ обыкновенно умалчивается въ библиографическихъ, журнальныхъ обозрѣніяхъ, или, если и говорится, то только вскользь, но мы, какъ это увидать читатели изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, имѣемъ весьма серьезныя основанія остановиться на ней съ нѣкоторою подробностію. Читатели, конечно, простятъ намъ это тѣмъ болѣе, что по совершенному отсутствію у насъ популярныя книга по предмету помѣшательства, она можетъ быть съ огромною пользою прочитана и читателемъ неспеціалистомъ.

Послѣднему обстоятельству поможетъ между прочимъ и то, что хотя книга доктора Сенкея и составляетъ собственно хорошии и сжатый учебникъ психіатріи, но написана она такъ ясно и просто, что за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ ея, которыя посвящены патолого-анатомическимъ выводамъ, она будетъ положительно понятна для большинства образованныхъ читателей и обогатитъ ихъ тѣми свѣдѣніями, которыя существенно необходимы, какъ въ жизни вообще, такъ преимущественно въ судебной практикѣ. Эта ясность и простота—драгоцѣнныя качества труда доктора Сенкея, и зависятъ не отъ одного его искусства говорить (лекціи эти, очевидно, записаны со словъ профессора), но и отъ полного обладанія имъ предметомъ своего знанія, отъ его обширной наблюдательности и способности къ здоровому и обширному синтезу. Благодаря своимъ синтетическимъ способностямъ, докторъ Сенкей вноситъ въ изученіе психіатріи столько свѣта, что его, не опасаясь ошибочнаго заключенія, можно поставить едва ли не во главѣ всѣхъ европейскихъ психіатрическихъ знаменитостей, и мы, по крайней мѣрѣ, не обинуясь ставимъ его даже выше Гризингера. Въ научномъ смыслѣ, простая и естественная классификація душевныхъ болѣзней, предлагаемая Сенкеемъ, должна способствовать весьма значительному успѣху изученія и усовершенствованіямъ въ психіатрической области.

Другая заслуга доктора Сенкея—это внесеніе въ леченіе помѣшанныхъ глубочайшей гуманности. Конечно, онъ долженъ раздѣлить эту честь и съ другими современными психіатрами, въ числѣ которыхъ мы могли бы назвать за послѣднее время и нѣсколько русскихъ именъ, но въ отношеніи, на примѣръ, къ послѣднимъ право первенства и честь удачи приложенія самой широкой гуманности къ практикѣ останется все-таки за нимъ.

Для большинства читателей, мало знакомых съ состояніемъ вопроса о помѣшанныхъ и ихъ леченіи, слова наши покажутся темны, безъ нѣкоторыхъ уясненій историческаго хода этого вопроса. Поэтому напомнимъ имъ, что до начала настоящаго столѣтія на помѣшанныхъ почти вовсе не обращалось никакого вниманія. Правда, ихъ и тогда запирали въ сумасшедшіе дома, но не считали ихъ за людей, а потому и обращались съ ними совершенно позвѣрски. Въ книгѣ Сенкея приводится нѣсколько фактовъ объ англійскихъ заведеніяхъ для помѣшанныхъ того времени: «Я долженъ замѣтить однако—говоритъ онъ—что они были нисколько не хуже заведеній того же рода въ другихъ странахъ».

«Нелегко — говоритъ докторъ Конолли, цитуемый Сенкеемъ— описать точно и ясно состояніе англійскихъ заведеній въ то время, такъ-какъ они были недоступны для общества. Всѣ знали, что они были отвратительны по своей наружности, и имѣли подозрительный характеръ. До 1770 года *больные Виллемскаго госпиталя показывались публикѣ въ деньгахъ—цѣна за входъ сперва была два пенса, а потомъ одинъ.*»

«Въ 1800 году — говоритъ Сенкей — леченіе (въ леченіи?) по словамъ Геслама, руководилось (лись?) состояніемъ луны; въ извѣстные періоды состоянія луны помѣшанные связывались, сковывались и наказывались розгами, чтобы предупредить приступы ихъ болѣзни. Помѣщались они—говоритъ онъ далѣе—въ такихъ зданіяхъ, которыя были хуже тѣхъ, въ какихъ мы держимъ теперь животныхъ; еще недавно эти несчастные больные въ разныхъ частяхъ Англіи содержались своими родственниками, какъ домашнія животныя, или скорѣе, какъ свиньи, въ особыхъ пристройкахъ». У насъ, на Руси, конечно, это продолжается и до сихъ поръ. Недавнее дѣло г-жи Шлегель — блистательно подтверждаетъ вѣроятность такого нашего заключенія.

Вся система леченія больныхъ (когда додумались, что ихъ надо лечить, да еще и систематически), называвшаяся системою стѣсненія (существующая, впрочемъ, весьма благополучно и до нашего времени, въ отдаленныхъ частяхъ Англіи и во многихъ сумасшедшихъ домахъ Франціи—подъ названіемъ «системы ограниченія дѣйствій помѣшанныхъ»), была цѣлымъ рядомъ пытокъ и истязаній. Сенкей упоминаетъ объ особенномъ креслѣ, изобрѣтенномъ д-ромъ Коксомъ. «Кажется, вся изобрѣтательность прежнихъ врачей—замѣчаетъ онъ—была направлена главнымъ образомъ на издумываніе различныхъ пытокъ для помѣшанныхъ». Это кресло поворачивалось посредствомъ особеннаго снаряда на стержнѣ и дѣлало 100 оборотовъ въ минуту. Въ видахъ устрашенія, изобрѣтатель, въ случаяхъ буйства больныхъ, совѣтовалъ употреблять эту машину въ темнотѣ, и при этомъ производить необыкновенный шумъ и *напускать* на больнаго одновременно удушливые газы». «Средства стѣсненія—говоритъ д-ръ Конолли—постепенно становились болѣе жестокими, и пытки болѣе изы-

сканьями. Между многими жестокостями была слѣдующая: больного заставляли пройти по комнатѣ, полъ которой проваливался, а подъ нимъ была устроена горячая, такъ-называемая «подпольная» ванна, въ которую и падалъ больной, совершенно неожиданно, при чемъ до полусмерти обжигался и едва не захлебывался кипяткомъ».

Замѣчательно, что всѣ такія пытки, наводившія ужасъ на больныхъ, производились *во имя науки*. Особенно такими жестокостями прославилось заведеніе для помѣшанныхъ въ Йоркѣ. Факты объ ужасахъ, совершавшихся тамъ, были сначала записаны очевидцемъ, а потомъ въ 1815 году обнаружены особою комиссіею. Больные, вступавшіе въ это пестязательное заведеніе, иногда даже пропадали безслѣдно, цѣлыя тысячи ихъ даже не записывались въ книги для прибывающихъ. «Можно подозревать—говоритъ Сенкей—что многихъ изъ больныхъ тамъ *сожигали*, чтобы скрыть тѣ злодѣянія, которые происходили въ стѣнахъ этого заведенія». Высшіе начальники (инспекторы) даже и не знали, что тамъ существовали особенныя *тайныя* комнаты, наполненныя грязью и нечистотой. Въ одной изъ такихъ комнатъ, открытыхъ комиссіею, въ 12 футовъ ширины и 4 фута 10 дюймовъ длины — помѣщались *13 женщинъ!!* Одни только надзиратели заведенія имѣли туда входъ и *многія женщины*, по словамъ комиссіи, *оказались беременными*. Комиссіею констатирована проважа одного больного безъ вѣсти, и сожженіе четверыхъ!

Первый дѣятель, обратившій въ Англии вниманіе на эти ужасы, былъ Вильямъ Тукъ; онъ принадлежалъ къ членамъ одной ассоціаціи, которая въ 1791 году, вслѣдствіе отказа Йоркскаго дома принять туда одну больную, рѣшилась устроить свое собственное заведеніе для умалишенныхъ, подъ названіемъ *убѣжища*. Заведеніе это было устроено на началахъ, несравненно болѣе человѣчныхъ, чему особенно способствовалъ внукъ Вильяма Тука, Самуиль, введшій въ это заведеніе систему разсудительнаго леченія, хотя и не безъ нѣкоторыхъ механическихъ насилій. Это небольшое заведеніе существуетъ до сихъ поръ, хотя за послѣднее время и не внесло въ свои стѣны никакихъ особенныхъ усовершенствованій.

Одновременно съ этимъ и во Франціи, представителемъ болѣе гуманнаго отношенія къ помѣшаннымъ явился знаменитый Пинель. Онъ снялъ цѣпи съ своихъ больныхъ и доставилъ имъ сравнительныя удобства. Но примѣръ его не подѣйствовалъ на его современниковъ, и по свидѣтельству Эскироля, даже въ 1818 году состояніе сумасшедшихъ домовъ во Франціи было страшное. Вотъ слова его, приводимыя Сенкеемъ: «Помѣшанные содержались нагими, или были одѣваемы въ лохмотья, иногда даже обвертывались отъ холода только соломой, и лежали на сыромъ полу. Пищу давали имъ самую грубую; не давали воды, и больные, мучимые жаждою, закованные (все-таки!) въ цѣпи,

лежали въ темныхъ и недоступныхъ для чистаго воздуха пещерахъ, которымъ не позавидовали бы и звѣри. Цѣпи были въ общемъ употребленіи и больные имѣли желѣзные ошейники и пояса, оковы на рукахъ и ногахъ. Нѣкоторые изъ нихъ прикрѣплялись длинною цѣпью, въ 1½ фута, къ стѣнѣ. Это особенно рекомендовалось, какъ лучшее, успокоивающее средство. Цѣпи вообще предпочитались смирительнымъ рубашкамъ, потому что онѣ были дешевле. На леченіе собственно не обращалось никакого вниманія, и грубые служители по своему произволу употребляли заключеніе, розги и подпольныя ванны.

Прогрессъ, какъ видятъ читатели, былъ не особенно великъ, и намъ можно бы было радоваться тому, что насъ отъ этого времени отдѣляетъ цѣлое пятидесятилѣтіе, если бы даже и въ наши дни такая радость не была еще нѣсколько преждевременною. «Такія же злоупотребленія были и въ Англіи — говорить Сенкей — и прибавляетъ при этомъ *«и существовали до постѣднихъ годовъ»*. Еще въ 1850 году члены комиссіи по управленію заведеніями для помѣшанныхъ въ своихъ отчетахъ намекали на подобныя злоупотребленія въ отдаленныхъ англійскихъ заведеніяхъ».

Самое печальное въ этомъ дѣлѣ то, что множество жестоко-стей при леченіи помѣшанныхъ, въ *смягченномъ видѣ*, по всей вѣроятности, весьма долго еще не искоренятся изъ лечебной практики помѣшанныхъ, такъ-какъ онѣ соотвѣтствуютъ самому принципу системы «ограниченія дѣйствій помѣшанныхъ» или, какъ откровеннѣе ее называетъ одинъ изъ европейскихъ авторитетовъ въ психіатріи, Гюйсленъ, самъ придерживающійся ея, «системы устрашенія». Эту систему исповѣдуютъ почти всѣ французскіе психіатры, хотя теперь во французскихъ заведеніяхъ для помѣшанныхъ существуютъ только: смирительныя рубашки (въ огромномъ употребленіи), особаго устройства кровати, къ которымъ привязываютъ больныхъ, и ванны, въ которыхъ насильственно удерживаются помѣшанные. При одновременномъ существованіи въ Англіи, и въ лучшихъ сумасшедшихъ домахъ и у насъ полной системы нестѣсненія (*non-restraint*) — и такой арсеналъ, *безъ котораго, какъ показала наука, можно совершенно обойтись*, составляетъ довольно «веселеный пейзажикъ», особенно если взять во вниманіе громадную цифру помѣшанныхъ во Франціи. Такъ число ихъ доходило тамъ въ 1861 году до 84,214 *, а въ 99 пріютахъ для умалишенныхъ (*asiles*) помѣщалось ихъ 30,248 человекъ. Объ участи *нашихъ* помѣшанныхъ тоже нельзя составлять особенно розовыхъ иллюзій, несмотря на то, что у насъ есть нѣсколько хорошо организованныхъ (въ столицахъ) правительственныхъ и частныхъ заведеній для умалишенныхъ. Отсутствіе въ губерніяхъ сумасшедшихъ домовъ и недостатковъ въ знающихъ врачахъ-психіатрахъ

* См. Очеркъ статистики и т. д. въ приложеніи къ «Отеч. Зап.» 1868 года.

(лѣтъ 12 тому назадъ напр. въ самой медико-хирургической академіи, не только не было клиники для страдающихъ душевными болѣзнями, но не существовало даже и каедры психіатріи. Врачи, нынѣ благополучно разбѣянные по всему лицу русской земли, выходили изъ академіи не слышавъ во все продолженіе курса ни одного слова о психіатріи!) дѣлаетъ участь ихъ, конечно, не особенно завидною. Иногда, у насъ, за недостаткомъ особыхъ помѣщеній, содержатъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ городскихъ тюрьмахъ и острогахъ. Такъ, въ недавно опубликованномъ «Сѣверною Почтою» отчетѣ о числѣ преступниковъ, содержавшихся въ губернскихъ тюрьмахъ, въ 1866 году, показано болѣе 1,400 помѣшанныхъ, содержавшихся вмѣстѣ съ арестантами. Лица, знакомыя съ прелестью нашихъ губернскихъ островъ и съ степенью развитія гуманности въ нашихъ тюремныхъ смотрителяхъ, легко поймутъ, какова участь этихъ несчастныхъ! Еслибы еще помѣшательство было болѣзнію неизлечимую, то съ подобнымъ фактомъ, съ нѣкоторою натяжкой, можно было бы временно помириться, принявъ во вниманіе, что устройство для нихъ особыхъ пріютовъ съ правильно организованнымъ надзоромъ и т. д. потребовало бы такихъ издержекъ, которыя, имѣя въ виду непроизводительность такихъ затратъ для общества, отнимали бы капиталы отъ мѣстныхъ обществъ, нуждающихся въ школахъ, гигиеническихъ тюрьмахъ, устройствѣ дорогъ, а порою и въ самомъ хлѣбѣ. Но факты современной статистики говорятъ, что изъ 10 помѣшанныхъ, при хорошихъ условіяхъ и тщательномъ леченіи, выздоравливаютъ 5 (хотя у нѣкоторыхъ и остается наклонность къ рецидивамъ), такъ что взявъ во вниманіе возможность отъ нашей небрежности такой потери въ рабочихъ рукахъ, даже въ экономическомъ смыслѣ, не говоря уже о высшей гуманной точкѣ зрѣнія, по нашему мнѣнію единственно рациональной для постановки всѣхъ вопросовъ, гдѣ дѣло идетъ о человѣкѣ, вопросъ объ устройствѣ въ достаточномъ числѣ пріютовъ для помѣшанныхъ, нельзя ставить такимъ образомъ, какъ онъ ставится въ нашей общественной практикѣ.

Энергическій протестъ Пинеля противъ безчеловѣчнаго обращенія съ помѣшанными, и голоса, примкнувшіе къ пропагандѣ такихъ же взглядовъ Вильяма Тука въ Англіи — вызвали впервые въ общественномъ мнѣніи западной Европы состраданіе къ участи невинныхъ страдальцевъ. Въ литературѣ стали высказываться мнѣнія противъ безчеловѣчности обхожденія съ сумасшедшими, и частаго употребленія жестокихъ и насильстве нныхъ мѣръ въ обращеніи съ ними. Мы уже видѣли, что на дѣлѣ во Франціи такой протестъ не принесъ особенно быстрыхъ результатовъ, но за то въ Англіи явились ревностные сторонники введенія гуманнаго обращенія съ помѣшанными. Историкъ «системы нестѣсненія», докторъ Конолли, первый, какъ говоритъ Сенкей, «придавшій ей ту жизненность, которую она теперь имѣетъ», называетъ доктора Шарльсворта, какъ од-

ного изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ, старавшихся о введеніи болѣе гуманнаго содержанія помѣшанныхъ. Этотъ Шарльсвортъ былъ однимъ изъ главныхъ инспекторовъ надъ лечебницами этого рода, и въ его округѣ находилось одно изъ первыхъ англійскихъ заведеній для помѣшанныхъ. Онъ почти совершенно изгналъ изъ врачебной практики въ подвѣдомственныхъ ему домахъ всякія механическія насилія. Дѣятельнымъ пособникомъ его мысли вслѣдъ затѣмъ явился Гардинеръ Гиль, который уже окончательно преобразовалъ въ этомъ смыслѣ Линкольнскае заведеніе. Въ Галуелѣ, другой первоклассной англійской больницѣ для умалишенныхъ, водворилъ эту систему Конолли послѣ долгаго, упорнаго труда, отъ противодѣйствія своихъ самыхъ близкихъ помощниковъ—сторонниковъ рутини и старой системы. Это преобразование начато было имъ въ 1843 году. Когда Сенкей принялъ въ свое управленіе Галуельское заведеніе, то ему оставалась только подробная разработка этой системы и исправленіе тѣхъ ошибокъ, которыя неизбѣжно должны были существовать, какъ въ дѣлѣ новомъ, въ методѣ ея приложенія докторомъ Конолли. При поступленіи Сенкея туда, высшею инспекціею домовъ для помѣшанныхъ ему было предоставлено право, продолжать новую систему, или отмѣнить ее, для новаго водворенія старой. Дѣло было еще до того ново, что Сенкей рѣшился самъ испытать всѣ выгоды и невыгоды обѣихъ системъ, прежде нежели начать свою сознательную дѣятельность. Вотъ какъ самъ онъ говоритъ объ этомъ:

«Въ Галуелѣ, уже раньше моего поступленія туда, существовала система нестѣсненія, и я не участвовалъ въ ея введеніи. При вступленіи въ должность мнѣ позволено было слѣдовать той или другой системѣ, сообразно съ моими убѣжденіями, и потому я изслѣдовалъ выгоды и невыгоды обѣихъ совершенно безпристрастно. Въмѣстѣ съ годами моей практики росло убѣжденіе въ полномъ превосходствѣ системы нестѣсненія, и я надѣюсь научнымъ образомъ показать ея преимущества».

Мы нарочно выписали эти слова, чтобы показать съ какою добросовѣстностью дѣйствовалъ Сенкей въ своихъ изслѣдованіяхъ; понятно, что взявъ во вниманіе такой его образъ дѣйствій, можно съ полною довѣренностью относиться къ его выводамъ и взглядамъ, почерпнутымъ имъ изъ безпристрастнаго наблюденія и обширной опытности. Вотъ выводы, которыхъ онъ достигъ:

«Нравственное леченіе состоитъ въ дѣйствіи или вліяніи здоровыхъ людей на помѣшанныхъ. Система нестѣсненія состоитъ слѣдовательно въ нравственномъ вліяніи на больнаго.

«Нельзя бы дѣлать возраженій противъ смирительныхъ рубашекъ, *еслибы онѣ не производили дурнаго дѣйствія на больнаго.*

«Стѣсненія, какъ объяснилъ Гюйсленъ, безъ сомнѣнія чловѣкъ общеуважаемый (но увлекающійся, прибавимъ мы отъ себя, и увлекающійся вреднымъ образомъ), имѣютъ нравственное вліяніе,

которое выражается словомъ *устрашеніе*, въ первый разъ употребленнымъ Гюйсленомъ.

«Принципъ нестѣсненія основывается на христіанской любви къ ближнимъ и проистекаетъ изъ состраданія къ больному *страдалицу, похожему на дитя*, которое не можетъ заботиться о себѣ, не питаетъ ни къ кому гнѣва, не замышляетъ никакого зла, *все терпитъ, всему вѣритъ*, на все надѣется.

«Существенныя основанія той и другой системы состоятъ въ дѣйствіи здоровыхъ на помѣшанныхъ. Въ старой системѣ это дѣйствіе производится подчиненіемъ себѣ помѣшаннаго, стѣсненіемъ его дѣйствій. Цѣль новой системы состоятъ въ томъ, чтобы *успокоить больнаго* и возбудить въ немъ расположеніе къ лицамъ, заботящимся о немъ; внушить ему пріятныя чувства, надежду, любовь и благодарность; приобрести его довѣріе и этимъ заставить его подчиняться извѣстнымъ правиламъ, необходимымъ для его леченія. *Такой результатъ не только можетъ быть достигнутъ, но и на самомъ дѣлѣ достигается почти во всѣхъ англійскихъ заведеніяхъ*».

Всѣ эти выписки приводимъ мы не безъ цѣли. У насъ нѣтъ хорошихъ популярныхъ книгъ по вопросу о помѣшательствѣ. Все, что мы помнимъ въ этомъ родѣ за цѣлныя 25-ть лѣтъ, заключается въ запискахъ покойнаго доктора Малиновскаго, помѣщавшихся нѣкогда въ «Библиотекѣ для Чтенія» чуть ли еще не во времена Сенковского. Прежде всего мы хотѣли бы заинтересовать публику книгою Сенкея. Она разсѣетъ множество предрасудковъ, по отношенію къ помѣшаннымъ, зависящихъ отъ совершеннаго невѣжества нашего общества въ этомъ вопросѣ, а предрасудки эти могутъ и должны губельно отзвѣваться на помѣшанныхъ. А такъ-какъ отъ помѣшательства не предохраняетъ ни полъ, ни возрастъ, ни родъ занятій, ни общественное положеніе, и *каждый изъ насъ можетъ сдѣлаться совершенно неожиданно его жертвою*, то само собою понятно, что вопросъ о помѣшательствѣ, о которомъ до сихъ поръ говорили только во врачебныхъ изданіяхъ, долженъ когда либо подвергнуться и всестороннему обсужденію журналистики. На обязанности молодыхъ русскихъ психіатровъ лежитъ составленіе популярнаго изложенія, какъ сущности помѣшательства, такъ и указанія всего того, что должно дѣлать общество по отношенію къ этому вопросу, для того, чтобы въ случаѣ несчастія быть гарантированнымъ въ томъ, что никому изъ насъ не придется погибать не отъ болѣзни, а *отъ неумѣлаго ея леченія*, отъ невѣжественнаго къ помѣшаннымъ отношенія среды и отъ недостатка больницъ для умалишенныхъ. Кромѣ того, такое знаніе необходимо для общества, также и для нѣкотораго контроля надъ дѣйствіями мало знающихъ порою врачей. Что послѣднее дѣло не лишнее, лучше всего можетъ доказать случай, недавно происходившій въ Москвѣ и только что описанный во всѣхъ газетахъ. Напомнимъ этотъ случай для необратившихъ на него вниманія. Одинъ

московскій купецъ (какъ жаль, что фамилія его неизвѣстна), задолжавъ своему привашику значительную сумму и не желая ее платить, отправилъ его обманомъ, подъ видомъ помѣшаннаго, въ домъ умалишенныхъ. Завѣдывающій заведеніемъ психіатръ, тотчасъ же по прочтеніи письма, задержалъ прикащика силой. Все, что происходило потомъ, описано въ письмѣ самаго прикащика въ редакцію «Современныхъ Извѣстій». «Утромъ меня, г. редакторъ, начали поливать холодной водой, и подъ этой пыткой я просидѣлъ 7-мь недѣль и три дня». Конечно, все это можетъ быть и изобрѣтено дѣйствительно сумасшедшимъ, только что выпущеннымъ (и въ такомъ случаѣ очевидно *невылеченнымъ*) изъ московской лечебницы, но что остается думать въ случаѣ, если дѣло было дѣйствительно такъ, какъ рассказываетъ его прикащикъ? Какое заключеніе вправѣ сдѣлать публики о такомъ заведеніи, гдѣ возможно такое варварство (и еще въ столицѣ? что же дѣлается у насъ въ глуши, въ провинціи?), и о такомъ психіатрѣ, который, не произведя никакого діагноза (распознаванія болѣзни), а довѣрясь только одному письму, вѣроятно полуграмотнаго купца, не оставивъ нѣкоторое время на испытаніи только что вступившаго въ заведеніе больного, рѣшается *тотчасъ* же примѣнять къ нему истязательный методъ устрашенія?... Такое семинедѣльное лечение и испѣленіе здороваго человѣка, конечно, должно быть записано, если не въ лѣтописяхъ науки, то... въ протоколахъ судебныхъ установленій.

Упомянувъ о предрасудкахъ, могущихъ быть гибельными для помѣшанныхъ, замѣтимъ, что важнѣйшимъ изъ нихъ мы считаемъ мысль, довольно укоренившуюся въ русскомъ обществѣ, о неизлечимости сумасшествія. Такая мысль обусловливаетъ прямо измѣненіе всѣхъ отношеній къ больному его окружающимъ. Къ несчастію, существуетъ весьма много людей, которые не дѣлаютъ для другихъ ничего, если не имѣютъ въ виду благодарности; смотря на помѣшаннаго, какъ на человѣка отпѣтаго, такія лица въ отношеніи къ нему не отваживаются даже на самыя обыкновенныя услуги, которыя они охотно оказывали бы, еслибы надѣялись, что самъ больной о такомомъ ихъ усердіи когда нибудь да узнаетъ. Второй предрасудокъ — боязнь домовъ для умалишенныхъ. Разумѣется, такихъ домовъ, гдѣ врачи дѣйствуютъ подобно тому, какъ въ только что описанномъ нами случаѣ, нетолько можно, но даже и должно бояться, но говоря вообще, тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ, существуютъ хорошо устроенныя заведенія этого рода, такой предрасудокъ гибеленъ для множества лицъ, которыя могли бы изцѣлиться, еслибы въ началѣ болѣзни были въ нихъ помѣщаемы, и погибаютъ, оставаясь дома при неумѣломъ за собой уходѣ семьи и прислуги. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что даже въ образованномъ обществѣ господствуетъ такая боязнь сумасшедшихъ домовъ, какая существуетъ въ простонародьи по от-

ношенію въ больницахъ вообще, и вѣроятно этотъ предразсудокъ основанъ на тѣхъ разсказахъ объ ужасахъ, которые и дѣйствительно недавно происходили въ заведеніяхъ этого рода. Разсѣять такой вредный страхъ можетъ распространеніе въ публикѣ такихъ книгъ, какъ лекціи Сенкея, также какъ и обсужденіе въ журналистикѣ отчетовъ о больницахъ для умалишенныхъ, опубликованіе которыхъ, хотя бы въ медицинскихъ журналахъ, недурно было бы сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ главныхъ врачей и директоровъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ заведеній этого рода. Что послѣдній предразсудокъ, если онъ не будетъ опровергнутъ фактически, можетъ существовать и у самыхъ развитыхъ людей, въ этомъ едва-ли можно и сомнѣваться. При такомъ несчастномъ событіи, какъ помѣшательство человѣка роднаго или близкаго, у самыхъ мыслящихъ лицъ, изъ его окружающихъ, можетъ родиться множество сомнѣній, разрѣшеніе которыхъ возможно только путемъ знанія. Для примѣра представимъ хотя слѣдующій вопросъ: не можетъ ли быть вредно для помѣшаннаго общество ему подобныхъ? Подобный вопросъ вѣроятно съ болѣю въ сердцѣ шевелился не у одного изъ тѣхъ людей, кому случалось обдумывать: везти или не везти въ больницу дорогаго помѣшаннаго? Намъ скажутъ, что спеціалистъ въ этомъ случаѣ всегда можетъ успокоить такія сомнѣнія, такъ-какъ въ наукѣ уже рѣшено положительно, что это не приноситъ больному никакого вреда. Ну, а въ такихъ отдаленныхъ отъ центровъ мѣстностяхъ, гдѣ на лицо спеціалистовъ не оказывается, а между тѣмъ съ больнымъ припадки бѣшенства и вопросъ надо рѣшить немедленно, не теряя времени на списыванія съ спеціалистами? Не лучше ли самимъ спеціалистамъ не дѣлать тайны изъ своей профессіи, и такого рода выводы самимъ разобщать въ публикѣ? Намъ кажется, что книга Сенкея, по простотѣ своей классификаціи и по своему плану, могла бы служить хорошимъ основаніемъ для популярной книги о помѣшательствахъ, и психіатръ, который ея популярной передѣлкъ (разумѣется, съ значительными дополненіями въ общественномъ смыслѣ) посвятилъ бы часы своего отдыха, не потерялъ бы даромъ своего времени, не говоря уже о томъ, что принесъ бы обществу весьма и весьма существенную услугу.

Вообще медицинскому сословію въ Россіи было бы не дурно усилить популярно-врачебную пропаганду. Намъ кажется, что положительный методъ въ наукахъ вообще долженъ весьма скоро выдвинуть вопросъ о сохраненіи жизни и здоровья людей на видное мѣсто въ литературѣ. Ученія трансцендентальныя и суперъ-натуральныя, совершенно забывавшія и забывавшія человѣка, какъ-то силою обстоятельство начинаютъ отодвигаться на задній планъ, а вопросы: о счастіи и усиленіи продолжительности человѣческой жизни начинаютъ занимать собою все большее и большее число мыслителей. Это законный элементъ всѣхъ будущихъ соціологическихъ теорій. Въ этомъ смыслѣ, обратимъ вниманіе публики хотя на

разумную, высокопрактическую и богатую блистательными для общества результатами естественно-педагогическую классификацію Герберта Спенсера, въ которой этотъ мыслитель, безспорно одинъ изъ величайшихъ умовъ нашего времени, изученіе дѣятельности, ведущей непосредственно къ человѣческому самосохраненію, ставитъ во главѣ воспитальной программы *. Дѣйствительно, на самомъ вопросѣ о помѣшательствѣ можно видѣть, до какой степени наше равнодушіе къ возможностямъ личной судьбы каждаго изъ насъ пахнетъ еще темными временами невѣжества. Намъ весьма нерѣдко случалось слышать отъ различныхъ лицъ, стоящихъ на хорошемъ уровнѣ умственного развитія, опасеніе быть заживо погребенными. Разумѣется, мы, всѣми аргументами, существующими въ наукѣ, старались всякій разъ разсѣвать подобныя неосновательныя опасенія, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что намъ ни разу и ни отъ кого не случалось слышать опасенія, въ случаѣ помѣшательства, оставаться заживо погребенными въ этомъ состояніи нравственной и умственной смерти. А развѣ послѣднее невозможно, благодаря тому, что мы, по нашей непредусмотрительности, не озабочиваемся *на черный день* ни устройствомъ хорошихъ больницъ для помѣшанныхъ, ни обсужденіемъ другихъ условій для предотвращенія этой бѣды. А условія эти такого рода, что отъ нихъ зависитъ въ бѣльшей части случаевъ переходъ страданія временнаго и исцѣлимаго въ постоянное и неизлечимое. Кажется, есть надъ чѣмъ подумать.

Намъ хотѣлось бы долго и много говорить по поводу книги Сенкея, но недостатокъ мѣста намъ этого не позволяетъ. Обратимъ все-таки вниманіе мыслящихъ людей на одинъ его статистическій выводъ, доказывающій, по нашему мнѣнію, положительно, что число помѣшанныхъ будетъ постоянно уменьшаться съ увеличеніемъ человѣческаго благосостоянія и улучшеніемъ соціального устройства человѣческихъ обществъ. Онъ нашелъ, что въ Англіи въ бѣдномъ классѣ общества приходится 1 помѣшанный на 50 человѣкъ, въ средѣ же обезпеченныхъ сословій 1 помѣшанный приходится только на 3,962 человѣка, т.-е. встрѣчается почти въ 79 разъ рѣже. Такая цифра, показывающая, что только въ одномъ случаѣ изъ 80, главной предрасполагающей причиною помѣшательства *не бѣдность*, даетъ еще новое подтвержденіе той истинѣ, что бѣдность — главнѣйшій источникъ всѣхъ золь въ обществѣ, и отстраненіе ея должно быть главнѣйшей задачей человѣческой общественной дѣятельности; съ нею вмѣстѣ станутъ исподволь исчезать и болѣзни и преступления и помѣшательство и самая продолжительность жизни значительно для всѣхъ живущихъ увеличится.

Хотѣли бы мы обратить вниманіе публики также и на ту связь

* Умственное, нравственное и физическое воспитаніе. Томъ III-й. «Научныя, политическіе и философскіе опыты». Изданіе Н. Тиблена.

между помѣшательствомъ и преступленіями, изученіе которой если бы не упускалось изъ вниманія юристами, могло бы принести значительное облегченіе приговорамъ уголовнымъ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ, у Сенкея мы подмѣтили весьма широкіе взгляды, хотя онъ въ главѣ о помѣшательствѣ въ судебно-медицинскомъ отношеніи и высказывается робко и осторожно, дѣлая этимъ уступку своему времени и житейской практикѣ. Но вотъ какъ широко ставитъ онъ, въ одномъ мѣстѣ своей книги, принципъ невмѣняемости въ тѣхъ случаяхъ, когда есть подозрѣніе о какомъ-нибудь тѣлесномъ безобразіи, обуславливающимъ неполное обладаніе человекомъ своими умственными способностями (стр. 150): «1. Хотя бы подсудимый не былъ одержимъ ни помѣшательствомъ, ни паучей болѣзнью, былъ здоровъ, но, если при недостаточномъ развитіи умственныхъ способностей представляетъ нѣкоторыя уродства, то онъ, по моему мнѣнію, долженъ быть свободенъ отъ законной отвѣтственности. Такого рода уродство составляетъ, напримѣръ, описанное нами развитіе черепа. 2. Рѣшенію вопроса о законной отвѣтственности можетъ помочь фактъ существованія въ членахъ семейства подсудимаго несомнѣнныхъ случаевъ идиотизма, или сродныхъ съ нимъ страданій, какъ-то: глухоты-нѣмоты, паучей болѣзни и пр.». Но, въ наши дни даже научные факты не имѣютъ еще права являться въ своемъ всеоружіи на судъ общественнаго мнѣнія, и послѣ своего глубокаго, смѣлаго и блестящаго вывода, Сенкей вынуждается на слѣдующую уступку: «Но позвольте мнѣ яснѣе высказаться объ этомъ послѣднемъ пунктѣ,—я не говорю, что существованіе такихъ признаковъ подсудимаго или его близкихъ родственниковъ достаточно для освобожденія его отъ законной отвѣтственности, но говорю только то, что въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ одинаковы возрѣнія за и противъ, такіе факты могутъ (должны?) склонить сужденіе въ пользу освобожденія отъ законной отвѣтственности».

Обратимъ, для заключенія нашей статьи, вниманіе читателя на страницы 136 — 37, 38 и 39 книги Сенкея, на которыхъ приводится списокъ преступленій въ Англии за три года, которыя произведены были помѣшанными. Этотъ списокъ собранъ былъ докторомъ Гескелемъ, и читатель изъ него увидитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе вѣжется непонятнымъ или трудно объяснимымъ, предполагающею къ нему причиною *всегда* оказывается *помѣшательство*.

Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями. Сочиненіе Артура Манжена. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями П. Ольхина. Съ 157 помитипажжами въ текстъ. Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. С.-Петербургъ. 1868.

Кто такой г. Артуръ Манжень? Мы не знаемъ; знаемъ только, что онъ написалъ очень толстую и очень плохую книгу, и эта

плохая и толстая книга переведена теперь на русскій языкъ г. Ольхинымъ, украсившимъ ее еще собственными дополненіями. Впрочемъ, относительно этихъ дополненій г. Ольхинъ оставляетъ читателя въ неизвѣстности, гдѣ собственно таковыя находятся, такъ-какъ она нигдѣ не отмѣченъ, а безъ этого ихъ трудно открыть; г. Ольхинъ такъ сумѣлъ войти въ тонъ почтеннаго автора, что, прочитавши всю книгу, такъ и думаешь, что въ ней или все принадлежитъ Манжену, или все г. Ольхину.

Заглавіе этой книги «Воздушный міръ съ его явленіями и обитателями», какъ видитъ читатель, очень пышно и многообѣщающее. Всякій, прочитавши такое заглавіе, невольно долженъ почувствовать желаніе познакомиться съ самою книгою. И въ самомъ дѣлѣ, мысль написать подобное сочиненіе есть мысль очень счастливая. Она даетъ возможность собрать въ одной книгѣ все, что обыкновенно бываетъ разбросано по различнымъ учебникамъ физики, метеорологіи, химіи, зоологіи и т. д., и такимъ образомъ дать читателю связное и цѣльное представленіе о средѣ, исполненной значительнаго интереса, и имѣющей такое непосредственное и непрестанное общеніе съ человѣкомъ, такое прямое и непрестанное вліяніе на все его бытіе.

Но какъ выполнена эта задача авторомъ? Книга занимаетъ 547 страницъ, и о чемъ, о чемъ только въ ней ни говорится — и о происхожденіи атмосферы, и о механикѣ атмосферы, и о насосахъ, и объ эфирѣ, и объ электричествѣ и о метеорологіи, о насѣкомыхъ, летучихъ мышахъ и проч. и проч. Но какъ не умѣло обо всемъ этомъ говорится! Читаешь, читаешь эту книгу, и никакъ не можешь добиться толку, для кого собственно авторъ ее предназначаетъ? Иной разъ вѣдетъ, что онъ какъ будто писалъ свою книгу для людей, уже порядочно знакомыхъ съ естественными науками, особенно когда прочтешь первыя главы, гдѣ говорится о такихъ вещахъ и въ такомъ строго-лаконическомъ тонѣ, что для пониманія всего этого требуется уже порядочная подготовка, да и при такой даже подготовкѣ врядъ ли кто въ состояніи будетъ понять эту главу, за исключеніемъ, разумѣется, самого автора. Но перелистываешь дальше и смотришь: нѣтъ! первое предположеніе оказывается прямо невѣрнымъ, авторъ очевидно имѣлъ въ виду людей, не знающихъ даже, что воздухъ есть физическое тѣло и, подобно всѣмъ другимъ физическимъ тѣламъ, имѣетъ извѣстную тяжесть. Только что поговоривши на предъидущихъ страницахъ о различныхъ теоріяхъ происхожденія воздуха, теоріяхъ, требующихъ для своего уразумѣнія уже порядочныхъ познаній въ химіи и геологіи, онъ, ни мало не стѣсняясь, тотчасъ же переходитъ къ игривому разсказу о томъ, какъ когда-то люди были весьма глупы, вѣрили, будто природа боится пустаго пространства и т. д., однимъ словомъ, къ тому, что можно найти во всѣхъ элементарныхъ книгахъ по физикѣ. И такъ-то онъ эквивалентируетъ по всей книгѣ. То онъ трактуетъ читателя, какъ взрослого, знающаго, даже уже черезчуръ

знающаго человѣка, то на оборотъ, обходится съ нимъ, какъ съ глубокимъ ребенкомъ, для котораго все должно казаться ново, необыкновенно умно и занимательно. И въ концѣ концовъ выходитъ то, что книга оказывается бесполезной для всѣхъ и каждаго. Человѣкъ ничего не знающій и вдумавшійся научиться чему нибудь изъ этой книги, ничего изъ нея не вынесетъ, потому что она написана съ слишкомъ большими претензіями на ученость, и потому очень туманно и непонятно. Человѣкъ, кой чему научившійся, помимо этой книги, никогда не вынесетъ неизмѣримаго скуки, пронизающей всю ее отъ начала до конца.

Эта двойственность въ отношеніи автора къ своимъ читателямъ, производящая то, что книга всѣхъ возбуждаетъ, а никого не удовлетворяетъ, проявляется почти на каждой ея страницѣ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ главъ о метеорологіи, которая вообще изложена не въ примѣръ лучше всего остальнаго. Мы приведемъ только двѣ-три выписки, по нашему мнѣнію, достаточно ясно обнаруживающія какъ умѣнье автора просто и ясно излагать свой предметъ, такъ и широту его взгляда вообще.

Вотъ какъ, напримѣръ, онъ объясняетъ теорію сифона, замѣтите—прибора, который весьма удовлетворительно объясняется во всякой элементарной физикѣ: «Сифонъ состоитъ изъ трубки, согнутой въ одною или двухъ мѣстахъ двумя колѣнами разной длины. Онъ служитъ для переливанія жидкостей изъ одного сосуда въ другой... Весь сифонъ наполняютъ жидкостью, которую нужно перелить. Затѣмъ, закрывъ отверстіе длиннаго колѣна пальцемъ (въ книгѣ приведены рисунки, впрочемъ, очень мало помогающіе дѣлу), погружаютъ короткое въ сосудъ съ жидкостью, уровень которой стоитъ выше нижняго колѣна сифона. Палецъ послѣ этого отнимаютъ и приборъ предоставляютъ самому себѣ. Тогда жидкость начинаетъ вытекать изъ длиннаго колѣна, пока не уравниются поверхности выливающейся и вылившейся жидкости, въ которое погружено длинное колѣно сифона».

До сихъ поръ все еще идетъ благополучно, хотя пусть не думаетъ читатель, что описательная часть ему всегда удастся. Изъ его описанія, напримѣръ, металлическаго барометра, тавталова кубка, геронова шара и т. д., никто никогда не познакомится съ этими приборами. Но вотъ объясненіе сифона:

«Чтобы понять это явленіе, достаточно обратить вниманіе на то, что атмосферное давленіе, дѣйствующее на выливаемую жидкость, для произведенія подъема, должно побѣдить только давленіе столба, находящагося въ болѣе короткомъ колѣнѣ сифона, между тѣмъ, какъ для подъема жидкостей въ болѣе длинномъ, необходимо побѣдить тяжесть болѣе длиннаго столба жидкости. Но послѣдній имѣетъ перевѣсъ и жидкость по этой причинѣ вытекаетъ изъ болѣе длиннаго колѣна. Вотъ почему изъ наполненнаго разъ сифона истеченіе продолжается до тѣхъ поръ, пока воздухъ не проникнетъ въ болѣе короткое колѣно, или, что

все все равно, пока конецъ послѣдняго остается погруженнымъ въ жидкость».

Не правда ли, необыкновенно ясно, и главное, просто? При чемъ тутъ подъемъ жидкостей въ болѣе длинномъ колѣнѣ, и почему прониканіе воздуха въ короткое колѣно останавливаетъ истеченіе—это остается тайною автора, которую онъ тщательно скрываетъ. Всякій, мало-мальски знакомый съ физикой, очень хорошо знаетъ, что вопросъ тутъ идетъ вовсе не о томъ, почему жидкость не поднимается по высокому колѣну, а о томъ, чѣмъ нарушается равновѣсіе жидкости въ горизонтальной части сифона. Вотъ этого-то онъ не объясняетъ, а потому прониканіе воздуха въ короткое колѣно, приведенное, какъ условіе остановки истеченія жидкости, является совершенно неожиданно и, разумѣется, только затемняетъ пониманіе. Подобнаго рода объясненіями наполнена почти вся книга.

Теперь, не угодно ли посмотрѣть, какъ широко авторъ понимаетъ значеніе своего предмета. Говоря объ изученіи насѣкомыхъ, онъ пишетъ:

«Насѣкомыя, очевидно, представляютъ нѣчто интересное, потому что ученые, въ родѣ Линнея и Латреля, которые, безъ сомнѣнія, не были людьми ограниченнаго ума, предпочитали изученіе насѣкомыхъ различнымъ удовольствіямъ, которыхъ другіе ищутъ такъ жадно. Мы могли бы привести еще одинъ примѣръ подобнаго рода, потому что въ новѣйшее время, весьма замѣчательный писатель (Мишле) посвятилъ насѣкомымъ цѣлую книгу, трогательную, драматическую и заключающую почти поэму». Или, на предыдущей страницѣ, рассказывая о томъ, какъ ученый Латрель избавился отъ смертной казни, къ которой былъ бы приговоренъ революціоннымъ судилищемъ, благодаря маленькому жуку, некробіи, найденной имъ въ темницѣ и препровожденной тюремнымъ врачомъ къ Бори де-Сенъ-Винсену, онъ заканчиваетъ: «Если бы на мѣстѣ Латреля былъ другой человѣкъ, онъ раздавилъ бы невинное животное, которое для ученаго сдѣлалось средствомъ сохраненія жизни, и о которомъ онъ впоследствии говорилъ съ благодарностью: это насѣкомое для меня весьма дорого—пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи «Genere crustaceorum et insectorum»—потому что въ то время, когда Франція страдала всякаго рода невзгодами, это маленькое животное, при дружномъ содѣйствіи Бори де Сенъ-Винсена и Даржела въ Бордо, при весьма удовлетворительныхъ обстоятельствахъ, спасло мнѣ жизнь». И такъ, милостивые государи, изучайте насѣкомыхъ, чтобы въ случаѣ, если на ваше отечество обрушатся невзгоды, они спасали вамъ жизнь. Поучительно!

Сдѣлаемъ еще одну выписку. Г. Манжанъ очень любитъ ссылки на другихъ авторовъ. Вся книга ими испещрена. И замѣчательно: тамъ, гдѣ онъ ссылается на иѣмедкихъ писателей, на примѣръ Кемитца, даже его пошлое изложеніе принимаетъ болѣе солидный характеръ и кажется очень добропорядочно. Но

чуть онъ соплется на какую-нибудь французскую книгу, какъ дѣло выходитъ изъ рукъ вонъ скверно. И надо отдать ему справедливость, умѣетъ же онъ откапывать очень милые экземпляры. Вотъ выписка, приводимая имъ изъ Лажеля, о развитіи метеорологіи: «Всегда толковали о погодѣ—говорить Лажель—если и не всегда о метеорологіи; хотя это названіе — изобрѣтеніе новѣйшаго времени, мнѣ, однако, кажется, что наши предки заботились о метеорологіи больше насъ. Нужно ли доказывать это? Нынѣ строятъ множество прекрасныхъ домовъ и замковъ, на которыхъ архитекторъ забываетъ помѣстить флюгеръ.

«Въ прежнія времена флюгеръ разукрашивали съ большимъ вкусомъ и придавали ему оригинальныя формы, потому что онъ составлялъ постоянное украшеніе крышъ. Въ этой эмблемѣ измѣнчивости и постоянства, соединенныхъ въ одномъ и томъ же предметѣ, есть нѣчто поэтическое. Не представляется ли намъ картина собственной нашей жизни съ ея усиліями, хлопотами и борьбою? Флюгеръ возвышается надъ домомъ; онъ очень вѣрно указываетъ всѣ колебанія воздуха, всѣ бури, а подъ нимъ волнуются страсти людей. Флюгеръ еще скрипитъ надъ древними опустѣвшими зданіями, которыя внутри болѣе ничѣмъ, уже не оживляются, и гдѣ внезапность его движеній составляетъ мрачную противоположность тишинѣ и безмолвію, оставшимся послѣ смерти и забвенія».

Земледѣльческая химія Роберта Гофманна, съ дополненіями профессора А. Энгельгардта. С.-Петербургъ. Изданіе Карла Рокера, подъ фирмою «Мюнхъ». 1868.

Авторъ весьма скромно предназначаетъ свой трудъ въ пособіе практическимъ сельскимъ хозяевамъ; но мы можемъ прибавить отъ себя, что книгу его не безъ пользы прочтеть всякій, имѣющій хотя малѣйшія понятія изъ общей химіи, и интересующійся вопросомъ такой громадной важности, какъ рациональное веденіе сельско-хозяйственныхъ операцій. Вся книга распадается на 2 части: теоретическую и практическую; кромѣ того, въ концѣ ея приложены двѣ статьи профессора Энгельгардта, рассматривающія важнѣйшіе вопросы земледѣльческой химіи въ примѣненіи къ русскимъ условіямъ. О практическомъ отдѣлѣ, трактующемъ о культурныхъ растеніяхъ, обработкѣ почвы, объ удобреніяхъ и рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ, мы говорить не будемъ, предоставляя критику его достоинствъ и недостатковъ людямъ, болѣе насъ свѣдущимъ и компетентнымъ въ этой области. Теоретическая часть начинается съ условій и причинъ образованія почвы, затѣмъ переходитъ къ физическимъ и химическимъ свойствамъ пахатной земли, довольно обстоятельно излагаетъ метеорологическія явленія, по скольку они оказываютъ вліяніе на дѣло сельскаго хозяйства, и, наконецъ, переходитъ къ разсмотрѣнію растенія вообще, его химическаго состава, строенія, жизни. Все это изложено весьма удовлетворительно, сжато, безъ

излишнихъ подробностей, а, главное, общедоступно, такъ что для уразумѣнія этого отдѣла требуются не богъ-знаетъ какія спеціальныя познанія и умственное напряженіе. Единственное замѣчаніе, которое можно бы сдѣлать здѣсь, будетъ развѣ то, что авторъ слишкомъ поверхностно и малоубѣдительно отвергаетъ ученіе Либиха о поглощеніи различныхъ веществъ почвой, ученіе, которое, по его же собственнымъ словамъ, легло въ основаніе новой теоріи питанія растеній. Всѣ факты и возраженія, которые онъ приводитъ въ главѣ «о поглотительной способности почвы», отчасти очень сомнительны, отчасти предвидѣны и оговорены самимъ Либихомъ. Странно, что профессоръ Энгельгардтъ прошелъ это мѣсто молчаніемъ. Теорія Либиха, въ нѣсколько-измѣненномъ видѣ, принимается почти всѣми новѣйшими физиологами, и, по крайней-мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи, весьма важна. Точно такъ же не особенно глубоко-мысленными кажутся намъ измышленія почтеннаго автора по поводу *избирательной способности* (въ переводѣ сказано: *способности выбора*), приписываемой физиологами растительной клѣткѣ. Читателю, вѣроятно, небезызвѣстно, что подъ этимъ въ физиологіи разумѣется способность органической клѣтки изъ массы веществъ, ее окружающихъ или приходящихъ съ нею въ соприкосновеніе, выбирать именно тѣ, которыя всего нужнѣе для образованія составныхъ частей ея протоплазмы. Но автору въ этомъ терминѣ видится какое-то молчаливое признаніе особеннаго инстинкта за органической (въ нашемъ случаѣ, растительной) клѣткою, и для объясненія процесса поглощенія растеніемъ пригодныхъ для него веществъ онъ предлагаетъ какой-то свой, средній путь, который, по его мнѣнію, «гораздо естественнѣе и правдоподобнѣе объясняетъ этотъ процессъ», но который, какъ намъ кажется, нисколько не лучше перваго, и могъ быть предложенъ только по несообразительности автора. Вотъ его объясненіе: «Можно принять, что поглощеніе какаго нибудь питательнаго вещества зависитъ отъ потребленія его растеніями, вслѣдствіе чего они поглощаютъ лишь тѣ вещества, какія имъ нужны для образованія различныхъ составныхъ частей растеній, и что, по мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе потребленія, вещества исчезаютъ изъ содержаемаго клѣточекъ, они снова по частямъ замѣняются извнѣ черезъ диффузію, то-есть, если выразиться кратче: *потребленіе* веществъ регулируетъ ихъ поглощеніе. Если, напримѣръ, вслѣдствіе потребленія произошелъ недостатокъ кали, то растеніе начинаетъ поглощать извнѣ его, но не другія вещества, какъ-то фосфорную кислоту, натръ и тому подоб., которыя въ это время еще находятса въ клѣточномъ сокѣ». Спрашивается, чѣмъ же все-таки это объясненіе лучше избирательной способности? Растеніе нуждается въ кали, — корневныя мочки его поглощаютъ изъ почвы кали, а не натръ, который тоже находится въ почвѣ или другой средѣ, окружающей растеніе, но въ которомъ растеніе въ настоящій моментъ не чувствуетъ

надобности. Но почему же растение беретъ кали, а не натръ,— это все-таки нисколько не объясняется, и должно будетъ сводиться въ концѣ-концовъ опять-таки на ту же инстинктивную способность органической клѣточки, противъ которой авторъ находить нужнымъ ратовать. Очевидно, что авторъ здѣсь чего-нибудь да недожмнулъ, а недожмнулъ онъ вотъ чего. Дѣло въ томъ, что въ избирательной способности нитро, по крайней-мѣрѣ, изъ новѣйшихъ физиологовъ, не думаетъ видѣть объясненія явленія, а удерживается этотъ терминъ лишь какъ весьма удачное и краткое наименованіе явленія. Мы видимъ, что клѣточки поглощаютъ одно вещество предпочтительнѣе предъ другими и говоримъ, что за клѣточками замѣчается какаѣ-то избирательная способность. Объясняется же эта способность довольно просто. Развиваясь изъ другой, подобно ей, клѣточки, каждая животная или растительная клѣточка получаетъ преемственнымъ путемъ свое опредѣленное содержимое съ опредѣленными химическими составными частями. Очевидно, что это содержимое клѣточки, должно обнаруживать химическое сродство къ однимъ тѣламъ больше, чѣмъ къ другимъ, а потому, когда клѣточка приходитъ въ соприкосновеніе съ какою-нибудь средою, между нею и этой средою начинается рядъ молекулярныхъ передвиженій частицъ (диффузія), главнымъ образомъ вызванныхъ химическимъ сродствомъ, и въ силу этого самаго сродства захватывающихъ однихъ частицъ больше, а другихъ меньше. Вполнѣ ли явленія диффузіи могутъ быть объяснены химическимъ сродствомъ или не вполнѣ, это вопросъ посторонній, но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что объ инстинктивности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, какъ читатель самъ можетъ видѣть, такіе мелкіе промахи нисколько не уменьшаютъ достоинство почтеннаго труда Гофманна, и мы его положительно рекомендуемъ нашимъ читателямъ, особенно тѣмъ, которые непосредственно заинтересованы въ разбираемыхъ въ немъ вопросахъ.

Перейдемъ теперь къ прибавленіямъ профессора Энгельгардта, на которыхъ читатель позволить намъ остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ-какъ въ нихъ затрогивается одинъ изъ наиболѣе важныхъ современныхъ вопросовъ нашихъ. Мы просто, на сколько это позволятъ предѣлы короткой журнальной замѣтки, постараемся передать главныя мысли почтеннаго профессора, не прибѣгая ни къ какимъ личнымъ толкованіямъ и соображеніямъ по этому предмету. Съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе раздаются жалобы на плохіе урожаи, на голодъ, на физическую невозможность выгодно вести хозяйство, на страшное разореніе, грозящее всему земледѣльческому сословію. При существованіи обязательнаго труда, давашаго возможность обрабатывать даже такія почвы, которыя давали самый ничтожный урожай, положеніе дѣлъ, по крайней-мѣрѣ съ виду, не имѣло того грознаго характера, которое оно приняло теперь, послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости. Нынѣ «значительная часть помѣщичьихъ

полей запущены, и запущенныя поля представляют пустыри, кое гдѣ покрыты травкою и кустарникомъ; полосы не залитыя, такъ-называемыя пустоши, представляютъ такую ничтожную растительность, что только удивляешься, какъ ихъ косить; при томъ же, значительная часть бывшихъ нѣкогда покосовъ оставлены подъ выгоны, потому что на нихъ кромѣ бѣлоуса и мховъ ничего почти не растетъ. Перѣдкость встрѣтить такія хозяйства, гдѣ изъ 600 десятинъ земли только 100 десятинъ находятся подъ полями и покосами, десятинъ 200 подъ лѣсомъ, непринносящемъ дохода, и ожидающемъ только огня, чтобъ быть выжженнымъ на лада, — 300 же десятинъ находятся подъ пустырями и кустарникомъ». Такой порядокъ дѣлъ, конечно, не могъ укрыться отъ зоркихъ глазъ нашей домашней публицистики, и она съ ей одной только свойственной распущенностью мыслительныхъ способностей начала расправляться съ этимъ зломъ, отыскивая причины его тамъ, гдѣ ихъ не было и быть не могло, и предлагая средства, до которыхъ могли додуматься только одни російскіе неумитные безсребренники. Голодъ происходитъ отъ того, что мужикъ пьянствуетъ, и откупная система уничтожена, неурожай — оттого, что въ нашемъ народѣ сохранился еще варварскій обычай общиннаго землевладѣнія, помѣщики разоряются и будутъ разоряться, главнымъ образомъ, благодаря освобожденію крестьянъ и введенію новѣйшихъ реформъ, отнявшихъ у помѣщиковъ ихъ исключительное положеніе — столповъ отечества. Но оставимъ этихъ безсребренниковъ, и послушаемъ, въ чемъ профессоръ Энгельгардтъ видитъ главную причину усиливающихся неурожаевъ. Съ свойственною всѣмъ подобнымъ ученымъ душевною заскорюзлостью, ни бельмеса, что-называется, не смыслившей въ вопросахъ чистой политики, онъ ищетъ причину зла въ *истощеніи нашихъ полей*, происходящемъ отъ нерациональныхъ системъ нашего сельско-хозяйственнаго производства. Основной законъ сельскаго хозяйства, неизменно установленный современной земледѣльческой химіей, состоитъ въ томъ, что каждому полю должно быть возвращено въ видѣ удобренія все то, что снимается съ него въ видѣ зеренъ, соломы и т. д., или, другими словами, только тотъ способъ воздѣлыванія почвы общааетъ успѣхъ и не ведетъ къ ея истощенію, который основывается на научныхъ данныхъ, то-есть сообразуется съ химическими свойствами какъ самой почвы, такъ и воздѣлываемыхъ на ней культурныхъ растеній. Посмотримъ же, какія системы существуютъ у насъ и на сколько онѣ согласуются съ этимъ основнымъ закономъ рациональнаго земледѣлія. Не останавливаясь на исключительномъ хозяйствѣ въ южно-русскихъ степяхъ, гдѣ очень много плодородной земли, а также на такъ-называемомъ лѣдномъ хозяйствѣ сѣверныхъ лѣсистыхъ мѣстностей Россіи, перейдемъ къ тѣмъ двумъ системамъ, которыя захватываютъ собою почти всѣ остальные губерніи. На томъ пространствѣ Россіи, гдѣ почвы еще не совершенно истощены, какъ

напримѣръ, въ среднихъ губерніяхъ, существуетъ *трехпольная система безъ удобренія*. Въ первый годъ сѣютъ рожь или пшеницу, во второй — овесъ или гречу, въ третій годъ поле остается подъ паромъ. Паръ служитъ для отдыха почвы, то-есть многія вещества, находящаяся въ ней въ неудобной для восприниманія растеніями формѣ, за это время принимаютъ путемъ вывѣтриванія болѣе удобную форму. Куда же дѣваются вещества, извлекаемыя растеніями изъ почвы? Зерна, въ которыхъ болѣею частью накапливаются *фосфорно-кислая соли*, поступаютъ въ продажу, и, стало быть, отчуждаются изъ хозяйства. Солома, въ которую главнымъ образомъ переходятъ кремнекислыя или углекислыя щелочи и земли, либо служитъ топливомъ, либо пережигается въ золу, либо, наконецъ, идетъ на кормъ и подстилку скоту. Зола же, или пропадаетъ совершенно бесполезно, или же, если это зола гречишныхъ и подсолнечныхъ стеблей — идетъ на поташные или мыловаренные заводы. То же самое и съ навозомъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, онъ употребляется для удобренія конопляныхъ, свекловичныхъ, табачныхъ и т. п. угодій. Очевидно, что при такомъ хозяйничаньи, возможенъ лишь одинъ результатъ — полнѣйшее разореніе и истощеніе почвы. Столь же мало утѣшительнаго представляютъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, и тѣ мѣстности, въ которыхъ, по причинѣ менѣе благоприятнаго климата и совершеннаго уже истощенія почвы, какъ, напримѣръ, въ сѣверныхъ и отчасти среднихъ губерніяхъ, введена трехпольная система съ удобреніемъ. Но въ чемъ состоитъ это удобреніе? Въ болѣею части хозяйства для удобренія употребляются солома съ полей и сѣно съ луговъ; сѣно для того, чтобы возвратитъ въ почву тѣ составныя части — фосфорно-кислыя соли, которыя отнимаются у нея зерномъ, идущимъ въ продажу. Очевидно, что при такой системѣ луга истощаются въ пользу пахателей, и въ концѣ концовъ придется либо удобрять луга извнѣ, либо, какъ это дѣйствительно и бываетъ, ограничить запашку съ тѣмъ, чтобы лучше удобрять остающуюся часть полей.

Доказавъ такимъ образомъ, что какъ та, такъ и другая система обработки, роковымъ образомъ, одна скорѣе, другая позже, ведутъ къ совершенному истощенію нашихъ полей, профессоръ перебираетъ одно за другимъ всѣ средства, предлагаемыя въ практикѣ для улучшенія почвы и выведенія нашего хозяйства изъ того печальнаго положенія, въ которомъ мы видимъ его теперь. *Глубокое паханіе*, посредствомъ котораго мы выворачиваемъ на верхъ нижніе, менѣе истощенныя почвенныя или подпочвенныя слои, можетъ приносить пользу лишь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ подпочва богата питательными веществами, да и то польза будетъ лишь временная, потому что рано или поздно, если не употреблять рациональнаго удобренія, должно будетъ наступитъ истощеніе и этого слоя. Тамъ же, гдѣ глубокіе слои менѣе обильны питательнымъ матеріаломъ, необходимо *совер-*

шенное разрыхленіе почвы, а для этого требуются болѣе совершенныя орудія, чѣмъ наши. Но и усовершенствованныя орудія требуютъ болѣе сильныхъ рабочихъ лошадей, а такия лошади требуютъ хорошаго корма. Наши же поля и дуга истощены, корму у насъ мало. *Предлагать нашимъ хозяевамъ улучшить ихъ истощенную почву, углубляя пахатный слой, можно только при совершенномъ незнаніи нашихъ хозяйственныхъ условий или непониманіи сущности дѣла.* Справедливость этого заключенія доказывается тѣмъ, что, несмотря на огромныя затраты, сдѣланныя нашими хозяевами на покупку разныхъ орудій, плуговъ, подпочвенниковъ и т. д., всѣ эти орудія стоятъ теперь безъ всякаго употребленія. Что касается искусственнаго разведенія кормовыхъ травъ, давшихъ такіе отличные результаты въ германскомъ хозяйствѣ, то, по мнѣнію почтеннаго профессора, сами по себѣ, безъ совмѣстнаго употребленія искусственныхъ туковъ, онѣ у насъ едва-ли будутъ имѣть успѣхъ. Для того, чтобы посѣяныя травы, напримѣръ, клеверъ, далъ хорошій урожай, необходимо, чтобы онѣ нашли для себя въ почвѣ достаточно питательныхъ веществъ, чтобы разрыхленіемъ почвы предуготовленъ былъ просторъ для ихъ глубоководящихъ корней, а у насъ, между тѣмъ, мы не видимъ ни того, ни другаго. Въ черноземныхъ полосахъ на запущенныхъ поляхъ встрѣчаются только мохъ, трава и кустарникъ, такъ что даже скотъ ихъ обходитъ. Въ черноземной же полосѣ, гдѣ, какъ доказали опыты, травы принимаются хорошо, травосѣяніе можетъ быть выгодно лишь въ томъ случаѣ, когда получающійся кормъ находитъ себѣ сбытъ, напримѣръ, при овцеводствѣ, а всегда ли это бываетъ?

Такимъ образомъ онъ приходитъ къ тому заключенію, что «ни углубленіе почвы, ни травосѣяніе, ни развитіе скотоводства невозможно безъ одновременнаго введенія искусственныхъ удобреній», которыя, по его словамъ, составляютъ «единственное радикальное средство къ исправленію нашихъ истощенныхъ почвъ и приведенію хозяйствъ въ то состояніе, въ которомъ они должны находиться». Въ какихъ же веществахъ всего больше нуждаются наши почвы и какія удобренія должны стоять на первомъ планѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ составляетъ предметъ второй статьи профессора Энгельгардта, которую мы постараемся передать какъ можно короче. Для подробностей мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ Гофманна. Мы уже видѣли, что главный предметъ вывода составляетъ зерно, и что вмѣстѣ съ зернами изъ почвы извлекается наибольшій эквивалентъ фосфорнокислыхъ солей. Кромѣ того, мы знаемъ также, что и не вся солома возвращается обратно въ почву, что часть ея идетъ на топливо, другая часть просто растрачивается непроизводительнымъ образомъ, и что, смотря по растенію, которому она принадлежитъ, солома отнимаетъ изъ почвы кремнекислыя или углекислыя щелочи. На основаніи этого тамъ, гдѣ почва удобряется навозомъ, она должна страдать главнымъ образомъ недостаткомъ *фосфорной*

кислоты, а тамъ, гдѣ вовсе не употребляютъ удобреній, главный недостатокъ будетъ въ *фосфорной кислотѣ и щелочахъ*. Самымъ пригоднымъ матеріаломъ для покрытія потребности въ фосфорной кислотѣ профессоръ признаетъ *кости и ископаемую фосфорнокислую известь*. «Высушенная кость содержитъ около $\frac{2}{3}$ минеральныхъ веществъ и $\frac{1}{3}$ оссеина или хряща. Оссеинъ или хрящъ есть органическое азотистое вещество, содержащее около 17% азота. Минеральная часть кости или зола, остающаяся при ея сжиганіи, состоитъ главнымъ образомъ изъ фосфорнокислой извести, которой въ костяной золѣ содержится до 90%. Изъ этого видно, что фосфорная кислота, которая въ растительномъ мірѣ накопляется въ зернахъ, въ животномъ мірѣ накопляется въ костяхъ. Одинъ пудъ костей содержитъ столько фосфорной кислоты, сколько ея содержится въ 28 пудахъ, или почти 3-хъ четвертяхъ пшеницы. *Каждый пудъ костей поэтому возвращаетъ почти столько фосфорной кислоты, сколько извлекаютъ 3 четверти пшеницы, т.-е. количество пшеницы, достаточное для прокормленія человека въ теченіе одного года*. Въ 1865 г. изъ петербургскаго порта отправлено за границу 570,000 пудъ костей, и за эти кости получено 200,000 р., между тѣмъ въ этихъ костяхъ заключаются условія для производства 1.600,000 четвертей пшеницы, достаточныхъ для прокормленія 570,000 человѣкъ въ теченіе года. Изъ этого видно, что кости представляютъ удобрение, богатое фосфорною кислотою, и именно такое, какое необходимо для нашихъ почвъ, истощенныхъ постояннымъ вывозомъ зерна». Что касается до ископаемой фосфорнокислой извести, то горная порода, ее заключающая, такъ-называемый у насъ *самородъ*, залегаетъ на обширномъ протяженіи отъ рѣки Десны до Волги, и составляетъ постоянный членъ нашей мѣловой формации. Она представляетъ песчаникъ, состоящій изъ кварцеваго песку, связаннаго цементомъ, въ которомъ находится до 65% фосфорно-кислой извести. По составу своему цементъ этотъ очень близокъ къ копролитамъ и апатитамъ, употребляемымъ въ Англіи для приготовленія фосфорнокислыхъ солей для той же цѣли. Для возврата щелочей у насъ пока нѣтъ еще естественныхъ источниковъ, какъ въ другихъ странахъ, и мы должны пока для этой цѣли пользоваться золою, которая, какъ не безызвѣстно многимъ хозяевамъ, въ самомъ дѣлѣ представляетъ отличное удобрение. Надобно только желать, чтобъ въ интересахъ нашего хозяйства поташъ былъ бы замѣненъ въ техническихъ производствахъ содою, что давало бы возможность возвращать почвѣ большую часть щелочей.

Путешествіе по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій Г. Родде, Р. Маака и др. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ольхина, съ 80 рисунками. Изданіе М. О. Вольфа. С.-Петербургъ. 1868.

Книга эта представляетъ экстрактъ изъ различныхъ путешествій, совершенныхъ Мичи, Родде, Маакомъ, Перемьинимъ,

Максимовичемъ и другими. Чтожъ? экстрактъ, такъ экстрактъ. Только напрасно въ составъ его включены такіа спеціи, какъ вояжъ почтеннаго Александра Мичи. Непроизводительнѣе и бездарнѣе и выдумать что-нибудь трудно. А. Мичи жилъ въ значительномъ китайскомъ торговомъ городѣ Шанхаѣ и жилъ, вѣроятно, очень хорошо. Но какъ-то разъ ему привелось прочитати донесеніе о путешествіи изъ С.-Петербурга въ Пекинъ, совершенномъ въ началѣ прошлаго столѣтія однимъ англичаниномъ Джономъ Белемъ съ русскимъ посольствомъ, донесеніе, которое, по его словамъ, написано весьма наивно, но очень увлекательно. Это обстоятельство, но всего больше, по всему вѣроятію, самая наивность описанія сэра Беля, пробудило въ немъ желаніе подражать примѣру своего земляка, и такъ-какъ онъ жилъ уже въ Китаѣ, то ему пришлось предпринять свой вояжъ въ обратномъ направленіи, т. е. пропутешествовать отъ Пекина сухимъ путемъ до С.-Петербурга. Вотъ, такъ сказать, эмбриогенія, исторія возникновенія и развитія путешествія А. Мичи, написанная имъ самымъ. Всѣ остальныя качества и достоинства этого путешествія вполне соотвѣтствуютъ богатымъ задаткамъ его исторіи возникновенія и представляютъ только дальнѣйшее развитіе основнаго тона—наивности. Но наивность эта становится положительно нестерпимой отъ того, что весь разсказъ ведется отъ третьяго лица. Здѣсь А. Мичи купилъ повозку; тамъ, къ величайшему удивленію, Мичи попалъ въ отличную гостинницу; въ такомъ-то городѣ Мичи сходилъ въ баню и послѣ того находился въ хорошемъ расположеніи духа и т. д. и т. д. подобными интересными описаніями иснещрено все его путешествіе. Зачѣмъ издатель нашелъ нужнымъ сдѣлать русскій переводъ этого путешествія, да еще урасить его рисунками (впрочемъ, надо отдать справедливость г-ну Вольфу, рисунки его очень скверны), мы положительно не понимаемъ. Благодаря г-ну Мичи, путешествіе котораго занимаетъ первыя 102 страницы разбираемой книги, ни одинъ читатель, за исключеніемъ, разумѣется, несчастныхъ журнальныхъ рецензентовъ, обязанныхъ откапывать перлы, какъ бы далеко и тщательно они ни были припрятаны, не дочитаетъ книги до конца, и броситъ ее на первыхъ же страницахъ. А это будетъ очень жадко, потому что путешествіе г-на Родде по югу Восточной Сибири, занимающее почти всю остальную часть книги, заслуживаетъ полнаго вниманія. Рѣдде долгое время путешествовалъ по юго-восточной окраинѣ Сибири—первое путешествіе его къ источникамъ Амура совершено въ 1856 г.—изслѣдовалъ восточный Солянъ съ его вершиною Мунку-Сардику, покрытую ледникомъ, Байкальское озеро, Даурскія степи и въ особенности среднюю часть Амура. Какъ очень почтенный естествоиспытатель, онъ обращалъ преимущественное вниманіе на естественныя богатства этихъ странъ, на тамошнія флоры и фауны, и, кромѣ того, собралъ очень много весьма интересныхъ этнографическихъ дан-

ныхъ. Извлеченіе изъ его путешествія, приведенное въ этой книгѣ, сдѣлано очень удачно и толково. Верхняя и нижняя часть Амура описаны по Мааку. Въ началѣ книги находится еще введене, гдѣ почтенный нѣмецкій авторъ ея выражаетъ, по поводу присоединенія Пріамурскаго края, все тѣ же сангвиническія надежды, которыя были въ такомъ ходу у насъ лѣтъ какихъ-нибудь 8-мъ тому назадъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ читателю извѣстно, надежды эти утратили очень много изъ своего розоваго цвѣта, даже въ официальномъ мірѣ, и толки о зарождающейся ввозной торговлѣ, заставляющей трепетать коварный Альбионъ, заглохли безъ слѣда. Sic transit gloria mundi!

Путешествіе въ Южную Америку. И. И. Чуди. С.-Петербургъ. М. О. Вольфъ. 1868.

Путешествіе свое въ Бразилію г. Чуди совершилъ въ 1857 г. Какъ образованный и знающій человекъ, онъ рассказываетъ очень много интереснаго объ этомъ единственномъ монархическомъ государствѣ Америки, которое намъ, русскимъ, почти вовсе неизвѣстно. Главное вниманіе его, какъ можно судить по вышедшей первой части, обращено на политическую и общественную жизнь бразильцевъ, хотя онъ и не отказывается при случаѣ вносить въ свои замѣтки и естественно-историческія наблюденія. Разсказъ ведется у него очень живо, замѣчанія въ болѣе части случаевъ совершенно вѣрны, хотя, надо отдать ему справедливость, не всегда отличаются особенной глубиной. Вообще книга его страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и большинство описаній нѣмецкихъ путешественниковъ. Это стремленіе къ безпристрастію, хотя бы въ ущербъ здравому смыслу, и чисто гроссъ-шлейцскій патриотизмъ. Какъ истинный нѣмецъ, онъ всею душою ненавидитъ la grande nation, и достается же отъ него несчастнымъ французамъ! Всѣ пакости, которыми таки препорядочно изобилуетъ южно-американская имперія, производятся французами, и, наоборотъ, всякое отрадное явленіе, встрѣчавшееся г. Чуди въ его путешествіи, хотя бы, напримѣръ, такое, что хорошо подковали его мула, въ концѣ-концовъ, послѣ тщательныхъ розысканій, оказывается проистекающимъ отъ вліянія нѣмецкой крови или нѣмецкой интеллигенціи. Во многихъ мѣстахъ Бразиліи г. Чуди встрѣтилъ очень хорошихъ, даже знаменитыхъ врачей, но не пользующихся европейской извѣстностью, и для него тотчасъ дѣлается ясно, что причиной этого то, что бразильцы воспитываются по французскимъ учебникамъ или во французскихъ университетахъ. И такъ, по всей книгѣ. Онъ никогда не упуститъ случая, гдѣ бы можно колнуть французовъ (охъ ужъ мнѣ этотъ Рейнъ, хоть бы порѣшили съ нимъ скорѣе, что ли?), такъ что подъ конецъ это начинаетъ уже пріѣдаться. То же самое и съ его безпристрастіемъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о неграхъ. Какъ гуманный человекъ и вообще какъ образованный европеецъ, онъ очень хорошо понимаетъ, что за-

рѣшѣніе цѣлыхъ 2¹/₂ милліоновъ людей нельзя оправдать никакими божественными или человѣческими правами. Онъ и не падитъ невольничество, которое, по его мнѣнію, «независимо отъ ужаснаго дѣйствія на нравственность и печальнаго вліянія на органическое развитіе народа, — обуславливаетъ непрерывную, гибельную борьбу расъ, въ которой дѣлаютъ нападеніе попеременно то рабы, то господа, и погибаютъ то тѣ, то другіе». Но стоитъ ему только коснуться жестокостей негровладѣльцевъ, какъ вы ужъ напередъ знаете, что сейчасъ же начнутся тирады о томъ, что нельзя винить этихъ господъ, потому что негры страшно лѣнивы, злобны, развращены, дѣлаютъ все на выворотъ, такъ что и ангельское терпѣніе съ ними истощится. Знаете же вы это потому, что онъ очень часто прямо хвалится этимъ своимъ безпристрастіемъ и старается выставить его на видъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо говоритъ: «нельзя не посмѣяться надъ европейскими филантропами, которые съ ужасомъ толкуютъ о дурномъ обращеніи съ невольниками, хотя не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нравѣ и свойствахъ негровъ и никогда не видали другихъ невольниковъ, кромѣ представленныхъ на какойнибудь картинѣ, между тѣмъ какъ въ то же время, находясь въ своемъ маленькомъ домашнемъ кружкѣ, требуютъ неизменно многого отъ своей прислуги». А не угодно ли посмотрѣть, до чего иногда рабы бывають доведены поведеніемъ своихъ господъ. «Случается, что рабы для того, чтобы разорить своихъ хозяевъ, рѣшаются на самоубійство. Такое разореніе для помѣщиковъ нерѣдко ужаснѣе внезапной смерти отъ яда или выстрѣла. Рабъ очень хорошо знаетъ, что личность представляетъ значительную сумму денегъ, что безъ его работъ помѣщикъ существовать не можетъ, и что утрата рабочихъ силъ въ конецъ разоритъ его хозяина. Оттого онъ и рѣшается иногда отравить себя и исполняетъ это намѣреніе съ изумительнымъ упорствомъ. Въ 1861 г. въ Ріо де-Жанейро меня посѣтилъ одинъ близко знакомый мнѣ помѣщикъ изъ провинціи Санъ-Пауло. Я разспрашивалъ его о другомъ помѣщикѣ, прекраснаго владѣнія котораго мы вмѣстѣ посѣтили прошедшимъ годомъ. Знакомый мой сообщилъ мнѣ, что этотъ человѣкъ сошелъ съ ума. При дальнѣйшихъ разспросахъ онъ разсказалъ слѣдующее: въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, по утрамъ, къ началу богослуженія, къ церкви прихода, къ которому принадлежало помѣстье, подвѣзала повозка съ 3 — 4 труппами негровъ, сопровождаемая нѣсколькими невольниками. Священникъ, удивляясь, что число умирающихъ въ приходѣ такъ велико, спросилъ, наконецъ, негровъ, не распространена ли между ними оспа или какая другая заразительная болѣзнь. Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ одинъ невольникъ, мы всѣ совершенно здоровы, но, прибавилъ онъ съ коварною улыбкой, сегодня мы привезли вотъ этихъ (указывая на мертвецовъ), а завтра насъ привезутъ другіе. Такъ и было дѣйствительно. На

слѣдующій день на повозкѣ лежали трупы тѣхъ самыхъ рабовъ, которые привезли наканунѣ мертвыхъ товарищей. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не погребли почти всѣхъ невольниковъ помѣстья, всего слишкомъ 80 человекъ... Вотъ какова мѣсть негровъ!» — Воля ваша, а въ виду такихъ фактовъ сохранить свое полное безпристрастіе можетъ только человекъ, нарочито задавшійся этою добродѣтельною задачею. Но этимъ мы нисколько не желаемъ умалить достоинства разбираемой книги. Она представляетъ положительный интересъ, и читатель найдетъ въ ней очень много интереснаго, особенно въ главахъ, гдѣ авторъ останавливается на экономическихъ и общественныхъ явленіяхъ тамошней жизни. Мы сдѣлаемъ еще одну выписку, характеризующую университетскіе нравы въ Бразиліи. Для получения докторскаго диплома установлены тамъ спеціальныя экзамены и диспуты, на которомъ докторантъ защищаетъ большое число спеціальныхъ тезисовъ. По окончаніи диспута онъ долженъ говорить рѣчь, въ которой домогается получения докторскаго званія. Вотъ что гласитъ рѣчь, приведенная Чуди:

«Въ заключеніе имѣю еще сказать вамъ:

«Въ студенчествѣ мои ученическія обязанности и привязанность къ книгамъ были моимъ закономъ.

«Какъ бакалавръ правъ, я держался данной присяги.

«Какъ докторъ правъ, мои просвѣщенные товарищи, я докажу, что не забываю моей новой задачи и сколько возможно еще увеличу любовь къ ученію, чтобы помочь духовной слабости. Вотъ мои рекомендаціи, представляемыя вашему довѣрію пятью моими курсами и дающія мнѣ право на домогательство, съ которымъ обратиться къ вамъ уполномочиваетъ меня законъ. Но прежде того, я обязанъ воздать еще:

«Мое благодареніе Богу, Промысломъ и благостію котораго я прибылъ въ это мѣсто.

«Нѣжнѣйшія выраженія дѣтской любви моимъ родителямъ, коихъ благодарю за воспитаніе, которое доставляетъ мнѣ честь.

«Скорбное слово къ могилѣ сестры моей и моихъ предковъ, покоящихся въ вѣчномъ жилищѣ.

«Все, что живущіе могутъ воздать мертвымъ: благодарность, молитву, надежду на свиданіе въ царствѣ вѣчномъ.

«Изъясненіе душевной дружбы тѣмъ, которые связаны со мною священными узамъ крови.

«Равную благодарность тѣмъ, которые почтили меня своимъ присутствіемъ, отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ общества до моихъ низшихъ друзей.

«Господа доктора! Мнѣ остается только еще просить васъ, чтобы вы мнѣ по силѣ закона дали степень доктора правъ и съ полнымъ довѣріемъ приняли меня въ вашу гремюму».

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МИСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

(SPIRITUAL WIVES. By William Herworth Dixon. In two volumes. London. 1868.)

Статья вторая *.

ПРИНЦЕПТЫ.

I.

Генри-Джемсъ Принсъ родился въ Батѣ, въ 1811 году. О профессіи и общественномъ положеніи его отца Диксонъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. На развитіе мальчика отецъ не могъ имѣть никакого вліянія, потому что умеръ вскорѣ послѣ его рожденія. Вдова мистера Принса осталась въ Батѣ, въ собственномъ домѣ, съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми и съ очень ограниченными денежными средствами.

Ея младшій сынъ, Генри Джемсъ былъ очень слабый и болѣзненный ребѣнокъ. Онъ не любилъ и не могъ играть, бѣгать и рѣзвиться съ своими болѣе вѣрными и веселыми сверстниками. Большую часть своего времени онъ проводилъ подъ покровительствомъ добродушной и благочестивой, уже немолодой дѣвушки, Марты Фриманъ, нанимавшей квартиру въ домѣ его матери.

Марта была католичка, но, повидимому, не находилась въ полной умственной зависимости отъ своего духовника, и позволяла себѣ читать очень прилежно и внимательно библію, которую патеры, какъ извѣстно, считаютъ книгою недоступною и даже въ значительной степени опасною для мірянъ, и въ особенности для женщинъ. Пожилая дѣвушка, отказавшаяся отъ надежды на земное счастье, и болѣзненный ребѣнокъ, естественнымъ образомъ расположенный въ тихой и грустной мечтательности, часто читали вмѣстѣ евангеліе, часто молились вмѣстѣ, оплакивали свои грѣхи, размышляли о будущей жизни, вполнѣ понимали другъ друга, и воспитывали общими силами чувство взаимной привязанности, спокойной и прочной, какъ дружба, глубокой и нѣжной, какъ любовь.

Мистриссъ Принсъ хотѣла, чтобы ея младшій сынъ сдѣлался медикомъ. Шестнадцати лѣтъ отъ роду, Генри поступилъ въ ученики въ аптекарю, и пробылъ въ ученіи около семи лѣтъ

* См. первую статью въ предыдущей книгѣ, отд. 2, стр. 214.

Занимаясь аптекарскимъ дѣломъ, читая медицинскія книги, посѣщая лекціи, работая въ анатомическихъ театрахъ и въ госпиталяхъ, молодой Принсъ велъ постоянно самую чистую и строгую жизнь. Когда ему пришлось переселиться въ Лондонъ для довершенія своего медицинскаго образованія, и для сдачи экзаменовъ, атмосфера столицы и встрѣча съ буйными и разгульными юношами не подѣйствовали на него развращающимъ образомъ. Онъ продолжалъ восторженно любить старую дѣву, усердно молиться и прилежно читать библію.

Выдержавъ экзамены и получивъ лекарскій дипломъ, онъ добылъ себѣ мѣсто ординатора при госпиталѣ въ Батѣ, и въ теченіе трехъ лѣтъ ревностно занимался отправленіемъ своихъ обязанностей, къ которымъ у него однако не лежало сердце, потому что чтеніе библіи и молитва продолжали составлять попрежнему настоящій центръ его душевной жизни. Въ 1835 г., онъ заболѣлъ, поѣхалъ въ Лондонъ совѣтоваться съ медицинскими знаменитостями, выдержалъ мучительную операцію, недѣль пять пролежалъ въ постели, и во время томительно безсонныхъ ночей, при содѣйствіи своей вѣрной пріятельницы Марты, додумался до того убѣжденія, что ему слѣдуетъ бросить медицину, и обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя могутъ сдѣлать его врачомъ и спасителемъ погибающихъ душъ.

Оправившись отъ операціи, Принсъ, по совѣту докторовъ, поѣхалъ въ Шотландію лечиться свѣжимъ горнымъ воздухомъ.

«Грубые жители сѣвера, говоритъ Диксонъ, озадачили добраго молодаго человѣка изъ Бата. Они пили много, богохульствовали громко, дрались крѣпко. Взрослые мужчины любили своихъ ребятишекъ, и колотили своихъ женъ. Немногіе изъ этихъ неотесанныхъ молодцовъ переступали за порогъ церкви; ихъ воскресныя утра уходили преимущественно на драки, которыми разрѣшались ссоры прошлой недѣли. Хозяева были не лучше простыхъ рабочихъ, хотя и предполагалось, что ихъ увеселенія менѣе грубы. Когда Принсъ отправлялся въ церковь, онъ слышалъ среди полей крики охотниковъ. Церковь,— старая рига,— была почти пуста. Вотъ стадо, думалъ Принсъ, которому безотлагательно нуженъ пастырь; и такъ было на сѣверѣ во многихъ мѣстахъ. Принсу сказали, что тутъ народъ ненавидитъ священниковъ; онъ видѣлъ, что эта ненависть дѣйствительно существуетъ, хотя у него передъ глазами возвышались соборныя башни и теологическія школы Дѣргамы; и ему особенно больно было то, что онъ, въ душѣ своей, не могъ объяснить эту ненависть непризнанными достоинствами пасторовъ. Это объясненіе было невозможно» (I, 265).

Убѣдившись въ жалкомъ нравственномъ положеніи стада и пастырей, Принсъ окончательно рѣшился посвятить свою жизнь подвигамъ евангельской проповѣди, и для этого приготовиться къ священническому званію въ Дѣргамской теологической школѣ. Марта, съ которою онъ постоянно совѣтовался, и которая, подѣ

вліянієм его наставленій, перешла изъ католическаго вѣроповѣданія въ англиканское, совершенно одобрила его намѣреніе, и пожелала только, чтобы онъ изучалъ теологію не въ Дѣргамѣ, а гдѣ нибудь поближе отъ Бата. Училище, соотвѣтствовавшее всѣмъ желаніямъ Марты и ея друга, вышло въ Лемпистерѣ, въ Кардиганшейрѣ, одномъ изъ южныхъ графствъ Княжества Уэльскаго.

Лемпистеръ былъ недалеко отъ Бата; воздухъ тамъ былъ здоровый, мѣстоположеніе — живописное; но люди, разумѣется, не удовлетворяли строгимъ требованіямъ Принса. Всѣ ихъ заботы и развлеченія казались благочестивому юношѣ мелочными и суетными. Профессора высматривали, нельзя ли гдѣ нибудь добыть себѣ приращенія доходовъ, или перескочить куда нибудь на болѣе выгодное и блестящее мѣсто; студенты занимались со страстью рыбною ловлею, попойками, гимнастическими упражненіями и пивниками; кто изъ профессоровъ и студентовъ былъ поосновательнѣе и посерьбнѣе, тотъ усердно читалъ книги по своей специальности; но и эти труды не находили себѣ помилванія въ глазахъ Принса. Юный энтузіастъ видѣлъ въ нихъ преимущественно продукты умственной ничливости, несомнѣстной съ истиннымъ благочестіемъ.

Что думалъ и чувствовалъ Принсъ, то онъ и высказывалъ безъ утайки. Его слова не пропадали даромъ. Нѣкоторые изъ его товарищей нашли въ его словахъ краснорѣчивое выраженіе своихъ собственныхъ духовныхъ потребностей, и вокругъ Принса скоро сгруппировалась небольшая кучка вѣрующахъ и благочестивыхъ студентовъ. Они назвали себя лемпистерскими братьями, стали собираться для чтенія священнаго писанія и для общей молитвы, пришли къ тому убѣжденію, что міръ вообще и ихъ училище въ особенности гибнутъ отъ нравственнаго очерствѣнія, и, для спасенія погибающаго человѣчества, рѣшились воспитать въ себѣ постомъ и молитвою, и вынести съ собою изъ стѣнъ училища въ дѣятельную жизнь духъ глубокой, пламенной и неустрашимой религіозности.

Любимою книгою Лемпистерскихъ братьевъ была *Письмътспней* Соломона. Роскошные и ярочувственные образы поддерживали въ нихъ то неопредѣленно-восторженное настроеніе, къ которому они стремились, и въ которомъ они видѣли высшую цѣль человѣческаго существованія. Самому Принсу *Письмътспней* была особенно дорога, потому что его двѣ преобладающія страсти находили себѣ въ ней превосходное выраженіе. Принсъ чувствовалъ себя страстно влюбленнымъ въ Марту Фриманъ, и его любовь была тѣмъ сильнѣе, что Марта по своимъ лѣтамъ годилась ему въ матери, и что, слѣдовательно, Принсу невозможно было занодоврить и отыскать въ своемъ чувствѣ грѣховный элементъ плотскаго влеченія. Съ другой стороны, Принсъ такъ же страстно стремился къ полному духовному совершенству, къ побѣдѣ надъ всѣми человѣческими слабостями и пристрастіями, къ таинствен-

ному сливію съ верховнымъ существомъ. Читая *Письмъ-писней*, вдумываясь въ каждое слово, и стараясь прочувствовать каждый отъѣнокъ, Принсъ могъ понимать образы превосходной лирической поэмы или въ буквальномъ, или въ аллегорическомъ смыслѣ. Если онъ понималъ ихъ буквально, какъ восторженное обращеніе влюбленнаго мужчины къ любимой женщинѣ, то передъ его глазами появлялась скромная, увядшая фигура Марты Фриманъ, и онъ съ гордою улыбкою страстнаго поклонника думалъ о томъ, на сколько духовныя совершенства этой пожилой дѣвушки, положившія свою печать на всѣ черты ея лица, выше, прекраснѣе и прочиѣе тѣхъ скоропреходящихъ прелестей юной восточной красавицы, которая прославляетъ древній поэтъ. Если онъ прибѣгалъ къ аллегорическому истолкованію, то его суровый идеалъ возставалъ передъ нимъ во всей своей величественной красотѣ, и онъ бросался къ нему съ тѣмъ самоабвеніемъ знойной страсти, которыми порождены и проникнуты громадно-преувеличенныя образы азіатской поэмы. Находя передъ собою, при чтеніи любимыхъ строкъ, то Марту Фриманъ, то идеалъ духовнаго совершенства, видя, что въ Мартѣ онъ любитъ именно тѣ черты святости, къ которымъ онъ самъ стремится, и замѣчая такимъ образомъ, что обѣ его страсти, вмѣсто того, чтобы сталкиваться между собою, могутъ только взаимно поддерживать и усиливать другъ друга, — Принсъ скоро довелъ себя до такого состоянія восторженной самонадѣянности, которое близко подходитъ къ помѣшательству, и дѣйствуетъ заразительно-покоряющимъ образомъ на впечатлительныя умы.

Въ первое время послѣ того, какъ Принсъ убѣдился въ силѣ своей любви къ Мартѣ, на него нападали мучительныя сомнѣнія. Онъ задавалъ себѣ вопросы, нѣтъ ли въ этой любви зерна грѣховной слабости, и будетъ ли онъ, Принсъ, въ состояніи побѣдить свое чувство и попруть его ногами, если это чувство когда нибудь и какимъ бы то ни было образомъ придетъ въ столкновеніе съ его обязанностями относительно верховнаго существа, и съ высшими требованіями духовнаго совершенства.

Чѣмъ мучительнѣе были эти тревоги, тѣмъ торжественнѣе и радостнѣе оказалось наступившее за ними успокоеніе. Когда Принсу удалось убѣдить себя, что его единственная земная страсть находится, и всегда будетъ находиться въ строгомъ согласіи съ велѣніями верховнаго существа, тогда Принсъ пришелъ къ тому убѣжденію, что у него нѣтъ страстей, способныхъ привести его къ нравственному паденію, что онъ вообще не можетъ и никогда не будетъ грѣшнить, что человѣческое существо въ немъ умерло, что слианіе его съ божествомъ совершилось, и что въ немъ мыслить, чувствуетъ и дѣйствуетъ святой духъ. Ему удалось убѣдить себя въ томъ, что всѣ мельчайшіе поступки въ его всендневной жизни обуславливаются внушеніями свыше.

«Если — говоритъ Диксонъ — онъ шелъ на прогулку, то онъ

спрашивалъ у Бога, пойдетъ ли дождь. Если ему нуженъ былъ стулъ въ его комнату, онъ спрашивалъ у Духа позволенія купить его. Онъ, безъ предварительной молитвы, не рѣшался надѣть новый сюртукъ, или взять дождевой зонтикъ. Онъ оставилъ привычку судить собственнымъ умомъ даже о самыхъ простыхъ вещахъ, и сталъ слѣдовать тому, что онъ называлъ внушеніями Духа, даже когда они побуждали его дѣйствовать наперекоръ его видимому благу» (I, 274).

Кончивъ курсъ въ лемпистерскомъ училищѣ, Принсъ женился на Мартѣ Фриманъ, и получилъ мѣсто викарія въ Чарлинчѣ, въ Сомерсетшейрѣ. И то и другое было, разумѣется, сдѣлано по внушенію свыше.

Деревня Чарлинчъ лежала въ тихой и плодородной долинѣ, вдали отъ большихъ торговыхъ центровъ и отъ бойкихъ почтовыхъ трактовъ; землевладѣльцы не жили сами въ этой деревнѣ; фермеры и ихъ работники были простыя и грубые люди; церковь была мала, бѣдна и запущена; невѣжественные обыватели рѣдко въ нее заглядывали; они, впрочемъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ и религиозномъ индифферентизмѣ, не были испорчены и развращены. Въ Чарлинчѣ никогда не бывало, и нѣтъ до сихъ поръ ни одного кабака. Во время назначенія Принса, приходскій священникъ (rector) Чарлинча, Семюэль Стерки, былъ очень боленъ, и, по совѣту врачей, жилъ на островѣ Уайтѣ, такъ что всѣ заботы о духовныхъ нуждахъ прихода упали цѣлкомъ на новаго викарія и на его жену.

Принсу, когда онъ пріѣхалъ въ Чарлинчъ, было подѣ тридцать. Его женѣ, Мартѣ, было за пятьдесятъ. Она была уже сѣдая, слабая, болѣзненная старуха. Взаимная любовь обоихъ супруговъ оставалась послѣ брака такою же платоническою, какою она была во все время ихъ многолѣтняго знакомства. Настоящая цѣль ихъ брака состояла въ томъ, чтобы общими силами, словомъ и примѣромъ наставлять ближнихъ на путь къ вѣчной жизни.

Въ теченіе цѣлаго года религиозная пропаганда, веденная Принсомъ и его женою, оставалась безъ замѣтныхъ послѣдствій. Обитатели Чарлинча продолжали игнорировать церковную службу, и заботиться только о земныхъ интересахъ самаго вопіющаго достоинства. Только три человѣка, и то изъ другаго прихода, навѣстили Принса и побесѣдовали съ нимъ о спасеніи души. Между тѣмъ, Марта заболѣла отъ хлопотъ и огорченій, и ея мужъ повезъ ее въ Батъ, по внушенію святаго Духа.

Въ это время Стерки лежалъ при смерти на островѣ Уайтѣ. Доктора отъ него отказались. Сидѣлка сказала ему въ одно утро, что онъ не проживетъ до ночи.

«Въ полдень — рассказывалъ онъ Диксону — мнѣ принесли письмо съ почты изъ Бата отъ одного моего пріятеля пастора. Въ письмѣ лежалъ печатный листокъ, который онъ просилъ, если не будетъ слишкомъ поздно, прочитать мнѣ вслухъ передъ

смертью. То была проповѣдь. Я надеялся, что ея слова были не только полны благодати, но полны Бога. Они упали на мою душу, какъ дождь на сухую почву. Когда чтеніе окончилось, я спросилъ нима проповѣдника. И тутъ только я услышалъ, что это проповѣдь моего собственнаго викарія, Принса. Я поблагодарилъ Бога за то, что онъ послалъ моему стаду такого пастыря. Я чувствовалъ себя очень счастливымъ въ душѣ моей, сказалъ нѣсколько послѣднихъ словъ моей женѣ и дочери, и затѣмъ легъ опять, чтобы отойти въ миръ. Но я не могъ умереть. Пульсъ мой сталъ биться сильнѣе; языкъ мой разрѣшился; сила стала возвращаться къ моимъ членамъ; и, черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого призыва съ смертнаго одра, я былъ въ Чарлингѣ, въ объятіяхъ моего викарія» (I, 240).

Стерки воротился въ Чарлингъ вполне убѣжденный, что его спасли отъ смерти, и призвали на святое дѣло божественныя слова Принса, проникнутыя силою таинственной и чудотворной благодати. Считая свое выздоровленіе великимъ чудомъ, похожимъ на воскрешеніе мертвеца, Стерки сдѣлался вѣрующимъ послѣдователемъ своего викарія. Стерки былъ человѣкъ достаточный, хорошо образованный, уважаемый въ церкви и въ обществѣ. Его фамилія пользовалась давно-упроченнымъ вліяніемъ въ Сомерсетшейрѣ. Черезъ свою мать, онъ находился въ дальнемъ родствѣ со многими перами Соединеннаго Королевства.

При содѣйствіи Стерки, проповѣдь Принса пошла успѣшнѣе, когда онъ, вмѣстѣ съ Мартою, воротился въ Чарлингъ. Сомнѣнія объ участи души стали пробуждаться въ такихъ умахъ, которымъ до того времени были доступны только размышленія о полевыхъ работахъ и о выгодныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Въ короткое время человѣкъ тридцать почувствовали потребность бесѣдовать съ Принсомъ и молиться подъ его руководствомъ. Принсъ назначилъ вечернее молитвенное собраніе по вторникамъ, душеспасительное чтеніе — по пятницамъ, специальное молитвенное собраніе — по воскресеньямъ, утромъ, до начала церковной службы. Черезъ мѣсяць онъ пошелъ дальше, и отвелъ на молитвенные подвиги по одной ночи въ недѣлю; самыя ревностныя изъ его послѣдователей стали собираться съ вечера, и проводить вмѣстѣ всю ночь, занимаясь чтеніемъ молитвъ, пѣніемъ гимновъ, проливаніемъ обильныхъ слезъ и возсыланіемъ къ небу глубокихъ вздоховъ.

Всѣ эти проявленія горячаго религіознаго чувства потрясли такъ сильно еще неоврѣвшіе нервы Стерки, едва оправившагося отъ продолжительной и опасной болѣзни, что онъ на нѣсколько времени потерялъ способность отправлять обязанности своего званія. Въ одно воскресное утро онъ взомель на церковную кафедру съ намѣреніемъ произнести проповѣдь. Вдругъ всѣ его мысли перемѣшались у него въ головѣ, и онъ замѣтилъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ, что онъ не въ состояніи вымолвить ни одного путнаго слова. Слезы полились у него изъ глазъ,

онъ съ рыданіями попросилъ недоумѣвающихъ прихожанъ простить его немощи, и молить вмѣстѣ съ нимъ Всевышняго о ниспосланіи духовнаго свѣта недостойному служителю алтара. Человѣкъ пятьдесятъ вѣрующіхъ пошли вслѣдъ за онѣмѣвшимъ священникомъ изъ церкви къ нему въ домъ, стали тамъ на колѣни и постарались облегчить свои переполненныя души усердными молитвами.

Даръ слова долго не возвращался къ разстроенному пастору. Нѣсколько воскресеній подъ рядъ, Стерки всходилъ по обыкновенію на каедрѣ, раскрывалъ книгу, чувствовалъ въ своей головѣ ту же мучительную неурядицу, и постоявъ нѣсколько минутъ, чтобы окончательно убѣдиться въ своей безсловесности, смиренно и печально отправлялся домой молиться и плавать. Изъ оврастныхъ селъ и городовъ въ Чарлинчъ собирались по воскресеньямъ толпы зѣвакъ поглазѣть на нѣмага проповѣдника, и потолковать, съ шутками и насмѣшками, о его неслыханномъ и необъяснимомъ несчастіи.

Наконецъ, нервы Стерки исподволь приноровились къ тѣмъ сильнымъ ощущеніямъ, которыя ему доставляло вліяніе Принса. Мысли его установились и пришли въ порядокъ. Въ одно воскресенье, стоя на каедрѣ, онъ почувствовалъ, что на него сошелъ свыше духъ молитвы. Онъ бросился на колѣни, и изъ его губъ, къ удивленію прихожанъ и постороннихъ зѣвакъ, полились рѣкой стройныя и трогательныя слова слезной молитвенной импровизаціи. Когда первый пылъ его воодушевленія схлынулъ, онъ поднялся на ноги, громко и внятно прочиталъ текстъ священнаго писанія, и затѣмъ произнесъ такую проповѣдь, которая вѣзчалась неизгладимыми чертами въ умы всѣхъ слушателей. Она, по словамъ Диксона, не отличалась блескомъ и громомъ высокаго человѣческаго краснорѣчія, но была мягка, и печальна, и торжественна, какъ жизнь и смерть; «пронзительна, какъ огонь, тяжела, какъ молотъ, и острѣе обоюдоостраго меча».

Трепетъ благоговѣйнаго страха прошелъ по толпѣ прихожанъ и зѣвакъ. Многіе изъ мужчинъ закрыли лица руками или задумчиво опустили головы. Почти всѣ женщины стали рыдать и взвизгивать.

Железя ковать желѣзо, пока оно было разгорячено неожиданно убѣдительною проповѣдью Стерки, Принсъ сталъ въ своихъ поученіяхъ громить и клеймить равнодушныхъ, маловѣрныхъ и слабыхъ. Онъ называлъ ихъ негодными плеведами, и говорилъ, что ихъ надо отдѣлать отъ пшеницы. Эти поученія внесли тревогу и раздоръ во многія семейства. Большая часть мужей и отцовъ оказались плеведами, и пшеница, составленная изъ фанатизированныхъ женъ и дочерей, стала сомнѣваться въ законности семейной дисциплины, и обнаруживать постоянно возрастающія наклонности къ самоуправленію. Мужья и отцы стали гнѣваться и относиться очень неодобрительно къ тѣмъ вліяніямъ, которыя возмущали подвѣдомственныя имъ державы. Многіе домохозяева

запретили своимъ женамъ, дѣтямъ и слугамъ ходить на утреннія и вечернія молитвенныя собранія. Жены закричали, что уйдутъ изъ дома отъ такого тиранства. Мужья стали боиться, что заколотятъ женъ до смерти за такое дерзкое и явное неповиновеніе. Словомъ, поднялся въ тихой деревнѣ дымъ коромысломъ. Мужья перессорились на смерть съ женами, отцы съ дѣтьми, хозяева съ батраками. Принса, конечно, эти раздоры не могли ни огорчить, ни привести въ смущеніе. У него былъ подъ руками тотъ успокоивающій аргументъ, что онъ, подобно великому учителю, принесъ на землю не миръ, а мечъ. Онъ продолжалъ проповѣдовать, и радовался возрастающему волненію, какъ вѣрному доказательству успѣха.

Слухи о возникающемъ религіозномъ движеніи скоро дошли до свѣдѣнія мѣстнаго епископа, и старому прелату, Джорджу-Генри Ло, вовсе не понравилось то обстоятельство, что подвѣдомственные ему клирики вздумали вносить мечъ въ его епархію. Принсу было послано изъ епископскаго дворца приказаніе замолчать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшіе совѣтники епископа дали Принсу добрый совѣтъ прискаты себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь другомъ графствѣ, и своимъ удаленіемъ успокоить взволнованные умы. Принсъ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтилъ на этотъ совѣтъ, что онъ пришелъ въ Чарлинчъ не по собственной волѣ, а по велѣнію свыше, и что, безъ такого велѣнія, онъ не тронется съ мѣста. Тогда его отрѣшили отъ должности.

II.

Потерявъ свое официальное положеніе въ Чарлинчѣ, Принсъ попробовалъ сначала сдѣлаться независимымъ проповѣдникомъ. Онъ нанялъ себѣ комнату, и объявилъ, что будетъ проповѣдывать тѣмъ, кто пожелаетъ его слушать. Аудиторія его составила на первый разъ изъ нѣсколькихъ фермеровъ. Но Принсъ скоро призналъ удобнымъ измѣнить свой образъ дѣйствій, который неминуемо долженъ былъ привести его къ открытому разрыву съ господствующею церковью. Повинуясь одному изъ тѣхъ велѣній свыше, которыми обусловливались всѣ его поступки, Принсъ принялъ предложенное ему мѣсто священника въ Стокѣ, близъ Гельстида, въ Восточной Англіи.

Обстоятельства складывались такъ, что это внушеніе свыше совпало, повидимому, съ голосомъ практическаго благоразумія. Принсу представлялась возможность дѣйствовать на умы, не прибѣгая еще къ крайнимъ мѣрамъ, то-есть, не разрывая связи съ англиканскою церковью. Друзья и единомышленники Принса, лемпистерскіе братья, продолжавшіе признавать его своимъ вождемъ, одинъ за другимъ получали приходы въ различныхъ мѣстностяхъ въ Англіи. Находясь съ ними въ перепискѣ, Принсъ могъ дѣйствовать съ ними заодно, пока онъ оставался членомъ установленной церкви. Если же онъ захотѣлъ бы сдѣлаться

основателемъ отдѣльной секты, то ему предстояла необходимость или разорвать связи съ этими друзьями и единомышленниками, которыхъ содѣйствіе на различныхъ пунктахъ Англіи могло въ значительной степени усилить успѣхъ религіозной пропаганды, или потянуть за собою въ возникающій расколъ всѣхъ этихъ ревностныхъ сотрудниковъ, которые въ такомъ случаѣ должны были отказаться отъ своихъ приходовъ и уступить свои каедры людямъ совсѣмъ другаго образа мыслей.

Принявъ мѣсто въ Стокѣ, по внушенію свыше или по другимъ, болѣе осозательнымъ соображеніямъ, Принсъ на нѣсколько времени удалилъ необходимость разрыва со всѣми его послѣдствіями. Такъ-какъ назначеніе преемника отставленному Принсу зависѣло отъ Стерки, совершенно подчинившагося вліянію своего бывшаго викарія, то мѣсто въ Чарлингѣ было отдано одному изъ лемптерскихъ братьевъ, Джорджу-Робинсону Томасу.

Въ то время, когда надъ Принсомъ собиралась и разыгрывалась гроза со стороны епископской власти, въ его частной жизни произошла важная перемена. Старая и болѣзненная жена его, Марта, умерла, и Принсъ изумилъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ тою необыкновенною быстротою, съ которою онъ, вслѣдъ за этимъ горестнымъ событіемъ, женился на второй женѣ. Этою второю женою сдѣлалась сестра чарлингскаго пастора, Джулія Стерки.

Диксону случилось говорить съ Семьюэлемъ Стерки объ этомъ второмъ бракѣ Принса. Диксонъ выразилъ своему собесѣднику, что всѣ порядочные люди были изумлены и неприятно поражены тою поспѣшностью, которую обнаружилъ Принсъ.

— Вы не должны судить о поступкахъ Возлюбленнаго (Принса) по обыкновеннымъ правиламъ, отвѣтилъ на это Стерки. — Это было для него большое огорченіе, но онъ не могъ уклониться.

Замѣтивъ улыбку, промелькнувшую на губахъ Диксона, Стерки прибавилъ:

— Вы невѣрно его судите; онъ не могъ поступить иначе, потому что такова была воля Божія.

— Чтобы онъ во второй разъ женился?

— Это было сдѣлано для славы Бога, а не для выгодъ человѣка.

Но Диксонъ думаетъ, что и выгоды человѣка были соблюдены, потому что у самого Принса не было никакого состоянія, а у его второй жены было все-таки восемьдесятъ фунтовъ годоваго дохода.

— Я былъ возлѣ него, продолжалъ Стерки: — во все время этого испытанія. Я видѣлъ, какъ онъ страдалъ тѣломъ и духомъ. Я страдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Я страдалъ также и вмѣстѣ съ его женою, которая была моею сестрою и моею сидѣлкою, моимъ лучшимъ товарищемъ и самымъ дорогимъ другомъ. Никто изъ насъ не могъ этого измѣнить. Ни онъ ни она не подчини-

лись бы добровольно этому жестокому испиталию. Они сдѣлались мужем и женою не по собственному желанію, а просто потому, что такъ угодно было Богу.

Женившись на Джуліи Стерки, Принсъ уѣхалъ съ нею въ Стокъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его переселенія, въ его новомъ приходѣ стало обнаруживаться то самое религиозное волненіе, изъ-за котораго Принсъ принужденъ былъ покинуть свое мѣсто въ Чарлинчѣ. Мѣстный епископъ, докторъ Элленъ, обошелся съ ревностнымъ проповѣдникомъ очень ласково, и попросилъ его вести дѣло религиозной пропаганды потише, такъ, чтобы интересы спасенія христіанскихъ душъ не становились въ слишкомъ явную противоположность съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія. Принсъ, конечно, отнесся къ этимъ благодушнымъ совѣтамъ, продиктованнымъ трусливою и расчетливою свѣтскою мудростію, съ самымъ суровымъ презрѣніемъ. Кончилось тѣмъ, что епископъ Элленъ, при всей мягкости своего характера, послѣдовалъ примѣру епископу Ло. Неугомоннаго проповѣдника, не слушавшаго никакихъ ласковыхъ внушеній, удалили изъ Стока, но ему и здѣсь удалось поставить на свое мѣсто одного изъ лемпистерскихъ братьевъ, Льюиса Прайса.

Новый опытъ, произведенный Принсемъ въ Стокѣ, и окончившійся новымъ столкновеніемъ съ высшими духовными властями, повезла до послѣдней степени очевидно несомвѣстность лемпистерскихъ тенденцій и вообще всякаго слишкомъ восторженнаго и бурнаго благочестія съ консервативнымъ характеромъ и традиціонною осмотрительностью англиканской церкви. Съ разныхъ сторонъ стали получаться извѣстія, способныя служить новыми доказательствами этой несомвѣстности. Семюэлю Стерки, продолжавшему дѣло Принса въ Чарлинчѣ, было запрещено отправлять обязанности священника. За Джорджемъ Томасомъ зорко слѣдили, и надъ нимъ скоплялась та же гроза. Льюисъ Прайсъ ссорился съ своими прихожанами за ихъ закоснѣлость въ грѣхѣ, и шумъ, возбуждаемый его проповѣдами, навлекалъ на него очень неблагоприятное вниманіе высшей духовной власти, дорожившей прежде всего тишиною и спокойствіемъ, хотя бы эти неоцѣненные блага покупались полнымъ невѣжествомъ населенія, и его совершеннымъ равнодушіемъ къ интересамъ религіи.

Члены гонимаго братства съѣхались для совѣщаній, и порѣшили, что Принсъ и Стерки открыто отложатся отъ англиканской церкви и попробуютъ основать самостоятельную секту. Принсъ съ этою цѣлью отправился въ Брайтонъ, а Стерки въ Мелькомбъ-Реджисъ.

Проповѣдуя въ Брайтонѣ, Принсъ въ первый разъ сообщилъ своимъ слушателямъ то извѣстіе, что утѣшитель, обѣщанный міру слишкомъ 18 вѣковъ назадъ, уже явился на землю. На каеодрѣ, имѣя передъ собою толпу профановъ, въ расположеніи и вѣрѣ которыхъ онъ могъ сомнѣваться, Принсъ высказывалъ

это извѣстіе въ таинственной формѣ, прикрывая его загадочными образами и символическими выраженіями. Но въ болѣе конфиденціальныхъ бесѣдахъ съ такими людьми, которыхъ онъ уже признавалъ своими вѣрными послѣдователями, онъ выражался гораздо яснѣе, и прямо указывалъ на самого себя, какъ на воплощеніе общаго утѣшителя.

Черезъ нѣсколько времени, лемпистерскіе братья, подъ предсѣдательствомъ Принса, снова собрались для совѣщаній о релігіозныхъ дѣлахъ. Собраніе постановило цѣлый рядъ резолюцій; Принсъ взялъ къ себѣ въ карманъ ту бумагу, на которой онѣ были написаны, и унесъ ее съ собою. Нѣсколько дней спустя, каждый изъ членовъ собранія получилъ списокъ правилъ, составленныхъ Принсомъ, и значительно отличавшихся отъ принятыхъ резолюцій. Одинъ изъ лемпистерскихъ братьевъ, Рисъ, сошедшійся съ Принсомъ прежде всѣхъ другихъ студентовъ лемпистерской школы, и усердно помогавшій ему въ составленіи братства, возмутился самымъ энергическимъ образомъ противъ той духовной диктатуры, которую явно старался присвоить себѣ его товарищъ. Принсъ попробовалъ зажать Рису ротъ тѣмъ неотразимымъ аргументомъ, что новыя правила, присланныя братьямъ, отъ перваго слова до послѣдняго, продиктованы ему, Принсу, святымъ духомъ.

Этотъ аргументъ не подѣйствовалъ. Рисъ охотно признавалъ превосходство Принса, преклонялся передъ его заслугами, платилъ должную дань уваженія его благочестію, его мужеству, его учености и враспорѣчію, но онъ не могъ видѣть въ немъ божество, признавать каждое его слово за велѣніе свыше, и отречься разъ на всегда отъ всѣхъ правъ собственнаго разума во имя безпрекословнаго повиновенія его верховному авторитету. Уважая и любя Принса, какъ своего стараго друга, Рисъ, бывшій морякъ, человѣкъ прямодушный, откровенный и смѣлый, употребилъ всѣ усилія, чтобы образумить его, и показать ему, къ какому страшному паденію его ведетъ духовная гордость, разыгравшаяся до границъ помѣшательства. Увѣщанія Риса нисколько не поколебали вѣры Принса въ свою божественность. Тогда Рисъ объявилъ торжественно, что онъ прерываетъ сношенія съ своимъ ослѣпленнымъ другомъ и съ его вѣрующими приверженцами.

Изъ разсказа Диксона можно заключить, хотя это нигдѣ не выражено у него совершенно ясно, что только одинъ Рисъ рѣшительно отказался признать Принса воплощеніемъ божества. По крайней мѣрѣ, Диксонъ, кромѣ Риса, не называетъ по имени ни одного изъ этихъ отложившихся членовъ братства. Принсъ, Стерги, Томасъ и Коббъ остались неизмѣнно вѣрными послѣдователями Принса, выслушали безропотно всѣ его самыя размашистыя притязанія, призвали его, слѣдовательно, своимъ божествомъ, и отнеслись съ благочестивымъ ужасомъ къ возстанію Риса.

Принсъ, какъ мы уже видѣли, проповѣдывалъ въ Брайтонѣ. Стерки вербовалъ прозелитовъ въ Уэймаутъ, гдѣ у него былъ нанятъ домъ для благочестивыхъ собраній. Томасъ и Коббъ трудились въ Чарлингѣ, и успѣли устроить тамъ, послѣ удаленія Принса и Стерки, диссидентскую часовню, которая составила опасную конкуренцію приходской церкви. Всѣ эти соединенныя усилія могли бы положить основаніе могущественной сектѣ, но Принсу вдругъ заблагоразсудилось дать религиозному движенію такой поворотъ, при которомъ дальнѣйшая пропаганда сдѣлалась невозможною.

Изъ Брайтона Принсъ переѣхалъ въ Уэймаутъ, основалъ въ томъ домѣ, который нанималъ его зять, Стерки, такъ-называемое *жилище любви*, и проанесъ въ одной городской тавернѣ рядъ проповѣдей, въ которыхъ развернулъ безъ утайки всю свою доктрину. Онъ объявилъ своимъ слушателямъ, что второе пришествіе Спасителя близко, что погибелъ всего существующаго скоро наступитъ, что пришло время отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, что спасутся только тѣ немногіе избранные, которые увѣровали въ него, Принса, какъ воплощеніе святаго духа, что всѣ остальные люди, многіе миллионы людей, сдѣлаются добычею неугасимаго огня, что день милосердія и прощенія прошелъ, что день суда и мести насталъ, и что та дверь, которая была отворена для немногихъ избранныхъ, теперь закрылась на всегда, такъ-какъ всѣ избранные уже прошли черезъ нее въ царство вѣчной жизни и безконечнаго блаженства.

Принсъ самъ говорилъ Диксону, что у него, въ тотъ день, когда онъ такимъ образомъ торжественно заперъ двери своего святилища, было всѣхъ послѣдователей обоюго пола и всякаго возраста около пятьсотъ человѣкъ.

Въ жилищѣ любви, основанномъ въ Уэймаутѣ, жили далеко не всѣ пятьсотъ послѣдователей, которыхъ насчитываетъ Принсъ. По всей вѣроятности, цифра пятьсотъ стоитъ гораздо выше дѣйствительной цифры. Кромѣ того, скромный домъ, нанятый Самюэлемъ Стерки, былъ слишкомъ малъ не только для пятисотъ, но даже и для пятидесяти человѣкъ. Далѣе, среди толпы избранныхъ, которые всѣ считались святыми, выдѣлялись особенно избранные, люди близкіе къ Принсу, сановники его маленькаго теократическаго государства. Этихъ сановниковъ было немного, и жилище любви было основано именно для нихъ и для ихъ божественнаго повелителя. Въ этомъ жилищѣ братья и сестры жили подъ одною кровлею, ведя цѣломудренную жизнь, служа Господу, и ожидая со дня на день его пришествія.

Уэймаутское жилище любви не удовлетворяло требованіямъ Принса и его придворныхъ. Оно было тѣсно, бѣдно, неудобно и во всѣхъ отношеніяхъ недостойно того сверхъестественнаго лица, которое въ немъ помѣщалось. Большой домъ, въ родѣ замка, тѣнистый садъ и роскошное номѣстье были необходимы для благодатнаго спокойствія Утѣшителя и его святыхъ послѣдо-

вателей. Томасъ и Коббъ стали расхваливать мѣстоположеніе деревни Спакстонъ, находящейся недалеко отъ Чарлнча. Тамъ было много холодныхъ ключей и прозрачныхъ ручьевъ. Холмы были покрыты густыми рощами каштановъ, дубовъ и сосенъ. Поля въ изобиліи рождали хлѣбъ. Лѣса были переполнены дичью. Жители были простодушны и миролюбивы. Ближайшій городъ, Бриджватеръ, лежитъ отъ этой деревни на разстояніи четырехъ миль, и дорога, пролегающая между городомъ и деревней, трудная, гористая, запущенная, такая, по которой никому нѣтъ охоты ѣздить безъ особенной надобности, и по которой никуда дальше Спакстона нельзя проѣхать. Словомъ, всѣ требемыя условія были даны, чтобы сдѣлать изъ окрестностей Спакстона самое удобное мѣсто для основанія тихаго и очаровательнаго убѣжища, въ которомъ самыя смѣлыя эксцентричности могли развѣтываться свободно, не опасаясь ни вмѣшательства нескромной гласности, ни грубыхъ выходовъ со стороны сосѣдей, ни докучливаго любопытства праздныхъ туристовъ.

Но ни у Принса, ни у его приверженцевъ не было земли въ окрестностяхъ Спакстона, а грѣшники, которымъ эта земля принадлежала, были привязаны къ своей собственности, и вовсе не расположены предлагать ее въ даръ Утѣшителю и его святымъ. Землю можно было только купить, и притомъ за очень хорошія деньги. Поэтому, прежде всего надо было собрать какъ можно больше денегъ.

Направляясь къ этой цѣли, Принсъ и другіе проповѣдники стали внушать своимъ послѣдователямъ, что, въ виду приближающейся катастрофы, вѣрующіе и святые должны отречься отъ частной собственности, пренебречь всѣми тлѣнными земными благами, продать все свое имущество, и сложить вырученные деньги въ общее казначеище, чтобы стяжать себѣ такимъ образомъ неистощимыя сокровища въ открывшемся царствѣ благодати и вѣчной жизни. Подъ вліаніемъ этихъ поученій, въ радахъ вѣрующихъ обнаружилось движеніе, повидимому совершенно несвойственное нашему расчетливому и корыстолюбивому вѣву. Ремесленники стали продавать свои рабочіе инструменты, лавочники свой закупленный товаръ, крестьяне свои участки земли. У кого не было никакого имущества, тотъ жертвовалъ корзину яицъ, горшокъ молока или возъ соломы. Деньги стали такимъ образомъ стекаться въ руки Принса каплями и тоненькими ручейками. Вѣрующимъ нечего было заботиться о будущемъ. Становясь вѣрующимъ и святымъ, человекъ отказывался навсегда отъ семейной жизни и отъ всѣхъ родственныхъ связей. Съ той минуты, какъ онъ вступалъ въ церковь Принса, для него не существовало ни отца, ни матери, ни жены, ни дѣтей. Всѣ его единовѣрцы, всѣ святые, спасенные вмѣстѣ съ нимъ, были его братьями и сестрами, и всѣхъ ихъ онъ обязанъ былъ любить одинаково во имя той всепоглощающей любви, которую онъ долженъ былъ чувствовать къ Утѣшителю, составляю-

шему живую и видимую связь между всѣми вѣрующими. Чувственная любовь не допускалась въ церкви Принса. Мужъ и жена, вступаая въ эту церковь, должны были сдѣлаться другъ для друга братомъ и сестрой. Рожденію дѣтей не было мѣста въ обществѣ святыхъ.

Послѣ испорченія семейныхъ инстинктовъ, вѣрующему оставалась только забота о собственномъ пропитаніи, но и эта забота съ него снималась, когда онъ, продавъ все имущество, со включеніемъ рабочихъ инструментовъ, совершенно безсильный и беспомощный, весь цѣликомъ отдавался утѣшителю. Тогда онъ получалъ мѣсто за общимъ братскимъ столомъ, и ѣлъ и пилъ со всѣми остальными святыми, упоая на Бога и не заботясь о завтрашнемъ днѣ.

Надо, впрочемъ, сознаться, что здѣсь, въ разказѣ Диксона, чувствуется въ значительной степени недостатокъ подробностей. Въ умѣ читателя, сколько-нибудь внимательнаго, возникаютъ вопросы, на которые книга не даетъ отвѣтовъ. Спрашивается, всѣ ли вѣрующіе, отдавшіе Принсу все свое состояніе, получали право, до конца своей жизни, ѣсть и пить за братскимъ столомъ? Повидимому, тутъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: да, всѣ. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, кто же согласится, даже въ виду приближающагося свѣтопреставленія, обречь себя на голодную смерть ради благосостоянія такой общины, которая не пускаетъ его въ свою среду, и даже просто отказываетъ въ кускѣ хлѣба ему, человѣку, добровольно обобравшему и разорившему самого себя? Но съ другой стороны, Принсу было чрезвычайно невыгодно принимать на свои хлѣба, на неопредѣленно-долгое время, такихъ людей, которые, отдавая ему все свое состояніе и обнаруживая самую пламенную и несокрушимую вѣру въ его божественность, могли, при всемъ величій своего самоотверженія, принести ему въ даръ только цѣну своихъ подержанныхъ рабочихъ инструментовъ, или съѣстныхъ припасовъ, закупленныхъ для мелочной лавочки. Это было до такой степени невыгодно, что Принсъ, вмѣсто того, чтобы набрать денегъ для приобрѣтенія помѣстья, рисковалъ разорить и пустить по міру такимъ кормленіемъ всѣхъ своихъ сколько-нибудь состоятельныхъ приверженцевъ. Какимъ образомъ онъ выпутывался изъ этого затруднительнаго положенія, случались ли столкновенія между его министерствомъ финансовъ и такими немущими и смышленными вѣрующими, которые были не прочь за корзину яицъ или за бутылку молока купить себѣ готовый столъ и возможность сидѣть сложа руки до конца жизни, и чѣмъ разрѣшались подобныя столкновенія — этого мы отъ Диксона не узнаемъ, хотя разъясненіе этихъ сомнительныхъ пунктовъ въ высшей степени важно для характеристики Принса и его друзей и для опредѣленія той степени искренности, которую они вносили въ свою дѣятельность.

«Принсъ—говоритъ Диксонъ—сдѣлался общимъ банкиромъ и

повѣреннымъ всѣмъ свѣтымъ, которыхъ онъ боится. Когда ему требовались деньги, онъ посылалъ за ними. «Сестра Дженъ—писала онъ—господу нужно пятьдесятъ фунтовъ. Аминь», и сестра Дженъ посылала ему свой кошелекъ или чеку. Нѣсколько большихъ и много малыхъ суммъ было внесено въ эту сокровищницу бога. Стерки положили тысячу фунтовъ. Джудия, вторая изъ пожилыхъ духовныхъ женъ Принса, предоставила Агницу свой годовой доходъ въ восемьдесятъ фунтовъ. Готемъ Меберъ и четыре его сестры вложили вмѣстѣ не менѣе десяти тысячь фунтовъ. Меберъ былъ, само собою разумѣется, однимъ изъ главныхъ свидѣтелей за Принса, и теперь онъ—ангелъ седьмой печати». (I, 302).

Читатель видитъ изъ этой цитаты, что показанія Диксона чрезвычайно сбивчивы. Если сестра Дженъ могла посылать Принсу по пятидесяти фунтовъ, когда Принсъ нуждался въ деньгахъ, то значитъ, сестра Дженъ удержала за собою свою частную собственность, и только въ случаѣ надобности, дѣлала добровольныя пожертвованія. Если Стерки, котораго Диксонъ называетъ очень состоятельнымъ человѣкомъ, внесъ въ общую кассу только тысячу фунтовъ, то значитъ даже Стерки, ближайшій другъ Принса, не пожертвовалъ всего своего имущества на общее дѣло. Слѣдовательно, отреченіе отъ частной собственности не вмѣнялось вѣрующему въ непремѣнную обязанность, а только ставилось ему въ заслугу, когда онъ на него рѣшался въ порывѣ восторженнаго усердія.

Сдержанность и осмотрительность Стерки составляютъ не всѣмъ понятный и совершенно не разъясненный контрастъ съ тѣмъ воодушевленіемъ, подъ вліяніемъ котораго ремесленники продавали свои рабочіе инструменты, и лавочники—свой запасъ товаровъ.

Добровольныя пожертвованія не могли доставить Принсу сумму денегъ, достаточную для покупки приличнаго помѣстья. Для наполненія кассы понадобились новыя и экстраординарныя внушенія свыше.

Когда Принсъ былъ викаріемъ въ Стокѣ, онъ познакомился съ однимъ богатымъ старымъ купцомъ, жившимъ по сосѣдству. У этого старика, котораго звали Джозіасъ Ноттиджъ, было пять незамужнихъ дочерей. Младшей изъ этихъ дѣвицъ было около сорока лѣтъ. Всѣ эти дѣвицы увлеклись проповѣдями Принса, и увѣровали въ него, между тѣмъ, какъ ихъ родители, напротивъ того, отнеслись къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, и даже не захотѣли принимать его у себя въ домѣ. Старый Ноттиджъ умеръ въ то время, когда Принсъ, уже потерявъ свое мѣсто въ Стокѣ, и отложившись отъ англиканской церкви, проповѣдывалъ въ Брайтонѣ. Каждая изъ пяти дочерей получила на свою долю послѣ смерти отца по шести тысячь фунтовъ. Три изъ этихъ пяти сестеръ: Гарриетъ, Агнеса и Клара поѣхали въ Брайтонъ, и поселились возлѣ той часовни, гдѣ проповѣдывалъ Принсъ. Когда

утѣшитель переѣхалъ въ Уэймаутъ, сестры Ноттиджъ отправились вслѣдъ за нимъ. Въ Уэймаутѣ Принсъ собралъ святыхъ и объявилъ имъ свое намѣреніе ѣхать въ Спакстонъ, и основать тамъ жилище любви. Повинуясь Принсу, святые вмѣстѣ съ нимъ тронулись въ путь, и дѣвцы Ноттиджъ конечно не отстали отъ утѣшителя. Денежныя средства для великаго дѣла еще не были собраны въ достаточномъ количествѣ, но именно во время путешествія Принсу пришла въ голову новая мысль, при содѣйствіи которой построеніе жилища оказалось возможнымъ.

Однажды утромъ въ городѣ Тантонѣ, гдѣ святые остановились отдохнуть на нѣсколько дней, Принсъ потребовалъ къ себѣ старшую миссъ Ноттиджъ, Гарриетъ, и въ присутствіи своей жены, Семуэля Стерки и его супруга, объявилъ ей, что для исполненія воли Божіей, она, Гарриетъ, должна выдти замужъ за Льюиса Прайса. Гарриетъ, краснѣя, согласилась, и Принсъ благосклонно закончилъ аудіенцію, приказавъ до поры до времени держать все сказанное и рѣшнное въ строжайшей тайнѣ.

Вслѣдъ затѣмъ Принсъ послалъ за другою сестрою, Агнесою, и сказалъ ей:

— Агнеса, Богъ посылаетъ вамъ особое благословеніе; но прежде, чѣмъ я вамъ скажу, въ чемъ оно состоитъ, вы должны дать мнѣ слово, что окажете повиновеніе Господу, и примете его даръ. Агнеса сначала замаялась, но потомъ дала требуемое общаніе.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Принсъ: — вы черезъ нѣсколько дней будете соединены узами брака съ братомъ Томасомъ.

Агнеса застыдилась и стала просить объ отсрочкѣ, говоря, что надо будетъ посоветоваться съ родственниками и сдѣлать различныя предварительныя распоряженія.

— Ничего этого не нужно, возразилъ Принсъ: — вамъ въ этомъ дѣлѣ надо думать не о мірѣ, а о Богѣ.

— А мать моя? отпрашивалась Агнеса.

— Богъ вашъ отецъ и ваша мать, вразумлялъ ее Принсъ.

— Нужно время на переговоры съ юристами, продолжала Агнеса.

— На что вамъ юристы, милая? спросила мистриссъ Стерки.

— Надо же упрочить положеніе дѣтей, отвѣтила дѣвица, совсѣмъ раскраснѣвшись.

— Дѣтей у васъ не будетъ, порѣшилъ Принсъ. — Вашъ бракъ съ вашимъ братомъ будетъ духовнымъ союзомъ. Ваша любовь къ вашему супругу будетъ чиста, и согласна съ волею Господа.

Весь запасъ возраженій оказался истощеннымъ, и Агнеса поворилась.

Въ тотъ же день Принсъ пригласилъ обѣихъ просватанныхъ сестеръ къ себѣ обѣдать; у него за столомъ онѣ встрѣтились съ Прайсомъ и Томасомъ, и тутъ же произошла помолвка. Два дня спустя, третья сестра Клара согласилась выдти замужъ за Кобба.

Принсъ не далъ невѣстамъ никакой отсрочки, и не позволилъ имъ ни съѣздить домой, ни повидаться и посовѣтоваться съ кѣмъ либо изъ старыхъ друзей семейства, ни даже написать къ матери о предстоящихъ событіяхъ. Онъ увезъ ихъ въ Уэльсъ, ссылаясь по обыкновенію на волю верховнаго существа, и отпраздновалъ всѣ три свадьбы въ одинъ день, въ городѣ Суенси.

Нѣсколько дней спустя, все имущество Гарриетъ и Клары, двѣнадцать тысячъ фунтовъ, было передано Прайсомъ и Коббомъ въ руки Принса, и Принсъ немедленно купилъ красивый домъ, большой садъ и хорошее помѣстье для новаго *жилища любви*.

Агнеса была умнѣе, смѣлѣе и настойчивѣе своихъ сестеръ. Ей удалось спасти свои деньги отъ конфискаціи, ради которой были устроены три неожиданныя свадьбы.

III.

Мистриссъ Агнеса Томасъ не хотѣла быть вѣрноподданною Принса, и оградивъ отъ него свои деньги, начала даже стараться о томъ, чтобы отвлечь отъ него своего мужа. Она убѣдила Томаса уѣхать съ нею изъ Уэймаута, гдѣ жилъ Принсъ съ своими святыми, дожидаясь окончанія строительныхъ работъ, предпринятыхъ въ Спакстонскомъ помѣстьѣ. Принсъ сразу отнесся недовѣрчиво къ отсутствію Томаса. «Братъ Томасъ, написалъ онъ къ нему, я приказываю вамъ встать и явиться въ Уэймаутъ. Аминь». Подчиняясь вліянію своей жены, которую онъ повидимому любилъ, несмотря на ея немолодые лѣта, Томасъ повиновался Принсу не тотчасъ, а сначала проѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ своей матери. Однако, благоговѣйная привязанность его къ утѣшителю скоро одержала верхъ надъ всѣми противоположными побужденіями, и Томасъ проѣхалъ въ Уэймаутъ также съ женою, которая, вѣдется, слѣдовала за нимъ неохотно въ такое мѣсто, гдѣ она за свою умственную гордость и строптивость должна была предвидѣть себѣ строгіе выговоры и крупныя неприятели. Агнесу тотчасъ послѣ ея пріѣзда обвинили въ преступномъ намѣреніи разлучить мужа съ Принсомъ. Святые обоего пола, Стерри, Прайсъ, Коббъ и ихъ жены стали единогласно порицать ея поведеніе. Родныя сестры напали на нее еще сильнѣе всѣхъ остальныхъ присутствующихъ. Принцъ сказалъ ей: «если вы осмѣлитесь внустать вашему супругу, чтобы онъ дѣйствовалъ наперекоръ моимъ приказаніямъ, то Богъ сокрушитъ васъ и сброситъ прочь съ дороги».

— Агнеса, закончилъ Томасъ:— я приказываю вамъ на будущее время повиноваться духу Божию, котораго велѣнія возвѣщаютъ мнѣ служителемъ Господа.

Вся эта сцена огорчила Агнесу, но не смирила ея. Узнавъ, что святые стараются привлечь въ *жилище любви* ея младшую сестру Луизу, она сѣла писать къ ней письмо, въ которомъ совѣтовала ей не поддаваться. Это начатое письмо нашли въ ея

комнатѣ, и представили Принсу, который, разумѣется, не могъ въ своемъ теократическомъ государствѣ допускать уваженіе къ тайнамъ частной корреспонденціи. Агнесѣ еще разъ сдѣлали сильную сцену, и ея мужъ, котораго обыкновенно заставляли въ подобныхъ случаяхъ играть въ отношеніи къ ней роль палача, объявилъ ей съ приличною торжественностью, что она больше не войдетъ въ свой брачный покой, что ей отведена пустая комната, и что ея новое возмущеніе противъ служителя Господа погубило ее окончательно и безвозвратно.

Вскорѣ послѣ того святые мужскаго пола уѣхали съ Принсомъ въ Спакстонъ, гдѣ строительныя работы быстро подвигались къ окончанію. Въ Спакстонѣ Принсъ получилъ странное и неожиданное извѣстіе, которое набросило густую тѣнь на добродѣтельную твердость брата Томаса. Принса увѣдомили, что Агнеса, почтенная сорокалѣтняя дама, беременна. Утѣшитель пришелъ въ ярость. «Это, кричалъ онъ, отъ грѣха. Она нарушила вѣрность, она пала; ее надо исключить и прогнать».

Трудно себѣ представить, чтобы беременность сорокалѣтней Агнесы, любившей своего мужа ревнивою и неосмотрительною любовью, могла дѣйствительно быть результатомъ невѣрности. Гораздо правдоподобнѣе и проще то предположеніе, что ея слабый и безхарактерный мужъ, поддавшись на первыхъ порахъ ея вліянію, согрѣшилъ противъ тѣхъ заповѣдей Принса, по которымъ его бракъ долженъ былъ оставаться духовнымъ союзомъ, а потомъ, снова подчинившись Принсу, выдалъ свою жену головой, и сдѣлалъ ее жертвою оскорбительныхъ подозрѣній, чтобы этимъ подвигомъ изыскать оправданія самаго себя, или, по крайней-мѣрѣ, вымолить себѣ прощеніе.

Изъ Спакстона Томасъ послалъ своей женѣ приказаніе немедленно укладываться и ѣхать вонъ изъ Уэймаута. Агнеса уже больше не видалась съ своимъ мужемъ; она пріютилась въ домѣ своей матери, и тамъ родила сына. Когда мальчику минуло четыре года, Стерки попробовали увезти его у матери. Значитъ ясно, что сами принсеиты признавали его сыномъ Томаса, и не считали Агнесу виновною въ невѣрности. Агнеса не уступила имъ своего ребѣнка, и завела изъ-за него процессъ. Судъ рѣшилъ дѣло въ ея пользу, такъ что мальчикъ остался въ ея рукахъ.

Младшая миссъ Ноттиджъ, Луиза, которой Агнеса хотѣла послать предостереженіе изъ Уэймаута, чувствовала постоянно возрастающее влеченіе къ кружку Принса, и, желая ближе ознакомиться съ жизнью и нравами святыхъ, пріѣхала погостить въ ихъ Спакстонское помѣстье. Ея родственники, знавшіе хорошо, куда пошли деньги Гарриетъ и Клары, сдѣлали отчаянное усиліе въ пользу Луизы и ея шести тысячъ фунтовъ. Трое джентльменовъ, всѣ трое родственники миссъ Ноттиджъ, сѣли въ карету, пріѣхали въ Спакстонъ, ворвались въ домъ святыхъ черезъ черный ходъ, внезапно вошли въ комнату Луизы, и пригласили ее

ѣхать съ ними къ ея матери, которая, по ихъ словамъ, была опасно больна. Луиза отказалась ѣхать. Тогда она схватили ее и потащили за собою насильно. Она стала кричать и барахтаться, но никого изъ мужчинъ по близости не случилось, и родственники увезли ее, несмотря на ея вопли и отчаянное сопротивленіе. По дорогѣ, похитители говорили, что везутъ помѣшанную, и всѣ встрѣчавшіеся имъ люди совершенно удовлетворялись этимъ объясненіемъ, и выслушавъ его, не обращали болѣе никакого вниманія на мольбы, жалобы, стоны и бѣшенныя порывы увозимой жертвы. Доѣхавъ до Лондона, джентльмены пристроили свою родственницу въ домъ умалишенныхъ, и Луиза высиживала тамъ въ заперти полтора года. Въ Спакстонѣ никто не зналъ, куда ее дѣвали; легко можетъ быть, что она умерла бы въ сумасшедшемъ домѣ, къ полному удовольствію троицъ джентльменовъ, считавшихъ себя ея ближайшими наслѣдниками, еслибы ей не удалось случайно обмануть сторожей и вырваться на свободу. Очутившись за дверями своей тюрьмы, она немедленно повидалась съ Коббомъ, и собралась ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ *жилище любви*, но на платформѣ желѣзной дороги ее узналъ, захватилъ въ плѣнъ и увезъ назадъ въ сумасшедшій домъ одинъ изъ тамошнихъ смотрителей.

Коббъ подалъ прошеніе въ то вѣдомство, отъ котораго зависитъ свидѣтельствованіе сумасшедшихъ. Луизу освидѣтельствовали, признали здоровою, и выпустили на волю. Она тотчасъ поѣхала въ Спакстонъ, передала Принсу въ полную собственность все свое имущество, съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ формальностей, поселилась въ *жилище любви*, и прожила тамъ спокойно и счастливо до самой своей смерти.

Разсматривая поступки Принса въ отношеніи къ дѣвѣцамъ Ноттиджъ, и сопоставляя ту конечную цѣль, къ которой онъ стремился, съ тѣми средствами, которыя онъ пускалъ въ ходъ, читатель, по всей вѣроятности, уже давно пришелъ къ тому заключенію, что Принсъ просто ловкій и дерзкій шарлатанъ, увлекающій легковѣрныхъ и впечатлительныхъ мужчинъ и женщинъ потогами туманнаго краснорѣчія, котораго безсодержательность превосходно извѣстна ему, Принсу, и которое все клонится исключительно къ тому, чтобы ораторъ могъ спокойно и безбѣдно прожить жизнь насчетъ обманутыхъ, ослѣпленныхъ и нагло-обобранныхъ жертвъ. Такое заключеніе очень соблазнительно по своей простотѣ. Оно представляется прежде всякихъ другихъ толкованій, когда человѣкъ, смѣло и безпристрастно добивающійся истины, какова бы она ни была, приступаетъ къ изученію того разряда явленій, къ которому относится дѣятельность Принса. Къ этому простому заключенію приходили и на немъ останавливались всѣ французскіе философы прошлаго столѣтія, когда они старались отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ возникали и упрочивали свое господство надъ человѣческими умами религіозныя ученія далекаго прошедшаго. Недостаточ-

ность этого взгляда и невозможность объяснить удачнымъ поповскимъ обманомъ великія религиозныя движенія, потрясавшія цѣлыя части свѣта, теперь уже не подвергаются сомнѣнію.

Всякій человѣкъ, имѣющій сколько нибудь здравыя понятія о всемірной исторіи и о ея двигательныхъ силахъ, знаетъ очень хорошо, что ни Будда, ни Магометъ, ни Лойола, ни Лютеръ, ни Кальвинъ, ни другіе основатели и преобразователи религій никогда не были мелкими обманщиками, эксплуатирующими легковѣріе своихъ послѣдователей. Но чѣмъ ближе къ намъ стоятъ дѣятели, относящійся къ той же категоріи, чѣмъ отчетливѣе мы можемъ разсмотрѣть границы его вліянія, чѣмъ менѣе его образъ теряется въ туманѣ прошедшаго, чѣмъ новѣе и буржуазнѣе покрой его платья, чѣмъ яснѣе мы различаемъ на этомъ платьѣ пятна и прорѣхи, за уничтоженіе которыхъ надо платить известное количество хорошо известныхъ намъ монетъ, чѣмъ короче мы можемъ познакомиться съ обѣдами и завтраками дѣятеля, и съ цѣною каждаго блюда, появлявшагося на его столѣ, тѣмъ труднѣе намъ подавить въ себѣ то подозрѣніе, лестное для нашихъ собственныхъ человѣческихъ слабостей, что поступками дѣятеля управляли не идеи, въ вѣрности которыхъ онъ былъ чистосердечно и глубоко убѣжденъ, а именно пятна, которыя надо было выводить, прорѣхи, которыя слѣдовало зашивать, говядина, телятина и горошекъ, за которыми необходимо было посылать на рынокъ.

Въ отношеніи къ Принсу отъ такого подозрѣнія почти невозможно воздержаться. Многимъ читателямъ будетъ даже очень трудно предохранить себя отъ того, чтобы это подозрѣніе не разрослось въ совершенную увѣренность. Въ самомъ дѣлѣ, факты повидимому ясны, какъ день. Чего хотѣлъ Принсъ? Хотѣлъ купить себѣ домъ съ садомъ и помѣстьемъ. А чтб онъ для этого сдѣлалъ? Обморочилъ трехъ старыхъ дѣвъ, и выманилъ у нихъ все ихъ состояніе. Кажется, просто и понятно. Гдѣ же тутъ остается мѣсто для сомнѣній?

Можно ли, однако, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить, чтобы человѣкъ, желающій купить себѣ домъ, и готовый для этого пустить въ ходъ всякія средства, честныя и безчестныя, лишь бы только они были дѣйствительны, составилъ себѣ слѣдующій планъ: пойду я въ такой-то залъ, зазову туда толпу слушателей, скажу имъ высокими и туманнымъ слогомъ, что я Богъ, увѣрю ихъ, что мнѣ непременно надо жить въ большомъ домѣ съ садомъ, и попрошу у нихъ денегъ. Они мнѣ сейчасъ повѣрятъ, и дадутъ денегъ, и дадутъ не по шиллингу съ человѣка, а дадутъ по нѣскольгу тысячъ фунтовъ, такъ что я сдѣлаюсь богатнымъ человѣкомъ, и куплю себѣ домъ, садъ и помѣстье.

Такой планъ немислимъ, и немислимъ именно со стороны ловаго шарлатана. Такой планъ такъ очевидно, такъ отчаянно нелѣпъ, такую прямою дорогою ведетъ своего автора въ домъ умалишенныхъ, и представляетъ такъ ужасно мало шансовъ

успѣха, что его не можеть придумать, и на немъ не можеть серьёзно остановиться ни на минуту тотъ умный и смѣлый фокусникъ, которому счастливыя дарованія и крѣпкіе нервы давали бы возможность разыграть блистательнымъ образомъ, въ присутствіи многочисленной аудиторіи, трудную роль вдохновеннаго пророка. Кто можеть выполнить этотъ планъ, тотъ не можеть его задумать. Значить, то, что сдѣлалъ Принсъ, можеть сдѣлаться только само собою, только тогда, когда всемъ радѣ поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, и вытекающихъ одинъ изъ другаго, нѣтъ ничего задуманнаго, разсчитаннаго и предусмотрѣннаго.

Здѣсь надо также обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Принсъ дѣйствовалъ на своихъ слушателей исключительно силою проповѣди и тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое производила вся его личность. Онъ не дѣлалъ никакихъ чудесъ, не распускалъ никакихъ слуховъ о сдѣланныхъ чудесахъ, и не подстроивалъ никакихъ сценическихъ эффектовъ. Онъ говорилъ просто: вѣрьте мнѣ, потому что вы должны мнѣ вѣрить; вѣрьте мнѣ, потому что я сдѣлался Богомъ; если повѣрите, будете спасены; если не повѣрите, погибнете. Онъ вызывалъ на бой невѣріе и насмѣшку, не имѣя въ рукахъ, для борьбы съ ними, никакого спеціальнаго оружія, никакого изумительнаго фокуса, ничего, кромѣ своего собственнаго упорнаго, глубокаго и дикаго убѣжденія. Шарлатаны такъ не дѣлають.

Если Принсъ не шарлатанъ, то къ какому же разряду людей слѣдуетъ его отнести?

Прежде, чѣмъ я попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, я попрошу читателя припомнить, какъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего времени, одинъ изъ самыхъ сильныхъ, обширныхъ, глубокихъ и обработанныхъ умовъ нынѣшняго столѣтія, медленно, шагъ за шагомъ, безъ рѣзкихъ скачковъ и внезапныхъ поворотовъ, пришелъ къ тому, что провозгласилъ себя первосвященникомъ человѣчества, придумалъ цѣлый рядъ религиозныхъ празднествъ, молитвъ и обрядовъ, сталъ разсылать къ своимъ друзьямъ и знакомымъ, вмѣсто писемъ и записокъ, повелительные бреве, и даже написалъ къ императору Николаю I письмо, въ которомъ приглашалъ его обратиться къ новой религіи и содѣйствовать ея распространенію. Когда творецъ положительной философіи, Огюстъ Контъ, предавался этимъ занятіямъ, онъ принималъ денежные подарки и пенсіи отъ знакомыхъ и незнакомыхъ людей, преклонявшихся передъ его прежними великими трудами; онъ находилъ совершенно естественнымъ, чтобы въ его пользу составляли подписки; онъ даже настоятельно требовалъ таковыхъ подписокъ, и публично, торжественно, печатно благодарилъ жертвователей, какъ людей хорошо исполнившихъ свою обязанность.

Въ виду этихъ странныхъ и печальныхъ фактовъ, которые очень легко могутъ быть разсказаны игриво-насмѣшливымъ или

презрительнымъ тономъ, ни одному благоразумному человѣку не придетъ однако въ голову великая и дрянная мысль предположить въ Огюстѣ Контѣ побужденія шарлатана, желающаго пожить сложа руки на счетъ обмороченныхъ простаковъ. Контъ оставался постоянно глубоко-искреннимъ человѣкомъ; онъ постоянно хотѣлъ служить и служилъ только своей идеѣ; онъ не примѣшивалъ совнательно къ этому служенію никакихъ мелкихъ своекорыстныхъ видовъ и расчетовъ. Люба свою идею, онъ измѣрялъ самого себя тѣми услугами, которыя онъ ей оказалъ; при этомъ способѣ измѣренія онъ находилъ совершенно справедливо, что сдѣлалъ много великаго и прекраснаго; сохранивъ величіе и красоту своихъ умственныхъ подвиговъ съ совершенно естественною и законною гордостью, упиваясь нѣсколько лѣтъ подъ радъ этимъ обаятельнымъ сохраниемъ, онъ дошелъ шагъ за шагомъ, постепенно и незамѣтно, до самаго простодушнаго и добросовѣстнаго обоготворенія собственной личности. Слово *обоготвореніе* надо тутъ понимать не въ переносномъ, не въ приблизительномъ, а въ самомъ точномъ и строгомъ буквальномъ смыслѣ. Контъ совершенно упустилъ изъ виду то соображеніе, что онъ можетъ ошибаться, что его мысли могутъ быть предположеніями, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, что его проекты могутъ оказаться неисполнимыми, или что ихъ исполненіе можетъ принести человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы. Контъ, конечно, не отдавая себѣ яснаго отчета, приписалъ себѣ мудрость, благость и всемогущество, три важнѣйшіе атрибута верховнаго существа. Все, что онъ думалъ, было, по его мнѣнію, безусловно истинно. Все, что онъ рѣшалъ, было справедливо, хорошо и полезно. Все, что онъ говорилъ или писалъ, должно было, въ силу своей абсолютной разумности, сдѣлаться, для блага человѣчества, общепринятымъ и общеобязательнымъ закономъ. Еслибы все это было дѣйствительно такъ, какъ воображалъ себѣ Контъ, еслибы онъ дѣйствительно былъ не только основателемъ положительной философіи, но и существомъ абсолютно мудрымъ, благимъ и всемогущимъ, или, другими словами, если бы люди его времени могли признать его такимъ существомъ, то ни его первосвященничество, ни его письмо къ императору Николаю, ни пенсія и денежные подарки никому не стали бы казаться ни странными, ни предосудительными. Допустивъ только законность обоготворенія, мы допускаемъ законность всѣхъ остальныхъ своеобразностей его поведенія. Точно также признавъ искренность этого обоготворенія, мы признаемъ искренность всѣхъ затѣй, которыя изъ него вытекли, какъ бы на были эти затѣи похожи съ первого взгляда на мелкія продѣлки шарлатана, эксплуатирующаго довѣрчивость ближнихъ.

Контъ и Принсъ, конечно, совершенно не похожи другъ на друга. Первый — великій мыслитель, одно изъ свѣтилъ человѣчества; второй — жалкій и вредный мечтатель, способный только

увеличить своею дѣятельностью массу гибельныхъ человѣческихъ заблужденій. Однако же, при всемъ крайнемъ несходствѣ этихъ двухъ личностей, къ нимъ можетъ и должна быть приложена одна и та же мѣрка съ той стороны, съ которой я разсматриваю ихъ теперь. Если Контъ могъ дойти до искренняго обоготворенія собственной личности, и до всѣхъ нелѣпостей, вытекающихъ изъ этого основнаго абсурда, то для Принса этотъ искренній переходъ въ мѣръ вопіющей бессмыслицы представлялъ еще гораздо меньше затрудненій. Контъ, воспитанный съ ранней молодости въ строгой инокѣ положительной науки, былъ расположенъ къ трезвому взгляду на мѣръ и на самого себя; онъ зналъ границы человѣческаго ума; онъ чуть не на каждой страницѣ своей положительной философіи напоминаетъ читателю о крайней слабости нашихъ познавательныхъ способностей; у него, стало быть, въ рукахъ и подъ руками было все, что можетъ предохранить человѣка отъ уродливыхъ крайностей самообожанія; и однакоже, это все не помѣшало ему упиться до самозабвенія умственнымъ величіемъ собственной личности, и растерять, во время опьяненія, все, что составляло собою это умственное величіе.

Принсъ, напротивъ того, всѣмъ своимъ воспитаніемъ былъ какъ будто нарочно подготовленъ ко всевозможнымъ заблужденіямъ. Онъ съ ранняго дѣтства мечталъ и сантиментальничалъ съ старою замолившеюся и зачитавшеюся дѣвою. Онъ прикоснулся къ положительной наукѣ, или точнѣе къ ремеслу, основанному на положительной наукѣ,—какъ разъ на столько, на сколько это было нужно, чтобы дать ему почувствовать непригодность его ума къ научнымъ занятіямъ, и чтобы дать ему поводъ относиться съ высокоумѣрнымъ и сострадательнымъ презрѣніемъ къ положительному знанію, какъ къ такому дѣлу, котораго тщету и неудовлетворительность онъ достаточно извѣдалъ. Онъ сошелся съ кучкою молодыхъ мечтателей, и сталъ вмѣстѣ съ ними горячить свое воображеніе *Письмю тѣсней* и твореніями старыхъ нѣмецкихъ мистиковъ. Онъ пропиталъ себя до мозга костей такимъ міросозерпаніемъ, которое не знаетъ границъ человѣческимъ силамъ, не имѣетъ понятія о неизблѣмыхъ естественныхъ законахъ, и признаетъ за человѣкомъ способность возвыситься чистотою жизни и помысловъ до безконечнаго совершенства. Онъ распаталъ всю свою нервную систему порывами платонической страсти къ старухѣ, такой страсти, для которой не могло быть нормальнаго исхода, и которая одна, сама по себѣ, способна была довести здороваго человѣка до изступленія и до помѣшательства. Наконецъ, онъ выступилъ на такое поприще, гдѣ ему, чтобы дѣйствовать на воображеніе окружающихъ людей, надо было постоянно сочинять яркія картины, то-есть, постоянно работать воображеніемъ, постоянно поддерживать и развивать въ себѣ состояніе восторженнаго опьяненія.

Чтобы увѣрять въ самаго себя, кака въ Бога, Контъ надо

было дѣйствительно совершить въ области мысли много великаго, и у Конта, при его образованіи, была въ руках неизмѣнная мѣра для оцѣнки и измѣренія своихъ собственныхъ умственныхъ подвиговъ. Контъ могъ подвергать самаго себя справедливой и даже строгой критикѣ. Принсъ, напротивъ того, не могъ требовать отъ своей дѣятельности никакихъ осязательныхъ плодовъ. Ея плоды должны были созрѣвать не на землѣ, а на небѣ. О достоинствѣ этихъ плодовъ не могли судить ослѣпленные грѣшники. Чтò, по ихъ мнѣнію, было безуміемъ, то могло оказаться въ лучшемъ мірѣ чистѣйшею мудростью. Чтò въ ихъ глазахъ было безнравственностью, въ томъ существа болѣе разумныя могли увидѣть задатки и проявленія высшей добродѣтели. Самая существенная, самая основная и важная часть дѣятельности Принса состояла въ томъ, чтобы расположить извѣстнымъ образомъ отношенія своего сознанія и своей воли къ своимъ собственнымъ инстинктамъ, влеченіямъ и страстямъ. Это была работа внутренней ломки и перестройки, работа, по самой сущности своей, недопускавшая никакой провѣрки, работа, за которую никто не могъ слѣдить со стороны. Хорошъ ли, вѣренъ ли, разуменъ ли тотъ планъ, по которому Принсъ хотѣлъ расположить эти отношенія — объ этомъ никто не могъ судить, и въ этомъ вопросѣ Принсъ не призналъ бы компетентнымъ судьей никого, кромѣ своей собственной совѣсти. Успѣшно ли подвигается внутренняя работа, насколько близко она подвинулась къ цѣли, насколько подробности выполненія соответствуютъ рисунку составленнаго плана — это опять такіе вопросы, которые могъ и долженъ былъ рѣшать безапелляционно самъ Принсъ, и одинъ Принсъ, безъ всякихъ ассистентовъ и присяжныхъ. Но это еще не все. По мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ эта внутренняя работа, самъ Принсъ все больше долженъ былъ утрачивать способность контролировать ее, то-есть сличать спокойно то, чтò предположено было сдѣлать, съ тѣмъ, чтò дѣйствительно сдѣлано. Внутренняя работа состояла въ насильственномъ искорененіи, пораженіи и извращеніи естественныхъ наклонностей и стремленій. Но въ человѣческомъ организмѣ всѣ отправления такъ тѣсно связаны и переплетены между собою, что такія энергическія операціи, произведенныя надъ естественными инстинктами и влеченіями, не могутъ остаться безъ сильнаго вліянія на ту способность, которая направляетъ и контролируетъ эти операціи.

Умственные способности Принса, на которыя Принсъ вовсе не хотѣлъ дѣйствовать, должны были искажаться и вырождаться вмѣстѣ съ тѣми инстинктами, которые онъ старался переработать. Искаженный и ослабленный умъ не могъ постоянно имѣть въ виду одинъ неизблемый идеалъ, и во имя этого идеала произносить ясно и отчетливо мотивированный приговоръ надъ производящеюся внутреннею работою. Отчетливость и сознательность во взглядѣ Принса на эту работу, отъ успѣха которой

зависѣло его мнѣніе о собственной личности, скоро должны были сдѣлаться невозможными. Ясное сужденіе о томъ, хорошо или дурно, быстро или медленно подвигается впередъ эта работа, скоро должно было уступить мѣсто смутному, непосредственному ощущенію ея успѣшности или неуспѣшности, ощущенію, зависѣвшему отъ того, на сколько Принсъ чувствовалъ себя утомленнымъ, измученнымъ и изломаннымъ. Это чувство усталости, измученности и изломанности Принсъ ставилъ себѣ въ заслугу. «Я — говорилъ онъ самодовольно, описывая свое превращеніе въ божество—умираю ежедневно. Моя внутренняя жизнь подвергается постепенному разрушенію». Когда это чувство дошло до своего *максимума*, когда организмъ ослабѣлъ на столько, что пересталъ обнаруживать какія бы то ни было энергическія влеченія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, притупленный умъ потерялъ способность анализировать душевныя движенія и отрывать въ нихъ неистребимое зерно эгоизма, свойственнаго всему живому — тогда самодовольство Принса разрослось до такихъ размѣровъ, что онъ съ полнымъ убѣжденіемъ провозгласилъ себя божествомъ.

Тутъ произошелъ крутой поворотъ въ отношеніяхъ Принса въ своимъ инстинктамъ и влеченіямъ. То, чтó, раньше превращенія, было достойно самаго строгаго осужденія и самаго неумолимаго преслѣдованія — то, послѣ совершившагося превращенія, сдѣлалось предметомъ благоговѣйнаго культа. Пока Принсъ былъ человѣкомъ, онъ боролся съ самимъ собою; когда же онъ сдѣлался богомъ, тогда онъ, разъ навсегда помирившись съ собственною личностью, сталъ заботливо лелѣять и развивать въ себѣ неистребимыя остатки тѣхъ самыхъ человѣческихъ слабостей и влеченій, которыхъ долговременное и систематическое подавленіе дало ему возможность возвыситься до сознанія своей божественности. Еслибы, оставаясь человѣкомъ, Принсъ почувствовалъ бы влеченіе къ хорошо-мѣблированнымъ комнатамъ большаго дома и къ тѣнистымъ аллеямъ обширнаго сада, то онъ завязалъ бы съ этимъ влеченіемъ упорную, истребительную войну. Но когда, сдѣлавшись богомъ, Принсъ почувствовалъ, что роскошная мѣбель, большія комнаты, живописное мѣстоположеніе, хорошій столъ могутъ доставить ему пріятныя ощущенія, тогда онъ, съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти, потянулся ко всѣмъ этимъ земнымъ удобствамъ, и, безъ всякихъ нравственныхъ колебаній, воспользовался тѣми средствами, которыя находились у него подъ руками, и могли привести его къ цѣли.

Поселившись въ роскошномъ *жилищѣ любви*, избавившись навсегда отъ догучливыхъ матеріальныхъ заботъ, оградивъ себя отъ изнурительной борьбы съ самимъ собою установившимся сознаніемъ своей божественности, Принсъ, подъ вліяніемъ сытой, спокойной и правильной жизни, поздоровѣлъ, окрѣпъ и привелъ въ порядокъ свою первную систему, такъ что, наконецъ, по-

чувствовалъ и для себя возможность той грубой чувственной любви, которую онъ отрицалъ, проклиналъ и преслѣдовалъ во время своего стремленія къ сверхъестественному совершенству, и во время своего увлеченія старою дѣвою, Мартою Фриманъ. Продолжая несокрушимо вѣровать въ свою божественность, Принсъ, разумѣется, отнесся къ этому пробужденію чувственности спокойно, почтительно и нѣжно, какъ онъ, со времени своего апофеоза, относился ко всѣмъ своимъ желаніямъ и влеченіямъ. Разъ, какъ въ немъ проявилась чувственность, значитъ, она хороша, чиста и свята, значить, ей должно быть отведено почетное мѣсто въ новомъ, слагающемся благодатномъ порядкѣ міра, значитъ, надо оправданіемъ и освященіемъ чувственности дополнить и завершить откровеніе, данное святымъ обитателямъ спакстонскаго жилища.

Принсъ рѣшилъ, что восемнадцать столѣтій тому назадъ, дѣло дьявола было уничтожено въ духѣ, и что теперь наступило время убить его господство надъ тѣломъ. Эта новая и послѣдняя фаза искупленія должна была совершиться путемъ особаго таинственнаго акта, въ спакстонскомъ жилищѣ любви.

Этотъ таинственный актъ и его торжественное совершеніе говорятъ особенно громко и выразительно, какъ мы сейчасъ увидимъ ниже, въ пользу моего взгляда на личность и дѣятельность Принса. Придумать и совершить такое дикое, скандальное и ни на что не нужное дѣло могъ только фанатикъ, думчавшійся до помѣшательства и заразившій своею мономанією всѣхъ окружающихъ, а ужъ никакъ не искусный, дерзкій и корыстолюбивый шарлатанъ.

Въ числѣ святыхъ, переселившихся вмѣстѣ съ Принсомъ изъ Уэймаута въ Спакстонъ, была одна молодая вдова, мистриссъ Патерсонъ, съ дочерью, очень хорошенькою дѣвочкою, уже на возрастѣ. Вскорѣ послѣ переселенія, мать умерла, а дѣвочка осталась въ жилищѣ любви, круглою сиротою и общею любимцею. Она выросла, сформировалась, и красота ея развернулась во всемъ своемъ блескѣ.

Въ это время, когда миссъ Патерсонъ была уже цвѣтушею красавицею, Принсъ особенно живо сталъ чувствовать недостаточность прежняго откровенія и безотлагательную необходимость произвести окончательное и торжественное примиреніе тѣла съ божествомъ. Принсъ объявилъ братьямъ и сестрамъ, что приблизилось время великихъ событій, что онъ, по волѣ Бога, долженъ скоро сдѣлать дѣву своею женою, какъ женихъ вступаетъ въ бракъ съ невѣстою, не въ страхъ и въ стыдъ, не въ тайномъ мѣстѣ и при затворенныхъ дверяхъ, а открыто, при полуденномъ свѣтѣ, въ присутствіи всѣхъ святыхъ мужскаго и женскаго пола, не совѣтуясь о своемъ выборѣ ни съ кѣмъ, кромѣ самаго себя, и не спрашиваясь ничьего согласія, всего менѣе согласія той, которая окажется избранницею.

Братья и сестры выслушали Принса въ благоговѣйнымъ недо-

умѣннѣ, и стали ожидать общанннхъ великихъ событій, не составляя себѣ еще о нихъ никакого опредѣленнаго понятія. Наступило, какъ говорила Диксону сестра Эллень, очень нѣжное и торжественное время. Святые читали, молились и пѣли; никто не зналъ, кому достанется великій санъ мистической невѣсты. Всѣ дѣвн, находившіяся въ жилищѣ любви, молодня и старня, красивня и некрасивня, держали себя въ трепетной готовности, не зная ни дня, ни часа, когда придетъ желанный женихъ.

Наконецъ, Принсъ назначилъ день для таинственной церемоніи. Братья и сестры собрались изъ своихъ отдѣльныхъ комнатъ въ роскошный залъ, считавшійся ихъ церковью. Принсъ произнесъ имъ вдохновенную рѣчь о предстоящемъ искупленіи тѣла, съ которымъ духъ долженъ примириться и сочетаться торжественнымъ бракомъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ миссъ Патерсонъ, взялъ ее за руку, далъ ей брачный поцалуй, и объявилъ, что его связь съ нею будетъ знаменіемъ любви Бога къ тѣлу.

Далѣе произошло то, чему трудно найти подобіе въ длинной лѣтописи человѣческихъ заблужденій, нечлѣпостей, увлеченій и безумій. Принсъ сдѣлалъ миссъ Патерсонъ своею женою, тутъ же, на мѣстѣ, среди бѣлаго дня, въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ мужчинъ и женщинъ, продолжавшихъ умиляться и благоговѣть. Въ числѣ присутствовавшихъ и благоговѣвшихъ находились жена Принса и ея братъ Стерки. Ихъ вѣра нисколько не поколебалась. Героиня торжества, *новая Мадонна*, какъ называетъ ее Диксонъ, кротко и безропотно покорилась своей неслыханной участи.

Нѣкоторые изъ свидѣтелей церемоніи смутились однако и почувствовали сомнѣнія. Въ жилищѣ любви послышались возгласы ужаса и негодованія. Начались толки, грозившіе повести за собою отпаденіе смущенныхъ и усомнившихся адептовъ. Эти толки усилились въ особенности тогда, когда Мадонна Патерсонъ забеременила, какъ самая обыкновенная женщина, и родила въ должное время дочь. Рожденіе ребенка оказалось для Принса громовымъ ударомъ. Оно доказало ему, что законы природы не отмѣнены и не приостановлены для святыхъ обитателей спакстонскаго жилища. Оно на минуту колыхнуло всѣ его теоріи о томъ, что его тѣлесная жизнь окончена, и что въ немъ живетъ и дѣйствуетъ божество. Пораженный неумолимымъ дѣйствіемъ естественнаго закона, онъ нѣсколько времени не зналъ, что думать о самомъ себѣ и о своей дѣятельности, которая шагъ за шагомъ привела его изъ лепитерской теологической школы въ спакстонское жилище любви. Ему, воплощенію божества, было невыносимо горько и тяжело, какъ простому смертному, принужденному въ раздумьѣ и въ тревогѣ, со стыдомъ и съ досадою, созерцать результаты надѣланныхъ ошибокъ.

«Вы бы стали плакать за него кровавыми слезами, говорила сестра Эллень Диксону, если бы вы видѣли, какъ сильно онъ

страдалъ. Онъ страдаетъ такъ глубоко, и еще принужденъ нести бремя за насъ всѣхъ».

Но Принсъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы ему было возможно, подъ вліаніемъ какихъ бы то ни было испытаній, повернуть назадъ, отречься отъ своего прошедшаго и предать проклятію свои обаятельныя заблужденія, изъ которыхъ была составлена вся его внутренняя жизнь. Въ томъ мірѣ туманныхъ и произвольныхъ гаданій, въ которомъ виталъ умъ Принса, человѣкъ, при нѣкоторой гибкости и наметанности ума и воображенія, можетъ доказать себѣ все, что только ему желательно, и подобрать для какихъ бы то ни было осязательныхъ фактовъ самое удовлетворительное и пріятное объясненіе. Ребенокъ Мадонны Патерсонъ не могъ оказаться непреодолимымъ препятствіемъ, гибельнымъ для всего теологическаго эшафодажа, построеннаго Принсомъ. Достаточно потерзавшись сомнѣніями и тревогами, Принсъ, къ полному удовольствію своихъ святыхъ, рѣшилъ, что все это огорченіе, посѣтившее его обитель, было его послѣднею битвою съ дьяволомъ, и что несчастный ребенокъ, родившійся такъ некстати, былъ послѣднимъ прощальнымъ даромъ побѣжденнаго и низложеннаго врага.

Впрочемъ, не всѣ святые остались довольны случившимся. Нѣкоторые братья отпали отъ Принса, и удалились изъ жилища любви. Особенно чувствительно было удаленіе Льюиса Прайса, который увезъ съ собою свою жену Гарриетъ, урожденную Ноттиджъ, и ея шесть тысячъ фунтовъ.

Переживъ эти волненія и раздоры, Принсъ сдвинулъ тѣснѣе ряды своей духовной арміи, и произвелъ своихъ непоколебимо вѣрующихъ сподвижниковъ въ тѣ высокія чины, которые на всю вѣчность должны были оставаться ихъ неотъемлемымъ достояніемъ въ новомъ небѣ и на новой землѣ. Томасъ и Стерки были провозглашены первымъ и вторымъ помазанниками. Маберъ—Ангеломъ Послѣдней Трубы. Семь святыхъ, которыхъ имена перечислять бесполезно, названы семью свидѣтелями, вѣщающими послѣ звука седьмой трубы.

Всѣ эти сановники спакстонскаго неба вступили немедленно въ отправленіе своихъ обязанностей. Помазанники прочитали дожину поученій о тайнахъ семи звѣздъ и семи свѣтильниковъ. Маберъ затрубилъ въ свою трубу и произнесъ слѣдующую декларацию:

«Я объявляю, что Богъ призвалъ брата Принса къ славію Иисуса Христа на землѣ; и что тайну Господа составляетъ здѣсь оживленіе его смертнаго тѣла святымъ духомъ, какъ печать и вершина выполненія евангелія въ немъ; я объявляю также, что Иисусъ Христосъ призналъ дѣло своего собственнаго духа въ братѣ Принсѣ, когда онъ принялъ тѣло и пострадалъ чистый за нечистаго, поднавъ его, человѣка, котораго имя *Витъ*, одесную своей славы и давъ ему духъ славы».

Что понялъ изъ своей деклараціи самъ Ангелъ Послѣдней

Трубы и что поняли изъ нея его благоговѣющіе слушатели, — об' этомъ у Диксона свѣдѣній не имѣется.

Послѣ Мабера каждый изъ семи свидѣтелей проговорилъ въ свою очередь:

«Я свидѣтель, что въ познаніи Иисуса Христа, какъ Сына человѣческаго, завлчается полное искупленіе духа, души и тѣла отъ проклятія паденія: и чтобы вы могли знать эту тайну бо-жю, которая, въ другіе вѣка, при другихъ завѣтахъ, не была извѣстна сынамъ человѣческимъ, какъ она теперь возвѣщена въ братѣ Принсѣ, я посылаю вамъ это откровеніе о человѣкѣ Хри-стѣ Иисусѣ, какъ о воплощенномъ словѣ, какъ оно было дано мнѣ».

Когда эта фраза прозвучала въ жилищѣ любви въ седьмой и въ послѣдній разъ, тогда святые почислили всѣ дѣла свои благополучно оконченными, и стали жить со дня на день безъ за-ботъ, безъ дѣятельности, безъ желаній и опасеній, безъ горя и радости, безъ цѣли и безъ плана.

— Что вы дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ прозвучали эти трубы и были произнесены эти свидѣтельства? спросилъ Диксонъ у Семюэля Стерки.

— Не много, отвѣтилъ онъ, по крайней мѣрѣ, не много та-кого, что вы признали бы работой. Въ 62 году мы сдѣлали наше послѣднее воззваніе; мы послали, черезъ иностранныя по-сольства, письмо, каждое на ихъ собственномъ языкѣ, къ ца-рямъ и народамъ земли, объявляя всѣмъ людямъ, что тѣло спа-сено отъ смерти. Если люди не хотятъ насъ слушать, что-жъ намъ дѣлать?

— Вы учите?

— Нѣтъ.

— Проповѣдуете?

— Нѣтъ.

— Пишете?

— Нѣтъ.

— Читаете?

— Мало.

— Хозяиничаете?

— Нѣтъ.

— Кормите бѣдныхъ?

— Нѣтъ.

— Высылаете миссіи?

— Нѣтъ.

— Какъ вы проводите время?

— У насъ нѣтъ времени.

— Вы встаете на разсвѣтѣ, вы ложитесь спать, когда стем-нѣетъ. Какъ вы употребляете промежутки?

— Мы ѣдимъ и пьемъ, мы развѣждаемъ, мы сравниваемъ наши испытанія, мы переписываемся съ нашими братьями.

— Много у васъ братьевъ, которые принадлежать къ вашему обществу, но не живутъ въ Жилищѣ?

— Да, много. Иные въ Уэймаутѣ, иные въ Брайтонѣ, кое-кто въ Сеффольгѣ и въ другихъ мѣстахъ; благочестивыя женщины и проповѣдники въ церкви: всего, быть можетъ, сотенъ шесть, многіе изъ духовнаго званія; но многіе связаны съ нами по духу, хотя и не носятъ нашего имени.

— Они живутъ по вашему?

— Да. Такъ дѣлаютъ истинно призванные. Они живутъ, какъ дѣвы; любовь дьявола выброшена вонъ изъ нихъ силою Бога.

— Вы не ищете другой дѣятельности?

— Мы выжидаемъ Бога. Не намъ торопить его шаги. Въ его урочное время, конецъ придетъ.

И это все? спрашиваетъ Диксонъ, приведя этотъ разговоръ съ однимъ изъ помазанниковъ. Какой урокъ для гордости благочестія и учености! Дюжина пылкихъ влириковъ, одержимыхъ страстью спасать души, способныхъ поражать силою и убѣждать ласковою мягкостью краснорѣчія, выдержавъ нѣсколько столкновеній съ міромъ, убѣгаютъ съ своихъ постовъ, запираются въ саду, фантазируютъ и мечтаютъ, окружаютъ себя прелестными жѣнщинами, кушаютъ роскошные обѣды, утверждая, что страсти умерли, и ожидая, среди нѣги и праздности, что весь міръ подвергнется вѣчному проклятію!

И это все?

Нѣтъ. Это не все. Въ ожиданіи этого приговора, достопочтенные джентльмены поигрываютъ на билліардѣ въ томъ мѣстѣ, которое прежде было ихъ церковью» (I, 331).

IV.

Диксонъ побывалъ въ жилищѣ любви очень недавно, уже послѣ своего возвращенія изъ Америки, отъ мормоновъ и шекеровъ, то-есть, или въ 1866, или въ 1867 году. Онъ видѣлъ самъ, своими умными, пытливыми и внимательными глазами, всѣхъ главныхъ актеровъ и декораціи тѣхъ странныхъ сценъ, которая были разсказаны на предыдущихъ страницахъ. Сообщаемыя имъ подробности, списанныя съ натуры, составляютъ, быть можетъ, самую яркую и занимательную часть его книги. Этими подробностями я и закончу теперь мою статью.

Въ живописной долинѣ лежитъ прихотливо разбросанная группа строеній; церковь съ недодѣланнымъ шпигелемъ; садъ, густо усаженный развѣсистыми деревьями и цвѣтущими кустами; оранжерея, переполненная растеніями; обширный лугъ, перерѣзанный извилистыми тропинками; рядъ красивыхъ домиковъ на дорогѣ; другой рядъ въ саду; высокая ворота возлѣ церкви; путаница строеній впереди и позади; фермы, амбары, скотные дворы, всѣ багровые отъ вьющихся осеннихъ растеній. Въ такомъ видѣ

представлялась Диксону *Агамемне* (греческое названіе жилища любви) съ ближайшаго холма, черезъ который пролегла ведущая туда дорога. Когда Диксонъ вѣхалъ въ открытыя ворота, къ нему вышелъ на встрѣчу изъ дома первый помазанникъ Томасъ, черезъ котораго Принсъ далъ Диксону письменное разрѣшеніе посѣтить его обитель. Томасъ — человѣкъ уже не молодой, высокаго роста, хорошо сложенъ; лицо у него умное; глаза голубые, задумчивые; одѣвается и держитъ себя, какъ джентльменъ, всегда жившій въ хорошемъ обществѣ; каждая линія его выразительной физиономіи говорила Диксону, что Томасъ, котораго онъ зналъ до сихъ поръ только по скандальному процессу изъ-за денегъ Агнеси Ноттиджъ, пожилъ жизнью мысли, поработалъ надъ книгами, и достаточно извѣдалъ на своемъ вѣку сильныя ощущенія оратора, старающагося съ церковной ваедрой потрасти и размягчить сердца слушающихъ грѣшниковъ.

Томасъ ввелъ Диксона въ главный залъ, въ которомъ Диксонъ тотчасъ узналъ церковь. Тутъ они застали трехъ дамъ; одна изъ нихъ играла на роялѣ; поклонившись гостю, эти дамы тотчасъ вышли изъ комнаты. Томасъ предложилъ Диксону, не хочеть ли онъ прямо пройти къ Принсу. Диксонъ попросилъ позволенія сдѣлать сначала нѣсколько вопросовъ. Томасъ изъ-явилъ согласіе, но ему было какъ-то неловко разговаривать наединѣ съ постороннимъ человѣкомъ, его отвѣты были неясны и уклончивы, и разговоръ, плохо вязавшійся, прерывался ежеминутно приходомъ кого-нибудь изъ сестеръ; сестра входила, прислушивалась къ неторопливой бесѣдѣ мужчинъ, и потомъ уходила; Диксонъ скоро замѣтилъ, что эти появленія сестеръ не были случайными результатами простаго женскаго и затворническаго любопытства. Входя и прислушиваясь, сестры дѣйствовали по обязанности службы. Въ жилищѣ любви всѣ святые самымъ ревнивымъ и дѣятельнымъ образомъ наблюдаютъ другъ за другомъ. Диксону не случилось ни разу оставаться наединѣ съ мужчиною или съ женщиною въ продолженіе четверти часа; его также не оставляли ни разу въ обществѣ, состоявшемъ изъ однихъ мужчинъ, или изъ однихъ женщинъ. Въ окружавшихъ его группахъ всегда присутствовала по крайней-мѣрѣ хоть одна женщина.

Поговоривъ съ гостемъ и, по возможности, ни въ чемъ не удовлетворивъ его любознательности, Томасъ вышелъ изъ зала, потомъ вернулся и предложилъ Диксону чего-нибудь поѣсть. Диксонъ сначала отказался, но вѣжливая и ласковая настойчивость Томаса показала ему, что это предложеніе имѣеть, быть можетъ, какъ у арабовъ, символическое значеніе, и что отклонять его не годится. Онъ согласился выпить вина, и женщина тотчасъ внесла подносъ съ бискупитами и съ двумя графинами. Она поставила этотъ подносъ на столъ, и Диксона оставили въ церкви наединѣ съ хересомъ и портвейномъ.

«Да, въ церкви, говоритъ Диксонъ. Я сидѣлъ на красномъ

диванѣ, у ярнаго огня, въ окрашенномъ свѣтѣ высокихъ стрѣльчатыхъ оконъ съ богатыми цвѣтными стеклами; подъ ногами у меня лежали мягкія подушки; направо отъ меня стоялъ бильярдъ; кругомъ меня церковная мебель и утварь, дубовая и бронзовая; надъ головою священный символъ агнца и голубя, окруженный по бокамъ и снизу рядами бильярдныхъ киевъ.

«Я зналъ, что въ этой комнатѣ произошла великая манифестация; совершился тотъ мистическій обрядъ, которымъ, говорятъ, живое тѣло примирено съ Богомъ. Прелестна для глазъ, успокоительна для сердца — такова была, такова остается и до сихъ поръ эта комната. Цвѣтные стекла оконъ совершенно отгораживаютъ ее отъ міра, не пропуская въ эти стѣны ничего менѣе эфирнаго, чѣмъ лучи дневнаго свѣта. Богатый красный персидскій коверъ покрывалъ полъ, составляя контрастъ съ темнымъ коричневымъ дубовымъ потолкомъ. Красныя занавѣски драпировали окна, гдѣ на стеклахъ были нарисованы мистическія изображенія: агнецъ, левъ и голубь — левъ стоялъ на лѣвѣ изъ розъ, съ знаменемъ, на которомъ были написаны слова:

О, привѣтъ тебѣ, святая любовь!

Наличникъ надъ каминомъ былъ изъ рѣзнаго дуба, очень тонкой работы, въ готическомъ вкусѣ, съ зеркалами. Арфа стояла въ одномъ углу залы; большой рояль въ другомъ. На столахъ лежало нѣсколько книгъ, не очень часто бывшихъ въ употребленіи: «Ночныя мысли Юнга», «Галерея Тернера», «Греція Уордсворта», и еще тома два-три. Вдоль стѣны шли низкія книжныя полки, нагруженныя книгами религіознаго содержанія. Костяные шары еще лежали на зеленомъ сукнѣ бильярда; должно быть, сестры недавно играли. Весь залъ носилъ на себѣ печать тишины и величія, которая поражала воображеніе чѣмъ-то въ родѣ страха. Какъ могъ я, сидя одинъ, не припомнить той мистической драмы, въ которой братъ Принсъ игралъ роль героя, а «Мадонна» Патерсонъ роль героини?» (I, 236).

Черезъ полчаса къ Диксону пришелъ Томасъ, и они вмѣстѣ отправились къ Принсу. Комната, въ которую они вошли, была хорошо меблирована, какъ кабинетъ зажиточнаго землевладѣльца. Принсъ былъ въ черномъ платьѣ и въ широкоемъ бѣломъ галстухѣ; у него было кроткое, серьезное лицо; онъ встрѣтилъ гостя у двери, привѣтливо поздоровался съ нимъ, и усадилъ его въ покойное кресло возлѣ камина. Самъ онъ сѣлъ въ кругу своихъ избранниковъ. По лѣвую его руку сидѣлъ Стерки, по правую — Томасъ. Возлѣ Стерки помѣщались сестра Эленъ и сестра Зоэ; возлѣ Томаса сестра Анни и сестра Сара.

Стерки по лѣтамъ былъ старше всѣхъ присутствующихъ. Ему—шестьдесятъ одинъ годъ. Онъ большой, полный мужчина съ бѣлыми волосами и кроткими голубыми глазами, которыхъ неопредѣленное, мечтательное выраженіе съ перваго взгляда напомнило Диксону фязіономію его американскихъ друзей шакеровъ

Двѣ изъ четырехъ присутствовавшихъ женщинъ были замѣчательно хороши собою. Сестра Анни была образцомъ свѣжей, здоровой, вполне развернувшейся и созрѣвшей женской красоты. «Дородная, розовая, спѣлая—говорить Диксонъ—съ паркою смѣющихся глазъ, съ полными румяными щеками, и съ волнами темно-каштановыхъ волосъ» (I, 241).

О сестрѣ Зоэ Диксонъ отзывается даже съ какимъ-то трепетнымъ стономъ вѣснаго и почтительнаго восторга. «То было—говорить онъ—одно изъ тѣхъ рѣдкихъ женскихъ созданий, которыя принуждаютъ поэтовъ цѣть, вгоняютъ живописцевъ въ отчаяніе, и заставляютъ обыкновенныхъ смертныхъ отдавать душу за любовь. Вы видѣли, по прошествіи нѣкотораго времени, что эта женщина молода, и стройна, и одѣта съ безукоризненнымъ вкусомъ; но вы не могли увидѣть все это съ разу; потому что, когда вы, быстро отворивъ дверь, вдругъ оказывались передъ нею, вы ничего не могли разглядѣть, кромѣ бѣлизны ея лба, мраморнаго спокойствія ея лица, и удивительнаго свѣта ея большихъ голубыхъ глазъ. Она сидѣла, пріютившись возлѣ Принса, въ платьѣ изъ бѣлой шелковой матеріи съ фіолетовыми снурками и брапинами; тонкія цвѣтныя полоски какъ будто рѣзче выступали на видъ молочную бѣдность ея щекъ. Изъ за лучистаго свѣта ея глазъ, Гверчино могъ бы списать съ такой дѣвушки одного изъ своихъ задумчивыхъ и опечаленныхъ ангеловъ. Высокій лобъ, овальный обликъ, маленький ротъ и подбородокъ, жемчужные зубы, и эти лучезарные глаза! Я право не знаю, видѣлъ ли я когда либо лицо болѣе полное высокою, ясной и счастливою мысли; и однако, когда я смотрѣлъ на ея сложенные руки и святое чело, какой-то инстинктъ въ моей крови побуждалъ меня, совершенно наперекоръ моей волѣ, думать о ней въ связи съ тою сценою, которая произошла въ близъ-лежащей церкви, съ этимъ деревеннымъ обрядомъ, самую странную тайною, быть можетъ, самымъ чернымъ беззаконіемъ этихъ послѣднихъ дней, посредствомъ котораго Принсъ утверждаетъ, и Томасъ свидѣтельствуетъ, что Богъ примирилъ съ собою живое тѣло, и водворилъ на землѣ свой послѣдній завѣтъ.

Диксону было извѣстно, что фамильное имя Принсевой Мадонни было Патерсонъ. Ему хотѣлось узнать, не была ли именно сестра Зоэ этою миссъ Патерсонъ. Когда сестра Зоэ заговорила съ нимъ въ кабинетѣ Принса, онъ спросилъ у нея, какимъ именемъ онъ долженъ называть ее въ разговорѣ съ нею.

— Зоэ, отвѣтила она.

— Но подумайте, настаивалъ Диксонъ, я свѣтскій человекъ, я вамъ чужой; какъ могу я употреблять эти ласковыя, дружескія имена?

— Пожалуйста, дѣлайте такъ, отвѣтила Зоэ. Это очень мило.

— Безъ сомнѣнія; если бы я пробылъ здѣсь мѣсяцъ; а куда мнѣ было бы легче называть васъ миссъ...

— Зовите меня Зоэ, отвѣтила она съ терпѣливою улыбкою. Зоэ, просто Зоэ.

Я обратился къ Принсу.

— Люди, спросилъ я, поступаая сюда къ вамъ, принимаютъ новыя имена, какъ монахи и монахини итальянскаго монастыря?

— Не какъ монахи и монахини, отвѣтилъ Принсъ. — Мы не отдаемъ подъ покровительство нашихъ святыхъ. У насъ нѣтъ святыхъ. Мы просто отдаемъ себя Богу, котораго мѣстопробываніе въ этомъ домѣ. У наружныхъ воротъ мы оставляемъ міръ поади себя, его слова, его законы, его страсти; все это, по нашему, принадлежитъ къ царству дьявола. Живя въ Господѣ, мы слѣдуемъ Его руководящему свѣту, даже въ простомъ дѣлѣ нашихъ именъ. Вы современемъ услышите ихъ всѣ. Меня зовутъ Возлюбленный. Я зову эту леди Зоэ, потому что мнѣ нравится этотъ звукъ. Вотъ Томаса я зову Моссу (Mossoo), потому что онъ такъ хорошо говоритъ по-французски.

Я никогда не могъ пойти со святыми дальше этого пункта. Когда я прощался со святыми, я сказалъ Зоэ, держа ея руку въ моей:

— Нельзя ли мнѣ услышать какое-нибудь слово, которымъ я буду поминать васъ, когда буду далеко?

— Да, Зоэ, сказала она и улыбнулась.

— Зоэ... а дальше?

Ея тонкія губы раскрылись, какъ бы для того, чтобы заговорить. Чтò она собиралась сказать? было ли то имя, которое поднималось къ ея губамъ—Патерсонъ... слово, не произносившееся уже нѣсколько лѣтъ въ жилищѣ любви? Кто знаетъ? Въ-сто того, чтобы отвѣтить мнѣ, хотя ея пальцы были зажаты у меня въ рукѣ, она обратилась къ Принсу, и прошептала своимъ пѣвучимъ голосомъ: «возлюбленный!» Принсъ отвѣтилъ мнѣ за нее, съ оттѣнкомъ веселой вѣжности: она Зоэ; вы должны думать о ней, какъ о Зоэ; ничего болѣе (I, 243).

О самомъ Принсѣ Диксонѣ сообщаетъ слѣдующія подробности:

«Тому джентльмену, котораго его послѣдователи называютъ Возлюбленнымъ, пятьдесятъ-шесть лѣтъ; онъ худощавъ, средняго роста, и его блѣдныя, поблекшія щеки носятъ на себѣ слѣды многихъ огорченій и большой усталости. Его лицо очень кротко, его манеры очень мягки. Въ немъ есть какая-то женственная грація и прелесть. Его улыбка очень пріятна, и тонъ его голоса низкій. У него взглядъ человѣка, никогда не доходящаго до ярости и до борьбы. Въ его глазахъ, склонныхъ закрываться, вы какъ будто видите свѣтъ изъ какаго-то другаго міра. Онъ сидѣлъ въ центрѣ этого круга мужчинъ и женщинъ, погруженный въ собственныя мечты, въ которыя онъ снова впадалъ съ той минуты, какъ мы присѣли у его теплаго и веселаго камина. Когда звукъ голосовъ вызвалъ его изъ задумчивости, онъ сложилъ руки на своемъ черномъ сюртукѣ, поставилъ на коверъ свои блестящіе башмаки, и принялъ живое участіе въ

моемъ первомъ длинномъ и замѣчательномъ разговорѣ съ святыми» (I, 246).

Вотъ главныя черты изъ этого разговора, гдѣ Диксонъ, разумѣется, расширявалъ, а святые отвѣчали:

— Много ли васъ въ Жилищѣ? спросилъ я у Томаса.

— Всего около шестидесяти душъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату слуга, одѣтый въ скромное черное платье.

— Вы считаете въ томъ числѣ и прислугу?

— Да, отвѣтилъ Томасъ: — они всѣ члены нашей семьи и дѣлать ея благословенія.

— Что, вы по очереди исправляете службу, какая требуется въ домѣ, такъ, какъ это дѣлается у братьевъ и сестеръ на горѣ Ливанъ?

Я увидѣлъ, что по лицу слуга сколько-нибудь слабая улыбка.

— О, нѣтъ, вмѣшалась сестра Эленъ. — Мы ничего такого не дѣлаемъ; наши люди намъ служатъ; но они все это дѣлаютъ въ любви.

— Вы хотите сказать, замѣтилъ я: — что они вамъ служатъ безъ жалованья?

На мой вопросъ не послѣдовало отвѣта; только леди засмѣялась, а слуга усмѣхнулся.

— На эти шестьдесятъ обитателей сколько приходится мужчинъ, и сколько женщинъ? Сколько малолѣтнихъ, сколько взрослыхъ?

— Мужчинъ и женщинъ почти поровну, отвѣтилъ Томасъ: — дѣтей нѣтъ.

— Ни одного ребѣнка? спросилъ я, думая о великой манифестаціи, и о томъ, что, какъ я слышалъ, отъ нея произошло.

— Вы не понимаете той жизни, которую мы живемъ здѣсь въ Господѣ. Мы не женятся и не выдаемъ замужъ. Кто были женаты въ мирѣ, въ былое время, тѣ живутъ, какъ будто не было между ними брака. Мужчины помѣщаются отдѣльно отъ женщинъ, и не знаютъ стремленія къ любви дьявола; они какъ ангелы на небѣ, живущіе вѣчною жизнью.

— Что вы называете любовью дьявола?

— Всякую любовь тѣлесную — всякую любовь, если она не святая, не духовная, и не отъ Бога.

— Я, кажется, только что сейчасъ видѣлъ: тутъ на лугу, игралъ ребенокъ — маленькая дѣвочка.

— Она — оборванное звено въ нашемъ образѣ жизни; дитя позора, живой свидѣтель послѣдняго великаго торжества дьявола въ сердцѣ человѣка.

— Вы говорите о ребенкѣ миссъ Патерсонъ?

— Она псчадіе сатаны, дѣло сатаны въ тѣлѣ, сказала Томасъ съ глубокимъ волненіемъ.

Облако тоски омрачало всё ихъ лица, кромѣ лица сестры Зоэ, у которой кроткая ясность выраженія осталась ненарушенной.

— Дѣло этого времени, вставила сестра Элиенъ: — было самое тяжелое, какое мнѣ только случалось испытать. Цѣлый годъ мы лежали въ тѣни смерти, и близко къ аду; но Богъ выполнилъ въ насъ свое предначертаніе. Это было горькое время для всѣхъ, а особенно горько было нашему Возлюбленному.

— Ваше правило жизни подобно, стало быть, монашескому уставу — правило воздержанія?

— Правило ангеловъ, отвѣтилъ Принсъ: — правило чистого наслажденія въ Господѣ. Наши братья и сестры живутъ въ любви, но не въ грѣхѣ; потому что грѣхъ — смерть, а намъ принадлежитъ вѣчная жизнь въ Господѣ.

— То-есть въ духѣ, въ другомъ мірѣ, какъ всё добре люди надѣются жить?

— Мы понимаемъ одинаково въ тѣлѣ и въ духѣ, потому что тѣло теперь спасено и примирено съ Богомъ.

— Такъ вы принимаете физическое воскресеніе, какъ эта доктрина установлена въ англійской церкви?

— Нѣтъ; мы отвергаемъ эту доктрину. Мы сами воскресеніе; и въ этомъ мы — живы.

— Но вѣдь всё умираютъ?

— Да, сказалъ Томасъ: — такъ случалось съ большинствомъ; смерть была удѣломъ людей, и они умирали; но смерть подчинена Господу, въ которомъ мы живемъ. Мы не умремъ, если только онъ не захочетъ исключить насъ изъ числа спасенныхъ.

— Вы думаете умереть?

— Нѣтъ, никогда, сказалъ первый помазанныкъ. — У насъ нѣтъ такихъ мыслей.

— Но вѣдь нѣкоторые изъ васъ скончались; Луиза Поттиджъ наприимѣръ?

— Да, Господь совершилъ надъ ними свою волю; они погрѣшили, и они умерли; но многіе примѣры не составляютъ необходимаго правила. Родственники Иліа умерли въ плоти, но пророкъ живьемъ былъ взятъ на небо. Хотя бы я увидѣлъ эту долину, переполненную десятками тысячъ труповъ, этотъ видъ не убѣдилъ бы меня въ томъ, что и я долженъ когда нибудь умереть.

— Вы, кажется, презрительно смотрите на мертвыхъ?

— Мы видимъ въ нихъ людей, не вполне спасенныхъ; они не исторгнуты изъ власти сатаны надъ тѣломъ. Кого Богъ спасъ, тѣ будутъ жить.

— Гдѣ вы хороните скончавшихся — на кладбищѣ, въ освещенной землѣ, какъ другіе христіане, или въ какомъ нибудь пустомъ полѣ, какъ пшкеры?

— Иные лежать у фермы, другіе тамъ, подъ зеленымъ лугомъ; у насъ нѣтъ освященной земли; мы думаемъ, что прахъ, спасенный заживо, возвращается въ землю, откуда былъ взятъ.

— Видя, что всѣ вы старѣетесь, и что нѣкоторые изъ васъ угасаютъ, вы должны допустить, что смерть можетъ придти?

— Нѣтъ, сказалъ Возлюбленный: — мы никогда не думаемъ о смерти; мы никогда ея не ожидаемъ. Мы знаемъ, что Богъ есть живой Богъ, и что мы живы въ немъ. Смерть — слово, принадлежащее времени.

— Но мы всѣ живемъ во времени.

— Вы живете во времени, сказалъ Возлюбленный: — мы — нѣтъ; и мы не имѣемъ о немъ понятія.

— У васъ нѣтъ чувства времени?

— Никакого, отвѣтилъ первый помазанникъ. — Это ваши слова, не божія; вы ихъ придумали, чтобы изображать земные факты. Мы живемъ въ другомъ мѣстѣ.

— Вы видите, какъ солнце встаетъ и закатывается, доказывалъ я: — вы знаете, что вчера была пятница, что завтра будетъ воскресенье; что весна проходить, и что приближается время жатвы?

— Ну, да, сказалъ Возлюбленный сострадательнымъ тономъ: — мы чувствуемъ теченіе любви, которое вы приняли за вашу мѣрку времени; но это не признакъ переменъ для насъ, потому что мы живемъ вѣчно въ живомъ Богѣ (I, 248).

Читатель, вѣроятно, согласится, что исторія принсеитовъ замѣчательна, и наводитъ на поучительныя размышленія о вліяніи теологическаго метода мышленія на человѣческіе умы.

Читатель видитъ, что, подчиняясь этому методу, образованные и начитанные люди, выросшіе въ правилахъ официальной доктрины, которой поддержаніе изъ года въ годъ уноситъ у государства миллионы фунтовъ, люди, принадлежащіе къ самому консервативному сословію самаго консервативнаго изъ европейскихъ обществъ — доходить, при самыхъ добросовѣстныхъ и неустрашимыхъ усиліяхъ отыскать чистую истину, до такихъ ярко-разрушительныхъ и нагло-безнравственныхъ результатовъ, какъ Великая Манифестація, мистическая драма, разграниченная, въ присутствіи спакстонскихъ святыхъ, братомъ Принсомъ и мадонною Патерсонъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

РУССКАЯ ОПЕРА.

(Послѣднія новости: «Орфей», Глюка и возобновленная «Жизнь за царя», Глинка).

Надобно намъ отдать справедливость, мы очень ревнивы по части успѣховъ національныхъ: каждый локомотивъ, заказанный на заводѣ не русскомъ, нарушаетъ спокойствіе нашего сна; кресло, абонированное въ оперу *итальянскую*, способствуетъ разлитію желчи; а извѣстно, что у кого желтуха, тому все кажется желтымъ и, наоборотъ, влюбленному все представляется розовымъ. Потому-то русскіе локомотивы, съ русскою оперою и являются центифолями нашему взору, а не русскіе — желтыми гвоздиками и цикоріей. Исторженіе чужеземныхъ плеведъ изъ каждой пяди земли русской устремило съ нѣкоторыхъ поръ свою всеобрующую силу и въ область музыки, побывая не только итальянскіе мотивы и пѣніе, но угрожая даже итальянскимъ струнамъ, которыя на скрипкахъ Вѣнявскаго и Вильгельми имѣютъ скоро замѣниться пеньковыми канатами отечественнаго происхожденія. Необычайно плѣнительная, даровитая и свѣжая пѣвица не русская, Луква, имѣетъ у насъ успѣхъ давно небывалый: мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что находимъ ей подобіе въ престарѣломъ, совершенно обыкновенномъ, хотя и вполне достойномъ, пѣвцѣ Петровѣ *. Желая умалить достоинство пѣвцовъ итальянскихъ, мы утверждаемъ, что наши домашніе составили бы *украшение* ихъ труппы. И отчего это мы, въ самомъ дѣлѣ, безъ преувеличенія и заносчивости — ни на шагъ? Отчего у насъ до сихъ поръ вездѣ мелодраматическіе идеалы — или совершенный гений, или дуракъ, злодѣй или добродѣтельнѣйшій изъ смертныхъ? Почему *русская* народность выше всѣхъ другихъ народностей? г. Петровъ выше всѣхъ другихъ пѣвцовъ и даже смахиваетъ на Лукву? И какія тутъ могутъ быть сравненія? Развѣ воля съ дышленкомъ сравниваютъ? А что до народностей, то всякая народность хороша — сама по себѣ и по своему, и нехороша, тоже по своему. Всякое искусство имѣетъ свои права на такое, а не другое проявленіе, и ставить ихъ въ ранжиръ —

* Это было выражено печатно.

которое выше, а которое ниже — по меньшей мѣрѣ наивно. Притомъ же, искусство, да еще сценическое, есть тончайшій аромать цвѣта образованности: по степени богатства этой флоры распредѣлена и степень богатства аромата. Зачѣмъ же намъ лѣзть изъ кожи и доказывать, что мы всѣхъ лучше пахнемъ? Мы пахнемъ сколько можемъ и какъ можемъ; современемъ запахнемъ крѣпче. Но не пробуйте же увѣрять, будто тѣ, кто давно и крѣпко пахнутъ — не пахнутъ вовсе! Иначе ваши слова приведутъ къ результату противоположному — и пожалуй никто не захочетъ вѣрить вамъ, что мы и сколько-нибудь пахнемъ.

Принимая все сказанное, на сколько оно можетъ относиться, къ русской оперѣ, нельзя не сознаться, что безъ преувеличеній и отчаянныхъ похвалъ, ей расточаемыхъ, она по праву заслужила бы почетное вниманіе даже взыскательныхъ цѣнителей. Не входите только въ Маринскій театръ какъ въ святилище, а просто какъ въ театръ, перестаньте дѣлать изъ умнаго, трудолюбиваго, честнаго пѣвца-самоучки листень для разбиванья всѣхъ прочихъ пѣвцовъ, болѣе его учившихся, болѣе его свѣжихъ и молодыхъ; скажите себѣ, что вы въ русской оперѣ, которая всего-то насчитываетъ не болѣе двухъ поколѣній пѣвцовъ и только двухъ замѣчательныхъ композиторовъ — и вы будете вполне удовлетворены, ручаюсь. Даже оперы, распѣваемые итальянцами, здѣсь *слушаются*, конечно, если ихъ обставляютъ лучшими силами маринской труппы, какъ, напримѣръ «Пуритане», гдѣ г. Васильевъ 1-й, своимъ могучимъ, полнымъ басомъ, къ сожалѣнію слишкомъ вибрирующимъ (дрожащимъ), производитъ впечатлѣніе, какового не всегда достигаютъ даже исполнители его роли на итальянской сценѣ; гдѣ чудный теноръ г. Никольскаго (когда онъ не поетъ сквозъ зубы, что съ нимъ нерѣдко случается) плѣняетъ своими нѣжными, чистыми переливами, а г-жа Бюдель весьма искусно справляется съ трудностями партіи Эльвиры; гдѣ, наконецъ, молодой баритонъ г. Мельниковъ воспроизводитъ довольно правдоподобно г. Граціани, за немѣніемъ, покуда, самого себя. Когда же счастье хорошей обстановки выпадетъ на долю музыки Глинки и Даргомыжскаго, то вечера въ Маринскомъ театрѣ способны доставлять почти наслажденіе. Доказательство — «Жизнь за Царя», съ названными выше пѣвцами и г-жею Лавровскою, въ придачу — новымъ свѣжимъ контръ-альто (вѣрнѣе меццо-сопрано), замѣнившимъ скоро выпѣвшуюся г-жу Шрёдеръ, съ маленькимъ жирнымъ голоскомъ, который однако не пренебрегаетъ ей продолжать пѣть Ратмира въ «Русланѣ», труднѣйшую изъ партій для контръ-альто. Впрочемъ, судьба *лучшей* изъ русскихъ оперъ не единственная въ этомъ отношеніи: образцовая русская комедія въ стихахъ — «Горе отъ ума», тоже предоставлена искусству гг. Григорьевыхъ и Сазоновыхъ, когда есть Самофловы и Васильевы, когда, наконецъ, г. Зубовъ весьма прилично дебютировалъ въ роли Фаму-

сова, что не мешает однако актеру, играющему обыкновенно сторожей и брантмейстеровъ, показывать въ ней свои изящныя манеры. Успѣху «Руслана» не призванъ содѣйствовать ни одинъ изъ названныхъ выше лучшихъ пѣвцовъ труппы! Кромѣ г. Никольскаго есть еще теноръ Андреевъ, весьма удовлетворительный въ «Фенелѣ», оперѣ, поставленной, разумѣется, очень изящно; а прелестныя строфы баяна, въ «Русланѣ», съ перепугомъ весьма естественнымъ, исполняетъ какой-то чудакъ, которому въ оперѣ Беллини ввѣряютъ одно предводительствованіе войсками: дѣло, свидѣтельствующее, конечно, скорѣе о храбрости, чѣмъ объ искусствѣ пѣвца.

Странное дѣло, тутъ мы опять наткнаемся на увлеченіе, въ сторону противоположную (реакцію): чѣмъ сильнѣе зарпортовываются обрусители въ публикѣ, тѣмъ неуступчивѣе стоятъ на своемъ итальянизатори и музыкальные сепаратисты театра. Не говорю уже о томъ, что слабѣйшіе по искусству пѣвцы русскіе осуждены пѣть на сценѣ, строившейся первоначально для лошадиныхъ прыжковъ и восхожденій по лѣстницамъ клоуновъ, а не хроматическихъ гаммъ, и потому не представляющей никакихъ условій акустики (глухой совершенно), въ то время какъ на оперной сценѣ Большаго театра прыгаются балеты—самая постановка оперъ русскихъ точно умышленно оскорбляетъ глаза и уши. «Пуритане», «Фенелла» обшиваются, меблируются и расписываются совершенно прилично, «Руслану» же бросаются обломки, обноски, и затоптанныя декорации сороковыхъ годовъ, такіе черкесы въ свитѣ Черномора и такой нищій-черноморъ, долженствующій роскошью и великолѣпіемъ обстановки увлечь сердце Людмилы, что можно подумать, будто извѣстная шутка Пушкина о замѣнѣ слова *восточная роскошь* выраженіемъ *восточное свинство*, принята за серьезное... Между тѣмъ, одинъ простой расчетъ денежный долженъ бы заставить дѣйствовать иначе: посмотрите на другую оперу того же Глинки, «Жизнь за Царя», которая, вѣроятно, по причинѣ своего officialнаго положенія въ извѣстные дни, недавно подкрашена, приубрана и обставлена лучшими пѣвцами труппы, и, опять, несмотря на *трехсотыя* представленія, постоянно наполняетъ сверху до низу театръ. Боятся, чтобы «Русланъ и Людмила» не была оцѣнена по достоинству, какъ двадцать-пять лѣтъ назадъ, при своемъ появленіи передъ публикою, умѣвшею цѣнить только «Аскольдову могилу», положительно нельзя, если даже «Орфей» Глюка способенъ производить чуть не фуроръ!

Да, «Орфей» Глюка почти производитъ фуроръ! Чтожъ, можетъ быть, онъ спѣтъ не тѣми пѣвцами, которые поютъ Глинку? или его содержаніе и музыка, прожившія сто лѣтъ, ближе сердцу и пониманію современнаго человѣка? А вотъ сейчасъ увидимъ. Вопервыхъ, содержаніе. У «Орфея» умерла возлюбленная (или, какъ поется въ оперѣ, «супруга») Эвридика и ее похоронили въ высокомъ саркофагѣ, написавъ порусски вручными буквами

Эвридика. Г-жа Лавровская, въ качествѣ молодого вдовца, спиною къ зрителямъ, плачетъ на колѣняхъ передъ гробницею, обнаруживая при этомъ современные каблуки на своихъ античныхъ сандаляхъ. Господа хористы и госпожи хористки тоже плачутъ; оркестръ плачетъ съ своей стороны. Г. Лядовъ (дирижёръ) одинъ не плачетъ—онъ вообще умѣетъ оставаться стойкимъ во всѣхъ обстоятельствахъ, и что бы ни происходило на сценѣ, неукоснительно и ровно помахивать палочкою; онъ не централизаторъ, а человѣкъ, надо полагать, либеральный: оркестръ пользуется у него полною свободою дѣйствія. Говорятъ даже, что, во уваженіе къ ограниченному содержанію музыкантовъ, онъ не требуетъ отъ нихъ посѣщенія репетицій и въ самыя представленія довольствуется минимумомъ присутствующихъ: свирьки чтобы были, труба чтобы трубила гдѣ уже не протрубить никакъ нельзя; а прочіе вольны хоть бухгалтеріей заниматься. И такъ, всѣ, кромѣ г. Лядова, плачутъ; госпожа Лавровская даже убивается и мечется по сценѣ, весьма, впрочемъ, граціозно и въ нѣкоторомъ родѣ антично. Наплакавшись вдоволь, господа хористы и госпожи хористки расходятся, а г-жа Лавровская, опять обнаруживая каблуки, еще разъ становится на колѣни спиною къ публикѣ. Внезапно на сценѣ появляется высокая фигура амура, съ очень маленькими крылышками, которымъ никакъ не поднять на воздухъ г-жу Платонову, вздумай только она предаться свойственнымъ ея положенію упражненіямъ въ летаньи.

Поэтому, крошка-амуръ живо сообразилъ, что ему придется ходить пѣшкомъ, а значить и каблуки будутъ лишніе, коими и воспѣшилъ вооружить свои пятки, ставъ черезъ то цѣлою головою выше Орфея. Но такъ или иначе, а г-жа Платонова приноситъ г-жѣ Лавровской утѣшительный приказъ боговъ: возвратитъ ему супругу. Г-жа Лавровская внѣ себя отъ радости. Но какъ нѣтъ розы безъ шиповъ, такъ и сообщеніе г-жи Платоновой скоро оказывается заключающимъ въ себѣ шипъ: боги, давая Орфею награду, берутъ съ него взятку — совершенно, впрочемъ, платоническую, изъ которой шубы ужъ никакъ не сошьешь... можетъ быть потому, что боги шубъ не носили: подъ страхомъ лишиться Эвридики навсегда, они повелѣваютъ Орфею не смѣть поднимать на нея взора. Какъ это ни глупо, повинуваться однако надо — на то власть. И г-жа Лавровская повинувается, а занавѣсъ опускается. Въ театрѣ же поднимается гвалтъ, г-жу Лавровскую требуютъ неистово — и она опять повинувается, выходитъ и раскланивается.

Второе дѣйствіе раздѣляется между адомъ, гдѣ оказывается чрезвычайно весело и людно, и раемъ, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, гораздо менѣе людно и, чего даже ожидать не слѣдовало, гораздо менѣе весело... И хотя послѣдній поражаетъ удивительною тропическою растительностію и большимъ искусствомъ декоратора, но я долженъ засвидѣтельствовать, что первый, не смотря на ужасныя рожи, проводящія время въ безобразной

плескъ, и на какой-то малиновый огонь г-на Шижко, издающій сѣрый дымъ, такъ что г-жа Лавровская нѣсколько разъ называетъ все это «областью ужасной», — ииѣлъ несравненно болѣе успѣха. Публика ликовала не менѣе адскихъ духовъ, и тѣмъ обнаружила явно, куда она мѣтитъ. Въ раю, Орфей обрѣтаетъ наконецъ Эвридику, и, отвернувшись, какъ слѣдуетъ, тащитъ ее со сцены. Такая невѣжливость не ускользаетъ, разумѣется, отъ Эвридики, которая и посвящаетъ весь послѣдній актъ выраженію своего неудовольствія. Орфей не выдерживаетъ — и къ десяти часамъ выдается къ ней въ объятія, а она безотлагательно умираетъ. Казалось бы, и дѣлу конецъ: послушался начальства, понесъ наказаніе. Но въ старину и начальство, видно, было другое: пѣшій купидонъ опять прибѣгаетъ, запахавшись и стуча каблуками, чтобъ объявить послушнику милость. За вѣрность въ любви, говоритъ г-жѣ Лавровской г-жа Платонова, боги тебѣ возвращаютъ Эвридику. Ну, тутъ, какъ водится, тріо; публика рукоплещетъ, а г-жа Платонова беретъ госпожу Соловьеву (Эвридику) и Лавровскую — ея супруга, и ведетъ къ какой-то бесѣдкѣ, гдѣ и вѣнчаетъ розами. Всѣ счастливы, и особенно русскія пѣвицы, которымъ удалось хоть разъ въ жизни пѣть на оперной, а не на манежной сценѣ и ходить посреди роскошныхъ декораціи и костюмовъ, заготовленныхъ для итальянцевъ, почему-то не со-благоволившихъ ими воспользоваться. Знаете ли, мнѣ это представленіе напомнило тѣ званые обѣды въ провинціи, когда чего только не наваривается и не нажаривается для важныхъ гостей, но важные гости не прѣзжаютъ — и счастливой семьѣ остается самой лакомиться рѣдкими блюдами...

Можетъ быть, впрочемъ, опера обязана своимъ успѣхомъ исполненію? Будемъ откровенны, сказавъ: нѣтъ. Она обязана этимъ прежде всего своей постановкѣ и своему топографическому положенію. Объявите ее на Маринскомъ театрѣ, и публика, наполняющая обыкновенно залу Большаго театра, и теперь ее наполнившая, туда бы не поѣхала: она привыкла соединять съ понятіемъ о Маринскомъ театрѣ представленіе о мракѣ, убожествѣ и отсутствіи порядочности (*du comme il faut*). Одинъ разъ во всю жизнь этотъ отверженный театръ имѣлъ счастье принимать въ своихъ стѣнахъ ту же «избранную» публику — въ первое представленіе «Смерти Іоанна Грознаго», потому что пѣсу вздумалъ написать одинъ изъ этой публики. Но, можетъ быть, пѣвцы тоже почувствовали себя лучше, выйдя на свѣтъ Большаго театра изъ своихъ маринскихъ пещеръ? Отчасти это такъ: ихъ го-лосамъ было замѣтно привольнѣе, и это не могло ихъ не ободрять. Сказать, однако, чтобы г-жа Лавровская, почти дебютантка, способствовала вызываемому ею восторгу въ партіи, которая и самой опытной, первовлассной пѣвицѣ была бы только что подъ силу, значить, заявить одно изъ двухъ: или что избранная публика, не взвѣря на свое избраніе, весьма легко удовлетворяется, или что г-жа Лавровская, дѣйствительно, надежда

оперы. Я склоняюсь болѣе въ первое предположенію. Молодая пѣвица вѣнучена въ хорошей школѣ (она воспитанница здѣшней консерваторіи), прекрасно декламируетъ, отгвѣняетъ многое арго и эффектно, обладаетъ свѣжимъ и сильнымъ, хотя и безъ низкихъ нотъ голосомъ; но надежды въ ней я рѣшительно не вижу, и готовъ скорѣе принять ее за достиженіе, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ Ниссенъ-Соломонъ, пѣвицы замѣчательно искусной, которой она и обязана, конечно, хорошими сторонами исполненія разученной съ нею роли. Природа же не дала г-жѣ Лавровской ни увлеченія, ни теплоты и порыва — словомъ, не дала того, что принято называть «священнымъ огнемъ». Она холодна, какъ и г-жа Бюдель, примадонна русской оперы, какъ холодны гг. Васильевъ и Никольскій — лучшіе ея пѣвцы. Можетъ быть, температура климата оказываетъ на ихъ темпераменты свое вліаніе; только въ русской оперѣ не случилось мнѣ ни разу разогрѣться исполнителями. Одна г-жа Платонова, когда не играетъ купидоновъ, а женщину, всегда увлечетъ своимъ замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ и искренностью собственного увлеченія. Въ «Русалкѣ» Даргомыжскаго она является просто перво-классною актрисою, и еслибъ ей промѣнять оперу на драму, то, право, простетелло бы гораздо больше пользы для обѣихъ. Пѣвица же она только что приличная. Г-жа Лавровская въ роли Бани («Жизнь за Царя»), разученной ею для перваго дебюта на сценѣ, вмѣстѣ съ тою же Ниссенъ-Соломонъ, гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ Орфеѣ, и это одно уже заставляетъ подозрѣвать, что движеніе ея впередъ едва-ли общааетъ быть очень замѣтнымъ. Я буду радъ, если ошибусь.

Остается музыка Орфея. И это, конечно, самая сильная его сторона. Лирическая до наивности, съ чистотою, позволю себѣ выразиться, почти святостью намѣреній, и какимъ-то набожнымъ отношеніемъ къ искусству, музыка эта, какъ первый лепетъ необыкновеннаго дитяти, умиляетъ слушателя. Трезвость, простота и строгость стиля, умѣренность оркестровыхъ средствъ; этотъ плачь струнныхъ инструментовъ, служащій фономъ для плача Орфея и хоровъ; томительный призывъ Орфея: «Эвридика!», тихо повторяемый оркестромъ, словно эхомъ; затѣмъ — мрачная музыкальная картина ада, и контрастъ ей — свѣтлый образъ рая — все это не могло умереть, проживъ сто лѣтъ, и если поблекшия краски Тиціана или Гвидо не мѣшаютъ любоваться ихъ произведеніями, то я не знаю, почему бы и звукамъ Глюка потерять на это право. Однако, публика обрадовалась, какъ чему-то близкому, цвѣтистой бравурной аріи пталъянскаго сочиненія, вставленной въ концѣ перваго акта, и она-то именно рѣшила успѣхъ оперы и пѣвицы. Всему остальному слушатели скорѣе снисходили, чѣмъ сочувствовали, они любопытствовали, а не наслаждались, да и г-жѣ Лавровской-то хлопали больше, какъ неожиданности, чѣмъ точно достойной исполнительницѣ. Рѣдкость русскаго языка на

итальянской сценѣ, русскихъ пѣвцовъ, хорошо одѣтыхъ и обставленныхъ, рѣдкость, наконецъ, стариннаго великаго композитора, имѣвшаго успѣхъ въ Парижѣ, и необычайность оперы безъ мужчинъ (всѣ три роли для женскихъ голосовъ) — вотъ истинная причина успѣха «Орфея». И видя все это, невольно подумаешь: развѣ ужъ въ самомъ дѣлѣ мы до того некусили въ музыкѣ, чтобъ съ цѣлями почти археологическими ставить такъ роскошно и дорого «Орфея» и загонять въ уголь, какъ Сандриліону, прекрасную оперу Глинки, которая на столько же выше оперы Глюка, на сколько зрѣлая рѣчь выше лепета младенца! Пускай Глюкъ великій человекъ, но зачѣмъ же стулья ломать! Или необходимо прождать столѣтіе, чтобъ попасть въ почетъ? Но «Руслану» Глинки минуло недавно только четверть этого срока! Долго же ему дожидаться и очереди!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Бюджетъ на 1868 годъ: несбывшіяся надежды и напрасныя опасенія; почему бюджета нельзя сократить? Изъ чѣхъ суммъ составляется бюджетъ? — Отчетъ государственнаго контроля — цифра дефицита, и нѣсколько словъ о дѣятельности, составѣ и значеніи контроля. — Весеннія чувства и картины. — Увеселительная поѣздка въ Венецію. — Поѣздка по Россіи. — Корреспонденты. — Земскія управы и управскій хлѣбъ. — Возмущеніе и усмиреніе крестьянъ. — Блестящій ученый диспутъ. — Какая перспектива ожидаетъ наши университеты? — Можетъ ли законное быть незаконнымъ и на оборотъ? — Женскій вопросъ въ Москвѣ. — Полиція отъ обывателей.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля газеты и общественное мнѣніе въ Петербургѣ заняты были нашею государственною росписью на 1868 годъ и отчетомъ государственнаго контроля за 1866 годъ, около того времени только что опубликованными.

Нѣсколько лѣтъ назадъ тому, когда государственная роспись еще не публиковалась и держалась въ величайшемъ секретѣ, такой публикаціи ея приписывали какое-то особенное значеніе — отъ нея ожидали исцѣленія чужь ли не всѣхъ нашихъ общественныхъ золъ, и прежде всего, конечно, улучшения государственныхъ финансовъ и сокращенія разныхъ непроизводительныхъ, бесполезныхъ расходовъ. Многіе старались тогда вывѣдать за вѣтныя цифры стороною — чрезъ авторитетныхъ знакомыхъ, можетъ

бить даже чрезъ писцовъ, курьеровъ, наборщиковъ и т. п. Добытыя такимъ сомнительнымъ путемъ цифры распространялись какъ величайшая и опасная тайна, съ просьбами и увѣреніями никому не говорить и не проговариваться. Особенно точила зубы на эти цифры, конечно, печать! Вотъ, говорили тогда, еслибы узнать эти цифры доподлинно и особенно еслибы можно было высказать объ нихъ все, что давно нависло на душѣ, разобрать ихъ до тонкостей, объяснить и спросить: зачѣмъ это, почему и для чего, указать на всю нераціональность нѣкоторыхъ расходовъ, на причину нашего обѣднѣнія, на бездну, въ которую мы стремимся и т. д.

Когда, наконецъ, было объявлено, что государственная смѣта будетъ опубликоваться, многіе не хотѣли этому вѣрить, не хотѣли вѣрить особенно тому, что въ смѣтѣ будетъ все сказано; еще больше было такихъ, которые опасались дурныхъ послѣдствій этой публикаціи. Когда смѣта была опубликована, всѣ газеты и журналы обрадовались этому чрезвычайно и поспѣшили, болѣе или менѣе обстоятельно, перепечатать ее и хотъ какъ нибудь, хотъ самымъ темнымъ, невиннымъ и окольнымъ способомъ высказать объ ней свое сужденіе. Настоящаго разбора, чего нибудь въ родѣ того, какъ встрѣчаются государственные бюджеты въ большей части европейскихъ государствъ, здѣсь не было и въ поминѣ. Одни боялись говорить, другіе боялись слышать, — одни слишкомъ многого ожидали отъ этой публикаціи, другіе слишкомъ многого опасались.

Вскорѣ оказалось, впрочемъ, что опасенія были напрасны — бѣды не произошло никакой ни отъ того, что смѣта была опубликована, ни отъ того, что печать сдѣлала нѣкоторыя попытки высказать по поводу ея свое мнѣніе. При повтореніи той же исторіи во второй, третій и четвертый разъ, было то же самое. Наконецъ, о государственной росписи стали говорить чуть-чуть не все, что только можно сказать объ ней; ее разсматриваютъ и разбираютъ обстоятельно, и прямо говорить, и хотъ эти расходы непроезводительны, и ихъ надобно по крайней-мѣрѣ, сократить. И — попрежнему все обстоитъ благополучно, и, конечно, обстояло бы благополучно даже и тогда, еслибы о нашихъ государственныхъ расходахъ высказывалось и рѣшительно все, что только нашлись бы сказать объ нихъ самые глубокомысленные политико-экономы, — какъ, напримѣръ, два-три года назадъ обстояло все благополучно съ прусскимъ правительственнымъ бюджетомъ, несмотря на самыя ярныя нападки на него со стороны оппозиціи.

До какой степени напрасны были всѣ опасенія отъ гласности нашей государственной росписи, это видно изъ того, что гласность эта не произвела рѣшительно никакого вліянія на цифры бюджетныхъ назначеній, и государственные расходы наши, со времени первой публикаціи смѣты, все увеличивались и уве-

личиваются *. Съ другой стороны, такъ же точно оказались неосновательными и идилическии надежды, что гласность, опубликованіе государственной росписи, и мнѣніи и сужденія объ ней печати и общества окажутъ на нее чудодѣйственное вліяніе, что будто бы, если вся Россія самими вѣрными и положительными образомъ будетъ знать, какъ велика, напримѣръ, сумма процентовъ, ежегодно платимыхъ Россіею по внутреннимъ и вѣшнимъ долгамъ, то долги эти уменьшатся сами собою — только оттого, чтобы мы будемъ знать цифру ихъ; или что нѣкоторые расходы, названные печатью непроизводительными, обратятся, вслѣдствіе этого, въ производительныя!

Бюджету настоящаго года газеты посвятали по нѣскольку статей, общественное мнѣніе имъ тоже занималось. Общій смыслъ всѣхъ газетныхъ и устныхъ мнѣній и разсужденій тотъ, что нашъ государственный бюджетъ слишкомъ великъ, что долги и платимые по нимъ проценты слишкомъ обременительны для государства, что расходы изъ года въ годъ превышаютъ доходъ, и что — желательно бы, чтобы это было иначе. Затѣмъ мнѣнія расходятся. Одни говорятъ, что надобно сократить расходы и привести ихъ, по крайней-мѣрѣ, въ соотвѣтствіе съ доходами. Другіе — что это, конечно, желательно бы, но сократить расходы невозможно; даже, напротивъ, при настоящей всеобщей дороговизнѣ, ихъ надобно увеличить. На администрацію идутъ большія суммы; но положеніе огромнаго большинства чиновниковъ все-таки не блестяще — при теперешней дороговизнѣ на всѣ жизненныя потребности... Если желательно, чтобы чиновники посвящали государству всѣ свои силы, чтобы они служили вѣрой и правдой, занимались усердно и съ любовью къ дѣлу, чтобы они, наконецъ, взятокъ не брали, чтобы взятка казалась имъ ничтожною и презрѣнною въ сравненіи съ получаемыми ими окладами — имъ надобно увеличить содержаніе. Словомъ, сократить расходы на содержаніе администраціи невозможно!

Затѣмъ болѣе всего достается расходамъ военнаго министерства. Военное министерство поглощаетъ болѣе четверти всего бюджета — и поглощаетъ, конечно, совершенно непроизводительнымъ образомъ, потому что войско, какъ бы огромно оно ни было и какими бы прекрасными качествами ни отличалось, какъ извѣстно, ничего реального и осязательнаго не производитъ, богатства и благосостоянія страны не увеличиваетъ. За сокращеніе расходовъ на войско слышится болѣе всего голосовъ. Но въ то же время войско какъ у насъ, такъ и у многихъ западныхъ

* По росписи 1863 г. — 347⁵/₆ мил. руб.

»	»	1864 г.	— 401	»	»
»	»	1865 г.	— 380	»	»
»	»	1866 г.	— 404	»	»
»	»	1867 г.	— 443 ⁵ / ₆	»	»
»	»	1868 г.	— 480 ⁵ / ₆	»	»

народовъ, составляетъ гордость и славу страны. Мы желаемъ слыть непобѣдимыми, мало того, мы хотимъ, чтобы насъ всѣ народы не только Европы, но и всего свѣта боялись и считали первымъ и могущественнѣйшимъ народомъ, мы хотимъ, чтобы нашъ голосъ былъ вездѣ авторитетнымъ. Такъ думаетъ и этого желаетъ, конечно, каждый истинно-русскій человекъ, истинный патриотъ. Если же такъ, то намъ, конечно, необходимо миллионное войско, а для содержанія такого войска мало и 131 мил. руб., назначенныхъ по бюджету текущаго года.

Я понимаю еще нападки на бюрократію, на чиновничество и на расходы по содержанію этого чиновничества, — многіе искренно воображаютъ, что они, будто бы, въ самомъ дѣлѣ желаютъ сами собою управляться и будутъ вести себя прилично и безъ надзора полиціи (понимая полицію въ обширнѣйшемъ смыслѣ); не требуютъ сокращенія расходовъ на войско, этого я, при настоящемъ настроеніи общественнаго мнѣнія, рѣшительно не понимаю! Быть въ такой степени воинственными, даже задорливо воинственными, какъ воинственны мы, всю свою силу и гордость предъ Европой полагать только въ одномъ миллионномъ войскѣ, желать посредствомъ этого войска рѣшать всѣ международные вопросы, желать, опираясь все на то же войско, вмѣшиваться во всѣ возможные вопросы не только насъ касающіеся, но и совершенно насъ не касающіеся — и въ то же время жаловаться на то, что у насъ войско слишкомъ велико и что оно поглощаетъ огромныя суммы — какъ угодно, а это страшная непослѣдовательность. Умѣрьте прежде свой воинственный пылъ и задоръ и тогда требуйте сокращенія расходовъ по содержанію войска.

Эта одна сторона вопроса и разсужденій, по поводу нашего государственнаго бюджета.

Другая сторона гораздо серьезнѣе и печальнѣе. Вѣроятно, многіе изъ тѣхъ, которые ратуютъ за сокращеніе нашихъ государственныхъ расходовъ, относятся къ этому дѣлу совершенно искренно, желаютъ сокращенія расходовъ при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ это сокращеніе только и возможно. Сюда слѣдуетъ отнести и рязныя проекты и предложенія для улучшенія нашего финансоваго быта. Нѣкоторыя изъ этихъ предложеній и замѣчаній очень дѣльны. Публика ихъ слушаетъ и, вѣроятно, со многими вполнѣ соглашается. Но всѣ эти замѣчанія, проекты, предложенія и проч., все это не болѣе, какъ только проекты и замѣчанія диллетантовъ.

Конечно, и диллетанты могутъ иногда понимать дѣло не хуже иныхъ специалистовъ, и въ настоящемъ случаѣ они понимаютъ его прекрасно, потому что такую простую вещь, что расходъ долженъ соразмѣряться съ доходомъ, можетъ понять рѣшительно всякій. Но тѣмъ не менѣе, это мнѣнія и сужденія не специалистовъ, а диллетантовъ — людей не призванныхъ къ дѣлу, не посвященныхъ въ него, не связанныхъ съ нимъ ни чѣмъ существеннымъ; они могутъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ, но могутъ и не разсуж-

дать объ немъ, это все равно. Положеніе дѣла отъ этого насколько не переменится. Напишетъ ли извѣстная газета или извѣстный журналъ статью о бюджетѣ или не напишетъ, это все равно; будетъ ли въ этой статьѣ что-нибудь объяснено и доказано, или не будетъ ничего доказано — въ первомъ случаѣ читатели останутся довольны статью, во второмъ будутъ ею недовольны, и только, — для бюджета, о которомъ эта статья будетъ трактовать, это не будетъ имѣть никакого значенія. Мало того, въ сущности это все равно и для самого автора и для читателей его статьи, потому что и статьи о бюджетѣ и всѣ мнѣнія и разсужденія объ ней или по поводу нея — все это только диллетантизмъ. Конечно, это будетъ нѣсколько преувеличено, если я скажу, что у насъ и печать и публика занимается бюджетомъ только потому, что въ Европѣ принято заниматься имъ, что тамъ разсмотрѣніе государственнаго бюджета въ высшей степени интересуется и агитируетъ рѣшительно все населеніе, но все-таки у насъ интересъ къ государственному бюджету не имѣетъ подъ собою жизненной почвы.

Мале того, одна изъ петербургскихъ газетъ замѣтила, что у насъ государственныя подати самымъ тяжелымъ бременемъ падаютъ не на достаточныхъ людей, не на тѣхъ, которые больше имѣютъ, а напротивъ, на тѣхъ, которые имѣютъ мало и даже иногда ничего не имѣютъ, — «вопреки началамъ финансовой науки, источникъ обложенія у насъ является не имущество, не доходъ и даже не потребленіе, а лицо. Этого мало: самое лицо освобождается отъ государственныхъ податей и повинностей, если только оно обладаетъ достаточнымъ имуществомъ... На классъ достаточные падаютъ (и то не дѣлкомъ, а только преимущественно) 33 мил. таможенныхъ доходовъ, 9 мил. податей за право торговли и около 10 мил. гербовыхъ, крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ. Какъ бы въ вознагражденіе за уплату этихъ, сравнительно незначительныхъ, налоговъ государство даетъ привилегированнымъ сословіямъ исключительное право поступленія на государственную службу. Здѣсь они имѣютъ возможность получать довольно обезпеченное содержаніе, на которое государство расходуетъ до трехъ сотъ милліоновъ въ годъ». А привилегированное-то сословіе и есть у насъ — тѣ единственные люди, для которыхъ публикуется государственная роспись, которые просматриваютъ ее и говорятъ, думаютъ, пишутъ, читаютъ и разсуждаютъ объ ней. Все это только любители или безкорыстные адвокаты за тѣхъ, для которыхъ «подати нынѣ больно тяжелы».

Я не буду приводить здѣсь цифръ бюджета, — желающіе могутъ найти ихъ въ любой газетѣ — и обращаться къ отчету государственнаго контроля.

Отчетъ этотъ произвелъ на публику, интересующуюся нашимъ государственнымъ бюджетомъ, почти такое же пріятное впечатлѣніе, какое въ свое время произвела на нее первая публикація государственной росписи. Газеты точно также поспѣшили пере-

печатать его, кто цѣликомъ, кто въ сокращеніяхъ, и посвятили ему по нѣскольку статей; публика просмотрѣла отчетъ, прочитала статьи объ немъ и — ничего, порадовалась! Да какъ же и не радоваться, когда у насъ, смотрите-ка, не только государственная роспись публикуется, но даже и самый отчетъ о ней, — отчетъ о томъ, какъ эта роспись исполнилась, насколько ее въ дѣйствительности сократили или увеличили. Роспись есть только указаніе на то, что ожидается и предполагается, а какъ эти ожиданія и предположенія осуществляются, это долженъ показать отчетъ государственнаго контроля.

Такой отчетъ опубликованъ (и составленъ) въ первый разъ только въ настоящемъ году, и есть одинъ изъ плодовъ тѣхъ преобразованій, которыя сдѣланы въ государственномъ контролѣ въ послѣдніе четыре — пять лѣтъ.

Что же представляетъ этотъ отчетъ? Онъ говоритъ только объ исполненіи смѣты 1866 года, и изъ него оказывается, что:

Роспись на 1866 г. общала доходу: 362,553,128 р. 15 к.

Дѣйствительно же поступило только . 352,695,835 » 97¹/₄ »

То-есть, на 9,857,292 р. 17³/₄ коп. менѣе.

Расходовъ сдѣлать предполагалось: . 384,137,059 р. 72¹/₄ к.

болѣе противу ожидавшагося дохода на 21,583,931 » 57¹/₄ »

Въ дѣйствительности же расхода сдѣлано на 413,298,011 » 52¹/₂ »

то-есть, болѣе противу предположенія на 29,160,950 » 80¹/₄ »

И противу дѣйствительно поступившаго въ томъ году дохода на 60,602,175 » 55¹/₄ »*

Другими словами: дефицитъ, передержка предполагалась и по росписи, но въ дѣйствительности дефицитъ этотъ увеличился почти втрое. Покрылся и покроется этотъ дефицитъ займами, на счетъ будущихъ доходовъ; но расходы будущаго, то-есть, 1867 года, тоже должны были, по росписи, превзойти доходы того года; будущій отчетъ государственнаго контроля покажетъ, вѣроятно, что превышеніе это составляетъ тоже вдвое или, можетъ быть, втрое болѣе сумму, чѣмъ какъ предполагала роспись 1867 года. Такое же точно превышеніе расходовъ предъ доходами значится и въ смѣтѣ на текущій годъ и, можетъ быть, точно также, удвоить или утроить его будущій отчетъ государственнаго контроля! Мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что почти то же самое повторяется и почти со всѣми бюджетами европей-

* 19.980,944 р. 67 к., поставленные на приходъ и на расходъ (заимствованные изъ 2-го 5% внутренняго займа и употребленные на постройку желѣзныхъ дорогъ), здѣсь вычтены, равнымъ образомъ вычтены и 5.268,687 р. 44 коп., израсходованные тоже на постройку желѣзныхъ дорогъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ. Такъ-какъ эти суммы не покрыты никакимъ доходомъ, то ихъ слѣдовало бы причислить тоже къ дефициту (и тогда общая цифра его должна бы быть: 85.796,707 р. 66¹/₄ коп.); но это расходъ производительный можетъ покрыть себя самъ.

снхъ государствъ; но, не говоря уже ни объ чемъ другомъ, не стоитъ ли въ связи съ этими дефицитами и непроеводительными расходами та возрастающая на все дороговизна, на которую жалуются теперь всѣ, и люди привилегированныхъ сословій насколько не менѣе другихъ? Курсъ стоитъ низко, денегъ мало, всѣ частныя и общественныя предпріятія сильно страдаютъ отъ недостатка денегъ. Куда дѣвались деньги—неизвѣстно! Но попробуйте въ своемъ частномъ хозяйствѣ нѣсколько дѣтъ или нѣсколько мѣсяцевъ тратить больше, чѣмъ вы получаете, и вы тотчасъ замѣтите, куда дѣнется ваше благосостояніе и отчего оно уменьшится.

Въ Европѣ поняли уже давно связь государственнаго хозяйства съ общественнымъ и частнымъ, и оттого тамъ всѣ такъ зорко и подозрительно смотрятъ на государственный бюджетъ и употребляютъ всѣ усилія контролировать его.

У насъ эта послѣдняя задача лежитъ на государственномъ контролѣ; оттого-то въ послѣднее время у насъ и заговорили о дѣятельности контроля и по поводу недавняго отчета его вспомнили о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя сдѣланы въ немъ, относительно говоря, уже давно.

Оставляя въ сторонѣ прежнее значеніе и прежнюю дѣятельность государственнаго контроля, я укажу здѣсь на нѣкоторыя стороны его настоящей дѣятельности.

Прежде всего, государственный контроль такое же высшее и самостоятельное учрежденіе, какъ и всякое министерство (я считаю нужнымъ сказать это потому, что, какъ я лично знаю, многіе смѣшиваютъ его съ разными контрольными отдѣленіями при министерствахъ и отдѣльныхъ управленіяхъ, нѣкоторые даже и вовсе не знаютъ о его существованіи — вѣроятно потому, что государственный контроль имѣетъ свои сношенія только съ казенными мѣстами). Можно даже сказать, что контроль выше всѣхъ министерствъ и самостоятельныхъ управленій, потому что контролируетъ ихъ въ денежномъ отношеніи. Всѣ министерства и самостоятельныя управленія въ концѣ каждаго года представляютъ въ государственный контроль свои смѣты на слѣдующій годъ—соображенія, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, о доходахъ, которые должны поступить по вѣдомству каждаго министерства, и росписъ, тоже на основаніи извѣстныхъ данныхъ (большею частью на основаніи опредѣленнаго закона), расходамъ (жалованье, канцелярскіе, строительные, ремонтные расходы, путевыя издержки, продовольствіе, обмундированіе и т. д.). Въ этихъ частныхъ смѣтахъ каждаго отдѣльнаго министерства и самостоятельнаго управленія самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ описывается, сколько въ данномъ вѣдомствѣ чиновниковъ и вообще служащихъ лицъ и какое каждому изъ нихъ полагается по закону жалованье или содержаніе, сколько домовъ или вообще разныхъ помѣщеній и что требуется въ слѣдующемъ году для поправки или содержанія этихъ помѣще-

ній въ исправности (дрова, вода, ремонтъ и т. д.), сколько требуется на канцелярскіе расходы (бумагу, перья, карандаши и т. д.), словомъ, перечисляются всѣ расходы, даже показывается, сколько гарницеви или мѣръ овса, пудовъ сѣна и соломы требуется на каждую казенную лошадь, или сколько аршинъ, четвертей и вершковъ, съ долями, суена, холста, галуна и т. д. нужно для обмундирования каждаго солдата, служителя и казеннаго воспитанника. Такъ же подробно и обстоятельно высчитываются и всѣ доходы, которые данное вѣдомство должно получить съ находящихся въ его вѣдѣніи лицъ, домовъ, лавокъ, земель, капиталовъ и т. д.

Государственный контроль сличаетъ всѣ эти смѣты съ закономъ и разными положеніями, инструкціями и существующими въ данное время цѣнами на разные предметы и вообще расходы; входитъ въ соображеніе о томъ, не находятся ли въ смѣтахъ такіе расходы, которые хотя и дозволены закономъ, но, при данныхъ обстоятельствахъ, излишни, преждевременны или недостаточно экономны. Такъ же точно поступаетъ онъ и относительно смѣты доходовъ. Обо всемъ этомъ составляется, по каждой отдѣльной смѣтѣ, особая записка и вносится въ государственный совѣтъ для разсмотрѣнія. (То же самое относительно смѣты всѣхъ министерствъ и отдѣльныхъ управленій дѣлаетъ, съ своей стороны, и министерство финансовъ, съ тою только разницею, что смѣта самого министерства финансовъ тоже предварительно разсматривается въ государственномъ контролѣ, смѣта же государственнаго контроля представляется прямо въ государственный совѣтъ). Когда въ государственномъ совѣтѣ всѣ отдѣльныя смѣты будутъ разсмотрѣны и исправлены, сообразно съ замѣчаніями государственнаго контроля и министерства финансовъ и соображеніями самаго государственнаго совѣта, изъ нихъ составляется одна общая, относительно говоря, краткая смѣта всѣхъ государственныхъ расходовъ и доходовъ на слѣдующій годъ — «государственная роспись», и, послѣ утвержденія ея Государемъ, публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Затѣмъ, для государственнаго контроля открывается дѣятельность ревизіонная или наблюдательная, — онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ каждое отдѣльное вѣдомство исполняетъ свою смѣту — своевременно ли и въ такомъ ли количествѣ, какъ это назначено по смѣтѣ, поступаютъ въ него доходы, и правильно ли и экономно ли производятся расходы. Для этого каждое вѣдомство, доставляетъ въ контроль всѣ свои счета — счетъ на каждый полученный и на каждый израсходованный имъ рубль, мало того, на каждую четверть копейки! Если, напримѣръ, играющіе на улицѣ дѣти разобьютъ какимъ-нибудь образомъ окно въ казенномъ зданіи, и затѣмъ благополучно скроются, то очень легко можетъ случиться, что они надѣлаютъ этимъ не мало хлопотъ для контрольных чиновниковъ! Смотритель казеннаго зданія, потерпѣвшаго извѣщанъ, напишетъ ближайшему своему начальнику рапортъ: что вотъ тамъ-

Т. СЛХХVIII. — Отд. II.

то разбито окно и надобно его вставить, поспеши, прошу на это разрѣшенія. На рапортѣ напишется: «разрѣшаю» или «разрѣшается», и смотритель позоветъ стекольщика, сторгуетса съ нимъ и велитъ окно вставить. Затѣмъ, онъ возьметъ отъ стекольщика письменный счетъ — за сколько тотъ вставилъ окно, или же самъ напишетъ этотъ счетъ, и, вмѣстѣ съ своимъ вышеозначеннымъ рапортомъ и разрѣшеніемъ на ономъ, представитъ его, по прошествіи мѣсяца, въ государственннй контроль (въ провинціи — въ контрольную палату). Въ контролѣ прочтутъ этотъ счетъ, удостовѣрятся, что онъ разрѣшенъ и утвержденъ мѣстнымъ начальствомъ, справятся съ существующими въ данное время цѣнами на стекла, обратятъ вниманіе на то, сообразно ли достоинство стекла съ мѣстомъ его нахождения, то-есть не вставлено ли въ конюшнѣ такое стекло, которому подобаеъ быть только въ элегантной гостиной, и затѣмъ зададутъ себѣ вопросъ: а отчего стекло разбилось? Волею божіею (то-есть, отъ труса, потопа, бури и т. д.), или человѣческаго рукоу? Ибо въ первомъ случаѣ, стекло должно, на основаніи такой-то статьи закона, вставляться на счетъ казни, а во второмъ на счетъ разбившаго, или смотрителя дома. Смотритель дома забылъ въ своемъ рапортѣ обозначить это, и контрольный чиновникъ долженъ будетъ написать въ данное казенное вѣдомство бумагу, съ запросомъ: а отчего разбилось окно? Ибо по такой статьѣ то-то и то-то. Смотрителю дома нагонятъ отъ начальства и тоже запросъ. Если онъ рѣшится покривить душой и замятнать свою честь ложью (а что можетъ быть для человѣка дороже чести!), то онъ, вонечко, совретъ, и напишетъ, что окно разбилось волею божіею, и тогда контроль признаеъ расходъ на вставку стекла правильнымъ и утвердитъ его. Если же смотритель видѣлъ, что окно разбила дѣти, и онъ знаетъ ихъ и можетъ взыскать съ нихъ деньги, то деньги эти поступать на приходъ, будутъ внесены, тотчасъ же, въ государственное казначейство, и контроль получитъ объ этомъ отчетъ, а затѣмъ, и самъ, по прошествіи года, волеетъ эту каплю въ свой годовоу отчетъ.

По сему малому примѣру, взятому чуть-чуть не съ дѣйствительности, можете судить о томъ, какъ кропотлива, строга и добросовѣстна должна быть дѣятельность государственнаго контроля. Если контроль не оставляетъ безъ вниманія и самыхъ мелкихъ нарушеній казенныхъ интересовъ,—а что онъ не долженъ оставлять ихъ безъ вниманія, на это указываетъ вся обстановка теперешней отчетности и ревизіи ея, — то естественно, что тамъ, гдѣ дѣло касается тысячи и мильионовъ рублей, вниманіе и требовательность контроля должна удесятениться, и дѣятельность его оказаться для государства вполне благотворною. Одна газета рассказываетъ, что, будто бы, въ публикѣ ходятъ разные анекдотическіе рассказы о разныхъ мелочныхъ и даже смѣшныхъ придиракахъ контроля, на примѣръ, что, будто бы, гдѣ-то контроль

требовалъ справочныхъ цѣнъ на лягушекъ, кушечныхъ для физическихъ опытовъ управленіемъ одной гимназіи. Если анекдотъ этотъ справедливъ, то несмотря на то, что онъ смѣшонъ, потому что справочныхъ цѣнъ на лягушекъ, вѣроятно, нигдѣ въ мірѣ не существуетъ, — онъ, однакоже, прекрасно характеризовалъ бы требовательность и внимательность контрольных ревизоровъ, потому что вѣдь за иныхъ лягушекъ, иные казенные покупатели ставятъ въ своихъ счетахъ такую цѣну, за которую можно купить чуть-чуть не корову. Казна вѣдь все терпѣть!

Но, спрашивается, изъ кого же состоитъ этотъ контроль, что тамъ за люди такіе, откуда они взялись и откуда должно быть у нихъ такое необычайное усердіе къ соблюденію казенныхъ интересовъ? Мать что ли имъ родная казна-то эта, свои что ли интересы они тамъ наблюдаютъ, или отвѣтственность у нихъ какая-нибудь особенная?

Нѣтъ! Это такіе же точно «чиновники», какъ и чиновники любого изъ всѣхъ министерствъ, многіе изъ нихъ и перешли въ государственный контроль изъ этихъ министерствъ. Это тѣ же наши старые знакомые, которые наполняли и наполняютъ всѣ наши столичныя, губерскія и уѣздныя присутственныя мѣста — тѣ же самые по всѣмъ своимъ правамъ и обязанностямъ, и чиновники всѣхъ другихъ вѣдомствъ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія смотрѣть на нихъ какъ-нибудь косо. Если же чиновники другихъ вѣдомствъ пускаютъ иногда въ пубliku анекдоты о своихъ контрольскихъ собратахъ, скандализующіе этихъ послѣднихъ, въ родѣ анекдота о лягушкахъ, — то публика не должна этимъ смущаться, — это не что иное, какъ самое обыкновенное, самое обыденное чиновничье продергиваніе.

Контрольные чиновники заставили о себѣ, въ недавнее время, говорить, — говорить объ ихъ энергіи и усердіи къ соблюденію казенныхъ интересовъ; но скептики говорятъ: подождемъ! но эта энергія и это усердіе только, такъ сказать, напускныя, случайныя, зависящія отъ личнаго состава; это то же самое, что недавно было съ судебными слѣдователями и мировыми посредниками, такъ-называемаго, перваго назначенія, — общій чиновничій духъ долженъ, рано или поздно, уравнять всѣхъ.

Но довольно о деньгахъ, расходахъ и сокращеніяхъ — самый непріятный предметъ для разговора!

Особенно въ настоящее время, когда на дворѣ весна, луга зеленѣютъ, птички поютъ, деревья чуть-чуть не распускаются, вечера становятся длинны, ночи томны... вся природа къ чему-то взымается. Поди, говорить, ко мнѣ, поди; полюбуйся моею зеленью, понѣжся на тепломъ солнышкѣ, подыши чистымъ и нѣжнымъ весеннимъ воздухомъ, шавельку повзь...

Ахъ, шавель, столбунцы и борщовки напоминаютъ о томъ, что нѣсколько тысячъ людей, въ теченіе всей прошедшей зимы, ѣли мохъ и древесную кору! Привѣтъ же тебѣ, красная весна, —

хоть шавелькомъ, столбунцами и борщовками прокормишь многих до новой, еще очень далекой, жатвы!

Но возвращаюсь къ веснѣ и ея вызывательному характеру.

Къ разнымъ мыслямъ, чувствамъ, дѣламъ и предпріятіямъ вызываетъ весна; но прежде всего и сильнѣе всего, конечно, къ любви, нѣжнымъ изліяніямъ и — ничегонедѣланію! Если физическая, частіе, растительная природа оживаетъ и начинаетъ свою творческую работу, то въ людяхъ, съ наступленіемъ весны, рождается непреодолимое желаніе отдохнуть. Яснѣе всего это можно видѣть на петербургскихъ жителяхъ—они бѣгутъ изъ города, бѣгутъ отъ своихъ письменныхъ столовъ, конторокъ и прилавковъ, и если въ теченіе весны и лѣта возвращаются къ нимъ, то только урывками, ненадолго. Настоящимъ дѣломъ здѣсь занимаются лѣтомъ только пришлые, деревенскіе люди, — дѣломъ, если не особенно тяжелымъ, то грязнымъ—въ буквальный смыслъ слова—и опаснымъ для здоровья и жизни. Роютъ, чинятъ и очищаютъ безконечныя и безконечно грязныя водосточныя, газопроводныя и водопроводныя ямы, трубы и канавы, перестилаютъ вѣчно неисправныя и вѣчно болотисто-сырыя мостовыя, бѣлятъ и штукатурятъ дома и красятъ крыши. Если зимой полицейскій дневникъ происшествій ежедневно сообщалъ, что тамъ-то и такой-то человекъ зарѣзался, повѣсился, застрѣлился, былъ спшибенъ съ ногъ, задавленъ и раздавленъ бѣшеною каретою или коляскою, успѣвшею скрыться, и т. под., то весной, лѣтомъ и осенью онъ будетъ наполняться извѣстіями о томъ, что тамъ-то и такой-то штукатурищикъ, бѣлильщикъ или кровельщикъ, по неосторожности своей, свалился съ крыши, сорвался со стѣны трехъ или четырехъ-этажнаго дома, и хотя не разбился въ дребезги на мѣстѣ, но, на пути въ больницу, скончался. А о тѣхъ, которые умрутъ, болѣе медленною смертію, оттого, что цѣлое лѣто провели въ грязныхъ, болотистыхъ улицахъ ямахъ и канавкахъ, дадутъ въ свое время отчетъ деревенскія церковныя метрики.

Чтобы не видѣть, не слышать и не читать каждый день ничего подобнаго, поѣдьте, любезный петербургскій читатель, вонъ изъ Петербурга, куда-нибудь на дачу, подальше отъ города, или въ деревню, гдѣ мужички пребываютъ еще во всей своей первобытной простотѣ, будучи нисколько не тронуты цивилизаціею, и въ потѣ лица своего добываютъ себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и намъ, хлѣбъ насущный; или поѣдьте куда-нибудь подальше, — за границу, на берега вино-обильнаго Рейна, въ гористую и скалистую Швейцарію, или всего лучше въ Италію, и именно въ Венецію, — потому что въ Венецію отправляется лѣтомъ спеціально-увеселительный поѣздъ. Ко времени возвращенія нашего домой, Петербургъ будетъ снова вычищенъ и выхолонъ на славу!

«Предполагаемая (увеселительная) поѣздка начнется 11 (23) іюня въ среду въ часъ пополудни, изъ Петербурга. Принимаю-

шее въ ней участіе общество посѣтитъ, по пути въ Венецію, Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Вѣну и Триестъ; возвратный путь будетъ лежать черезъ Падую, Виченцу, Верону, черезъ Тироля на Инспрукъ, Зальцбургъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Лейпцигъ и Берлинъ. Эти увеселительныя поѣздки, которыя давно уже введены за границу, отличаются тою особенностью, что хлопоты о помѣщеніи, незнакомство съ отелями, почти ежедневная неприятность платить по страшно высокимъ счетамъ, муки съ платою на водку—всего этого не существуетъ при увеселительныхъ поѣздкахъ. Все заготовлено заранее: квартиры, экипажи, даже переводчики для лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками. Участвующіе въ нихъ туристы пользуются рѣдкимъ преимуществомъ наслаждаться всѣмъ, чѣмъ только можно наслаждаться въ путешествіи, какъ только выплатятъ свою долю путевыхъ издержекъ нотаріусу, избранному кассиромъ дорожныхъ суммъ, на которомъ лежатъ дальнѣйшія распоряженія о своевременной доставкѣ денегъ въ главныя мѣста остановокъ общества. Все достопримѣчательное будетъ показано ему въ свое время безъ излишней торопливости, ему стоитъ только взять въ руки программу и принять участіе въ тѣхъ изъ означенныхъ на ней развлеченій, которыя ему приходится болѣе по вкусу. Увеселительнымъ поѣздамъ часто ставятъ въ упрекъ, что онѣ представляютъ какую-то бѣшеную гонку, въ которой не можешь уже распоряжаться самъ собою. Но въ такомъ случаѣ виноваты плохія программы; конечно, время пребыванія въ каждомъ городѣ бываетъ опредѣлено заранее, но не такъ чтобы нельзя было перевести духа. Въ предполагаемой у насъ поѣздкѣ повсюду предлагается *квинтэссенція* всего достопримѣчательнаго, *болше чѣмъ сколько можетъ осмотрѣть единственный * путешественникъ, нерасполагающій большими средствами.*

«Тѣ, кто желаетъ принять участіе въ поѣздкѣ, должны (1) отнестись въ ней съ полнымъ довѣріемъ, забрать съ собою поменьше поклажи, но побольше юмора (изъ слѣдующихъ строкъ и изъ другаго мѣста программы оказывается, что забирать съ собою юморъ вовсе нѣтъ необходимости—имъ будутъ снабжать путешественниковъ распорядители поѣздки) и веселаго расположенія духа. Распорядители постараются оправдать возлагаемое на нихъ довѣріе и не только поддерживать, но и возбуждать веселое настроеніе своихъ гостей (будутъ ходить изъ одного отдѣленія вагона въ другое и говорить пассажирамъ: что вы, господа, носы-то повѣсили?), что имъ не будетъ трудно, такъ-какъ поѣздка останется вѣрна своему характеру *общественной увеселительной* поѣздки... Распорядители хотятъ ознакомить своихъ путешественниковъ съ нравами и обычаями странъ (лекція что ли будутъ читать?), мимо которыхъ они будутъ проѣзжать, дать имъ насладиться роскошью южной природы, упиться невидан-

* Вѣроятно, единственный?

ными доселѣ красотами мѣстоположенія. Для того, кто... прикованъ къ кабинету, конторкѣ, эта поѣздка будетъ не только приятнымъ развлеченіемъ, но и истиннымъ, жизненнымъ элексиромъ, и придастъ ему новыя силы и мужество...»

Билетъ, дающій право на все это, стоитъ 350 руб.; число участниковъ ограничено 150 чел. Распорядители увѣряютъ, что предпріятіе ихъ «встрѣчаетъ большое сочувствіе, и по всей вѣроятности, требуемое число охотниковъ наберется весьма скоро». Посему они совѣтуютъ тѣмъ, «кто *серьезно* (?) желаетъ принять участіе въ поѣздкѣ, записаться заблаговременно!»

Распорядителямъ очень приятны будутъ и замужня (почему же только замужня?) дамы и дѣлныя семейства.

Я, съ своей стороны, тоже «совѣтую»; только не рекомендую ѣхать дѣлнымъ семействомъ, съ дѣтьми, потому что и изъ взрослыхъ людей едва ли многіе въ состояніи будутъ вынести эту скачку по желѣзнымъ дорогамъ и бѣготню по разнымъ увеселительнымъ и поучительнымъ мѣстамъ—въ теченіе дѣлныхъ *шести*, или, съ другой стороны, *только* шести недѣль.

Но я съ большею охотою посовѣтовалъ бы устроить другую поѣздку (большой компаніей), если не особенно увеселительную, то, навѣрное, не менѣе поучительную—поѣздку въ Финляндію, Архангельскую, Олонецкую и нѣкоторыя другія подобныя имъ губерніи. Этимъ путешественникамъ можно бы порекомендовать ознакомиться, если не столько съ «нравами и обычаями» странъ, по которымъ они будутъ путешествовать, то прежде всего съ нѣкоторыми статистическими цифрами. А то мы, не только петербургскіе жители, но и всѣ русскіе люди, хотя и знаемъ достоверно, сколько и какія пожертвованія сдѣланы нами въ пользу.... но до сихъ поръ остаемся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно числа нуждающихся или нуждавшихся и степени ихъ нужды.

Конечно, очень полезно будетъ ознакомиться при этомъ и съ разными нравами и обычаями провинціальныхъ и деревенскихъ жителей.

Спѣшу оговориться, что первая мысль о подобной поѣздкѣ по Россіи принадлежитъ не мнѣ. Одинъ провинціальный житель пишетъ редактору одной изъ московскихъ газетъ: «вы совершали ученыя путешествія; совершили и святое путешествіе; можетъ быть, послѣднее было и полезнѣе для вашей души. Но, ей, въ тысячи и тысячи разъ было бы ближе къ дѣлу спасенія, еслибъ, въ послѣднее время, вы взяли на себя трудъ попутешествовать по нашимъ селамъ и деревнямъ: разоблаченіемъ всеохватившей лжи вы послужили бы дѣлу правды, которая одна спасаетъ; указаніемъ вопіющихъ потребностей народной жизни вы послужили бы дѣлу любви, которая, по апостолу, выше всѣхъ подвиговъ, выше всѣхъ даровъ духовныхъ, выше всего въ мірѣ. И чтѣ заговорили бы вы послѣ такого путешествія, — уже не съ чужихъ разглагольствованій, а по лично-узнанной истинѣ!»

Редакторъ, къ которому это писалось, отвѣчаетъ: «но вѣдь вы эту истину видите и знаете: ну, и пишете и свидѣствуете, а мы будемъ читать, печатать, принимать къ свѣдѣнью, и, кто можетъ, къ исполненію... Наѣдомъ я увидалъ бы вѣдь и узналъ бы все гораздо меньше и хуже вашего».

Другой корреспондентъ возражаетъ на этотъ отвѣтъ: «мѣстные жители привыкаютъ ко всякой вони, понимаемой и обоняемой, если она обычна или постоянна. Мѣстные жители держатся практическаго на Руси правила — не выносить сору изъ избы, а то свои же ближніе заѣдятъ. Мѣстный житель, пишущій о мѣстныхъ событіяхъ... всегда колетъ кому либо глаза. Это представители и первоначальники гражданскаго мужества, войны безславно нападающіе и умолкающіе подъ арестомъ (Подъ арестомъ?! Доселѣ извѣстно было только, что у насъ корреспондентовъ иногда бьютъ изъ-за угла и дѣлаютъ имъ разныя непріятности)... Я пробоваъ писать — скверно; ропотъ, выговоръ даже отъ отца роднаго... Совѣмъ другое дѣло, другія послѣдствія вышли бы, еслибы редакторы газетъ посылали своихъ корреспондентовъ по городамъ и селамъ (вопервыхъ, это очень дорого стоитъ, а вторыхъ, если мѣстные корреспонденты, будто бы, попадаютъ подъ арестъ, то можетъ то же случиться и съ заѣзжими)... Онѣмѣамомъ вурять довольно; при этомъ благовономъ дымѣ, важетса, все обстоитъ благополучно».

Хорошо бы, въ самомъ дѣлѣ, поѣхать, особенно цѣлой компаніей — авось, если попадетъ въ бѣду одинъ, то остальные, можетъ быть, благополучно унесутъ свои ноги и выручатъ товарища. Тогда можно бы все, все описать и отпечатать! Впрочемъ, прямой пользы отъ этого не вышло бы, вѣроятно, никакой. Гораздо лучше, прямѣе и достовѣрнѣе могутъ узнать мѣстныя нужды и излечить ихъ или ходатайствовать объ излеченіи ихъ мѣстные народныя представители — земскіе гласные. Это ихъ прямая обязанность.

А народныя представители эти дѣлаютъ вотъ что. Одна земская управа (Черниговской губерніи) купила на присланныя ей въ ссуду деньги такого хлѣба, который даже и нуждающіеся въ немъ отказались принять, — «хлѣбъ оказался гнилымъ и совершенно негоднымъ къ употребленію, такого злокачественнаго свойства, что можетъ породить болѣзнь» (а хлѣбъ этотъ обошелся по 92 коп. съ доставкою за пудъ). «Чѣмъ кончится дѣло объ этой неудачной покупкѣ, я не знаю — добавляетъ корреспондентъ — постараюсь увѣдомить».

Не кончилось ли тѣмъ, чѣмъ кончилась подобная же исторія въ Смоленской губерніи? Тамъ земская управа, слишкомъ поздно начавшая заботиться о народномъ продовольствіи, закупила хлѣбъ слишкомъ по дорогой цѣнѣ. Крестьяне «не захотѣли лѣзть въ неоплатный долгъ, и всѣ волости, гдѣ оказалась хоть малая толика непроданнаго скота и наличнаго какого бы то ни было хлѣба, отказались отъ хлѣбнаго пособія земскихъ управъ, тре-

буя въ свое личное распоряженіе деньги, ассигнованныя на довольствіе народа». Въ Духовщинскомъ уѣздѣ «откавъ крестьянъ отъ управскаго хлѣба былъ принятъ сначала и сторача чуть ли не за возмущеніе, и потому былъ командированъ въ одну изъ quasi-мѣстныхъ волостей исправникъ съ порученіемъ урезонить крестьянъ и велѣтъ имъ принять благодареніе. Исправникъ явился, но крестьяне единогласно, съ достоинствомъ мирно и вѣжливо отвѣтили: «если мы, ваше благородіе, попремъ съ голоду возлѣ нашихъ сохъ, то пусть насъ тогда приберутъ, а съ тѣми, кто передаетъ намъ вспомошествованіе, дѣла имѣтъ не хотимъ и хлѣба, купленнаго управою, не возьмемъ».

«Тѣмъ дѣло и кончилось», заключаетъ корреспондентъ. А впрочемъ, «суправа выжидаетъ, что голодъ возьметъ-таки свое и заставитъ взять управскій хлѣбъ помимо всякихъ соображеній. И точно, это ожиданіе осуществляется. Хлѣбъ берутъ. Большинство беретъ; даже и отказавшіяся волости берутъ. Трудно выдержать борьбу съ лицами сытыми и власть имущими, стоя возлѣ пустаго закрома и вида свою родную семью, прообѣдавшую слезами и горемъ». (Впрочемъ, та волость, въ которой былъ исправникъ, кажется, остается еще при своемъ рѣшеніи).

Смоленская корреспонденція увѣряетъ даже, что крестьяне «озлоблены; довѣріе въ земской администраціи исчезло, недовѣріе и неудовольствіе растутъ. Между крестьянами ходятъ самые обидные слухи и самые странные анекдоты на счетъ мѣстныхъ земскихъ властей».

Странное дѣло, — къ избранныкамъ-то народа, къ людямъ излюбленнымъ имъ— и вдругъ и недовѣріе и озлобленіе! Да въ самомъ дѣлѣ, ужъ избранныки ли это народныя, все ли это народныя избранныки, много ли ихъ тамъ и сильны ли голоса ихъ?

Вмѣсто поѣздки въ Венецію для того, чтобы насладиться... и изучить чужеземныя нравы и обычаи, не поѣхать ли въ самомъ дѣлѣ лучше въ Россію и изучить наши собственные нравы и обычаи и нравы и обычаи людей, завѣдующихъ нашими домашними дѣлами?

Въ провинціи дѣлаются дивныя дѣла, такіа дѣла, которымъ положительно отказываешься вѣрить.

«Въ одну газету * пишутъ: «давно я хотѣлъ молвить словечко о розгахъ,— и сообщить одно извѣстіе. Въ с. Сосновкѣ взбунтовалось большое имѣніе князя Голицына, и въ Козловкѣ казенное огромное селеніе. Въ Сосновку былъ посланъ на усмиреніе эскадронъ драгунъ съ боевыми патронами. Эскадронный командиръ приказалъ, чтобы у каждаго драгуна было на сѣдлѣ по два пучка розогъ. Прибылъ эскадронъ; никакія убѣжденія начальства не могли установить порядка; прокомандовали: заряжай ружья; не тутъ-то было,— бречать: всѣхъ не перебьешь. Сдѣлали холостой залпъ, но народъ еще болѣе возмутился.

* «Русскій». 1868 г. 22 апр. № 20. Стр. 818.

Эскадронный командиръ приказалъ переловить нѣсколькихъ бунтовщиковъ и положить подъ розги, — вся толпа вскорѣ стала на колѣни и повибилась (да въ чемъ же?). Въ Козловкѣ же розогъ не было, батальионъ инвалидовъ стрѣлялъ, — падали раненые, толпа шла на проломъ, и штыки не помогли, съ дубьемъ одолѣли. Безъ сомнѣнiя, новыя ружья, въ минуту 12 пуль выпускающiя, уймутъ хоть какую толпу; *но не отнимайте того, чего дать не можешь*» (вѣроятно, розогъ; только отчего же ихъ дать не можешь?).

Подписано: «Старикъ. Марта 27-го». Но откуда эта корреспонденция, какого времени она касается — воспоминанiе ли это молодости, приведенное только въ защиту розогъ, или это событiе недавнее? Изъ-за чего крестьяне взбунтовались, особенно крестьяне «казеннаго селенiя»; какого «порядка» не могли установить, въ чемъ крестьяне «повинились» я, наконецъ, что послѣдовало затѣмъ, когда толпа съ дубьемъ одолѣла солдатъ? На всѣ эти вопросы корреспонденция не даетъ отвѣта; только одна начальная фраза ея — «сообщить одно извѣстiе» — даетъ основанiе думать, что все это было въ недавнее время. На основанiи какого же это закона и судебного приговора мужиковъ сѣбли розгами?

О томъ, что гдѣ нибудь въ Испанiи или въ какомъ нибудь Аштонѣ (въ Англии) «происходили беспорядки, при чемъ потребовалось содѣйствiе войска», мы получаемъ телеграммы и чрезъ нѣсколько дней преподробнѣя описанiя; а какъ вотъ дома эскадроны драгунъ съ боевыми патронами усмиряютъ крестьянъ, или какъ мужики цѣлый батальионъ, объ этомъ мы узнаемъ только изъ такихъ случайныхъ и темныхъ корреспонденцiй, какъ выше-приведенная!

Я желалъ бы теперь успокоить взоры читателя на какой нибудь свѣтлой картинѣ; къ сожалѣнiю, такихъ картинъ у меня, даже и несмотря на то, что теперь самое прелестное время года, очень мало; до того мало, что самую свѣтлую изъ нихъ приходится считать недавнiй диспутъ въ петербургскомъ университетѣ. Священникъ М. И. Горчаковъ защищалъ диссертацию о «Монастырскомъ Приказѣ», написанную имъ для полученiя степени магистра *государственной права*. Я называю это событiе свѣтлымъ потому, что всѣ газеты назвали его такимъ. Одна газета говоритъ, напримѣръ: «надо отдать справедливость, — испытанiе вышло блестящее, какого давно не видывалъ здѣшнiй университетъ». Но изъ дальнѣйшаго описанiя оказывается, что блеска особеннаго не было и не могло быть, ибо «официальные оппоненты, гг. Андреевскiй и Михайловъ, коснулись *весьма слабо* (!) нѣкоторыхъ положительно не существенныхъ сторонъ диссертации... Что касается возраженiй г. Градовскаго, то и они также были весьма неубѣдительнаго свойства... Тезисовъ диссертации не касались вовсе». Какой же, послѣ этого, можетъ быть блескъ въ такой борьбѣ, гдѣ силы далеко неравны и гдѣ

одна сторона дѣлаетъ нападенія только «весьма слабыя» и на стороны несущественныя!

Но что собраніе было блестящее, это правда. Кромѣ лицъ, принадлежащихъ къ университету, здѣсь было человекъ до 20-ти петербургскихъ протоіереевъ; былъ даже католическій духовный; въ залѣ и на хорахъ много было дамъ (можетъ быть потому, что о. Горчаковъ законоучитель одного женскаго института) и нѣсколько бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Настроеніе публики было самое веселое, — смѣялись, хохотали и рукоплескали. Смѣялся остроумнымъ или смѣшнымъ возраженіямъ и таковымъ же отвѣтамъ. Одинъ оппонентъ сказалъ, напримѣръ: «...и замѣчательно, что монастырскій приказъ, къ чему только онъ ни прикасался, за что ни брался — все портилъ»... Хотя онъ рѣчи своей здѣсь еще не кончилъ и не выставлялъ своего замѣчанія въ видѣ возраженія, но диспутантъ тотчасъ же поймалъ его на фразѣ, засмѣялся и отвѣтилъ: *что же дѣлать! Ужъ я въ этомъ невиноватъ!* Публика разразилась на это хохотомъ, и даже сами официальные оппоненты изволили долго смѣяться! Или, другой оппонентъ держитъ рѣчь, не идущую прямо въ дѣлу. Диспутантъ нѣсколько разъ прерываетъ его и говоритъ, что рѣчь эта диссертация не касается.

— Но я рекомендую вамъ имѣть эти мысли въ виду, когда вы будете писать другое сочиненіе.

— Почему же вы знаете, что я не имѣю ихъ въ виду! отвѣчаетъ диспутантъ.

Опять всеобщій смѣхъ, а оппонентъ (неофициальный) продолжаетъ свое. Словомъ, было очень весело. Весь диспутъ сильно напоминалъ собою семинарскіе публичные экзамены, гдѣ и экзаменующіе и экзамуемые бываютъ вполне увѣрены другъ въ другѣ, и вселяя въ душу вѣждаго присутствовавшего мысль о томъ, что публично экзаменоваться на степень магистра государственнаго права нетолько не составляетъ никакого труда, но даже очень пріятно, ибо это чистѣйшіе пустяки, просто, забава. Да, впрочемъ, вѣдь и вообще эти диспуты и защищенія диссертаций не что иное, какъ только шутка, — серьезно экзаменуютъ раньше за закрытыми дверями, а къ публичному диспуту допускаютъ только тѣхъ, кому уже заранѣе рѣшаютъ дать искомую ученую степень.

Я не думаю набрасывать этимъ тѣнь на ученые заслуги о. Горчакова въ области гражданскаго права и на его право занять университетскую кафедру (о. Горчаковъ, говорятъ, готовился занять, и теперь, вѣроятно, скоро займетъ кафедру церковнаго законовѣдѣнія); напротивъ, въ виду того, какъ много въ нашихъ университетахъ остается незанятыхъ кафедръ, и какъ трудно найти для этихъ кафедръ достойныхъ и подходящихъ преподавателей, надобно только радоваться, что та область, изъ которой университеты могутъ добывать себѣ профессоровъ, теперь расширяется и, можетъ быть, вслѣдъ за о. Горчаковымъ явятся

въ нашихъ университетахъ и другіе соисдатели изъ блага или монашествующаго духовенства на полученіе ученыхъ степеней по разнымъ областямъ университетскаго преподаванія и на занятіе университетскихъ кафедръ.

Радоваться этому тѣмъ болѣе основательно, что въ недавнее время (въ прошедшемъ году) послѣдовало-было ограниченіе этой области, — именно циркулярнымъ письмомъ временно-управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія запрещено было допускать къ занятію большей части не только профессорскихъ, но и вообще учительскихъ кафедръ — евреевъ. Вотъ выдержка изъ этого циркуляра: «принимая во вниманіе, что, на основаніи статьи (такой-то), евреи, имѣющіе ученые степени, допускаются въ службу по всѣмъ вѣдомствамъ, я нахожу, что, по смыслу сего постановленія, *нѣтъ законнаго основанія* къ отказу евреямъ поступать въ учебную службу; но, имѣя въ виду mogućія произойти неудобства отъ допущенія евреевъ къ преподаванію наукъ юридическихъ, политическихъ и историческихъ, основанныхъ главнымъ образомъ на началахъ истинъ христіанской религіи, я признаю совершенно несовмѣстнымъ съ направленіемъ и духомъ преподаванія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ допускать къ преподаванію упомянутыхъ наукъ лицъ еврейскаго закона».

Такъ-какъ для запрещенія этого *нѣтъ законнаго основанія*, мало того, оно прямо противорѣчитъ закону, то можно думать, что въ настоящее время оно уже отмѣнено.

Впрочемъ, въ началѣ апрѣля оно еще не было отмѣнено, потому что тогда въ одной газетѣ заявлено было, что вслѣдствіе этого распоряженія, двоихъ евреевъ, бывшихъ студентовъ московскаго университета, нарочито командированныхъ, на казенный счетъ, заграницу, чтобы подготовиться тамъ къ занятію двухъ юридическихъ кафедръ, и по возвращеніи оттуда выдержавшихъ экзаменъ на степень магистра, — къ занятію обѣщанныхъ имъ кафедръ не допускаютъ!

Въ самое послѣднее время, заставила о себѣ говорить московская полиція, и, на этотъ разъ, съ самой лучшей стороны. «Имѣя въ виду и принимая во вниманіе — пишетъ московскій оберъ-полицеймейстеръ въ своемъ привязѣ полиціи — что женщины у всѣхъ образованныхъ народовъ пользуются общимъ уваженіемъ, и что всякая грубость противъ женщины, выражая крайнее невѣжество оскорбителя, не можетъ быть терпима въ благоустроенномъ обществѣ, я предписываю чинамъ полиціи внимательно слѣдить на улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ за тѣми изъ молодыхъ людей (а изъ старыхъ?), которые дозволяютъ себѣ наносить оскорбленія лицамъ женскаго пола, и при первомъ заявленіи жалобы на эти оскорбленія оказывать обиженымъ возможную защиту»...

Привязъ этотъ вызванъ тѣмъ, что «нѣкоторые молодые люди, соединяясь по нѣскольку человѣкъ, появляются въ публичныхъ мѣ-

стахъ именно съ тою цѣлію, чтобы потѣшиться дерзкими и наглыми выходками своими надъ каждою встрѣтившеюся дамою или дѣвицею!»

Впрочемъ, много радоваться-то здѣсь еще нечему, потому что неизвѣстно еще, какъ приказъ будетъ исполняться.

Другое дѣло было бы, еслибы исполнители состояли изъ такихъ людей, какихъ желаютъ имѣть у себя жители какого-то сибирскаго города Е... Они желаютъ имѣть городскую стражу—ужасно сказать!—изъ своей собственной среды! Потому что существующая у нихъ полиція оказывается крайне недѣятельною въ отысканіи бродягъ, преступниковъ и вообще всякаго рода людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе незаконными путями. Трудно ожидать, чтобы губернаторъ, къ которому жители города Е. обратились съ этой просьбой, исполнилъ ее; потому что... потому что «у всѣхъ (?) образованныхъ народовъ» городскіе жители пользуются правомъ только платить деньги на содержаніе полиціи, а не нанимать и выбирать ее изъ своей собственной среды.

Дѣйствительно ли у всѣхъ образованныхъ народовъ это такъ, это могутъ рѣшить только тѣ, которые знакомы съ «правами и обычаями тѣхъ странъ, мимо которыхъ...» Посему, поѣзжайте въ Венецію!

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ *.

Съ 19-мъ февраля въ понятіи русскаго человѣка всегда соединяется представленіе о чемъ-то весьма добровачественномъ. Все хорошо начинающееся, все хорошо совершившееся—все невольно приурочивается къ этому знаменательному въ исторіи русской жизни числу. Въ особенности же оцутительно доброе вліаніе 19-го февраля въ провинціи. Тутъ 19-е февраля дѣйствовало непосредственно и воочию всѣхъ; тутъ оно въ самой жизни провело черту до такой степени яркую, что то, что стоитъ надъ чертою, не имѣетъ почти ничего общаго съ тѣмъ, что стоитъ подъ чертою. А такъ-какъ *надъ* чертою хорошаго стояло мало, то весьма понятно, куда должны тяготѣть общія симпатіи.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что и въ провинціальномъ обществѣ существуютъ извѣстные слои въ которыхъ 19-е февраля отозвалось послѣдствіями свойства довольно неожидан-

* См. «Отч. Записки» 1868 г. №№ 2 и 4.

наго. Въ противность всякимъ соображеніямъ, оно выдвинуло впередъ въ этихъ слояхъ совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало выдвинуть, и поставило внѣ дѣятельности совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало внѣ дѣятельности поставить. Однимъ словомъ, вышла какая-то безпримѣрная и только у насъ возможная путаница, вслѣдствіе которой вліятельными практическими дѣятелями на почвѣ 19-го февраля явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванія при малѣйшемъ намекѣ на эту почву; люди же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго вліянія на правильный исходъ его, но даже, къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами.

И дѣйствительно, взгляните нѣсколько въ нашихъ вліятельнѣйшихъ провинціальныхъ исторіографовъ, въ тѣхъ, которые и о-сю пору еще пишутъ вольнымъ духомъ нашу исторію—что составляетъ язву, непрестанно точащую ихъ существованіе. Эту язву составляютъ: упраздненное крѣпостное право, гласные суды, земство, т.-е. именно то, въ чемъ замыкается существенный смыслъ 19-го февраля. Въ чемъ состоитъ самая яркая, характеристичная сторона ихъ дѣятельности? Эта сторона состоитъ въ жалкихъ усиліяхъ во что бы то ни стало подорвать тѣ плодотворныя послѣдствія, которыя заключаютъ въ себѣ намѣренія 19-го февраля...

Какъ ни мало вѣроятенъ кажется такой фактъ, но онъ составляетъ явленіе до того общеизвѣстное, что сомнѣваться въ его дѣйствительности нѣтъ ни малѣйшей возможности. Ненавистничество до такой степени подняло голову, что самое слово «ненавистникъ» сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго письма. Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ нзрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ времени съ тѣмъ, что они называютъ «гнисною закваскою нигилизма и демагогіи», и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого дѣла, а преобразованія послѣдняго времени.

Торжество ненавистничества есть фактъ недавній, происшедшій на нашей памяти, въ какіе-нибудь послѣдніе пять-шесть лѣтъ. Много метаморфозъ испытала провинція, много видѣла она видовъ, много вынесла на спинѣ своей всякихъ рукавиць, а преимущественно ежовыхъ, но ничего подобнаго происходящему на нашихъ глазахъ не испытывала, не видала и не выносила. Цѣлые легіоны ничтожнѣйшихъ шалопаевъ рыскаютъ по градамъ и весямъ любезнаго отечества съ специальною цѣлью явно и тайно уничтожать и подрывать дѣйствіе 19-го февраля... скажите на милость, бывало ли когда-нибудь слышано подобное

чудовищное дѣло! Даже обидно становится, когда посмотримъ на эту повальную непросвѣтлую галиматью, и именно потому обидно, что ни подъ какимъ видомъ ничего нельзя понять. Нельзя понять, почему все это ничтожество, которое, еще такъ недавно, жалось около стѣнъ, смиренномудричало и притворялось, вдругъ выплыло на верхъ, заняло самую середину сцены, и, какъ весенняя мошвара, кружится на солнцѣ, готовое загѣпать в глаза, и носъ, и уши всякому проходящему. Нельзя понять, почему вся эта неспособность, которая, еще такъ недавно, сама сознавала себя ни на что негодною, кромѣ граненія мостовыхъ, зуботычинъ и смертнаго боя, вдругъ загалдила о какихъ-то высшихъ соображеніяхъ, о какихъ-то священныхъ интересахъ и правахъ. Чтѣ такое произошло? невольно спрашиваешь себя. Чтѣ могло вызвать этихъ слѣпорожденныхъ изъ темныхъ ихъ норъ? Ужъ полно все ли спокойно въ любезномъ отечествѣ? ужъ нѣтъ ли гдѣ признаковъ, которые бы предвѣщали хоть какое-нибудь, хоть отдаленное замѣшательство?

Можно поручиться, что сами ненавистники затруднятся дать скольконибудь удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, а если и укажутъ на какіе-нибудь признаки, по мнѣнію ихъ, зловредные, то въ этихъ указаніяхъ, вонечно, всего замѣчательнѣе будетъ не сущность ихъ (всегда ребячески пошлая и преднамѣренно-лживая), а то злорадство, съ которымъ они дѣлаются. Нельзя себѣ представить того наслажденія, съ которымъ ненавистникъ хватается за всякую поруху, за всякую фальшивую ноту, которою случайно зазвучитъ непріятное ему дѣло. Прослышитъ ли онъ, что народъ бѣднѣетъ—онъ ликуетъ; вычитаетъ ли, что въ дѣлахъ застой—онъ торжествуетъ всею утробой; дойдетъ ли до него, что города и села опустошаются пожарами—нѣтъ предѣла, нѣтъ границъ его поганымъ восторгамъ. Онъ всякую народную бѣду готовъ приурочить къ 19-му февраля, потому что въ дурацкой его головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной ему этимъ ужаснымъ для него числомъ. И можно быть увѣреннымъ, что случись когда-нибудь всероссійское землетрясеніе, онъ съ радостью согласится погибнуть подъ развалинами, лишь бы имѣть случай лишній разъ прокричать: это оно, это все 19-е февраля!

Да; ненавистникъ—это существо жалкое, почти помѣшанное отъ злобы. Подобною злобой бываютъ одержимы только люди совершенно глухие, и именно потому, что въ ихъ наглухо забитыя головы не можетъ проникнуть никакая связанная мысль, никакое общее представленіе. Въ этомъ смыслѣ, ненавистникъ представляетъ собой психологическое явленіе, весьма замѣчательное; онъ, такъ-сказать, не различаетъ ни прошедшаго, ни будущаго; онъ не можетъ отыскать начала, не можетъ предвидѣть конца; онъ не постигаетъ связи вещей, и потому существующее представляется ему произвольнымъ и разбросаннымъ, въ видѣ мелкихъ оазисовъ, раздѣленныхъ непроходимыми песками. Врядъ ли онъ даже имѣетъ ясное представленіе о томъ, чтѣ называется оте-

чествомъ. Единственное впечатлѣніе, завѣщанное ему прошедшимъ, это впечатлѣніе дароваго куска, который нѣкогда тѣшилъ его утробу; единственное стремленіе его въ будущемъ — это стремленіе къ тому же даровому куску...

И за всѣмъ тѣмъ, надо пожить среди этихъ людей, чтобы убѣдиться, какіе у нихъ здоровые зубы, и какъ ловко они умѣютъ вгрызаться въ тѣла ненавистныхъ имъ субъектовъ!

Говорятъ, будто бы Россія изнемогаетъ подъ бременемъ либеральныхъ поползновеній; говорятъ, что эти поползновенія обуреваютъ ее до такой степени, что даже заставляютъ опасаться за ея драгоценное здоровье. Вотъ-десятъ та причина, въ силу которой дѣлается необходимымъ появленіе такихъ дѣятелей, которые имѣютъ склонность къ зуботычинамъ, и которымъ не безъизвѣстна теорія ежовыхъ рукавицъ. Но спросите, гдѣ доказательства этого мнимо-либеральнаго изступленія, потребуйте, чтобы вамъ указали факты, свидѣтельствующіе объ основательности подобнаго рода опасеній — и вы, видѣто фактовъ и доказательствъ, получите цѣлый рядъ трогательно-нелѣпныхъ рассказовъ объ экипажахъ, мчащихся съ горы въ пропасть, о лошадяхъ, вырвавшихся на свободу и умирающихъ съ голоду, и пр. и пр. Мы, провинціалы, охотно прибѣгаемъ къ образамъ (забывая, что это доказываетъ только нашу непривычку мыслить), до того охотно, что даже не даемъ себѣ труда провѣрить, имѣютъ ли эти образы какое нибудь отношеніе къ данной мысли. Это даетъ намъ возможность уклониться отъ отвѣта, это дозволяетъ намъ безнаказанно клеветать сколько душѣ угодно. Въ самомъ дѣлѣ, что вы можете предпринять послѣ трогательной исторіи объ экипажѣ, мчащемся съ горы въ пропасть? Что, кромѣ того, чтобы вновь потребовать фактовъ и доказательствъ? И вотъ въ отвѣтъ вамъ уже готова легенда объ умирающей съ голоду лошади!... Неправда ли, какъ все просто и незатѣйливо въ этомъ загоддованномъ бругѣ, и какъ хорошо должно житься въ немъ глупцамъ-ненавистникамъ!

Дѣло въ томъ, что фактовъ нѣтъ и представлено быть не можетъ, по той простой причинѣ, что ихъ не существуетъ въ натурѣ. Нелѣпные рассказы о какихъ-то «дѣвкахъ-поганкахъ», требующихъ конституціи, объ отставныхъ солдатахъ и разношцакахъ, посѣвающихъ сѣмена революціи по деревнямъ и селамъ, свидѣлствуютъ только о крайнемъ умственномъ убожествѣ самихъ расказчиковъ. Намѣренія 19-го февраля пали на такую благодарную почву и укоренились въ ней такъ просто и естественно, что тутъ не можетъ быть мѣста ни для опасеній, ни тѣмъ болѣе для нелѣпныхъ рассказовъ о «дѣвкахъ-поганкахъ» и отставныхъ солдатахъ. Россія не только не мечется въ либеральной горячкѣ, не только не требуетъ леченія посредствомъ ежовыхъ рукавицъ, но даже относится къ этому леченію не безъ изумленія, хотя и принимаетъ его безъ ролота. Кажется, этого послѣдняго факта одного уже чрезчуръ достаточно, чтобы опроверг-

нужь какую угодно систему доказательствъ въ пользу появленія дѣателей дантистовъ и ненавистниковъ. И между тѣмъ несомнѣнно, что эти дантисты и ненавистники существуютъ и торжествуютъ, и не только торжествуютъ, но и сознаютъ себя призванными къ чему-то высшему. Что за притча сія?

Чтобы понять, какъ трудно и какъ необходимо разрѣшить эту загадку, потрудитесь, читатель, изъ міра интересовъ общественности перенестись мыслью въ тотъ тѣсный міръ, въ которомъ замкнутся ваши частные интересы. Предположите, что вы задумали предпріятіе, которое не можетъ быть приведено къ концу одними личными вашими усиліями, а требуетъ сотрудничества многихъ другихъ лицъ. Къ кому вы прежде всего обратитесь? не къ тѣмъ ли, которые относятся къ вашему предпріятію сочувственно? не къ тѣмъ ли, которые обладаютъ надлежащею суммой способностей и силъ, необходимыхъ для успѣха вашего дѣла? не къ тѣмъ ли, наконецъ, которыхъ вы, во всякомъ случаѣ, не имѣете повода заподозрить въ лукавствѣ или въ намереніи подкопаться подъ васъ? Да, конечно, къ нимъ, къ этимъ способнымъ и сочувствующимъ людямъ, вы и обратитесь; этого требуетъ и здравый смыслъ и прямая ваша выгода. Законъ, направляющій въ этомъ случаѣ ваши движенія, до такой степени непривольнъ, что если вы, напримѣръ, затѣваете дѣло хорошее, то избираете для него и сотрудниковъ хорошихъ, а ежели затѣваете дѣло дрянное, или, лучше сказать, не дѣло, а только изворотъ, то и дѣателей для него избираете изворотливыхъ, а отчасти даже и гнусныхъ.

Все это до такой степени очевидно, общепонятно и общепринято, что нѣтъ угла въ цѣломъ мірѣ, гдѣ какое-нибудь дѣло дѣлалось бы иначе, какъ при содѣйствіи людей, его понимающихъ, ему сочувствующихъ и къ нему подготовленныхъ. И вдругъ, однакожъ, оказывается, что такіе умы есть, что существуютъ такіа сфера человѣческой дѣятельности, гдѣ теорія самоѣдства признается не только полезною, но даже необходимою!

Неправда ли, что мы имѣли полное основаніе назвать такое положеніе загадочнымъ? Или, по крайней-мѣрѣ, на столько загадочнымъ, что оно не подчиняется никакимъ естественнымъ и разумнымъ объясненіямъ?

Но ежели извѣстное явленіе не подходитъ ни подъ какое логическое объясненіе, то изъ этого слѣдуетъ, что для раскрытія его необходимо прибѣгнуть къ путямъ неестественнымъ. Такъ мы и сдѣлаемъ.

Еслибы у ненавистниковъ не было за душой ничего, кромѣ ненавистничества, то дѣло кончилось бы тѣмъ, что они пожрали бы другъ друга и сами себя, и такимъ образомъ вопросъ о достославной ихъ дѣятельности вскорѣ упразднился бы самъ собою. Но дѣятельность эта продолжается, и заставляетъ предполагать, что тутъ принимались кой-какіа другія данна, кото-

рыя, въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя, смягчаютъ самое ненавистничество и позволяютъ взирать на него безъ негодованія. Данныя эти, какъ увидимъ ниже, чисто внѣшняго свойства, и имѣютъ весьма слабое отношеніе къ сущности 19-го февраля; но такъ-какъ у насъ внѣшность и до сихъ подъ еще всегда на первомъ планѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что тлѣніе, которое за нею стоитъ, ускользаетъ отъ анализа неопытнаго и неискуснаго большинства.

Первое преимущество, которое ненавистникъ охотно выставляетъ впередъ,—это приличная и такъ-сказать дисциплинированная внѣшность. И дѣйствительно, взирая на открытое и розовое лицо какаго-нибудь ненавистника, вслушиваясь въ его умѣренно-пошловатую рѣчь, весь смыслъ которой резюмируется словами: какъ прикажете? вида этотъ учтивый носъ и эти ласковые, слегка закатывающіеся глаза, которые, кажется, такъ и говорить: «на вѣкъ я твой и даже больше!» всматриваясь въ его плавную, преданно-спѣшащую походку, въ его мягкій, нѣсколько безцвѣтный жестъ, и не усматривая при томъ въ положеніи его тѣла ничего, кромѣ благодарно-устремляющагося и готовно-державшаго,—вамъ даже въ голову не придетъ сказать: вотъ человѣкъ, у котораго въ сердцѣ завелось укусное гнѣздо, у котораго въ головѣ засѣла каверза, у котораго внутренности поражены гноящимися струпами! Напротивъ того, вы скажете: вотъ обворожительный малый, который отлично владѣетъ французскимъ діалектомъ, и у котораго притомъ изъ всѣхъ поръ сочтиса потъ готовности и признательности! И однажды сказавъ себѣ это, вы невремѣнно почувствуете къ этому человѣку влеченіе, и начнете относиться къ нему съ упорнымъ пристрастіемъ. Незрелость его вы назовете наивностью, невѣжество — простодушіемъ, незнаніе дѣла — неопытностью; даже въ его лукавствѣ вы будете видѣть не то вредное качество, которое и въ животныхъ низшаго разряда возбуждаетъ отвращеніе, а милую изобрѣтательность не очень обширнаго, но благонамѣренно направленаго ума. Все въ этомъ субъектѣ очаровываетъ ваши взоры, все влечетъ къ нему, все говорить: вотъ человѣкъ, съ которымъ пріятно и легко имѣть дѣло! Вы не замѣтите ни той судороги, которая по временамъ мгновенно пробѣжитъ по его лицу, ни тѣхъ подергиваній, ни того воздыманія ноздрей, въ которыхъ собственно и заключается ключъ къ его сердцу. Передъ вами будетъ только человѣкъ съ мягкими, смѣющимися глазами, съ устремленнымъ впередъ корпусомъ, однимъ словомъ, человѣкъ, котораго можно намотать на клубокъ и опять разматывать — какъ угодно! Ну, не кладъ ли такой субъектъ! И возможно ли сравнить его съ тѣми угрюмыми личностями, которыя не только не устремляются, но даже какъ будто назадъ опрокидываются? Нѣтъ, ни сравнить, ни промѣнять ни на что подобное невозможно — это ясно, какъ день. Это тѣмъ болѣе ясно, что каверзы, которыя выкидываетъ очаровательный ненавистникъ,

совершаются не на глазахъ вашихъ, а тамъ, за кулисами, на какомъ-то заднемъ дворѣ...

И вотъ, благодаря граціознымъ манерамъ, прахъ, простой и ничтожнѣйшій прахъ, столбомъ и свободно подымается кружится по градамъ и веселъ любезнаго отечества, заглѣпя глаза и носы изумленнымъ обывателямъ!

Другой фактъ, на который сильно упирають ненавистники, и которымъ они въ особенности отводятъ глаза, заключается въ буквальный соблюденіи обрядной части 19-го февраля. На счетъ обрядовъ, ненавистникъ просто левъ; и ему тѣмъ легче геройствовать на этомъ поприщѣ, что самое пониманіе его не идетъ дальше обряда, что все воспитаніе его исключительно основано на обрядѣ, и что у него пропасть свободнаго времени, избытокъ котораго позволяетъ ему слѣдить за обрядомъ съ пунктуальностью изумительною. Мундиры, парады, обѣды, молебны — вотъ почва, на которой твердо стоятъ ненавистникъ, и плохо придется тому, кого проницательный взоръ его усмотритъ на этой почвѣ небрежнымъ или неисправнымъ. Нужды нѣтъ, что тутъ же, въ этомъ самомъ мундирѣ, ненавистникъ измышляетъ пакость тому самому дѣлу, въ пользу котораго онъ парадно вырядился — повторяемъ: эта пакость совершится за кулисами, на заднемъ дворѣ, на сценѣ же будутъ красаваться всѣ внѣшніе признаки преданности дѣлу, на сценѣ будетъ обрядъ, а много ли найдется людей, которые сумѣютъ отличить обрядъ отъ сущности? И такъ: горе тому, кто оплошалъ въ мундирный день! горе тому, кто въ день сей страдалъ головою болью или коликами! горе тому, кто просто позабылъ о происходящемъ торжествѣ, а усмотрѣвъ былъ во время онаго гуляющимъ! Тысячи обвиненій, одно другаго нелѣпѣе, одно другаго зловреднѣе, посыплются на его голову, и ежели не поразятъ окончательно, то навредятъ и нагадятъ на столько, что человѣку опротивѣетъ не только провинція, но и самая дѣятельность, на которую онъ въ ней осужденъ.

Да; вотъ и дрянные, повидимому, людишки, а подите-ка, уберегитесь отъ ихъ бѣлыхъ, поганныхъ зубовъ! устояте-ка противъ ихъ козней, несмотря на явную нелѣпость и глушость послѣднихъ!

Читателю петербургскому всѣ эти неудобства и каверзы провинціальной жизни могутъ показаться паршивыми дразгами — не больше. Многого изъ нихъ онъ не пойметъ, о многомъ скажетъ, что все это дѣла не стоющія плевка. Конечно, съ своей точки зрѣнія, петербургскій читатель будетъ правъ; конечно, каверзы наши паршивыя; конечно, затрудненія наши не стоятъ плевка; все это такъ, и возражать противъ этихъ истинъ никто не станетъ. Но представьте же себя, такъ-сказать, водвореннымъ среди этихъ паршивостей, представьте, что, несмотря на ваше отвращеніе къ нимъ, вы ни отбиться, ни от-

махаться отъ нихъ ни подь какимъ видомъ не можете, представьте, что вы вошли въ тучу комаровъ, которые и жужжаніемъ и жалѣніемъ до того одолѣваютъ васъ, что даже парализируютъ самую вашу мысль — какъ отнесетесь вы къ подобному положенію? Прибѣгнете ли вы къ тѣмъ высшимъ соображеніямъ, въ виду которыхъ это положеніе не стоитъ плевка? Назовете ли его именемъ дразговъ?... Да, это дѣйствительно не больше, какъ дразги, но потому-то именно они такъ больно и вліяютъ на человѣка, что ужъ черзчуръ паршивы. Смириться передъ ними — вѣтъ резона; уединиться среди ихъ — тѣмъ дряннѣе и омерзительнѣе встанетъ передъ вами картина этой властной и торжествующей паршивости. Однимъ словомъ, для провинціи, это вопросъ совѣтъ не пустой, а вполне жизненный и совершенно неизбѣжный. Шпіонство, наушничество и вольный доносъ до того одолѣли ее, что некуда дѣваться порядочному человѣку, нельзя совершить самаго простаго акта, чтобы не подвергнуться всякаго рода зло-вреднымъ толкованіямъ.

И сверхъ того, не надо забывать, что эта паршивость не потому только вредная, что она заѣдаетъ того или другаго субъекта, но и потому, что она врѣзывается въ самую жизнь, расклѣвываетъ наилучшія намѣренія и подрываетъ дорогое всѣмъ дѣло. Не надо забывать, что это паршивость, нелишенная атрибутовъ силы, а потому дѣйствующая самоувѣренно и почти безъ возраженій. Но это-то именно и не понимается въ Петербургѣ, и потому всякое, даже слабое противодѣйствіе ненавистничеству представляется тамъ какою-то неумѣстною, швольническою строптивостію.

Вообще, Петербургъ не охотникъ до такъ-называемыхъ пререканій; они кажутся ему вредными; они тревожатъ его олимпийское спокойствіе; они мѣшаютъ ему думать, что въ любезномъ отечествѣ все обстоитъ благополучно. Петербуржцу кажется, что стоитъ какому-нибудь Ивану Иванычу хорошенько подаловаться съ Иваномъ Никвфорычемъ — и все пойдетъ какъ по маслу. Помилуйте! вѣдь это все преувеличенія! вы тамъ деретесь, а мы должны изъ-за вашихъ ничтожныхъ дракъ оставлять наши общія соображенія! вотъ что обыкновенно слышитъ страдалецъ-провинціалъ отъ любаго петербуржца, которому вздумаетъ повѣдать повѣсть своихъ провинціальныхъ затрудненій. И никакъ не убѣдится глубокомысленный петербуржецъ, что есть же причина, которая обусловливаетъ эту организованную драку, и что ежеси тутъ на первомъ планѣ пустяки, то это именно тѣ пустяки, которые необходимо устранить, ибо они загораживаютъ дѣло, то живое и кровное дѣло, которое дѣлается отнюдь не въ одномъ Петербургѣ, а въ провинціи.

Надо сознаться, что въ послѣдніе три-четыре года въ провинціальной жизни выработалось много не весьма хорошаго, и между прочимъ, явилась на свѣтъ цѣлая система обвиненій, противъ которыхъ предполагаются невозможными никакія возраже-

нія. Таковы, напримѣръ, обвиненія въ нигилизмѣ, въ коммунизмѣ, въ демократизмѣ, въ безвѣріи и т. п. Обвиненія, при извѣстныхъ условіяхъ и при общей сбивчивости понятій объ истинномъ смыслѣ ихъ, очень вѣскія. Спросите любого ненавистника, что онъ разумѣетъ подъ этими выраженіями, которыми онъ сыплетъ на право и на лѣво — онъ навѣрное разинетъ ротъ или понесетъ совершеннѣйшую чепуху. Но дѣло въ томъ, что ему совсѣмъ и не важно знать, какое значеніе имѣетъ то или другое выраженіе; для него достаточно быть увѣреннымъ, что есть на свѣтѣ такіе сладкіе термины, которые позволяютъ ему стрѣлять въ упоръ, и вотъ онъ пострѣливаетъ, да пострѣливаетъ-себѣ полегоньку, отнюдь не сомнѣваясь, что выстрѣлы его рано или поздно достигнутъ-таки надлежащей цѣли. Положимъ, напримѣръ, вы доказываете ненавистнику, что не дозволительно доводить крестьянъ до разоренія подъ благовиднымъ предлогомъ казеннаго интереса, съ дѣйствительною же цѣлью, пускай дѣшкать знаютъ поганцы, какова сладка хваленая ихъ свобода! и вотъ, вмѣсто отвѣта, въ васъ стрѣляютъ обвиненіемъ въ коммунизмѣ! Или, положимъ, вы доказываете необходимость и пользу независимости судовъ, пользу, признанную закономъ, а въ васъ, вмѣсто отвѣта, стрѣляютъ обвиненіемъ въ безвѣріи! Что предпримете вы противъ такихъ обвиненій? Станете ли возражать, что между коммунизмомъ и правильнымъ ходомъ крестьянской реформы, между безвѣріемъ и независимостью судовъ нѣтъ никакой связи? но развѣ тутъ можетъ быть рѣчь о какой бы то ни было связи? Развѣ тутъ что-нибудь требуется, кромѣ обвиненія, кромѣ гнуснаго голословнаго обвиненія? Да; это положеніе почти безнадежное...

Есть, впрочемъ, одна сила, которая могла бы удерживать ненавистниковъ въ предѣлахъ благопристойности, ежели бы ей было дано надлежащее развитіе, и ежели бы она сама сознавала, какъ много она значить, и какъ много можетъ. Эта сила — печать.

Не можно вообразить тѣхъ проявленій, которыми осыпается въ провинціи бѣдное печатное русское слово, но въ то же время трудно себѣ представить трепетъ болѣе почтительный, нежели тотъ, съ которымъ ожидаетъ ненавистникъ печатной кары своимъ злоумышленіямъ. Совершивши свинство, ненавистникъ долгое время проводитъ въ весьма нелегкихъ терзаніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ завелась такъ-называемая спасительная гласность, жизнь значительно опостылѣла ненавистнику. Гг. Катковъ, Аксаковъ, Свворцовъ и проч. кажутся ему не просто смертными, а какими-то недремлющими волшебниками, которые невидимо присутствуютъ при всякомъ паскудномъ дѣяніи, и отъ которыхъ бесполезно было бы даже что-нибудь тайтъ. Они все видятъ, все знаютъ, все предугадываютъ. И вотъ, въ виду этого всевѣдѣнія, за содѣяннымъ свинствомъ всегда наступаетъ для ненавист-

нива рядъ дней томительнаго ожиданія кары, ожиданія болѣе тяжкаго, нежели самая кара. «Не можетъ быть, чтобъ меня не сказнили!» резонно твердитъ собѣ ненавистникъ, и содѣянное свинство во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ встаетъ въ его воображеніи, а дни полученія газетъ становятся днями трепета и невыносимѣйшихъ нравственныхъ истязаній.

Само собой разумѣется, что въ большинствѣ случаевъ эти ожиданія только трепетомъ и разрѣшаются; но велико бываетъ смятеніе въ тѣ рѣдкіе и памятные дни, когда и въ самомъ дѣлѣ въ одной изъ газетъ появляется краткое извѣстіе о нашихъ секретныхъ и явныхъ дѣяніяхъ.

Представьте себѣ фізіономію ненавистника, который вдругъ вычитываетъ изъ газетъ, напримѣръ, слѣдующее извѣстіе:

Наилучшій способъ употребленія пожарныхъ лошадей. Изъ города Окова пишутъ: «пожары въ нашемъ городѣ, благодареніе Богу, рѣдки, и вотъ мѣстные распорядители, чтобъ не лишить пожарныхъ лошадей полезнаго моціона, придумали ссужать ихъ подѣ кавалькады туземнымъ аристократамъ. Недавно одна изъ такихъ кавалькадъ красовалась по улицамъ города, и обыватели имѣли случай убѣдиться, что лошади эти выѣзжены подѣ верхъ весьма удовлетворительно».

Или:

Особенный видъ благотворительности. Изъ Окова пишутъ: «Недавно цѣлѣ нашего аристократическаго общества давалъ съ благотворительною цѣлью любительскій спектакль. При этомъ способъ привлеченія публики былъ избранъ хотя и не новый, но весьма оригинальный: билеты навязывались обывателямъ подѣ угрозой мести; сказываютъ даже, будто нѣкоторые извозчики получили по нѣсколькѣ билетовъ, и были въ большомъ затрудненіи, въ какихъ костюмахъ явиться на драматическій фестиваль. Однимъ словомъ, явился новый, неожиданный налогъ».

Нельзя, конечно, сказать, чтобы замѣтки эти были очень ядовиты или глубоко захватывали наши провинціальныя немощи (а такими-то именно и являются почти всѣ журнальныя извѣстія о провинціи), тѣмъ не менѣе онѣ, несмотря на свою невинность, производятъ дѣйствіе довольно существенное. Видя себя застигнутымъ, ненавистникъ нѣкоторое время смотритъ совершеннымъ имаминникомъ. Онъ чаще обыкновеннаго появляется въ публику, и хотя старается игнорировать о поднесенномъ сюрпризѣ, но въ то же время озирается и ищетъ. Онъ перебираетъ въ умѣ своемъ всѣ личности, которыхъ можно заподозрить въ знаніи ореографіи и знаковъ препинанія; онъ подслушиваетъ, подсматриваетъ, подсылаетъ; онъ то нападаетъ на слѣдъ, то теряетъ его... Конечно, ежели виновникъ обнаружится, то и онъ въ свою очередь не останется безъ сюрпризовъ весьма существенныхъ, тѣмъ не менѣе можно поручиться навѣрное, что кавалькады уже

не повторятся, и что аристократамъ города Окова уже не придется щегольнуть передъ извозчиками богатствомъ блондъ и кружевъ. Что жь, и это результатъ хоть куда! По крайней-мѣрѣ, извозчики за насъ, бѣдныхъ литераторовъ-обывателей, Богу помолютъ!

Но ежели таковъ результатъ обличеній мелкихъ и случайныхъ, то можно себѣ вообразить, во сколько кратъ онъ былъ бы дѣйствительнѣе, еслибъ эти обличенія повторялись почаще (этакъ черезъ день по ложкѣ), или — что гораздо важнѣе — еслибы эти обличенія затрогивали самый строй провинціального быта и выводили наружу тѣ немнслимыя ни въ какомъ цивилизованномъ обществѣ противорѣчія, въ которыхъ мы путаемся на каждомъ шагу.

Н. Гуринъ.

- профес. *А. Эмелгардта*. — Путешествіе по Амуру и Восточной Сибири *А. Мичи*, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій *Г. Родде*, *Р. Маака* и др. — Путешествіе въ Южную Америку. *И. И. Чуди* 63
- XI. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — МИСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ. (*Spiritual Wives*. By William Hephworth Dixon. London. 1868). (*Статья вторая и послѣдняя*) 95
- XII. — ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ. — РУССКАЯ ОПЕРА. Послѣднія новости: «Орфей» Глюка и возобновленная «Жизнь за Царя» Глинки. **Петербургскаго жителя** 132
- XIII. — СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. Бюджетъ на 1868 годъ: несбывшіяся надежды и напрасныя опасенія; почему бюджета нельзя сократить? Изъ чѣхъ суммъ составляется бюджетъ? — Отчетъ государственнаго контроля — цифра дефицита, и нѣсколько словъ о дѣятельности, составѣ и значеніи контроля. — Весеннія чувства и картины. — Увеселительная поѣздка въ Венецію. — Поѣздка по Россіи. — Корреспонденты. — Земскія управы и управскій хлѣбъ. — Возмущеніе и усмиреніе крестьянъ. — Блестящій ученый диспутъ. — Какая перспектива ожидаетъ наши университеты? — Можетъ ли законное быть незаконнымъ и на оборотъ? — Женскій вопросъ въ Москвѣ. — Полиція отъ обывателей . 138
- XIV. — ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Письмо третье. **Н. Гурина** 156

Листокъ опечатокъ къ «Очерку Статистики народовъ и государствъ».

Объявленія: отъ музыкальныхъ магазиновъ: **М. Бернарда** и **А. Битнера**; отъ книжныхъ магазиновъ: **В. Е. Генделя** и **С. В. Звонарева**.

** Дальнѣйшее печатаніе романа «Старая и юная Россія» приостановлено по желанію автора, нашедшаго нужнымъ вновь пересмотрѣть нѣкоторыя главы.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ
1868 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30
печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки:
15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкой:
16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ** Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

въ **ОТДѢЛЕНІИ КОНТОРЫ:**

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ **КОНТОРѢ** «Отечественныхъ Записокъ», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загражскаго, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ *Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ШЕКСПИРА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(съ портретомъ Шекспира, гравированнымъ въ медь.)

Изданіе **Н. А. НЕВРАСОВА** и **М. В. ГЕРБЕЛЯ**.

Четыре тома, въ 182 листа (2112 стр.) большого формата, изъ которыхъ каждый равняется 2½ листамъ «Отечественныхъ Записокъ».

Содержаніе. Томъ I. «Литература и театръ въ Англіи до Шекспира». Статьи В. П. Боткина. 1) «Коріолянъ» и 2) «Король Лиръ», въ пер. А. В. Дружинина, 3) «Отелло» и 4) «Тимонъ Аѳинскій», въ пер. П. И. Вейнберга, 5) «Сонъ въ Иванову ночь», въ пер. Н. М. Сатина, 6) «Много шума изъ ничего», 7) «Макбетъ» и 8) «Двѣнадцатая ночь», въ пер. А. И. Кроненберга и 9) «Юлій Цезарь», въ пер. Д. Л. Михайловскаго.

Томъ II. 1) «Гамлетъ», въ пер. А. И. Кроненберга, 2) «Вуръ», въ пер. Н. М. Сатина, 3) «Троилъ и Крессида», 4) «Ричардъ II», 5 и 6) «Генрихъ IV», части 1-я и 2-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 7) «Ромео и Джульетта», въ пер. Н. П. Грехова, 8) «Усмиреніе своенравной», въ пер. А. Н. Островскаго и 9) «Король Джонъ», въ пер. А. В. Дружинина.

Томъ III. 1) «Генрихъ V» и 2, 3 и 4) «Генрихъ VI», части 1-я, 2-я и 3-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 5) «Ричардъ III», въ пер. А. В. Дружинина, 6) «Венеціанскій купецъ», 7) «Генрихъ VIII» и 8) «Какъ замъ будетъ угодно», въ пер. П. И. Вейнберга и 9) «Антоній и Клеопатра», въ пер. Л. О. Корженевскаго.

Томъ IV. «Валліамъ Шекспиръ», біографія, составленная П. Н. Полевымъ. 1) «Зимняя сказка» и 2) «Периклъ», въ пер. А. Л. Соколовскаго, 3) «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ», 4) «Виндзорскія прованцы», 5) «Комедія Ошибокъ» и 6) «Безплодная усмія любви», въ пер. П. И. Вейнберга, 7) «Цамбелія» и 8) «Мѣра за мѣру», въ пер. В. Миллера, 9) «Тятя Андрушиль», въ пер. А. И. Рыкова и 10) «Два веронца», въ пер. В. О. Миллера.

Цѣна за томъ — **3 руб., 50 коп.** *Первый томъ отдѣльно не продается.*

и
т
о
г
а

